
ЗОЛОТАЯ ПОЛКА ФАНТАСТИКИ
Сергей ПАВЛОВ
Сергей
ПАВЛОВ

ЗОЛОТАЯ ПОЛКА ФАНТАСТИКИ

Сергей ПАВЛОВ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Сергей ПАВЛОВ

ВОЛШЕБНЫЙ ЛОКОН АМПАРЫ

ЧЕРДАК ВСЕЛЕННОЙ

КОРОНА СОЛНЦА

АКВАНАВТЫ

АМАЗОНИЯ, ЯРДАНГ ВОСТОЧНЫЙ

НИЖНИЙ НОВГОРОД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФЛОКС»
1993

ББК 84.Р7
П12

Роман
«Волшебный локон Ампары»
написан
СЕРГЕЕМ ПАВЛОВЫМ и НАДЕЖДОЙ ШАРОВОЙ

Художник **В. ХАБЕРЕВ**

Павлов С.

П12 Избранные произведения. Волшебный локон Ампары. Чердак Вселенной. Корона Солнца. Акванавты. Амазония, ярданг восточный: Фантастическая проза.— Нижний Новгород: Флокс, 1993 — 458 с.: ил.

ISBN **5-87198-031-7**

В книгу избранных произведений известного российского писателя-фантаста, лауреата премии «Аэлита» Сергея Павлова вошли уже известные и только что написанные произведения.

П $\frac{4702010201\text{-}013}{Д\ 40(03)\text{-}93}$ без объявл. **ББК 84.Р7**

ISBN **5-87198-031-7**

© Составление, оформление. Издательство «Флокс», 1993

ВОЛШЕБНЫЙ ЛОКОН АМПАРЫ

Фантастический роман

КНИГА 1

Экседра черного попугая

(ТРЕВЕР 1001-Й)

«Чем опытнее дальнодей, тем рискованнее каждый его следующий тревер».

Мнение опытного дальнодея

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДЕНЬ СТЕРХА

ПОБЕГ

Странную, если не сказать бредовую мысль выпрыгнуть из экспресса над Финшельскими островами Кир-Кор сразу отнес к разряду очень рискованных. Что, однако, не помешало ему тут же пристроиться к цепочке слампероп — в затылок последнему из двадцати — и вместе с ними спуститься по рифленому настилу пандуса в подпалубное пространство. Маневр удался. Никто, по-видимому, и не заподозрил, что в цепочке образовалось лишнее звено,— ни глядевшие вслед пассажиры, ни сами слампери,— в компании молодецки скроенных высотников Кир-Кор, втянув голову в плечи, существенно не выделялся ростом. Даже одежда выглядела одинаково: в этом году на Земле утвердились в моде глянцевито-белые рубахи с расширенными в пройме рукавами и брюки с узорчато-серебристым шитьем. Кир-Кор старался не думать о том, что будет, если побег состоится.

«Будет МАКОД,— подсказал внутренний голос. И добавил: — Первая статья, девятый параграф».

«Но все это — завтра,— подумал Кир-Кор.— А сегодня пусть болит голова у функционеров Лавонгайского экзархата».

Лаз кончился трапом, зажатым в стенах металлического колодца. Грохоча по ступенькам, группа ссыпалась вниз. Не было обычных в такой обстановке шуток и разговоров, люди ежились от леденящего сквозняка. На промежуточной площадке Кир-Кор увидел сквозь жалюзи смотровой щели трюм, забитый сектейнерами; нижние рамы грузодвижных платформ были охвачены белыми языками инея, словно белым огнем.

Гул водородотопливных реакторов, холод и близкий уже момент выхода в стратосферу действовали мобилизующе. Цепочка людей шагала в ногу дисциплинированно, молча, стараясь быстрее пройти между обындевелыми стенами нижнего коридора. Густо валил пар дыхания. Руководитель группы, бритоголовый тяжелоатлет, решил приободрить своих подопечных: стал пропускать их вперед, жизнерадостно шлепая по напряженным от холода спинам. Шлепок, второй, третий, четвертый... После десятого Кир-Кор с легкой грустью подумал о своей неготовности к объяснениям с администрацией экспресса. Если бритоголовый подойдет слишком близко... «Ах, маракас меня побери»,— подумал Кир-Кор, силясь вспомнить, как называют слампер ы своего вожака.

Слишком близко бритоголовый не подошел: ознобливо передернув тяжелоатлетическими плечами и утратив вдруг всю свою жизнерадостность, он снова возглавил цепочку. Кир-Кор оценил подарок Фортуны. Наспех задуманная попытка сбежать с небес на грешную поверхность святой планеты могла иметь теперь продолжение. Разумеется, продолжение будет зависеть еще от уймы всяческих обстоятельств. И не в последнюю очередь от того, входит или не входит в комплект снаряжения группы хотя бы один запасной слампсьют.

Холодный длинный коридор перешел в длинную и тоже довольно холодную экипировочную, в глаза сразу бросилась алая цифра «20» на табло контрольно-счетного пропускника. Кир-Кор обвел взглядом бортовые щели стоп-гильотин, бесшумно вскочил на гребень борта и, с проворством канатоходца преодолев всю длину поручня, мягко спрыгнул. Никто из цепочки не оглянулся. Тогда оглянулся Кир-Кор. На табло регистратора по-прежнему сияла цифра «20». Система пропускной автоматики была примитивна, как дубина палеоантропа.

В затуманенной дыханием слампер ов перспективе Кир-Кор увидел правосторонний ряд ниш. Судя по «хвостовым» номерам, количество ниш вдвое превосходило число сегодняшних кандидатов в добровольные самоубийцы,— лишних слампсьютов было сколько угодно. В каждой нише — красный штатив, а на каждом штативе — желто-зеленый, как недозрелый банан, длинный мешок. «Бху! — непонятно скомандовал руководитель, и экипировочная опустела. Кир-Кор прыгнул в сторону одновременно со всеми и в нише под номером «21» налетел на жесткий, холодный цилиндр туго скатанного мешка. Быстро огляделся. В боковых зеркалах отразились озабоченное лицо и русоволосый затылок высотника-самозванца.

Надо было срочно извлекать из памяти экипировочные приемы слампера (в остальных нишах люди ведь даром времени не теряли). А вспоминать он мог, увы, только эпизоды фильма «Крылья север-

ного сияния». Был такой — о мастерстве спортсменов-высотников. Года три-четыре назад... Непроизвольно вспомнилось слово «джирг». Кир-Кор надавил ногой педальку штатива: мешок странно дернулся и лопнул вдоль, как стручок. Джирг на языке слампе-ров — лидер.

Шелковисто шурша, из мешка полезло оранжевое содержимое. Кир-Кор встал к штативу спиной, сунул ноги в мунбуты и, подра-жая героям фильма, поднял руки. Лапки манипуляторов сноровисто опутали его тело мягкими (а кое-где и не очень) фрагментами экипировки, зарастили двухслойные швы. Автомат нахлобучил ему на голову гермошлем, защелкали и зашипели контрольные клапаны баллончиков газового обеспечения. После этого надо было не мешкая придать жесткость спиноплечевым тяжам слампсьюта. Он нашарил включатель на левом плече. Повернул. Произошло неприятное шевеление между лопатками... Рывок. Шевеление прекратилось. Наверное, все... В боковых зеркалах отражалось круглоголовое чучело в оранжевом спецкостюме с нелепо отто-пыренными и отвислыми на боках складками. За спиной — нечто вроде торчащих выше головы штыков большого трезубца. «Штыки» заканчивались блестящими шарами величиной с кулак. У слампероВ из «Северного сияния», помнится, был один штырь с блестящим раструбом. И никаких шаров...

Сзади лязгнуло. Гардеробный штатив куда-то исчез — ниша словно углубилась. Кир-Кор подвигал плечами под тяжами непри-вычной экипировки. В левом боку вдруг заныл предупредительный зуммер. Зуммерило настойчиво и тревожно. Не понимая сигнала, Кир-Кор попытался прощупать звучатель сквозь складки слампсью-та в районе левого подреберья. Зуммер не унимался. Это могло плохо кончиться... Торопливо включая на себе все, что попадало под руки слева, он наткнулся на регулятор мощности проблескового маяка — в зеркалах полыхнула яркая вспышка и вокруг поплыли красные, черные и зеленые пятна. Кир-Кор машинально опустил лицевое стекло.

Когда вернулось нормальное зрение, он увидел перед собой фигуру, похожую на кипу сильно помятых оранжевых покрывал; из глубины гермошлема сверкали глаза руководителя группы. Неуклюже поводя шарами торчащего над головой «трезубца», джирг что-то сказал на жаргоне высотников. Наверное, что-нибудь нехорошее. Кир-Кор молча ожидал приказа поднять лицевое стек-ло (зеркальный слой солнцезащитного отражателя — вот все, что отделяло лжеслампера от скандала). Джирг показал самозванцу кулак и сорвал с груди его спецкостюма четыре «липучки» — четыре искристо-серых кружка, по неведению принятых самозван-цем за люминесцентные катофоты. Зуммер умолк. Самозванец бесцеремонно был повернут лицом к задней стенке, после чего

ощутил толчок в спину и удар ниже. Определить отношение к этому очень новому для себя ощущению он не успел: задняя стенка унеслась в потолок перед самым носом — Кир-Кор по инерции выскочил в стартовую галерею. Следом выпрыгнул джирг — и оба примкнули к шеренге стоящих на старте фигур.

До момента разгерметизации оставались секунды — шел обратный отсчет, равномерно мигали цифры вперемежку с красными светосигналами. Ничего, кроме гула реакторов, не было слышно. Кир-Кор ощутил, как сжал его со всех сторон внезапно взбухший слампсьют. Оранжевые фигуры в шеренге тоже набухли. Палуба резко ушла из-под ног, его опрокинуло и, ослепив солнцем, вынесло в очень глубокое, синее-синее, фиолетово-черное, звездное, нежно-голубое, сказочной красоты необозримое пространство. Гул сразу стих.

В свободном падении Кир-Кор специальным приемом для невесомости перевернулся на спину и какое-то время наблюдал, как в фиолетово-черном небе земной стратосферы величественно отплывает к востоку громадный, будто остров, голубовато-серый полумесяц беспосадочного стопятидесятивосьмиреакторного субэкваториального экспресса «Восточный» — всхолмленное водородными секциями суперкрыло.

Правосторонняя аппарель этого исполина стряхнула вниз десяток блистающих на солнце капель. «Финшельские авиамодули,— догадался Кир-Кор.— Фестивальный десант, так сказать». Полная коммерческая загрузка одного авиамодуля — двести тридцать пять человек на борту,— значит, экспресс «Восточный» покинуло одновременно чуть ли не четверть его пассажирского контингента. Плюс двадцать спортсменов-высотников. «Плюс один нарушитель первой статьи»,— объективности ради дополнил внутренний голос.

Эскадрилья авиамодулей, расправляя крылья над живописной стайкой высотников, приветствовала группу веерами зеленых сигнальных лучей,— слампперы ответно салютовали красными вспышками маяков. Кир-Кор салютовал с гнетущим чувством вины. Знал: все, кто сегодня обслуживает местные рейсы на трассе беспосадочного экспресса, несколько часов спустя будут так или иначе потревожены спецслужбой МАКОДа.

Впрочем, знал и другое: по-настоящему туго придется только ему самому. Спецслужба сделает все, чтобы найти беглеца как можно скорее. Эти парни вывернутся наизнанку — но к утру он должен быть у них в руках,— иного варианта они просто не допускают. И чем позже произойдет арест — тем опаснее. Ведь в принципе им ничто не мешает объявить его вне закона. Согласно МАКОДу. Не дожидаясь, когда он успеет (или не успеет) нарушить остальные статьи. Функционерам МАКОДа представится возможность пустить в ход оружие, и неизвестно, какие выводы для себя

они из всего этого сделают... Эрк-Гильом был убит в Куско, Фан-Жой — в Нью-Йорке, Сан-Ли — в Амстердаме, Фаб-Нарт — в Москве, Куу-Хорт распрощался с жизнью в окрестностях Наблуса, Олу-Фад стал жертвой провокации пейсмейкеров и в конце концов погиб в Рабате при до сих пор не выясненных обстоятельствах, Дав-Лот застрелен в Кейптауне. С МАКОДом шутки плохи. Если это, конечно, «работа» МАКОДа... Ладно, завтра посмотрим. До завтра еще есть сегодня. Которое, кстати заметить, тоже не безмятежно, поскольку в данный момент приходится падать вниз головой из стратосферы в неоглядную синеву Индийского океана и, как минимум, следует пожелать себе удачного приземления. Приземление будет удачным. После того, как джирг сорвал липучки с объективчиков подстраховывающих устройств, сомневаться в удаче абсолютно уже невозможно. В крайнем случае, можно сесть на воду. Без практических навыков стратосферного прыгуна лучше всего будет сесть на воду. Рядом с каким-нибудь островком. Подальше от джирга. Подальше от слампероп. Иначе возникнет нужда выяснять отношения с ними на финише, чего не хочется делать в силу очень многих причин.

Внутри гермошлема неслышно заработала воздуходувка, повеяло теплом. Это чтобы не было обмерзания лицевого стекла. Кир-Кор перевернулся лицом вниз и уловил взглядом у верхнего среза лицевого стекла бегущую, как муравей, цифру «20». С высоты двадцати километров океан выглядел гладким. Гладкая неопределенность с мутными краями атмосферной сини. Вместо четкой линии нечто вроде пунктирной полосы опалового марева.

Пламенеющие на солнце фигурки высотников обзавелись уродливыми горбами,— настал момент формирования крыла. Кир-Кору было известно, что улетевшее на восток водородное суперкрыло берет высоту до тридцати километров. Предстояло узнать, на какой высоте работает спортивное миникрыло, надутое гелием.

Скорость падения нарастала с каждой секундой. Пронизывая, словно метеор, сильно разреженный воздух, Кир-Кор мог только догадываться, о чем переговариваются падающие по соседству слампсры. Включить связь он не мог: контрольные мониторы внизу обязательно обнаружат двадцать первого абонента и наверх пойдут недоуменные запросы.

Муравьиным аллюром пересекла поле зрения цифра «17». Заверещали мембраны баллончиков высокого давления, зашипели редукторы, Кир-Кор ощутил нагрузку на плечевые тяжи и поясные амортизаторы. Вспухли, раздаваясь вширь, горбы на слампсрских спинах: в пространстве поплыли бугристые розовые треуголки. Неожиданно и красиво. Он тоже словно поплыл по широкому кругу. Плавный, неторопливый полет изумил и обрадовал его новизной ощущений. Свободный полет вольного воздухоплавателя.

Кир-Кор рассмеялся. Ему еще не доводилось летать на гибриде пляжного зонтика и надувного матраца. По новастринскому календарю сегодня день стерха. Забавно было отметить день стерха уроком воздухоплавания.

Пунктирная полоса опалового марева вдруг накренилась и стала поворачиваться слева направо. Чтобы остановить вращение, Кир-Кор развел руки и ноги в стороны и заметил, что небо уже сменило фиолетово-черный цвет на густой темно-синий. Армированная блескучими прожилками пухлая розовая оболочка крыла чрезмерно пружинила, скрипела, гулко резонировала. В поиске удобной позы в чувствительных амортизаторах подвески он выгибался, инстинктивно перебирал ногами, пробовал поворачивать регулятор центра тяжести (баллончики из-под гелия кротами сновали вдоль спины туда-обратно). Издавая гулкие скрипы, крыло дрожало в потоке ветра, как испуганный конь, ежесекундно подламывалось то в правом кончике, то в левом, охотно кренилось, и надо было учиться укрощать капризную конструкцию буквально на лету. Несколько ободряло то обстоятельство, что первые слампер начинали с лыжных прыжков в ледяные пропасти Гималаев. Большая все-таки разница...

После долгой борьбы за устойчивость крыло удалось подчинить. Проводив взглядом цифру «12», любезно представленную калькулятором высоты, Кир-Кор отметил, что скорость снижения еще довольно велика. Он обежал глазами окрестности и не увидел ни одной треуголки. Это его поразило. Казалось, недавно высотники реяли поблизости стаей фламинго. Озираясь, он неосторожно подломил несущую плоскость почти на треть — чем спровоцировал сильнейший крен — и только после этого высмотрел далеко на востоке две розовые черточки. И тут же их потерял — внимание отвлекла цифра «11».

Крыло не торопилось выпрямить жуткий загиб, угрожающе рыскало, норовило скользнуть вниз левым винтом. Назревал штопор, и самозваному воздухоплавателю нечего было этому противопоставить, кроме новоприобретенного летного опыта. Недостаток опыта он компенсировал отвагой воздушного акробата (с поразительно скромными результатами). Наконец загиб выпрямился с гулким треском, как парус. Кир-Кор перевел дыхание, но скоро ощутил напор ветра и понял, что угодил на своем летательном аппарате в мощную струю воздушного высотного течения и теперь стремглав несется куда-то... Куда-то в юго-западном направлении. Калькулятор отметил запас высоты цифрой «10». Слампер сказал бы: «Зюйд-вест на десятке». Кажется, впрочем, больше вест, чем зюйд.

В раскрытый гермошлем плеснуло холодом. «Я отстал от группы или она от меня?» — задал себе Кир-Кор чисто риторический

вопрос. Его беспокоило направление ураганного ветра. Если его подхватил не тот воздушный поток, куда была нацелена группа, дело осложнялось. Экстравагантный побег грозил обернуться длительным одиночеством среди волн открытого океана. Положение становилось просто опасным... Что ж, никто не принуждал его прыгать, борт экспресса он покинул по своей воле.

А ведь начинался отпуск неплохо. Безмятежно, можно сказать, начинался. Правда, медикологи Лунного экзархата применили непривычную для него высшую степень денатурации. Это развлекло его, и только. Особого значения он этому не придал. Не в последнюю очередь и потому еще, что ясно чувствовал: отношение к нему со стороны функционеров экзархата за последние два года нисколько не изменилось. Все было по-прежнему, отношение к нему оставалось доброжелательным. Даже экзарх Приземелья, разрешая функционерам МАКОДа подписать визу, не задал ни одного вопроса вне регламента, а на прощание довольно естественно улыбнулся и пожелал ему приятного отпуска. И он улыбнулся в ответ. Нетрудно улыбаться на исходе семидневного томления в апартаментах Лунного экзархата, над территорией которого незакатно висел сапфировый фонарь Земли. Чем меньше времени оставалось до отлета на Землю, тем шире и приятнее хотелось улыбаться. И совсем уже невозможно сдерживать нетерпение, когда на кресельных экранах сектейнера пассажирского лихтера планета понемногу вспухает, близится, заслоняя бело-голубой громадой звездную бездну, а потом начинаются перегрузки, технические толчки, внутриатмосферная тряска, и один из толчков завершается плавной обработкой сектейнера захватами причального эллинга в недрах бесконечно летящего на восток экспресса «Восточный». Покидая сектейнер, ощущаешь тесноту в висках, трепет в груди и — маракас возьми! — не знаешь, что с тобой происходит. Ноги будто сами несут тебя вдоль коридора — мимо прибывших, мимо встречающих, минуя салоны, вдоль переходов, по ступенькам прямых и изогнутых эскалаторов стратосферного корабля-левиафана, дальше, вперед, на смотровую палубу в передней кромке суперкрыла, и эта прозрачная палуба — почти поверхность планеты Земля: всего в тридцати километрах от жарко напряженных глаз твоих все красоты, все неимоверное роскошество твоей Прародины... И каждый раз так — трепет в груди и что-то мучительно странное происходит у тебя с глазами.

Нет, он никогда серьезно не воспринимал разноголосицу суждений по поводу правомерности или неправомерности системы МАКОДа в статусе экзархатов, праведности или неправедности практики денатураций. Можно сколько угодно судить и спорить, но все это — из пустого в порожнее. Как предусмотрено Марсианской Конвенцией Двух — так и будет. Соглашение это подписано

представителями обеих сторон, и теперь имя ему — Незыблемость. Кстати, денатурацию изначально никто никому не навязывал — узаконилась она сама собой, стихийно. Без нее было бы слишком непросто с эмоциями на пороге Прародины, и тем, кто спорит, это известно. После денатурации наступало некое состояние опустошенности. За неделю привыкнуть к этому можно. Он привык и уже на борту экспресса «Восточный» мог позволить себе расслабиться (как и положено отпускнику),— любопытствующие взоры томимых рутиной воздушного перелета транзитников ему не мешали. Белые пунктиры пешеходных дорожек, проложенные вдоль смотровой палубы, вывели его к отдельной группе свободных кресел, он занял крайнее и промолчал на вопрос роботрона «Что намерен эвандр заказать?» Навязчивая автоматика предложила горячий тоник. Теплый. Охлажденный. Ледяной. Он прочел выдавленный на подлокотнике номер и шепотом посоветовал роботронной сервосистеме поменять вход на выход и задохнуться хотя бы на час. Былая уверенность, что на смотровую палубу приходят в основном смотреть, пропала.

А смотреть здесь было на что. Не успели руки лечь в желоба подлокотников — надпалубное пространство волшебно слилось с пространством внепалубным и сразу открылся — как распахнулся — вид на земную поверхность по пути следования экспресса. Ухищрениями видеотехники обзор был скорректирован по высоте орлиного полета: кресло с изумляющей достоверностью мчалось вперед, ветер овевал лицо, а внизу стремительно, плавно, как это бывает во сне, проплывали, сменяя друг друга, детали рельефа субэкваториальной полосы востока Африки — пятнистые извивы речных долин, зеркала озер и водохранилищ, красные плеши саванн, темно-зеленые ковры плантаций, пестрота неровностей нагорных плато с белыми конусами башен погоды и похожими на этикетки черными прямоугольниками гисолярных реакторов и гелиоустановок. Автоматика объявила расчетное время пролета мимо вершины Килиманджаро, и к назначенному сроку в пространстве возник фронтальный ряд видеокресел, «пилотируемых» преимущественно стариками.

«Не помешаю? — осведомился на геялогосе румяный, седоусый видеопилот-сосед — лицо и шея в пигментных пятнах.— Добрый день, ювен».— «День добрый, патрей».— «Выпьем тоника? Нет? Предпочитаете кофе... Тоже нет? Правильно. И не пейте. В чистом виде кофе никогда не пейте. С борта экспресса вершина Килиманджаро выглядит кляксой от мороженого, говорю я вам. До нее отсюда больше ста километров. Но вблизи впечатляет. Я сам два раза взбирался на этот вулкан. Нет, я не альпинист. Пэм Соло, гляциолог. Слышали о таком? Не слышали. Значит, ваша профессия далека от гляциологии. Простите, вы... космофизик. Я так и думал.

На вулканах бывали? На каких? Алаид! О, Ключевской!.. Фудзияма?! Когда? Это еще до катастрофического извержения. После бывали? Нет? Побывайте, ювен. Глазам не поверите... В отпуске, значит? Я сразу догадался, что вы в отпуске. И куда направляетесь? Готов держать пари, на Финшелы! Нет?! Странно. Сегодня все летят на Финшелы. Я лечу на Финшелы, и нам с вами было бы по пути. Кстати, ваше лицо кажется мне знакомым. Не приходилось ли нам...» — «Не приходилось, патрей».— «Вы уверены?» — «Да. У меня очень цепкая память. Вот, к примеру, теперь я запомню вас на всю жизнь».— «Не уходите, ювен, прошу вас! Мы не успели толком поговорить».

Чтобы встать и уйти, нужен был повод. Он не знал, что сказать. По счастливой случайности, именно в этот момент бывшего гляциолога поглотил вертящийся видеококон, наполненный мельтешением красок, образов, строк — автоматика выдала предусмотрительному заказчику свежий выпуск местных новостей. Заказчик тщетно пытался внушить роботрону свое недовольство (в спешке никак не мог разобрать выдавленный на подлокотнике номер), видеококон цепко держался вокруг Пэма Соло. Иллюзию вращения оптического «пузыря» создавала быстрая смена фрагментов информационного коллажа. Новостей было много, можно было встать и спокойно уйти. Он так и сделал. У выхода обернулся — в радужной круговерти видеовыпуска дважды мелькнуло лицо Винаты... И еще он заметил то, чего замечать ему не хотелось: следом шел к выходу молодой человек, который, наверное, не ожидал, что он обернется. У молодого человека были мягкие, вкрадчивые движения, быстрые глаза и жесткие, непослушные волосы. Быстроглазого он уже трижды видел у себя за спиной, и теперь пришло время делать правильный вывод (неправильный он успел сделать несколько раньше в доброжелательной атмосфере Лунного экзархата). Он медлил. Смотрел в лицо соглядатаю и сознавал неотвратимость катастрофы. Правильный вывод означал катастрофу: двухлетняя мечта о свободном отпуске на земле вылетает в трубу... И неожиданно для себя он решился — возбудил пси-радиацию нужной ритмичности. Едва соглядатай с ним поравнялся, он тихо, но внятно сказал: «Не ходите за мной, ювен. Отправляйтесь отдыхать в свою каюту. Расслабьтесь. Ваши глаза говорят мне, что вам совсем не мешает поспать. Спать, спать, спать, спать...» Молодой человек несколько мгновений постоял с застывшим взглядом оледенелых глаз, качнувшись, тронулся с места и, осторожно ступая, точно слепой, исчез в коридоре. И больше не появлялся. Впрочем, это уже не имело значения. Сам факт обнаружения слежки, в сущности, перечеркивал все. Перечеркивал ожидания, надежды, планы... решительно все.

Он вошел в кабину малого корабельного информатория, затем-

нил округлые стены, нашарил в кармане платиновый жетон-ведемекум, в кристаллопамять которого был заложен, кроме всего прочего, индекс заказанной для него каюты. Инфор выдал светящийся цифробуквенный формуляр: Ц-В-ПС-16-ГК. Центральная палуба, верхний ярус, правая сторона, шестнадцатая каюта класса «гранд-купе». Знакомый ряд. Сто фешенебельных кают, заказывать которые предпочитают романтически настроенные меланхолики и супружеские пары, совершающие экваториально-глобальный круиз. Соседи слева, в пятнадцатой,— супруги Миловидовы из Санкт-Петербурга. Судя по картинке, любезно предоставленной мнемоформом,— это симпатичная молодая пара. Он — Дмитрий, она — Анна; оба — известные, по утверждению инфора, художественные режиссеры популярной в Санкт-Петербурге видеопрограммы «Че-Ча» («Четверговое чаепитие»). Соседи справа, в семнадцатой?.. Никого и ничего. Инфор не выдал даже цифро-буквенного формулятора каюты, словно ее вообще не было на борту. Пустой, так сказать, номер... Владелец восемнадцатой каюты — некий эвандр Буридан (псевдоним, очевидно). Никакой дополнительной информацией о Буридане инфор не располагал. Даже картинки не было. Мнемоформ сумел показать лишь техногенный облик владельца, на который реагирует автоматический «сезам» двери каюты номер восемнадцать. Желтые, красные пятна зональной соляризации на краткий миг сложились на голубом фоне в портретный стопкадр — нечто вроде живописного творения старо-импрессионистской школы. Мига было достаточно, чтобы узнать быстроглазого.

В такого рода делах интуиция редко подводит.

Он опустился в кресло и несколько минут провел в задумчивом оцепенении. Похоже, произошло именно то, чего он боялся больше всего: странный сам по себе факт открытия загадочного Планара слишком быстро оброс сенсационными домыслами. Это, естественно, возбудило эварxов и насторожило спецслужбу МАКОДа. Зачем, в таком случае, они выдали ему визу и пропустили на Землю?.. Опасались, должно быть, что в условиях режима изоляции на территории Лунного экзархата он не стал бы особенно откровенничать. Землянам это ведь свойственно. И от этого не свободны даже эварxи?..

Автоматика информатория, по-видимому, сбитая с толку долгим молчанием сидящего в темноте посетителя, высветила в объеме кабины круговой обзор. На правом траверзе еще была видна вершина Килиманджаро. Как и предсказывал Пэм Соло, издалека ледниковая корка Килиманджаро действительно напоминала каплю замерзшего молока.

Выходить за пределы информатория не хотелось. Он дождался момента, когда экспресс прошел над береговыми обрывами восточ-

ной оконечности африканского континента; впереди — залитая солнцем необозримая гладь Индийского океана. Круговой обзор сменился видеовыпуском островных новостей — по причине смены одного географического региона другим. Главная тема: вечерняя программа сегодняшнего открытия на Финшелах нового островного фестиваля с помпезным названием «Гении Большой Луны». Участники — Винната Эспартеро (что за фестиваль без Винаты!) и целый ряд всемирно известных лауреатов островных и не островных фестивалей. Вот почему «все летят на Финшелы»... Он вставил жетон-ведемекум в щель с транспарантом «МАРШРУТ» и ткнул пальцем в надпись «ТРАНЗИТ». Два года назад либеральность тразитной программы позволила ему перед прибытием в Камчатский экзархат задержаться в Джакарте на сутки без малого... Сегодняшняя подорожная состояла всего из двух фраз: «Транзит 1 — пересадка с экспресса «Восточный» на борт авиамодуля «Кавиенг». Транзит 1-А — воздухом или морем до острова Лавонгай». Это все. Очень коротко и предельно ясно. Никаких иных вариантов транзита. Дистанцию в четверть земного экватора ему надлежало преодолеть неукоснительно стратосферным путем, и лишь переступить порог экзархата разрешалось по воздуху или морю на выбор. Жесткость транзитной программы и слежка помогли уяснить ситуацию: он вдруг понял, чем обернется для него Лавонгай. С Винатой надо встретиться не после, а до Лавонгая. Иначе есть риск не встретиться с ней в этот раз вообще... Сжав в кулаке кругляк ведемекума, он покинул информаторий и побрел куда-то вперед не разбирая дороги. Мысль металась в поиске способа непременно сойти с предначертанной эвархами стратосферной прямой. Свободных мест на финшельские рейсовики не было, он знал это. «Все летят на Финшелы...» Знал и то, что есть обстоятельства, в которые невозможно вносить свои коррективы. Ни никакие знания не смогли удержать его в рамках благоразумия,— в крови полыхал мятежный огонь, и статьи МАКОДа горели в этом огне синим пламенем. К группе слamперов он примкнул уже с настроением законченного авантюриста...

Несомый ветром неизвестно куда, Кир-Кор третий час был занят спортивной работой высотника — вел борьбу с нелепым летательным аппаратом за аэродинамическую устойчивость. Попросту говоря — вертелся ужом. Чтобы лететь преимущественно глазами вперед, вертеться ужом надо было весьма энергично. Он отметил, что дымка, занавесившая линию горизонта, стала плотнее и как будто ближе. Особенно на востоке. А внизу — лишь голубая вода. Очень много воды, и ничего больше. За все это время он не видел там ни клочка суши, и его томила географическая неопределенность. Солнце, просвечивая сквозь розовую оболочку крыла, стояло над головой, высота и направления дрейфа менялись,— лжеслам-

пер не представлял себе, куда его занесло. Кроме солнца вверху и океана внизу — никаких ориентиров. Стопроцентно он мог поручиться только за то, что этот океан — Индийский.

После блужданий по всем шестнадцати румбам южного полукруга ветер избрал наконец устойчивое направление на восток. Прямо по курсу Кир-Кор увидел гряду облаков, и она ему не понравилась. До сих пор небо над океаном было чистым.

На уровне облачного слоя воздух потеплел. Появились воздушные «ямы». Крыло сильно вздрагивало, скрипело, тряслось и внезапно проваливалось. Потом стало резко вскидывать нос, дергая плечевые тяжи. Кир-Кор опомниться не успел, как восходящий поток забросил его, словно пушинку, к самой вершине башнеподобного кучевого облака.

Восходящие потоки — настоящее удовольствие для настоящих слампероv. Кир-Кор с сомнением и беспокойством оглядел растрепанную верхушку пухлого колоса. Облако было насыщено электричеством, он чувствовал это. И когда из недр белой громадины распространился раскатистый грохот, он почти пожалел, что находится не в каюте экспресса.

Пытаясь выйти из опасной зоны маневров глубокого бокового скольжения, Кир-Кор «подламывал» крыло то справа, то слева. В конце концов трясущийся летательный аппарат пошел на снижение витками наклонного штопора, как сорванный ветром тополиный лист; солнечный свет вдруг померк. Тряска, кружение и болтанка продолжались в удушливо-мутной среде — вытянутая рука тонула в плотном тумане, по лицу струилась, затекая под маску, холодная влага. Вскоре сделалось еще темнее. Вспышка молнии на миг подсветила сизую муть. Оглушительный треск. Запахло озоном. Запахло, можно сказать, серьезной угрозой смертельного электроудара. Кир-Кор оставался спокоен. «Ничего не успеешь почувствовать,— думал он.— Мироздание вычеркнет тебя из своего актива, и все дела...» Он привык к риску. Риск — атрибут профессии дальнодея. Его профессии. Только вот ощущение нехорошее — будто отпуск кончился.

Громыхнуло сразу двумя залпами, но где-то уже в стороне,— глухие, раскатистые удары. Мокрый сумрак сгустился до фиолетовой полутьмы, вспышек молнии не было видно. Зато осветились магическим голубоватым сиянием три шара на невидимых в тумане штырях. Водяную пыль пронзили стуи дождя — плотный ливень тяжело ударил в крыло. Разверзлись хляби небесные...

Под напором дождевой массы полет (если это был еще полет) проходил в режиме быстрого, неупорядоченного снижения. Правда, вращение прекратилось — хоть за это ливню спасибо. Внизу стало светлее — из фиолетовой полутьмы выплыло нечто вроде круглого мутно-серого озера с идеально круглым островом посреди-

не. Кир-Кор увидел на светлом фоне темную бахрому дождя, и ему подумалось: «Выпадаю с осадками». Он глядел вниз и никак не мог понять, что же это все-таки проступает сквозь белесую муть как зрачок страшно выпученного великаньего ока... Муть внезапно рассеялась. При свете дня таинственное око перевоплотилось в серебристо-белую гору с черным кратером на вершине. Вода заливала глаза, и Кир-Кор не сразу сообразил, что шквал несет его вместе с дождем над самой верхушлой островной Башни погоды и что исполинские полукольца импульсных дингеров разведены над кратером и — самое ужасное! — выдвинуты на рабочую высоту!.. И прежде чем мозг разнесло магнитным ударом на мириады осколков, Кир-Кор успел увидеть прямо по курсу яркую синеву океана и несколько островов. А последнее, что он слышал, был крик боли, но понять, что это его собственный крик, уже не успел.

ВЕРТУНЫ, ФЕРРОНЬЕР, МАТЕЙ И МАРСАНА

Он лежал на неоглядной красной равнине, словно связанный Гулливер. Справа от него была ночь, слева — день. Черными кобрами покачивались вдали смерчи, тускло светило слева багровое солнце. Под завывание ветра катились по красной равнине, катились, катились, подпрыгивая, желтые клубки-вертуны. Равнина была очень гладкая, сухая и жесткая, клубки-вертуны — мягкие, расплывчатые. Утомительно резвы были эти клубки, неудержимы в движении, как ветер. А ветер был душен...

Не размыкая век, Гулливер безучастно следил за игрой вертунов, пока не стало его забирать беспокойство непонимания. Откуда-то из запредельной дали птицами прилетели два голоса — мужской и женский, грифами покружили над головой, сели, и в этот момент клубки прекратили верчение как по команде.

— Быстрее открой футляр стетоскана и нацепи мне экран,— клюнул мужской птицеголос в гулливерово темя.— И не надо паники, он шевелится.

— Уже? Или еще? — клюнул женский в левое глазное яблоко, в правое. Болезненно ущипнул за ноздрю: — А если парализован дыхательный центр?

От грифов несло аммиаком.

— Спокойнее, Марсана. Главное, он шевелится.

— Но не дышит! Матис... Это ужасно, Матис!

— Посмотрим,— раздумчиво пообещал гриф Матис и вспрыгнул на гулливерову грудь. Лапы у грифа Матиса были из полированного металла — гладкие и холодные.

Кир-Кор сделал глубокий вдох, поднял веки и увидел двух

незнакомцев в белых каскетках. Загорелый мужчина, Матис, надо полагать, водил по его обнаженной груди чем-то блестящим. Вокруг пылал безумно яркий, солнечный день. Не менее загорелая женщина, надо полагать, Марсана, держала в руке что-то стеклянное, резко пахнущее аммиаком. Зрачки ее серо-зеленых, цвета морской волны, выразительных глаз смотрели в упор и в основном выражали испуг, из-под каскетки торчали в разные стороны зеленые волосы. Глаз мужчины не было видно за квадратами черных стекол экранных очков. Над их головами парусом уходила в серебристо-лазурное с лилиовыми пятнами небо ослепительно белая плоскость, украшенная посредине пылающе-алыми ромбами и геральдическим львом. «Я спал?» — напряжением мысли вопросил Кир-Кор незнакомцев. Воздух был пропитан негромким, на уровне комариного звона, пением многомиллионоголосого хора. Звякнуло оброненное женщиной стекло. Хор нес какую-то какофоническую околесицу. Кир-Кор усилием воли подавил в себе его звучание. Разжал губы, хрипло осведомился:

— Я, кажется, спал?

Мужчина взглянул на помощницу. Без очков он был похож на нее как брат на сестру. Во всяком случае, принадлежали они явно к одной этнической группе, но почему-то общались на геялогосе — общеземном языке. «Во Вселенной чего не бывает»,— подумал Кир-Кор и, приподнявшись на локте, увидел себя полупогребенным в ворохе оранжевоогненных покрывал, за которыми виднелась палуба спортивного катамарана, и вокруг палубы — изумительно прозрачные бирюзовые воды круглого озера в белосахарных, поросших ядовито-зелеными пальмами берегах. Белая плоскость, которую он в первый миг пробуждения принял за парус, действительно представляла собой элементно-энергетическое полотно жесткого паруса класса «румб-электро». Еще один «румб-электро» торчал в километре отсюда и смахивал на воткнутое в середину озерного зеркала белое гусиное перо, обрызганное кровью. Здесь любой освещенный солнцем белый предмет вместо четкого абриса имел (в зависимости от расстояния) красную, лиловую или радужную кайму. Белая береговая полоса была в радужном окаймлении.

— Как ваше самочувствие? — спросила женщина, сидя возле него на коленях.

Кир-Кор ответил не сразу. Он уже заподозрил, что с памятью не все в порядке, и мучительно пытался сосредоточиться, пока длинные, коричневые от загара пальцы мужчины с профессиональной ловкостью укладывали в футляр экранные очки и выблескивающий невыносимо-красными бликами датчик.

Разумеется, он понимал: это Земля, пояс тропиков. Но такой Земли — нарядной, как цыганская песня, до аляповатости пестрой и яркой — никогда еще ему не доводилось видеть. Даже в тропиче-

ской зоне. Это были тропики Гогена. Слишком необычные для земных ландшафтов пылающе-пронзительные краски, слишком кричащие... «Ренатурация,— догадался ошеломленный Кир-Кор.— Бесспорная ренатурация! Но где это со мной произошло? Когда?..»

— Как вы себя чувствуете? — повторила женщина, заглядывая ему в глаза.

— Прошу прощения, эвгина,— спохватился Кир-Кор.— Я словно после тяжелого сна. Голова... м-м-маракас!..

— Головокружение? — тихо спросил мужчина.

— Нет, не то... Извините, эвандр.— Кир-Кор готов был провалиться сквозь палубу.— Не могу объяснить!..

— И не надо, не напрягайтесь.— У мужчины был негромкий голос успокаивающего тембра.— Нам приятно будет узнать ваше имя, ювен.— Я — Матей Карайосифоглу. Друзья называют меня гораздо короче: Матис.— Он поднялся с колен, помог подняться женщине и представил ее с легким полупоклоном: — Марсана.

— Очень приятно. Кирилл. Вы, по-видимому, оба медики?

— С дельфиньей точки зрения,— подкорректировала Марсана.

— Значит, биологи?

— Сегодня — спортсмены.

— Что-нибудь вас тревожит? — спросил Матис.

— Не могу вспомнить, как я попал сюда.

Спортсмены-биологи переглянулись.

— По воздуху,— подсказала Марсана, запихивая пряди зеленых волос под каскетку.— Обычным путем бравого слампера.

Кир-Кор повернулся на локте, узнал отброшенный в сторону гермошлем, и в голове кое-что прояснилось. Был прыжок и этот странный полет на гибриде зонта и надувного матраса. Откуда летел? Куда? Почему?.. Высвободив ноги из мунбутов, он стряхнул с себя останки обесформленного летательного аппарата, поднялся, оправил одежду. У него было такое чувство, будто он нарушил некий запрет. Какой запрет? Чей?.. Сквозь воду виднелось близкое здесь песчаное дно, над которым лениво фланировали скаты и небольшие акулы. Прямо как осетры на выгуле в рыбных прудах. Разминая мышцы, он пружинисто повел плечами. Руки и ноги вели себя безукоризненно, чего нельзя было сказать о голове. Ошеломление не проходило. И даже несколько усугубилось после того, как он заметил, что это круглое озеро вовсе не озеро, потому что над полосой берегового песка за частоколом высоких казуарин и кокосовых пальм земли не было — там синела поверхность океана.

Куда ни посмотреть — везде океан. Во всех направлениях — сочный ультрамарин с лиловым оттенком. За кольцевой грядой ничтожного песчаного барьера мимо спокойных вод внутренней лагуны атолла катились ровные океанические валы. В залитой солнцем перспективе — три островка. Шелковисто-зеленые, словно

из малахита, они выстроились друг за дружкой — три идущие одним фарватером корабля... В той стороне, куда катились валы, под свинцово-сизым днищем большого кучевого облака проступали сквозь полосы ливня контуры Башни погоды. Вглядевшись в нее, Кир-Кор испытал прилив недавно пережитого ужаса. И отлив. Не так уж плохи его дела, если после магнитно-импульсного «поцелуя» дингеров он еще в состоянии осмысленно разглядывать это чудовище. Отсюда Башня мало была похожа на вулканический конус. Уж скорее — на погруженного по уши в океан первослона из первокосмогонического мифа; над водой — разведенные в стороны богатырские бивни и поднятый к облаку толстый хобот. Слон-Атлант. Один из троицы, которая, стоя на черепахе, держит местную землю. Местные острова. Кстати, как они называются?..

— Значит, я оттуда... и сюда, к вам на палубу? — Кир-Кор «проследил» в небе воображаемую траекторию.

— На излете вы грохнулись в парус и чуть не перевернули катамаран,— ввела поправку Марсана.— Вы что, летаете не разбирая дороги?

Небольшая вмятина на морде геральдического льва давала представление о жесткости элементно-энергетического полотна «румб-электро».

— Шрек-тревер...— пробормотал пораженный Кир-Кор. Взглянул на Марсану.— Не нахожу слов, чтоб выразить масштабы моего смущения, эвгина. Чем могу загладить свою вину?

— За обедом вы расскажете нам несколько захватывающих историй из жизни слампера.

— Увы, это был мой первый прыжок.

— Минимум одна захватывающая история.

— Но вам известен ее финал, а я, к стыду, забыл начало.

— Лично мне любопытна ее сердцевина...

С борта подошедшего ближе тримарана крикнули:

— Эй, на «Алмазе»! Вам нужна помощь?

— Нужна! — завопила Марсана.— Сервировать обеденный стол!

Экипаж тримарана — трое в белых арабских бурнусах — отреагировали жестами: руки к груди и кверху. Трио белых матрешек — большая, средняя и поменьше. Лиц почти не видно под капюшонами, поверх капюшонов — бурелеты, наголовные обручи из серебристых жгутов. Элементное полотно тримарана, добирая энергию на ходу, почернело с подсолнечной стороны и, низко склонившись к вымпелу на корме, стало напоминать сорочий хвост. Суденышко вдруг сбавило ход и, как сорока, шустро развернулось на месте. Юркая посудина носила название «Адмирал».

— Это семья из Турина,— сказал Матис. Он ушел в каюту и вернулся с каскеткой в руке: — Вот вам, ювен.

— Спасибо, Матис. Вы не держите в секрете свой возраст?

— Мне тридцать девять.

— Мы ровесники, не стоит называть меня ювеном.

— Вы замечательно сохранились, эвандр,— сказала Марсана.— Уж не дигеец ли достался нам на обед? — предположила она, заправляя волосы под каскетку.— Матис, а может, он даже близко знаком с кем-нибудь из грагалов? — Она хотела добавить что-то еще, но не успела.

— К берегу и купаться! — отрезал Матис, убивая дигейскую тему в зародыше.

Возле берега состоялось шумное объединение с семьей из Турина. Было купание. Кир-Кору пришлось пережить акустический стресс, когда вся семья в составе эвандра Этторе Тромбетти, эвгины Джинестры Тромбетти и одиннадцатилетнего эвпедона Пио Тромбетти, сбросив бурнусы, прыгнула в воду между судами. Вода была очень прозрачной. Стоя в ней по грудь, Кир-Кор совершенно четко видел на белом песке свои ноги.

Визуально членов семьи из Турина было трое, на слух — впятеро больше. Восторженные визги Пио Тромбетти были не в силах заглушить голоса Тромбетти-отца и Тромбетти-матери. Этторе шутки ради продемонстрировал, как нападает акула, что очень взволновало женщин, и Матису пришлось бросить на дно универсальный импульсный отпугиватель — уззун, и эта штука в содружестве с голосовыми данными эвпедона быстро вымела из лагуны все живое.

Кир-Кор вышел на берег. Обойдя неподвижные под солнцем заросли сцеволы, пересек песчаную полосу и нырнул в воду со стороны океана. Погрузился и четверть часа провел в подводной тени коралловых бастионов барьерного рифа в обществе морских ежей, голотурий и разноцветных тропических рыбок. Здесь было сравнительно тихо. Гулкие залпы и шипение разбивающихся о рифы волн не могли соперничать с акустической обстановкой в лагуне. Ему этого было достаточно. Застигнутый врасплох нечаянной ренатурацией, здесь он мог наконец свалить с себя стрессовый груз ошеломительного свидания с неузнаваемо пестрой, но такой желанной Землей. Рыбки забавно щекотали его плавниками и все норовили куснуть за голую кожу. Кир-Кор с удовольствием ощущал, как постепенно ослабевает напряжение, которое охватило каждую мышцу, едва он появился на палубе катамарана.

Вдруг он почувствовал: где-то рядом возбужденно раздвигает воду чье-то крупное тело. Это могло быть опасное для человека животное. Кир-Кор выглянул поверх кораллового куста и не мешкая поплыл к берегу на мелководье. Барьерный риф «угостил» его драматическим зрелищем: морскую черепаху настигала со стороны океана акула. Черепаха была большая, акула — громадная. Он отро-

дясь не видывал таких чудовищных рыб. Под мясистым карнизом рыла скалилась полуоткрытая пасть, и было совершенно ясно, что черепаха поместится в ней целиком. Всплывая, услышал, как ему показалось, хруст черепашьего панциря. Он вспомнил вдруг о своем намерении сесть на воду в конце полета.

Еще под водой его настиг объединенный хор воплей Этторе, Джинестры, Марсаны. Он поспешил выбраться на песок. Женщины замолчали, и Тромбетти-старший, экспансивно размахивая одеждой и тараща глаза, произнес очень трудную для перевода сольную речь,— Кир-Кор уловил всего четыре слова: риф, ферроньер, акулы, катамаран. Джинестра плакала, у Марсаны было испуганное лицо.

— Что случилось? — встревожился он.

Этторе издал сиплый звук — слов у него уже не было,— ткнул пальцем в сторону рифа. Кир-Кор обернулся. Гладь воды за кипящими бурунами взрезал черный плавник и исчез. Появился снова и очертил траекторию полукружья.

— Аттол, на котором, по счастью, уже стоят ваши ноги, Кирилл, называется Ферроньер,— сказала Марсана, уводя пловца в тень кокосовой рощи.— Ферроньер — заповедник Финшельского архипелага, и правила купания здесь вам придется все-таки соблюдать.

Название архипелага одним рывком высвободило память из-под гнета магнитной контузии. Будто вспышка озарила мозг: фестиваль на Финшелах, Вината, программа транзита на Лавонгай... Голова слегка закружилась.

— Барьерный риф Ферроньера — табу для туристов, выговаривал голос Марсаны.— Его акваторию систематически навещают акулы длиной с туристский катамаран.

По-видимому, это был реферативный перевод темпераментной речи Этторе. «Как мне отсюда выбраться? — думал Кир-Кор.— Где Матис?» Навстречу мчался эвпедон, прижимая к груди что-то похожее на авиационную фару, песок летел из-под его ног.

— Пио полон решимости вас защитить,— догадалась Марсана.

— Что это?..

— Самый мощный уззун финшельского флота.— Она взмахнула рукой.— Не надо, Пио, спасибо! Отнеси обратно и передай Матису. Пора поднимать обеденный стол!

Пио, разбрасывая песок, припустил обратно. Кир-Кор оглянулся. Чета из Турина, взявшись за руки, бежала в другом направлении. Среди пятен света и тени — на пальмах и белом песке — их странный бег в белых одеждах был похож на полет привидений.

— Матей Карайосифоглу,— вслух подумал Кир-Кор,— вы здесь самый уравновешенный человек.

— А вы, Кирилл, самый неразговорчивый.— Марсана погладила пальмовый ствол с кольчатыми полосами на месте опавшей листвы.

— Эвгина, скажите, пожалуйста, на котором из островов центр фестиваля?

— На Театральном, естественно.

— Далеко это от Ферроньера?

— Что вас заботит, Кирилл?

— Расстояние. По опыту знаю, как трудно бывает выбраться из заповедника. А мне надо выбраться.

— В любом случае нам отсюда не выбраться до начала прилива. Рифы.

— Мы шли над рифами с креном на левый борт...

— Киплинг. В принципе, есть еще одна возможность.

— Малая авиация?

— Да. За вами должны прислать реалет даже в заповедную зону.

— Нет, эвгина. Пусть лучше будет прилив.

— Прилив будет и без вашего позволения.

— Я могу рассчитывать на ваше судно?

— И на доброжелательность тоже.

— Спасибо, Марсана. Земной вам поклон.

— А если правильнее — дигейский?

Кир-Кор взглянул на нее.

— Чем дольше я наблюдаю за вами,— пояснила она,— тем больше мне кажется, что вы не землянин.

— Я чем-нибудь выделяюсь среди землян?

— Да. Поведением. У вас размеренные, точные движения, ничего лишнего. Почти ничего. Говорите вы скупо, смотрите необычно. Не смотрите — вглядываетесь. Глаза очень ясные, светлые... и как будто с искрой. По поведению вы — аскет, что никак не соотносится с вашей внешностью. Ясноглазый аскет в облике фольклорного королевича.

Марсана понизила голос до шепота:

— Если вы не дигеец, то... то я не знаю, кто вы. О, в ваших глазах появилась загадочная тоска! Почему? Вы испытываете сейчас тревогу и опасение?.. О чем вы думаете?

— Я думаю, мне надо опасаться знатоков фольклора.

— Я ваш друг. Я докажу это при любых обстоятельствах. Говорите со мной откровенно. Вы готовы говорить откровенно?

— Мои откровения не доставят вам удовольствия.

— Не надо решать за меня. В молодости я буквально бредила Дигеей.

Издалека донеслось сдвоенное «бзуг-бзуг». Кир-Кор посмотрел в сторону Башни погоды. Над океаном распространился звук мощного выхлопа. Вершину кучевого облака пронзил и быстро стал набирать высоту прямой, как луч прожектора, столб разреженного пара.

— Вихревой удар дингеров,— сказала Марсана. Упала коленя-

ми в песчаный сугроб и, скрестив ноги, села в позе приверженцев гимнастики йогов.— Сядьте рядом. Вы невозможно высокий. На Дигее все такие высокие?

Кир-Кор молча сел на песок.

— Вы еще не забыли наш уговор беседовать откровенно? — спросила Марсана.

— Я уже заслужил ваш упрек?

— Нет, но ваша задача, эвандр, заслужить мою похвалу.

— Не надо щекотать мое воображение.

Она улыбнулась.

— Скажите, Кирилл, вы знакомы с кем-нибудь из грагалов?

— Тема грагалов — самая актуальная на Земле?

— Самая актуальная — тема Дигеи. Грагалы — частность. Но все равно любопытно.

— Да, среди моих знакомых есть и грагалы.

— Вот видите! А среди моих — ни одного...

— Небольшая для тебя потеря,— ввернул подошедший Матис.— Грагалы, как правило, неразговорчивы.

Марсана хлестнула себя по голым коленям, вскочила:

— Матис, прости, виновата! Моя очередь сервировать стол.

— Там все готово. Твоя забота — собрать всех за этим столом.

Приставив ладони к лицу, Марсана извлекла из недр грудной клетки резанувший нервы первобытный крик.

— Мамонт отнял у голодного троглодита свой хобот,— одобрил Матис.

Со стороны лагуны донесся ответный вопль Тромбетти-младшего. Со стороны океана был слышен только шум прибоя. Тромбетти-старшие предпочли не ответить.

— Ребенок проголодался,— подытожил Матис результат акустического эксперимента.— Откладывать обед не будем.

Обедали на палубе «Алмаза» в купальных костюмах. Над столом был натянут дырчато-белый тент. Сквозь вентиляционные отверстия скупо сочилась небесная синева. Ели молча. Даже Пио был воспитанно немногословен. Тент закрывал небо над головой, и Кир-Кор обнаружил, что смотреть ему некуда.

Тромбетти-старшие едва успели к десерту. Молчание за столом приобрело свинцовую тяжесть.

— Опаздывать на обед неприлично,— определил свое отношение к инциденту насытившийся эвпедон.

Марсана прыснула. Извинилась. По лицам поползли улыбки.

Кир-Кор склонился к загорелому уху подростка, шепнул:

— Упрекать взрослых могут только взрослые. Понял?

— Понял,— мгновенно отреагировал Пио.

— В таком вот тревере, парень,— сказал Кир-Кор, очищая банан ему и себе.— Так и держись.

— А можно спросить?

— Можно.

— А можно мне с вами на Дигею? — выпалил Пио, и глаза у него стали круглыми от восторженного ожидания.

— Со мной?..— Кир-Кор ощутил укол взгляда Марсаны.

— Мне тоже интересно, что вы ответите,— сказала она.

— Отвечу, что на Дигею можно и без меня,— ответил Кир-Кор. Заметив, как вздрогнула мать эвпедона, сделал попытку смягчить негативный эффект: — Дигея, насколько я знаю, была и остается открытой для всех. Добро пожаловать... туда или обратно.

— Ах, как это просто для вас — разрываться между Землей и Дигеей! — вскипела Марсана.

— Помилосердствуйте, я-то при чем!

— Хотя бы при том, что само существование Дигеи создало для моей родной планеты массу проблем.

— Проблемы — категория, увы, непреходящая.

Длинный красный цилиндр в руках у Марсаны распался на множество чашек.

— Пьем тоник,— объявила она.— А ля Триоле-де-Папайя.

— Пио,— сказал Этторе,— я разрешаю тебе погулять.

Пио нехотя сполз с откидного сиденья.

— Проблема проблеме рознь,— сказала Марсана, разливая по чашкам пряно пахнущий, черный, как битум, напиток.— Одно дело, когда мальчишки возраста Пио мечтали о море. О дальних странах. Или пусть даже — о межпланетных полетах. И совсем другое, когда они готовы на все, лишь бы покинуть Землю ради Дигеи.

— Кто-то когда-то сострил: дом — мир женщины, мир — дом мужчины,— напомнил Кир-Кор.

— Земля — это целый мир, Кирилл. И очень не простой.

— Опять же... Земля — колыбель и... нельзя вечно жить в колыбели.

— А ведь жили, Кирилл. Коротали свой век в «колыбели» и жизненных неудобств при этом отнюдь не испытывали.

— Слово какое-то безысходное — «коротали».

— Предложите другое.

— Зачем? Действительно, многие «коротали», вы правы. Но теперь таких, наверное, меньше?..

— Намек поняла. Дигея, разумеется, гарант всеобщего прогресса. И сейчас вы будете сетовать, что Дигеи не было во времена Фомы Аквинского, Бруно, Галилея, Ломоносова, Фарадея.

Кир-Кор попробовал терпкий, горько-кислый напиток, источавший запахи кофе, жасмина, ванили и цитрусов одновременно.

— Нет,— сказал он,— сетовать я не буду.

— Да? — удивилась Марсана.— А почему?

— Во-первых, чтобы не дать вам повода к разговору о том,

что Дигея снимает с Земли один мозговой слой за другим. Я наслышан об этом.

— И пытаетесь это оспорить? — поинтересовался Этторе.

— Нет.

— Нет? — переспросила Джинестра.

— Нет,— повторил Кир-Кор.— Это пьют через соломину? — Он заметил пенал с питьевыми соломинами.

— Да,— сказала Марсана.— А во-вторых?

Детская флейта неумело-тоскливой руладой огласила окрестности с палубы стоящего на мели «Адмирала»: Пио развлекал себя как умел. Кир-Кор ответил Марсане:

— Уважаемые эвпатриды, Дигея возникла в свой срок, и любые эмоции по этому поводу — ваши или мои — ничего не меняют.

— Разве Дигее не интересно знать, что о ней думают коренные земляне?

— Тут несопоставимость масштабов, эвгина.

— Я имею в виду психоэстетические нюансы, Кирилл.

— Я понял. Но проведем мысленный эксперимент... Окиньте взглядом евроазиатский материк.

— Готово. От Гибралтара до Камчатки.

— Теперь вообразите какую-нибудь туристскую базу в бассейне Амазонки.

— «Вера-Круз»! На изумительной реке Шингу.

— Насколько важно для Евразии знать, что о ней думают в замечательной «Вера-Круз» на изумительной Шингу?

Супруги Тромбетти переглянулись. Матис смотрел в свою чашку. Марсана сдвинула каскетку на затылок — пряди зеленых волос вновь получили свободу.

— Значит, Дигея уже отвела Земле роль провинциальной туристской базы!..

— Я этого не говорил,— не согласился Кир-Кор.

— Но это явствует из вашей аналогии.

— Мои аналогии — только для аналогий, эвгина.

— Аналогии нужны для утверждения правоты. Или нет?

— Экс факто оритур юс,— проговорил Матис.

— Что возникает? — не сразу поняла Марсана.

— Из факта возникает право,— перевел Этторе.

— Мы — лишь точка в Галактике,— напомнил Матис.— Дигея — многоточие. Весьма многозначительное многоточие, и это факт. Пора уж привыкнуть к тому, что мы для них — заповедник.

— Кирилл, докажите ему, что он ошибается,— потребовала Марсана.— Чем привлекает к себе коренных дигейцев Земля?

— Ну... прежде всего, Земля — планета их предков.

— Вот, Матис! Земля для дигейцев — это, прежде всего, мемориальное кладбище!

Марсана стала яростно прятать волосы под каскетку. «С Дигеей у нее натянутые отношения»,— подумал Кир-Кор. Угрызений совести он не испытывал. Не он затеял беседу. А уклониться от разговора на таком маленьком острове практически невозможно.

— Дигее,— сказала Марсана,— почему-то ужасно трудно признать, что на Земле до сих пор существует и развивается нормальная — в классическом смысле — цивилизация.

— Нормальная...— задумчиво повторила Джинестра.— Это то, что было до полета первого космонавта?

— Браво, эвгина! — Матис рассмеялся.— Браво!

— До постройки постоянной базы на Луне,— внес поправку Этторе.— С того момента земная цивилизация стала полиглобальной.

— А теперь она стала полиастральной,— заметил Кир-Кор. И поскольку сотрапезники нехорошо промолчали, он спросил: — Или Дигее уже отказано в чести быть астральным звеном в истории развития цивилизации?

— Нашей... земной? — внесла уточняющий элемент Джинестра.

— Об иных звездных сообществах разговор у нас пока не идет.

— Это если закрыть глаза на различие между людьми и грагалами,— осторожно не согласился Этторе.

— Да что грагалы! — подхватила Джинестра.— Даже дигейцы в массе своей — это совершенно новая психораса.

— Но все равно цивилизация у нас одна,— сказал Матис.

— А это как посмотреть,— упорствовал в сомнении Этторе.

— Смотреть удобнее открытыми глазами,— признал Матис.

Кир-Кор опустил в чашку соломину и сделал попытку хлебнуть, но триоледепапайский напиток застрял на подъеме.

— Возьмите другую и рассудите, кто прав.— Марсана сунула ему питьевую соломину толщиной с карандаш.

— Все правы. Цивилизация у нас, действительно, одна. Что касается различий между людьми и грагалами, то они бесспорны. Правда, грагалов всего-то около восемнадцати тысяч среди сорокамиллиардного населения космических регионов Дигеи. А из кого состоят миллиарды пояснять, должно быть, не надо? Вот и Пио, как мне показалось...

По резко изменившемуся выражению лиц родителей эвпедона Кир-Кор понял, что увязывать имя их отпрыска с демографическими особенностями астрального звена цивилизации никак не следовало.

— Вам показалось,— вежливо, но очень холодно произнесла Джинестра.— Всего доброго, эвпатриды, спасибо за компанию, за хлопоты.— Она сложила ладони под подбородком и адресовала каждому, не исключая мужа, благодарственный полупоклон.

Этторе неожиданно провозгласил:

— Мой сын не будет там! — и ткнул рукой в полотно тента. Другой рукой он с непонятным ожесточением указал на воду: — Мы сделаем из него малаколога!

Супруги Тромбетти спрыгнули с палубы на мелководье, направились к тримарану.

— Я не хотел их обидеть,— сказал Кир-Кор, глядя, как они бредут по колено в воде — оба в белых, вздувшихся колоколом одеждах — и он бережно поддерживает ее под руку. Они дошли до своего судна, ни разу не обернувшись.

— Ничего, пусть уходят,— процедила Марсана. И добавила на каком-то латинизированном языке несколько слов, смысл которых Кир-Кор уловил, но фразе в целом не нашел адекватного выражения на геялогосе. По-видимому, это была непереводимая идиома.

— Я не понял, что Этторе хотел сказать напоследок.

— Малаколог,— объяснил Матис все одним словом, как будто одно это слово все объясняло.

— Оба они малакологи,— сказала Марсана.— А Пио терпеть не может моллюсков. Пейте тоник.

Кир-Кор хлебнул кисло-горького, и в этот момент палуба едва ощутимо качнулась. Начинался прилив.

Матис выволок из каюты какие-то свертки, на шее у него уже болтался на шнурке судовой корректор управления — спикард.

— Слушай мою команду,— сказал он.— Надеть яхтжилеты!

Из лагуны они вышли на электромоторах. «Адмирал» тащился в хвосте. Узкие проливы между лагуной и океаном были забиты хлынувшей навстречу пеной.

Рыская на мелководье, «Алмаз» отважно приблизился к ревущей белой полосе бурунов и вдруг, подхваченный гребнем длинного океанского вала, мягко скользнул над рифами боком и через мгновение погрузил поплавки в кобальт воды мореходных глубин. Здесь было ветрено. Бирюзовое небо, золотисто-розовая марь, лиловый горизонт, синие с лилово-глянцевыми бликами волны. Капитан Карайосифоглу приблизил спикард к губам и тихим голосом дал указание автоматике судна повернуть крыло паруса ребром к ветру и подрабатывать электромоторами против течения,— не мог уйти, пока «Адмирал» не перевалит барьер. Кир-Кор с тоской смотрел на изумрудные острова. Засветло добраться до фестивального центра архипелага на таком маломощном суденышке и при таком низком солнце — дело немыслимое. Эту его уверенность усугубила нерешительность капитана Тромбетти.

— Эй вы, тюлени! — теряя терпение, закричала Марсана.— Пошевеливайтесь! Птица ждать нас не будет!

Шальная волна перебросила тримаран на глубокую воду — «тюлени» отметили это событие взрывом радостных воплей, и было ясно, что они довольны мастерством капитана. Ярко-оранжевые

яхтжилеты, надетые поверх бурнусов, пылали на палубе «Адмирала» тремя кострами.

Матис негромко отдал команду: «Фордевинд!» — и судно, подставив ветру корму и парус, рванулось вперед. Поплавки с характерным шипением резали воду. Солнце светило в затылок.

«Адмирал», который скромно довольствовался кильватерной струей «Алмаза», вдруг пошел на обгон, и Матис, как ни старался, уже не мог от него оторваться.

— Обгонит — спикард отберу,— пригрозила Марсана.

— Обгонит,— признал Матис и отдал спикард.— У них крыло паруса шире, мотор посерьезнее.

«Адмирал» медленно, но верно выходил на левый траверз, Марсана была в отчаянии — она выкрикивала команды громко, часто. Ветер трепал ее торчащие в разные стороны волосы, каскетка перекатывалась на палубе под ногами; альбатрос, любознательно паривший над катамараном, отвернул в сторону. Кир-Кор видел все ее ошибки — будто следил за действиями малоопытного стажера. Гонка по всхолмленному пологими валами океану напомнила ему курилосахалинскую регату из прошлого отпуска. Он посоветовал:

— Когда вал проходит под нами, эвгина, и катамаран на подъеме — нажимайте кнопку форсирования моторов.

— Отдать вам спикард?

— С кнопкой справятся даже ваши изящные руки.

— О, первый комплимент! Берите спикард. Нет? Как хотите.

Ему не нужен был спикард. Ему нужно было, чтобы она молчала. И Марсана, занятая манипуляциями с кнопкой, действительно замолчала. Матис неотрывно смотрел на судно соперников. «Раздосадован наш капитан»,— отметил Кир-Кор и, позволив зрению углубиться в радиоспектр, стал видеть быстрорасширяющиеся, непрестанно взаимодействующие друг с другом электромагнитные кружева многослойных, пространственных «занавесей» выпуклосферического кроя. Каждое нажатие кнопки рукой Марсаны оживляло мировой фон ураганным потоком интенсивно вспухающих «пузырей». Поток, пронизывая сетчатки глаз, привычно ориентировал внимание,— не составляло труда перебросить мнемодинамический мост (мнемодим) от силовых очагов сознания до штыря антенны, упрятанного под белым радиопрозрачным колпаком на крыше рубки. Импульсный код управления судном был прост. Кир-Кор послал автоматам мысленную команду освободить заблокированный Марсаной люфт поворотной оси паруса. Он чувствовал, что фиксировать парус имеет смысл только при сильном, устойчивом ветре. Ось «задышала», катамаран чуточку прибавил скорость, а обходивший его тримаран зарылся в волну и снова сполз на линию траверза.

— Ноздря в ноздрю! — ликовала Марсана.

— Не забывайте про кнопку,— напомнил Кир-Кор и, ощущая какое-то странное беспокойство, побудил оботронику судна прекратить подпитку маховичков инерционных систем — это чтобы обеспечить пиковый энергомаксимум на форсаже.

Роботроника, запрограммированная на оптимальный режим, попыталась было брокировать вмешательство анонимного капитана. Кир-Кор без особых усилий удержал мнемодинамический мост и, за неимением ничего лучшего, перестроил программу с «оптимума» на «пик». Об этом можно было теперь не думать. И Марсана могла теперь кнопку не нажимать. Он выкинул из головы заботы о мнемодиме, но непонятное беспокойство не покидало его. Он обернулся, чтобы взглянуть за корму. В полукилометре от катамарана в сопровождении армии чаек резали воду двадцать два перископа. За перископами тянулись прямые, длинные, пенистые следы. «Приготовиться к торпедной атаке! — вспомнилась фраза из какого-то фильма.— Аппараты!.: Пли!»

Яростный выкрик Марсаны «Это нечестно!» заставил его посмотреть на судно соперников. Он рассмеялся. Этторе выиграл гонку: над тримараном победно реял полосатый шар парусного аэростата — «Адмирал» уходил вперед на буксире.

В пределах обозначенной перископами акватории поднялся и, как всплывающий айсберг, стал расти над поверхностью моря белесый от толчеи пенистых водоворотов платформообразный массив,— вода скатывалась с него со всех сторон и шумными потоками падала в волны, зажигая над ними полукружья радуг. Кир-Кор с интересом смотрел на это крупное, величиной с футбольное поле сооружение, о котором пока можно было сказать только то, что оно походило на внезапно вынырнувший из пучины великаний стол. Шум пенистых водопадов сливался с гомоном взбудораженных птиц.

— «Синяя птица»! — фальцетом взвился голос Марсаны.— Скорее, Матис, поправку на курс.

«Птица, которая ждать не будет»,— сообразил Кир-Кор, разглядывая голубое днище поднявшейся на высоту своих поплавковых опор платформы круизного судна-ныряльщика типа «Тропикана-Пацифика». Матис не мешкая связался с рейс-диспетчером «Синей птицы» и быстро о чем-то договорился. Кир-Кор не понял о чем, местный морской жаргон был ему незнаком; платформа «Пацифики», подобно туче, заслонила солнце. Крыло паруса, оседая секциями, еще складывалось по вертикали, когда стеклянный откос края платформы навис над катамараном. «Алмаз» втянулся в пространство между широко расставленными опорами — словно между быками моста. Марсана взвизгнула: откуда-то сверху на палубу обрушился дождь крупных соленых капель.

— Держитесь, Кирилл! — предупредила она.

Дуга рессорного паравана, гулко шаркнув о поплавок «Алмаза», отбросила суденышко на транзитную полку задней опоры. Солнце, вынырнув из-за днища платформы с другой стороны, плеснуло светом в глаза. Лязгнул захват, простонали подъемные механизмы, транзитная полка превратилась в перрон. В снастях приподнятого над водой катамарана засвистел ветер — «Синяя птица» набирала скорость. Слева по борту в удалении маячил среди волн победитель увлекательной гонки; «незаконный» парус был уже убран, фигурки в бурнусах отчаянно размахивали руками. В азарте семья из Турина допустила просчет.

— Этторе увел тримаран с маршрутной трассы ныряльщика. «Солнце скроется через час»,— прикинул Кир-Кор. Спросил:

— Как же они тут ночью... в открытом море?

Матис понял вопрос по-своему:

— В любом случае Тромбетти не пропустят самое интересное из фестивальной программы.

— Мы — тоже? — полюбопытствовал Кир-Кор.

— Что «тоже»? — не понял Матис.

— Не пропустим?

— Вы ждете от этого фестиваля чего-нибудь слишком особенного?

Кир-Кор промолчал.

Там, где перрон сложным изгибом полированного металла сливался с опорой, что-то чмокнуло — открылась щель прохода в лифтовый тамбур. Матис потер шею, сказал вожделенно:

— Смоем соль и сменим одежду.— Перелез через палубное ограждение, взглянул на собеседника: — Марсана, веди гостя к лифту. Не надо стоять здесь на крейсерской скорости.

Палуба катамарана содрогалась от шума рассекаемой колоннами опор воды, летели брызги, ветер пузырил одежду. Кир-Кор подал Марсане руку.

— Мерси! — поблагодарила она, улыбаясь глазами, ему показалось — насмешливо.— Кирилл, вы бывали когда-нибудь на островных фестивалях?

— Нет.

— Я так и думала!

— Почему?

— Только неискушенные новички стремятся попасть в день фестивального действа! — Она выкрикивала слова, полагая, видимо, что иначе он не услышит.

— А вы не хотите туда сегодня попасть? — насторожился он.

— На Театральный? Не хотим! И вам не советуем!

— Шмах-тревер!.. Маракас меня побери!

— Не слышу.— Она показала на уши.— Вода ревет!

— Черт бы побрал мою наивность! — громко сказал Кир-Кор.

Марсана кивнула и прокричала ему снизу вверх:

— Там, понимаете ли, очень людно! На Театральном! Проникнуть в центральный амфитеатр немыслимо! Чувство локтя в толпе вам знакомо? Вы любите ощущать чужие локти на своих ребрах? Знатоки островных фестивалей предпочитают морской вариант! Вы как?

Он помог ей одолеть палубное ограждение, размышляя, как поступить, если вдруг выяснится, что Театральный лежит в стороне от маршрутной трассы круизного судна. Ведь пассажирами «Синей птицы» вполне могли быть одни знатоки.

Марсана вспрыгнула на высокий порог овального входа, неожиданно обернулась, посмотрела на океан, крикнула треплющему ее волосы ветру:

— Тромбетти сами себя наказали! — И рассмеялась.

Кир-Кор стоял возле нее слишком близко — лицом к лицу — и ясно чувствовал, что смеется она с большим удовольствием. В диковинно запутанном клубке поведенческих побуждений землян всего более удивляло его это странное, темное, как дебри дремучего леса, пугающе перенасыщенное эмоциями состояние — мстительность. Чтобы Марсана не прочла его мысль, он сделал попытку спрятать глаза — перевел взгляд на ее подбородок, шею, ключицу. И как-то так вышло... нет, он совсем не хотел этого, а сегодня — в особенности, но как-то так само собой вышло, что взгляд его ясночувственно углубился и нашел на первом ребре след недавнего, видимо, перелома — каллюс, продолговатый костный нарост. Неосознанная реакция ясночувствия опередила запретительный приказ ума и психреактивная вспышка за долю секунды высветила в чужом мозгу спиральку болевого образа, мгновенно ее развернула — Кир-Кор увидел в дымчатой глубине двуглавую голубоватую гору, узнав в ней заснеженный Эльбрус и, прежде чем спиралоимпульс угас, успел взрыхлить головой снег на склоне у «Старого кругозора». Пронизывающая боль в груди...

Марсана за рукав втащила его в удушливо-узкий сырой коридор:

— Не пугайте меня! У вас такой взгляд, Кирилл, будто вместо меня вы видите... Что вы там видите?

— Я видел вас на склоне «Старого кругозора».

— Не может быть.— Она внимательно смотрела на него. Покачав головой, повторила: — Не может быть.

— Вам не доводилось... в Приэльбрусье?..

— Доводилось. Чегет, Донгуз, «Юсенга». Ну и, конечно, «Старый кругозор», недоброй памяти... Но вы нигде там не попадались мне на глаза. Я глазастая и не заметить вас никак не могла!

«Ренатурация полная»,— сделал вывод Кир-Кор и пробормотал:

— Извините.

Марсана смотрела на него с любопытством. С потолка срывалась капель.

— Лифт ждет,— деликатно напомнил из тамбура Матис.

МОРСКОЙ ВАРИАНТ

Возможность ополоснуться пресной водой обрадовала Кир-Кора. Он быстро разделся и рассовал одежду по секциям освежителя согласно рисуночным указателям.

— Тип обработки? — осведомился проглотивший брюки лючок.— Алетон? Контраст? Прима? Фистель?

— Пусть будет прима,— осторожно выбрал Кир-Кор.

Лючок, проглотивший рубаху, стал сыпать скороговоркой:

— Олеастрон? Бунтуз? Коррект? Лиазон? Луминарт?

— О, черт... луминарт.— Кир-Кор шагнул в душевую. Всего за два года сленг бытовых автоматов Земли менялся настолько, что требовался специальный перевод.

— Руки вверх,— скомандовала душевая. Это было понятно без перевода. Он поднял руки, оглядел сферическую кабинку.— Выше! — строго добавила душевая.— Плотнее закройте глаза. Еще плотнее! Берегите зрение!!!

Со всех сторон ударил яркий свет, хлынули потоки ультрафиолета,— Кир-Кор инстинктивно возбудил подкожную защиту. И вспомнил, что кратковременное облучение ультрафиолетом на Земле — традиционная бактерицидная полумера.

Опустив руки, он приказал автоматике дать воду.

Вода слишком сильно пахла календулой,— приторно-горький запах,— купание не доставляло удовольствия. На просьбу дать обыкновенную воду — обыкновенную пресную неароматизированную воду любой температуры — автомат-гидрораспределитель ответил, что в подведомственной ему гидросистеме заказанным параметрам соответствует лишь кипяток. Кир-Кор поморщился. Напряг до шума в ушах противотемпературный нерв в районе затылка, закрыл глаза, произнес:

— Ладно, давай.

Без вреда для себя он мог выстоять под струями кипятка секунд тридцать-сорок. Выстоял сорок пять. Для тренировки.

— Достаточно! — процедил он сквозь зубы, вышел вон и, освободившись от сильного напряжения заушно-затылочных мышц, потребовал одежду обратно. Пока одевался, из душевой валил пар.

Обработка брюк методом «прима» имела, видимо, целью резко снизить коэффициент трения. Зачем — неизвестно. Брюки скользили как намыленные, и это казалось чреватым всякими неожидан-

ностями. Рубаха, к счастью, сохранила девственную белизну, освященную целомудрием сервиса Лунного экзархата. Правда, слегка угасла яркость ее шелковистого блеска, но с этим можно было мириться. С потолка падали крупные капли сконденсированной влаги. Кир-Кор поспешил покинуть отсек.

Он поднялся на второй ярус и, как было условлено с Матисом, направился в носовой кафе-салон. По пути завернул в кабинку информатория. Опасение оправдалось: маршрутная программа ныряльщика не во всем совпадала с маршрутными устремлениями случайного пассажира...

Вдоль широченной плоскости стеклянной лобовой брони кафе-салона — три десятка фигурных столиков в два ряда, и половина заняты. Здесь, как и на борту стратосферного корабля, обращал на себя внимание контингент путешествующих: старики в основном. «Демографическая симптоматика этой планеты»,— подумал Кир-Кор, занимая столик в переднем ряду. Глядя на багряно-лиловую поверхность закатного океана, постарался представить себе ту заведомо не тривиальную картину, которую сквозь скошенное вниз стекло наблюдают туристы во время подводного хода. Представилось бездонье сгущающейся синевы... А между тем багрянец таял, лиловые отсветы на воде там, дальше, у горизонта, сливались с фиолетовым обрамлением прозрачного космического неба; пирамидальные некрупные острова, явно верхушки затопленных океаном гор, уже искрились цветными острыми огоньками. Он ощущал на себе взгляды туристов. Это было мучительно. Потом ощутил появление своего нового друга Матея Карайосифоглу и, не оборачиваясь, взмахом руки показал ему, где сидит.

— Должен вас огорчить, Кирилл,— сказал новый друг, насыщая застолье ароматом календулы.— К Театральному «Синяя птица» сегодня не подойдет.

— К моему сожалению.

— Подойдет завтра в полдень.

— Для меня, увы, поздновато.

— Сегодня она ляжет в дрейф в проливе между двумя ближайшими к Театральному островами.

— Туристы будут наблюдать открытие фестиваля с верхней палубы... знаю.

— Тогда выбирайте: палуба этого судна — или палуба нашего катамарана.

В кафе включился нижний пояс светильников — почти на уровне пола.

— Выбрать последнее — злоупотребить вашим гостеприимством. Спасибо, Матис, придумаю что-нибудь сам.

— В принципе нам ничто не мешает высадить вас на Театральном. Сразу после вечерней программы.

— Заманчиво... Вы искуситель, мой новый друг.

— Вовсе нет. Просто иначе вам до завтра отсюда не выбраться.— Матис приподнял подлокотник, потыкал в желоб коричневым от загара пальцем. После утробного «пу-у-увх...» столик выдавил из себя зеркальный цилиндр. Крышка подпрыгнула на пружинном штыре — из сосуда выдвинулись лотки, обросшие заиндевелыми колючками.

— Угощайтесь,— предложил Матис. Выдернул и сунул в рот одну из колючек. На ее конце было что-то вроде красного пузырька. Может быть, ягода.

Кир-Кор соблазнился попробовать. Пунцовая ягода, лопнув на языке, обожгла рот ледяной кислотой — от неожиданности свело скулы. Потом сделалось вдруг ароматно и сладко. Собеседник остановил на нем взгляд.

— Хотите совет? Никогда не давайте согласия на луминарт.

Чуя неладное, Кир-Кор скосил глаза на рубаху. И обмер. Рубаха [illegible]та, как витрина палеонтологического парка: Хвощи, стегозавры, диплодоки, рамфоринхи. Мезозой, одним словом. Где-то на рубеже верхней юры и нижнего мела.

Голос Марсаны:

— Все в сборе? Суши якоря!

Кир-Кор обернулся и чуть не проглотил колючку. Н-ну-у!.. Да-а-а!.. Он поднялся навстречу нимфе предфестивального архипелага.

— Вы хорошо воспитаны, эвандр,— проворковала она и протянула увитую блескучей нитью руку. Для поцелуя. Он ошалело ткнулся губами в пахнущие календулой тонкие пальцы, не понимая, как за такое короткое время зеленоголовое пугало в мужской кепке смогло превратиться в превосходно изваянное и весьма экономно обернутое темной драгоценной тканью златоволосое существо.

— Пора,— сказала она, мимоходом употребив ледяную колючку. Словно втянула розовыми губами каплю крови.— Вы с нами, Кирилл?

— Если позволите.

Посторонившись, чтобы дать пройти ей вперед, он благовоспитанно улыбнулся. В ответной улыбке блеснули два ряда жемчужин. Он подумал, что это ему, наверное, показалось,— мог бы поклясться: каких-нибудь полчаса назад у Марсаны были обыкновенные зубы. Но, когда на пути к стоянке катамарана их троица сошлась у лифта с компанией броско одетых в белое, одинаково пернатоголовых, как белые цапли, девиц и одна из пернатоголовых стала вызывающе улыбаться ему, он убедился, что денто-жемчужный эффект существует на самом деле. В искусно уложенных «перышко к перышку» волосах алмазно вспыхивали крохотные искры. Девиц

было пятеро. При некотором различии в одежде и внешности, над ними довлела печать одинаковости: одинаковые прически, прямые носы, лиловые губы, слишком светлая для тропиков кожа, до странности одинаковое выражение мутно-маренговых глаз. Выражение он счел ненормальным. У всех пятерых. Такое впечатление, будто они одурманены чем-то.

За время в пути никто не проронил ни слова. Так и спустились они все вместе в лифте, восемь разделенных молчанием человек. Гуськом прошли сырой, с морскими запахами коридор, ступили на подсвеченный, мокрый от брызг перрон. Из-под каблуков серебристо-черных туфель Марсаны при ходьбе вылетали длинные искры-змейки, растекались по мокрому, а затем их словно задувало ветром. «Зря я не сменил рубаху»,— с опозданием пожалел Кир-Кор. На ветру среди вымерших представителей верхней юры возникло заметное оживление.

Борт о борт с «Алмазом» был пришвартован гоночный тримаран, экипаж которого и составляли пернатоголовые. Тримаран назывался «Амхара».

— Поддержите меня, Кирилл.— Опершись на руку спутника, Марсана сняла искрометные туфли. При искусственном освещении ее длинные ноги казались длиннее, чем днем. Океан был залит мерцанием лунного серебра. Луну закрывало собой широкое днище «Пацифики». Сверху все еще капало.

Помогая Марсане подняться на палубу катамарана, Кир-Кор неожиданно осознал, что близость этой женщины, легкое прикосновение ее рук волнуют его. Он удивился своим ощущениям, но разбираться в этом не стал. Вероятно, ему просто нравился ее вечерний наряд, вот и все. Короткое искристо-черное платье временами отсвечивало синим и фиолетовым, и возникал эффект «павлиньего глаза». Марсана выглядела задумчивой, от ее недавней порывистости не осталось и следа. Задумчивость и «павлиньи глаза» на одежде были ей очень к лицу. Он смотрел на нее, и его охватывало ощущение какой-то неясной тревоги.

«Синяя птица» сбавила скорость — перрон зачерпнул воду сразу всей плоскостью.

— Внимание! — запоздало выкрикнул Матис. Поток смыл оба суденышка — тримаран грохнулся о борт «Алмаза», Марсана взмахнула руками, Кир-Кор успел поймать ее над канатами релинга. И в этот момент ощутимо упал на лицо свет луны. «Синяя птица» ускользала летучим призраком — дальше и дальше габаритные огни. Наверху — два золотисто-желтых пятна, как глаза тигра.

— Кирилл, вы забыли поставить меня на палубу,— сказала Марсана.— Благодарю, у вас замечательная реакция. Матис, где мои хайступс? — Очевидно, спросила про туфли.

Туфель на палубе не было.

— Проклятье,— сказал Матис и посмотрел за борт.

Пернатоголовые мореходы о чем-то громко переговаривались, их голоса напоминали голоса чаек. Кир-Кор не мог разобрать ни слова — язык был совершенно ему не знаком. Ветра не было. Пологие длинные волны мягко приподнимали и опускали катамаран, и, после того, как экипаж тримарана умолк, над океаном распространилось удивительное лунное спокойствие.

Низкий остров, куда устремила бег оконтуренная светосигналами тень «Синей птицы», казался подножием другого, отделенного проливом, высокого острова, обернутого золотисто-огненной лентой: пирсы, береговые причалы, яхтэллинги. Жилой ярус угадывался по приглушенно-мягкому сиянию линий, точек, пунктирных штрихов на террасах. Севернее возвышался над лунным зеркалом третий остров, и не нужно было ничьих подсказок, чтобы понять: Театральный. Эта округлая гора, укрытая одеялом зелени, напоминала густую крону платана, опоясанную гирляндами разнообразных огней. Вершину венчал архитектурный шедевр — невыразимо прелестная хрустально-голубая диадема. Еще выше — плавно колыхался в воздухе, подобно занавесям полярного сияния, бело-розово-голубой шедевр светопластики. Нечто вроде полусвернутых, обнимающих друг друга крыльев.

— Эй, на «Амхаре»! — выкрикнул Матис.— Дистанцию!

«Амхара» быстро и грозно сближалась с катамараном — будто собиралась брать судно на абордаж. Вдоль борта «Амхары»— как вдоль аллеи — пять мраморных статуй. Которая замыкала шеренгу, шевельнула рукой — к ногам Марсаны упала, брызнув искрами, серебристо-черная туфля. Одна, без пары. Туфля с левой ноги. «Амхара» промчалась мимо буквально впритирку. Кто-то из этих девиц рассмеялся. Гортанный смех странно звучал над водой при луне.

— Расорги,— процедила Марсана.

— Расорги? — переспросил Кир-Кор.

— Расовый камуфляж,— объяснил Матис.— У них искусственно изменена форма носа, губ...

— Изменена вся пластика лицевых мышц,— сказала Марсана.— Это чтобы замаскировать характерную особенность негроидной расы — прогнатизм.

— Выступающие вперед челюсти,— расшифровал Матис.— А знаете, что самое трудное для специалиста-пластолога? Замаскировать выпуклость глаз. Поэтому взгляд у псевдоевропеоида кажется не совсем нормальным. Вы заметили?

— Да.

— И слишком белая кожа. Иначе трудно избавиться от остаточной желтизны.

«Слишком громко,— вдруг понял Кир-Кор, наблюдая плавный разворот тримарана.— Расоргов здесь не жалуют и не щадят».

— Зачем это им? — полюбопытствовал он.

— В общем-то... незачем.— Матис развел руками.

— Хотите сказать, камуфляж без причин?

Марсана улыбнулась:

— А вам уже вообразилось невесть что! Драма идей? Стремление к расовой конгруэнтности? Увы, увы... Когда в небесах стал превалировать дигейский фактор, на Земле многое, к сожалению, обмельчало. Интересы, поступки, намерения. И даже страсти.

Кир-Кор не стал возражать. С дигейским фактором, действительно, было у них не все просто.

Развернувшись, «Амхара» взяла курс прямо на Театральный.

— Ну и...— продолжала Марсана,— как-то так повелось, что править нами стала глуповато-капризная, но очень изобретательная особа по имени Мода. В последние годы, к примеру, модно выглядеть европеоидом.

— Среди темнокожих юнцов это приобрело характер пандемии,— добавил Матис.— У монголоидов, впрочем, те же симптомы.

— Европеоидная раса на Земле катастрофически убывает, Кирилл. Отсюда и мода. Мне кажется, нам уже не выровнять беспрецедентный расовый крен. А вы что думаете на этот счет?

«Что я думаю? — подумал Кир-Кор.— Я думаю, что расовый крен — результат политики абсурда. Исторически это прямо связано с генезисом нравственных перекосов. Как только самые оборотистые берут верх и начинают теснить, унижать, физически уничтожать самых совестливых и самых талантливых — считай, дан старт угасанию. Считай — под ватерлинией пробоина и цивилизация тонет с дифферентом на нос. Как знаменитый «Титаник». На палубах, которые ближе к корме, долго еще поют и танцуют... И пусть планетарная катастрофа растянута на столетия, все равно ведь у нее полностью сохраняется значимость катастрофы». Вслух сказал:

— Думаю, у меня практически не было шансов угодить в компанию европеоидов. Мне повезло.

— И это все, что вы думаете? — удивилась Марсана.

Он взглянул на нее.

— Я думаю, нетрудно догадаться, что́ я думаю.

— А на Дигее? Там с вопросом естественного равновесия рас все в порядке?

— По-моему, для Дигеи это вообще не вопрос.

— Слышал, Матис? Хотелось бы знать, почему на Земле не прижилась модель дигейского благополучия.

Подняв кверху голову, Матис смотрел на луну. Эскапада Марсаны вызвала на его лице ухмылку или гримасу.

— На Дигее сложилась своя система нравственных отношений,— заметил он осторожно.

— Расовых, ты хотел сказать.

— И расовых — тоже,— мягко добавил Матис.— Все это — ветви одного древа, не забывай.

— Ну и что?

— А то, что системы общественных отношений на Дигее совершеннее наших. Тех, по крайней мере, которые мы с тобой унаследовали на этой благословенной планете.

— До сих пор я считала себя богатой наследницей.

— И потому так болезненно переносишь все то, что шокирует коренных дигейцев у нас на Земле? — Матис горестно покивал.

— По-твоему, это обязывает меня считать население Дигеи нравственнее обитателей Земли?!

— Никто ничего не обязан. Но пора, наконец, признать за дигейцами их основное достоинство: они дальше ушли от обезьян, чем мы.

Довод Матиса лишил Марсану дара речи. Кир-Кор смотрел на уплывающие к Театральному светосигналы «Ахмары». В воде искрились их отражения. Он прислушался, и, пока Марсана выходила из состояния артикулярного ступора, ему удалось различить далекие всплески разнохарактерных музыкальных шумов. Девять локальных источников. Все девять — на Театральном. Залитая лунным сиянием водная гладь перед островом была усыпана сотнями огоньков. Знатоки брали остров в кольцо.

— А как по-вашему, Кирилл?

— Простите, эвгина, я немного отвлекся.

— Вы тоже считаете, что дигейцы дальше от обезьян, чем коренные земляне?

— Меня принимают здесь за спеца по вопросам сравнительной антропологии?

— Не знаю, за кого вам хотелось бы здесь сойти, но лично мне довольно будет услышать мнение честного человека.

Кир-Кор оглядел Марсану сверху вниз — от синевато сверкающих в свете луны алмазных блесток в прическе до голых ступней.

— Это как спуск в пропасть, эвгина,— сказал он.

— Опять аналогия?

— Притча. На Дигее те, кто спускается в пропасть, всегда уверены в тех, кто держит канат. По-другому там не бывает.

— И это вся ваша притча? Или только ее дигейская половина?

— А у нас на Земле,— вставил Матис,— чаще всего по-другому. Те, кто держит канат, считают вполне допустимым по ходу дела бороться друг с другом за власть. И это даже не притча.

— О небо! — ужаснулась Марсана.— Неужели в глазах дигейцев мы выглядим настолько идиотами!..

— Если взглянуть на земную историю непредвзято,— нехотя обронил Матис,— именно так мы и выглядим.

В каюте вспыхнул розовый свет. Матис вынес на палубу пляжные сандалии. По размеру — мужские. Это была имитация обезьяньих ладоней с красными ремешками.

— Лучше, чем ничего,— пробормотал Матис.

«Если она их наденет — я прыгну за борт»,— дал себе клятву Кир-Кор.

— Спасибо, Матис,— ровным голосом сказала Марсана.— Спасибо, мой благодетель... Модель под девизом «Назад, к обезьяне»! — Она принялась хохотать.

Благодетель беспомощно развел руками и защвырнул кошмарное творение обувного дизайна обратно в каюту.

— Победил девиз «Вперед, к совершенствам Дигеи»! — Марсана развеселилась. Ей трудно было остановиться.— А под каким девизом предпочитает плыть сегодня наш уважаемый гость?

— Под девизом «Я в отпуске»,— ответил Кир-Кор, неотрывно глядя в сторону острова.

Смех оборвался. Нависло молчание.

— Виноват... Разве это предосудительно — быть в отпуске?

— О небо! — проговорила она.— Сколько угодно.

Акватория Театрального острова вдруг осветилась — оттуда поплыло в открытое море, расширяясь неудержимо, ослепительно голубое кольцо. За ним — второе, третье, четвертое, пятое — вокруг острова волнами, словно это был не остров, а вздрагивающий на воде поплавок.

— Началось, смотрите, началось,— предупредил Матис.

Первая кольцевая волна голубого сияния достигла катамарана, отразившись блеском воды за бортом.

Кир-Кор ощутил теменем колкий импульс упорядоченного излучения и посмотрел на Луну: в районе северной окраины Моря Дождей, вероятно, в Заливе Радуги, вспыхивала и гасла яркая, острая, как игла, голубая точка.

С той стороны, где на рейде плоского острова бросила якорь «Синяя птица», долетел ликующий многоголосый вопль. Мгновением позже ликующий вопль долетел со стороны Театрального — от флотилии знатоков.

— Всегда почему-то кричат,— прокомментировала Марсана.— У вас, Кирилл, нет желания покричать? Если есть — не стесняйтесь, я подхвачу. Иногда полезно разрядить неутоленные страсти.

— Если можно, эвгина, я воздержусь.

— Не смею настаивать.— Она обернулась.— А чего вы хотите? Чего вы хотели бы в этом своем отпуске?

— Как можно ближе взглянуть на островной фестиваль.

— Сколько угодно! Сейчас все увидите. Представление начинается. Первым номером — Винаta Эспартеро. Прекрасный, кстати, образец расорга.

Кир-Кор не поверил ушам.

— Винаta — расорг? — переспросил он.— Не может быть!..

— Почему это вас взволновало?

Он не ответил.

Пока от Театрального разбегались светлые кольца, Марсана поделилась секретом местного полишинеля:

— Голубоглазая, беловолосая девица скандинавского происхождения Биргитта Эдельстам. Обладая сильным, «атакующим» голосом, она... Понимаете ли, ей просто необходим был облик гордой испанки. Бывает, расоргами становятся из любви к искусству.

Он молча смотрел, как над верхушкой острова развертывается голубое крыло. Грани архитектурной диадемы вспыхивали лучами холодного света.

— Помню, Биргитта пела и танцевала фанданго, встряхивая беленькими волосенками,— продолжала Марсана.— Это было смешно, ее никто не принимал всерьез. А теперь Винаta Эспартеро вполне могла бы соперничать с легендарной Кармен. Властная, порывистая, резкая... Изменился даже характер.

— Эспартеро очень талантлива,— вставил Матис.

— Эспартеро безумно талантлива,— уточнила Марсана.

«Это я, увы, уже испытал на себе»,— подумал Кир-Кор.

Луна окатила остров ливнем фиолетовых лучей. Розовое крыло декоративной светопластической скульптуры с внезапностью взрыва развернулось во весь небосвод. Посветлело над морем, ясно обозначилась граница между воздухом и водой. Свечение длилось недолго, и, пока оно длилось, он чувствовал на своем лице взгляд Марсаны.

Зарево угасло. Под куполом ночного неба возникло пурпурное сияние, вода отразила густой и протяжный, сразу проникший в грудь колокольный удар.

Производителем красочных фантасмагорий такого масштаба была, конечно, Луна. Кир-Кор с прищуром взглянул на многоцветный букет колких точек, пылающих в Заливе Радуг. Батарея дальнобойных динаклазеров работала в «мягком», конечно, режиме, но плавать под ее прицелом — удовольствие сомнительное. Это как прогулка в тени деревьев, под одним из которых дремлет лев. Кстати, по новастринскому календарю после дня стерха наступает ночь тигра. На Финшелах ночь тигра обещала быть ночью разочарований...

Театральный — словно дымчато-сизая с красными сколами глыба стекла. Синей зарницей полыхнула его роскошная диадема —

и над сценическим центром главного фестивального действа возник на большой высоте зеркальный мираж: атмосферное зеркало отразило внутренность многолюдного амфитеатра.

Отлакированное пурпуром море стало наполняться химерами светопластики. В бушующей пене декоративно-зеленых волн с трубным ревом мчалась на рыбохвостых конях яркая, сумасшедше-крикливая кавалькада Нептуна. Кир-Кор опять посмотрел на зеркало миража. Знатоки правы, амфитеатр забит людьми до отказа.

— Пора,— непонятно кому сказала Марсана.

Третий удар невидимого колокола — и в красном пространстве подлунного мира устрашающе вспухло облако черных и пепельно-серых дымов. Как вулканический выброс. В дымных локонах тонули светляки Приземелья — орбитальные станции, космопромы, терминалы, зеркала орбитальных платформ,— и Кир-Кор уж было решил, что устроители спецэффектов в чем-то здорово промахнулись. Облако громоздко поворачивалось под аккомпанемент какого-то невнятного дребезжания с очень слабой претензией на музыкальность, источником звука была, несомненно, вода. И чем дальше, тем больше оно, это странное облако, походило на колоссальный парик из темных волос...

Кир-Кор осознал вдруг, что видит перед собой сотворенное в атмосферном объеме изображение головы. Профиль Винаты. Черные дуги бровей, идеально прямой нос расорга, приоткрытые пухлые губы.

В завершающей стадии поворота — знакомый взгляд по-колдовски сумеречно-глубоких карих глаз. Тех самых, которые, говорят, отливали когда-то голубизной...

Как пену, смахнул с водного зеркала невнятное дребезжание мощный поток органоподобных созвучий, и на поверхности моря восстали мириады фонтанных струй. Начиналось не представление, а наваждение пополам с наводнением. Высокие струи участками размывали голову атмосферного колосса — «выедали» большие проталины,— и наконец сквозь арочную готику его стеклянистого остатка опустилась на поле фонтанов фигура женщины в белом. Темноволосая голова, обнаженные плечи... Фигура увеличивалась в размерах, вспененный шлейф концертного платья сеял в фонтанных аллеях электрическое сверкание.

— Теперь пора,— сказал Матис и с помощью спикарда направил судно вперед.

Казалось, катамаран приближался к айсбергу. Суденышко шло на белую стену, казалось, как на таран...

Вместо удара таранного был удар по глазам плеснувшей в лицо белизны. И опять — фонтанное поле, но уже с иным рисунком танцующих струй. И женщина в красном. За ее спиной — спокой-

ный свет декоративно увеличенного Сатурна с контрастно-угольной тенью Кольца. Кир-Кор, неподвижно стоя со скрещенными на груди руками, смотрел на Винату. Вернее — на смуглую ипостась Биргитты Эдельстам... В красном Биргитта очень напоминала Винату фестиваля в Созополе. Ту, с которой он два года назад целовался на теплом песке у опрокинутой кверху дном лодки. Ночь любви случилась безлунная, звездная, фонтанирующий весельем Созопол светил огнями через залив, пахло морем, фиалками, спелой вишней и дымом догорающего на холме костра, и этот смешанный аромат долго потом снился ему в Россоше на Новастре. Снился даже чаще, чем сама Винata. Наверное, это к лучшему. Слишком часто видеть Винату во сне — верный шанс сойти в конце концов с ума от желания и тоски. Возможно, ему было бы легче, если б он знал, что внешность Винаты — мираж, сценический образ...

Музыка набирала немыслимую для открытого пространства глубину и мощь. Звучали волны, звучала вода. Незнакомая ритмика резких, но красивых созвучий. Фигура Винаты умножилась: семь разновеликих фигур в одеждах семи цветов спектрального ряда. Самая крупная, та, которая в фиолетовом, тонула в объединенном сатурно-лунном сиянии. Которая в голубом, купалась в лучах «диадемы»— потускневшего острова. Которая в красном, напрямую, будто огонь по струне, скользнула к катамарану, дьявольски правдоподобно возникнув у самого борта перед канатами релинга, и неулыбчиво, мельком взглянула на палубу с высоты своего четырехметрового роста. Кир-Кор, холодея, почувствовал, что это ему неприятно.

Тряхнув головой, многофигурная Винata вскинула подбородок, запела. Ее голос ошеломлял реализмом присутствия. Больше, впрочем, ошеломляла фигура певицы у борта. Мучительно было видеть ее напряженное горло.

За спинами новых своих друзей Кир-Кор сел на упругий канат релинга и, не глядя на Винату-Биргитту и не вникая в смысл слов ее песни (текст был глуп и не стоил созданной для него мелодии), печально задумался о печальном, не понимая, откуда печаль. Переливался красками просторный мировой аквариум, в котором плавали рыбы-образы, рыбы-сны, рыбы-фантомы, на которые Кир-Кор тоже почти не глядел,— и над всем этим реял, все это заполнял, насыщал невыразимо прекрасный голос.

И не нужна была особая проницательность, чтоб догадаться: хозяйка этого голоса счастлива. По крайней мере — сегодня. «А завтра я ее не увижу»,— думал Кир-Кор. Он твердо знал, что завтра он ее не увидит. Об этом кое-кто позаботится. Еще до того, как она проснется, утомленная суетой фестивального вечера. К тому ж, если женщина счастлива, вряд ли придется ей кстати незапланирован-

ная внезапность. В образе позапрошлогоднего любовника — тем более.

Сейчас его занимало, как будет происходить его расставание с этой роскошной планетой. И когда? Вряд ли завтра. Скорее всего, послезавтра. Если без выстрелов, то, скорее всего, послезавтра. Эх, месяц хотя бы... месяц-другой. Побродить на просторах северного захолустья, потрещать ледком остекленных утренним морозцем луж, послушать крики улетающих в теплые края гусей...

Голос Винаты пел песню неизбежного расставания. Пел бодро и почти весело.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НОЧЬ ТИГРА

ОСТРОВ ТЕАТРАЛЬНЫЙ

Луна опустилась в тучу на Западе. Кир-Кор взглянул на многоцветные гроздья алмазных звезд, кое-где обведенные серебристо-бело-голубой каймой рентгеновского излучения, и стал следить за приближением береговых утесов. Прибойные волны с шумом разбивались о круто уходящие в ночное море скалы, и, если б у берега не обнаружился вдруг матово-белый, как фосфоресцирующая льдина, мыс аванпорта для малотоннажных судов, шкиперское бесстрашие Матея Карайосифоглу выглядело бы здесь неуместным. За пять секунд до лобового удара «льдина» лопнула, разошлась, и катамаран сбросил скорость на полосе глянцево-темной воды между двумя перронами.

— Приехали,— сказала Марсана. Обхватив плечи руками, словно в ознобе.— Ощущаете, парни, какая здесь первозданность?..

Будто в ответ — звонкий шелест очередного старта с невидимой отсюда авиатеррасы. По верхушкам пальм над высоким склоном скользнули золотисто-желтые лучи фар. Кир-Кор проводил взглядом эскадрилью эрейбусов — двадцать седьмую по счету,— вот такая здесь первозданность. Впрочем, теперь, когда отзвенели соловьиные голоса певцов и отполыхала фантасмагория гигантских светопластических декораций, на островах стало гораздо спокойнее, несмотря даже на старты флаингмашин. Юркие реалеты, мигая светосигналами, взмывали над склоном и разлетались кто куда, а синевато-прозрачные, как мыльные пузыри, грузные, с полной выкладкой габаритных огней эрейбусы тянули все в одном направлении — строго на северо-запад.

— Это в столицу,— сказал Матис.— Остров Столичный.

— Кирилл,— сказала Марсана,— вы, должно быть, не знаете... На Театральном нет гостиничного комплекса.

— Но что-то ведь есть? «Пристанищ тут вокруг немало,— заметил опытный хитрец,— шале, вигвам, отель, бунгало. Изба туриста, наконец».

— Есть «Бунгало дель сиело»— фешенебельный катаготий для певцов и актеров. Вас, понятно, туда не пропустят.

— Не волнуйтесь за меня, эвгина.

— Я не волнуюсь — я предупреждаю.

— Я не собираюсь там надолго задерживаться,— объяснил Кир-Кор.— Мне гостиница не нужна.

— Может, нам подождать у причала? — спросил Матис.

— Нет. Я и так в долгу у вас за дивный вечер. Благодарен безмерно.

— Правда? — Марсана все еще потирала плечи руками.— Вам и вправду понравилось? Что понравилось больше всего?

— Совместное наше плавание. Вот... возьмите на память.— Он помог Марсане разнять половинки феррованадиевого пенальчика.— Подставьте ладонь.

— Что это?.. Какая прелесть! — Она уставилась на точечные огонвки, непостижимо хитро, волшебно, необъяснимо парящие над продолговатым на ощупь кристаллом. Их было три — два голубых и один синий.

Стоило дрогнуть руке — огоньки мгновенно перемещались в пространстве. Но между собой эти искронодобные точки сохраняли четко фиксированную дистанцию: две голубые — тесной парой, синяя — чуть в стороне.

Перешагнув канаты релинга, Кир-Кор обернулся. Трехточечный самоцвет Планара, бесспорно, произвел на Марсану сильное впечатление.

— Откуда это? — настаивала она.

— Издалека.

— Точнее вы не могли бы ответить?

— Точнее... очень издалека. На всякий случай, не подносите кристалл слишком близко к глазам при солнечном свете.

— Не буду. У него есть свое имя?

— Общепринятого названия минерал пока не имеет.

— Все эффектные драгоценные камни имеют личные имена.

— Действительно... «Синяя птица». Как? Подойдет?

— Желаете мне удачи!.. Спасибо, Кирилл. Вдруг захотите свидеться с нами — добро пожаловать на остров Контур. На тот, где сегодня на рейде «Синяя птица». У вас развито чувство пространственной ориентировки?

— Надеюсь.

— Тогда легко найдете наш Центр. Немногим труднее найти претора директории Центра — это Матей Карайосифоглу. Как правило, всегда на месте эксперт по морской акустике Марсана Панкратия Гай — это я.

— Центр зонального резервирования популяции бутылконосых дельфинов,— уточнил Матис.

— Запомнили, Кирилл? Нет? Повторить?

— Как правило, запоминаю с первого раза.

— Не делайте сегодня исключений. До свидания. Чувствую, торопитесь уйти. Ну что ж, идите. Всего вам самого доброго.

— Прощайте, эвгина. Прощайте, Матис.— У него не повернулся язык произнести «до свидания».

— До свидания,— произнес Матис.

«Это если мне исключительно повезет»,— подумал Кир-Кор.

— Да,— спохватилась Марсана,— а куда нам... высотную амуницию?

— Куда угодно, способ утилизации выбирайте сами.

— Я сделаю из вашего гермошлема кубок. Буду пить из него ледяное кокосовое молоко, охлаждая жгучее чувство своего тропического одиночества... Поцелуйте меня, Кирилл.

«Ну конечно,— подумал Кир-Кор,— ради этого я так сюда торопился».

— Не хотите поцеловать меня на прощание? Почему?

— У меня есть причина не делать этого.

— Я сама сделаю это. Почти без причин. Обратите внимание на слово «почти».

Со спортивной сноровкой Марсана, опершись бедром о канат, перебросила свои длинные босые ноги с палубы на перрон. Ярко блеснули «павлиньи глаза» ее платья, голые руки неторопливо и нежно обвили окаменелую от напряжения шею Кир-Кора. Он сразу вспомнил руки Винаты, и нехорошее предчувствие, так некстати охватившее его во время пения Винаты-Биргитты, вернулось и стало похожим на приступ внутренней боли.

Поцелуй Марсаны был ошеломительно жарким. Наверное, для нее это был откровенный, желанный, живой поцелуй. Для него — пытка мучительным раздвоением. Марсане пришлось тянуться кверху, привстать на носки — он поневоле обнял ее упругое, все еще окутанное флером неистребимого аромата календулы гибкое тело. Рядом витал призрак Винаты...

Перрон был длинный. Кир-Кор шел не оглядываясь. АураМарсаны так хорошо ощущалась на расстоянии, что он, наконец, обратил на это внимание. Ауру Матиса он просто не замечал. Ошеломление от поцелуя не проходило. «Сквозь тихое журчанье струй... сквозь тайну женственной улыбки к устам просился поцелуй»[1],—

[1] Александр Блок.

припомнил он, пытаясь перевести это ошеломление в плоскость иронии. Не получилось. Недовольство собой — вот все, чего он достиг. Потому что сам во всем виноват, неправильно повел себя в общении с чуточку эксцентричной, привлекательной женщиной. Да? А как правильно было себя вести? Маневрировать, прикрываясь словоблудием коммуникабельного шута? Мерзко. Ставить психоблокаду? Прямое посягательство на третью статью МАКОДа, параграф восьмой. Блокировать эротосферу эмоций? А произвела бы эмоблокада нужный эффект? Сомнительно. Более чем. Женщине с такой аурической мощью любая степень щадящей эмоблокады — слону одуванчик.

Линейки перронов заканчивались перед вырубленной в скальном массиве щелью прохода. Кир-Кор, вспомнив фильм о Финщелах, узнал это место. В фильме, щель имела название... То ли «Ворота Аркадии», то ли «Путь Атланта». Строителей заботили, видимо, прежде всего размеры прохода по вертикали. Словно проход предназначался для шествий с высоко поднятыми знаменами. Плита опасно нависшего над проходом гранитного архитрава покоилась на плечах какого-то трудно опознаваемого мифического полубога. Полубог был молод и гол.

По законам нормальной архитектурной симметрии архитраву удобнее опираться на плечи титанов слева и справа. Но правый титан, когда-то отколотый от массива землетрясением или ударом огромной волны, пал навзничь. Задранный кверху локоть могучей руки грозил небесам, а бородатая голова странно и жутко была приподнята над гранитными валунами. Поверженный исполин был зрелого возраста. Изнемогающий под тяжестью архитрава титан помоложе, казалось, смотрел на бездействующего напарника с изумлением и упреком.

Кир-Кор мимоходом оглядел панораму крушения. Бородатый рухнул у кромки воды так удачно, что служил теперь хорошей защитой от захлестов прибоя. Слишком удачно... Его диспозиция выдавала архитектурную ложь. Не было тут ни обвального землетрясения, ни цунами. Камуфляж. Имитация естественной катастрофы. Ансамбль грандиозного разрушения был задуман архитекторами изначально.

Внутри массива проход расширялся, и недалеко от входной щели начиналась лабиринтная путаница вырубленных в скале ниш, гротов и крупногабаритных полостей, связанных между собой системой сквозных проемов и расширяющихся, наподобие раструбов, фривольно изогнутых переходов. Подвешенные на цепях старинные светильники с хрустальными украшениями не слишком уверенно освещали вогнутые потолки сквозь решетки щедро вызолоченного помпезного обрамления декоративных консолей. Куда ни повернись — стрелочные указатели. Великое множество стрелочных ука-

зателей, ярко пылающих, но неизвестно на что указующих. Кир-Кор шагал наугад. Забредая в тупиковые гроты, он неизменно обнаруживал там постамент из гранита, увенчанный базальтовой головой слона с короткими бивнями. Гроты эти можно было принять за некие катакомбные захоронения особо отличившихся чем-то перед людьми представителей рода Elephas. Если бы не надпись на постаментах. На всех постаментах надпись была одинакова: МАРАКАС. Буквальное совпадение с популярным дигейским ругательством развеселило Кир-Кора.

Встречались и постаменты без надписей. Шеренгу из десяти таких постаментов Кир-Кор обнаружил в широком, сплошь остекленном коридоре, и каждый из них был анонимно увенчан головой матерого гиппопотама. Это не было десятикратным повторением скульптурного «портрета» одной и той же особи Hippopotamus amphibius, однако и существенных различий в окаменелых чертах изваяний Кир-Кор не заметил. Кстати, вопрос о вероятии экзотических захоронений здесь отпал сам собой, поскольку своеобразная конструкция пола позволяла смотреть сквозь плиты прочного, как алмаз, и прозрачного, как молодой лед, керамлита. Под плитами — ничего, кроме ажурных опор и подсвеченного снизу потока воды. Поток подчинялся ритму берегового прибоя: вода толчками увлекала вдоль коридорного канала медуз, креветок, нити водорослей, рыбью мелочь; кувыркаясь, как сорванный с дерева лист, пронеслась пурпурная морская звезда.

Коридор-канал «впадал» в большую пещеру, освещенную, как показалось Кир-Кору издалека, жарко пылающими кострами. Освещение впечатляло.

Ступая по керамлитовой тверди над глубью подземного озера (и не испытывая при этом ни малейшего удовольствия), он видел на далеком дне подсвеченные скалы. Языки рубиново-красного, желтого и розового пламени, стекая по стенам, создавали во всех направлениях неуютно обширного пещерного интерьера своеобразные световые эффекты, сильно искажающие перспективу; в сочетании с высокими потолками и слишком прозрачным полом это странным образом порождало иллюзию грандиозного мирового пожара: все четыре стороны света представлялись охваченными огненной бурей — север, запад, юг и восток...

Центральный участок прозрачного пола, над самой большой глубиной, был занят строгим каре красновато-коричневых кресел. Кир-Кор остановился. Каре покоилось на цилиндрическом, словно выросшем из подводных скал основании и содержало в себе ровно сто шестьдесят девять мягких красно-коричневых единиц. Каждое сидение украшал искусно выполненный рисунок — реалистическое изображение рога изобилия. Все изображения были стандартными относительно самого рога, а вот через край сыпалось разное: кор-

неплоды и клубнеплоды, монеты и ордена, кирпичи и лопаты... На сидениях ближайших кресел — рыбное изобилие, плодово-ягодное, злаковое, журнально-книжное. Над спинками кресел по обе стороны изголовья торчали большие черные наушники. Это выглядело как приглашение сесть и послушать. Почему-то вдруг вспомнился кресельный подъемник в Мировом музее сословных революций. Вспомнился, видимо, кстати. Секунду поколебавшись, Кир-Кор придавил своим телом журнально-книжный поток. Грандиозное зарево мирового пожара сразу погасло, вспыхнуло множество указателей, повернутых стрелками кверху. Подлокотники, звонко щелкнув, сомкнулись полукольцом страховочного захвата, кресло приподнялось, выдвинулось из ряда себе подобны/ плавно повернуло против часовой стрелки и устремилось к потолочному своду, где уже раздвигались одна за другой красные и желтые диафрагмы конического входа в шахту подъемника. В наушниках звучала нежная сентиментальная мелодия, ностальгически-сладкая, трогательная до слез. В шахте свирепствовали сквозняки, пахло пылью, и Кир-Кор ощутил себя запоздалым туристом.

Наверху — утопающая в цветах обширная смотровая площадка. Ветерок над обрывом, шум кипящего внизу прибоя. Запоздалый турист даже не видел, как провалился в свою красно-желтую преисподнюю красно-коричневый дефинитор печатного изобилия. Привыкая к головокружительным запахам местных растений, он смотрел с высоты гранитного выступа на огоньки в проливе между пирамидальным островом Контур и плоским его соседом. Пролив был виден отсюда как на ладони: туристская флотилия рекой искрящихся самоцветов обтекала застывшую на рейде скромно иллюминированную «Пацифику». Огни «Алмаза» покачивались в открытом море. Суденышко успело выполнить маневр под парусом и взять курс восвояси. Наблюдая за ходом катамарана, Кир-Кор обнаружил, что все еще продолжает чувствовать ауру Марсаны. Свет звезд переливался на гладких спинах ленивых волн ртутным блеском, из глубины пробивались наверх пятна таинственной люминесценции,— вид ночного моря завораживал. Способность Марсаны генерировать пси-радиацию дальнего действия интриговала. Слишком редкая среди землян способность...

Он перевел зрительное восприятие в область пиктургии инфракрасного диапазона. Море сразу стало другим. Не море — пустынная переливчато-коричневая плоскость. Такое море не могло завораживать, зато теперь он легко разглядел на фоне пустынного однообразия уходящее судно, вертикальную красную черточку на борту, угадал в ней фигуру Марсаны и адресовал ей ментальный оклик. На ответ он почти не рассчитывал. И напрасно. Ответом был дикий всплеск совершенно неорганизованного ментаполя. Он ничего не понял (кроме разве того обстоятельства, что управлять

своим ментаполем Марсана решительно не умеет), однако успел зафиксировать особенности ее ауро-модуляционной стихии. Другими словами, успел настроиться на чужой камертон (так пламя свечи, вспыхнув, избирает своим камертоном фитиль). Теперь он должен был попытаться использовать камертонный эффект для импринтинга. Для запечатлевания. Для ауристического запечатлевания. Коль скоро она ответила на оклик, имелось вероятие того, что импринтинг может состояться. Вероятие мизерное и напрямую вдобавок связанное с происхождением. Имеется в виду дигейская ветвь генеалогического древа... А вдруг.

Внимание случайного прохожего наверняка привлек бы застывший у парапета рослый человек в рубахе, украшенной светящимся биоценозом верхней юры. Человек очень сосредоточенно (как и подобает внимательному наблюдателю) вглядывался в темноту открытого моря... закрытыми глазами. Что видит он сквозь плотно сомкнутые веки? «Да,— спросил себя Кир-Кор,— что же я вижу?..» Он никак не мог определиться в пространстве поля зрения Марсаны. В темной, овальной, подобно очертанию глаза, вселенной виделось нечто округлое, еще более темное, кое-где пронизанное лучистыми звездочками проблесков... Аура Марсаны, увы, не обладала поисковой реактивностью — дикая и потому беспомощная как младенец аура, и наивно было бы ждать от нее осмысленной пиктургии. Даже в ответ. С другой стороны, чтобы младенец мог развиваться нормально, с ним надо общаться. Бережно, не пугая. Для начала, к примеру, совместить аурические спектры зрительных восприятий в инфракрасном диапазоне. Чем длиннее «фитиль»— тем ярче охватное «пламя», избравшее своим камертоном «фитиль» чужой ауры.

Кир-Кор, не зная еще, что из этого выйдет, мягко задействовал пиктургический резонанс и тут же вызвал у себя в висках специфическое состояние, грубой аналогией которого можно считать физическое состояние брошенной на воду сухой губки.

В овальной вселенной зрения Марсаны что-то произошло. Что-то сдвинулось, словно сошла пелена, округлая темнота приобрела коричневатый оттенок, а верхняя часть овала заметно побагровела. Кир-Кор чуть усилил резонансный нажим и резко расширил спектры основных восприятий. С внезапной ясностью он увидел вверху подсвеченную багрянцем палубу катамарана и на несколько мгновений потерял ориентировку в пространстве. То ли палуба над головой, то ли он завис над палубой вверх ногами... Подрабатывать пиктургический ракурс он не решился — оставил как есть.

Из каюты вышла вверх ногами вишнево-красная фигура с каким-то свертком в руке. Послышалось шипение баллончика — сверток уродливо вспух, прилип к перевернутой палубе вогнутой глыбой. Пневмокресло, понял Кир-Кор.

Возглас Марсаны:

— Матис!..

— Что случилось?

— С тобой! Посмотри на себя! О, небо!.. Взгляни на свои руки!

Матис, помедлив, спросил:

— Что я должен видеть на них в темноте?

— Ты светишься, как раскаленный идол из металла!

— Да?.. Как Молох?

— Смотри, и с морем что-то случилось!.. Неужели не видишь? Красновато-коричневое и кое-где прозрачное в глубине... И звезды какие-то странные...

— Позволь... а с тобой ничего такого?..— обеспокоился вишнево-красный Матис-Молох. (Действительно, непривычное и, наверное, жутковатое зрелище для Марсаны).— Ты сядь, пожалуйста, сядь.

— Мне надо сесть,— согласилась Марсана. Пневмокресло дернулось, исчезло, и вместо него Кир-Кор увидел у себя над головой протянутые к бортовому канату длинные, налитые пурпурным свечением ноги.— О, смотри, и я с огоньком! — Она растерянно рассмеялась. И тут же оборвала смех.

— Перегрелась на солнце? — предположил капитан.

— Ничего подобного. А вот если... Может, внушение?

— Откуда?

— Мне кажется, все это — результат общения с Кириллом. Есть в нем что-то такое... магическое.

— Ты это как-нибудь ощутила? — с тревогой спросил светящийся Матис. Присел на корточки, словно приклеился к перевернутой палубе головой вниз, как летучая мышь, положил рядом спикард. На багровом лице — рубиновые яблоки глаз.

— Перед тем, как все вокруг покраснело, я очень явственно слышала свое имя. Будто голос Кирилла... И после этого... так странно.... Может, я сошла с ума?.. Чувствуешь? Умопомрачительно пахнет левкоями... Нет, аромат пуэрарии.

— Пуэрарии!..— протянул Матис.— П-понятно...

— Что «понятно»? Ох, ну и вид у тебя!

— Это тебе, кузина, привет с Театрального.

— Какой еще привет?

— Аурический. Точнее — ментааурический оклик.

— Чуточку бы яснее, кузен...

Матис молчал.

— Взялся говорить — договаривай!

Матис молчал.

— Помнится, ты осмотрел его стетосканом. И что же?..

Матис упорно молчал.

— Что? — настаивала Марсана.— Два сердца? Ганглии кислородной абсорбции? Сатиллитовый надселезеночный суперганглий? Что?

— Ничего,— сказал Матис.— Кирилл был непроницаем.

— А стетоскан твой в порядке?..

— Думаю, да.

— Поворачивай на Театральный,— тихо распорядилась Марсана.— Почему ты мне ничего не сказал?

Матис молчал.

— Я сказала, поворачивай! Или хочешь, чтобы я самостоятельно, вплавь?

— Нет,— выдохнул Матис.— Не надо. Не заводись. Даже если он действительно грагал...

— О, я безмозглая водоросль! — простонала Марсана.— С первого взгляда было заметно, что он не просто дигеец!..

— На твоем месте я сперва поразмыслил бы, зачем он так стремился на Театральный.

— Знаю зачем. Догадалась. Не настолько же я водоросль! Увы, там его ждет мощное разочарование.

— Это его забота,— сказал Матис.— Его. Понимаешь?

Теперь помолчала Марсана.

— Обезоружил меня ты своей правотой,— наконец признала она.

— Ты умная женщина,— с грустью в голосе резюмировал Матис.

— Я талантливая. Так талантливо усложнять себе жизнь...

— Поэтому я обязан рассказать тебе одну вещь, которая... либо излечит тебя...

— Продолжай. Либо?..

— Либо усложнит твою жизнь еще больше.

— Я слушаю.

— Слушать легко, а вот говорить... Я обещал твоей матери не говорить тебе этого. По крайней мере, еще три года.

— Матис, ты меня ужасно заинтриговал.

— Ей хотелось, чтобы ты не знала этого вообще.

— По крайней мере — до своего тридцатилетия?

— Да.

— При чем здесь мой будущий юбилей?

— А позже эта сокрытая информация не будет иметь для тебя прикладного значения.

— О, мой интерес вырос втрое! Ты решился нарушить табу самой обожаемой из своих многочисленных теток!..

— Не осуждай ее, в пользу табу есть веские доводы. Вернее — были. Она «виновата» в одном: хотела видеть свою дочь счастливой.

— И вдруг сегодня этому помешало некое обстоятельство?

— Еще нет, но... Я не слепой, Марсана.

— Приятно мне это знать.

— Я тебя хорошо понимаю. Конечно — молодой, эффектный грагал. Если он и в самом деле грагал. Море ясноглазого обаяния... Они чрезмерно обаятельны здесь, у нас на Земле. Но там... Может быть, так, у себя, они не совсем такие или совсем не такие, кто знает. Может, недаром их пытаются отгородить от нас запретительными параграфами «Конвенции Двух».

— И соответственно — нас от них? — выпалила Марсана.

Матис пропустил ее реплику мимо ушей:

— Лично я ничего не имею против грагалов. Даже немного завидую им — меня как биолога восхищают результаты их специфической эволюции. Но они другие люди, Марсана. Они живут иной жизнью, и вряд ли она пришлась бы тебе по вкусу.

— Милый мой кузен, меня одолевает недоумение. Похоже, вместо обещанной информации ты, не моргнув своим ужасным глазом, предлагаешь мне делать выбор.

— Оставайся на Земле, Марсана. Здесь тебя любят. Будут ли тебя любить там?.. Подумай.

— Говоришь так серьезно, будто я уже собралась в иные миры!..

— Один опрометчивый шаг с твоей стороны — и у тебя не будет выбора.

— Не понимаю... Тебя насторожил мой поцелуй?..

Матис молча поднялся, подобрал спикард.

— Один опрометчивый шаг еще ничего не значит,— сказала Марсана.— К сожалению... Впрочем, ты знаешь это не хуже меня.

— Есть особые обстоятельства,— сказал Матис.— Опрометчивый шаг — назовем это так — будет стоить тебе земного гражданства.

— Бредишь?!

— Нет.

Нависло молчание. Матис выдержал длинную паузу.

— Импринтинг,— вдруг сказал он.— Кажется, так это у них называется. Импринтинг, будь оно проклято! Похоже, Кирилл тебя разбудил.

— В каком смысле?..

— У тебя не совсем обычная судьба, Марсана. Дело в том... Дело, видишь ли, в том... Короче говоря, ты — дочь грагала.

Бурный финал: резкие, как вспышки молний, проявления ее ауро-поисковой реактивности. Совершенно самостоятельной, кстати. «Ну вот и все»,— подумал Кир и оборвал пиктургию. Повернувшись к морю спиной, начал подъем по ступеням громоздкой каменной лестницы. Подальше от обрыва. Подальше от чужих проблем, которые он усугубил вмешательством.

Главное сделано — импринтинг состоялся. Теперь она хотя бы сможет по мере надобности пользоваться своей врожденной способностью видеть в более широком, чем это доступно землянам, диапазоне. Это существеннее самоцвета с Планара. Она разовьет в себе и другие способности. Если, конечно, захочет. И если не будут мешать, отговаривать. Родня Марсаны поступила с ней некорректно. Чем позже дочь грагала узнает, что она дочь грагала, тем больше адаптивных проблем ее ждет. Вопреки мнению тетушек Матея Карайосифоглу, за гранью тридцатилетнего возраста проблемы эти бесследно не исчезают. Проблемы тут же возникнут, как только Марсана захочет взглянуть на отца... А она захочет, можно не сомневаться. Хорошо хоть ее замороченный тетками кузен взял в толк наконец, что будет лучше предоставить право выбора ей самой. Ей, Марсане Панкратии Гай... Кажется, назревает крупный сюрприз для Пан-Гая из Эпидавра...

Плети пуэрарии густо, цепко и ароматно оплели каменные перила по всей длине лестницы. Мало того — расползлись в обе стороны по откосу живыми коврами, захватили плацдарм наверху: ее побеги опутали колоннаду ротонды, перекинулись на кусты и деревья и образовали над тротуаром неширокой аллеи низко свисающий полог.

Аллея уводила вправо с заметным подъемом — огибала, видимо, склон. Под сенью пышных кустов камелии и кокосовых пальм Кир-Кор ощутил себя так, будто ночь застала его в нескончаемом, сильно заросшем листвой и цветами тоннеле. Он плохо видел зелень во мраке: мутно-оливковый цвет, силуэты листьев, как бы подернутые несуществующим флером... А вот цветы излучали интенсивное голубое свечение. Под ногами змеились фосфоресцирующие узоры тротуарной мозаики. В поисках катаготия ему пришлось идти наугад.

В глубине мутно-оливкового «тоннеля» забрезжило сияние. Вернее, забрезжили тусклые пятна от весьма экономной подсветки. Постепенно пятна оформились в подсвеченный снизу каменный лик какого-то демона и в его же могучий, идеально круглый, как глобус, живот. Театральный буквально утыкан множеством разнообразных изваяний, Кир-Кор знал это и прошел мимо не останавливаясь. Современную имитацию тотемов древних культур он ценил не слишком высоко. Что-то, однако, заставило его оглянуться. Демон, повернув клыкастую голову на короткой, но, судя по всему, исключительно подвижной шее, смотрел ему вслед огненными зрачками.

Аллея вывела на виадук, и запоздалый турист снова получил возможность обозреть панораму ночного моря. Центр панорамы — высокий остров Контур и его невысокий сосед, похожий на стол, тесно заставленный приготовленными к сортировке большими

кристаллами самоцветов. Иллюминации там поубавилось, но все так же пронзительно вспыхивал проблесковый маяк, посылая призывные светосигналы одиноким судам. Кир-Кор оглядел нависшие над океаническим горизонтом звезды и остро, как никогда раньше на этой планете, ощутил одиночество. Мысленно пропел под неумолчный аккомпанемент цикад:

И в голове моей проходят роем думы:
Прародина, ужели это сны?
Ведь я почти для всех здесь пилигрим угрюмый
Бог весть с какой далекой стороны...[1]

Настроение автора песни ему не нравилось. Собственное — тоже. Он ускорил шаги.

За виадуком — подъем, поворот. И еще добрых два километра пышных кустов и деревьев вдоль переливающегося приглушенным свечением тротуара. Потом кусты кончились. Справа и слева — нагромождения гранитных глыб. Без кустов тротуар выглядел голым, хотя над ним шелестели на легком ветру султаны пальмовых вееров. Крутизна склона здесь была меньше, из чего Кир-Кор заключил, что выбрался наконец на «арктические широты» островного купола. «Где-то в этом районе должен быть катаготий»,— прикинул он, обнаружив, что большинство останцев гранитной твердыни пали жертвами современных ваятелей. На каждом шагу — рисуночные псевдохараппские письмена, барельефы, скульптурные ниши. Уровень мастерства подражания оставлял желать лучшего. Приятным исключением здесь можно было считать горельефы и резные колонные фасада монолитного «скального храма». Особенно колонны. Они и в самом деле напоминали другую эпоху. Оттого, может быть, что были обвиты молодыми лианами.

«Храм» вполне мог оказаться декорированным входом в подземные яруса катаготия. Кир-Кор переступил порог. Громкое шипение всколыхнуло воздух — будто спустили пар из котлов старинной машины. С непереносимым скрежетом повернулась сзади каменная плита, заполнив собой весь дверной проем без остатка, в мутно-желтом сумраке вспыхнули и поплыли вдоль карнизов красные фонари. Возникла заунывная мелодия, лязгнул металл — посреди помещения ритмично задергалась, подражая переборам лап паука, многорукая бронзовая фигура, обвитая кобрами. Шива Натараджа собственной персоной... Танцуя, Натараджа звонко топтал беспомощно распростертого на полу гуманоида. Топтал с улыбкой. В руках у него кувыркались два факела и какие-то сверкающие предметы непонятного назначения. Не то орудия труда, не то — убийства. Игра красных бликов на мускулах Натараджи,

[1] Начало второй строки четверостишья Сергея Есенина Кир-Кор воспроизвел в дигейском песенном варианте. У поэта она начинается по-другому: «Что родина?»

перестук снизанных в ожерелье человеческих черепов в сочетании с улыбкой на трехглазом лице вызывали сильное желание выйти отсюда вон. Противиться желаниям сегодня было необязательно, Кир-Кор свернул в неведомо куда ведущий боковой проход — каменный коридор с грубо обработанными стенами.

Пологий подъем. Впереди — усеянный звездами прямоугольник выхода. И никаких признаков катаготия. В спину ударил прожекторный луч — в прямоугольнике звездного неба отпечаталась тень ночного туриста...

Необыкновенная иллюзия объяснялась просто: тень проецировалась на воздвигнутую против выхода статую из темного камня.

Статуя изображала человеческий бюст с нечеловеческой головой. Знакомые бивни, хобот, широкие уши. При свете звезд Кир-Кор поискал надпись на постаменте. Как и следовало ожидать, надпись тоже была знакомой. Он потрогал хобот МАРАКАСА. Это был честный каменный истукан, за его полную неподвижность можно было ручаться. МАРАКАС...

Пробираясь сквозь заросли дикой корицы, Кир-Кор тщетно пытался выкинуть из головы навязчивое имя, если это, конечно, имя, а не словесная форма какого-то иного понятия, не связанного с ономастикой. До сих пор он уверенно полагал, что слоноголовый сын Шивы, бог хитроумия и толпы низших божеств доарийского пантеона, назывался Ганеша. Видимо, устроители Театрального в отношении слоноголовых имели сугубо свои представления.

Узкая тропа собиралась, похоже, исчезнуть совсем, то и дело приходилось защищать лицо от ветвей локтями. Какие-то насекомые выделяли здесь невыносимый мускусный запах...

Заросли кончились, тропа нырнула в промежуток между двумя вертикально установленными каменными плитами доисторической наружности. Дохнувшие на путника дремучестью тысячелетий менгиры были увенчаны гранитным блоком грубой обтески. Пройдя через это подобие узких ворот, Кир-Кор ступил на лужайку, окруженную мегалитами. Сквозь подошву кедов почувствовал: трава газона искусственная. Периодически где-то шипела пневматика, на лужайке перекатывались, плавно подпрыгивали и невесомо парили в воздухе розово-голубые шары метрового диаметра. Время от времени какой-нибудь шар начинал «постреливать»— с фейерверочным треском извергать из себя поток информации: слепящие надписи, цифры, символы. Местный вариант дизайна мировых часов. Дизайн отличался оригинальностью. Комплекс мегалитических сооружений оригинальностью не отличался, ибо наличествовал здесь архитектурный плагиат — копия знаменитого Стоунхенджа. Кир-Кор поднял взгляд к вершине соседствующего с мегалитами утеса. И замер. Там, под звездным куполом неба, высилось колоссальное белое изваяние женщины с крыльями. Крылья

опущены, руки прижаты к груди, созерцательно-вдохновенный дивный лик обращен на восток. Поза ожидания и надежды...

Яркий «выстрел»— прямо в глаза. Кир-Кор пнул мягкий шар и направился в обход подножия утеса. Кстати, «выстрел» напомнил, что в столице Финшельского архипелага истекло уже полтора часа после полуночи. Этот факт недвусмысленно осложнял идею свидания на Театральном.

...Он стоял посреди эспланады недалеко от остекленного входа в холл катагогия. Над головой расходящимся веером нависали горизонтальные корпуса спальных секций. Ниже эспланады на пологом склоне благоухал тропическими ароматами парк с бассейном и цветниками. Горизонтальные корпуса, точно длинные пальцы, тянулись к верхушкам парковых пальм. Корпусов всего пять, и при некотором воображении их можно было сравнить с растопыренной пятерней погребенного в скалах робота-исполина. «Большой палец» (метрически равный, кстати, всем остальным) указывал в сторону далеких источников красных искр, мерцающих где-то на уровне океанского горизонта. Наверное — маяки скрытого за горизонтом столичного острова. «Указательный» указывал прямо на Полярную звезду.

Итак, вход. Которым в принципе можно воспользоваться. Но лучше повременить. Сквозь стекло было видно, как в холле у ночного кинематического светофонтана оживленно беседовали мужчина в ярко-голубом, перепоясанный чем-то вроде зеркально-блещущей портупеи, и три женщины — в золотистом, белом и ярко-оранжевом. У каждого из собеседников язычком огня пылало в прическе карминно-красное перышко (у эвандра — длинное щегольское перо, точно у Мефистофеля). Судя по интенсивной жестикуляции, беседа проходила в атмосфере полного взаимонепонимания. Портупееносец, теснимый троицей к раковине светофонтана, вдруг вскинул руки над головой и, закатывая глаза, стал торопливо, взволнованно говорить о чем-то, призывая, должно быть, в свидетели необъятное небо или, как минимум, верхние яруса катагогия. Апелляция к небу вызвала особенную ярость у темноволосой эвгины в ярко-оранжевом: свое перышко она выдернула и от изыбтка негодования растоптала. Кир-Кор перевел взгляд на искусно иллюминированную скульптурную группу за спиной эвандра, вплотную прижатого к парапету раковины. Светофонтан был нимфоэротического типа, и Кир-Кор мимолетно подумал о скульптурах и мастерах светопластики, сумевших с такой весьма экспрессивной чувственностью передать свои представления о красоте женского тела. И только успел он об этом подумать — эвгина в ярко-оранжевом с размаху влепила эвандру пощечину левой рукой. Портупееносец остолбенел. Кир-Кор тоже замер от неожиданности. Воинственная левша обняла за талию светловолосую подругу в белом, и

обе, излучая мировую скорбь, канули в лабиринт декоративной зелени интерьера. Сбитое на пол «мефистофельское» перо подобрала та, которая в золотистом. Сперва она воткнула его в свои охристо-рыжие волосы, затем пристроила на прежнем месте — на голове потерпевшего — и погладила успокоительно-нежно оскорбленную щеку. На этом инцидент, увы, не был исчерпан: внезапно вернулась та, которая в белом, влепила эвандру пощечину правой рукой. И тут же получила пощечину от рыжеволосой. Блондинка в гневе оттолкнула подругу — или соперницу? — и направилась к выходу. Подруга, или соперница, в попытке сохранить равновесие после толчка зацепила эвандра — оба взмахнули руками и очень синхронно перевернулись через парапет в фонтанную раковину. Мощный всплеск. Мельтешение голубых и золотисто-охристых ореолов, неприятно обесцвеченные фигуры нимф, утративших естественность в движениях,— полная дисгармония в работе водяных струй, светопластики и скульптурной кинетики... Суровая мстительница даже не обернулась. А зря. Финальный результат группового взаимонепонимания всегда достоин того, чтоб его хотя бы увидеть.

Стеклянная плоскость выхода полыхнула синим огнем, пропустила блондинку на эспланаду. Кир-Кор проводил ее взглядом. Она слепо и быстро прошагала мимо, спустилась с эспланады в парк, цокая каблучками по ступеням изогнутой лестницы. Красное перо, которое она швырнула в сторону, Кир-Кор поймал на лету, повертел между пальцами и зачем-то сунул в карман. Мимоходом светловолосая окатила эспланаду такой мощной волной ментально трансформированной ненависти, что он задохнулся от ощущения жути и снова посмотрел на тех, кто сумел подобную ненависть возбудить. Оба они — охристо-рыжая и тот... в голубом — стояли в фонтанной раковине по колено в воде. Рыжая раздевалась. Детали одежды швыряла нимфам на головы (одну из последних пыталась надеть на голову злополучного партнера, но остановлена была пощечиной). Расплескивая воду, портупееносец выбрался из раковины, поскользнулся на мокром полу, упал. Поднялся, снова упал. На четвереньках доковылял до безопасного сухого места и, не задержавшись в холле ни единой лишней секунды, исчез. Кир-Кор вздохнул с облегчением. Ему представлялось, что цикл обмена оплеухами наконец завершен. Однако эксцентричные выходки охристо-рыжей, видимо, не достигли еще апогея: в костюме Евы она прошла сквозь струйки воды и взобралась на пьедестал для скульптур с явным намерением увеличить собой число участниц эротического действа. И в этот момент вновь появилась темноволосая в ярко-оранжевом. Сбросив обувь, она с решительным видом полезла в фонтан. Кир-Кор отвернулся.

Диковинные события, происходящие заполночь в холлах мест-

ных гостиниц, лично его не касались. Но это была скверная прелюдия перед свиданием с Винатой. Выкинуть из головы и побыстрее забыть жуткий накал чужой ненависти невероятно трудно. Он представил себе оскорбленную женщину в темноте ночного парка и подосадовал, что не может дать ей в сопровождающие хотя бы нейтрального дьякола. Не имеет права. Здесь, на этой планете, он гость и турист, и, согласно десятому параграфу МАКОДа, не имеет права продуцировать дьяколов даже для собственных нужд. Ему скорее простят его дерзкий побег, чем безобидного дьякола... Нет, побег не простят тоже. Такие дела...

Каждый из нависающих над головой корпусов-«пальцев» имел по пять «фаланг»— пять спальных секций. На каждой «фаланге» с обеих сторон темнели широкие боковые вырезы для аэрации. Спящим артистам весьма показан морской воздух, насыщенный ароматами ночных цветов. Ночному туристу морской воздух тоже показан. Но без сильного запаха. «Ночному туристу почти не мешает ночной аромат,— подумал Кир-Кор, настраивая себя на восприятие источников ментальных полей.— Ночные драмы тоже почти не мешают».

Непросто настраиваться на ясночувствие, превозмогая при этом вязкость разлитых в воздухе ароматов. Ментальный пульс уснувшего человека слаб и прерывист, нащупать его нелегко. Даже в благоприятных одорационных условиях. Еще труднее будет нащупать достаточно близкое сходство сегодняшнего ментапульса, если вообще удастся его обнаружить, с сохранившимся в памяти ментапортретом спящей Винаты. Уверенно отождествить «сонный» оригинал и «сонную» матрицу-воспоминание — то есть уверенно апперцептировать — по силам лишь яснодею. Да и то — яснодею-апперцептору высокого профессионального уровня. Что ж, за отсутствием таковых...

Запрокинув голову, Кир-Кор чутко фиксировал мерцания источников. Он мог надеяться только на интуитивную апперцепцию, а это, как правило, три четверти, если не больше, ошибок.

Первая секция первого корпуса... Не то. Вторая, третья... Тоже не то. В четвертой вообще никого нет. Пятая... В пятой — два источника ментальных полей повышенной интенсивности. Итак, в корпусе «большого пальца»— ничего похожего на ментапортрет Винаты. Теперь «указательный»...

Картина повторилась. С той только разницей, что никого не было в концевой секции — пятой.

По какому-то наитию Кир-Кор сосредоточил внимание на «безымянном». Первая секция. Не то. Вторая. Третья. Четвертая... Не то, не то, не то! Пятая. Внимание... Стоп!.. Запах мешает. Проклятые ароматы, м-маракас!..

Минуту он колебался. Меньше всего сейчас хотелось ему оши-

биться. Он еще раз проверил свои апперцептивные впечатления и вынужден был признать, что смущает и дразнит его только источник на «безымянном».

Пятая секция... Десяток метров по прямой. А если использовать ограждение эспланады как трамплин — и того ближе. «На Россоши я прыгнул бы и без трамплина»,— подумал Кир-Кор, проверяя сегодняшнюю свою способность мобилизовать энергию мышц для десятиметрового прыжка.

«Здесь Россошь, здесь прыгай»,— съязвил внутренний голос.

Кир-Кор прикинул, где пройдет траектория взлета и траектория падения (на случай, если ренатурация была не полной). Наметил цель — скобу для крепления аварийно-демпферного тросика,— перевел дыхание и резко взял с места. Короткий разбег с выходом на трамплин, толчок обеими ногами, взлет в прыжке.

Кир-Кор повисел на скобе неподвижно, прислушиваясь. Подтянулся на одной руке, другой ощупал кромку подоконника аэрационного проема. Подтянулся выше и... увидел Винату. С трудом подавил в себе желание окликнуть ее, разбудить. Бесшумно взобрался на подоконник, сел,— прилив безмерной нежности вскружил ему голову. Усилием воли заставил себя отрезветь. Будить Винату — насильственно менять режим певицы в период ответственных состязаний. Дело совершенно непозволительное. Что остается? Остается ждать. Сидеть и терпеливо ждать ее пробуждения.

Он сидел и смотрел на обнаженное тело Винаты, достойное кисти Веласкеса. Или Джорджоне. «Истинно говорю,— произнес внутренний голос,— женщина — лучшее творение Галактики!» «Вселенной?»— попробовал уточнить Кир-Кор. «Вселенную ты не знаешь»,— не согласился внутренний голос. «Галактику, в сущности, тоже,— подумал Кир-Кор.— Один Планар чего стоит!..»— «Да ничего он не стоит!»—«Ну, не скажи...»— «По сравнению с красотой обнаженной Винаты Планар не стоит ровным счетом ничего!»

Вината спала беспокойно. Черные волосы разметаны по изголовью, простыня на овальном ложе кое-где была сорвана с «липучек» постельной подложки и обмотана вокруг ноги. В конце концов красавица ощутила полуночного гостя и, пробиваясь сквозь зыбкий кокон чутких своих сновидений, пролепетала:

— Самул, открой... это я...

— Я не Самул,— машинально ответил Кир-Кор. И уловил внезапную перегруппировку активных зон ее ментаполя. Аритмия пульсаций в активных зонах ему не понравилась. Похоже на приступ сильного страха...

Противоливневый козырек над аэрационным проемом заслонял почти все небо, но сияния даже одной яркой звезды было довольно неурочному посетителю, чтобы заметить, как взволнованно стали вздыматься налитые круглые груди спящей Винаты.

— Самул!..— простонала она и тяжело задышала. Заметалась, точно в бреду.— Самул! Не надо, Кирилл!.. А-а-а! Кирилл, уходи! Самул!..— Голос ее был неузнаваем. Не голос — жалобный стон смертельно напуганного человека.

«Я — кошмар ее сновидений!..»— внезапно понял Кир-Кор, сжимая ладонями немеющее лицо.

Огнем по нервам:

— Самул!..

Надрывные всхлипы.

И снова:

— Самул!..

Кир-Кор бессильно опустил руки. Вспомнился «прогноз» Марсаны. Не захотел верить молве, затеял игру в прятки с судьбой.

— Успокойся, Винаta,— проговорил он тихо, мягко, проникновенно.— Сейчас я уйду, и все образуется. Самул, должно быть, вернется.

Все рушилось. Все, о чем намечталось в разлуке. Пустые прожекты. Ну что ж... Самулу самулово, а выбираться отсюда каким-то образом надо. Кириллу кириллово... Можно, к примеру, покинуть этот гостеприимный альков в режиме аварийно-спасательной эвакуации.

В подоконном боксе он нашарил круглую коробку демпферного тросика с ременной петлей и карабином защелки. Посмотрел на Винату и оставил коробку в покое. Случись что-нибудь — Винаta здесь будет в ловушке. В катаготиях Театрального чего не случается... Он покатал в ладони собственноручно ограненный им для Винаты крупный темно-карминово-красный рубин, сбросил на пол. Привстал на подоконнике и ухватился за край козырька. Вот уж не думал, что выбираться отсюда придется по крышам.

Пятая секция «безымянного» нависала над парапетом примыкающего к эспланаде бассейна. Отряхивая ладони, Кир-Кор взглянул на отраженные в спокойном зеркале воды лучистые бриллианты звезд. И пожалел, что глубокая часть бассейна, судя по вышкам с трамплинами, находится в противоположной стороне, да еще вдобавок отделена от мелководного «лягушатника» островком, всю площадь которого занимал гигантский баньян. А впрочем, баньян рос там не зря...

Ближе других к баньяну был нависающий над водой торец среднего корпуса. Кир-Кор обернулся. Вверх по крутому склону террасами шли остекленные яруса катаготия, испещренные шестиугольными дырами лоджий. На самом верху росли пальмы, и сквозь их частокол едва просматривался край хрустальной чаши амфитеатра. А еще выше сияло созвездие Козерога.

Беззвучно ступая по залитой пластиком крыше, Кир-Кор направился к стеклянному «барабану», откуда гигантскими пушками

торчали тридцатиметровые цилиндры спальных корпусов. Ни одна из лоджий катаготия уже не светилась, умеренно были освещены только фойе, эскалаторы, холлы, кабины подъемников, и лишь в отдельных местах мерцали видеококоны. Фантазия о замурованном в скалах роботе-исполине поблекла. Теперь все это больше напоминало фрагмент антикварного фильма о космических войнах: таинственный броненосец-колосс, готовый к стрельбе планетарными бомбами из пяти пушек чудовищного калибра. Бух-бабах — планетка средних размеров вспухает аккуратным облачком пыли, а затем возвращаются бывшие почему-то в отсутствии хозяева загубленного мирка и начинается жуткая круговерть межзвездной вендетты... «Броненосец носит гордое имя «Самул»,— на ходу придумал Кир-Кор.— Или «Маракас». Эх, Винаta, Винаta... Или Биргитта?..»

Начертанные на крыше огромные буквы сложились под ногами в веселое слово: И ПЕСНИ. Веселое слово было с предлогом,— очевидно, фрагмент девиза или приветствия для участников фестиваля. Вспрыгнув на «барабан» и перебравшись оттуда на цилиндр среднего корпуса, он еще раз взглянул на И ПЕСНИ. Веселое слово причиняло боль. «Песенный период в моей жизни решительно миновал»,— подумал Кир-Кор, начиная разбег вдоль корпуса, на крыше которого было крупно начертано: ТАНЦЫ.

Молниеносный толчок и, как всегда в прыжках на длинные дистанции, ощущение баллистики полета. Кир-Кор приближался к баньяну с неотвратимостью брошенного в цель тамагавка. Перед тем, как врезаться в крону, он увидел отраженную в воде «Лягушатника» фигуру в светлом, летящую среди звезд.

Он вытянул руки вперед для защиты лица, свел вместе локти и со свистящим шелестом вспорол пышный слой жесткой листвы,— упругие ветви гасили скорость. Даже способность видеть во мраке не сразу позволила ему безошибочно сориентироваться во встречном хлестком хаосе и правильно выбирать ветви, удобные для тормозных полузахватов. Один полузахват, второй, третий... Попытка захвата опасно не удалась: хруст, переворот через голову, сильный рывок за штанину. И финиш: изумительно мягкая остановка в каком-то заполненном листьями углублении с колышущимися стенками. Иона в чреве кита... Ух, сколько здесь мусора! Хворост, листья, пух, перья. И самое неприятное — паутина и пыль.

Он ощупал стенки западни,— каждое движение вызывало серию колыханий. Сеть. Мелкоячеистая сеть из фторолакса. Такие сети натягивают над кронами крупных деревьев, если внизу есть «зеленые» бары, кафе. Разорвать такую сеть руками — проблема. А в карманах — ничего похожего на лезвие... Из металла — только жетон-ведемекум.

Простейший выход — испортить жетон. Придется испортить.

Он зажал платиновый диск между ладонями, сосредоточился на его разогреве. Вскоре жетон стал слишком горячим для кожи. Увеличивая зазор между ладонями, он удерживал этот круглый кусок раскалившейся платины в бесконтактном статическом равновесии в воздухе и чувствовал, как наливается кровью лицо, деревенеют руки. Жетон засветился.

Проплавить прореху в сети ребром раскаленного кругляка — минутное дело. Жетон канул вниз рубиновым светлячком и где-то там звякнул. «Надо будет его подобрать»,— подумал Кир-Кор, выбираясь наружу.

Между стволами баньяна был аккуратно расстелен ковер искусственного газона. Ни столиков, ни обычных возле воды надувных кресел, ни «пиратских» (тоже довольно обычных возле воды) гамаков. Вдоль береговой кромки были установлены... нет, даже не лежаки, а широкие, почти квадратные ложа. Деревянные, резные. Но главной для ночного туриста была другая достопримечательность островка: большой стеклянный колпак противоливневого заслона. Под колпаком светился облицованный мрамором спуск в подземный коридор. Кир-Кор подобрал бесполезный теперь жетон (лишь бы вернуть в хозяйство МАКОДа благородный металлолом) и направился в подземелье с надеждой, что коридор ведет в подсобные помещения для посетителей бассейна.

ОТКОС

Подземный дворец, крышей которого были мелководная часть бассейна и островок с баньяном, удивил Кир-Кора своей неимоверной роскошью. Нефритовые, обсидиановые и агатовые орнаменты в коридорах, инкрустированные мраморным ониксом двери, зеркальные простенки, лабрадоровые полы. Яшмовая отделка гардеробной, розоватые зеркала на золотой амальгаме. Круглый холл с великолепными узорчато-синими витражами и поистине дивной лазурито-бирюзовой мозаикой. Тяжеловесные украшения из чистого серебра на облицованных родонитом стенах кафе. Облицованная сандаловым деревом сауна. Золоченое корыто небольшого бассейна с ледяной водой. И только душевые коконы были из современных монтажно-облицовочных материалов: стекло текуче-слоистой фактуры с дендратовидными «капиллярами» подсветки и металлизированный пластик.

После душа он окунулся в ледяную воду и, распространяя вокруг себя какой-то очень сложный аромат цветочного происхождения, вернулся в гардеробную через тамбур сушилки. Отражаясь сразу во всех золотых зеркалах, учинил своей одежде ревизию. То, что было в руках, не годилось даже для утилизаторов. «Чего

это тебе приспичило сигануть на баньян?»— забрюзжал было внутренний голос. «Заткнись»,— угрюмо приказал Кир-Кор. Надел брюки, обулся, бросил в лючок утилизатора изодранную в клочья рубаху и, подметая полуоторванной штаниной плиты мадагаскарского лабрадора, вышел на поиски.

Двери в коридорах нервно распахивались, стоило к ним приблизиться,— вспыхивал свет, и внутри там что-то разнообразно и разноцветно лоснилось, блестело в потоках сияния и умопомрачительно пахло. Парикмахерские, массажные, педикюрные, процедурные... В процедурной Кир-Кор залепил прореху на брюках лейкопластырем.

Дверь салона одежды оказалась в два раза больше других по высоте и в три раза шире. Створки ее раздвинулись в замедленном темпе, вальяжно. Помещение, пропустившее полуголого оборванца, представляло собой круглую, как цирковой манеж, цветочную витрину. Цветы красивые, рода орхидей, но оборванцу, грешным делом, нужно было нечто иное. Из витринных глубин выплыла дуга огненной надписи: ЛАБИРИНТ ОТ КУТЮР МОДЕРН-МОД. Надпись внушила уверенность, что обновить одежду в здешних апартаментах — дело несложное, хотя слово «модерн» несколько настораживало. Дуга сменила огневой цвет на малиновый: МОДЕРН-МОД А ЛЯ МАРКИЗ ДЕ КАРВЕН. Никаких других предложений кроме «а ля» не последовало. Альтернативные варианты не предусматривались.

— Я согласен,— сказал Кир-Кор. И ощутил, как среагировали изменением потенциалов чуткие рецепторы роботронной быт-автоматики. Витрина «лопнула» по вертикали.

Проход вел в большой павильон, разделенный на отсеки щитами разной высоты из полированной карельской березы...

— Добро пожаловать,— с достоинством произнес представительский баритон.— Вы слышите голос своего кутюрье. Прошу сесть в диагностическое кресло.

Кресло удобное, из упругого прозрачного стекла, такие в быту называют «дрожалками». Ничего «диагностического» в нем Кир-Кор не заметил.

— Расслабьтесь, ювен,— посоветовал бытавтомат.

— Эвандр,— поправил Кир-Кор. Удобно откинулся. В пассивном отдыхе он еще не нуждался, но расслабиться на минуту-другую в «дрожалке» было приятно.

— Расслабьтесь, эвандр,— повторил автобыткутюрье,— и вслух помечтайте, в каком наряде вам хотелось бы встретить вечер.

— Утро,— поправил Кир-Кор. Вспомнив портупееносца, он, на всякий случай, добавил: — Меня интересует дневная одежда.

— Хорошо — утро и день. Помечтайте. Пусть это будет проект вашего будущего костюма.

— Нельзя ли без творческих сложностей?

— Вы очень торопитесь?

— Дело не в этом. Просто я не привык мечтать в салонах одежды.

Упрятанный где-то в недрах отеля роботронный мозг понял клиента по-своему:

— Если затрудняетесь моделировать интуитивно, к вашим услугам видеот тождественной вам комплекции и соответственного роста.

В двух шагах от кресла возникло объемное изображение манекена. Фигурой видеот был, вероятно, тождествен и соответствен, однако условно намеченная светопластическим набалдашником голова ничего, кроме ушей, на себе не имела, и это вызывало непередаваемое ощущение физиологической несовместимости. Вдобавок манекен был гол как сокол.

— Думайте вслух, эвандр,— напомнил автобыткутюрье.— Фигуру видеота нам предстоит эстетизировать вместе.

— Я думаю, для начала на него следовало бы надеть плавки,— высказал соображение Кир-Кор.

— Цвет изделия?

— Белый.

— Белый цвет условен, эвандр.— К цвету присовокупляйте оттенок. Заметный или малозаметный.

— Голубой,— присовокупил Кир-Кор.— Малозаметный.

— Пояс с эластиком?

— Да.

— Одноцветный с изделием?

— Да.

— Сплошной?

— А какой еще может быть?

— По бокам — на липучках.

— Пусть будут липучки.

— Ваш проект принят.

Манекен, приседая и поворачиваясь, продемонстрировал обтянутый белоснежными плавками торс. Вид спереди. Вид сбоку. Вид сзади.

— Хорошо, хорошо,— одобрил Кир-Кор.

— Не совсем,— уклончиво оценил автобыткутюрье набедренный результат совместных с клиентом проектировочных усилий.— Неброская бледно-голубая окраска пояса, лампасов и нижней окантовки, эвандр, немного приподняла бы эстетический уровень изделия. Предлагаю взглянуть.

Вид сбоку. Вид сзади. Вид спереди.

— Пожалуй, так лучше.

— Но это не все, эвандр.

— Что еще?

— Очень важный пустяк. Шитая серебром эмблема умеренного размера — совершенно необходимая деталь эстетизирующего назначения в районе тазобедренного сустава.

— Гм...— задумчиво произнес Кир-Кор, осознавая, что автобыткутюрье замкнуло на эстетизме и в связи с этим есть риск провести остаток скоротечного отпуска в кресле салона «а ля маркиз де Карвен». Он спросил: — Другие салоны здесь есть?

— Да. «Гламур», «Сент-Лоран», «Шевалье д'Артаньян», «Маркиз де Пижон»...

— Я имел в виду салон готовой одежды.

— Ближайший салон готовой одежды — на острове Контур.

Кир-Кор решительно встал:

— Видеота убрать. Срочно изготовить обыкновенную рубаху моего размера. Белую, с любым малозаметным оттенком. Обыкновенные брюки любого неброского цвета. Желательно — светлые. Прием заказа подтвердить.

— Ваш проект принят. Желаете сменить обувь, эвандр?

— Да, если это входит в компетенцию салона. Легкие, светлые полукеды. И повторяю: все — самое обыкновенное, в рамках популярной моды, ничего экстравагантного.

— Самое обыкновенное в нашем салоне — дневной костюм под девизом «Маркиз де Карвен», утренний — под девизом «Барон де Билов».

— Я, пожалуй, рискну довериться вкусу маркиза.

— Ни малейшего риска, эвандр! Пройдите в зеркальный отсек лабиринта, разденьтесь.

В трубе пневмопочты зашелестело — Кир-Кор подхватил на лету прозрачный пакет с обещанными плавками. Натянув на себя рожденное в творческих муках изделие, он убедился, что все условия заказа выполнены. Даже эмблема на месте — в районе тазобедренного сустава...

— Это что за эмблема? — спросил он, разглядывая в зеркале шитого серебром двуглавого орла, держащего в когтях сексагональный щит с начертанной в центре пентаграммой.

— Товарный знак нашей фирмы,— ответил автобыткутюрье.— Пройдите, пожалуйста, дальше по лабиринту.

Дальше были узкие отсеки с люмокомплексами упрятанных за полированной карельской березой измерительных систем. Колкие разноцветные лучики били в упор из стыков между щитами, выблескивали крохотные, с мышиный глазок, объективчики мониторов. И тоненькие голоса... Забавно так. Будто компашка невидимых гномиков, хихикая, ахая, чмокая, болтая, бормоча, смакует какое-то лакомство: «Рост... хи-хи-ах-чмок-плюм-плюм... двести один! Средний шаг... ах-ох-буль-буль... семьдесят два о-лю-лю!.. Подъем

бедра... ох-хи-хи-ах!.. Угол подъема... плюм-плюм!.. Шея высокая! Буль-плюм... Осанка... плюм-чмок... правильная... их-хи-ах... спокойная, прямая! Объем груди... ой-ля-ля!..»

Центральное помещение лабиринта — нечто вроде небольшого спортзала. По просьбе автобыткутюрье Кир-Кор подбросил и поймал мяч, покрутил педали велотренажера, пробежался по движущейся дорожке, попрыгал, показал несколько фехтовальных приемов. Без просьбы сделал угол на кольцах и мах на коне. Лучики и гномики неистовствовали.

Последним орудием испытания на выходе из лабиринта была тесная капсула из темно-зеленого стекла. Стоя внутри, Кир-Кор едва не касался стенок голыми плечами. Коротко полыхнуло. Капсула развалилась на две равные части.

— Благодарю вас, эвандр, это все,— проворковал автобыткутюрье.— Теперь салон гарантирует вам шестимесячный срок пользования нашим банком заказа без дополнительных обмеров. В любое время вы сможете заказать у нас любую модель и получить ее в течение суток. На любых расстояниях.

— Ах, маракас его подери,— восхитился Кир-Кор,— много он знает о расстояниях! — Спросил: — А за какое время получу я одежду, если вдруг у меня возникнет фантазия быть одетым прямо здесь и сейчас?

Ответа не было долго. Слишком длинная пауза. Наконец — женский голос контральтового регистра:

— Будьте любезны, эвандр, излагайте свои желания в доступной для бытавтоматики форме.

— Тысяча извинений!..— пробормотал Кир-Кор.— Кто говорит? Я беседую не с автоматом?

— Дежурная второго поста службы улаживания ночных конфликтов. Ваши претензии?..

— Их нет ни одной!

— Вы не находите, что час слишком поздний для шуток? Даже в абрисе этого катагогия.

— Вы абсолютно правы, но, поверьте, я не пытаюсь шутить. И в мыслях не было!

— Но что-то все-таки было?

— Я выразил желание быстрее получить свой заказ, только и всего.

— Торопитесь? — вкрадчиво осведомилось контральто.

— Мне надоело чувствовать себя неодетым,— пояснил Кир-Кор.

Блеснула крохотная искра. Кир-Кор понял: блеснул глазок монитора. Служба улаживания ночных конфликтов разглядывала неодетого клиента в упор.

— Удовлетворены осмотром? — спросил он.

— О, да!.. Теперь мне понятно, ювен, почему автоматика не смогла идентифицировать вас среди обитателей катаготия.

— А какая надобность меня... идентифицировать?

Вместо ответа контральто раздумчиво вопросило:

— Интересно, откуда в салон залетела эта крупная юная птица приятной наружности?..

— Спасибо. Но приглядитесь, я совершенно не пернат.

Контрально самоуверенно рассмеялось.

— Веселая служба,— заметил Кир-Кор.— Ваш голос мне нравится. Могу я увидеть ваше лицо?

— Да, мой герой. Сегодня в семнадцать. Первый уровень третьего яруса, апартамент девятнадцать девяносто три.

— Но я ведь даже в лицо вас не знаю! — удивился Кир-Кор.

— Ничего. Я буду в розовом пеньюаре.

— М-маракас...

— Отключаюсь, мой принц. До свидания! Девятнадцать девяносто три. Не опаздывай. Ровно в семнадцать!

«Ровно в семнадцать, плюм-чмок! — обрадованно защебетали тоненькие голоса.— Будьте любезны, о-хи-хи-ах! Первый уровень, буль-плюм, чмок, оп-ля-ля! В розовом пеньюаре!»

— Добро пожаловать,— с достоинством произнес представительский баритон.— Вы слышите голос своего кутюрье.

— Не знаю, кого из вас слушать,— проговорил Кир-Кор.

— Вам мешают голоса шнайдеров?

— Нет, но... Зачем они?

— Для вашего удовольствия.

— А, значит, для моего.

— Вас развлекают, ювен.

— Эвандр,— поправил Кир-Кор.— Значит, здесь меня еще развлекают, но уже не узнают?

— Эвандр, не откажите в любезности прояснить предмет затруднений.

— За вашим салоном должок, кутюрье. Летний костюм под девизом «Маркиз де Карвен». Или я ошибаюсь?

— Легко проверить. Один момент!.. О, на это изделие вы уже получили все наши гарантии!

— Было бы неплохо получить в придачу и само изделие. Или я желаю чего-то совершенно невозможного?

— Здесь нет проблемы, эвандр,— ответствовал автобыткутюрье.— Рекомендую вам зайти в кафе-примерочную «Ожидание зилота». Вправо по коридору, левосторонняя дверь.

— Ждать долго?

— Несколько минут.

«Несколько минут — это улыбка Хроноса,— подумал Кир-Кор.— Золотое, так сказать, сечение времени».

— И вот еще что,— добавил он вслух, обернувшись с порога. —На одежде не должно быть никаких эмблем или товарных знаков. Никаких.

— Желание клиента — закон для салона.

Правила «золотых сечений» в рекомендованном кафе, по-видимому, игнорировались. Двукраткая попытка получить бокал охлажденного сока — любого! лимонного, виноградного, манго, атемойи, капустного, наконец! — не имела успеха. Сервобытавтомат, высвечивая ассортимент напитков, посоветовал коктейль со странным названием «Барма духа». Клиент совету не внял и, поколебавшись, заказал напиток «Пролетайский». Со льдом. После четвертьчасового ожидания неизвестно чего — не то вожделенной обновы, не то напитка с авиационным названием (не говоря уже о зилоте) — удрученный клиент посредством ментакинеза «достал» искусственный мозг в гостиничных недрах и открытым текстом пообещал ему полную амнезию на все оставшееся время существования Вселенной. Первым признаком того, что угроза подействовала, было появление бокала с прозрачной жидкостью и чаши со льдом. Кир-Кор удивился до чрезвычайности: судя по запаху, жидкость представляла собой беспорядочную смесь органических соединений алифатического ряда.

— Эт-т-то что такое?!

— Это ваш заказ, эвандр,— кротко ответил сервобытавтомат.— Напиток «Пролетайский».

Кир-Кор отодвинул бокал:

— Ты опасно ошибся, приятель. И тяжело оскорбил авиацию.

— В вашем бокале, эвандр, то, что вы заказали,— упорствовал сервобытавтомат.

— В моем бокале — ветхозаветная сивуха. Абсолютно точное название. Можешь внести поправку в ассортименты сразу всех ваших трактиров.

— Поправка внесена, эвандр. Назовите себя.

— Зачем? — Кир-Кор бросил в рот шарик желто-зеленого льда.

— Я обязан фиксировать интеллектуальную собственность.

— Для чего?

— Для защиты авторских прав. Вы — автор названия.

Лед растаял, на языке обозначился специфический вкус маринованного огурца. Сервобытавтомат не унимался:

— Будьте любезны, эвандр, назовите себя.

— Маркиз де Карвен. Действительный член Академии фантомных наук, кавалер орденов Святого Духа, Двойного Дракона, близкий друг Франсуа Пьера Гийома и Владимира Федоровича Одоевского.

— Род занятий на Театральном?

Кир-Кор посмотрел в проход между ширмами, откуда должна была появиться одежда.

— Я это... солист.

— Певец?

— При соответствующем настроении...

— Костюм под девизом «Маркиз де Карвен»! — торжественно провозгласил представительский баритон автобыткутюрье. В проходе между ширмами плыла, покачиваясь в воздухе, прозрачная капсула овальной формы. «Боюсь, поздновато,— подумал Кир-Кор.— Боюсь, мои авторские права уже взяты здесь под защиту».

Он быстро оделся. К его удовлетворению, новая одежда мало чем отличалась от той, в которой он имел честь предстать перед аборигенами архипелага. Можно сказать, не отличалась ничем. Белая рубаха из тонкой, струящейся ткани. Брюки, расшитые серебром,— точная копия прежних. «Каким ты здесь объявился, таким ты отсюда уйдешь»,— продекламировал внутренний голос. «Нет,— подумал Кир-Кор,— не таким. Отсюда я ухожу без Винаты. Надо уйти без нее...»

Выбираясь подбассейновым коридором в нижнюю часть парка, он ощупал карманы и не нашел ведемекум-жетона. Остальные карманные вещицы были в наличии. Возвращаться на поиски не хотелось. Ладно... семь бед, один ответ.

Потеря была неприятной. Лучше бы исчезло что-нибудь другое. Технически непригодный после недавнего разогрева платиновый кругляк, тем не менее, продолжал играть роль особой метки МАКОДа. Нечто вроде удостоверения личности постороннего для этой планеты субъекта. Утрата жетона осложнит де-юре даже саму процедуру ареста... «Не надо нервничать,— успокоил внутренний голос,— уж как-нибудь тебя арестуют».

Нижняя часть парка состояла из двух обширных террасовидных куртин, разделенных гранитным откосом. Ни единого лучика не пробивалось со стороны катаготия сквозь гигантские зеленые шапки высокоствольных ирвингий. Над откосом, источая неприятно резкое голубое свечение, мерно вращал Колесо Времени бородатый Кронос. Кир-Кор отметил, что это первая встреченная им на острове стандартно-городская скульптура — матричная комбинация светопластики и стекла. Мышцы обнаженных серо-голубых рук длиннобородого скорбного труженика Вечности мерно вздувались и опадали в голубом мареве мультиоптических блоков стеклянной болванки, серо-голубое Колесо мерно перемалывало цифирь.

За мультиоптической плоскостью Колеса кто-то плакал.

Кир-Кор подошел к пылающему голубизной трехметровому диску. Он сразу понял, кто плачет по ту сторону Колеса,— ментапортрет оскорбленной блондинки надолго, видно, врезался в память. По ту сторону Колеса — между скульптурой и откосом —

не было ничего, кроме бордюра шириной с ладонь. Один неверный шаг... Ему стало очень не по себе. Он проворно обогнул светящийся монолит стеклянного диска и увидел профиль ее запрокинутого лица (не иначе — последний взгляд в звездное небо). Она еще стояла на бордюре, но ее падение уже началось — центр тяжести напряженно выпрямленного тела невозвратно сместился к откосу, и запоздалый рефлекторно-судорожный взмах руки уже не мог вернуть ей вертикальную устойчивость. Сдавленный вскрик. Даже не вскрик — смертный стон измученного существа. Кир-Кор схватил ее за запястья. Тело несчастной, вдруг утратив мышечную упругость, обвисло, и было слышно, как падает вниз, шаркая и колотясь о гранитные глыбы откоса, ускользнувшая туфелька.

Держа блондинку за руки на весу, точно ребенка, он перебрался с бордюра на ковротуарные плиты, перешагнув кусты зеленого ограждения. Огляделся. Уложить ее здесь было негде. Ближайшая парковая скамья светила катофотами далеко за пределами голубых владений Повелителя Времени. Как быть?..

Молодая полуобутая женщина, беспомощно обвисшая в его приподнятых руках, напоминала распятие. Он посмотрел ей в лицо. Настроился на ясночувствие, нащупал и «развернул» спирали остаточного напряжения аффектации. Спазм сосудов головного мозга, по-видимому, прекратился — ультрамариновые ресницы на припухших от слез серебристо-фиолетовых веках затрепетали. Нельзя было позволить ей открыть глаза прежде, чем удастся погасить пылающие костры двух воспаленных точек гипоталамуса. Какой по счету будет нарушен сейчас параграф МАКОДа?..

— Тяжелы веки твои, ангел мой, тяжелы неподъемно,— заговорил Кир-Кор, используя самые мягкие фонемы геялогоса.— Прекрасным глазам твоим не нужен пока яркий свет. Тебе не нужно пока ничего, кроме легкого сна. Сон... умиротворительный сон-мечта владеет тобой. Твои сновидения птицами реют среди серебряных лун и синих цветов...

Голова ее поднялась, обнаружив незагорелую, бледную шею, лицо ожило — озарилось потаенным смыслом, глаза (как и было задумано) остались закрытыми.

«Классический вариант лечебногипнотического транса,— отметил внутренний голос.— Поздравляю, медиум-дилетант, но лечение словом у тебя на этом кончается».

Внутренний голос был прав: психоанастезией быстро и действенно гипоталамусу не поможешь, здесь нужна ментакинетическая (страшно сказать) хирургия. Или хотя бы волновые уколы в структурную область, ответственную за жизнекачество инстинкта самосохранения. Иначе инстинкт может опять не сработать...

«Не помнишь, чего там положено за «особо дерзкие» нарушения?»— подумал медиум-дилетант.

«Плевать»,— сказал внутренний голос.

«Плевать»,— согласился профессионал-волновик, готовясь к «особо дерзкому злоупотреблению кинетикой биоэнергетического воздействия». Медиум (на всякий случай) продолжил:

— Грудь твоя в полете за нежными птицами снов невесома, дышит легко. Светла и легка голова, невесомы руки и плечи...

Сухой щелчок под ногами чуть не испортил все дело. К счастью, медиум мгновенно сообразил, что это мог быть звук падения на тротуар второй туфельки. Хирург-волновик попросил медиума не отвлекаться. Сосредоточился.

Точки-костры гипоталамуса потускнели, утратив опасную яркость...

Кир-Кор позволил себе расслабиться и осторожно опустил спящую так, чтобы ступни ее коснулись ковротуара.

— Бедра твои наливаются тяжестью,— объяснил он ей утрату псевдоневесомости,— ноги прочно стоят на земле. Я за тебя спокоен. Через минуту руки твои лягут на бедра, ты проснешься и забудешь мой голос.— Разжав пальцы, он освободил запястья своего неожиданного пациента, мельком взглянул на часовые цифры Колеса Времени и не замедлил отойти к изгибу ковротуара, откуда начинался отмеченный двумя гранитными орлами спуск с откоса.

Было тихо. Даже цикады умолкли. Он обернулся. Она продолжала стоять неподвижно и прямо. Чуть запрокинутая голова и поднятые к небу руки создавали странную и несколько романтическую иллюзию ночной молитвы. И рядом — серо-голубой неутомимый бог с ужасным своим Колесом... Руки ее медленно опустились. Кир-Кор посмотрел в звездное небо и зашагал по каменным ступеням вниз. До рассвета оставалось немного — час с небольшим. Будет лучше, если арест состоится на берегу. Под рокот прибоя. Подальше от посторонних глаз.

У подножия откоса его нагнал и заставил остановиться диковинный звук. Вернее — созвучие. Гортанный зов колдуна первобытного племени. Каменный век... Созвучие слетело откуда-то сверху. Было бы только логично, если бы за такого рода созвучием последовали рев и прыжок махайрода,— ах, какая была бы игра на финише ночи тигра! Но вместо рева последовало... пение.

Кир-Кор замер, застыл под откосом. Замерло все — парк, остров, прибой, океан, сама ночь,— все затаило дыхание. Нет, подобного пения ему еще никогда — решительно никогда! — не доводилось слышать. Редкостной чистоты женский голос естественно, без особых усилий и, как говорится, в свое удовольствие воспроизводил диковатую, языческую мелодию в диапазоне четырех октав. Словно бы в дебрях дремучих лесов нарождалось что-то живое, огромное, доброе, заполняло просторы степей, перекликалось с эхом глубоких пещер и провалов, звенело в струях тугой, студеной воды

ледниковых озер, широченным разливом впадало в моря, гулко распространялось в горах и победно кричало где-то за облаками...

Пение кончилось. Кир-Кор стоял и смотрел на неровные глыбы откоса, почему-то боясь шевельнуться.

Он не был большим знатоком эстрадного песнопения, однако сейчас ему представлялось необъяснимым то обстоятельство, что до сих пор он не знал никого из певцов-уникумов (кроме, конечно, Винаты), обладающих такими возможностями вокальной экспрессии... Уму непостижимо. До чего же Мать-Природа богата, просто непостижимо уму! Надо думать, эта блондинка станет открытием фестиваля. У Винаты, видать, появился очень серьезный соперник. И еще неизвестно, кто победит...

«Нагнись,— посоветовал внутренний голос,— и подбери сувенир — туфельку с правой ноги будущей знаменитости».

Кир-Кор подобрал. Непонятно зачем.

«Сувенир можешь взять с собой на Дигею».

Он повертел в руке полупрозрачную туфельку Золушки этого бестолкового, жестокого острова и поставил на каменный выступ. Из-под стеклянного каблучка брызнули искры. Как тогда у Марсаны...

Шустрая хозяйка катамарана, по всей вероятности, еще не спит. И вряд ли сегодня уснет. Сегодня он многих бесполезно обеспокоил. И более всех — функционеров МАКОДа. Ну что за ночь такая, трижды маракас!

МАЯТНИК ПЛАНАРА, ТРИ «ФИНИСТА» И ДАССАР

Он не заметил, как оказался на берегу. Ноги вязли в песке — он едва обратил на это внимание. Остановился у самой границы пляжа, куда доползали белесые языки пенистых волн.

Вдали над морем висели посеребренные излучениями звезд тончайшие занавеси морских испарений, время от времени их румянили отсветы вспышек скрытых за горизонтом маяков столичного острова. «Пейзаж под занавес»,— подумал Кир-Кор. Ни остров Столичный, ни сама столица не интересовали его. И с Театральным покончено.

Его больше интересовало, кто нагрянет сюда для исполнения процедуры ареста. Скорее всего — камчадалы. Кстати, это могло бы упростить юридическую сторону дела — многих людей Ледогорова он знал в лицо.

Искушала возможность прознать о себе что-нибудь из «эфирных источников». Кир-Кор сместил слуховое и зрительное восприятие в радиодиапазон — и распахнутое в космос мирное небо, укра-

шенное скоплениями золотой мошкары орбитальных объектов, молниеносно сменилось цветной круговертью стремительно расширяющихся сферических, сеточных и спиральных структур, пронзающих друг друга с треском, пением, воем и болтовней. Ошеломленный, он уклонился от какофонического цунами, сразу смирившись перед ураганным напором объединенной радиостихии Земли-Приземелья, и предпочел вернуть себя в прежнее состояние зрительно-звукового покоя. Лишь на миг небо сделалось верхним зеркалом огромной, дерзкой и вдобавок перенаселенной цивилизации шестого уровня, но и мига дерзости было довольно. В последние часы отпуска любая дерзость кажется особенно неуместной.

Странно было вот так, без цели, стоять на твердом, мокром песке, дышать соленым воздухом моря. Уже не терпелось покинуть остров. Пешком ушел бы отсюда прямо по волнам. Куда глаза глядят... Уйти пешком он, конечно, не мог, но пробежать по воде полсотни метров от острова — это вполне по силам. В счастливую пору своего резвоногого детства он, бывало, одолевал дистанции чуть ли не в два раза большие. Правда, в бассейне. И, разумеется, на спокойной воде. У них, новастринских сорванцов, бег на воде считался одним из самых престижных видов мальчишеского соперничества, и победителю-виртуозу доставались почести адекватные славе олимпийского чемпиона. На первый взгляд, все просто: чтобы удержаться на поверхности, надо сучить ногами сильно и быстро — с эффективностью хвостового дельфиньего плавника. Но для того, чтобы безостановочно сучить ногами, требуется специфическое умение заставить безошибочно работать мышцы и нервы в энергетически выгодном режиме (кто не умел — тут же терял равновесие). На дистанции возникало особое состояние необыкновенной наэлектризованности — до неприятного покалывания в черепной коробке. Вот почти как сейчас...

Кир-Кор прислушался к покалыванию в лобных долях в затылке. Мышцы буквально звенели от напряжения. «Одно из двух,— думал он,— либо проклюнулась жажда спортивного подвига, либо впал в детство». Мышцы требовали движения, силовой нагрузки. Мозг, в свою очередь, требовал, чтобы нагрузка имела хотя бы игровой смысл. Не перетаскивать же, в самом деле, камни с места на место!..

Спасаясь от наката внезапной волны, он вложил в прыжок всю свою силу и через заднее сальто в пять оборотов забросил себя по широкой дуге чуть ли не в середину окруженного скальными грядами пляжа. Приземлился возле торчащего из песка одинокого и гладкого, как череп, валуна, сел на гранитную плешь, задумался.

Ночь тигра была на исходе. Ночь соперничества и опасной борьбы. Н-да... Не получилось борьбы. Не было здесь даже возможности для соперничества и честной борьбы...

Он попробовал вывернуть из песка свое гранитное сиденье. Валун даже не шевельнулся — увяз в песке основательно. Хоть бы какой-нибудь соперник случился поблизости! Пусть даже осатаневший от ярости махайрод. Два махайрода. И тигр полосатый впридачу. «Подойти бы и нагло дернуть за хвост»,— подлил масла в огонь досады внутренний голос. Кир-Кор представил себе, как рычит, изгибаясь и поднимая передние лапы, взбешенный фамильярностью хищник. Вообразил настолько отчетливо, ясно, будто наяву стоял перед тигром глаза в глаза на арене новастринского гладиатория. Глаза в глаза...

Одна за другой истекали секунды — картинка галлюцинарного миража не исчезала. Хищник отвел взгляд. Кир-Кор еще отчетливее увидел полосатый бок зверя. Тигр зевнул, грузно лег полосатым мешком, повернул голову, накрыл морду лапой. Кир-Кор отчетливо все это видел. И ясновидчески сознавал, что происходит все это в вольере столичного зоопарка — отсюда довольно-таки далеко, на юго-западном берегу невидимого за горизонтом острова.

Сказать, что он был сейчас удивлен,— ничего не сказать. Мозг лихорадочно искал объяснений. Ведь такого варианта ясновидческой пиктургии в принципе быть не должно. Кир-Кор знал это твердо. Пиктургировать на большом расстоянии он мог, лишь опираясь на ментаполе достаточно знакомого субъекта, который в данный момент где-то там разглядывал тигра. И никак не иначе... Одного желания встретить здесь опасного зверя — пусть даже очень сильного желания — мало. «Чудес не быва...»— успел подумать Кир-Кор, и мимо него с огромной скоростью незримо пронеслась мегатонная масса — у-упф!..

От внезапности перехватило дыхание. Он отвел для упора ногу назад, ожидая ветрового удара. Но воздух остался недвижен. Воздух в этом стремительном действе загадочно не участвовал. Воздух был сам по себе, мегатонная масса-невидимка — сама по себе. Она вынырнула на миг из какого-то иного пространства (Кир-Кор моментально сообразил из какого) и туда же канула. Холодок под коленями, необъяснимый трепет в груди — вот все, что она оставила после себя...

Потрясенный, он сел на песок. Уставился в посветлевшее небо, застыл в ожидании, хотя уже знал, что больше ничего не произойдет. Во всяком случае, в тот раз, когда незримая масса пронеслась мимо там, на Планаре, он тоже ждал — и ничего не дождался. И тогда же, помнится, почему-то решил, что поразившее его стремительное событие похоже на пролет грандиозного маятника, амплитуда качаний которого имеет звездный масштаб, и потому ждать возвращения таинственной массы из ее безмерно глубоких, вычерненных неизвестностью пространств придется бесконечно долго. Миллион, может быть, лет. А может быть, и того дольше.

Прошло всего шесть недель... Следственно, амплитуда «звездного маятника»— сущий пустяк? Похоже. Но отнюдь не пустяк его весьма ощутимая масса... Р-раз — и мимо. И в этот раз мимо, но уже ближе, чем в прошлый. А если в следующий не мимо? Если прямым попаданием?..

Он вскочил, вцепился в гранитный валун, неимоверным усилием вывернул его на поверхность. Валун опрокинулся. Это была слоновья голова с отбитым хоботом и обломанными бивнями. Толчком ноги Кир-Кор сбросил ее обратно в воронку и стал вытряхивать песок из обуви.

Ему не давало покоя чувство некоторого неудобства. Как будто на пустынном пляже он был не один. Кир-Кор обернулся. И зачарованно замер. Переступив границу разлива накатных волн и покошачьи вытянув шею, полосатый зверь пытался обнюхать языки периодически подступающей пены...

«Мегатонная штука оставила после себя кое-что посерьезнее легкого трепета»,— поделился догадкой внутренний голос.

Тигр отпрянул от захлеста волны, брезгливо отряхнул с подмоченных лап налипший песок. Кир-Кор обвел взглядом ямки тигриных следов, нахмурился. Он впервые подумал, что земляне, мало надеясь на защитные функции экзархатов, боятся, по-видимому, не зря. «Их МАКОД,— подумал он,— жалкая дырявая плотина».

«А не проделал ли ты сегодня в этой плотине еще одну большую дыру?»— обеспокоился внутренний голос.

«Очень возможно,— подумал Кир-Кор, сжав зубы.— И может быть — самую большую из уже проделанных...»

Море еще оставалось пасмурно-серым, а в зоне пляжа неестественно быстро светало: откуда-то струился золотисто-розовый свет. Он поднял голову — узнать откуда. Румянец зари ярко выкрасил вознесенную над островом фигуру крылатой женщины; огромные золотые крылья развертывались вширь, отражая свет вниз, в ущелья, а руки, прежде печально дремавшие на груди, были протянуты в этот час навстречу верхним лучам скрытого пока за горизонтом солнца. Ночь кончилась... Легкий бриз нарушил тяжкую недвижность воздуха. Вдохнув полной грудью, Кир-Кор направился к зверю. Тигр порычал для порядка и отступил под защиту камней затененной гряды. Совершенно не осторожничая, Кир-Кор приблизился к нему на расстояние, которое тигр мог одолеть коротким прыжком, остановился.

— Уж слишком ты, приятель, матерый...

Готовности прыгнуть хищник не проявлял. Лег на брюхо, вытянул передние лапы. Зеленоватые зрачки рыжих глаз внимательно следили за действиями незнакомого человека. Хвост свой полосатый субъект, правда, держал пока в напряжении. И совершенно напрасно. Кир-Кор уже понял, что зверь не опасен. Это был круп-

ный, старый самец, вконец обленившийся за решёткой вольера, избалованный вниманием людей. Боец из него, разумеется, никакой. Правда, утренний голод все же причинял ему известное беспокойство (сытый зверь не стал бы вынюхивать в пене прибоя мелкую живность). Кир-Кор сел на корточки и, глядя в рыжие глаза, спросил вполголоса:

— Ну что, усатая морда? Что мне теперь с тобой делать, а?..

Хвост зверя обмяк, зеленоватые зрачки шевельнулись: влево, вниз, вправо. Тигры не выдерживают прямой взгляд человека.

— И откуда ты свалился на мою голову? Вернее — зачем?.. Ведь ты здесь функционеров МАКОДа заиками сделаешь.

Зверь с тихим стоном приоткрыл пасть, окантованную белой шерстью, и было видно, как он старается подавить неуместный в этой ситуации зевок.

— Еще до того, как ты успеешь открыть пасть пошире, боевики МАКОДа — шрек-тревер! — продырявят твою драгоценную шкуру в очень многих местах.

Тигр выпустил и спрятал когти.

— Не поможет.— Кир-Кор покачал головой.— Вот что, приятель... Давай-ка, на всякий случай, я тебя усыплю. Согласен?

Тигр уткнул морду в передние лапы. Очень мощные лапы. Одним ударом корову можно свалить.

— Молодчина,— похвалил Кир-Кор.— Быстро соображаешь. Это совсем не больно,— успокаивал он зверя, сосредоточиваясь.— Даже наоборот. Голод терзать не будет. Глубокий покой до самого вечера...

Усыпляя не очень-то склонного спать натощак пациента, он поглядывал в сторону моря. Ему казалось, будто время от времени он ощущает слабую пси-радиацию ментального зова... Это его отвлекало.

Зверь наконец уснул. Кир-Кор вышел на мокрый песок, остановился у самой границы наката и минуту спустя увидел, как первые лучи солнца алым золотом воспламенили, точно свечу, верхушку спортивного паруса: чье-то судно огибало восточные буруны короткими галсами. Он сразу понял, чье это судно, еще до того, как успел определить его тип и разглядеть на палубе стройную фигурку в матросском костюме.

— Клянусь Театральным и прочими островами всех земных океанов, это «Алмаз»!!!

— Кири-и-ил! — звала рассветная даль.— Кири-и-ил!

Катамаран приближался к берегу, не снижая скорости.

— Эй, шкипер, побереги кили! — крикнул Кир-Кор, предупредительно вскинув над головой скрещенные руки.

Ни крик, ни тревожные жесты не отрезвили беспечного шкипера. «Что она делает?!»— изумился Кир-Кор.

— Право руля! — рявкнул он в последний момент.

Сдвоенный корпус «Алмаза» круто взял вправо. Но уже было поздно: суденышко на повороте с ходу врезалось в донный песок. И прежде чем над канатами релинга замелькали, кувыркаясь в воздухе, фигура в белой матроске, белые туфли и спикард в белом чехле, Кир-Кор ощутил ногами сопротивление воды, не успевающей раздвигаться под его бешеными ступнями. Сквозь шум в голове слух уловил сдавленный вопль.

На месте аварии глубина была не больше метра, однако накаты волн вносили свои коррективы — вода подступала к груди.

— Кирилл... прости меня, Кирилл,— шептала Марсана, задыхаясь в его мокром объятии,— иначе я не могла... Я должна была попытаться увидеть тебя!..

Он вынес ее на берег. Марсана машинальными движениями рук пригладила свои намокшие волосы и смахнула капли с лица. Она смотрела ему в глаза очень внимательно и откровенно.

Поцелуй был глубокий, медленный, жаркий.

Все вокруг поплыло куда-то,— заботы, огорчения, сроки теряли значение. Реальность мира грозила иссякнуть.

— Кир...

— Молчи.

— Люблю тебя.

— Молчи. Не говори ничего.

— Я с ума сойду!..

— Мы с тобой уже обезумели.

— Больше ни слова. О, небо...

Они опомнились, когда над их головами закричали первые чайки.

— Это что за планета? — спросила она, приминая затылком ямку в песке.

— Планета любви.

— Да?..— Марсана перевернулась на живот, взяла горсть песка, просыпала сквозь пальцы.— Во мне сейчас такое ощущение... ну такое, будто я... будто нет у меня моей планеты. Кто-то ее у меня отобрал.

Теперь уже он внимательно посмотрел на нее. И краем глаза уловил какое-то движение в тени под «тигровой» грядой. «Маракас, я ведь совсем забыл про усатого!..»

Тигр сменил позу: вытянув лапы, распластался на левом боку. Светлое брюхо стало почти незаметным на светлом песке.

Надеясь, что взгляд Марсаны скользнет мимо зверя, Кир-Кор ребром ладони выдавливал в песке буквы «М» и «К».

— Мама моя!..— Рука ее дрогнула.— Неужели там тигр?!

— Не надо бояться, он спит. И спит очень крепко. Разбудить его невозможно. Разве что к вечеру.

— А откуда... зачем он спит здесь?!

— Так вышло. Бедняга... В этом он абсолютно не виноват. Дырявые тут зоопарки.

— Впервые слышу о зоопарке на Театральном. Хотя... все может быть. Как давно я здесь не была!..— Она рассмеялась. Тихо и, ему показалось, с опаской.

— Смейся и говори в полный голос. Разбудить зверя тебе не удастся. Даже если ты станешь таскать его по всему пляжу за хвост.

— Не стану,— тихо сказала она.— Поцелуй меня...

Пронзительно кричали чайки.

Шалая волна тяжко бухнула в плотный от влаги песок. Накат принес Марсане упакованный в белую пену презент — белую туфлю с левой ноги.

— Дар Нептуна,— отметил Кир-Кор.

— Дар бесполезный... А может, вторая на палубе?

— Вряд ли. Я видел ее свободный полет над канатами релинга.

Он взглянул на суденышко и пружинно поднялся. Не разуваясь (теперь все равно), поспешил в воду. Неуправляемый катамаран, снятый с мели волнами и напором бриза, отваливал в море. Самое время воспрепятствовать его вероломному дрейфу...

Мощная вспышка синего пламени остановила спасателя на полдороге. Тонкий, прямой, как струна, невыносимо яркий плазменный шнур быстро, с неприятным шипением скользил сверху вниз вдоль плоскости «румб-электро», пожирая элементное полотно, оставляя после себя трескучий фейерверк осколков несущей конструкции. Все было кончено за три секунды: вместо паруса, поворотной трубы и мачтовой арматуры на палубе торчал, дымясь, жалкий обглодыш.

— Эй, остряки! — обратился Кир-Кор к рифленому днищу зависшего над суденышком поискового дисколета с надписью на борту: «ЛАВОНГАЙ».— Неужели вам могло прийти в голову, будто под вашим прицелом можно удрать на парусной лодке? Никогда не поверю!

Борт искателя не отвечал. Рифленое днище жужжало по-шмелиному густо и ровно,— никакой иной звуковой информации оттуда не поступало. В воздухе распространилось зловоние горелого пластика. Поглядывая на Марсану, недвижно сидящую на песке в странной и, должно быть, неудобной позе, на изуродованный катамаран, Кир-Кор не спеша выбирался на берег. Молчание вооруженного монстра не удивило его. Экипаж промолчал, потому что им нечего было сказать. На его упрек им просто-напросто нечем ответить. А ему и не надо ответа. Ему достаточно знать, что на борту дисколета превосходно слышали каждое его слово.

— Что случилось? — с тревогой спросила Марсана.

— Ты видела.

Он выхватил из пены вторую белую туфлю:

— Вот!.. Стихия взяла — стихия вернула.

— Зачем они так?

— Правила у них, понимаешь, такие.

— Правила?

— Ну обычай такой. Раньше гостей хлебом-солью встречали...

— Но ведь они могли случайно попасть в тебя!

— Не подавай им идею.

— Что-о-о?!

— Да так... ничего. На борту слышат нас. Это большой поисковый «блин» спецназначения. Там фиксируют наш разговор. Каждое слово.

— Недоумки! — сказала Марсана в сторону дисколета и повертела пальцем у лба.— Вот вам мое слово.

— Не надо, Марсана. Экипаж ни при чем. Они обязаны были исполнить приказ.

— Приказ расстрелять безобидный прогулочный катамаран мирной Контурской общины?!

— Ну... не буквально. Просто они решили подстраховаться.

— От чего страховаться?

— От непредсказуемых действий нарушителя. Мало ли что...

— Кто нарушитель?

— Я. Но ты не волнуйся. Тебе незачем волноваться.— Он смотрел на утес, где ослепительно, жарко светилась под солнцем фигура крылатой богини.

— Кирилл!.. Если не секрет... что ты нарушил?

— А вот это они мне сейчас объяснят.

Над утесом стремительно выходило из разворота звено синих спецреалетов серии «финист». «Армада,— подумал Кир-Кор.— Верный признак того, что меня уважают».

Со стонущим звоном три аэромашины в тесном строю промчались над пляжем и резко ушли на «свечу», унося в зенит двойные отражения солнца на сдвоенных блистерах. Вверху строй элегантно распался, и какое-то время каждый «финист» действовал самостоятельно: два из них завертели вокруг «искателя» какую-то сложную воздушную карусель с бочками, восьмерками и полупетлями, демонстрируя эффектные маневры расхождения на встречных курсах, а третий, совершив с инспекционной, видимо, целью несколько челночных и круговых облетов подбитого катамарана, «свечой» устремился в зенит, где вновь собрал сотоварищей. В строе звена тройка «финистов» вернулась в пространство над территорией пляжа, вдруг зависла на небольшой высоте и, заметая песком глыбу слоновьей башки, быстро села.

«Имеем дело с профессионалами»,— подумал Кир-Кор. Подал руку Марсане, помог ей подняться и мельком взглянул на спящего

тигра. Марсана стряхнула со ступней налипший песок, молча обулась. Крышка люков аэромашины-лидера отошли от корпуса, наподобие чуть приподнятых крыльев орла, и скользнули назад. Открылись люки ведомых. Несколько секунд томительного ожидания. Кир-Кор ощутил, как Марсана прижалась к нему плечом.

— Что они собираются делать? — спросила она.

— Меня арестуют. Волноваться не надо. Слишком, маракас, не вовремя...

Из кабины лидера вышли двое парней. Блондин и брюнет. Одинаковые форменные костюмы — белые, с черными перетяжками в тех местах, где у людей под одеждой скрыты суставы. Перетяжки придавали фигурам макодовцев некоторую полосатость. Короткие легкие куртки были расстегнуты, но, похоже, оружия у этих парней не было. Оно могло быть у тех, кто не вышел.

Кир-Кор ощущал накопление стрессового возбуждения Марсаны. Визитерам надо бы иметь в виду деликатность ситуации...

— Остановитесь,— спокойно обронил он, когда им оставалось пройти шагов пять-шесть. Не то приказал, не то посоветовал. Парни спокойно остановились точно на том месте, где их застал спокойный приказ. У них была хорошая нервно-мышечная реакция.

Миролюбивым жестом приветствия визитеры синхронно вскинули руки над головой. Темно-синие глаза блондина недурно сочетались с римским профилем и приятным выражением мужественного лица. Профиль напарника (как, впрочем, и фас) вызывал иные географические ассоциации,— генеральная ветвь родословной брюнета формировалась, должно быть, под сильным влиянием чукотского меридиана.

Блондин произнес предписанную МАКОДом ритуальную формулу встречи:

— Грагал, примите наше присутствие в вашей жизни!

— Земляне, примите мое.

— Эвгина, примите наше присутствие...

— Подите к черту, эвандр.

Мужественное лицо блондина не изменило своего приятного выражения.

— Марсана Панкратия Гай, я понимаю причину вашего неудовольствия. Лавонгайские функционеры действительно превысили свои полномочия. МАКОД обязуется расследовать инцидент и возместить Контурской общине нанесенный ущерб. В двукратном размере. Как по-вашему, Кирилл Всеволодович, я ничего не упустил?

— На мой взгляд, вы упустили самое существенное — обязательство возместить моральный ущерб.

— Моральный?.. Возместить — да. Но в какой форме?

— Форму определит, должно быть, комент Контурской общины. Кстати... вы не из тех, кто забывает представиться?

— Тигрий,— назвал себя молчаливый брюнет, и по его глазам было видно, что имя не настоящее.

— Ирбис,— в свою очередь солгал блондин. Вынул из кармана визит-дассар — полупрозрачный шарик с двумя красными вмятинами: — Мне и Тигрию выпала честь передать вам приветствие эварxов Камчатского экзархата.

Кир-Кор поймал дассар на лету. Надпись колечком: «Кириллу Корнееву — Агафон Ледогоров».

С посланием экзарха он сумел бы ознакомиться незаметно для окружающих — достаточно было просто сжать дассар в кулаке. Простота, однако, могла подействовать на окружающих избирательно... Взглянув на Марсану, Кир-Кор выставил шарик перед собой, сдавил пальцами полярные вмятины.

Голубым веером распахнулся видеосектор, вспыхнуло и угасло изображение знака Ампары — белая четырехлучевая звезда с мягко скругленными внутренними углами. Девять раз вспыхивала и угасала звезда, прежде чем появилось изображение головы Агафона. Кир-Кор приблизительно знал, что скажет эта очень красивая длинноволосая голова с выражением мировой скорби в серых глазах. Вступление будет пространным и начнется чем-нибудь вроде: «Да вместишь ты в себя беспредельность Ампары, Кирилл, как она вмещает тебя!..»

Без всяких вступлений Ледогоров озабоченно проговорил:

— Поспеши к нам, Кирилл Всеволодович, жду тебя с нетерпением. Была связь с Новастрой. Есть новости. В том числе и тревожные...

Голубой видеовеер сложился полоской и юркнул в прозрачность дассара. «Это все?!» — удивился Кир-Кор. Необычный лаконизм экзарха его насторожил. Он перебрал в уме слова обращения. Два десятка торопливых, мало что значащих слов. Четыре фразы. Как четыре луча знака Ампары... Последнее слово последней фразы внезапно его испугало. На мгновение потемнело в глазах, ноги потеряли привычную твердость. Четырнадцать лет назад с ним уже было такое. В ту минуту, когда он вдруг осознал, что Нина погибла...

— Сибур?! — выдохнул он.— Говорите же, говорите!

Функционеры МАКОДа переглянулись.

— Я ничего не знаю,— ответил брюнет.— Честно! Клянусь Ампарой!

— Я тоже,— поторопился вставить блондин.— Но... если я чего-нибудь не перепутал, экзарха вчера удивил какой-то Миран.

Кир-Кор обернулся к Марсане. Она молча уткнулась носом ему в плечо. «Найду тебя,— подумал он.— Клянусь Ампарой и всеми ее символами, найду».

Конвой разделился. После краткого совещания экипажей один из «финистов» стартовал с Марсаной в сторону Контура, другой

остался на Театральном (предстояло еще решить проблему транспортировки спящего тигра,— эту группу возглавил брюнет); третья флаинг-машина, пилотируемая блондином, приняла на борт арестанта и, едва арестант надел шлемофон и застегнул привязные ремни, рванулась в небо, огибая пылающую в лучах раннего солнца гигантскую фигуру с распростертыми крыльями. Когда голова крылатой богини оказалась на уровне блистера, Кир-Кор чуть не вывернул себе шейные позвонки, чтоб задержать на ней взгляд подольше. Или это игра света и воображения... или голова скульптуры имеет портретное сходство с Марсаной!.. «Уговори пилота сделать еще один круг»,— подбросил идею внутренний голос. Кир-Кор усомнился в логике соединимости своих желаний со статусом арестанта, однако лицо конвоира в прозрачном коконе смежного блистера казалось ему достаточно благодушным.

— Простите, сударь нельзя ли повторить облет изваяния?

Машина с залихватским свистом вошла в разворот.

— Впечатляет? Кажется, будто при такой парусности крыльев статуя неминуемо должна опрокинуться...

— Или взлететь,— добавил Кир-Кор.

— Видите, в чем тут секрет? Крылья — решетка, ветер свободно продувает ее. А перья — поворотные пластины.

Голова статуи заглянула в кабину ослепительно-солнечным взором. Нет, это было другое лицо... Портретное сходство с Марсаной привиделось.

— Спасибо, Ирбис, принцип я уловил. Куда мы теперь?

— В иглопорт «Маэ».

— Остров Столичный?

— Да. Прямо по курсу.

То, что виднелось прямо по курсу, походило больше на край континента: длинная полоса гористой суши. Среди гранитной и коралловой островной мелюзги архипелага остров Столичный существенно выделялся размерами. На одной из вершин горной гряды торчал волосок. Золотистого цвета. Слишком прямой, стройный такой волосок... «Башня катапультера местного иглодрома,— вглядевшись, понял Кир-Кор.— Конечная точка моего криминального пребывания на островном фестивале».

— Бродит молва,— заговорил пилот,— будто в кафе «Виктуар» на территории иглопорта «Маэ» в любое время суток можно отведать свежеприготовленного тунца и даже лангуста.

— Предлагаете испытать молву на правдивость?

— Да... если вы рещитесь позавтракать быстро. Очень быстро. Покончить с лангустом вам придется за десять минут. Рейс на Янъян, увы, в шесть ноль-ноль.

— Я предпочел бы неторопливую трапезу,— отказался Кир-Кор.

Флаинг-машина ощутимо прибавила скорости, свист моторов уже подбирался к порогу ультразвуковых частот.

— По совести говоря, Кирилл Всеволодович, времени для янъянского завтрака будет у вас еще меньше, чем для финшельского. Если, конечно, вы захотите успеть на дневной рейс иглолета в Петропавловск-Камчатский.

— Не огорчайтесь, я не большой любитель корейской кухни.

— Успеете на дневной — никакие гастрономические соблазны уже не будут тревожить вас до самой Камчатки. Лететь там всего двенадцать минут.

— Ах, что это вы все обо мне да обо мне.

— А как же. Вы герой моих сегодняшних треволнений... Надавите кнопку пенала правого подлокотника.

Кир-Кор надавил. Обнаружил в пенале жетон-ведемекум, посмотрел на пилота.

— Это ваш, возьмите вместо утерянного.— Пилот кивнул.— Пригодится.

— Зачем?

— Пригодится в янъянском иглопорту.

— Уж не покидаете ли вы меня в Янъяне!..

— Нет, мы расстаемся с вами в «Маэ».

— Я не совсем понимаю... Точнее, не понимаю совсем.

— Все очень просто. Я помогаю вам пройти предполетную регистрацию и... тут же обратно, поскольку меня ожидают на Театральном. А вы в шесть ноль-ноль... Словом, будьте здоровы, приятного вам полета.

— У меня такое ощущение, будто я продолжаю чего-то не понимать.

— Чем вы озабочены? Жетон-ведемекум у вас в руках, место на борту иглолета в Янъяне вам обеспечено бронью МАКОДа. В добрый путь!

— Вот так? Без конвоя?

Кир-Кор поймал на себе быстрый взгляд пилота.

— Вам обязательно нужен конвой?

— Нет, но... сама процедура ареста вроде бы предусматривает...

— Прошу прощения, Кирилл Всеволодович, но здесь либо вы жертва какого-то недоразумения, либо я. У меня нет ордера на ваш арест.

— Что?!

— Об аресте и разговора не было. Вы — нарушитель Конвенции Двух, это бесспорно, однако ни мы, ни лавонгайская группа не может предъявить вам ордер на арест. Его не существует в природе.

— Понятно... Лавонгайцы просто поторопились.

— По этому поводу я уже объяснялся. Лавонгайскую группу соответственно ждут неприятности. Думаю, крупные.

— Ваша группа, к слову сказать, тоже не без греха. Вы похитили на Театральном и везете в «Маэ» не подлежащего аресту грагала.

— Вынужден с вами не согласиться, грагал! Вы заняли кресло второго пилота без принуждения, сами.

— Ах, так! Поворачивайте обратно, и побыстрее.

Сквозь прозрачную стенку хорошо было видно, как у пилота сузились глаза и выступили желваки на скулах. Кир-Кор отвернулся. Флаинг-машина неуверенно рыскнула и вдруг, сбросив скорость, накренилась. В момент крена мелькнул на траверзе остров Контур — два клочка суши в белом кольце бурунов. Новая драгоценность души, вплавленная в сапфир вечного океана...

— Скажите, что вы пошутили,— подал голос пилот.— Скажите мне это достаточно твердо.

— Я пошутил,— сухо сказал Кир-Кор. Освободил от липучей застежки край кармана, опустил туда жетон-ведемекум. Жетон чуть слышно звякнул о золотое кольцо — прощальный подарок Марсаны.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ДЕНЬ ИВОЛГИ И НОЧЬ ОСЬМИНОГА

ИНТРОТОМ

В янъянском иглопорту довелось позавтракать и пообедать. А затем — и поужинать. Правда, ужинал Кир-Кор почти символически — содержимым двух загерметизированных бокалов с надписями на этикетках «Мандариновый компот, стерильное изготовление, Тханьон». Компот имел красный цвет, четко выраженный вишневый запах и соответственный вкус. Этикеточная дезинформация, впрочем, не шла ни в какое сравнение с неожиданностями, подстерегающими малоопытного клиента здешнего ресторана при попытке выбрать что-нибудь вкусное из поэтически составленного и бережно переведенного на геялогос меню. Скажем, блюдо под названием «Белая роза, встречающая восход солнца в саду золотой пагоды на острове Морского Дракона» почему-то имело запах рыбы и привкус йодистых водорослей, хотя короткий подзаголовок, снижающий поэтику названия до уровня презренной прозы, утверждал: «пельмени мясные». Кир-Кор ел эти пельмени в совершенной уверенности, что мясными они могут быть лишь в том исключительном случае, если базисным ингредиентом пельменного фарша служило мясо самого морского дракона. Чтобы как-то блокировать ощущение смутной тревоги, усугубленное непредвиденной задержкой в пути, он во время еды старательно заучивал меню наизусть. День был потерян, утренняя спешка оказалась напрасной.

Для туристов в низкоширотных регионах азиатского материка, где едят практически все, что бегает, плавает, ползает и летает, посещение ресторана с традиционной для данной местности кухней

почти обязательно бывает связано с небольшим гастрономическим приключением. Участником такого приключения Кир-Кору довелось стать в час ужина: молодая миловидная эвгина за соседним столом, беседуя с двумя сотрапезниками, выбрала блюдо с заинтриговавшим ее названием «Колокол благоухающей любви из сокровищницы Лунного замка» и доверчиво вскрыла подозрительно темную скорлупу яйца, обложенного ломтиками банана. Чудовищное зловоние ввергло эвгину в состояние, близкое к коматозному, а ее сотрапезников выбросило из кресел в режиме аварийного катапультирования.

Пришлось отпаивать пострадавшую вишневым компотом (крышки бокалов Кир-Кор, на всякий случай, перевернул этикетками вниз). Постепенно выяснилось, что сегодня ее преследует фатальное невезение. Она и так была ужасно раздосадована задержкой в пути после невероятно утомительной командировки в Австралию, а тут еще совершенно неинтересные собеседники, полуголодная диета, увенчанная этим безумно жутким запахом сероводорода. Деликатес? Для кого-то, наверное, деликатес, а вот для нее — нервное потрясение. Да, спасибо, она уже успокоилась. Анастасия Медведева. Из Усть-Демотрясовска. Профессия — парфюмер-синоптик. Почему «нелепо»? Очень даже «лепо». Не надо ему извиняться, ее профессия вовсе не уникальна, но и не хуже любой другой. Хорошо, она объяснит, хотя объяснять тут особенно нечего. Существует пять типов погоды: благоприятная, неблагоприятная, катастрофическая и два промежуточных типа. Меняется погода — меняется запах — меняется настроение... Да, его остроту она оценила — действительно, во время катастрофической бури больше подходит молитва, чем парфюмерия,— однако на эту тему не надо острить. Парфюмерия, хочет он того или нет, напрямую связана с погодой. Разве при перемене погоды он пользуется одним и тем же лосьоном? То-то же!.. Разумеется, она могла бы подсказать, посоветовать, но для взвешенных рекомендаций надо изучать конкретного человека в конкретных условиях. Не на ходу. Мимоходом можно лишь отметить ароматическую аномалию, не более того. Вот, к примеру, местная аномалия: добрая половина всех застрявших в иглопорту пассажиров — женщин, мужчин и детей — распространяют вокруг ужасающий запах одоранта «Месть ниндзя». Совершенно верно — сильный и агрессивный запах календулы. Все жертвы «ниндзя» предъявили на всеобщее обоняние свое одорантное невежество, месть состоялась. Не было выхода? Он ошибается. То обстоятельство, что вода местного душа ароматизирована лошадиной дозой дешевого одоранта, никого из невежд не оправдывает: на территории иглопорта есть парфюмерные и косметические кабинеты, где нетрудно придать своей персоне одорантную респектабельность. Сам он ведь сумел украсить себя изыскан-

ным ароматом «Огней святого Эльма». Холодная и строгая гармония этого аромата невольно возбуждает романтические представления о чем-то очаровательно таинственном, недостижимом... Хороший вкус. У нее сегодня еще не было собеседника с хорошим вкусом, он — первый. Нет, это не комплимент,— небо свидетель, ей незачем делать ему комплименты, хотя интересно было бы попробовать. Нет-нет, пусть он не волнуется, пробовать она не станет — сейчас ее больше занимает загадочный паралич иглодрома. В здании иглопорта напряжение, недовольство, томление, а иглодром вообще не проявляет признаков жизни — все там замерло. Да, официальное объяснение она слышала — про магнитную бурю. Не верит. Однажды в иглопорту Усть-Демотрясовска томящихся пассажиров целый день кормили подобными баснями, а потом все объяснила страшная серия взрывов в заправочных шахтах. Иглодром там, конечно, вышел из строя, и до сих пор усть-демотрясовцев выручает иглопорт соседнего Магадана... Ну вот, им первым объявили посадку — легки на помине! Она благодарит его за добрые пожелания. Ей тоже хочется пожелать ему точной посадки и приятного запаха (пусть опробует что-нибудь из «диких» ароматов — ему пойдет). Жаль расставаться с интересным собеседником, но уж таков закон на трассах перелетных птиц. На всякий случай — до свидания. А почему он так ненормально уверен, что случая не подвернется? Она, к примеру, давно уяснила себе, насколько мир тесен. По молодости лет про мировую тесноту он, видно, ничего еще не знает, но это, увы, поправимо. Так что — до свидания, ювен!

Анастасия ушла, оставив после себя сладкий запах левкоев. «С теснотой на этой планете, как и прежде, все в полном порядке»,— подумал Кир-Кор. Он попытался представить себе, что делает сейчас Марсана, и не смог. Ощутил глухую тоску и, чтобы не дать ей достичь мучительной остроты, поднялся на застекленную смотровую платформу с намерением поглазеть, как над башней катапультера будут зажигаться и где-то в стратосфере таять голубые звезды факелов вертикально взлетающих иглолетов. Но сразу после первого факела объявили посадку на рейс в Петропавловск, и пришлось немедленно спускаться в запутанный лабиринт чрева подземного иглодрома.

Бескрылый лайнер, узкий и длинный, как спица, в считанные минуты преодолел стратосферный участок баллистической траектории. И снова вошел в тропосферу почти вертикально,— Кир-Кор услышал, как напряженно застрекотали под сидением поворотные механизмы кресла.

После разворота кресел потолочные видеоиллюминаторы ока-

зались прямо перед глазами пассажиров, и Кир-Кору предоставилась возможность окинуть взглядом небесную кровлю Камчатки. Бескрайняя облачная равнина, залитая лунным сиянием... От горизонта до горизонта. Цветоинтерпретация картинки на псевдоиллюминаторах была примитивной. «Облака цвета старого жемчуга»,— нашел эпитет Кир-Кор. В конце концов здешние видеосредства рассчитаны на зрительный диапазон хозяев этой планеты.

По мере сближения с облачным слоем усиливалась иллюзия, будто иглолет падает в волны темного океана. Как брошенный в воду гарпун.

Лунный жемчуг угас. Непродолжительную тьму сменило багровое марево. Кир-Кор как-то даже не сразу поверил, что это просвечивает сквозь нижележащий облачный слой иллюминация Петропавловска,— слишком красным было свечение. Можно было подумать, что лайнер падает в море раскаленной лавы.

Со звоном выдвинулись из корпуса и завыли в потоке плотного ветра стабилизаторы. Иглолет пронзил багровую пелену и словно завис на минуту в центре воздушной пропасти, на дне которой пробивались сквозь облака разноцветные отсветы — от красного и оранжевого до нежно-фиолетового и розового,— иллюминацию города рассеивал третий облачный слой. Небесная кровля Камчатки сегодня была, очевидно трехъярусной. Это, как минимум, предвещало прохладу. А всего вероятнее — дождь. Удобный легкий костюм «а ля маркиз де Карвен» будет выглядеть на полуострове не по сезону.

«Не грусти,— успокоил внутренний голос.— На продолжительные пешие прогулки тебе рассчитывать уже не стоит».

Лайнер потряхивало. В разрыве облаков промелькнула часть акватории Авачинской бухты. Огненные берега, искроподобные огоньки кораблей... И перед тем, как разрыв затянуло, Кир-Кор успел задеть взглядом освещенный овал круизного декамарана. Очень крупное судно. Не судно — плавучий остров для охотников прогуливаться от восточной окраины азиатского материка до Австралии и обратно. Охотников почему-то всегда было много: декамаран брал в рейс двадцать тысяч туристов — нужный уровень мировой тесноты обеспечивался. Круизный маршрут обслуживали четыре комфортабельных декамарана: «Даурия», «Тундра», «Тайфун» и «Цунами». Верхняя палуба острова-судна — бетонный, местами присыпанный песком обширный овал с двумя площадками для эйробусов, кольцевой рощей искусственных пальм и великолепным круглым, как лагуна, бассейном. Почти натуральный атолл. Та лишь разница, что уровень воды в псевдолагуне превышал океанский на пятьдесят метров. На декамаранах были сетчатые бортовые ограждения и специальная система страховочной сигнализации, потому что прыгнувший за борт разбивался о воду, как правило,

насмерть. Самоубийцы все же отыскивали возможности для рокового прыжка — ни один рейс бетонного острова-судна не обходился без попыток отчаявшихся в чем-то людей свести счеты с жизнью таким странным способом...

Тонко заныл тормозной двигатель иглолета, вокруг кресла схлопнулся белоснежный сугроб противоперегрузочного кокона,— до нырка в горловину посадочной шахты оставалось не больше минуты. Из-за акустического дефекта в трансляционной системе Кир-Кор не понял ни слова из предпосадочного сообщения спикера-автомата и от нечего делать стал вспоминать, при каких обстоятельствах в самом начале позапрошлого отпуска он поддался уговорам приятеля «смайнать на потряном «Цунами» к антиподам через экватор». Приятель был молод и при случае любил прихвастнуть своим знанием жаргона современных недорослей. В ответ на вопрос «А чего такого... потрясного в этом «Цунами?» приятель загнул четыре пальца: «Во-первых, от киля до крышки он поплавок надежный, как бетон. Во-вторых, кошара будет нормальная. Сначала, правда, в раскид, но потом устаканится. Уцепил? В-третьих, за экватором можно просто усохнуть. В-четвертых, объяснять — время терять. Гарантирую, будет весело до синего хипежа». «А дальше?» — «Что «дальше»?» — «Как будет дальше синего хипежа?» — «Полный отпад! — простонал приятель, тараща глаза в открытое небо.— Закинуться можно!.. Ты что, наивняк от рождения? Или дигейский кулек? Хипеж — это не адрес, это закатный балдеж на кошаре. Утоптал?» — «Кажется, да. Синий хипеж — это, по-видимому, высшая степень экстатического перевозбуждения».— «Кладовка,— произнес приятель с одобрительно-иронической интонацией. На его молодом, юном, можно сказать, лице обозначилось выражение бывалого человека.— В общем, здесь так... либо сам во всем перепреешь и выйдешь нормальной водянков в полоску, либо свинчивайся и до колумбария помни, что на «Цунами» ты мог побывать, но не был». Последний довод оказался решающим, и туристская армия готового к отплытию левиафана пополнилась «кульком» с Новастры... В первом же порту посещения — в Осаке — приятель исчез. Бесследно. А «кулек» еще до захода «Цунами» в Гонконг понял, что он действительно наивняк...

Свист, гул, перегрузка, толчки — будто кто-то огромный пытался боковыми ударами сбить иглолет с вертикали. Приглушенный грохот — тело свинцовой гирей утонуло в кресельной мякоти, заныли амортизаторы. Вдруг сделалось легко и тихо, кокон раскрылся. В салоне стоял «агрессивный» запах перегретой смазки. «Сели точно и с «диким» запахом,— подумал Кир-Кор.— В неплохом соответствии с напутствием Анастасии». Ощущалось покачивание — подвижные желоба иглодромных люнетов переводили корпус лайнера в горизонтальное положение. Неприятный запах горя-

чего технического масла усилился. Кир-Кор взглянул на лопнувший цилиндр амортизатора медленно всплывающего в переднем ряду кресла и надолго задержал дыхание, до выхода на перрон.

Зал перрона был узкий и длинный, ослепительно белый, искристый. Как разрез в мрачной каменоломне. Там, дальше, за черно-белыми в шашечку турникетами, зал переходил в двухъярусное фойе. Кир-Кор, пропустив вперед возбужденных, разнообразно пахнущих пассажиров, побрел следом, не сомневаясь, что за турникетами его непременно будут встречать.

В центре фойе стоял одетый в серебристо-лиловый блузон юнец, голубые глаза которого показались Кир-Кору знакомыми — крупные и круглые, как у лемура, глаза... На сгибе руки голубоглазый держал что-то вроде блестящей колбы, толпа прибывших и встречающих обтекала голубоглазого слева и справа, его взгляд панически метался по сторонам. Метания взгляда продолжались даже тогда, когда Кир-Кор подошел к молодому человеку почти вплотную,— голубые глаза реагировали только на быстро движущиеся фигуры. На вид юноше было лет восемнадцать, не больше.

— Лирий?..

— Кирилл Всеволодович, здравствуйте! — Взгляд юноши прояснился, лицо озарила улыбка. Блестящие шарики, подвешенные на груди блузона, забавно высверкивали розовыми огоньками.

— Действительно — Лирий Голубь, собственной персоной.

— Я тут все глаза проглядел — боялся вас пропустить. Совестно мне перед вами.

— За что? — с интересом спросил Кир-Кор.

— Ну как же! Вы заметили меня первый.

— А, да... Это было очень не просто. За последние два года вы, голубь мой, совершенно классически возмужали.

— О, неужели в этом году мы с вами выглядим одногодками?!

Охота шутить у Кир-Кора сразу пропала.

— Между прочим,— проговорил он,— у меня двадцатилетний сын.

— Знаю, Кирилл Всеволодович. Вы стали отцом в моем возрасте...

— Но о чем-то еще этот факт говорит?

— О том, очевидно, что я должен извиниться перед вами за неуместную шутку?

— Будем считать, здесь мы внезапно достигли полного единомыслия. Остальное — нюансы.

— Спасибо, сударь.— Лирий Голубь улыбнулся, протянул единомышленнику блеснувшую колбу: — Экзарх вам передал.

Две молодые пары, из тех, кто в этот момент проходил мимо, обернулись при слове «экзарх». Кир-Кор видел, как они, уходя, еще несколько раз оборачивались.

Колба оказалась полужестким пакетом из блестящего пластика. Прозрачным был только верхний торец. Не вскрывая пакета, Кир-Кор, обнаружил внутри роскошную синюю розу, посмотрел на ювена.

— Символ мудрости,— пояснил тот.

— Благодарю.— Кир-Кор пошарил в кармане.— Символ послушания,— сказал он, вручая представителю экзархата жетон-ведемекум.

— Зачем же так горько? — Лирий Голубь спрятал жетон в специальный футляр.— Не мы это придумали. И не Ледогоров. Марсианскую Конвенцию Двух заключили между собой наши предки, и нам с вами остается лишь склонить голову перед законом.

— Совершенно верно. Теперь моя очередь извиняться?..

— Кирилл Всеволодович!..— Лирий Голубь покраснел как девица.— Давайте лучше пойдем потихонечку, а?..

— Не смущайтесь, юноша,— ободрил его Кир-Кор на ходу.— Склоняя голову, я почему-то припомнил статью восьмую, параграф второй. Там сказано: представитель экзархата, изъявший на время жетон-ведемекум... ну и так далее. Припоминаете? Иными словами, де-юре на какое-то время вы мой властелин.

— Сопровождающий,— тихо возразил Лирий Голубь.— Всего только сопровождающий. Грум.— Он прислушался к писку карманного справочника. Бросил взгляд на часовое табло: — Если мы прибавим шагу — успеем вскочить в вагон метранса белобережного направления.

«Юный грум выбрал зачем-то слишком большой экипаж»,— подумал Кир-Кор, однако шагу, согласно статье номер восемь, послушно прибавил. Свое убеждение в том, что добираться отсюда до Белого Берега проще на реалете, он оставил невысказанным. Сопровождающий как-то по-особенному внимательно, цепко взглянул на него, улыбнулся грустно, сказал:

— На реалете не проще.

— Отчего же? — спросил Кир-Кор машинально.

— Ваш костюм... У нас вторые сутки льет дождь. Впрочем, здесь где-то было открыто экспресс-ателье...

— Нет-нет, вы правы, метранс в настоящих метеусловиях вне конкуренции.

Кир-Кор вскочил в вагон первым и придержал створку готовой захлопнуться двери — сопровождающий успел протиснуться боком. Дверные створки, отзвенев музыкальной капелью, сомкнулись, Лирий Голубь в полный голос торжественно произнес:

— Грагал, примите мое присутствие в вашей жизни!

Оба салона в вагоне были безлюдны. Кир-Кор выбрал кресло, кивнул на соседнее:

— Садитесь рядом, землянин.

— С удовольствием. Редкий случай — вокруг никого, можно теперь разговаривать без оглядки.

Вагон, роняя нотки-капельки стартового музыкального наигрыша, набирал скорость. «Случайный ли случай?» — подумал Кир-Кор.

— Случайность, но не совсем,— произнес Лирий Голубь.— Это последний вагон белобережного направления. Время позднее, и практически все пассажиры метранса в такое время едут в город на другой берег Авачинской бухты — петропавловским полукольцом.

Тронув кнопку на подлокотнике, Кир-Кор развернул кресло вполоборота к собеседнику, заглянул в голубые глаза:

— Вы с кем-нибудь из грагалов в родственных отношениях, случаем, не состоите?

— В родственных? Нет.— Ресницы юноши затрепетали.— Насколько мне известно, нет. В дружеских — да, состою. Вы хорошо его знаете. Его имя — Сибур. Подружились мы с вашим сыном в прошлом году.

— Превосходная новость, но ведь не Сибуру вы обязаны тем, что способны интротомировать пси-информацию. Или эта ваша способность мне просто мерещится?

— Нет, не Сибуру. Скорее — генетическим мутациям в поколениях моих предков.

— Вы, значит, интротом наследственный...

— Последственный, точнее будет сказать. Семейное предание связывает этот наш родовой феномен с последствиями Чернобыльской катастрофы. Той... которая в самом конце прошлого тысячелетия, если вам доводилось...

— Доводилось,— перебил Кир-Кор.— Вы сами отдаете ли себе отчет, насколько уникальна интротомия среди землян?

— Настолько же, насколько она обычна среди грагалов,— блеснул находчивостью интротом.

«Мальчишка явно не глуп, но острит невпопад»,— подумал Кир-Кор, прикрывшись «шубой» пси-непроницаемой защиты.

«Не реагируй,— посоветовал внутренний голос.— Юнец острит от избытка хорошего настроения. Просто он рад общению с тобой».

Кир-Кор поколебался, но «шубу» пси-защиты не снял. Интротом взглянул на собеседника глазами пойманного лемура:

— Я снова что-нибудь не то сказал?

— Вы чем-то обеспокоены? — осведомился Кир-Кор.

— Я внезапно вас потерял. То есть... похоже, вы свернули поле пси-эманации, наглухо закрыли свой пси-контур.

— Когда вы общались с Сибуром, он, что, ни разу не пользовался пси-защитой?

— Пользовался, но...

— Это вас шокировало?

— Нет, но...

— А теперь, ювен, я позволю себе задать вам вопрос, ответ на который вы, по идее, должны были бы знать, но пока, очевидно, не знаете. А зря... Как вы думаете, почему все грагалы — практически все — предпочитают проводить свой отпуск на Земле?

— Не знаю. Но хотелось бы знать. Однажды я задал этот вопрос Ледогорову...

— И что же? Он отмахнулся?

— Нет,— серьезно сказал интротом.— Агафон Виталианович объяснил, что в наших делах может возникнуть ряд деликатных вопросов, ответы на которые лучше находить самостоятельно.

— Здесь Ледогоров, наверное, прав. Дерзайте, юноша.

Тоннель кончился, и сквозь залитые дождем прозрачные стены вагона забрезжили вдали расплывчатые огни.

— Людям свойственно любить свою родину или прародину,— стал рассуждать вслух Лирий Голубь.— Граждане Дигеи наверняка испытывают ностальгию... Трудно не испытывать ностальгию в ином звездном мире, и в этом все дело!

— Грагалам тоже свойственна любовь к прародине, не стану этого отрицать,— согласился Кир-Кор.— Хотя они, как сие следует из названия нашей космоэтнической группы, не столько граждане Дигеи, сколько граждане Галактики вообще.

— Гм... Надо понимать, на опросительной мишени мой ответ в десятку не попал?

— Попал. В том смысле, что здесь ностальгия — дело десятое.— Кир-Кор взглянул на юношу, смягчился: — Видите ли... если на перелет из одной звездной системы в другую с помощью современных технических средств тратится не очень много времени, ностальгия как сильное чувство просто не успевает созреть и окрепнуть.

— Верно,— пробормотал обезоруженный интротом.

— Поэтому, кстати сказать, большинство граждан Дигеи, несмотря на упомянутую вами ностальгию, проводят отпуск не на Земле, отнюдь.

— Да... у грагалов в этом смысле все наоборот.

— Занятно, не так ли?

— Загадочно, я бы даже сказал...

Лирий Голубь погрузился в раздумье, Кир-Кор отвернул кресло в сторону.

Дождь усилился, прозрачные стены выглядели волнистыми от воды. Вагон замедлил ход и внезапно пробил торец станционного

павильона — взметнулись кверху мокрые черные крылья эластичных полотнищ погодной диафрагмы.

Белый перрон в ярко освещенном зале. Створки дверей вагона раздвинулись с музыкальным наигрышем. Никто не вошел. Некому было входить. На табло часов безлюдного перрона светились четыре нуля. Рядом с нулями камчатской полночи сияло название станции: «Сессиль-Кампанья». По рассказам местных жителей, этот *шедевр импортной ономастики изначально никакого отношения* к станции не имел; так назывался здешний фешенебельный ресторан, некогда «прославивший» отвратительными скандалами весь полуостров. Рассказывают, огненные буквы рекламы ночного курортного ресторана «Сессиль«Кампанья» были видны с большой высоты пассажирам стартующих и прибывающих иглолетов. В конце концов одиозное заведение было стерто с лица земли не то лавиной, не то катастрофическим селем. Там, рассказывают, было снесено буквально все. Даже название. Осталось только народное прозвище злополучного места: «Спаси, маманя». Годы спустя название ресторана «Сессиль-Кампанья» по совершенно необъяснимой причине унаследовала станция. А полушутливый топоним «Спаси, маманя» отчего-то приклеился к воздвигнутой на вершине соседней сопке метеорологической обсерватории,— у местных синоптиков уже иссякла потенция бороться с чуждым их тезаурусу прозвищем «спасимаманцы»...

Вагон пробил диафрагму противоположного торца и вылетел в расцвеченную огоньками темноту. Кир-Кор стал шарить глазами среди фиолетовых, синих и красных светосигналов на вершинах *мокнущих под дождем сопок. Ему вдруг пришло в голову,* что возможно, парфюмеру-синоптику Анастасии Медведевой доводилось бывать на легендарной этой метеообсерватории. Почему бы и нет?.. Он усмехнулся.

— Этого не было,— нарушил молчание Лирий Голубь.

— Что? — Кир-Кор вернулся в вагонное кресло издалека.

— На этой обсерватории Анастасия Медведева никогда не бывала.

«Земля расслабляет,— сделал вывод Кир-Кор.— Пси-защитная «шуба» незаметно сползает с расслабленного плеча».

— Я вижу,— проговорил он, потирая лоб,— вы интротом серьезный. Спокойно «берете» даже абстракции, имена...

— Нет, с именами у меня еще плохо,— признал интротом.— В данном случае я шел к догадке от образа.

— Интересно.

— Я должен, видимо, объясниться? Для меня вы — очень сильный и ясный источник пси-эманации. Псиманант на уровне Ледогорова, и даже чуть выше. Псиманантов сильнее вас двоих я не встречал. Необыкновенно четкие скульптурность, цветность,

ароматия... Короче, ваша мысленная ретроспекция янъянского промежутка событий... хотя и пунктирная, беглая... позволила мне без труда узнать парфюмера-синоптика.

— То есть... вы с ней знакомы!

— Анастасия — моя двоюродная сестра.

Кир-Кор рассмеялся.

— Извините, это от неожиданности. Мир тесен, Анастасия права. Кстати, она, случаем, не...

— Нет, Кирилл Всеволодович. Среди ныне здравствующих представителей нашего рода я — единственный интротом.— Лирий Голубь натянуто улыбнулся: — Да и то, как видите, эта моя способность до сих пор не смогла помочь мне проникнуть в «отпускную» тайну грагалов.

— Никакой особой тайны здесь нет.

— Тем обиднее! Для меня она пока существует.

— Не сокрушайтесь. Я готов раскрыть ее перед вами. Вот только не знаю, насколько трепетно вы соблюдаете совет Ледогорова самостоятельно свежевать информационную дичь.

Считая свое сомнение существенным, Кир-Кор ждал ответной реакции собеседника. Лирий Голубь и ухом, как говорится, не повел. Лирий Голубь ровным голосом раздумчиво произнес довольно длинную фразу:

— Ледогоров не однажды высказывался при мне в том смысле, что грагалы, по сути, такие же люди, как и земляне, и что открывать для себя их внутренний мир лучше всего с позиции общечеловеческих ценностей.

— Куда бы нас ни бросила судьбина и счастие куда б ни повело, все те же мы,— охотно подхватил Кир-Кор.— Это слова Пушкина, юноша. Для меня Александр Сергеевич во многом крупный авторитет. Примерно, как для вас Агафон Виталианович.

— Ледогоров гений!..

— Вот видите! Мнения обоих гениев здесь убедительно совпадают.

— То есть ничто земное вам, грагалам, не чуждо!

— Человеческое,— мягко поправил Кир-Кор.— Это не совсем одно и то же.

— Мы с вами листья одного древа.

— Здесь есть нюансы... Если новастринская ветвь — это, фигурально выражаясь, царство птиц, то земная... гм...

— Договаривайте! Грех оставлять в неведении малых сих.

— О, если б это был единственный серьезный грех!..

— Опасаетесь оскорбить патриотические чувства землянина? Спасибо. Однако я, в силу моей невольной осведомленности, абсолютно точно знаю, что именно вы хотели сказать. Вы хотели сказать, что земная ветвь кишит ядовитыми гадами...

— ...Произведенными на свет колоссальным разнообразием исторических мерзостей,— закончил Кир-Кор.— Эту фразу надо либо выговаривать полностью, либо...

— Этой фразой Сибур поразил меня год назад.

— Я так и понял.

— У меня тогда впервые забрезжила мысль: а какая, собственно, надобность побуждает вас, грагалов, покидать свой светозарный астрал и почти на полгода погружаться в опасные сумерки нашего царства рептилий?..

— Ну... во-первых, фигуральные выражения и аналогии не стоит воспринимать буквально,— заметил Кир-Кор, втайне досадуя на неуемную склонность Сибура эпатировать кого ни попадя.— Во-вторых, мои аналогии не всегда бывают удачными. И в-третьих, вы не корректны, когда закладываете отчуждающий смысл в местоимения «свой» и «нашего».

— Отчуждающий?..

— Да. Намеренно или нет, но тем самым вы отчуждаете грагалов от их материнской планеты.

— Простите, я вас не совсем...

— То обстоятельство, что некогда Мать-Земля... вернее, легитимная часть тогдашнего земного сообщества... отправила моих ни в чем не повинных предков в межзвездное изгнание, еще не повод считать нас сегодня просто гостями и регламентировать в пределах Солнечной Системы каждый наш шаг. Уж поскольку мы, грагалы, граждане Галактики, постольку мы, как и вы, очевидно, граждане околосолнечного пространства, то есть грасолы. Есть в этом логика?

— Но тогда с какой стати вы вообще соблюдаете предписанный МАКОДом регламент?

— Из уважения к волеизъявлению предков. Демонстрируем лояльность к устоявшейся на Земле системе общественных отношений. Хотя и не считаем ее достаточно совершенной.

— Ну, положим, не все радужно и на планетах Дигеи.— Интротом покачал головой.— Едва только вашу Новастру можно ставить в пример... Виноват, я, кажется, употребил местоимение «вашу». Но, с другой стороны, не могу же я в самом деле говорить о Новастре «моя»!

— Наша,— поправил Кир-Кор.— Она моя и в равной степени ваша. Как и Земля. Добро пожаловать на Новастру в любое время. Живите там где угодно, сколько угодно и, главное, свободно.

— Спасибо, когда-нибудь я обязательно нагряну в гости. Правда, я не уверен, что мне будет там... хотя бы наполовину так же удобно, как на Земле.

— Новастра не слишком удобна и для грагалов,— признал Кир-Кор.— И это уже приподнимает завесу над «тайной», которая вас сегодня так занимает.

Подлокотник кресла разразился пронзительно-залихватской трелью. «Нахально-соловьиная трель»,— подобрал эпитет Кир-Кор.

— Мы пересекли границу экзархата,— подсказал интротом.

«День иволги остался позади,— с грустью отметил Кир-Кор.— Впереди у меня, как минимум, еще одна ночь на Земле. По новастринскому календарю — ночь осьминога...»

ЗНАК ЗВЕРЯ

Плавно снижая скорость, вагон промчался вдоль декоративного коридора из люминесцентных резво прыгающих с места на место белых, синих и красных полос, пробил диафрагму павильона станции с названием «Пара-тунка». Топоним чистокровно местный — так назывался курортный поселок, построенный в незапамятные времена возле целебных горячих источников вулканического происхождения, и так теперь называется крупный санаторно-парковый комплекс. «Чудо-источники...» — благодарно подумал Кир-Кор.

Многое тут было связано с Ниной...

«Не надо об этом,— посоветовал внутренний голос.— Ты сам запретил себе вспоминать Нину здесь, на Земле,— следуй зароку. Память о ней должна быть связана только с Новастрой».

«Плюм-плим-плям» — створки дверей распахнулись. С перрона шагнул в салон черноусый, приятной наружности человек в светлом с искрой блузоне. Амортизаторы вагонного корпуса дрогнули на ходовой платформе — верный признак того, что новоприбывший весил не менее центнера. Усач свойски улыбнулся представителю экзархата, приветливо кивнул Кир-Кору и, чтобы не стеснять собеседников, вышел в первый салон. Через прозрачные створки автоматической межсалонной двери было видно, как он стал заталкивать в наплечную сумку небрежно скомканный дождевик.

— Федор Шкворец, наш главный механик,— пояснил Лирий Голубь.— Принимать целебные ванны ему приходится чуть ли не заполночь.

Кир-Кор обернулся. Пять торопливых фигур в черных дождевиках прошмыгнули в вагон через последнюю дверь. Лица под капюшонами скрыты забралами странных по форме серебристо-черных масок...

— Ваши астрологи и шаманы? — пошутил Кир-Кор.— Или просто ночной карнавал?

Юноша не нашел, что ответить. Двери захлопнулись, вагон тронулся. Двое из карнавальной пятерки устремились в первый салон. Федор Шкворец, еще не успевший там сесть, смотрел на шустрых пришельцев. Кир-Кор ощутил укол тревоги и почти одновременно — прохладное прикосновение металла к затылку.

— Не двигаться! — приказал на геялогосе жесткий, исполненный отнюдь не шуточной угрозы голос.— Вы, оба! Руки на подлокотники!

Скосив глаза, Кир-Кор увидел у виска ошарашенного интротома ствол кернхайзера с характерным креплением утинга на конце. Подумал: «Сдается мне, юноша, мы имеем дело с тяжело вооруженными налетчиками».

— Да-а? — Интротом невольно повернул голову, и было ясно, что он никогда еще в жизни не видел налетчиков.

— Молчать! Не оглядываться, смотреть только вперед! Не вынуждайте нас применить оружие. Подчинение или смерть!

«Запугивают, но парализовать чем-нибудь действительно могут»,— думал Кир-Кор, глядя «только вперед». Кстати, там было на что поглядеть: двое конвоиров пытались усадить механика в кресло — Федор Шкворец удивленно и, очевидно, из принципа сопротивлялся. Более крупный конвоир наседал как бульдог, тот, который помельче, вертелся хорьком, угрожая выхваченным из-под полы короткоствольным миттхайзером. Инерционная тяга в стремительно набирающем скорость вагоне плюс неожиданно сильный противник помешали налетчикам с ходу провести заученные приемы: «будьдог» пропустил удар локтем, чуть не упал, «подставился» задом и вдруг получил от разгневанного механика такой пинок, что автоматика едва успела распахнуть дверные створки перед улетающим в смежный салон глянцево-черным снарядом. «Хорьку» удалось увернуться от локтя, но уклониться от сокрушительного удара кулаком под забрало он уже не сумел — ему пришлось повторить траекторию полета своего напарника.

Итог катастрофического возврата конвойного авангарда привел уцелевшую тройку в состояние остолбенения (какое-то время Кир-Кор не слышал ни дыхания, ни шороха дождевиков у себя за спиной). В проходе корчился, шипя и поскуливая от боли, «бульдог», неподвижно лежал «хорек», накрытый черной полой, словно траурным флагом, покачивался на ремне миттхайзер, пойманный подлокотником ближайшего к двери кресла. «Ваш механик великолепный боец,— думал Кир-Кор,— но ситуация теперь тупиковая. Если он переступит порог — число целительных процедур ему, боюсь, придется утроить».

Дверь распахнулась. Механик, гневно шевеля усами, переступил роковой порог — паз для отката дверных створок. Ворот блузона разорван, из прорехи выпирало плечо, в глазах — готовность к неравному бою.

— Уходите, Федя, уходите! — отчаянно закричал Лирий Голубь.— Сопротивление бесполезно!

Федор Шкворец увидел миттхайзер, ухватил его за ремень. «Настоящий воин»,— с уважением подумал Кир-Кор, стараясь как

можно точнее определить для себя тыловую позицию конвоиров. Вз-з-анг, вз-з-анг! — пронзительно (металлом по стеклу) скрежетнули стволы кернхайзеров над головой — две синии молнии обезоружили механика. И следом — негромко: шпок-шпок-шпок-шпок! Скорострельный парализатор бил слева, почти в проходе.

Выронив чадящий обрывок ремня, Федор Шкворец схватился за грудь, присел, попытался выпрямиться, медленно завалился боком, лег на спину и затих на пороге между салонами, как между двумя мирами... Лиловой птицей сорвался с места Лирий Голубь, кинулся к поверженному герою: налетчики обменялись невнятными возгласами. «Втащить его в первый салон!» — императивно подумал Кир-Кор, вскочил и, убыстрив движение правой руки разворотом корпуса, сделал отмашку назад. Эффективность этого своего слип-удара он знал. Два черных стрелка синхронно рухнули на пол, как сбитые кегли.

Третий отпрянул и выставил перед собой тонкий ствол шестнадцатизарядного парализатора системы «гюйэт». «Четыре заряда он израсходовал,— прикинул Кир-Кор, вызывая на животе и груди отвердение слоя кожной защиты.— Остальными он испортит мне всю рубаху, маракас... Не взбрело бы ему на ум выстрелить мне в лицо».

— Вернитесь в кресло! — приказал стрелок голосом, сдавленным от испуга.

— Кто вы такой? Что вам от нас нужно?

— Не двигаться! Или я нашпигую вас отравой сверх нормы!

«Очень нервные налетчики у нас сегодня в гостях»,— подумал Кир-Кор. Миролюбиво сказал:

— Я не могу вернуться не двигаясь. Давайте спокойно поговорим.

Шпок-шпок-шпок! Колкие удары в грудь (один — в опасной близости к горлу) заставили Кир-Кора отказаться от миролюбивой тактики. Обманный шаг в сторону, обманный зигзаг, пируэт и — внезапный бросок.

К броску «парализованной» жертвы отравитель был не готов. Кир-Кор согнул его тычком напряженной ладони в чревное сплетение, отобрал и разрядил гюйэт (пульки-ампулы ссыпал в карман). Быстро обезвредил кернхайзеры, выдрав из рукоятей отработанным на Новастре приемом миниатюрные супераккумуляторы вместе с похожими на пауков блокинг-генераторами. Сзади захлопнулись наконец створки межсалонной двери. Было видно, как Лирий Голубь, кривясь от натуги, тащил обмякшее тело механика вперед по ходу вагона. «Довольно, юноша! — одобрил Кир-Кор.— Оставьте героя в покое».

«Бульдог» сделал попытку подняться на четвереньки, и Кир-Кор, опасаясь выстрелов из-под полы, сдернул с него дождевик.

Под капюшоном оказался глухой серебристо-черный шлем незнакомой конструкции. Противогазовое забрало с двумя соплами (точно дыры от вырванных бивней), дымчатое полукольцо перископного обзора, блескучий венец, излучающий какую-то странную смесь слабых электромагнитных сигналов. Форменный черный костюм и уйма навешенной на нем специфической амуниции дополняли картину. С левой стороны груди — шитая серебром эмблема: змееволосая голова Медузы Горгоны. «Пейсмейкеры,— понял Кир-Кор.— Группа захвата. Очевидно, им нужен я».

Он сорвал с пояса боевика наручники, чтобы употребить их по назначению, но тут же отшвырнул их в сторону. Наручники обжигали ладони и мозг. Обжигали даже сильнее, чем всякое другое оружие. Он ограничился тем, что вывел из строя и отшвырнул в сторону трофейный миттхайзер. Хотя, согласно МАКОДу, при таких обстоятельствах он имел полное право отстреливаться. В случае вооруженного нападения в пределах территории экзархата шестнадцатая статья МАКОДа давала право грагалу защищаться любым способом и с помощью любого оружия. Параграф седьмой — вплоть до физического уничтожения нападающего. Или нападающих, если — параграф восьмой — нападение групповое. При этом — параграф девятый — степень вооруженности группы не имела значения.

Кир-Кор приподнял дождевик над неподвижным телом «хорька». На груди — та же эмблема... Выпростанный из капюшона шлем вдруг ни с того ни с сего пружинно раскрылся, словно футляр, и... рассыпались по полу длинные золотисто-рыжие волосы. На бледном лице хозяйки рыжих волос проглянули серые выпуклые глаза. Бессмысленный взгляд, тихий стон... Кир-Кор уложил рыжеволосую в кресло, продев для надежности подлокотник сквозь ее портупею, метнулся к «бульдогу», нашарил кнопки замка шлема у подбородка. Под забралом обнаружилась вполне мужская физиономия, искаженная гримасой боли. И еще обнаружились там налитые кровью злые глаза и мокрые от пота белобрысые волосы.

Шлем слетел с головы отравителя раньше, чем тот успел разогнуться. Кир-Кор узнал быстроглазого с экспресса «Восточный»:

— О, мсье Буридан! Какая приятная встреча!

В ответ мсье молниеносно провел незнакомый противнику прием рукопашного боя — буквально перевернул его вверх ногами — и вложил всю свою силу в удар ногой. Прием Кир-Кор оценил, но ударить себя не позволил — нога встретила непробиваемый блок. Быстроглазый чудом сохранил равновесие.

— Вы в хорошей форме, мсье Буридан, сон в стратосфере пошел вам на пользу.

Боевик отпрыгнул как дикая кошка — бросился к торцевой стене в хвостовой части салона. Кир-Кор с опозданием понял, за-

чем ему это надо, кинулся следом, сознавая, что уже не успевает с броском. Блеснув эмблемой, пейсмейкер выхватил из прорези потайного кармана нечто похожее на пистолет с коротким квадратным стволом, щелкнул предохранителем и вскинул руку, целясь противнику в лоб. Сзади раздалось короткое — х-хэк! Кир-Кор инстинктивно пригнулся — над правым плечом мелькнуло что-то металлическое. Машинально он подхватил выроненное пейсмейкером оружие. Тот открыл рот в крайнем изумлении, и глаза его полезли из орбит. Потрясенный Кир-Кор уставился на странно оседающего боевика: серебро медузьей головы окрасилось кровью — в груди торчала освинцованная рукоять метательного стилета...

Жуткий звук, похожий на вой койота в ночи, заставил его обернуться. Выл белобрысый. Колотил кулаками по настилу в проходе и выл — истошно, горестно, зло. Само небо, казалось, отринуло от себя безысходное отчаяние убийцы; Кир-Кор невольно взглянул в потолок, откуда (он чувствовал это) струились флюиды некой зловещности. «Нет-нет,— думал он,— наручники здесь все равно ничего не изменили бы — эти мерзавцы умеют метать ножи и в наручниках».

От хлесткого виброудара по крыше дрогнул под ногами пол. После удара остались торчать в потолке острые четырехгранные наконечники. Вагон был словно обстрелян сверху из чудовищных арбалетов.

— Ах, сучьи дети!..— пробормотал Кир-Кор. Он заметил, что перед ударом дождевая вода вдруг перестала заливать прозрачные стены — будто над мчащимся сквозь ливень вагоном раскрыли зонт. Теперь хорошо было видно, как опустились из темноты и зарешетили околовагонное пространство с обеих сторон членистые лапы-захваты.

Еще один хлесткий удар — виброкрючья вонзились в стены, как скорпионьи жала, а возле двери пролез сквозь настил острый бивень фиксатора. «Приготовьтесь, юноша, сейчас будет мощный рывок. Постарайтесь подстраховать себя и механика от серьезных ушибов».

Рвануло влево и вверх (треск, затихающий грохот внизу) — Кир-Кор повис на спинке кресла, удерживая рыжеволосую от переворота через подлокотник; свет в салоне померк — лишь в дверных рамах остались сиять полосы аварийного освещения.

Сорванный с ходовой платформы корпус вагона быстро поднимался в воздух. «Теперь все понятно,— думал Кир-Кор.— Все понятно с группой захвата. Когда есть возможность унести тебя вместе с вагоном, точно коршун птенца, состав отвлекающей группы совершенно не принципиален. Банда бездарных стажеров-налетчиков, женщин-боевиков и злополучных шпионов».

Несколько секунд невесомости в «воздушной яме». Затем —

рывок ускорения с перегрузкой на развороте. Звучно стукались об стену шлемы, оружие, боевики. Один из шлемов Кир-Кор, защищая лицо, невольно поймал. И тут же пригнулся — над головой пролетел и шмякнулся в стену белобрысый пейсмейкер, проскользнули полотнища дождевиков. И вся эта масса тел и предметов, шурша и позвякивая, ссыпалась на крутом вираже в хвост вагона. Кир-Кор чуть было не бросил туда же пойманный шлем, но, внутренне содрогнувшись, удержал занесенную руку. Так, со шлемом в руке, и явился в первый салон.

Лирий Голубь сообразил поднять над распростертым у подножий кресельных рядов телом механика боковые сиденья, и, судя по всему, наспех зафиксированный таким способом Федор Шкворец в моменты буйства сил инерции оставался на месте.

«Неплохо, юноша,— мысленно похвалил Кир-Кор.— Обошлось без эксцессов?»

— Не знаю...— испуганно пробормотал интротом. Он лежал на полу животом вниз, поддерживая ладонями голову парализованного, и косил голубыми глазами на стену, во всю ширь которой разворачивалась панорама вспухающего за дальними сопками зарева.— Что это?!

«Полагаю, зарево Петропавловска,— подумал Кир-Кор.— Как только шверцфайтер пробьет первый слой облаков, картина станет еще интереснее».

— Но куда нас?.. Зачем? Что им от нас надо?!

«Вы и Федор Шкворец, я думаю, здесь случайные пленники».

— Я и Федор Шкворец — свободные люди! — Юноша словно старался перекричать вой ветра, неприятно смешанный с густым шмелиным жужжанием: — Никто не вправе творить насилие над представителями девидеры «Радетелей Общества Справедливости»!

— Прекрасные и очень своевременные слова, Лирий Голубь! — воскликнул Кир-Кор.— И я, Кирилл Корнеев, свободный грагал, заявляю: никто не вправе арестовывать новастринских гостей Камчатского экзархата на его территории!

Лирий Голубь высвободил руки из-под затылка своего обездвиженного товарища, сел, и было заметно, что он пытается уразуметь интонационный пафос собеседника.

«Конечно, банде плевать на любые наши слова,— мысленно продолжил Кир-Кор, кивнув на торчащие в потолке наконечники.— Однако на борту шверцфайтера нас пишут, я уверен. Может, запись и пригодится... Для следственной комиссии МАКОДа, например. Доживем — увидим».

— Обязательно доживем.

«Люблю оптимистов. Особенно тех, кто умеет заглядывать в светлое будущее. Но чем бы нам, трижды маракас, ущучить пиратов?..»

Кир-Кор бросил шлем в кресло. Еще в том салоне возник было замысел приоткрыть вагонную дверь (или выбить, если не приоткроется) и по лапам захвата подняться в гондековый тамбур аэромашины, а там уже действовать по обстоятельствам. Но... события наверху могут принять дурной оборот. Если пейсмейкерам надобен только грагал — за жизнь оставленных в этом проклятом вагоне людей нельзя поручиться. У пиратов может возникнуть соблазн избавиться от опасных свидетелей где-нибудь над подходящими для этого глубинами Тихого океана... Чудовищно, конечно, даже заподозривать такого рода вероятность, однако репутация пейсмейкеров отнюдь не располагает к беспечности в отношениях с ними... Кстати, сами они с нехорошей своей репутацией ханжески не согласны и стараются везде, где только можно, предстать в обличье апологетов строгой законности. И как ни странно, смена масок часто им удается. Видно, недаром на гербе ордена пейсмейкеров начертан старый латинский девиз: «Ovi prior est tempore, potior est jure». Дословно: «Кто раньше по времени, тот прежде по праву». Тривиальное кредо хищника: «Кто успел — тот и съел».

Тяжело груженный шверцфайтер набирал высоту по расширяющейся спирали. Сквозь пелену дождя Кир-Кор увидел вдали профиль величественного знака Ампары над главным зданием экзархата. Секунду длилась эта картина — будто на миг проблеснул в самом центре ненастья рог молодого месяца. И внезапно, после недолгого затемнения (в момент «прокола» слоя облаков), на полгоризонта распахнулось уже знакомое двухъярусное высотное зарево... Так что извините, уважаемый Агафон Виталианович, но встреча откладывается на неопределенное время. Поднимаясь над территорией, подлежащей вашей юрисдикции, шлем горячий привет лично вам и вашей общине... то бишь девидере. Кроме того, желаем вам впредь лучше заботиться о защите территориального иммунитета Камчатского экзархата от диверсионно-террористических посягательств. И да пребудет с вами согласие Великой Ампары!.. «Ну скажите, пожалуйста,— угрюмо думал Кир-Кор,— зачем базируются в Завойковске вооруженные подразделения МАКОДа, если у них из-под носа безнаказанно можно похитить вагон метранса вместе с людьми?..»

Он опустился на корточки, порывисто притянул Лирия Голубя ближе к себе:

«В Завойковске «финисты» есть? Отвечайте мне шепотом».

— Одно звено отправлено на грузовом иглолете куда-то к экватору,— прошептал интротом.— Вероятно, еще не вернулось. Два других должны быть на месте.

«Два звена, пожалуй, смогли бы отрезать шверцфайтеру путь над океаном. В стратосферу он, перегруженный, не уйдет».

— Разве есть способ дать им знать?

«Не им — Ледогорову».

— Псиманация?.. Так далеко и в такой обстановке?..

«Вы мне поможете».

— Я?! — удивился юноша.— Но моя псиманантная «мощь» вам известна. Увы...

«Значит, придется учить вас стимулировать пси-радиацию».

— Но ведь не здесь, не сейчас!

«Здесь и сейчас. Может статься, что... Ладно. Вы видели экзарха вечером. Как он одет?»

— Лиловый блузон с золотой оторочкой. Синие бейнзауны с лиловыми полупотайными складками, лиловые полусапожки.

«Вот и старайтесь удерживать образ патрона перед мысленным взором — дисциплинирует ауро-поисковую реактивность. Смотрите Ледогорову в переносицу и взывайте к нему. При этом создавайте полетное напряжение в висках — ни в коем случае не в затылке, только в висках! — и стремитесь слиться с пространством. Очень просто. Во время зова нужно добиться ощутимого и понятного мозгу состояния полета в огромном, безбрежном пространстве, это главное. Наша общая пси-радиация соответственно возрастет, если будет направлена к одному и тому же субъекту, и в итоге войдет в резонанс с ментаполем экзарха. Ясно?»

— Да. С теорией эгрегора я знаком.

«Термин слегка устарел. Впрочем, если хотите, пусть будет эгрегор. Вам остается подкрепить теорию практикой. Вдвоем мы экзарха «достанем». Если эгрегор сработает — все остальное я беру на себя, а вы отключайтесь. Когда я встряхну вас — немедленно отключайтесь, иначе вам будет... Ладно, все будет хорошо. Поехали!» — Кир-Кор крепко стиснул плечо начинающего псимананта.

...В ментааурической вселенной Ледогорова шел дождь — струйки его змеились по наклонной стеклянной плоскости фасада, обращенного к Авачинской бухте, и скатывались вниз под аккомпанемент невыносимого воя и сверлящего уши жужжания. Стараясь пробиться сквозь акустический «занавес», Кир-Кор так резко сформировал поле ментального оклика, что оглушенный интротом-псиманант ощутимо «поплыл». Зато результат налицо: в акустическом заслоне возникла и стала расширяться чистым озером некая пространственная область, свободная от звуковых помех. Ментальный зов, точно пульс оживающего организма, набирал силу:

«Агафон! Агафон!! Агафон!!! Агафон!!!!»

В ответ — отчетливый всплеск удивления.

«Кирилл?!..» — Агафон Ледогоров чувством и словом подтвердил двусторонность ментаконтакта.

«Агафон!!! Агафон!!!!»

«Спокойнее, Кирилл, слишком напористый зов. Ты с кем-то в эгрегоре?»

«Это же Лирий! К счастью, мы быстро «достали» тебя!» — Кир-Кор, ликуя, встряхнул обессиленного псимананта.

«Увы, тем самым ты многое меняешь в учебной методике парампары. Я огорчен. Но все равно прими мое...»

«Принимаю, но утешить тебя ничем не могу — нашего славного школяра уносит в тучи воздушный пират. Судя по виброфиксаторам захвата, это шверцфайтер. Уносит, кстати, вместе с главным механиком экзархата, со мной и с вагоном метранса, который они только что умурдрились сорвать с монорельса на перегоне «Пара-Тунка» — «Вторая спортивная». По-моему, это пейсмейкеры. Если, конечно, кто-то другой не использует их атрибутику...

Экзарх продемонстрировал неплохую реакцию: уже после слова «шверцфайтер» он щелчком пальцев задействовал спикард-систему, связался с дежурным службы МАКОДа в Завойковске. Кир-Кор сенситивно увидел это быстрое движение пальцев правой руки, затем — лиловый рукав, и вдруг — его владельца во весь рост. Свежая позолота на оторочке блузона, глянцевый отлив на отворотах лиловых полусапожек... На спине и под правую руку — иссиня-фиолетовая мантелета со знаком Ампары и с аметистовой застежкой-фибулой на левом плече.

«Мужайтесь, друзья! — обратился в пространство экзарх.— Тревога объявлена, с минуты на минуту «финисты» уйдут на перехват. Ты, Кирилл, прости мне мой упрек, я был неправ. Как там у вас?»

«Скверно. Механик парализован, нужна медицинская помощь. И не только ему — обездвижены пятеро боевиков, среди них — женщина с признаками серьезного сотрясения мозга. Один из этой пятерки в суматохе налета смертельно ранен своим же товарищем в сердце — клиническая смерть, должно быть, уже наступила. Намерения экипажа шверцфайтера нам пока неизвестны. Полагаю, нас всех поднимут на борт и сбросят вагон. Ноша для этой «летающей шляпы» слишком громоздкая... Ну что ж, спасибо, Агафон, теперь мы будем чувствовать себя увереннее. До связи!»

Кир-Кор вышел из сенсетивного транса. И что-то заставило его задержать дыхание. Запах!.. Из наконечника в потолке, шипя, стекала струйка тумана, распространяя в салоне характерный запах газа «емшан» — горько-полынный с мятным привкусом. «Шрек-тревер, вот почему они в шлемах!» — подумал он и швырнул своего помощника в кресло. Новоиспеченный псиманант опомнился уже в трофейном шлеме и молча смотрел, как взбудораженный чем-то грагал ногой выбивает из паза нижний край створки вагонной двери, спешно подтаскивает механика головой к ледяному потоку забортного воздуха.

«Лучше ему простудиться, чем дополнительно наглотаться отравы»,— пояснил Кир-Кор, падая в кресло справа от юноши.

— Я плохо вас слышу,— прогундосил тот из глубины шлема.

«Газовая атака. Нас хотят усыпить и обездвиженных переправить на борт шверцфайтера».

— Усыпить? — Интротом потрогал шлем в районе висков.— Рой помех!..

Кир-Кор сорвал со шлема источник беспорядочных электромагнитных импульсов — блескучий венец. Блеск угас, генерация импульсов прекратилась.

«Это у них для защиты мозга от пси-радиационного воздействия со стороны. Остроумно... Так лучше?»

— Да. Но все равно — какая-то муть в голове...

«Пройдет. После эгрегора сонливость у новичка — обычное дело. Тем проще будет сыграть роль усыпленного газом».

— А вы?

«Я тоже им подыграю. Мы оба им подыграем. Пока «финисты» не успели отвлечь их внимание, мы с вами обязаны выглядеть спящими».

Кир-Кор жестом пригласил юношу наклониться и быстро сунул в нагрудный карман его блузона пистолет с квадратным стволом. Приложил палец к губам в знак молчания.

«Осторожнее. Там, кажется, спущен предохранитель».

— Но я не...

«Больше ни слова! Я так же не... как и вы. Но меня непременно обыщут, а вас... надеюсь, что нет. Потом вернете мне эту штуку, я должен ознакомиться с ней на досуге. Вот и все. И ни о чем не надо тревожиться. Когда я открою вам шлем — просто расслабьтесь. Шлемоголовые слуги Морфея должны увидеть вас спящим».

Струя газа иссякла. Отметив про себя отрадный этот факт, Кир-Кор блокировал собственную пси-радиацию и, теперь уже скрыто от интротома, подумал, что сквозняк успеет проветрить салон до появления боевиков. Его самого задержка дыхания не беспокоила — без притока кислорода извне он мог обходиться сорок девять часов. Ему хотелось, чтобы сохранил дееспособность его молодой новый друг. В такой обстановке важно сохранить дееспособность. Или хотя бы сохранить ясность сознания. Кто знает, чем грозит обернуться бандитский налет...

Шверцфайтер, натужно жужжа, с пчелиным трудолюбием одолевал по диагонали свободное от дождя пространство между двумя облачными ярусами. Окрашенные заревом участки с иллюзорной медлительностью отступали назад. Прямо по курсу сгущался коричневый мрак — там, в его глубине, где-то далеко над океаном изредка вздрагивали зарницы. Кир-Кору все это не нравилось. Никаких признаков перехвата... Трудно было определиться над облаками, однако похоже на то, что шверцфайтер уже миновал устье Авачинской бухты и теперь идет над заливом.

Шумно оторвалась и исчезла куда-то часть крыши вагона — в салоне засвистел пронизывающий ветер, от невыносимого жужжания свело челюсти. Кир-Кор снял с головы своего подопечного шлем, забросил вперед через три ряда кресел. Юноша, обвиснув на подлокотнике, правдоподобно изобразил то, что следовало изобразить; его светлые волосы нещадно трепал свирепый сквозняк. «Удачи нам в лицедействе»,— подумал Кир-Кор, кинул в рот кольцо Марсаны, устроился в кресле на левом боку — так, чтобы в поле зрения были оба представителя экзархата,— приопустил веки и застыл в ожидании.

Долго ждать не пришлось. В салоне появились двое. Без шлемов, но в респираторах. Серые форменные костюмы, отливающие на сгибах глянцевитой чернью, серые кепи с темными полупрозрачными козырьками и такими же светофильтрами в пол-лица. На рукавах — нашивки с изображением змейки, свернутой в горизонтально расположенную восьмерку.

Боевики общались между собой и с кем-то на борту шверцфайтера посредством вмонтированных в респираторы радиопереговорных устройств. Кир-Кор обострил свое восприятие в радиодиапазоне. Понял только слово «грагал», но постарался заложить в запасники памяти всю эту словесную абракадабру,— может пригодиться, если сохранится. Тайным языком служил какой-то странный слоговый сленг. Жестикуляция серой пары тоже была не очень понятной: один указывал на его кресло, другой — на механика. То ли не знали грагала в лицо, то ли не могли решить, с кого начинать...

Ежась от холода, серые с профессиональной быстротой обшарили механика. После обыска Федор Шкворец был приподнят и уложен в спущенный сверху на ваере длинный короб (вместо крышки — свернутый в рулон эластичный полог). «Вира!» — прозвучало в радиодиапазоне. Головной конец этого транспортного устройства приподнялся, а хвостовой скользнул по настилу, точно приготовленная к подъему бетонная балка. Самого подъема Кир-Кор не увидел, но через минуту короб вернулся пустой. Новоселие состоялось.

Серым проорали сверху какую-то фразу, и в их поведении произошла перемена: больше не переговариваясь и не жестикулируя, они молча схватили того, кто был к ним ближе (а ближе был Лирий Голубь), торопливо сунули «спящего» в короб, торопливо задернули полог. «Вира!» Головной конец короба приподнялся, пополз хвостовой, и вдруг сквозь стену вагона проник в салон свет мощной фары. «Приятные новости, юноша,— успел подумать Кир-Кор прежде чем короб исчез.— Кажется, начался перехват».

Шверцфайтер и «финист» стремительно разошлись на скрещенных, как шпаги, курсах. Раздался странный, очень звонкий взрыв —

будто вдребезги разлетелось что-то стеклянное. Вагон дрогнул. Одновременно вздрогнул Кир-Кор: со всех сторон обрушился на него шквал агрессивных, больно колющих в нервы радиописков. Ошарашенный, он спешно перекрыл своему восприятию доступ в радиодиапазон. На лапах захвата затрепетала путаница блескучих нитей и лент, и стало понятно: перехватчик метко влепил под брюхо пирату сигнальный снаряд, на жаргоне пилотов — «ведьму» (в каждой ленте — сотни миниатюрных сигнализаторов с писклявыми радиосигналами). Избавиться от ухватистой «ведьмы» практически невозможно. Во всяком случае — сложно. Даже если аэромашина полностью втянет захват. Сейчас здесь вся эскадрилья перехватчиков соберется.

Увидеть атаку «финистов» Кир-Кору не удалось. В форсированном режиме шверцфайтер нырнул во мглу второго облачного слоя, где избрал для маневра тактику частой перемены курса по азимуту. Вагон дергался, плясал и подпрыгивал, как бык на родео, салон затянуло туманом; серые слуги Морфея, падая друг на друга, трижды роняли грагала, и Кир-Кору, во избежание травм, пришлось фактически самому уложить себя в короб. Наконец, взлетев кверху в тесном футляре с полузадернутым пологом, он глотнул по дороге порцию морозного воздуха пополам со студеной водой. Мгновенно увлажнившаяся рубаха «а ля маркиз де Карвен» взялась на груди ледяной корочкой. Еще недавно он пронизывал эти же облака с несравнимо бо́льшим комфортом.

Его втянули в освещенный прямоугольник гондекового тамбура. Туман был настолько плотен, что не имело смысла закрывать глаза. Аэромашину трясло и швыряло из стороны в сторону. Опять раздался звонкий «стеклянистый» взрыв — закрайну люка лизнуло мутно-белое пламя. «Визуальная метка,— понял Кир-Кор.— Теперь пиратская шхуна будет прелестно светиться во мраке». Две пары сильных сноровистых рук выхватили его из короба и с маху воткнули головой в раструб эластичного труболифта. Умпф-ф...— утробно вздохнул труболифт, проглотил пленника, приподнял на уровень твиндека и выплюнул, как обглоданную кость, в приемную кювету. Но еще при подъеме пленник услышал характерные звуки вакуумно-ударных разрядов: бумум-бумум-бумум. Заговорило самое мощное бортовое оружие — пират огрызался разрядами из арабайнеров. Это уже серьезно...

В твиндековом тамбуре отворилась щель горизонтального бокса. Кювету накрыла прозрачная крышка в виде панцирного полускафандра — прижатыми оказались плечи и бедра. На полушлеме — овальный вырез для лица. Ноги и руки свободны.

«Саркофаг» въехал в синий полумрак бокса, щель сомкнулась, и что-то ритмично защелкало над головой. Размеренная, четкая работа автоматики совершенно не вязалась с бешеными рывками

мечущейся в вихре воздушного боя аэромашины... Шверцфайтер вдруг содрогнулся и начал стремительно набирать высоту. Кир-Кор обомлел. Арабайнеры смолкли, рывки прекратились, перегрузка росла. Все это могло означать лишь одно: пират уходил от «финистов» в стратосферу, сбросив вагон... «Ничего у них не меняется,— с тоскливым омерзением подумал Кир-Кор.— Земляне в своем обычном репертуаре». Он сделал попытку высвободиться. Крышка «саркофага» пробному натиску не поддавалась.

«За время воздушного боя они могли успеть выхватить из вагона еще одного человека, не больше,— прикинул Кир-Кор.— Остальных — в океан... Клянусь Новастрой, я узнаю имя командира банды. Хладнокровно отправить на смерть своих же товарищей — это сродни людоедству... Клянусь, я сделаю все, чтобы людоед в полной мере почувствовал, кто он такой».

«И будет повод нашим недоброжелателям лишний раз поговорить о грубом вмешательстве грагалов в земные дела»,— несколько охладил жгучую клятву внутренний голос.

«Но речь идет о преступлении против человечности!»

«Вне всякого сомнения. Однако сегодняшняя акция пейсмейкеров спровоцирована твоим... как бы это помягче... твоим поведением».

«Я знаю о своей вине перед механиком экзархата: промедлил, каюсь, с броском — не успел помешать отравителям. А вот чем я провинился перед пейсмейкерами, что-то не припоминаю».

«Неужели... А кто нарушил программу транзита? Кто усыпил их соглядатая? Память у тебя, что ли, дырявая?.. Кто сошел с трассы на Лавонгай и оказался в конце концов на Камчатке? Если Лавонгайский экзархат подконтролен ордену,— а это скорее всего так и есть,— нетрудно вообразить, какой величины фитиль ты вставил пейсмейкерам».

«Накал эмоций никого не оправдывает».

«Да. Но кое-что объясняет».

«Не стал бы я поздравлять с таким объяснением ни их, ни себя. У меня на глазах и при моем невольном участии губят людей! И ради чего?! Всего лишь ради водворения блудного грагала в предписанный ему пейсмейкерами загон!»

«Судя по гекатомбе, этому придают необычайно важное значение... Напористость, наглость беспрецедентные. Словно твой арест для них — чуть ли не вопрос жизни и смерти...»

«Видимо, им важно добиться полной моей изоляции. Любой ценой».

«Ясно, что все это напрямую связано с открытием Планара. Но вот отчего это твое открытие вызвало такую ажиотацию — совершенно неясно. В других орденах, девидерах и куриях философской школы Ампары чрезмерной суеты не наблюдается. Не ка-

жется ли тебе, что за фасадом почти любого крупного события последнего времени торчат пейсмейкерские уши?»

«Тогда зачем они промедлили на Театральном после выстрела по катамарану? Там я был у них фактически в руках».

«Их сбило с толку экстренное прибытие аэрозвена камчатского подразделения МАКОДа. Они почему-то решили, что «финисты» принесли санкционированный директором МАКОДа ордер на арест».

«Должно быть, им очень хотелось, чтобы ордер на мой арест действительно существовал. Тогда они могли бы на вполне законных основаниях силой доставить меня по месту назначения, в Лавонгайский экзархат. Но — осечка, ордера не было, и я, согласно четырнадцатой статье МАКОДа, волен был выбирать любой экзархат по своему вкусу... Что ж, ситуация в общих чертах теперь мне понятна».

«Пейсмейкеры знали, какой экзархат тебе больше по вкусу, и оперативно это знание использовали».

«Но они не знают другого. Они еще не знают того, что со мной случилась ренатурация. И это незнание, я полагаю, дорого им обойдется...»

«О, не будь настолько самонадеян! Пусть гибель Олу-Фада послужит для тебя полезным предостережением».

Кир-Кор навел ментадинамический мост между собой и управляющим блоком местной автоматики. Прислушался, оценил обстановку. Ни тряски, ни перегрузок от ускорений и перемены курса не ощущалось. Значит, аэромашина шла высоко, ровно, заданным курсом и с крейсерской скоростью. Особая спешка пирату теперь ни к чему. Шверцфайтер без груза — король в стратосфере. Тут юрким, но маломощным «финистам» его не достать — их «потолок» низковат...

Беззащитная перед ментакинезом автоматика легко уступала. Щелкнули фиксаторы — крышка «саркофага» перестала давить на плечи и бедра. Кир-Кор определил, что его бокс — третий по счету и снизу, и сверху. Оба «саркофага» внизу были обитаемы (Лирий Голубь? Федор Шкворец?). Вверху — обитаем был только один. «Саркофаги» могли выдвигаться из секции боксов и по одному, и все разом, и влево (в твиндековый тамбур), и вправо (неизвестно куда). Пока он раздумывал, какой вариант направления лучше задать автоматике, щель бокса самопроизвольно открылась с правой стороны — в глаза хлынул свет. Кир-Кор на всякий случай зажмурился.

Он чувствовал через мнемодим: все обитаемые «саркофаги» покинули секцию и «расползлись» по светлому отсеку, занимая предназначенные для них места. И еще он чувствовал: в отсеке хозяйничает всего один человек. На первых порах это было очень

даже удобно... Человек, беспрестанно покашливая, словно у него першило в горле, передвигался между «саркофагами», а когда останавливался — звучало разнотональное, тонкое, как острие иглы, попискивание портативного универсал-медиметра. Кхм-кхм,— услышал у себя над головой Кир-Кор, сбросил крышку, точным движением ухватил незнакомца за ворот. И — палец к губам:

— Тсс!..

Выпученные водянисто-серые глаза испуганно глядели на него поверх черных квадратов экранных очков медиметра.

Незнакомец был низкоросл, плешив и тщедушен. Кир-Кор отпустил ворот его белого с зеленоватым отливом костюма, кивнул в сторону кресла, опутанного сложной системой привязных и амортизационных ремней. Понятливый незнакомец безропотно сел. Кашель перестал его мучить, медиметр нелепо болтался на раздвижных дужках у подбородка. Пальцы все еще судорожно сплетались и расплетались, но испуг на угрюмом длинном лице сменился выражением отрешенной усталости. «Медик,— понял Кир-Кор, занятый поиском и отключением переговорного устройства между отсеками.— Что ж, одним боевиком на этой пиратской посудине меньше». Он вынул изо рта и опустил в карман кольцо Марсаны.

Федор Шкворец лежал в «саркофаге» бледный, недвижный, как восковая скульптура. Лирий Голубь самым бессовестным образом спал. Он не проснулся, даже когда Кир-Кор со скрежетом разогнул фиксаторы и сбросил с него прозрачную крышку,— лишь безмятежно почмокал губами.

Обитателем четвертого «саркофага» оказалась рыжеволосая. У нее было окаменелое лицо человека, усыпленного сильным снотворным. Из-под крышки свисали пустые ножны для небольшого кинжала и ремень перерезанной портупеи. Кир-Кор сделал медику знак подойти.

— Здесь можно говорить не таясь,— сообщил тот странную новость.

— Почему? — осведомился Кир-Кор.

— Мой кашель им надоел, отсек перестали прослушивать. На мои запросы не отвечают, всякое общение со мной прервано.

— Мне кажется, я сумею заполнить досадный пробел. Кирилл Корнеев, грагал.

— Дейр Магнес, медик.

— Очень приятно. Меня интригует ситуация с женщиной-боевиком. Вы знаете имя своей пациентки?

— Я слышал, эту женщину называли —Рэмма.— Дейр Магнес зачем-то потрогал обрезок ремня ее портупеи.— Но учтите, я здесь ни при чем. Я врач. Просто врач и ничего более! Можете мне поверить.

— Я верю. Скажите, кодовое название операции вам известно?

— Да. Операция «Каннибал».

— Не слабо! Совсем не слабо!.. Может быть, «Ганнибал»?

— Нет... по-моему, все-таки «Каннибал». Но больше я ничего не знаю. Я не имею к этой олигофренической акции никакого отношения!..

— Даже имени своего стратега не знаете?

— Кхм, кхм, кхм,— закашлялся медик. Стало ясно: кашель у Дейра Магнеса нервного происхождения.— Кхм, кхм... я, видите ли... кхм...

Кир-Кор с интересом смотрел на него. Дейр Магнес, забыв, что говорить здесь можно не таясь, знаками попросил собеседника нагнуться и прошамкал ему в самое ухо:

— Ярара... кхм, кхм. Стратег операции «Каннибал» Шупар Ярара.

— Смахивает на псевдоним,— усомнился Кир-Кор.

Медик облизнул пересохшие губы:

— Шупар Ярара — это Эреб Лютер Мефра, отмеченный Знаком Зверя рыцарь Стальной Перчатки! Он же — Пифо Морван... кхм, кхм, человек-змея!..

«Он же — Гедеон Ковин — Буравчик, Тай Монитомбо по прозвищу Быстрая Смерть, Низьер Альтшуллер, Михаил Попов, Жорж Фабулон,— мысленно продолжил Кир-Кор.— А в более юном возрасте — Ассар Неппель — Гангрена, Эвальд Наужокс — в преступном мире был больше известен под прозвищем Мертвый Любовник, Ньюболт Скинер — Капкан, Вальдемар Цветов — Сибирская Язва, Юрек Жилински и Сай Франкенталер».

— Больше я ничего не знаю! — Дейр Магнес отпрянул.— Клянусь грядущей Ампарой и всеми ее локонами, больше ничего не знаю!

— Успокойтесь, эвандр, я не представитель следственной комиссии. Мои вопросы — проявление частного любопытства, и только, вы вправе не отвечать. Займитесь своим делом и ни о чем постороннем не думайте.— Кир-Кор взглянул на «саркофаг» механика.

Медик перехватил его взгляд. Сказал:

— Не тревожьтесь, начну я с него. Постараюсь быть вам полезен.

— Тогда последний вопрос. Сколько людей в экипаже?

— Я, двое пилотов и опергруппа во главе с... кхм, кхм-кхм. Всего на борту шверцфайтера было двенадцать человек. Но сколько сейчас...

— Спасибо, я посчитаю. У вас передвижное кресло — это кстати. Возможны серьезные перегрузки. Мой совет: не надейтесь на мягкую обивку отсека, работайте в кресле.

Кир-Кор вышел в тамбур. Дверь медотсека закрылась за спиной с мягким шелестом. Как птичье крыло.

Он остановился перед первой ступенькой крутого узкого трапа и вызвал в затылке и вдоль позвоночника специфическое ощущение тяжести. Сначала закружилась голова, потом зашумело в ушах. Тяжесть росла, ширилась. Давящая тяжесть и желтая муть... Внезапно наступила жуткая тишина, в самом центре которой вдруг треснуло и обрушилось Мироздание. Пронизанный мгновенной болью, оглушенный и полуослепленный Кир-Кор с трудом выбрался из-под клейких, блестящих и гладких обломков. Постоял с закрытыми глазами, отдыхая. Он наслаждался чувством огромного облегчения и покоя. Затем осмотрел двухметровую зеркально отблескивающую фигуру только что транспирированного им дьякола, подождал, пока нейтральные ориентиры квазимозга копии войдут в зависимость от пси-радиации мозга оригинала.

Дьякол кивнул в знак того, что преодолел нейтраль, и быстро поднялся по трапу. Во время движения ярко взблескивали морщины и складки костюма «а ля маркиз де Карвен»,— казалось, поднимается облачко пронзительно вспыхивающих и резко гаснущих звезд. Кир-Кор глядел ему вслед. Он не был уверен, что предназначенная дьяколу буферная роль так уж необходима здесь, на борту. Но рисковать не хотелось. Он чувствовал свою ответственность перед теми, кто лежал в «саркофагах». Пифо Морван уже доказал, что способен на все.

В прекращенном за недостатком улик следствии землян по делу о гибели грагала Олу-Фада в Рабате субъект по имени Пифо Морван занимал центральное место. Позже выяснилось, что этот интернациональный аферист еще до трагедии в Рабате посещал Новастру с визой на имя Гедеона Ковина. Досье, составленное на него новастринской Коллегией независимого расследования, знает чуть ли не наизусть каждый грагал-отпускник. И каждый из них готов к тому, что Морван в любой момент может «всплыть» под новым псевдонимом. «Не упустить бы мерзавца,— подумал Кир-Кор.— Выскользнуть на этот раз из рук правосудия Морвану-Яраре вряд ли удастся — улик более чем достаточно».

Взбегая по трапу, он услышал выстрелы из миттхайзера: з-зунг, з-зунг, з-зунг. Подумал: «Вот самый бесспорный знак зверя».

КОЛОДЦЫ ЗАБВЕНИЯ

В два прыжка Кир-Кор оказался в спардековом тамбуре. Отсюда был выход в коридор, полукольцом охватывающий четырехметровую линзу пилотажной рубки с тыла. Выстрелы миттхайзера скрежетали где-то в глубине правой дуги коридора. Кир-Кор метнулся к задней двери рубки, нажал рукоять. Дверь была заперта. Иначе и быть не могло.

Прижимаясь к стене, облицованной подушечками синего пластика, он осторожно стал продвигаться к месту событий. Стрельба смолкла, коротко прозвучал душераздирающий вопль. Это был голос безоговорочной капитуляции. Отбирая оружие, дьякол, по-видимому, коснулся перепуганного стрелка. Вид дьякола пугает людей гораздо меньше, чем его прикосновение.

Кир-Кор решил выйти из-за поворота, но кто-то снова открыл пальбу из миттхайзера — на противоположной стене с треском лопнуло несколько синих подушечек, закапали бирюзовые слезы. «Еще один потенциальный заика»,— удрученно подумал Кир-Кор.

Стрельба захлебнулась. Однако шум борьбы не стихал. И выкрики. Правда, выкрики уже другого характера: злые, с агрессивными интонациями. На незнакомом языке. Из всего потока яростных слов Кир-Кор понял только четыре — «Магнес», «койот», «дьякол», «грагал»,— но постарался запомнить все — слово в слово. Интонации не оставляли сомнений: угрозы и брань.

Ярость ужасно рассерженного боевика, его бешеное сопротивление дьяколу навели Кир-Кора на мысль: «Уж не сам ли это Шупар Ярара?» Если б догадка оказалась верной, это упростило бы ситуацию: было бы ясно, что на борту шверцфайтера только двое дееспособных боевиков, поскольку мерзавцы типа Морвана-Ярары ввязываются в схватку последними. Пилоты не в счет. «Выходит, «серые» так и остались в вагоне!..— подумал Кир-Кор.— Недооценили мы Пифо Морвана. Это не просто мерзавец — это сверхлюдоед».

Он поспешил к месту схватки.

Ему показалось, будто противник дьякола одет в легководолазный глянцево-черный костюм. Обман зрения длился секунду. Потом прояснилось: рыцарь Стальной Перчатки Морван—Мефра-Ярара, отмеченный Знаком Зверя стратег операции «Каннибал», от макушки до пят был затянут в костюм сэнсэя-вака боевого единоборства кзай-ог-до. Лицевой вырез шлема-капюшона прикрыт на уровне глаз оптическим устройством в виде стеклянисто-дымчатого оседлавшего нос полуобруча. Обезображенный гримасой злости рот... Деформированный приемами кзай-ог-до дьякол... Бледное лицо бездейственно сидящего на полу второго боевика...

Поединок выглядел пародией на борьбу: стратег пинал поверженного на колени дьякола и, приплясывая от ярости, пытался выдрать из его тела полупоглощенные зеркальной субстанцией миттхайзеры,— то ли не знал, что эта субстанция способна сливаться с любыми предметами намертво, то ли не мог примириться с потерей двух лучеметов. Даже приемы Самсона, некогда раздравшего пасть библейского льва, не имели успеха: принятое в себя оружие дьякол не возвращал. Кроме миттхайзеров в его деформированной груди уже оплывали ртутным блеском рукояти четырех

метательных ножей и еще что-то из гнусного арсенала убийц, имеющих наглость называть себя рыцарями. На левом плече Ярары пятипалым погоном серебрилась железная рыцарская перчатка. Именно из-под нее стратег (заметив грагала) выхватил и метнул очередную подлую штуковину. Кир-Кор отклонил голову — мимо уха просвистела, вращаясь, металлическая крестовина.

— Я вижу, каннибалу Пифо не по нутру наша встреча. Или мне показалось?

Вместо ответа Ярара звучно щелкнул браслетом на правой руке — вдоль ребра ладони скользнул усилитель удара с заточенной гранью.

— Значит, не показалось. Тогда зачем понадобилась эта сложная организация заоблачного рандеву?

Так же молча и с тем же результатом стратег щелкнул браслетом на левой руке. В дымчатой глубине оптического устройства вспыхнули и жутковато качнулись два красных блика.

— В отличие от людоеда с подозрительно длинным именем Пифо-Эреб-Гедеон-Ньюболт, я сейчас испытываю положительные эмоции,— сознался Кир-Кор.— Приятно будет оказать услугу правосудию.

Сидящий на полу боевик проворно подобрал под себя ноги, спустил их на пандус и, незаметно для своего командира, начал задом сползать на животе под арочный вход в лобовую рубку шверцфайтера — шершавый пандус непонятно как обрел для дезертира свойства скользкого льда. Дьякол поднялся и стал выравнивать деформированный торс, приводить в порядок скрученные приемами кзай-ог-до уродливо растянутые руки. Трофеи были обозначены на его теле блистающим горельефом.

— Кроме того, я просто обязан задержать антропофага Шупара Ярару с поличным. Здесь найдется свободная пара наручников?..

Кир-Кор подставил первый блок под бешеный удар, нацеленный в шею, второй — под удар в висок. Поймал в воздухе ногу стратега, уложил его на пол. Ярара оказался лицом к лицу с дезертиром, и тот, все так же на животе, выполз обратно.

— Сопротивляться не советую,— предупредил Кир-Кор,— это небезопасно для вас. Помогите друг другу снять боевые браслеты.

Деморализованный боевик, не сводя глаз с дьякола, протянул стратегу сразу обе руки и получил в ответ отмашку в лицо. Кир-Кор стиснул зубы. Из-под прижатых к лицу ладоней несчастного хлынула кровь... Вид крови словно бы ободрил сангинофила — рыцарь Стальной Перчатки вскочил с внезапностью выброшенной из гнезда пружины, и на Кир-Кора обрушился град профессионально исполненных ударов ногами, руками, каждый из которых, пробей он защитный блок, был бы наверняка роковым для обыч-

ного человека. Ярара дрался по-настоящему: умело, с ожесточением. Дрался насмерть. Понимал, что терять ему нечего. Кир-Кор защищался точно, расчетливо. Как на тренировке в новастринском гладиатории. Это было нетрудно — реакция грагала превосходит по скорости реакцию самого тренированного боевика-землянина. «Кстати, командир опергруппы пейсмейкеров должен был бы об этом знать»,— подумал Кир-Кор.

«Оставь ему его проблемы,— посоветовал внутренний голос.— Не отвлекайся в бою. Знаешь ведь, к чему иногда приводит излишняя самоуверенность».

Отражая атаки стратега, Кир-Кор прикидывал, как действовать дальше. Пленить такого опытного боевика без того, чтобы надежно обездвижить его, нельзя. Попытки остановить Ярару тычком в чревное сплетение или касательно-оглушающим ударом в голову не дали результата: живот надежно защищен широким поясом (из стальных блях в виде геральдических щитов) и панцирными пластинами, вшитыми в костюм по вертикали, а нанести прицельный удар в голову по касательной необыкновенно изворотливый, хитрый противник просто не позволял. Конечно, можно запросто проломить защиту Ярары грубым ударом куммулятивного типа, но... пленник должен быть, как минимум, живым. И весьма желательно — невредимым.

Улучив момент, Кир-Кор провел свежепозаимствованный у пейсмейкеров прием: перевернул противника вверх ногами, швырнул его на пол. Почти уронил. Стратег в костюме сэнсэя-вака был скользким, как большая, тяжелая рыба.

Ярара медленно сел. На несколько секунд застыл в позе ошеломленного, осознавшего свое поражение человека; вялыми движениями освободил запястья от боевых браслетов, перебросил это бесполезное перед грагалом оружие дьяколу (тот присовокупил их к нательным трофеям), покорно стал вытаскивать из тайников в костюме остатки вооружения — всяческие приспособления для членовредительства и убийства — дьякол бесстрастно пополнял коллекцию трофеев (лишь предмет подобный пистолету с коротким квадратным стволом отдал Кир-Кору).

Возобновил попытку ретироваться раненный в лицо напарник Ярары,— вдоль пандуса до самого комингса рубки тянулся за ним размазанный коленями кровавый след...

— Помогите ему кто-нибудь,— глухо произнес на геялогосе бывший стратег, снимая с себя боевой пояс.

Просьба его прозвучала столь неожиданно и логично, что Кир-Кору подумалось: «Да неужто у людоеда совесть проснулась?!»

Из пеналов на поясе Ярара вытряхнул в ладонь два серых шарика, небрежным движением кинул один из них на спину перелезшего через комингс бывшего подчиненного (шарик прицепился к одежде как плод репейника), отдал пояс дьяколу, а второй шарик

адресовал грагалу. Кир-Кор едва не попался... Отдернул протянутую было руку, отпрянул к стене; опасный предмет мелькнул мимо, почти впритирку к груди. И в тот же миг дьякол прыгнул над пандусом головой вперед — под арочный свод входа в лобовую рубку, где за секунду до этого скрылась спина обреченного боевика,— пояс Ярары зеркальный коллекционер оружия обеими руками прижимал к животу — словно вратарь футбольной команды, ухвативший низко поданый мяч.

Звук первого взрыва в рубке был не очень громкий — скорее трескучий, как выстрел театрального мушкета. Однако Кир-Кор не строил на этот счет никаких иллюзий (он видел спину убитого аналогичным способом в Амстердаме Сан-Ли). Второй взрыв громыхнул раскатистее и мощнее — сработал бризантный пояс Ярары. Над пандусом выметнулось, растворяясь в воздухе, полотнище блеска, и Кир-Кор похвалил себя за идею своевременной подстраховки.

Сразу после третьего взрыва ему пришлось в броске ловить проворного бандита. Поймал его за ногу, повалил и воспользовался моментом: двух тычков пальцами в спину — чуть выше лопаток — было довольно.

Паралич мышц рук продлится четверть часа — более чем достаточно, чтоб изолировать и усыпить опасного пленника... Бандит просчитался — кинулся не в том направлении. Если б нырнул в лобовую рубку — у него появился бы шанс еще какое-то время побыть на свободе. Не захотел... Обретаться рядом со свежевзорванным телом напарника неприятно.

— Встать! — приказал Яраре Кир-Кор.

Пленник поднялся. Руки его висели как плети.

— По коридору вперед — шагом марш. В медотсек.

Бандита изрядно покачивало. Болтая непослушными руками, он вдруг припал к стене боком. Кир-Кору пришлось подхватить его. Большая, тяжелая, скользкая рыба...

Негодяй притворялся. В наглом притворстве уронил голову на плечо милосердного конвоира. Кир-Кор приподнял оптический полуобруч и резким движением сдернул к затылку шлем-капюшон. Присвистнул. У бандита Ярары было лицо грагала Кир-Кора. Не настоящее лицо, разумеется,— искусно сделанная маска-наголовник. Без волос. Вместо волос — обширная блеклая лысина. В этой маске Ярара напоминал видеота из салона «А ля маркиз де Карвен». Глаз не видно (зрачки закатились под верхние веки), рот приоткрыт.

— И чего ты ко мне прицепился? — произнес этот рот и неожиданно распахнулся в зевке.

«Ну конечно,— подумал Кир-Кор.— Мне самому невдомек, чего это я к тебе прицепился».

Едва рот в зевке дотянул до максимума ширины — из-под

верхней челюсти, пружинно щелкнув, выскочили гадючьими зубами две стальные иглы. Не успел Кир-Кор опомниться от изумления, Ярара попытался укусить его в шею. Промахнулся — иглы вонзились в мышцу плеча.

Плечо и шею обожгло нестерпимо едким огнем. «Ах, сукин сын! — Кир-Кор отшвырнул мерзавца.— Вот, значит, как погиб Олу-Фад в Рабате...»

Человек-змея, неестественно болтая на ходу одной рукой, скрылся в глубине коридора за поворотом. «Все равно никуда отсюда не уползет»,— с надеждой подумал Кир-Кор. Надорвал рубаху, осмотрел место укуса. Внутренним напряжением мышц заставил кровь брызнуть сквозь ранки двумя струйками. Повторил неприятную процедуру. Голова тошнотворно кружилась, перед глазами плыли сине-зеленые пятна в радужном окаймлении. Странное ощущение оглушенности. Будто дубиной по голове... Минуту он боролся с искушением сесть на пол. Распластавшись спиной на стене, выжидал, когда умный его организм самостоятельно нейтрализует остатки сильного яда.

Жжение пошло на убыль, локализовалось, теперь болело только плечо. Кир-Кор вздохнул полной грудью, попробовал прочно стать на ноги. Пятна с радужным обрамлением таяли,— кажется, организм сумел перебороть недомогание, хотя место укуса еще пульсировало болью. В такт болевому пульсу вертелась в голове неотвязная мысль: «Олу-Фада убила денатурация».

Несколько пробных шагов вдоль коридора. Ноги слушались. Руки — тоже. Нарастающая тревога гнала Кир-Кора по направлению к медотсеку. У входа в спардековый тамбур он услышал приглушенные вопли, спрыгнул с трапа, ворвался в отсек.

Вопил, катаясь по полу, Ярара. Вопли переходили в звериный визг. У «саркофага», сжимая рукоять пистолета с квадратным стволом, стоял Лирий Голубь, и лицо у него было белое, как мел. Дейр Магнес лежал на крышке «саркофага» механика поперек — на спине. Голова запрокинута, ноги безжизненно свесились, руки спеленаты сдернутым с плеч костюмом, кровь на голой груди. Снова кровь... Но и здесь сангинофил Ярара сражение проиграл.

Бандит затих — потерял сознание от болевого шока. «Уложу в «саркофаг», усыплю»,— мимоходом наметил себе план предстоящих действий Кир-Кор.— Пусть спит здесь до прихода криминалистов». Прежде, однако, он приподнял окровавленную голову медика. Вздохнул с облегчением: на него воззрился дико вытаращенный, но живой серый глаз. Второй, увы, не глядел по причине полной утраты физиономией Дейра Магнеса природной симметрии. Бывший стратег выместил на эскулапе свое неудовольствие по поводу тусклого результата блистательно организованной акции «Каннибал». Или все-таки «Ганнибал»?..

— Как дела, эвандр? — Одним движением Кир-Кор вернул эскулапа в костюм.— Переломов нет?

— Трудно сказать... Помогите мне встать на ноги, будьте любезны.— Медик зарычал от боли и вцепился в надорванный рукав Кир-Кора.— Вы тоже ранены?

— Пустяки. Чем это он вас?

— Рукой, ногами.

— Рукой?..

— Левой. Правая, к счастью, у него почему-то бездействовала. Иначе Ярара просто размазал бы меня по стене.

«Значит, змеиный укус у него одноразовый»,— автоматически отметил мозг Кир-Кора.

— Когда Ярара пришел меня убивать, я понял, что акция его провалилась,— добавил медик.

— Ваши дела идут на поправку. Замечаете? У вас прошел кашель.

— А... кхм, действительно... Кстати, вашему другу с усами я успел подпитать сердечную мышцу. Пожалуй, он вытянет.

— Спасибо.— Кир-Кор положил руку на плечо оцепенелого интротома:— Очнитесь, юноша. Этот человек, его зовут Дейр Магнес, еще не понял, что вы спасли ему жизнь. А заодно — и себе.

Лирий Голубь поднял ресницы. На бледном лице голубые глаза казались еще голубее. Кир-Кор кивнул на оружие:

— Называется альгер. В просторечии — болевик. Слышать о нем мне доводилось, вижу впервые. Волновой выстрел в голову превращает человека в комок невыносимой боли...— Он оглянулся.— Где Ярара, маракас?! Куда девался бандит?

Лицо юноши приняло осмысленное выражение:

— Он... это... ушел. Поднялся и вышел...

Кир-Кор метеором вылетел в тамбур и уж было собрался мчаться наверх. Но откуда-то снизу вдруг донеслось урчание передаточного сервомеханизма. Урчание исходило из недр гондека. Метнувшись вправо, Кир-Кор бесполезно рванул рукоять дверцы наклонного люка. По трапу взлетел на спардек, обогнул линзу пилотажной рубки на четверть по левой дуге коридора. В полном соответствии с хорошо знакомой ему интерьерной схемой типового шверцфайтера, в полутора метрах от левостороннего пандуса находился скрытый в стене пилотажной рубки шкаф коммутации бортовой автоматики. Достаточно было нажать синюю подушечку облицовки с черным треугольником — часть стены утонула в проеме. Медленно, слишком медленно обнажались гильзер-коммутативные узлы. Нужно быстрее заставить автоматику открыть дверцу наклонного люка в твиндековом тамбуре! Быстрее!..

Вдруг по какому-то наитию Кир-Кор изменил свое решение на прямо противоположное: вынудил автоматику не только прочно

закрыть люки и подъемники всех переходов между гондеком и другими ярусами аэромашины, но и обеспечить герметическую защиту по этому контуру. Если из страха перед правосудием Ярара всерьез вознамерился покинуть борт шверцфайтера в спасательной капсуле, в слампсьюте или еще каким-то способом — это его дело, пусть дерзает. Но если мерзавец, кроме того, попутно надеется погубить всех оставшихся на борту взрывной декомпрессией в стратосфере, его ждет разочарование.

Кир-Кор уперся в стены разведенными в стороны руками, предупредил интротома: «Вслушайтесь, юноша! Зафиксируйте Магнеса в кресле и берегите себя от ушибов. Вероятны резкие маневры шверцфайтера, возможна продолжительная невесомость».

Да, не сумел задержать опасного негодяя, очень досадно... Даже трудно вспомнить, когда он последний раз испытывал такую досаду. Впрочем, худа нет без добра. Не будет на борту Ярары — гора с плеч. Уж больно ловок, увертлив, коварен... А на Новастре до сих пор не удосужились разработать тактику пленения подобных субъектов, приходится импровизировать на ходу. «Наимпровизировал»,— огорченно упрекнул себя Кир-Кор.

«Надо было стукнуть мерзавца на полном серьезе — и проблема разрешилась бы просто»,— подлил масла в огонь внутренний голос.

«Надо было, кто спорит... Но бить людей на полном серьезе — это не просто».

«Ты сам говорил — людоед».

«Говорил. Но человек ведь!.. Правда, из тех, кому ничто людоедское не чуждо...»

«Софист! До чего же сложно бывает общаться с тобой».

«Мне с твоими упреками, нытьем и рефлексиями тоже бывает не легче. Терпение, цветок моей души, терпение!»

Шверцфайтер подпрыгнул (считай, Ярары нет на борту), затем качнулся, ухнул вниз (у пилотов неплохая реакция). Всего две секунды предсказанной невесомости и — резкий переход в пикирование с ускорением; Кир-Кор, вцепившись обеими руками в закраину коммутационного шкафа, как альпинист, повис над изогнутым стволом опасного колодца, в который теперь превратился плюгавенький коридор. Пилоты демонстрировали степень своего доверия Яраре. Они с такой скоростью уводили аэромашину из стратосферы в спасительно плотные воздушные слои, что было абсолютно ясно: дурные привычки стратега хорошо им известны. Другой причины панически форсировать двигатель у пилотов-пейсмейкеров не было. Даже запасной контур герметизации, увы, не добавил им оптимизма.

Что-то скользнуло по руке и кануло в коридор-колодец. Кир-Кор увидел испачканный кровью рукав, глянул вверх, вовремя отклонил голову — отливающий ртутным блеском миттхайзер ударил в плечо и, кувыркаясь, тоже канул в колодец. «Плохи де-

ла»,— осознал невольный альпинист. Он с ужасом представил себе, что еще может вывалиться из лобовой рубки на спину.

— Тварь ядовитая! — выругался вслух.— Гнусняк мерзопакостный!

Добавил мысленно: «Чтоб его там, в океане, акулы сожрали!..»

«Теперь призываешь постороннюю силу исправить твои упущения»,— брюзгливо отметил внутренний голос.

«Прав ты, прав, не следовало мне церемониться с отпетым негодяем! Ох, как не следовало!..»

«Дошло наконец! И то — под угрозой этого... нависшего над твоей головой».

«Не нагнетай. Во всем есть пределы. Если бы я убил Ярару... даже случайно... это был бы уже не я».

«На затылок что-то капнуло... Чувствуешь? Что бы это могло там капнуть, а?..»

«Замолчи. И без того тошно».

«Сначала рукав был испачкан. Теперь вот, наверное, шея и воротник...»

«Замолчи, я сказал!»

«Тебе повезло, они выводят свою «летающую шляпу» из скоростного пике. Должно быть, труп взорванного боевика уже не успеет упасть тебе на голову...»

«Заглохни там, резервант новолуния!!!»

«Ладно... без оскорблений! Себя оскорбляешь, а с пилотами пейспейкерской «шляпы» будешь сентиментальничать и церемониться так же, как с командиром операции «Каннибал»?»

В горизонтальном полете коридор снова стал коридором. Кир-Кор ощупал затылок и, обнаружив на воротнике лоскут мягкого пластика синего цвета, перевел дыхание. Лоскут занял место в кармане среди земных сувениров. Большинство из них было сомнительного достоинства, но Кир-Кор знал, что постарается сохранить их все. Для чего?.. Трудно ответить. Наверное, все-таки для того, чтобы там, на Новастре, похожие на сон земные впечатления в нужный момент оживить вещественным фактором памяти...

Дверь пилотажной рубки по-прежнему не поддавалась нажиму.

Кир-Кор постоял, размышляя. Пилотажная имела три входа, два из которых находились внутри лобовой рубки — под левым и правым пандусами. Путь в лобовую рубку был открыт, но этим путем он не пойдет. Ни за что. Надежней любого запора... А запор тыльной двери пилотажной рубки не подчинялся автоматике,— очевидно, действовал на механическом принципе. Что-нибудь наподобие элементарной задвижки. Как быть?.. Создавать нового дьякола не хотелось. На это уйдут силы, время, энергия, которые могут еще понадобиться. Жизнь — она ведь такая. Полная неожиданностей... Придется действовать без помощника, в одиночку.

Он закатал левый рукав выше локтя, уперся ладонью в металл. Давно не доводилось ему применять этот весьма болезненный прием... Но сейчас иного выхода не было. Точнее говоря — входа.

Неестественную проницаемость вещественного препятствия для тела грагала (в том числе и металлического препятствия) кто-то из светил современного естествознания объяснял «встречной массполяризацией материальных структур». Тем не менее, эффект сверхпроницаемости землянам был практически незнаком: грагалы не могли его демонстрировать в состоянии денатурации. МАКОД предусмотрительно предписывал посещающим Землю грагалам денатурироваться на Марсе, в крайнем случае — на Луне. Именно поэтому Ярара долго сопротивлялся — не мог и в мыслях допустить вероятие ренатурации соперника. И только после того, как яд не подействовал, ушлый мерзавец смекнул, что оставаться далее на борту — дело бессмысленное и очень небезопасное. И ушел. Пока было еще на чем уходить.

За четыре минуты рука по локоть проникла сквозь металл — точно вязкое масло сквозь решето. От специфического напряжения в области переносицы у Кир-Кора в глазах поплыли йодисто-коричневые пятна. Вдоль позвоночника сверху вниз стали распространяться очаги неприятного покалывания, во рту появился отвратительный привкус окисленного железа. Сущие пустяки по сравнению с болью в мышцах руки. По сравнению с болью от вонзившихся зубов в предплечье, когда настало время согнуть локоть и шарить пальцами, ощупывая запор. Кир-Кор стиснул зубы. Он с трудом выносил эту боль, его мутило. При всем при том пальцы нащупали диск с рукояткой и несколько раз повернули его. Это было вдобавок рискованно... Оставалось надеяться, что пилоты заняты своим делом и пятипалая бесхозная конечность с диверсионными наклонностями не привлечет их внимания. Тем паче что диверсия происходила в тыльной стороне эллипсоида рубки и на индикаторах контрольной автоматики не отражалась.

Мягкий щелчок — стержни запора вышли из гнезд. Как только дверь подалась, Кир-Кор чуть не вскрикнул и весь покрылся испариной — настолько острой, режущей, свирепой была боль!.. Он четыре долгие минуты вытаскивал руку обратно — болевое ощущение медленно соскальзывало с локтя на кисть раскаленным браслетом.

Все, свободен!.. Кир-Кор вытер лицо. Пошевелил пальцами, вздохнул глубоко и беззвучно,— полный порядок. Рука горела, словно обожженная крапивой, но пыточная боль прекратилась. Кстати, исчезла боль и в укушенном Ярарой плече. Бесследно исчезла. Как и сам Ярара...

Кир-Кор задернул тяжелую черную штору сзади, чтобы свет из тамбура не отразился на купольном блистере затемненной

рубки (малейший блик мог, чего доброго, переполошить пилотов), и перед тем, как войти, сделал попытку обдумать план экстремальных действий на случай, если пилоты вооружены и успеют затеять стрельбу. Он знал: укрыться там будет негде — таков интерьер. В центре — поворотный плашер, на нем — два пилот-ложемента с вогнутыми подлокотниками в окружении торчащих в разные стороны колонок пультовых брид. Головы пилотов — почти в зените, под купольным блистером,— великолепный обзор. Справа и слева от плашера — лекально изогнутые пандусы для спуска в лобовую рубку. Вот все... Укрытий, увы, никаких. «Из пилот-ложементов там можно стрелять как в круговом тире»,— напоминал внутренний голос. Кир-Кор отмахнулся. План его состоял всего из двух слов и одного предлога: внезапность и быстрота.

Он шагнул в залитое лунным светом пространство... И невольно посочувствовал стрелкам, у которых мишень появляется с тыла.

Пилоты не оглянулись, даже когда он вспрыгнул на плашер. Его пальцы нащупали на их шеях морфинические точки раньше, чем эти парни в шлемах с изображением змееволосой красотки сумели преодолеть замешательство и воспользоваться выхваченным было оружием.

— Спокойно! — подбросил им альтернативную идею Кир-Кор.— Спать! Спать! Спать... Спать... Спа-а-ать...

Через десять секунд более миролюбивых пилотов невозможно было бы найти во всем аэрокосмическом флоте пейсмейкеров.

Кир-Кор убедился, что режим полета находится под контролем автоматики аэроуправления, на всякий случай отключил орбитально-спутниковую связь. Взвалил обмякших молодцов себе на плечи и, роняя по дороге шлемы, перенес на твиндек. Под руководством пристегнутого к креслу медика и с помощью успевшего набить себе шишку на лбу интротома он заполнил телами сладко посапывающих во сне пейсмейкеров свободные «саркофаги», взглянул на восковолицего героя, мысленно извинился перед ним за несколько тенденциозный подбор основного состава компании спящих. В пилотажную рубку вернулся с Лирием Голубем. Указал ему на ложемент второго пилота, сам занял место первого, спросил:

— Почему альгер перекочевал из ваших рук в руки медика?

Юноша оторвался от созерцания светившего ему в лицо яркого лунного диска.

— Я отдал. Доктор Магнес стал благодарить меня за выстрел в... того страшного человека. Я выронил альгер. Бросил, честно говоря...

— Доктор Магнес испугался, что Ярара может вернуться, и потребовал поднять оружие?

— Да. Попросил. Я поднял и... отдал ему. Извините. Я должен был... сохранить для вас.

Кир-Кор покачал головой.

— Надобность в этом случайно отпала, но дело в другом. На борту пиратского судна оружие лучше всего держать при себе.

— Никогда больше не возьму его в руки. Никогда.

— Не попади вы Яраре в голову, ваша очень короткая жизнь сложилась бы именно так. Негодяй превратил бы отсек в заоблачный склеп братской могилы. К счастью, выстрел из альгера оказался удачным, и теперь ни один оракул не скажет, сколько лет вам еще отмерено. С оружием или без. Наденьте привязные ремни, закройте фиксаторы.

— Никогда,— повторил интротом, машинально застегивая на себе полетную амуницию.

— Не рефлексируйте, не надо. Нельзя казнить себя за то, что вы сумели остановить людоеда. Перед конфликтом в отсеке мерзавец сбросил в океан вагон с людьми...

— Как это... сбросил!..

Кир-Кор рассказал юноше как.

Рассказывая, он пробежал пальцами по сенсорным переключателям с внешней стороны желобчатых подлокотников — три колонки нужных ему информационных брид услужливо распахнулись веерными экранами. Автокарта маршрутного сопровождения. База данных. Цифро-буквенные формуляры по режиму полета. Плотно обхватив ладонями люминесцирующие рукоятки на концах подлокотников, Кир-Кор снял роботронного штурмана с орбитально-спутникового контроля и резко бросил аэромашину креном на разворот. Диск Луны ненадолго спрятался за днищем «летающей шляпы», а серебристо-бело-голубое облачное покрывало над океаном вдруг превратилось в мировой занавес.

— Буквально у меня на глазах бандит взорвал своего напарника,— добавил Кир-Кор.— Понимаете? Прицепил к его спине небольшой бризантный заряд и взорвал.

После разворота мировой занавес снова лег покрывалом, кругляк луны взмыл на свою обычную высоту, но светил уже не в лицо, а в затылок. Кир-Кор довернул на два градуса по азимуту и подумал, что маневр перемены курса ручным управлением дался легко, будто на тренировке. «Ив-Конд, пожалуй, был бы доволен»,— вспомнил он инструктора новастринского островного полигона, где каждый грагал-отпускник проходит курс освоения новинок техники Солнечной Системы. Полигон почему-то имеет несколько равноправных названий — Овоград, Алармбург, Надрак-Нуташ, Лакайленд. И одно-единственное прозвище — Курятник...

— И вы... не сумели...— пролепетал интротом.

— Что? Остановить Ярару?

— Да. Помешать хотя бы...

— Нет, не сумел. Для этого надо было его убить. А убить — это

совсем не то, что впрыснуть в черепную коробку мерзавца болевую комбинацию спазмогенных импульсов.— Кир-Кор потрогал альгер Ярары, оттянувший карман, подумал: «Жаль, я не знал, что эта штуковина не опаснее скорпиона...»

— Специально для таких случаев,— тихо произнес Лирий Голубь,— МАКОД дает вам неограниченные права.

Кир-Кор быстро взглянул на него.

— Нет, Кирилл Всеволодович, нет, извините!..— Страдальчески морщаясь, интротом пощупал шишку на лбу.

«Двойная рефлексия,— посочувствовал ему Кир-Кор.— И так нехорошо, и этак плохо... Представитель девидеры «Ревнителей Общества Справедливости» с отчаяния вдруг упрекнул грагала за то, что грагал, будучи сам в отчаянном положении, не пошел на отчаянные дела...»

«А грагал,— вмешался внутренний голос,— тоже с отчаяния, как ты сам понимаешь, был не прочь передать дела подобного свойства в зубы акулам. Мальчишка опомнился и решил извиниться перед тобой. Отличный повод для тебя извиниться перед акулами».

— Ладно, второй пилот,— проговорил Кир-Кор.— Минутная слабость. Бывает. Я вас хорошо понимаю.

— Эр-джи-би, эр-джи-би, эр-джи-би! — неожиданно произнес неприятно высокий мужской голос.— Би-джи-эр! Би-джи-эр! Би-джи-эр!

Кир-Кор бросил взгляд на индикаторы записывающего устройства.

— Пейсмейкеры,— определил Лирий Голубь.

— Вы знаете их тайный язык?

Юноша отрицательно покачал головой:

— Я знаю манеру их общения. Но сейчас и так ясно: вызывают на связь.

— Ратак-а, ратак-а, би-джи-эр! — сверлил пространство рубки неприятный голос.— Би-джи-эр! Ганнибал-Барка, би-джи-эр!

— Все в порядке,— сказал интротому Кир-Кор.— Они нас потеряли, ищут через орбитальную систему связи. Временно мы помолчим...

— А потом?

— Потом придется выйти на связь с экзархатом, и у них появится шанс разгадать наш маневр.

— Неужели им трудно понять, что, собственно, здесь произошло?

— Трудно. Особенно если понимать не хочется. Но уж когда поймут...— Кир-Кор не стал договаривать.

— Нам что-то еще угрожает?

— Не знаю. Посмотрим. Какая-нибудь пакость у них в резерве, должно быть, найдется... Однажды кто-то хорошо сказал: «Если

пейсмейкеры отступили, то путь их отступления всегда основательно и глубоко эшелонирован разнообразными пакостями».

Неприятный голос умолк. Видимо, поняли то, чего понимать не хотелось. И сразу стал наплывать, поднимаясь снизу, как ил в замутненном источнике, глухой неразборчивый ропот, идущий, казалось, из темных глубин океана. Кир-Кор ощутил какое-то неудобство, тревожный дискомфорт в этом пилот-ложементе, в этой аэромашине. В этом небе. Наконец — в этом мире. Он развернул бриду связи и выключил звуковой транслятор приема. Ничего не изменилось — загадочный ропот и странное чувство тревоги остались... Он невольно прислушался. Ропот. Рокот. Рокот ропота, пронизанного всплесками едва различимых беспокойных созвучий. То ли отдаленное многоголосье продуваемых ветром пространств, то ли дыхание притаившегося где-то рядом исполинского миллиардного хора с миллионным оркестром. Дыхание было напряженным и мощным. Что-то мощно и тяжело давило на мозг, обволакивая сознание клочьями желтого, оранжевого и багрово-черного дыма. «Передать управление автоматике!» — приказал рукам испуганный мозг. Но это была только мысль, слабая, лишенная энергии волевого действия...

Хор выдохнул, словно из чрева планеты, басовито-низкую ноту и, набирая планетарно-утробную силу, печально запел. Запел желто-оранжево-черную песню о колодцах забвения. Грудь сжимало смертной тоской, когда в полете сквозь клочковато-мглистую муть взгляд неожиданно проваливался в гигантские жерла.

Их было множество, этих чудовищных черных колодцев, и края жерл быстро вращались, подобно водоворотам, затягивая в жуткие бездны мутно-цветные кольца дымов. И вместе с одним из оранжево-мутных колец тянуло в аспидное бездонье шверцфайтер... В отчаянной, неравной борьбе с парализующим волю песнопением, Кир-Кор ударил себя в лицо. Удара он почти не почувствовал. Зато воспринял крик интротома, и этот крик вдруг помог ему — на миг прояснил ситуацию. А ситуация была... хоть стреляйся из альгера!

Щелкнул курок — полыхнуло зеленым. В правый глаз вошел наконечник копья, вышел через затылок,— окружающий мир позеленел и задохнулся от яростной боли. Ярко-зеленая боль затопила черное бездонье колодца забвения, смыла туман, захлестнула желто-оранжево-черный хорал, и какое-то время на этой планете не было ничего, кроме ярко-зеленой боли с перекатами малиново-красных луж... Трудно было сдержать себя — не выскочить из пилот-ложемента и, подобно Яраре, не броситься с воплями на пол.

Громадным усилием воли Кир-Кор локализовал обширную область болевого спазма в одну жгучую точку и, как только полегчало, включил в пилотажной рубке круговой нижний обзор. Внизу —

странно кружащийся во мраке островок ярких огней... Выводя шверцфайтер из гибельной спирали штопора, Кир-Кор лишь на исходе маневра осознал, что это был последний (без всякого преувеличения) шанс остаться в воздухе.

Аэромашина бреющим полетом прошла над верхушками иллюминированных мачт парусного океанского сухогруза и снова взмыла под низкие облака. «Счастлива наша звезда»,— хотел сказать второму пилоту Кир-Кор, но замер на полуслове. Перепоручил управление автоматике, схватил за запястье безжизненную руку:

— Что с вами, юноша?!

Лирий Голубь молчал. Безвольно склоненная к плечу голова с закрытыми глазами и ушибленным лбом...

— Шрек-тревер!..— пробормотал Кир-Кор и попытался настроиться на ясночувствие. Не получилось. Очень мешала жгучая точка в глубине правого глазного яблока. Саднило губы и нос, отведавшие удара собственного кулака.

Ритмика пульса и дыхания интротома была замедленной, но не аномальной. Стало ясно, что жизнь юноши вне опасности. Кир-Кор успокоился. Защитная реакция молодого организма на нервное перенапряжение, вот и все. Напряжений у него сегодня предостаточно. Последняя капля... вернее, последний булыжник по голове — черный эгрегор пейсмейкеров. Если даже грагалу трудно выйти из-под контроля мощного пси-воздействия (интересно, сколько участников рыли этот колодец смерти?), то чего ждать от неопытного мальчишки...

«Не все так просто,— заметил внутренний голос.— Юноша вскрикнул, когда ты ударил себя в лицо».

«В самом деле! — насторожился Кир-Кор.— Маракас!..»

«Есть интротомы, воспринимающие эхо болевого удара».

«Значит, стреляя в себя из альгера, я...:

«...Ты одновременно стрелял и в Лирия Голубя. Правда, он ощутил более мягкий удар».

«Так... Сначала он сам себя «мягко» ударил выстрелом в Ярару, а затем — я его... «мягко»... Плюс удар от пейсмейкеров».

«Да. Еще неизвестно, как глубоко он успел улететь в колодец забвения...»

«Бедняга. Дорого обошлась ему стажировка с грагалом».

Дейр Магнес на вызовы не отвечал.

С нехорошим предчувствием Кир-Кор развернул бриду интерьерной видеоматики и осмотрел медотсек. Медик по-прежнему сидел пристегнутый в своем кресле, но его уцелевший после стычки с Ярарой глаз смотрел неподвижно. Очень похоже на то, что Дейр Магнес в колодце забвения долетел до самого дна... «Жаль, если так,— угрюмо подумал Кир-Кор.— Единственный приличный человек был в пейсмейкерском экипаже...»

Справа от шверцфайтера, слева, сверху и сзади пристроились на параллельных курсах, сверкая сигнальными огнями и яркой подсветкой, четыре люфтшниппера. Взяли, как говорят пилоты, в конверт.

— Клен ты мой опавший!..— тихо продекламировал Кир-Кор.

Это были мощные аэрокосмические многоцелевые машины с вооружением, по качеству не уступающим вооружению шверцфайтера... Он бросил взгляд на автокарту маршрутного сопровождения. Шверцфайтер шел над акваторией Авачинского залива, и красный пунктир визиро-навигационного указателя курса пульсировал в направлении Авачинской бухты. Визуально — сквозь блистер — уже наблюдалось зарево Петропавловска. А в окоеме нижнего обзора на бархате ночной поверхности залива светился драгоценной камеей овал плывущего к родным берегам декамарана.

Люфтшниппер, который был справа, вдруг выдвинулся из конвойного строя вперед, и, мигая светосигналами, покачал плоскостями,— словно бы кто-то помахал в темноте подсвеченным по контуру искрящимся кленовым листком. Кир-Кор задействовал двустороннюю связь и всю бортовую иллюминацию.

— ...наю отсчет времени последнего предупреждения,— громко, четко и твердо прозвучал в рубке на геялогосе красивый, рокочущий, прямо-таки артистический баритон.— На исходе этой минуты шверцфайгер будет атакован, взят на абордаж. Десять секунд...

— С таким замечательным баритоном не летать бы, а в опере петь,— поделился впечатлением Кир-Кор.

— Где-где?!..

— Ну не знаю... в Большом, наверное, в Ла Скала или в Гран Опера. Прекратите отсчет, оставьте угрозы и давайте вежливо поговорим. С кем имею честь разделить непредсказуемые результаты конвойного рандеву?

— Кто вы? — мгновенно отреагировал баритон.— Название организации? Ваше имя? Отвечайте прямо, вилять не советую.

— Вы не ответили на мой вопрос, эвандр,— вежливо заметил Кир-Кор. Он развернул бриду «А» для набора команд экстренной подготовки залпа арабайнеров.

— В этом секторе задаю вопросы я,— пояснил баритон.

— На каком основании?

— На основании двадцати четырех арабайнеров моей эскадрильи.

— Да, у меня их поменьше... Начнем?

— Эй-эй, тюльпан открыл оружейные гнезда! — звонко выкрикнул кто-то на чистейшем русском языке и добавил в конце неприличное слово.

— Брек! — произнес баритон — и люфтшнипперы все разом, будто по команде, отвернули на безопасную дистанцию, погасив бортовые огни (остались только мигалки на стабилизаторах обратной стреловидности, торчащих под зализанными скулами блистеров).

Пока незваные гости были заняты на маневре, Кир-Кор тоже убрал бортовые огни и увеличил дистинцию между собой и конвоем. Вспомнил о светящейся метке, опять включил бортовые огни.

— Н-ну, наглец!..— возмущенно выразил свое удивление баритон.— Занять боевую позицию над тюльпаном, взять на прицел!

Кир-Кор резко бросил шверцфайтер вправо и вниз — в сторону овала примеченного ранее декамарана. Маневр глубокого бокового скольжения, почти пике.

— Смотри, командир! — крикнул звонкоголосый.

— На что он рассчитывает?! — проговорил кто-то менее звонкоголосый, но с отчетливо уловимым изумлением в голосе.

— На твои слабые нервы, ромашка.

— Минуту тюльпан у нас выиграл,— насмешливо произнес кто-то четвертый.— Что дальше?..

— Ничего он, фиалка, не выиграл,— не согласился звонкоголосый.— Позволь, гвоздика, я одним ударом аккуратно сниму с разбойника скальп. У меня его «шляпа» под прицелом как на ладони.

— Отставить,— твердо скомандовал баритон.— Еще, чего доброго, снимешь скальп с кого-нибудь на декамаране.

— С капитана,— забавляясь, уточнил фиалка.

— Кроме капитанского, там двадцать тысяч потенциальных скальпов,— добавил ромашка.— А если это «Тайфун», как нам сообщали, то — двадцать одна.

— Да, этот дека — «Тайфун».

— Что-то надо делать, гвоздика! — не унимался звонкоголосый.

— Не спеши, резеда. Если тюльпан не сядет на палубу дека — будем продолжать теснить его на северо-запад. А вот если сядет... что ж, умываем руки. Там ему намнут бока парни МАКОДа. Надо думать, после того, как он сбил их товарища, они сейчас с очень большим интересом следят за нашей полемикой.

«Не пейсмейкеры,— подумал Кир-Кор.— Но и явно не эскадрилья МАКОДа... Значит, «финистам» от пиратов все же досталось...

В долю секунды промелькнул внизу ярко освещенный овал палубы декамарана — Кир-Кор успел увидеть двух «финистов», несколько реалетов, группки людей и нечто вроде белого бута хлопковых кип среди луж на дне обезвоженного бассейна... Он вывел аэромашину в горизонтальный полет, включил бортовые огни и довернул визуально в сторону заревых облаков над Петропавловском. Сказал в эфир:

— Теснить не надо. Северо-запад — это мне по пути. Только без

глупостей. Я неплохо вооружен — одним залпом накрою всю вашу клумбу.

Четверка люфтшнипперов мгновенно сомкнулась конвойным конвертом, но уже без парадной иллюминации. Лишь в контурно-габаритных точках «кленовых листов» — на носу, на стабилизаторах, на кончиках несущих плоскостей и на куцем, как у лягушонка, хвосте — мигали крохотные малиново-красные огоньки.

— Складывается впечатление, что мы имеем дело с матерым преступником,— пророкотал баритон командира.— Удрать хотел, имя скрывает. Угрожает, дерзит.

— При всем своем желании,— сказал Кир-Кор,— я не могу назвать работу вашего конвоя компетентной по замыслу или изящной по исполнению.

— Слыхали, парни?! — Баритон красиво и с удовольствием посмеялся. (В одиночестве, правда. Вокально-смеховое соло.) — Оказывается, мы перед ним провинились!

— Провинились, парни, или нет — время покажет. Но лично вы, как начальник конвоя, просто обязаны были гласно обозначить легитимность своих намерений.

— Как это... обозначить?

— Ну... как в театре хотя бы: «Именем короля!» Или, скажем: «Именем мировой революции!» Или — «Именем махровой гвоздики!» Форма не имеет значения, важен принцип.

— Значит, так, парни,— сказал начальник конвоя.— При любых попытках подконвойного объекта уклониться от заданного направления приказываю атаковать тюльпан без дополнительного предупреждения.

— Спасибо, эвандр-гвоздика, от вас иного не ожидал. И да сопутствует вам удача на ближайшем конкурсе оперных вокалистов.

— Позвольте... это голос Кирилла Корнеева! — неожиданно прозвучало в рубке восклицание Ледогорова.— Что там происходит?! Гор Гайдер, зачем вы собираетесь атаковать грагала?!

— Грагала?.. — переспросил баритон.— Но ведь на блистере у него не написано, что он — грагал! Мне сообщили о пиратском шверцфайтере со светящейся меткой на днище, таковым мы его и считали!

— В этом смысле Гайдер прав,— поторопился вмешаться Кир-Кор.— Он не мог знать, что власть на шверцфайтере переменилась. Теперь все в порядке, экзарх. За исключением разве того, что меня до сих пор интригует вопрос: кто такие Гор Гайдер и его подчиненные?

— Эскадрилья аэрокосмического подразделения эсбеэсэс,— ответил несколько увядший баритон.

— Вот как! — не скрыл удивления Кир-Кор. Он знал, что функционеры МАКОДа всегда активно противятся участию Службы

безопасности Солнечной Системы (СБСС) в деликатных делах, подведомственных Конвенции Двух.

— В такой обстановке,— пояснил Ледогоров,— МАКОДу и нам показалось уместным опереться на широкие плечи эсбеэсэс.

— И на двадцать четыре их арабайнера. А я ломаю голову, пытаясь понять, каким ветром занесло сюда «кленовые листья»!..

— Грагал и опергруппа эсбеэсэс летят бок о бок на одной высоте, в одном направлении, по одной и той же надобности, и при всем при том ухитряются выведать друг у друга только число бортовых арабайнеров. Браво. Чувствую, мне вовремя наладили прямую связь с вами обоими. Выстрелить проще, чем объяснится, не так ли?

— Я понимаю, экзарх, это не может не огорчать. Приношу свои извинения.

— Но более огорчает другое. Самоотверженная стодвадцатилетняя работа философской школы Ампары поразительно мало насторожила умы. Обидная малость ответного результата...

Кир-Кор промолчал. Свернул бриду «А», подумал: «Грош цена этой школе, если одному ее филиалу надо силой тащить грагала на юго-восток, другому — теснить на северо-запад».

— И я о том же,— сказал Ледогоров.— Однако на юго-востоке ты нужен сектантам, на северо-западе — всем.

«Мне мерещится? Или экзарх Камчатки действительно летит рядом со мной в отсеке шверцфайтера?..»

— Едва не угадал — я нахожусь на палубе декамарана.

Не веря ушам своим, Кир-Кор задействовал бриду видеоматики внешней связи, скользнул взглядом по видеопузырькам и среди «закапсулированных» в них портретных изображений нашел озабоченное лицо экзарха.

— Я не шучу,— сказали губы на этом лице.— Я действительно стою сейчас на палубе декамарана «Тайфун». Ты пронесся бреющим полетом буквально у меня над головой.

— Шрек-тревер! — вырвалось у Кир-Кора.— Что могло заставить экзарха десантироваться на декамаран заполночь?!

— Об этом позже... Ты, случайно, не снова ли в эгрегоре с Лирием?

— Нет. Он — рядом, в кресле второго пилота, но спит.

— По мощности пси-радиации сегодня ты превзошел сам себя.

— Сегодня я зол.

— Пусть злость твоя развеется светлой печалью.

Кир-Кор улыбнулся.

— Доброго тебе пути,— продолжал Ледогоров.— Скоро свидимся. А пока... парни из эсбеэсэс прикроют тебя до посадки на территории экзархата. Почетный эскорт.

— Спасибо.— Кир-Кор оглядел мониторно-портретные изображения пилотов бывшего конвоя. (Молодые мужественные лица.

Разные видом, но с одинаковым выражением решимости почетно прикрыть.) Подумал: «Экзарх в постоянной тревоге. Даже если все самое неприятное позади...»

И в ту же секунду впереди произошел необыкновенно красочный катаклизм, смысл которого Кир-Кор, к своему стыду, осознал позже командира эскадрильи.

В пространстве между облаками и океаном внезапно возникла перед шверцфайтером слепящe яркая разноцветная колоннада. Не успел этот грандиозный частокол из плазменных столбов угаснуть, Кир-Кор интуитивно бросил аэромашину вправо и вверх. Услышал сиплый от перегрузки голос Гайдера:

— Р-рассредоточиться! Обесточить все излучатели, иначе нам крышка! Воздушная волна ударит снизу!

Ничего еще толком не видя перед собой (кроме дюжины отпечатавшихся на сетчатке глаза вертикальных светлых полос и темно-зеленого фона), Кир-Кор обесточил передающие системы связи, подстраховал управление автокорректором. И втянул голову в плечи — оглушительный треск, казалось, вспорол купол блистера. Словно разряд молнии. Аэромашину перевернуло ударом и с ревом швырнуло куда-то. По характеру действия инерционных сил он понял, что шверцфайтер вращается вверх брюхом.

Сработал автокорректор — блистер и пол поменялись местами. Кир-Кор посмотрел на разбуженного жестокой трепкой Лирия Голубя. Отвернул от линии курса, выключил автокорректор, спросил:

— Ну... как, второй пилот? Ничего?

Второй пилот ошалело мотнул головой. Спросил в свою очередь, нетвердо выговаривая слова:

— Что... это сильно так све... сверкнуло?

— Похоже на залп батареи стационарных динаклазеров.

— Залп?.. Откуда?

— Из Залива Радуг, я полагаю. Луна... Довольно серьезный удар.

— Из Залива Радуг бьют по Авачинскому заливу?..

— Ваше предположение выглядит очень логично, ювен.

— Но кто... и зачем?!

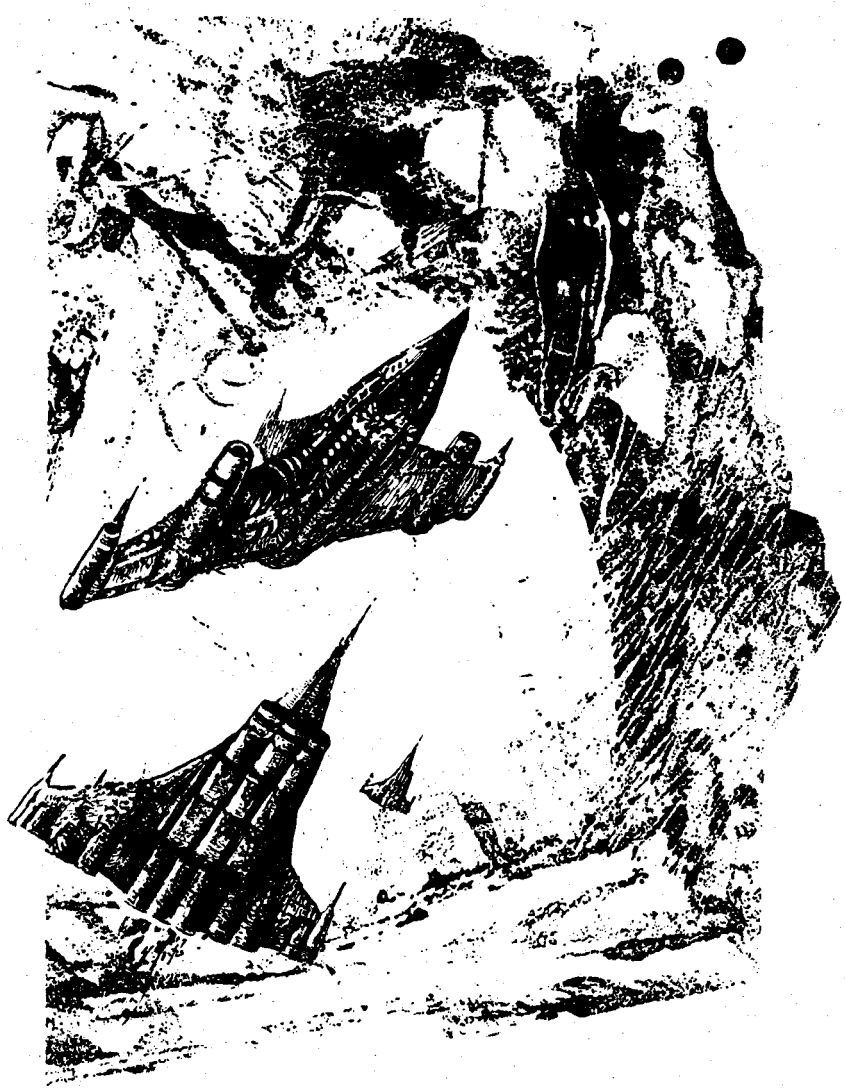
— Это для меня сегодня самая занимательная загадка.

«Как там у вас на палубе «Тайфуна», экзарх?» — осведомился Кир-Кор.

— Ошеломлены, ослеплены, оглушены. Только что пронесся над нами шквальный порыв ветра с ревом и треском!.. Одну минуту, Кирилл. Позывной «Селенарха»...

— Это голос Агафона Виталиановича! — встрепенулся ювен.

— Спокойствие, второй пилот! — остановил его Кир-Кор.— Голос экзарха — еще не повод к тому, чтобы сбрасывать с себя фиксаторы и привязные ремни. Потерпите немного.

— Внимание! — прозвучал в рубке густой, угрюмо-басовитый голос, и где-то там, в межземельнолунном радиоэфире что-то скрежетнуло и осыпалось гравием под ногами.— Внимание! Всем, всем, всем на акватории и над акваторией Авачинского залива! Говорит Луна-главная, центр экстренной информации «Селенарх». На локальный участок акватории Авачинского залива в непосредственной близости от входа в Авачинскую губу неким оператором станции «Синус Иридиум» с неизвестной пока целью обрушен смертоносный залп батареи двенадцати стационарных динаклазеров разрядом на полную мощность. Вниманию всех заинтересованных лиц: ситуация на динаклазерной станции «Синус Иридиум» взята под контроль функционерами эсбеэсэс, подозреваемый арестован. Невозможность повторного залпа Служба безопасности гарантирует. Повторяю...

— Закрыть конверт! — твердо, мужественно, спокойно произнес артистический баритон.— Излучатели внешней связи задействовать! Определиться по курсу!

Кир-Кор задействовал, определился. Дефинитором курса ему служило теперь белое свечение знака Ампары над главным зданием экзархата. Нижний облачный слой отошел на запад, дождь прекратился.

— Слышал информацию «Селенарха»? — спросил Ледогоров.

— Да. Занятно...

— Самое занятное — злоумышленник целил по вашей пятерке. Под вами образовался кратер бурно кипящей воды. Один из экспертов... из тех, которые сейчас на «Тайфуне» рядом со мной, полагает, что злоумышленник промахнулся всего на двести-триста метров.

— Торопился. Времени в обрез, а просчитывание прицельного укола шло по длинной цепочке: излучатели нашей связи — орбитальные системы — Луна — калькуляторы батарейной наводки.

— Гложет тревога: не пострадал бы кто-нибудь случайно там, в районе «укола». Удар был чудовищный... Посадку сделаешь прямо на эспланаде перед «Ампариумом». Вас встретят. Будь осмотителен. Предположения твои, похоже, оправдались. Утром увидимся на кругах своих... Пусть будут для тебя путеводными лиловые лучи Ампары!..

Лирий Голубь счел уместным опередить Кир-Кора:

— Да прибавит вам силы, учитель, Свет Справедливости!

— Благодарствую, Лирий, это мне сегодня понадобится. Рад был услышать твой голос. С тобой все в порядке?

— Грагал покровительствует мне.

— Наше общее ему спасибо — от имени всей девидеры. На эту тему и на другие, естественно, поговорим завтра. Извини, сегодня я чуточку занят. Да осветят твой путь звезды великой Ампары! Конец связи.

— Связи конец,— дал отбой Кир-Кор, разглядывая умытый дождем хрустальный парус главного здания экзархата и светящийся знак Ампары над ним. Гигантская четырехлучевая звезда светилась белым. Ни малейшего намека на лиловое...

— У вас на борту дети? — с очень странной интонацией осведомился баритон командира почетного эскорта.

«Что за бред!» — подумал Кир-Кор. Вдруг понял. Сухо ответил:

— К герою битвы с пиратами второму пилоту Лирию Голубю прошу относиться с должным почтением.— И подмигнул интротому.

Юноша даже не улыбнулся.

— И много у вас на борту героев битвы с пиратами? — проявил любопытство фиалка.

— Трое. Впрочем... можно сказать даже — четверо.

— Когда приземлимся, будем просить всех четверых дать нам автографы,— вежливо предупредил ромашка.

— Напишете нам что-нибудь лестное,— нагло сказал резеда.

— Я вам напишу... это уж точно.

В рубке стало тесно от голосов:

— Вы нас извините, грагал!..

— Меня персонально.

— А лучше — весь букет сразу.

— Весь наш почетный эскорт.

— Нет возражений,— сказал Кир-Кор.— Свой скальп я вам не отдал — значит, одной неприятностью меньше.

— Вот и я говорю!

— Ведь почему мы вас недавно теснили? Мы умственно заблуждались.

— Держали вас за пирата!..

— Потому заблуждались, что неполная информация подвела.

— Теперь мы хотели бы с вами, как минимум, помириться.

— Как оптимум — быть в приятельских отношениях.

— Как максимум — крепко дружить.

— До самой смерти. Нашей, разумеется.

— Чего это вы меня вдруг хором так зауважали? — удивился Кир-Кор.

— Почетный эскорт всегда уважает того, кого окружает.

— Мне еще ни разу в жизни не доводилось окружать субъекта, на которого охотились бы с динаклазерами.

— На тебя когда-нибудь охотились с динаклазерами, резеда?

— Нет. А на тебя?

— Тоже нет. А что скажет фиалка?

— Скажу, что охота с динаклазерами на отдельно взятого субъекта — совершенно уникальное явление.

— Умница. Недаром о его сообразительности ходят легенды.

— Вот и пусть поделится соображением, что все сие значит?..

— Сие значит, что нам едва не обломился изрядный кус посмертной славы грагала.

— Это мы и без тебя скумекали. Хотелось бы знать, от кого нам приходится его охранять...

— Тебе же сказано было — пираты...

— Резеда, хоть раз в жизни тебе доводилось видеть пиратов, вооруженных батареями динаклазеров?

— По-моему, нет. А тебе?

— Охрана мне здесь не нужна,— прервал болтовню в эфире Кир-Кор.— Рад был с вами со всеми перезнакомиться. Благодарю караул за хорошую службу и — до свидания. До следующего столь же приятного рандеву.

— Никак вы решили прогнать нас, грагал?

— Обижаете своих верных охранников!

— Время позднее, хотел бы освободить вас пораньше. Кой резон вам садиться вместе со мной? Понаблюдайте за моей посадкой сверху и спокойно возвращайтесь к себе на базу.

— Нет,— сказал командир.— Мы сдадим вас с рук на руки.

— Под расписку с печатью,— добавил фиалка.

— Субъект, в которого прицельно стреляют даже с Луны, очевидно, являет собой для планеты какую-то ценность,— поделился соображением ромашка.

— А иначе бы не стреляли,— уточнил резеда.

— Логично,— сказал фиалка.— Кому такой нужен?

— Первым сажусь на эспланаду я,— стал развивать тактический план командир.— Грагал садится рядом со мной справа по борту. Когда пожелает. Остальные через двадцать секунд после его посадки садятся одновременно — закрывают конверт. И никому не высовываться до прихода подразделения МАКОДа! Вопросы?

— У матросов нет вопросов...

— Но ответов тоже есть.

— Все абсолютно ясно, командир!

Кир-Кор смотрел на хорошо освещенную эспланаду, усеянную белыми кругами для обозначения места посадки реалетов. Мокрая после дождя эспланада сверху казалась врезанным в зелень светлым серпом, огибающим подножие «Ампариума». Белые пятна посадочных знаков несколько нарушали изящество архитектурного ансамбля.

— Делай как я! — скомандовал Гор Гайдер. Его люфтшниппер качнул плоскостями и левым креном сошел с прямой на круговое снижение.

Кир-Кор сошел следом. За ним сошли остальные.

На втором витке захода на посадку Кир-Кор ощутил необычное для себя глухое, гнетущее раздражение. Белые круглые пятна раздражали его. Все вокруг почему-то его раздражало. «Неужели

я настолько выдохся? — подумал он с мрачным неудовольствием.— Или, может быть, эти круглые пятна напоминают мне пейсмейкерские колодцы?..»

— Кирилл Всеволодович!..— тихо окликнул его Лирий Голубь.

— Слушаю вас, второй пилот.

Лирий Голубь выдержал паузу. Сказал неуверенно:

— Простите. Это у меня, наверное, что-то со зрением...

— Конкретнее.

— Посадочные круги...

— Что посадочные круги?

— Как бы мигают...

— Да?! Я, между прочим, с них глаз не свожу.

— Меняют цвет,— настаивал интротом.— Попеременно то ярко-белые, то черные. Будто колодцы... И хор отдаленный. Тяжело...

Кир-Кор невольно взглянул на ювена. Лишь на миг выпустил из поля зрения командирский «кленовый лист», но судьбе было угодно, чтобы именно в этот миг случилась авария с лидером вертикальной посадки. Самого удара люфтшниппера об эспланаду Кир-Кор не увидел, однако все остальное — подскок, переворот через носовой стабилизатор, красный фонтан из множества отдельных колес вдребезги разбитых шасси, завалка вверх днищем на соседний посадочный круг,— все это произошло у него на глазах. И самое страшное: из-под опрокинувшегося корпуса тяжелой машины выскользнул, блеснув, как рыбий пузырь, блистер пилотажной рубки. Выскользнул с такой силой, что, кувыркаясь, взлетел снизу вверх по ступенькам на подий «Ампариума» — к дверям парадного входа. Сверху вниз по ступенькам потекли ручейки торопливых фигурок.

— Эскадрилья эсбеэсэс, слушай команду! — крикнул Кир-Кор вслед ринувшимся к эспланаде люфтшниппперам.— Посадку производить только в автоматическом режиме! Ручное управление отставить, иначе всем нам здесь крышка!

Все четверо сели в автоматическом режиме, почти одновременно.

Из открытых люков люфтшниппперов стали выбегать и строиться в две шеренги вооруженные люди. Одна шеренга короткая (семь человек), другая — в два раза длиннее. Та, которая покороче, бросилась, сминая строй, к разбитой машине, а та, которая длиннее, организованно охватила вооруженным кольцом посадочные опоры шверцфайтера. Кир-Кор развернул бриду постпосадочной информации, приказал автоматике открыть запоры гондекового люка и дверей всех внутренних помещений, выпустить трап. Освободился от ремней и фиксаторов, помог освободиться Лирию Голубю.

— Тяжесть прошла? Оставайтесь пока в пилот-ложементе. За нами придут.

Юноша, не сводя глаз с опрокинутого люфтшниппера, зачем-то

потер ладонями подбородок и щеки своего измученного лица. Сглотнул что-то мешавшее в горле, спросил:

— Там... все погибли?

Вопрос был риторический, отвечать не хотелось. Но этот парень (по сути, еще ребенок) держался сегодня как настоящий мужчина, а посему имел право рассчитывать на соответственное к себе отношение.

— Гор Гайдер — наверняка,— ответил Кир-Кор.

Заливая место аварии пронзительно-ярким полыханием малиново-красных мигалок, подкатывали один за другим реаникары — белые трехколески, очень похожие на больших голубей, опоясанных красными лентами.

— Реаникары нашего госпиталя,— прошептал Лирий Голубь.

«Голубкам с мигалками тут будет что склевать»,— подумал Кир-Кор. Посоветовал:

— Не смотрите туда, не надо.

Он выключил видеоматику (пояс нижнего обзора угас), опустил пилот-ложементы на плашере так, чтобы сквозь блистер не было видно ничего, кроме подия и фасада «Ампариума». Послышался неприятный свист: на фоне фасада появились эйробусы — два синих шара с полной выкладкой посадочных сигнальных огней. Усиливая свист, сферические аэромашины стали опускаться вертикально,— люди на подии махали руками.

— Скажите мне, пожалуйста, юноша... Перед тем как вы потеряли сознание от внезапной боли еще там, над океаном, тоже были приступ тяжести и хорал?

— О, вы про это знаете... Да.

— Первый приступ был сильнее, а хорал отчетливее?

— Гораздо сильнее. Мне слышалось, хор пел о каких-то колодцах. Я зримо представил себе их огромные темные дыры... Мне показалось, я падаю в черную пропасть среди разноцветных дымов.

«Ему показалось!..» — подумал Кир-Кор. Поймал на себе быстрый взгляд интротома. Объяснил:

— Это был черный эгрегор.

— Пейсмейкеры?

— Скорее всего. И вот дилемма... То ли вид круглых посадочных знаков здесь вызвал у нас бессознательный рецидив ранее навязанной нам апперцепции...

— Рецидив зомби то есть?

— Зомби? Нет, зомбировать нас не успели. Просто враждебная пси-атака. Не слишком продолжительный, но многослойный, а потому глубоко проникающий пси-радиационный натиск.

— Извините. То ли?...

— То ли мы все просто жертвы банального повторения пси-натиска перед посадкой. И знаете откуда? Из-за стеклянных пло-

щадей этого роскошного здания.— Кир-Кор ощупал глазами неосвещенные изнутри участки фасада.

— Черный эгрегор из «Ампариума»?!

— Такое в принципе невозможно, да?

Лирий Голубь открыл было рот. Вдруг закрыл. Снова открыл. Сказал наконец:

— Если бы вы спросили меня об этом позавчера или послезавтра, я ответил бы — да, невозможно. Но сегодня так ответить я не могу...

— По причине, простите?..

— Вчера здесь начался внеочередной Коллегиальный Собор эварxов философской школы Ампары. Это у нас называется — Большая Экседра. Закончится завтра.

— О-о-о,— протянул Кир-Кор,— какая изумительная для меня неожиданность! Есть шанс встретиться с магистром ордена пейсмейкеров нос к носу?

— Естественно. Большая Экседра подразумевает собрание высших авторитетов всех направлений школы Ампары.

— Выходит, сам Джугаш-Улья Каганберья здесь...

— Да. И двенадцать его статс-комиссаров.

«Маракас!..— подумал Кир-Кор.— Вся самая ментаактивная часть пейсмейкерской рати». Пробормотал:

— Значит, Большая Экседра... Вот почему Ледогоров надел импозантную мантелету...

— Мантелету? — переспросил Лирий Голубь.— Когда учитель напутствовал меня и провожал на встречу с вами... это было перед вечерним коллегиумом первой экседры Зыбкой Безупречности Ума... мантелеты на нем не было!..

— После коллегиума надел, чего уж проще. Первая «эзбушка», значит, уже состоялась... О, простите меня! Сорвалось с языка совершенно непроизвольно...

— Откуда вы, Кирилл Всеволодович, знаете? Насчет мантелеты? — Юноша, казалось, был удивлен и встревожен.

— Во время нашего эгрегора подсмотрел. Я ничего не выдумываю — на экзархе была иссиня-фиолетовая мантелета. Со знаком Ампары, естественно. Аметистовая фибула на плече... Это что, для вас очень важно?

— Если все так, как вы говорите, то Агафон Виталианович теперь не эк... не совсем экзарх.

— Да? Кто же он теперь?

— Фундатор.

— Что за должность? Глава всей школы Ампары?

— Школа Ампары не признает над собой индивидуальной власти,— как-то совсем отрешенно произнес Лирий Голубь.

— Выходит — звание?

— Любые звания пустозвучны и малофункциональны.

— Юноша, вы меня интригуете.

— Фундатор — это иносказание иноимени.

— Мудрено. Проще нельзя?

— Затруднительно. Это очень емкое понятие.

— Самое емкое понятие в человеческом обществе — Совесть. Не значит ли это, что понятие «фундатор» — некое словесное воплощение понятия «Совесть»? Ну, скажем, «Совесть философской школы»?

— Любой член девидеры — Совесть нашей философской школы.

— Я полагал, это прежде всего прерогатива эварха.

— Эварх — Совесть планеты.

— Хорошо... А фундатор?

— Фундатор избирается Собором философов на два года и обречен на стояние в истине до конца.

Кир-Кор покосился на собеседника. Лирий Голубь по-прежнему вид имел грустный и отрешенный, и чувствовалось, что он размышляет о чем-то весьма невеселом и разговор поддерживает только из вежливости.

— Простите, юноша, здесь просматривается логическая тонкость. Можно, конечно, стоять в истине до конца, если есть гарантия, что знаешь про истину все...

— Про истину нельзя знать всего.

— Вот! И как же тогда «стоять в истине до конца», если точно не знаешь, что именно отстаиваешь?

— Отстаиваешь этимон. От рождения его до расцвета.

— Двуязычная тавтология. Этимон в переводе с латинского — истина.

— Этимон — живой организм истины, он дышит, развивается, проходит свои эволюционные стадии. Он как ребенок, с ним надо бережно обращаться. Его надо самоотверженно защищать.

— Так-так... первый проблеск. Фундатор считается опытной нянькой?

— Не обязательно. На Большой Экседре философы избирают фундатором человека, которому в принципе можно доверить истину, как доверяют малолетнего ребенка.

— В надежде на то, что фундатор приобретет опыт няньки по ходу дела?

— В надежде на то, что с самого начала он интуитивно сумеет обращаться с истиной так, чтобы не нанести ей вреда.

— О, второй проблеск!..— Кир-Кор коснулся лба указательным пальцем.— Значит, фундатором избирается человек, в отношении которого у его коллег есть полная уверенность, что на протяжении двух лет он денно и нощно будет мудро стараться не повредить этимону? Я правильно понял вас, юный философ?

— Приблизительно — да,— с кислой миной проговорил Лирий Голубь.

Слово «приблизительно» Кир-Кора никак не устраивало, и он подождал, надеясь, что собеседник добавит что-то еще. Тот ничего не добавил. Сидел угрюмо нахохлившись, точно птенец на холодном ветру. Кир-Кор прислушался. Отдаленные звуки шагов, голоса... В отсеках шверцфайтера находились пришлые люди. Кир-Кор представлял себе, чем они там занимались. Чтобы отвлечь интротома, заговорил:

— Глядя на вас, никогда не подумаешь, будто вы очень уж рады новому амплуа своего патрона.

Лирий Голубь потер кисти прижатых к груди рук, но молчания своего не нарушил. Кир-Кор решил зайти с другой стороны:

— Может быть, новые обязанности Ледогорова не имеют престижного веса?

— Наоборот! — с неожиданной пылкостью возразил интротом.— В философской школе Ампары авторитет фундатора чрезвычайно высок. У нас даже поговорка в ходу: «Из уст фундатора». То есть — последняя инстанция, решающее слово, самое авторитетное мнение. Но не авторитарное, не путайте.

— Не буду,— сказал Кир-Кор. И подумал: «Надо было поздравить экзарха во время эгрегора. На нем была мантелета фундатора, а я по незнанию выставил себя невеждой».

И еще он подумал, что грагалы мало интересуются внутренней жизнью таких сложных земных организмов, как, например, экзархаты, вакф-медресе, суфиаты, гермополисы, эзотерические овокантрии или экзотические диафаноподии. Обожают проводить отпуск на планете предков, но знают эту планету достаточно хорошо лишь в историческом и эротико-артистическом плане. Хотя культура Новастры основана на достижениях земной культуры и ею же продолжает подпитываться, для большинства грагалов-посетителей история и эротико-артистическая грань земной культуры остаются самодовлеющей ценностью. Конечно, есть знатоки на Новастре — спецы по разнообразным проявлениям динамики философской мысли в недрах земной цивилизации,— но их число — единицы. Остальные слабо ориентируются в этом. Или не ориентируются вообще. Почему? Наверное, потому, что чувствуешь себя в экзархатах стесненно. Ведь именно в экзархатах проходишь обязательную денатурацию и улаживаешь уйму предписанных МАКОДом ненавистных формальностей. Но виноваты ли в этом эварки? Разве их вина, что исторически экзархаты и вакф-медресе стали инструментом контролируемого исполнения предписаний Марсианской Конвенции Двух,— как будто у эварков и суфиев мало своих сугубо земных дел!.. Возможно, впрочем, именно потому, что они являют собой, как сказал Лирий Голубь, Совесть планеты

Земля, история и уготовила им роль своеобразного буфера в отношениях между Землей и Новастрой. По крайней мере некоторые эварх — совершенно очевидно — глубже иных политиков осознали, что последний по времени демографический взрыв, потрясший земную цивилизацию в середине прошлого века, был бы для нее последним вообще, если бы не Новастра, не помощь грагалов в расселении землян на просторах Дигеи. Бескорыстная, кстати говоря, помощь. Грагалам по-прежнему не нужно было от Земли ничего, кроме возможности проводить на ней собственный отпуск. Даже в денатурированном состоянии. Мелькнула было надежда, что земляне догадаются отменить обязательность денатурации как абсолютный анахронизм. Не догадались. Все статьи и параграфы Конвенции Двух остались без изменений. Сохранили, так сказать, девственный вид. Ожидание прогресса в отношениях на том и закончилось. По-видимому, прогресс в отношениях земляне понимают как отсутствие спешки. А вот спровоцировать регресс в отношениях — это у них пожалуйста, в одну секунду,— исполнители всегда найдутся... Интересно, как в такой ситуации магистр и его статс-комиссары будут объясняться с новоиспеченным фундатором? Но еще труднее будет лидерам пейсмейкеров удовлетворить любознательность следственной комиссии...

— Нет, Кирилл Всеволодович,— сказал Лирий Голубь.— Все наоборот.

— Что «наоборот»?

— Среди приверженцев философского направления Ампары позиция фундатора имеет больший авторитет и большее значение. Орден будет вынужден с этим считаться. Кстати... не могу не предупредить вас, Кирилл Всеволодович... Не поздравляйте эварха.

— Это еще почему?!

— Не принято. Фундаторов не принято поздравлять.

«Век живи — век учись»,— подумал Кир-Кор. Вслух возразил:

— У вас, может быть, и не принято, а вот у нас почему-то всегда поздравляют достойную поздравления личность...

Лирий Голубь заплакал. Это было так неожиданно и нелепо, что Кир-Кор почувствовал страх.

— Что вы, Лирий, что вы, не надо!..— забормотал он.— Как-то не по-мужски. Прошу вас, друг мой, успокойтесь. Ради великой Ампары, простите меня, если в чем-то я виноват!..

Он не знал, что еще можно сказать. Или сделать. Был совершенно растерян.

— Это вы простите меня, грагал. Действительно, не по-мужски.— Интротом хлюпнул носом.— Неловко мне...

— Ну, ну, ерунда какая! Секундная слабость. Мне ведь тоже не по себе. После разбойных прелестей сегодняшней ночи нам с вами обязательно должно быть не по себе...

— Вы напрасно подумали, будто я не испытываю гордость за своего учителя. Моя гордость за него высотой до звезд. До вашего Илира и дальше. Потому что слишком мало на Земле людей, о ком известно, что он способен стоять в истине до конца. Но радости нет у меня, это правда...

— Теперь, очевидно, нарушится ваш учебный процесс?

Юноша вытер мокрое от слез лицо рукавом блузона:

— Теперь нарушится мироздание...

«Чего-то я здесь крупно недопонимаю...» — подумал Кир-Кор.

В тыльную дверь пилотажной рубки вежливо постучали.

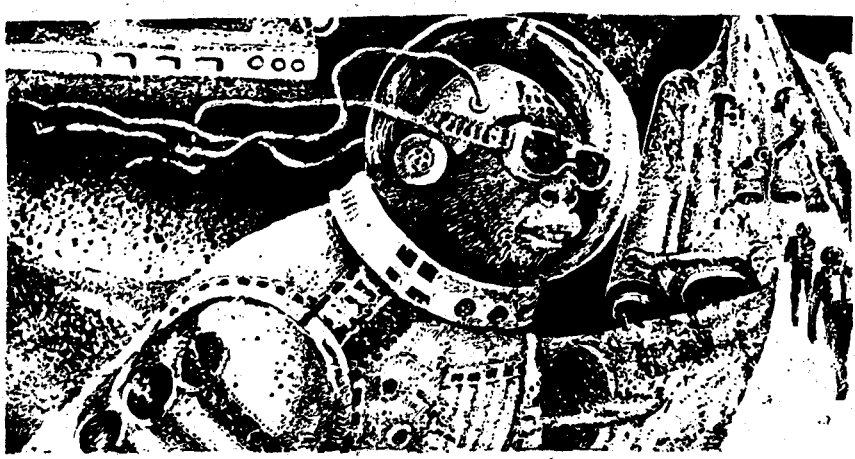
— Входите, не заперто! — крикнул он.

Конец первой книги

ЧЕРДАК ВСЕЛЕННОЙ

Научно-фантастическая повесть

Глава 1

Приятный голос:

— Нет, я не спал. Томит меня предчувствие беды... Оседланы ли кони?

Настороженное фырканье коней, звон сбруи. Менее приятный голос:

— Все сделано, как приказать изволили вы, сударь.

— Тогда в дорогу! Пусть звезды нам осветят ранний путь.

Крик совы и легкий ветерок с ночными запахами трав. Приближающийся конский топот. И вдруг как выстрел:

— Не торопитесь, шевалье!

Голос нехороший, резкий. Перестук копыт и храп осаженного на скаку коня.

— Граф де Ботрю?!

— Он самый! К вашим я услугам. Продолжим давешний приятный разговор.

— Мы будем продолжать на звонком языке клинков!

— Луна взошла — вот славно!..

— Я готов!

— Я тоже полон нетерпения.

— Граф, защищайтесь!

Зазвенела сталь. Глеб с трудом приоткрыл тяжелые веки, перевернулся на живот и выглянул поверх подушки. Светила красноватая луна. Граф, сбросивший камзол и шляпу, теснил шевалье. Глеб посмотрел на часы — было половина третьего ночи условного времени околосолнечных станций. Шпага, выбитая из рук шевалье, нату-

рально звеня, откатилась к журнальному столику. Глеб запустил подушкой в дуэлянтов, промахнулся — подушка пролетела сквозь конский круп и повисла на рожках виофонора. Звук и запах исчезли. Глеб уронил голову на упругое изголовье, отвернулся к стене.

— Вставайте, сир,— пробормотал, закрывая глаза,— вас ждут великие дела на чердаке Вселенной...

Это была чепуха. Которая, впрочем, когда-то имела большое значение. Он знал почему, но сразу припомнить не мог. И не старался. Он опять засыпал, а во сне меняется соразмерность вещей и понятий...

Он будто бы брел по гулкому лабиринту туннелей. И будто бы это не туннельные переходы станции «Зенит», прямые и светлые, а пыльные извилистые туннели из черного альфа-стекла, очень странные, с арочными сводами. И все-таки это «Зенит»...

Он брел в поисках выхода, сворачивая в боковые проходы направо, налево,— сумрачно вокруг и пусто... Выхода не было. Туннельные переходы уводили в глубь астероида дальше и дальше, кончилась гладкая черная облицовка, потянулись грубо обработанные стены в толще ожелезненных недр. Он понимал, что идет куда-то совсем не туда, что пора подниматься в диспетчерскую, однако выйти из бесконечного лабиринта туннелей не мог.

Наконец он входит в зарешеченный зал — какой-то очень знакомый зал, но безлюдный и темный,— и узнает виварий. Не слышно обычных шороха, визга, возни, а в дальнем конце прохода между решетками ограждений смутно виднеются две мешковатые фигуры с большими круглыми головами. Кто это?.. И почему в вакуумных скафандрах?

Прозрачные забрала откинуты вверх, из гермошлемов блестят настороженные глаза. Это Клаус и Поль — двое подопытных шимпанзе, те самые Клаус и Поль, которых вчера должны были транспозитировать на станцию «Дипстар», к орбите Сатурна... В поднятой лапе Клаус держит странный квадратный предмет, и под этим предметом что-то раскачивается, щелкает, а на тонкой цепочке — фигурная гиря. И вдруг открывается маленький люк, и забавная птичка шипит и жалобно стонет: ку-ку, ку-ку... Великий космос, это часы!

Стрелки анахронического механизма показывают время начала эксперимента. Пора... Ну-ка, ребята, марш в лифтовой тамбур, да поживее!

Клаус и Поль ковыляют, пыхтя от усердия. Часы Клаус тащит под мышкой, и гиря на длинной цепочке волочится следом. Зачем тебе это, старик? Брось их!..

Клаусу жаль расставаться с часами, но ничего не поделаешь, надо оставить — приказано.

Втроем заходят в кабину лифта и долго падают вниз. Поль бес-

покойно ухает, вертится, строит гримасы. Клаус угрюм, но спокоен. Он стар, и у него необычные для шимпанзе глаза — редко можно увидеть у обезьяны светлые глазные белки. Смотрит вопрошающе в упор, почесывая затянутой в перчатку лапой затылок шлема. Ну что здесь непонятного, старик? Вы отстали от графика ровно на двадцать четыре часа. На «Дипстаре», должно быть, сходят с ума от великого беспокойства, потеряны целые сутки, а ты и Поль даже еще не на старте.

Лифт тормозит. Свертывается гибкая дверь, обнажая стену из черного альфа-стекла. Участок стены уходит вниз, и открывается вход в святая святых «Зенита» — камеру гиперпространственной транспозитации. Клаус, обеспокоенно вытянув губы, смотрит в этот квадрат, подсвеченный изнутри голубоватым сиянием, Поль пятится и ворчит. Что же вы, ребята, оробели? Давайте я закрою вам гермошлемы. Вот так... Марш в камеру!

Ворчливый Поль неохотно взбирается на стартовый когертон — небольшое слабо вогнутое альфа-зеркало на тубусной подставке. Клаус медлит. Смелее, старик! Тебя нервирует Поль, понимаю: ты привык стартовать в одиночку. Но ничего не поделаешь, надо вдвоем, таковы условия эксперимента. Ты у нас ветеран, и кому же, как не тебе... Ну вот и отлично. Будь умницей и будь здоров! Передавай привет ребятам с «Дипстара»!

Предупредительный гудок, броневая плита идет на подъем. Последний взгляд на перепуганных ТР-перелетчиков: каждый из них на своем когертоне — порядок.

Ход перекрыт. За спиной метровая толща альфа-брони, а впереди, на расстоянии полушага... опустевший ствол лифтовой шахты. Трудно поверить, но факт: кабина лифта исчезла.

Очень мило, но что же делать в такой ситуации?

Где-то там, далеко в вышине, прозвучал вой сирены, и вдруг стало тихо. Ну-ну, не надо паники! Главное, устоять на ногах в момент ТР-запуска, иначе все закончится очень эффектно: вверх тормашками в шахтный колодец. Спиной плотнее к стене, вот так... И думать о чем-нибудь постороннем.

Отзвенели стартовые сигналы. Мягкий толчок и мгновенная дурнота. Это цветочки — первый цикл транспозитации, малая тяга. Ягодки впереди...

Толчок — искры из глаз! Окружающий мир, уродливо вытянутый по вертикали, медленно поворачивается на тонкой оси... Со скрипом и гулом... Ужасно медленно и тяжело...

Вверху опять завыла сирена. Кажется, все обошлось, и можно поздравить себя: устоял! Мышцы тела свинцово наполнены нервной усталостью, но это уже не страшно, главное — устоял. Черная плита сдвигается с места и с мягким шорохом ускользает вниз, открывая квадратный зев прохода, и видно, как в голубоватом объеме этой

потерны сгущается туманное облачко пара... И сразу — нехорошее предчувствие.

В камере тумана не было. Он успел осесть на стенах белыми искрами инея. А на полу, обрызганном заледеневшей кровью, лежит большой продолговатый сверток...

Поль? Или Клаус?.. Нехорошее что-то к горлу подкатывает. Да, это Клаус. Поль прошел в гиперпространство — когертон номер два благополучно исчез. Это старик не прошел. Его когертон возвышается одиноким зонтиком. А Клаус... лежит на полу. Вернее, то, что несколько минут назад было Клаусом. Сейчас это просто вывернутый наизнанку скафандр, облепленный тоже вывернутой наизнанку плотью. Монополярный выверт... Результат почему-то незавершенной транспозитации.

А тишина... Будто после оглушительного взрыва. И тишину неожиданно нарушают знакомые звуки: что-то шипит и щелкает. Птичка деревянная щелкает... Скачет, носится туда-сюда по краю когертона, жалобно стонет: ку-ку-, ку-ку...

Вот тебе и ку-ку!

Высоко над головой — глянцево-черные арки эр-умножителей, конечная ступень огромного технического комплекса. От верха до низа — шестнадцать этажей математически организованной материи. От купола диспетчерской до когертонов, до свертка, лежащего на полу...

«Ничего-то у нас не выходит»,— подумал Глеб. И вдруг отчаянно закричал, проклиная себя, «Зенит» и всю эту неудавшуюся затею с транспозитацией.

От крика проснулся.

Приходя в себя после пережитого кошмара, Глеб лежал с открытыми глазами неподвижно. Потом потянулся до боли в суставах, сел, зевая и потирая голые плечи. «Опять не выспался...»,— с тоской подумал он, мрачно оглядывая кабинет времен французского абсолютизма. Немного бестактно — сидеть неглиже в приемной у кардинала, но Ришелье был явно не в духе, Глеб — тоже, и обоим было наплевать на соблюдение условностей. Глеб задел ногой ребро брошенной с вечера возле дивана кассеты, зашипел от боли и спрятал ногу под себя. Настроение катастрофически падало. Состояние духа, более созвучное ночному кошмару, просто трудно было себе представить. И виноват в этом не Клаус, который жив и здоров, и не вчерашний эксперимент, который прошел без сучка и задоринки, если не брать во внимание знаменитый, но никому не нужный эффект перерасхода энергии на малой тяге...

Покончив с утренними процедурами в душевой, Глеб вернулся в каюту. Людовик Справедливый, беззвучно открывая рот, топал ногами в покоях своей августейшей супруги. Санитарный шлюз был открыт, механические мыши-уборщики разбегались под кру-

жевными подолами флейлин. Глеб покосился на пунцового от гнева короля, оделся и вышел в туннель.

Ревнители технической эстетики перемудрили, решив использовать для облицовки круглого туннеля люминесцентный пластик, и с тех пор туннель не туннель, а светящийся призрак — дыра в ослепительно белом тумане. Очень тихо, очень светло, прохладно и не очень уютно.

Глеб постоял у дверей спортивного зала. «А ведь отпрыгались...» — подумал он. И все великолепно понимают, что отпрыгались, но делают вид, будто бы еще не все потеряно. Смотрят в рот Калантарову, ожидая новых пророчеств. А Калантаров смотрит в пространство и понимает, что оно оказалось позабористее наших сверхгениальных идей. Или не понимает?..

Наверху зашелестел вентилятор. Глеб зябко поежился и побрел вдоль туннеля. Начало каждого дня вот так — вдоль туннеля. Условное начало условного дня, который, строго говоря, не день, а сплошной круглосуточный полдень... Надо решаться. Кончать с этой жизнью астероидального троглодита, по примеру Захарова и Халифмана возвращаться на Землю, менять профессию, пока не поздно. Как бы это поделикатнее объяснить Калантарову?..

Незаметно для себя Глеб ускорил шаги — почти бежал, прыгая через овальные люки. Голова полна вариантов воображаемого спора с Калантаровым. Шеф повержен, разбит, припечатан к стене. Но оппонент великодушен: протягивает руки и говорит на прощание что-то трогательно-благородное, отчего глаза у шефа становятся влажными...

— Они безутешно и долго рыдают друг у друга в объятиях,— вслух подытожил Глеб. Для полноты ощущений добавил: — И шумно сморкаются...

Глеб с ходу перепрыгнул открытый люк гравитронного зала, но, вспомнив о чем-то, вернулся. Он вспомнил, что сегодня ему нужен клайпер.

Глава 2

Колю Сытина разбудила муха. Огромная, нахальная, она жужжала над самым ухом, и Коля уже приготовился спрятать голову под простыню, но вовремя сообразил, что это зуммер.

Он почмокал губами, приоткрыл один глаз. Все правильно: на часовом табло светилась четверка с точкой и двумя нулями. Четыре ноль-ноль условного времени.

Зуммер не унимался. Коля открыл оба глаза, перевел руку за спину, прошелся пальцами по стене в поисках контактной кнопки. Кнопку он не нашел, потому что кнопка была у изголовья, а изго-

ловье теперь было там, где ноги,— значит, нужно искать ее голой пяткой. Зуммер умолк. Раздался щелчок, и тонфоны спросили голосом Фишера:

— Вы еще спать, мой молодой друг?

— Нет, я уже не спать,— бодро откликнулся Коля.— Я вставать и одна минута бежать вам на помощь.

— Я рад. Не забудьте завтракать, Коля, и обязательно пить молоко.

— Я помню: питание прежде всего. Ульрих Иоганнович, вы где находитесь? Уже в скафандровом отсеке?

— Сейчас — виварий. Потом — скафандровый отсек.

— Ясно. Буду через полчасика.

Взбрыкнув ногами, Коля скатился на пол и несколько раз отжался на руках. Постоял на голове, раздумывая, не пойти ли в спортзал попрыгать на батуте. Времени, жаль, маловато... Стоп! Надо же, чуть не забыл!..

Коля медленно перевернулся, подошел к дивану, склонился над изголовьем. Снежно-белая простыня, точно так же, как и вчера утром, была припорошена угольно-черной пылью.

— Елки-финики...— пробормотал он, удрученный открытием.

Беспокоила Колю, однако, вовсе не черная пыль — он уже знал, что она собой представляет. Беспокоила полнейшая необъяснимость ее ночного появления на простынях...

Впервые он обнаружил ее вчера утром. Недоуменно моргая, он смотрел на подушку, основательно припорошенную каким-то темным веществом. Центр подушки — там, где ночью покоилась Колина голова,— был заметно светлее. Значит, пыль сыпалась сверху... Коля уставился в потолок. Ничего подозрительного — гладкая светло-кремовая облицовка, ни единого темного пятнышка. Коля вскочил и помчался к зеркалу в душевой. Левая щека была темнее правой. Он сразу вспомнил, как однажды, месяца два назад, проснувшись после ночного дежурства, он с величайшим изумлением обнаружил, что подушка и простыни пропитаны кровью. Никаких сомнений относительно того, что это была настоящая кровь, у него, студента Института экспериментальной биологии, не возникло ни на одну секунду. Помнится, он так же оторопело разглядывал в зеркале свою окровавленную физиономию — страшноватое зрелище! — и терялся в догадках. Наконец, решив, что это его собственная кровь — ну, скажем, во время сна лопнул в носо-глоточной полости какой-нибудь кровеносный сосудик,— он старательно уничтожил все следы этого неприятного происшествия, чтобы не давать повода буквоедам из медицинского сектора станции поговорить о «хлипком здоровье современной студенческой молодежи, которую тем не менее Земля почему-то считает возможным посылать в космос на стажировку». Однако личные неприятности сразу забылись,

как только Коля узнал от Ульриха Иоганновича, что в этот день с их любимцем шимпанзе Эльцебаром случилось непоправимое несчастье. У ТР-физиков что-то там не сработало, и в результате беднягу Эльцебара вывернуло наизнанку... На языке ТР-физиков это называется «монополярным вывертом».

Они оправдывались тем, что Эльцебар-де «в момент транспозитации спрыгнул вдруг с когертона». Иоганныч был безутешен, и Коля, сам опечаленный до предела, очень ему сочувствовал.

И вот теперь эта проклятая пыль...

Коля вчера догадался осторожно собрать и отнести черную пыль на анализ. Оказалось, что ничего особенного она собой не представляет — просто микрооскольчки альфа-стекла. Но объяснить появление альфа-стеклянной пыли на подушке никто не отважился или не пожелал. На этой станции всем всегда некогда. Только у дядюшки Ульриха случалось время подолгу беседовать с молодым помощником о вещах и очень серьезных, и не очень. Но Ульрих Иоганнович был специалист по приматам, и «пыльные» вопросы, к сожалению, находились за пределами его компетенции. Коля проявил упрямство и, засев в кафетерии, пил молоко до тех пор, пока не выследил одного из здешних ТР-физиков — Глеба Константиновича Неделина. Глеб Константинович с видимым отвращением цедил черный кофе чашку за чашкой, и было непонятно, слушает он Колю или нет. Потом он пристально посмотрел куда-то мимо Колиных любознательных глаз и посоветовал ему брать с собой в постель пылесос. Под конец разговора он растроганно назвал собеседника «букварем» и, страшно вращая зеленоватыми глазами, сказал, что гиперпространство — это дерьмо, станция — для дураков, эр-позитация к звездам — дохлый номер и что дальнейшее здесь свое пребывание считает стопроцентным кретинизмом. Коля ушел от него на нетвердых ногах, ощущая легкое потрясение.

Брать с собой в постель пылесос Коля, конечно, не стал, но с альфа-пылью надо было что-то делать.

Что именно, он придумал не сразу. Первым его побуждением было: выпросить у механиков электродрель и с ее помощью перемонтировать крепления для дивана подальше от неприятного места. Однако он тут же вспомнил о добром десятке дистанционных переключателей, вмонтированных в изголовье, которые связаны кабелем с общей линией электрокоммуникаций... Тогда он просто-напросто решил ложиться спать наоборот — к изголовью ногами. И вот сегодня он проснулся «альфа-запыленным» только от щиколоток до колен. Для него начиналась пора невольного экспериментирования по принципу «хочешь не хочешь». Все было бы ничего и даже интересно, если бы не тревожное беспокойство от смутной догадки, что он случайно обнаружил нечто такое, чего пока никто на «Зените» не знает и знать не желает...

Чтобы отделаться от этих размышлений, возымевших над ним странную власть, Коля издал жизнерадостный крик гиббона, попрыгал на одной ноге и бросился в душевую.

Он вернулся в каюту мокроволосый, продрогший, мельком взглянул на часы, надел брюки и пулей вылетел в туннель, натягивая куртку на ходу.

В этот ранний час в кафетерии было безлюдно. Коля быстренько проглотил бутерброд, запил его яблочным соком, компотом и молоком, смахнул посуду в приемный лючок автомойки, выскользнул в дверь. Стремительно вернулся, подбежал к автоматическому бару, настучал при помощи клавиш кучку орехов, сахарных кубиков, фруктовых конфет, рассовал все это по карманам и теперь уже уверенно помчался в лифтовой тамбур.

Виварий находился в левом крыле третьего яруса станции. Шеф рассказал, что раньше специального помещения для подопытных животных на «Зените» не было вообще. Да и сама станция, пока проводились начальные эксперименты над объектами неживой материи, мало походила на теперешнюю. Но позже, когда физикам удалось проникнуть в самую суть транспозитации предметов через гиперпространство, «Зенит» основательно модернизировали. Но и тогда вивария еще не было: несколько десятков белых мышей и морских свинок находились в четырех стеклянных ящиках в одном из пустовавших помещений медицинского сектора, а остальные четвероногие ТР-перелетчики — преимущественно собаки — обитали в каютах уже довольно многочисленного экипажа станции, широко пользуясь человеческим гостеприимством. Когда же дело дошло до транспозитации высших приматов, выяснилось, что напряженности естественного поля не хватает. Пришлось в срочном порядке строить установку для генерации искусственного поля тяготения. Размах строительства был столь грандиозен, что заодно уже решили максимально удовлетворить все настоящие и будущие — насколько их можно было предугадать — потребности работающих здесь ученых. Внутри астероида (наряду с машинными залами, лабораториями, сложным шахтным хозяйством для размещения специальных устройств) появились спортзалы, салоны, межэтажные эскалаторы, лифты, просторные склады, оранжерея и даже плавательный бассейн. Виварий поместили в огромном зале, забракованном специалистами-гравитрониками в период строительства. С одной стороны, это было удобно, потому что виварий располагался в зоне относительной тишины — далеко от машинных отсеков, от лязгающих механизмов причальных площадок вакуум-створа, гравитронная установка, напротив, работала бесшумно. С другой стороны, «бракованный» зал очень мешал гравитроникам. Дело в том, что эта огромная полость каким-то образом нарушала стабильность взаимодействий полей тяготения. Она, эта полость, по

авторитетному мнению гравитроников, представляет собой своеобразную гравитационную нишу, которую неплохо было бы ликвидировать, и чем быстрее это будет сделано, тем лучше. Гравитационное своеобразие «ниши» обитатели вивария ощущали на себе: во время работы ТР-установки бывало, что стены, пол, потолок неожиданно менялись местами. После этого животных приходилось долго успокаивать. Во всем остальном виварий — в его теперешнем виде — вполне оправдывал свое назначение. Это была просторная, светлая, хорошо оборудованная подсобной автоматикой гостиница для человекообразных ТР-перелетчиков, которым время от времени предоставлялось почетное право пройти по неизведанным тропинкам гиперпространства впереди человека. Или погибнуть, если теория эксперимента окажется вдруг неотработанной...

Коля бесшумно, как тень, скользнул вдоль решетчатых ограждений. Нужно было соблюдать тишину, для обитателей вивария ночь еще продолжалась. Пористый пластик надежно заглушал шаги, неярким синеватым сиянием таинственно светились в полумраке таблицы и небольшие экраны контрольных устройств. Сонное царство... Если прислушаться, можно уловить ровное дыхание спящих, хотя животных осталось здесь не так уж и много — пять шимпанзе, две гориллы, семья гиббонов и дюжина юрких макак-резусов. Макакам Коля оставил в кормушке половину своего запаса сладостей — он любил этих резвых маленьких обезьян за их веселый нрав и способность не унывать при любых обстоятельствах. Орехи достались гиббонам — у молодой четы недавно появился малыш. Кое-что перепало и каждому шимпанзе. И даже гориллам, которых Коля совсем не любил, а иногда и побаивался.

Опустошив карманы, практикант бегло проверил показания контрольных датчиков. Степень регенерации воздуха, влажность, температура — все было в норме. Коля тихо выскользнул за дверь, нажатием кнопки включил запирающий механизм. Гравитроники, бывает, появляются на третьем ярусе и что-то здесь осматривают, сдвигая в стороны огромные плиты подвижных стен и обнажая при этом странные ребристые аппараты. И если в такой момент дверь вивария по чьей-нибудь небрежности оказывалась открытой, гравитроники демонстративно зажимали носы. «Запах зверинца,— поясняли они недоумевающим биологам.— Обезьянами пахнет». «Ну и что? — парировал Коля.— Было бы удивительно, если бы обезьяны пахли не обезьянами». Гравитроники сдержанно улыбались и становились терпимее к неизбежным Колиным: «А что это?» или «А на каком принципе это работает?»

Ворвался он в скафандровый отсек за полсекунды до половины пятого и тем самым лишний раз подтвердил феноменальную особенность своей натуры: он всегда боялся опоздать, испытывая постоянный недостаток времени, и ухитрялся никогда не опаздывать.

Белоснежная, декорированная морозными узорами стена дрогнула, чуть съехала в сторону. На пороге стоял, улыбаясь одними глазами, дядюшка Ульрих.

Впрочем, это был уже не дядюшка Ульрих. В рабочее время этот седоволосый, очень подтянутый, строгий на вид человек был шефом. Заведующий биологическим сектором станции Ульрих Иоганнович Фишер молчаливо наблюдал, как лаборант сектора Николай Борисович Сытин, а проще — коллега, торопливо меняет свою голубую куртку зенитовца на профессиональное одеяние — белый халат. Сей ритуал был завершен, и только тогда шеф счел своевременным обменяться с Колей приветственным рукопожатием.

— Здравствуйте, коллега,— сказал шеф.— Мне интересно узнать ваше самочувствие.

— Хорошее, спасибо,— солидно ответил коллега.— Как ваше?

— Много вам благодарен. Вы готов?

— Всегда готов!

— О, прекрасно, коллега, прекрасно! — Фишер сделал приглашающий жест: — Торопитесь входить. Сегодня вы совершать очень трудный работа.

Вслед за шефом Коля переступил невысокий комингс отсека, и белая стена неслышно съела проем за их спинами.

Шеф деловито осмотрел рабочее место и остался доволен. Коля, напротив, едва взглянув на «клиента», сразу почувствовал неуверенность. На поворотном круге станкорамы, удобро повиснув в мягких захватах, как в гамаке, полулежал молодой горилла-самец по кличке Буту.

Это был крепкий, упитанный малый с мощными лапами, ростом на голову ниже Коли, но раза в два шире в плечах. Усыпленный шефом, он дремотно зевал и сладко пускал слюни. Он был забавен, но Коля все равно побаивался, потому что по опыту знал: с гориллами шутки плохи.

Сегодняшняя работа, как и обещал шеф, действительно не из легких. Напялить на гориллу скафандр — и не как-нибудь, а по всем правилам,— очень не просто.

Сначала нужно было перебинтовать конечности животного мягкими лентами. Буту проснулся и предупредительным рычанием дал понять, что это ему не особенно нравится. Фишер умело его успокоил, и все шло сравнительно гладко, пока не наступила очередь надувного белья.

Надевать это белье Буту отказывался наотрез. Он выкручивался, жалобно ревел, и стальные захваты, армированные волокнистым железом, угрожающе выгибались. Станкорама ходила ходуном, скрипела, однако бурный натиск гориллы выдержала. Скоро Буту устал и стал сопротивляться меньше. Шеф и помощник, манипулируя захватами, быстро делали свое дело.

В белье Буту стал неприятно похож на человека. А когда его зашнуровали в противодекомпрессионные доспехи, это сходство усилилось. Коля забыл осторожность, ослабил внимание и едва не поплатился за это укусом в ладонь, когда натягивал на голову «клиента» белую шапочку с блестящими пуговками датчиков внутри.

— С-скотина...— тихо выругался он.

— Внимательно, коллега! — сказал шеф.— Осталось быстро. Скоро Буту быть в скафандр — мы быть в безопасность.

Коля подсоединил шланг к баллону со специальным сложномолекулярным газом, и Фишер, приняв шланг, наполнил этим газом полости надувного белья. Буту заметно округлился. Шеф кивнул помощнику:

— Можно включать.

Коля включил малый комплекс биофизической аппаратуры. На экранах заплясали кривые — осциллограммное эхо работы мозга и сердца животного.

— Прошу расшифровать картина,— скомандовал шеф.

— Общая картина: состояние легкого возбуждения,— бесстрастным голосом доложил помощник.— Бэта-ритм нормален, альфа-ритм пониженной амплитудности... Периодичность кардиального цикла несколько сокращена по времени. В комплексе это можно интерпретировать как легкое возбуждение и небольшой испуг.

Шеф одобрительно кивал.

— Гут,— сказал он.— Прошу нести скафандр.

Глава 3

Спустя полчаса Буту был упакован в скафандр и экипирован для перехода сквозь гиперпространство гораздо более тщательно, чем экипировались древнеегипетские фараоны для перехода в мир иной. Строптивого ТР-перелетчика освободили от захватов станкорамы и заботливо препроводили в мягкое кресло со спинкой управляемого наклона.

Фишер еще раз лично проверил скафандровые системы жизнеобеспечения.

— Все есть полный порядок! — сказал он.— Вы, коллега, ждать сигнал и проводить Буту в камера. Ауфвидерзеен! Я иметь работа в виварий.

Шеф опустил в карман Колиного халата небольшую плоскую коробочку, многозначительно погрозил пальцем, ушел. Коля смотрел ему вслед, пока Фишер не скрылся за белой стеной. Вынул коробочку, щелкнул крышкой. На лицевой панельке этого миниатюрного прибора была одна-единственная кнопка. Коля вздохнул,

захлопнул крышку и посмотрел на гориллу. Буту настороженно поблескивал глазками из глубины своего шлема. «Шалишь,— подумал Коля.— Будешь рыпаться, нажму на кнопочку и — ауфвидерзеен...» Тут же подумал, что вряд ли это сделает. Сорвать эксперимент по пустячному поводу — этого еще не хватало!

И все-таки с приборчиком в кармане было как-то спокойнее. В случае чего — щелк, и пальцем в кнопку, дистанционный выключатель заставит сработать ампулу безопасности в кислородной маске Буту, и горилла получит приличную дозу вещества, парализующего нервные центры... Коля вздохнул.

Шеф как-то умел ладить с гориллами. Опыт! А вот его, Колю, гориллы не слушаются. Макаки слушаются и гиббоны слушаются, о шимпанзе тоже ничего плохого не скажешь. А вот гориллы и орангутанги — нет... «Это потому, что у меня молодое лицо,— печально подумал Коля.— Крупные приматы принимают меня за детеныша. И некоторые гомо сапиенс тоже».

Наверху завыла сирена,— приглушенный расстоянием вой проникал сюда через ствол лифтовой шахты. Буту зашевелился, и Коля с опаской взглянул на него. Как ни надежны крепкие замки, которыми этот «парень» пристегнут к спинке и подлокотникам кресла, упускать гориллу из поля зрения не стоит... Ох, и долго же тянется время, когда ожидаешь сигнал из диспетчерской!

Едва заметный мягкий толчок. Сирена смолкла. Коля по опыту знал, что именно так срабатывает ТР-установка на малой тяге. «Странно,— подумал он.— Планировали ТР-запуск Буту, а сами гоняют на малой тяге... Впрочем, уже вторые сутки гоняют. Днем что-то там копаются, потом расходятся спать по каютам, а электронный мозг всю ночь напролет гоняет ТР-установку на малой тяге в заданном режиме...»

Стоп! Коля шлепнул ладонью по лбу. Вот она, черная пыль!..

— Ты понял? — весело спросил он Буту.

Буту испуганно блеснул глазами, и Коля показал ему язык.

— Хоть ты и высший примат, но дубина редкостная! Что, не согласен?

Буту глухо заворчал под маской.

— Плевать я хотел на твои угрозы,— сообщил ему Коля.

Буту успокоился.

— То-то же!.. Кстати, к вопросу о микроосколках альфа-стекла...

И Коля рассказал Буту о черной пыли на простынях и подушке, не забыв при этом упомянуть, что раньше ничего подобного не наблюдалось. Почему? Первый вариант: раньше пыли не было вообще. Второй вариант: раньше пыль тоже была, но, поскольку ТР-установка работала на малой тяге редко — только сопровождая настоящий ТР-запуск,— пыль не успевала скапливаться в достаточном для визуального наблюдения количестве!

— Второй вариант объяснения предпочтительнее,— пояснил Коля и спрятал палец в кулак.— Потому что устанавливает причинно-следственную связь между работой ТР-установки на малой тяге, с одной стороны, и появлением альфа-пыли — с другой. Такую любопытную связь заметил (и то совершенно случайно) только один человек на «Зените» — это я! Понял? Ничего ты не понял, потому что я и сам пока ничего не пойму...

Ведь малая тяга способна лишь пробить в подпространстве дыру. Или туннель, как говорят ТР-физики. А для того чтобы кто-нибудь (ты, Буту, например) или что-нибудь вообще могло просочиться сквозь этот туннель, нужна так называемая «большая тяга». Нет большой тяги — ни одно материальное тело не может сдвинуться с места. А вот черная пыль, оказывается, может... Иначе никак не объяснишь ее появление в каюте, которая находится в доброй сотне метров от диспетчерской, от эритронной шахты, от камеры транспозитации. То есть слишком далеко от устройств, защищенных броней из альфа-стекла...

Чем дальше Коля забирался в дебри собственных рассуждений о явлениях, в общем-то мало ему понятных, тем большее любопытство испытывал. Неуемное, жгучее любопытство.

«Это что же получается? — думал он.— Получается, что на малой тяге возникает не только главный туннель. Есть еще какой-то побочный туннель, вернее, туннельчик, никому пока не известный! Очень короткий туннельчик — всего лишь от альфа-защитной стены до изголовья моего дивана,— но зато обладающий поразительным свойством транспозитировать предметы даже на малой тяге!..»

— Чушь,— пробормотал Коля.— Или не чушь?

Внезапно Буту задергался — очевидно, ему надоело сидеть без движения. Коля вздрогнул и посмотрел на него с тихой ненавистью: «Чтоб тебя монополярно вывернуло!..» И, устыдившись, подумал: «Ничего, пройдет как по маслу. Гориллам везет в ТР-запусках. Сколько было горилл, все проходили удачно. Это шимпанзиному племени не везет — слишком часто гибнут во время экспериментов. Правда, за последние два месяца только один Эльцебар...»

Коля вдруг попятился и с маху сел на жесткий металлический табурет. Ошалело повращал глазами. Эльцебар... Монополярный выверт... Залитые кровью изголовье, подушка, лицо... Но как это раньше не пришло ему в голову!

Сорвавшись с табурета, он стремительно забегал по отсеку. Ну разумеется. Это была кровь Эльцебара!..

Однако все это срочно необходимо выложить ТР-физикам. Дескать, под носом у вас, дорогие товарищи, действует паразитный туннельчик, а вы и не знаете!.. Конечно, поверят не сразу. Смеяться будут. Впрочем, им сейчас не до смеха. Жаль, что на станции нет Калантарова: он понял бы с полуслова. Он такой — он всегда все

понимает, вроде Ульриха Иоганновича... Может быть, туннельчик этот — какая-нибудь опасная пакость! Может, именно из-за него погиб Эльцебар...

Коля подбежал к Буту, быстро разъединил замки, которыми скафандр крепился к креслу, пристегнул к скобе на затылочной части шлема длинный поводковый леер, намотал его на руку и тихо, но властно скомандовал:

— Встать, Буту. Встать!

Обезьяна нехотя повиновалась. Полужесткий скафандр сильно сковывал движения. Ссутулившись, Буту неуклюже и тяжело топтался на месте, упираясь верхними лапами в пол.

Коля нажал ногой педаль. Участок стены провалился вниз. Свертываясь в рулон, уползла кверху гибкая дверь кабины лифта. Кабина широкая, разделена пополам вертикальной решеткой. Буту самостоятельно, без Колиных понуканий, поковылял в правое отделение, Коля шагнул в левое. Дверь опустилась, лифт тронулся.

— А ты молодец, Буту,— сказал Коля сквозь ограждение.— И совсем не дурак. Вдвоем мы заставим физиков выслушать нас. Кстати, узнаем, почему до сих пор нет сигнала на выход... Ну вот и приехали!

На верхний этаж первого яруса добрались без происшествий. Правда, Буту немножко нервничал на эскалаторе, однако путь на «чердак» был недолог, и все обошлось как нельзя лучше.

Коля знал, что самое главное на «чердаке» — это, конечно, диспетчерская. Более того, кроме диспетчерской и шаровидной комнатушки информатория, здесь не было ничего похожего на остальные помещения станции, щедро нашпигованные различным оборудованием и автоматикой. В этом смысле здесь было пусто и голо, но Коле это почему-то нравилось.

Здесь плавали айсберги. Сахарно-белые айсберги на черной воде под черным небом. И отражения айсбергов... Огромный простор, заполненный ледяными горами.

Вряд ли это было сделано специально, в угоду эстетствующему снобизму. Наверное, просто так получилось. Наверное, после капитальной переделки станции, когда все бытовые и технические службы переместились в глубь астероида, на «чердаке» опустело множество помещений, и строителям не оставалось ничего другого, как соединить бывшие залы и комнаты в единый ансамбль декоративных полостей.

Вместо однообразных прямоугольных стен под огневыми ножами камнерезов стала вдруг возникать музыкально-плавная асимметрия абстрактных форм. Тяжелые объемы утесов, изящные гроты, облицованные сахарно-белой самосветящейся стекломассой, стали казаться хрупкими и холодными. Ошеломительно глубокими стали казаться полы, покрытые глянцево-черным стеклом (не альфа-

защитным, а самым обычным стеклом, только угольно-черного цвета). И все это вместе стало смотреться в бездонные зеркала потолков. И поплыли белые айсберги в черном просторе...

Спокойно светила большая круглая луна. Луна была тоже белой и ледяной и, вопреки логике, плавала среди айсбергов. И трудно было поверить, что эта романтичная деталь пейзажа представляет собой довольно-таки прозаическое помещение информатория, замаскированное под светлый, обманчиво хрупкий шар. Но если даже этот отлично видимый на темном фоне раш диаметром в два человеческих роста как-то терялся среди «ледяных» колоссов, то огромный черный купол диспетчерской вообще едва угадывался.

Эскалатор услужливо вынес своих пассажиров прямо к входу в кольцевой туннель, которым был опоясан купол диспетчерской. Коля тронул включатель дверного механизма, сделал шаг в сторону, пропуская Буту в образовавшийся проем. Буту не заставил себя уговаривать — резво проскочил в туннель. Знакомый с ТР-перелетами с юного возраста, он по опыту знал, что неприятные ощущения, которые он испытывает во время эксперимента, щедро вознаграждаются вкусной едой. Натягивая поводковый леер, Буту весьма целеустремленно ковылял вдоль туннеля,— он хорошо помнил место, где находился тот самый, заветный люк...

Заветный люк был закрыт. Буту вертелся на знакомом месте, недоумевающе смотрел на человека. Коля подергал за леер, приглашая Буту двигаться дальше. Обескураженный ТР-перелетчик на всякий случай поворчал, но подчинился.

Коле тоже все это начинало казаться странным — отсутствие сигнала, закрытый люк... Тишина и спокойствие, никто из ТР-физиков, по-видимому, не был озабочен сегодняшним экспериментом. «Елки-финики,— подумал Коля,— куда же мне теперь с этим голодным пугалом?..»

Голодное пугало присело отдохнуть. Угрожающим рычанием оно дало понять, что увести его от заветного люка дальше, чем оно это уже позволило, будет не так просто. Ну и пусть посидит, решил Коля. Туннель безлюден, и непохоже, чтобы кто-нибудь скоро здесь появился.

Коля привязал свободный конец леера к решетке вентиляционного отверстия (хотя отлично сознавал, что это бессмысленно) и поспешил к желтому кругу, обозначающему вход в информаторий. Благо вход уже близко — рукой подать.

Пневматическая дверь с шипением захлопнулась, вспыхнул приятный зеленоватый свет. Не теряя времени, Коля включил двустороннюю видеосвязь с диспетчерской.

На экране что-то возникло. Коля сначала не понял, что именно,— какое-то большое рыжее пятно на темном фоне. Затем пятно шевельнулось, слегка запрокинулось кверху, и Коля увидел перед

собой голубые глаза, обведенные черными стрелами длинных ресниц. Глаза представились:

— Дежурная Квета Брайнова.

— Это диспетчерская? — не сразу поверил Коля.

— Да, это диспетчерская.

— Послушайте, дежурная! Я привел гориллу в кольцевой туннель и теперь не знаю, что с ней делать.

Глаза озадаченно поморгали.

— Гориллу?!

— Ну да, гориллу по кличке Буту. Разве вы ничего не знаете?

— Н-нет...— растерянно ответили глаза, и по их выражению Коля понял, что они говорят святую правду.— А... можно узнать, зачем вы привели сюда гориллу?

— Можно,— сказал Коля, ощущая, как ему становится нехорошо.— Я привел сюда гориллу для эксперимента.— С отчаянием добавил: — Если вы сомневаетесь, можете выглянуть из диспетчерской в кольцевой туннель!

— Нет-нет! — Глаза испуганно отпрянули, и Коля увидел озабоченное девичье лицо.— Я верю вам. А... вы не шутите, мальчик?

— Я не мальчик,— печально пояснил Коля.— Я лаборант сектора биологии. Моя фамилия Сытин, зовут Николай. А ваше имя, насколько я понял, Квета. Красивое имя. Квета... Если перевести на русский — Цветочек, верно? Так вот, главный вопрос, который меня очень интересует, уважаемая Квета-Цветочек, это вопрос: что делать с гориллой? И вопрос второй... правда, менее актуальный, чем первый, но тоже достаточно интересный: как вы оказались в диспетчерской? Для амплуа ТР-физика вы кажетесь мне, извините, слишком юной и слишком рыжеволосой.

— Я прилетела на «Мираже» прошлым рейсом,— ответил Квета.— Работаю здесь уже четыре дня и, как вы только что выразились, именно в амплуа ТР-физика.

Коля обеспокоенно прислушался. Но стены информатория не пропускали ни звука.

— Почему вы молчите, Николай? — спросила девушка.

— Жду ответа на главный вопрос.

— Ах да, насчет обезьяны!..

— Насчет гориллы,— сухо поправил Коля.— Если вы действительно ТР-физик, то не могли не знать, что на восемь тридцать утра был запланирован ТР-запуск.

Квета забавно вытянула губы и широко открыла глаза. Поморгала. Спросила:

— А разве вам не сообщили?..

— Что именно?

— Эсперимент триста девятый «Сатурн» эпсилон-шесть отменяется.

— Так...— сказал Коля.— Эпсилон-шесть... Между прочим, нам должен был сообщить об этом дежурный диспетчерской. И не позже, чем за два часа до начала эксперимента. До начала, которое обозначено в графике.

— Я... я понимаю,— смутилась Квета, и даже на экране стало видно, как она покраснела.— Я здесь совсем недавно и еще ничего толком не знаю. Конечно, я виновата, но я...

— ...больше не буду,— подсказал Коля.

— Минуточку!..— вдруг насторожилась Квета и повернулась к собеседнику в профиль. Коле профиль понравился.

— Минуточку подождите. У меня ТР-запуск.

— Малая тяга? — тоном знатока осведомился Коля. И вдруг не своим голосом заорал так, что девушка вздрогнула: — Сирену! Отключите сирену! Прошу вас! — Метнулся к двери.

Он яростно топтал ногами педаль, но плита, закрывающая выход, оставалась неподвижной.

— Я отключила сирену,— сказала Квета, опять заполнив весь экран голубым и рыжим сиянием.— А дверь запирается автоматически. Потерпите немного.

— Спасибо,— пробормотал Коля. Ему было стыдно. Насчет дверей кольцевого туннеля он знал. Просто вылетело из головы.

— Вы волнуетесь за своего подопечного?

Коля кивнул.

— Гориллы легко раздражаются,— сообщил он.— И в такие минуты бывают опасны. Кстати, ваша дверь тоже на автоматическом замке?.. Ну, тогда ладно.

— А вас он слушается?

Коля снисходительно улыбнулся.

— Профессиональный навык,— сказал он. А про себя пожелал Буту провалиться в тартарары...

— Внимание! — предупредила Квета, и сразу последовал ощутимый, но мягкий толчок.— Все, можете выходить.

— До свидания,— сказал Коля. И вышел.

Там, где пять минут назад отдыхал Буту... На этом месте его уже не было.

Коля отвязал леер от вентиляционной решетки, машинально собрал его кольцами, как собирают лассо. Леер обрывался странно размочаленным концом... У Коли задрожали руки.

— Мер-р-рзавец! — простонал он и бросился вдоль туннеля.

Кольцевой туннель он обежал со скоростью ветра и, поравнявшись с ходом в информаторий, понял, что Буту в туннеле нет. Покачиваясь, он вошел в информаторий.

— Извините, Квета...— тихо сказал он, прерывисто дыша.— Мой подопечный... случайно к вам... не заглядывал?

В голубых глазах появилось странное выражение.

— Обезья... то есть горилла? Нет. Что-нибудь произошло?

— Да, но вы не волнуйтесь. Он просто сбежал. Извините...

Коля прервал связь с диспетчерской и стал по очереди нажимать разноцветные клавиши.

— Внимание, внимание! — повторял он чуть не плача.— Сбежал подопытный примат по кличке Буту. При обнаружении примата просьба срочно сообщить в информаторий. Внимание!..

Один за другим вспыхивали экраны.

— Эй, там, в информатории! — раздраженно позвал чей-то бас.— Срочно спускайтесь в вакуум-створ! Ваш примат, очевидно, решил, что находится в джунглях, а тут кругом кабели под напряжением!

— Обесточьте кабели! — завопил Коля.— Задержите его до моего прихода!

— Задержи свою бабушку,— посоветовал бас.— А еще лучше — спускайся сюда и сам его тут задерживай. Безобразие! У меня «Мираж» на подходе, а людей — никого, все разбежались. Я требую, чтобы вы убрали свою сумасшедшую обезьяну немедленно! Слышите, вы?.. Немедленно!

Ошалело натыкаясь на стены, Коля искал дверь...

В лифтовом тамбуре нижнего яруса его поджидал один из техников вакуум-створа. Это был Карлсон, но Коля его не сразу узнал: правый глаз техника чудовищно вспух и явственно наливался радужным цветом, комбинезон порван, а из прорехи свисал подол оранжевой рубахи. Судя по всему, Карлсон побывал в серьезной переделке и успел потерпеть поражение.

— Он уже там,— сказал Карлсон. Осторожно потрогал глаз.— Он забрался в продовольственный склад.

— Где? — спросил Коля. И помчался в указанном направлении.

Карлсон заправил рубаху и, гулко топая, побежал следом.

— Налево! — кричал он.— Теперь сюда!

Коля нырнул в узкий проход между штабелями каких-то ящиков, свернул налево, потом направо,— штабелям, казалось, не будет конца. Где-то слышались крики и ругань, раздавался рев и подозрительный грохот,— где именно, мешали понять горы ящиков и раскатистое эхо зала. Неожиданно Коля наткнулся на сверкающую россыпь каких-то цилиндрических предметов. Это были консервные банки. Преодолевая россыпь, Коля увидел чей-то кровавый след. След вел за угол штабеля. Стараясь не наступать на эти ужасные пятна, Коля побежал туда и, поскользнувшись, чуть не наскочил на стоящего за углом человека. Задрав подбородок кверху, человек, казалось, обеспокоенно прислушивался. Но это только так казалось, потому что его гладко выбритый череп, щека и комбинезон на груди были залиты кровью... Коля остолбенел. Раненый обернулся и с интересом на него посмотрел.

— Вы... Вы весь в крови! — пробормотал Коля.

— Я?..— Человек испуганно взглянул на свои окровавленные руки. И вдруг, лизнув палец, сказал: — Варенье.— Почмокал губами, добавил: — Вишневое. Добрался-таки, мерзавец, до кондитерского запаса! Сейчас он там дров наломает.

Сверху посыпались банки.

— А ну-ка,— сказал Коля,— помогите мне взобраться на штабель.

Буту сидел на соседнем штабеле и взламывал ящики. Шлема на нем уже не было, скафандр висел мешком, из-за ворота торчал над ухом обрывок гофрированной трубки воздухопровода. Буту дробил ящики, выхватывал из кучи банок одну или две и, надкусывая с краю, бросал. Очевидно, он искал свое любимое лакомство — ананасный компот. И, очевино, кто-то пытался мешать его поискам, потому что Буту раздраженно оглядывался, время от времени грозно рычал и швырял банки, а то и ящики целиком, в узкие щели проходов.

Коля оценил обстановку, распростился с надеждой на ампулу безопасности. Оставалось надеяться только на «профессиональный навык», которым он хвастался перед Кветой.

— Буту, спокойно! — крикнул он.— Сидеть!

Буту проворно метнул в него несколько банок.

— Ах, так! — сказал Коля и приготовился прыгнуть через проход.

Рев гориллы потряс стены зала. Коля решил от прыжка пока воздержаться. Нужно было срочно выработать более разумный план действий, но ничего дельного в голову просто не приходило... И вдруг за его спиной что-то обрушилось: на штабель влезли Карлсон и знакомый уже человек, облитый вишневым вареньем. На дальних штабелях показались еще пять фигур в комбинезонах.

— Вот...— сказал Карлсон, снимая с плеча волейбольную сетку.

Коля слабо улыбнулся, но сетку взял. Это было лучше, чем ничего. Главное, он теперь не один — ребята помогут. В опасной близости от его головы пролетел ящик. Мелькнула мысль: точно из катапульты... Коля разбежался и прыгнул. Следом разбежался и прыгнул Карлсон.

В воздухе засверкали банки. Одна из них угодила Карлсону в живот. Карлсон охнул и сел. «Ему сегодня не везет»,— подумал Коля. И еще почему-то подумал, что в этой банке, наверное, сливовый джем... Он размахнулся и бросил сетку на разъяренную гориллу. От сетки полетели клочья, но лапы Буту были заняты, и летающих ящиков можно было временно не опасаться. Кто-то крикнул: «Берем!», и мгновенно образовалась куча мала.

— Трос! — закричал Коля.— Нужен эластичный трос! Эй, кто-нибудь...

Внезапно угол штабеля у него под ногами тронулся с места. Коля упал и повис над ущельем прохода, напрасно пытаясь удержаться за расползающиеся ящики.

Последнее, что он увидел перед тем, как угол обрушился, был человек в белой одежде, который бежал по проходу, размахивая руками. Коля успел подумать, что это, наверное, шеф...

Угол обрушился.

...Коля открыл глаза, сделал попытку пошевелиться.

— Не нужно,— мягко остановил его женский голос.— Вам нельзя.

— Пришел в себя? — осведомился голос мужской.— Ну-ка, покажите мне героя... Счастливо отделались, молодой человек. Что скажете?

Коля увидел над собой знакомое лицо хирурга станции Пшезальского.

— Ян Казимирович,— сказал Коля.— Чувствую себя отлично. Скажите, сколько времени прошло с тех пор, как я... Ну, сами понимаете.

Пшехальский широко улыбнулся.

— Часика эдак четыре. Головка не кружится?

— Нет. Я очень вас прошу, пригласите сюда моего шефа. Мне нужно сообщить ему нечто чрезвычайно важное... Ну, пожалуйста!

— Только недолго... Франсуаза, я думаю, можно позволить, как вы считаете? Фишер, кажется, еще не ушел.

Коля опустил веки. Собственного тела он не чувствовал. Вместо тела ощущалась какая-то гулкая туго скрученная неопределенность... Кружилась голова.

Открыв глаза, Коля увидел бледное лицо шефа.

— Ульрих Иоганнович...— Коля мужественно улыбнулся.— Чувствую себя великолепно. Передайте, пожалуйста, ТР-физикам... лучше самому Калантарову... что Буту транспозитировался из кольцевого туннеля в вакуум-створ. На малой тяге...

У шефа дрогнула нижняя челюсть.

— Это не бред,— сказал Коля.— Буту не сбежал в вакуум-створ. Он не мог... за такое короткое время. Он был транспозитирован!.. На малой тяге!.. Не забудете? — Коля облизал пересохшие губы.— И еще не забудьте сказать... что альфа-пыль... осколки альфа-стекла транспозитируются в мою каюту. На малой тяге... Пусть проверят.

— Гут,— сказал шеф.— Вы скорей выздоравливать!..

— Достаточно,— сказала Франсуаза.— Больше нельзя. Сейчас больной будет спать.

— Я есть старый осел! — жаловался Фишер Франсуазе перед уходом.— Я оставить горилла с этот неопытный мальчик! Бедный мальчик!.. Я себе никогда не простить!

— Извините,— мягко остановила его Франсуаза.— Я должна вернуться к больному. Вы же сами видели, что у него начинается бред.

— О, да, да! Вам надо поспешать. Вы не отправить его этот рейс на «Мираж»? — Фишер просительно заглянул в темные и круглые, как вишни, глаза Франсуазы.

— Нет, он слишком слаб. Возможно даже, что у него сотрясение мозга. Когда к нему можно будет прийти в следующий раз, я дам вам знать. До свидания.

Фишер откланялся. Поправил на перевязи прокушенную горилой руку и побрел в лифтовой тамбур. Сегодня он впервые почувствовал себя старым.

Глава 4

В большом полутемном помещении приятно пахло разогретой смазкой. Синевато светились круглые «окна» экранов, вспыхивали и угасали табло. Стен в зале не было: вместо них вплотную друг к другу стояли приборы — двенадцать стендовых ярусов мудреной аппаратуры. Приборы были даже на потолке. Жужжал, вращая длинную стрелу, и время от времени забавно клацал телескопический подъемник, а на конце стрелы ходила вдоль нижнего яруса кабина для операторов — прямоугольная площадка с пультами посредине, огражденная низкими бортами. За пультом сгорбившись сидел Ильмар — на бритой голове наушники — и что-то жевал, не отрывая лица от нарамника экспонира.

Глеб сбежал по трапу на нижний причал и оглушительно свистнул. Ильмар сбросил наушники, повертел головой. Глеб свистнул еще раз. Деловито клацнув, подъемник развернул стрелу и поднял кабину к причальному борту.

Ильмар рассеянно поздоровался, подождал, пока гость устроится в кресле напротив. Потом выложил перед ним на пульт бутерброд в целлофане, показал глазами на кофейник. Бж-ж-ж-ж, клац-клац...— кабина плавно поехала к нижнему ярусу.

— Томит меня предчувствие еды.— Глеб сорвал с бутерброда обертку. Громко спросил: — Как дела?

— А? — Ильмар приподнял чашечки наушников.

— Меня интригует твой озабоченный вид. Стряслось что-нибудь?

— Стряслось то, что должно было стрястись, когда вы устроили нам графифлаттер. Стряслись пластины дозаторов активной эпиплазмы.

Глеб сочувственно поцокал языком и откусил от бутерброда. Бутерброд был с сыром.

— Один гравитрон закашлялся насмерть,— сообщил Ильмар.— Два других на пределе. А гравитронов, да будет тебе известно, всего двенадцать. Это я так тебе говорю... между прочим.

«Мне все известно,— подумал Глеб.— Между прочим, известно и то, что нам достаточно четырех. Для ТР-перелета в пределах орбиты Сатурна двенадцать совсем не нужны — в конце концов, достаточно трех, если точней подсчитать напряженность эр-поля. А для перелета даже к ближайшей Центавра нам не хватит и трех на десять в двенадцатой степени».

Кабина остановилась. Ильмар снял наушники, ткнул пальцем в желтую кнопку на пульте и посмотрел вниз.

Глеб тоже посмотрел. Где-то там лязгнул металл, но сначала ничего не было видно. Потом в глубине открывшейся шахты вспыхнул синий огонь и осветил звездообразный торец гравитрона.

— Я так и думал,— пробормотал Ильмар.— Из новых...

— Из тех, что прибыли на «Мираже»?

— Те, что прибыли на «Мираже» — эн зэ. Вашему брату ведь ничего не стоит устроить еще один флаттер, верно?

«Нашей сестре», мысленно поправил Глеб. Вчера на калькуляторе работала Квета. По этой причине нужно было менять тромбголовку в блоке локального счета. Сменить, конечно, недолго, но вот когда на калькуляторе работал Захаров... Глеб вздохнул.

— Нам бы ваши проблемы,— сказал он, покачивая в руке пустой кофейник.— Кстати, ты не забыл записать, сколько добавил «Мираж» в прошлый раз к общей массе нашего грешного астероида?

Ильмар пошарил у себя в нагрудных карманах, затем в боковых. С озабоченным видом стал ощупывать брюки — казалось, его костюм состоял из одних карманов. Наконец, в руке гравитроника блеснула небольшая плоская кассета.

— Вот,— сказал Ильмар.— Точность подсчета плюс-минус ноль пять килограмма. Но это вряд ли вам пригодится.

— Почему?

— Связисты мне говорили, что сегодня «Мираж» покинул Меркурий и придет на «Зенит» часа через два.

— Ясно,— сказал Глеб. Повертел кассету и отдал Ильмару.

— Ну, хорошо,— сказал Ильмар.— Как только «Мираж» пришвартуется, я постараюсь успеть подсчитать общую массу и передам результат прямо на ваш калькулятор. Может быть, это поможет избавиться нам от гравифлаттера?

— Может быть,— не совсем уверенно ответил Глеб.— Спасибо. Ну, я пойду... Еще мне нужен декафазовый клайпер. Ну, чего ты на меня уставился?

— Ничего...— Ильмар вздохнул.— Раньше мало кому нужен был клайпер. Пока на калькуляторе работал Захаров... Клайперы справа от кресла. Бери тот, который в футляре.

Помрачневший Глеб перекинул ремень от футляра через плечо.

— Сядь,— сказал Ильмар.— У нас на «Зените» очень глубокие залы. И самый глубокий из них именно этот.

Бж-ж-ж-ж...— кабина поехала к трапу,— клац-клац... Глеб перепрыгнул на причальную площадку.

— Что нового у вас на «чердаке»? — спросил вдогонку Ильмар.

Глеб обернулся и пожал плечами:

— Что у нас может быть нового?.. Настало время хоронить красивую мечту. Но почему-то шеф оттягивает похороны... А так — все нормально!

— Все нормально? — зло удивился Ильмар.— Эх вы!.. А ведь это не ваша мечта. Вернее, не только ваша. Это моя мечта и мечта всех, кто работает на «Зените». Мечта всего человечества. Слышите, вы!.. Человечества!

— Сегодня мы с тобой жевали сыр,— напомнил Глеб.— Не знаю, обратил ли ты внимание на его особенность?

— Гм... В каком это смысле?

— В физическом.

— Ну, сыр как сыр...

— Особенность та, что в сыре есть дырки. Наша мечта — сыр, а результат ее воплощения — дырки. И человечеству — хочешь не хочешь — придется это переварить. И тебе заодно с человечеством.

Глеб взялся за поручень трапа и взбежал по ступенькам.

...Только что он лежал здесь, этот роскошный семицветный карандаш в металлическом корпусе — подарок сокурсника Йорки. Лежал на самом краешке пульта... Облокотившись на пульт, Квета заглянула в шахтный ствол — четырехугольный колодец, выплавленный из черного альфа-стекла на меркурианской базе «Аркад». «Хороший был карандаш»,— подумала Квета. Далеко внизу поблескивали кольца эритронов...

Зашипела пневматика — в дверном проеме показался Глеб с треугольной сумкой клайпера через плечо.

— Доброе утро,— вежливо сказал Квета.

— Салют,— буркнул Глеб не особенно вежливо.

Поставил клайпер у ног, подозрительным взглядом окинул каре приборных панелей. Посвистел. Зеленоватые глаза, казалось, внимательно осматривали все вокруг — но только то, что находилось за пределами какого-то магического круга, центром которого Квета чувствовала себя, испытывая при этом странное неудобство.

— Вы рано сегодня,— сказал он.— Зачем?

— Вчера вы спрашивали то же самое.

— Ах да, приняли утреннее дежурство! Виноват...— Он оглядел черный купол диспетчерской с ярко светящимся кругом в зените и пояснил: — Однообразное существование — однообразные вопросы.

— Ну что вы! — робко улыбнулась Квета.— Здесь интересно. Совсем недавно какой-то мальчишка пытался узнать, не прячу ли я у себя сбежавшую гориллу!

Она мимолетным движением руки поправила над бровями колечки огненно-рыжих волос, покосилась на эмблему «Зенита» на рукаве и вдруг покраснела.

«Девочка,— подумал Глеб.— Восторженный птенец». Глеб с лязгом и грохотом убрал переднюю стенку пульта и заглянул внутрь.

«Но скоро она поймет, как у нас «интересно». Привыкнет смотреть в эту квадратную яму без особых эмоций и считать с достаточной точностью напряженность эр-поля. И сутки, которых всегда слишком много до отпуска...»

Глеб настроил клайперный щуп, присел на корточки перед распахнутым пультом. Клайпер тонко завыл.

«...А на Земле ей будет казаться, что отпуск тянется подозрительно долго. Сначала она будет как-то сопротивляться этому своему ощущению. Но в один из безоблачных полдней, устав разглядывать солнечный диск через очки-светофильтры, она заявится в бюро меркурианской связи в курточке с эмблемой «Зенита» на рукаве и потребует тридцать служебных секунд межпланетки. И ей дадут тридцать секунд. Не потому, что обязаны, а потому, что привыкли оказывать внимание тем, кто с «Зенита». «Мне нужно,— скажет она в микрофоны очень взволнованно,— просто необходимо вернуться досрочно. Я вас прошу!..» Через шесть с половиной минут поступит ответ. Шеф, как всегда, будет краток: «Да, разрешаю», и безразлично добавит для буквоедов из службы Контроля: «В связи с необходимостью». Невероятно скучный перелет Земля — Меркурий, Меркурий — «Зенит», и вот она является на астероид с большим букетом сирени, счастливая, что наконец вернулась. Вернулась на круги своя... Четыре пульта вокруг квадратной ямы, однообразие экспериментов, тоска по далекой Земле, слезы в подушку, огромный шар пылающего Солнца...»

Внезапно клайпер изменил тональность звучания. Глеб быстро сунул руку в недра пульта, нашарил нужный рыд тромб-головок. Квета, следившая за последовательностью ремонтных операций, вдруг спросила:

— Вы знаете, кто будет третий?

— Третий будет лишний,— рассеянно ответил Глеб. Он выдернул испорченную тромб-головку из гнезда, зачем-то потер о рукав и посмотрел прозрачную колбу на свет.— Хотите, я почитаю вам старых поэтов?

— Нет, я серьезно...— Девушка зарделась от смущения.

— Третий будет Ваал. Четвертый, как всегда, Туманов. Если, конечно, «Мираж» прибудет сюда без Калантарова. Что вполне вероятно.

— Давно хотела спросить... Почему Ваал?

— Валерий Алексеенко,— терпеливо пояснил Глеб.— Сокращенно — Ваал. Верно, это он царапается в дверь.

В дверную щель плечом вперед протиснулся Валерий.

— Салют! — весело рявкнул он. В шахтном колодце откликнулось эхо.

— Доброе утро,— поздоровалась Квета.

— Утро!..— Глеб обхватил колени и поднял глаза к потолку.— Пещера, туманное утро, следы на песке, в руках большая дубина из натурального дерева... Когда я слышу земное «доброе утро», во мне просыпается питекантроп.

— Не надо паники,— сказал Валерий.— Быть может, это у тебя пройдет. И без особых последствий.

— Последствия будут.— Глеб выключил клайпер.— Если шеф задержит мне отпуск еще на неделю.

Валерий сочувственно покивал:

— Задержит. Мне предписано покинуть «Зенит» и удалиться в сторону Сатурна. И не делай большие глаза. Через час подойдет «Мираж», шеф не спеша направится к этому пульту и самолично запустит меня в геперпространство... Я пришел вам сказать «до свидания».

— Я не буду делать большие глаза,— возразил Глеб.— Я буду делать большой и, по возможности, громкий скандал. Ты же умный человек, Ваал, ну пойми наконец: в океане научных идей есть идеи бесперспективные. Насколько бесперспективные, что даже молодые дерзкие энтузиасты науки, вроде меня, после энного количества лет бесперспективной научной работы становятся психами. Мне нужен отпуск.

— Всем нужен отпуск. Квета, вам нужен отпуск? Нет? Ничего, скоро понадобится. А что касается нашей идеи...

— Наша идея — это труба. Один конец трубы находится здесь, на «Зените», другой — на орбите Сатурна, где плавает станция с пышным и глупым названием «Дипстар»[1]. Вот, кажется, и все, с чем нас можно поздравить.— Носком ботинка Глеб отшвырнул тромб-головку к стене.

— Насчет трубы я уже слышал,— напомнил Валерий.

— Слышал звон...

— Вот именно.

Валерий сел в кресло и повращался на винтовом сиденье. Похлопал большими ладонями по подлокотникам. Сказал:

— Эн лет назад нам удалось передать на «Дипстар» через гиперпространство белую мышь... Я помню тумак, которым ты меня наградил в припадке восторга. Эн минус два года назад мы передали собаку, макаку и трех шимпанзе. Потом человека...

[1] «Дипстар» — «Звезда глубины» *(англ.)*.

— И ты воспользовался этим, чтобы вернуть мне удар. Удар пришелся по шее.

— Прости, немного не рассчитал...

— Я не злопамятный.

— Но больше всех тогда, по-моему, досталось шефу, его закачали. Качали меня и тебя. Качали всех, кто был на «Зените». Было больно — здесь очень низкие потолки. Н-да... Одного за другим передали еще пятерых.

— На «Зените» уже никого не качали.

— Помнили про потолки.

— Нет,— сказал Глеб.— Просто из наших буйных голов улетучились флюиды восторга. Наступила пора двоевластия. С одной стороны, успехи ТР-передачи и комплекс идей Калантарова — наших идей! С другой — теорема Топаллера. Великолепная и жуткая в ореоле своей беспристрастности.

— Н-да... Топаллер нанес нам крепкий удар. Прямой и точный...

— Прямо в солнечное сплетение нашим замыслам... А Земля ликует вовсю. Ей пока нет никакого дела до Топаллера и его теоремы. «На пыльных тропинках сверхдальних планет... Новая эра! Земля гордится вами, покорители Пространства и Времени!»

— «Ты и я — сто двадцать парсеков, ты и я — времени даль...»

— Вот-вот. А покорители скромно помалкивают. Потому что «сто двадцать парсеков» целиком умещаются в пределах орбиты Сатурна. Можно было, конечно, забросить «Дипстар» за орбиту Плутона еще на эн миллионов километров. А дальше что? Тупик, теорема Топаллера... Те, кто бредил о транспозитации к звездам, успешно и быстро прошли курс лечения, выверяя правильность неуязвимой теоремы. Лишь на Меркурии, на «Зените» и там, на «Дипстаре», осталась кучка маньяков, которым до смерти хочется пробить головой неприступную стену. Она неприступна, эта стена, понимаешь? И мне почему-то становится жаль свою голову.

— Понятно,— произнес Валерий и медленно поднялся.— Согласно Топаллеру... Внимательно слушайте, Квета. Это очень серьезно, мы присутствуем на творческом отчете дезертира.

Опустив голову, Квета что-то выводила пальчиком между клавишами на блестящей поверхности пульта.

— Ваал,— сказал Глеб.— Я нехороший, я дезертир. Но все равно мы бессильны, Ваал,— и ты, и я, и Туманов, и сам Калантаров... Оскорбляя меня, нельзя опровергнуть Топаллера. А иметь возле Солнца ТР-передатчик-приемник и не иметь его там, на далекой звезде, значит... Каждый осел понимает, что это значит. Ну, еще год-другой погоняем ТР-перелетчиков из центра Системы на периферию. В конце концов эта однообразная цирковая программа нам надоест. Мне, например, надоела... вот так! — Глеб провел ребром ладони под подбородком.

— «Здравствуйте, дни, голубые, осенние...»— задумчиво продекламировал Валерий.— Ну, мне пора. Вместо меня будет Гога.

Валерий столкнулся с Гогой в дверях. Гога взвыл и запрыгал на одной ноге к ближайшему креслу.

— Ваал,— сказал он, снимая ботинок,— при ноль восьми земного тяготения, ты ничего не потерял. В смысле живого веса... Кто мне подскажет, как называется этот расплющенный палец?

— Указательный,— подсказал Глеб.

— Ваал, ты отдавил мне указательный палец на левой ноге.

Валерий выглянул из коридора:

— Ладно, старик, будешь иметь компенсацию.

— Банку салаки. Пряный посол. Знает, шельмец, мою постыдную слабость.

— Идея. А вам что достать, задумчивая Квета? Не стесняйтесь, у меня в снабженческой среде широкие связи.

— Спасибо, ничего...— сказала Квета. И, вспыхнув, тихо добавила: — Подскажите, пожалуйста, шефу, что один человек на «Зените» очень нуждается в отпуске.

— Гм...— произнес Валерий. Убрал голову, и створки дверей с шипением захлопнулись.

Гога не произнес ни слова. Он пристально взглянул на Глеба — гораздо пристальнее, чем обычно,— и сунул ногу в ботинок. Глеб почувствовал потребность срочно провалиться сквозь астероид.

«Плохи мои дела,— думал он.— Очень плохи, если даже это хрупкое существо с ботаническим именем начинает проявлять опасную инициативу...»

— Говорят, одна из горилл сбежала в вакуум-створ,— сказал Гога, чтобы чем-то заполнить неловкую паузу.— Говорят, есть человеческие жертвы... Туманов не заглядывал?

— Туманов не будет,— угрюмо ответил Глеб.

— Ты что... серьезно?

— Вполне. В нашем секторе эклиптики сохранится сухая, жаркая погода. Протонный ветер, слабый до умеренного. Глубокий вакуум... Гога, Ваал обозвал меня дезертиром...

— Ваал напрасно не скажет.

— Ты уверен?

— И ты, мой друг, тоже. Ваал в какой-то мере прав.

Глеб на минуту задумался.

— В какой? Это важно.

— В той мере, которая определяет дезертирство если не в кинетическом смысле...

— ...То уж во всяком случае в потенциальном,— закончил Глеб.— Ясно, можешь не продолжать.

— А я особого энтузиазма и не испытывал.

— Ну и напрасно. Ведь разговор не только обо мне. Я давно

пытаюсь понять; чего мы ждем? Чуда? Его не будет. Ведь все элементарно просто. Эр-поле функционально связано с массой ТР-передатчика. Пока мы ведем ТР-передачу на «Дипстар», нас вполне устраивает масса нашего астероида. Но замахнись мы хотя бы на альфу Центавра, нам понадобится иметь в своем распоряжении приятную общую массу шестидесяти таких планет, как Юпитер! Или иметь возле альфа Центавра ТР-приемник типа «Дипстар». Мы не имеем ни того, ни другого. Понимание этого называется дезертирством.

— Чего ты хочешь от меня? — Гога заерзал в кресле.

— Ничего особенного... Через несколько минут мы проведем еще один эксперимент. Мы будем сидеть за пультами — по одному с каждой из четырех сторон против Калантарова. Как за столом дипломатических переговоров. Мы будем смотреть на приборы и подавать команды, нажимая кнопки и клавиши... Так вот, мне хотелось бы знать, крепка ли вера участников этого таинства в то, что наша работа приблизит звездный час человечества...— Глеб показал половину мизинца,— хоть на полстолько.

Гога тяжело и шумно вздохнул.

— Квета,— сказал он,— объясните этому субъекту, что наука имеет свои негативные стороны. Что науку нельзя принимать за карнавальное шествие по случаю праздника урожая.

— Какие мы все у-умные! — покачав головой, сказала Квета. Ее голос звучал в незнакомой тональности.— Слушаю вас и удивляюсь, как успешно вы стараетесь не понимать друг друга! Ведь разговор, по существу, идет о переоценке результатов многолетней работы. Самоанализ — это хорошо, это психологически оправданно. А самобичевание — плохо, потому что больно и унизительно, стыдно... Простите, если я сказала что-нибудь не так.

— Так, Квета, так. Здравствуйте! Прошу простить за опоздание, меня задержала связь с «Миражом».— Изящный Туманов, пощелкивая пальцами (за ним водилась эта странная привычка), приблизился к пульту.

Он всегда был изящным, от самой макушки до мягких ботинок из кожи полинезийских коралловых змей — очень красивых ботинок и очень редких в космической практике.

— Турнир идей? — спросил он Глеба и Гогу, глядевших в разные стороны.— Или контрольная дуэль эмоций?

— Кир,— сказал Глеб,— пожалуйста, не делай вид, будто тебе интересно.

Туманов пропустил пожелание Глеба мимо ушей. Он стоял, опираясь руками о пульт, в позе пловца, который раздумывает, стоит ли прыгать в холодную воду. Эта его озабоченность насторожила остальных. Глеб и Гога переглянулись. Квета подумала про карандаш. Карандаш, конечно, не собьет настройку эритронов, однако...

В чем заключается это «однако», она не успела сообразить, потому что Туманов неожиданно спросил:

— Какое сегодня число?

Гога скороговоркой назвал день недели, число, месяц, год. Немного поколебавшись, добавил название эры.

— Коллеги! — Туманов солидно откашлялся.— Этот день войдет в анналы истории.

— Слышу торжественный шелест знамен,— доверительно сообщил Гога.

Глеб тяжело смотрел Туманову в затылок. Молчал.

Туманов щелкнул пальцами и резко повернулся на каблуках:

— В общем, так: будем готовить ТР-передатчик к работе. Шеф решился отправить в гиперпространство двух ТР-летчиков, методом параллельно-сдвоенной транспозиции. Первый в истории групповой ТР-перелет...

— Шутишь!..— выдохнул Гога.

— Сегодня нам не до шуток, коллеги.

«Сон в руку,— подумал Глеб.— Туманов прав, сегодня будет не до шуток. Бедные гравитроны, бедный Ильмар, несчастная Квета, разнесчастный тромб-стиггерный блок. Великий космос, до чего же все надоело!..»

Из коридора послышалось дребезжание зуммера. Это сигнал службы вакуум-створа: к астероиду причалил «Мираж».

— Калантаров,— подняв брови, сказал Гога.

— И сопровождающие его лица,— добавил Глеб.

— Угум... А известно, кто второй ТР-летчик?

— Известно,— ответил Туманов.— Второй ТР-летчик — Астра Ротанова.

Глеб наклонился, чтобы взять на плечо клайпер. Но так и не взял. Медленно выпрямился.

Глава 5

Работали сосредоточенно, молча. Готовить станцию к ТР-передаче молчаливо, без суеты почиталось правилом хорошего тона.

Переключая клавиши с бесстрастием автомата, Глеб незаметно поглядывал на внимательные лица товарищей. Ему было уже безразлично то, что он делал, но работал он, как и прежде, точнее и быстрее других.

У Кветы и Гоги сначала что-то не ладилось, однако вмешался Туманов, и все вдруг наладилось. В глубине шахты по-шмелиному густо и нудно зажужжали эритроны. Глеб машинально отстучал на клавишах программу стабилизации, не поворачивая головы, покосился на экраны экспресс-информаторов, откинулся в кресле.

Восемь минут, пока прогреваются эритроны, он со спокойной совестью мог разглядывать потолок. Или дверь. В эту дверь скоро войдет Астра.

Вместе с Астрой появится и надолго останется здесь сладковатый запах белой акации. Астра войдет и уйдет, а сладковатый незабываемый запах останется. И непонятная боль...

Если уж честно во всем разобраться, никаких таких сложностей между ними и не было. Не было пылких признаний и сентиментально-космических клятв. Только однажды был берег лагуны теплого моря, широкой темной лагуны, полной отраженных звезд. Вниз и вверх — звездная бесконечность.

— О, далеко как до них!..

Он ответил, что далеко. Что трудно даже представить, как далеко. Но сделаем ближе. Сделаем — рукой подать. Ну, вот как здесь, зачерпнул пригоршней — и готово. Миры на ладонях.

— Верю, Глебушка, верю. Слышишь, как кто-то жалобно воет там, за дюнами? Слышишь?..

— Это какой-нибудь зверь. Потерял след на охоте.

— Красиво здесь... Будто бы на краю звездной пропасти. Темно, красиво и жутко.

— Я рядом. А то, что жутко, где-то в песках, далеко...

Да, верно, тогда он был рядом. И казалось, так будет всегда, но это только казалось... Дважды она появлялась на станции и дарила ему (как, впрочем, и всем остальным) шершавую колкую ветку акации — мелкие листья и пышные гроздья белых пахучих цветов. И говорила много о звездах. Миры на ладонях. А он молчал. Потому что до звезд по-прежнему было еще далеко.

Когда она улетала с «Зенита» на «Дипстар», он чувствовал странное облегчение. А потом опять начинал ее ждать. Работал до полного изнеможения и отчаянно ждал. Ожидание тянулось месяцами, потому что ТР-перелет на «Дипстар» — девять секунд, а на обратный рейс фотонно-ракетной тягой уходили недели и месяцы (создавать обратный ТР-передатчик на «Дипстаре» не было особой необходимости). Потом для нее, а значит, и для него, все начиналось сначала: «Зенит» — «Дипстар» — Диона — Земля — Меркурий — «Зенит» — ветка белой акации. Карусель! И он ничего не мог с этим поделать. Остается одно: жалобно взвыть. Это финал потерявшего след на звездной охоте...

— Глеб Константинович Неделин,— негромко позвал Туманов.— Я прошу вас очнуться, коллега, и посмотреть, что происходит на вверенном вам участке эр-позитации.

Глуб улыбнулся — так сначала всем показалось. Но вот он поднял голову, и сразу стала понятной разница между улыбкой и судорогой лица. Рванувшись из кресла, он вскинул кулак над хрупкой клавиатурой...

Зашипел дверной механизм — дверные створки уехали в стены.

Глеб медленно разжал кулак и, пошатываясь — будто с тяжелого сна, повернулся к пульту спиной. Встретил глаза цвета раннего зимнего утра, покорно принял ветку белой акации, поцелуй и упрек, смысла которого не уловил. Подошел незнакомец с аккуратненькой черной бородкой, сказал: «Казура. Можете называть меня просто Федотом»,— и протянул руку. У незнакомца — молодое белое лицо. Одет он был в черный парадный костюм, словно минуту назад покинул зал заседаний парламента. Вошли Калантаров и Дюринг — глава медицинского сектора базы «Аркад», известный среди ТР-физиков под негласным прозвищем Фортепиано, вернулся Валерий. В диспетчерской стало шумно и тесно. Кто-то с кем-то знакомился, Дюринг острил. Валерий помалкивал, Калантаров рассеянно слушал рапорт Туманова, Астра и Квета оживленно о чем-то беседовали с чернобородым. Чернобородый сиял и смущался. Глеб медленно приходил в себя.

— Вот, собственно, и все...— закончил Туманов, раздумывая, не пропустил ли он чего-нибудь существенного. Пощелкал пальцами.— Результаты, кроме сегодняшних, разумеется, задокументированы, приведены в порядок по халифмановской системе. Вы сможете ознакомиться с ними в зале большой кинотеки.

— Спасибо, я посмотрю,— сказал Калантаров.— Сами-то вы смотрели?

— Мы провели сравнительный анализ двенадцати последних эр-позитаций...

— Превосходно! Каков результат?

— Я говорю об эффекте Неделина,— пояснил Туманов.

— Я понял.

— За последний месяц работы эр-эффект стал проявлять себя... э-э... несколько чаще. Однако найти причину перерасхода энергии на малой тяге мы пока не смогли.

— Только на малой? — быстро спросил Калантаров.

— Да. На стартовой тяге все было в норме и никаких спорадических...

— Ну, хорошо,— вздохнул Калантаров.— Вернемся к обсуждению эффекта. Продолжайте, слушаю вас.

— Я не совсем понимаю.— Туманов развел руками.— Если вас интересуют причины перерасхода энергии...

— Нет, дорогой мой Кирилл Всеволодович,— мягко остановил его Калантаров.— Идеи ваши меня интересуют. Мысли, гипотезы, предположения... все, что угодно, вплоть до фантастики. А?

— Ну...— Туманов пожал плечами,— я запросил бы «Дипстар». На малой тяге, дескать, подозрительный эффект...

— Сделано. Дипстаровцы в недоумении. Передают Неделину восторженные поздравления. Дальше?

— Шеф, это очень важно?

— Да.

— Но почему?

Калантаров помедлил с ответом.

— Потому что геносе Топаллер прав,— тихо сказал он.— К сожалению... Но ближе к делу. Первый наивный вопрос: можно ли объяснить перерасход энергии на целый порядок — на целый порядок! — за счет неточности фокусировки эр-поля?

Туманов слегка растерялся, но быстро взял себя в руки.

— Нет,— сказал он.— При переходе на стартовую тягу такая ошибка привела бы к печальным последствиям. Впрочем, вы это знаете лучше меня.

— Второй наивный вопрос, каков характер возникновения эффекта?

— Спорадический.

— Ситуация занятная, не правда ли? — В глазах Калантарова появилась гипнотизирующая задумчивость.— После многих лет работы с ТР-установкой вдруг ни с того ни с сего открываем новый эффект. И платим за это рекордным перерасходом энергии. Но с облегчением узнаем, что этот эффект проявляет себя только на малой тяге. Да и то не всегда. Так сказать, спорадически. То он есть, то его нет. И ни техника, ни операторы в этом не виноваты. Эффектом пренебрегают, потому что он не мешает стартовой тяге. И еще главным образом потому, что никто не может найти причину его появления. Но разве можно что-нибудь найти не думая?

— Одна из особенностей гиперпространства,— высказал предположение Туманов.

— К примеру?

— Ну... назовем эту особенность «вязкостью».

— Не было ни гроша, да вдруг алтын. Сколько лет работаем с гиперпространством, а вот его «вязкость» только сейчас пришлось помянуть... Вы верите в чудеса? Нет? Я тоже. Думайте, коллега, думайте.

Туманов молчал. Калантаров зорко оглядел присутствующих и направился к Гоге.

Гога словно бы нехотя привстал и вяло ответил на приветствие.

— Ты нездоров? — спросил Калантаров.

— Взгляните сами.— Гога показал язык.

— Я не специалист, меня вполне устроила бы более популярная форма ответа.

— Минуту назад мсье Дюринг осмотрел эту деталь моего ротового отверстия и весьма остроумно заметил, что молодцы, подобные мне, в прошлом предпочитали службу в лейб-гвардии. Что такое лейб-гвардия, шеф?

— Кажется, род опереточных войск. Ты не в духе сегодня?

— Нет, у меня все нормально...— Гога показал глазами на Глеба: — А вот ему плохо. Очень плохо, шеф...

Глеб уловил, что разговор о нем, бросил ветку акации в кресло и, упрятав кулаки в карманы, побрел к выходу. На лице Калантарова проступило выражение озабоченности.

Астра внезапно утратила к беседе всякий интерес. Чернобородый Казура подобную перемену не мог не заметить и, как это иногда случается с застенчивыми людьми, обиделся и перестал смущаться. Квета слушала его с возрастающим удивлением и симпатией. Федот Казура был действительно великолепен и поражал воображение. Гога чувствовал себя несчастным.

Калантаров подошел к Туманову и тихо сказал:

— Давайте сверим часы... Совпадает? Ровно через час проведете эр-позитацию на малой тяге. Я, вероятно, буду отсутствовать.

Глава 6

Кольцевой туннель вокруг диспетчерской был довольно просторен и хорошо освещен, а там, где он соприкасался с куполом диспетчерской, по бесконечному кольцу тянулась черная стена из литого альфа-стекла. Это черное зеркало придавало туннелю странное своеобразие, которым даже пользовались, но каждый по-своему. Гога, бывало надолго останавливался у стены, глубокомысленно разглядывая собственное отражение, слегка растянутое по горизонтали. Ваал любил, раскинув руки, прижаться затылком к скользкой поверхности и шлепать ладонями. Калантаров, когда проходил вдоль туннеля, то и дело касался пальцем стены, будто смахивал несуществующего пыль, а потом этот палец долго разглядывал. Похоже вела себя Квета, с той только разницей, что пальцем она выводила узоры. Туманов, казалось, этой стены совершенно не замечал. Однако, забывшись, иногда выстукивал стену костяшками кулака, как заправский кладоискатель. Но лучше всех знал эту стену Глеб. Она обладала многими любопытными свойствами: она загадочно опалесцировала радужными овалами, если вприпрыжку бежать вдоль туннеля; тихонько звенела, если прижаться к ее поверхности ухом; возвращала дрожащее эхо, если как следует стукнуть в нее кулаком. А главное, она помогала думать... Когда у них что-то не ладилось, то, прежде чем разбрестись по каютам, по залам счетных машин, кинотек и салонов, они, бывало, часами ходили, стояли, сидели вдоль черной стены и думали. И всегда у кого-нибудь возникала Идея!.. Идеям, казалось, не будет конца, как нет конца у кольцевого туннеля.

И вот все кончилось. Круг завершен...

Глеб, как слепой, едва не налетел на Дюринга, обошел его и, не оглядываясь, побрел вдоль туннеля.

— Одну минуту, молодой человек,— мягко окликнул Дюринг.— Можно?

Глеб задержался, с неудовольствием окинул толстяка вопросительным взглядом.

— Вы мне нужны буквально на одну минуту,— сказал Дюринг.— Если это вас не затруднит.— Его румяное лицо излучало доброжелательность.

— А подите вы...— прошипел Глеб.

— Не надо,— приятно улыбаясь, сказал Дюринг.

Он поднял руку и чуть пошевелил короткими пальцами. Глеб невольно смотрел, привлеченный странной жестикуляцией.

— Забавно, не правда ли? — спросил Дюринг.— Кажется, будто пальцев больше пяти.

— Да...— Глеб замер.— Как вы это делаете?

— Очень просто. Вот смотрите еще... И еще... Это очень полезно, мозг отдыхает. Чем больше вы смотрите, тем глубже мозг отдыхает... Ну вот, а теперь нужно немного расслабиться... Та-ак... Мышцы тоже должны отдыхать. Мышцы горла и рук можно расслабить совсем... Хорошо. Дышится свободнее, правда? Глубже, глубже дышите... та-ак... а живот можно слегка подтянуть. Полный вдох, свободный выдох... раз и два, раз и два, в таком вот ритме... Великолепно. Теперь я буду очень медленно и осторожно касаться вас пальцами, а вы представьте себе, что там, где я касаюсь, ощущается слабый укол... Ничего, сначала это немного трудно, потом появится опыт... Вот видите, это даже приятно. Здесь... Здесь... И здесь... Ну и, пожалуй, достаточно.

Глеб открыл глаза.

— Я спал? — спросил он.

— Не думаю.— У Дюринга было измученное, мокрое от пота лицо.— Как самочувствие?

— Не знаю...— Глеб подвигал плечами.— Наверное, все в порядке.

— Плохо ощущаете пластику мышц? Это ненадолго, пройдет.— Врач выхватил из кармана салфетку, промокнул лицо.— Сделайте несколько легких гимнастических движений. Любых, какие вам больше нравятся. Та-ак... Теперь хорошо?

— Хорошо,— ответил Глеб.— Легко и приятно... Будто гора с плеч. Как вам это удается?

— Я ведь не спрашиваю, как вы за десять секунд ухитряетесь... фюить... на орбиту Сатурна!

Глеб рассмеялся:

— Понятно!.. Гипностатический психомассаж?

— Я рад, что ваше самочувствие улучшилось.— Дюринг вежливо улыбался.

— Но все равно мне нужен отпуск,— сказал Глеб.

— Море?

— Да, в частности — море. Земля.

— Понимаю. Запахи леса, ветры, шорох листвы...

— Нет. Берег тихой лагуны и много песка. Безлюдье и дюны. И чтобы теплая звездная ночь...

— И жалобный вой за этими дюнами.

Глеб вздрогнул.

— Да... Или звуки фортепиано.

— В миноре,— добавил Дюринг, засовывая салфетку в карман.— Между прочим, меня наградили прозвищем Фортепиано только за это...— Он поднял руку и шевельнул пальцами. Глебу снова показалось, будто пальцев больше пяти.

— Вы обиделись?

— Ну что вы, как можно! И потом, в отношении прозвищ я убежденный фаталист.— Дюринг заторопился: — Приятно было побеседовать. К сожалению, мне пора.

— Спасибо...— пробормотал Глеб. Он посмотрел Дюрингу вслед. И увидел шефа.

Калантаров посторонился, пропуская Дюринга, внимательно взглянул на Глеба и тихо спросил:

— Как дела, оператор?

— Дела как у бабушки, шеф. Которая села в экспресс-вертолет, да не тот.

Шеф растерянно поморгал. Нервически дернул щекой и медленно пошел навстречу:

— Притчами заговорил, мальчишка...

Глеб устало сказал:

— Шеф, давайте в открытую?

— Давно пора! То, что ты разобрался в теоретических выкладках Топаллера, весьма похвально. А вот то, что ты раскис по этому поводу...

— Нет, шеф, не по этому. Дело в другом. Я теряю веру в вашу гениальность.

— Гм... Ты отстал от жизни на тридцать веков. Ибо чуть позже мир изобрел для себя отличную заповедь: не создавай кумира.

Глеб покачал головой:

— Моим кумиром были не вы, простите. Моим кумиром были идеи, которые вы умели выращивать в наших преданных вам головах. А после трех-четырех уравнений Топаллера вы растерялись.

— Очень заметно?

— Не надо, шеф. Ведь мы договорились в открытую.

Калантаров задумался.

— Ладно,— сказал он.— Какие у тебя ко мне претензии?

— Претензии?.. Да никаких. Просто я хотел вам напомнить, что с некоторых пор вы отдаете предпочтение Меркурию.

— Чушь. Меркурианские базы располагают более мощной вычислительной техникой, только и всего.

— Топаллер неуязвим. И никакая техника здесь не поможет.

— Ну хорошо.— Калантаров вздохнул.— Давай закончим этот разговор на языке тебе и мне любезной ТР-физики... Что такое гиперпространство?

— Я не знаю, что такое гиперпространство. И вы не знаете.

— И Топаллер не знает. Вся его теория построена на результатах наших экспериментов.

— Да? А я до сих пор полагал, что это надежный фундамент.

— В пределах Солнечной Системы — конечно.

— Гиперпространственные свойства Вселенной представлялись мне одинаковыми во всех ее точках. Впрочем, это второй постулат теории Калантарова. Вашей теории, шеф. Скажите откровенно, что вы собираетесь делать?

— Работать. Разве не ясно?

— Ясно. Но как?

— Головой, разумеется.

«Ему зачем-то очень нужно вывести меня из равновесия»,— подумал Глеб. Спросил:

— Что имеете вы предложить нам в качестве выхода из теперешней ситуации?

— Есть предложение закругляться.

— То есть... как закругляться?

— Согласно Топаллеру.— Калантаров пожал плечами.— Других возможностей его теорема просто не предусматривает. Сегодня мы проведем последний ТР-запуск по программе «Сатурн». Впрочем, этот запуск правильнее будет понимать как демонстрирование наших достижений — ведь ничего принципиально нового мы от него не ожидаем. Один человек или два — какая разница?

— Понятно...— Глеб похолодел.— Так этот, с бородкой...

— Да. Представитель техбюро. Уполномочен дать официальный отзыв об эксплуатационных качествах нашей установки. И, надо ожидать, недельки через две сюда нагрянет армия экспертов и проектантов. Первую установку типа «Зенит» — правда, повышенной мощности — предполагают строить на Луне. А затем... Я точно не помню намеченной очередности строительства, но, кажется, в таком порядке: Марс, Нереида, Титания, Феба, Плутон, Диона и Ганимед. Тем самым, видимо, будет подписан смертный приговор ракетным кораблям. Не всем, наверное, но дальнорейсовым трампам и лайнерам непременно...

— Простите, шеф! — перебил Глеб.— Миллион извинений, но я не спрашивал вас о перспективах транспортного перевооружения Системы. Я, грешным делом, спрашивал вас о перспективах нашей с вами дальнейшей работы.

— Сначала нам предстоит поработать в качестве консультантов,— деловито стал объяснять Калантаров.— Ну и затем, с пуском новых ТР-установок, естественно, возникает острая нужда в специалистах нашего профиля. Транспозитация грузов и...

Калантаров умолк. Продолжать не было смысла. То, чего он намеренно добивался, свершилось: зеленоватые глаза лучшего оператора экспериментальной станции «Зенит» помутнели от бешенства.

— Вот что...— задыхаясь, произнес Глеб.— Я пришел сюда работать ради звезд. И мне, в конце концов, наплевать, кто там будет у вас транспозитировать грузы!.. Кстати, кто сейчас командир «Миража»? Мсье Антуан-Рене Бессон? Я полагаю, мой бывший шеф не забудет дать Антуану-Рене соответствующие распоряжения. В связи с моим намерением покинуть «Зенит». Орэвуар!

Отчаянно взмахнув рукой, Глеб зашагал вдоль туннеля.

— Что ж, дело твое,— сказал ему вслед Калантаров. И вдруг, словно вспомнив о чем-то, воскликнул: — Да, кстати!..

Глеб медленно остановился — к шефу вполоборота. Спросил:

— Ну?

— Понимаешь ли...— Калантаров взглянул на часы.— Твой знаменитый эр-эффект кажется мне весьма любопытным. И, пока не поздно, хотелось бы выяснить, что по этому поводу думает сам открыватель эффекта — Глеб Неделин. Если, конечно, он думал.

— Думал,— глухо ответил Глеб.

— И каков результат?

— Потрясающий. Но вряд ли покажется вам интересным.

— К примеру?

— Стала сниться всякая белиберда. К примеру: безлюдный «Зенит», монополярные выверты. Часы такие... с гирями, стрелками и кукушками.

— Гм, действительно...

Помолчали. Калантаров еще раз взглянул на часы и сказал:

— На Меркурии я в основном занимался твоим эр-эффектом. Точнее, эр-феноменом — впредь так и будем его называть.

Глеб понимающе кивнул:

— Странное явление, верно? Три очень заметные полосы размыва пульсации поля... А затем, будто бы эхо,— девять более узких полос. Трижды аукнется, трижды откликнется. Пока аукается и откликается, куда-то лавинообразно уходит энергия, словно в бездонную пропасть. В результате я получаю пинок от начальства и репутацию скверного оператора. Знать бы, за что?

— Страдалец,— посочувствовал Калантаров.— Ты искал причину перерасхода энергии только поэтому?

— Нет, скорее из спортивного интереса. Таким уж, простите, мама меня родила. До неприличия любопытным.

Калантаров приблизился к Глебу и взял его под руку.

— Нетерпелив ты до неприличия, вот что...— Он оглядел потолок: — Где-то здесь должны быть вентиляционные отверстия.

— Это немного дальше. Но там сквозняк.

— Ничего,— возразил Калантаров, увлекая Глеба за собой,— нам вовсе не мешает проветриться.

Идти куда-то принимать воздушные ванны — такой потребности Глеб вовсе не ощущал, но сопротивляться было бы еще глупее. Тем более что Калантаров явно спешил и вид имел весьма озабоченный.

Глава 7

Они шли по кольцу вдоль туннеля, и Калантаров на ходу внимательно разглядывал стены, пол, потолок, будто впервые все это видел.

— Вот,— сказал Глеб,— здесь находится одна из вентиляционных дыр. Две другие...

— Нет-нет,— перебил Калантаров.— Именно эта. Лифтовой люк мы миновали, а впереди — вход в информаторий... Все правильно.

— И что же дальше? — осведомился Глеб.

— Проведем вертикаль от вентиляционной решетки до подножия стены.— Калантаров присел, ткнул пальцем туда, где кончалась воображаемая вертикаль.— Отсюда нужно отмерить ровно три метра влево.

Глеб, не вынимая рук из карманов, отмерил три шага в указанном направлении.

— Готово,— сказал он.— Мой шаг точно равен метру, это проверено. Где заступ?

— Какой еще заступ? — не понял шеф.

— Которым копать. Во всех приключенческих книжках клады копают именно заступом. Вот, к примеру, клад знаменитого Кидда...

— Любопытно,— сказал Калантаров.— Но Кидд подождет. Место, на котором ты стоишь, отметь чем-нибудь.

Глеб вынул из кармана носовой платок и бросил под ноги. Калантаров поднялся и отряхнул ладони.

— Шеф,— сказал Глеб.— Я понимаю, у вас сегодня игривое настроение. Однако при чем здесь я?

— Да, при чем здесь ты? Вернее, при чем здесь твой эр-феномен — вот в чем вопрос...

Глеб насторожился:

— А несколько популярнее можно?

Калантаров, казалось, не слышал. Он завороженно смотрел на

черную альфа-защитную стену. Потом провел по ней пальцем и стал изучать этот палец с большим интересом.

Глеб тоже посмотрел на стену. Стена как стена. Впрочем... Здесь она выглядела менее блестящей, чем по соседству,— в обе стороны своего продолжения. Словно бы глянцевая поверхность слегка запотела. «Ток увлажненного воздуха от вентиляции? — подумал Глеб.— Но тогда почему стена запотела не против решетки, почему далеко в стороне?..» По примеру шефа, Глеб провел по стене пальцем. На пальце остался налет черного порошка.

— Понял? — спросил Калантаров.

— Понял. Процесс шелушения... Удивительное дело!

— М-да...— Шеф помолчал.— Но самое удивительное... Ну ладно, время у нас еще есть, и теперь ты можешь мне рассказать о кладах злополучного Кидда.

— Нет, не ладно! — Глеб побледнел.— Вы забыли мне объяснить, зачем вам то и дело нужно было поминать мой эр-феномен?

— Ах, да!.. Сущая безделица. Я не был уверен, что это мое объяснение разбудит в тебе любопытство.

Глеб сжал зубы до боли в скулах и тяжело задышал через нос.

— Вот так-то лучше,— сурово сказал Калантаров,— когда без этих штучек типа «орэвуар!» и прочих аксессуаров воинствующего малодушия. Говорят, дурной пример заразителен, но это смотря чей пример и смотря для кого. Да, Халифман ушел. Он ушел потому, что почувствовал слабость в коленках, и я его не обвиняю. Он понял, что сделал для ТР-физики все, что мог, и честно ушел, потому что знал, что больше ничего сделать не сможет. Это было еще до Топаллера. Я не буду слишком удивлен, если по той той же причине, но после Топаллера, уйдет Туманов. Он перестал волноваться и думать, а это значит — перестал понимать. Ушел Захаров — его я тоже не обвиняю. Во-первых, он стар, во-вторых, он свою миссию выполнил — добился реализации ТР-перелетов в пределах Солнечной Системы. А на звезды ему было всегда наплевать... Да, после Топаллера поредели наши ряды на «Аркаде», «Зените», «Дипстаре», в институте Пространства. Ушли в основном те, кто не был подготовлен для ТР-физики по-настоящему. Но посмотри, кто остался, не говоря уже о нашей группе! Шубин остался, Майкл Нейдл, Сикорский, Крамер, Бютуар! Ядро, вокруг которого постепенно соберется зубастая молодежь. Зело труден орешек межзвездной транспозитации, и для его счастливого разгрызания нужно будет много и оригинально шевелить мозгами. Такая перспектива тебя устраивает?

— От работы я никогда не отказывался,— хмуро напомнил Глеб.— Я полон нетерпения оригинально шевелить мозгами. Может, сразу начнем? Проведем ученый совет, представителя техбюро вышвырнем из диспетчерской и, помолясь на созвездие Кассиопеи, начнем исторический штурм Вселенной?

— Ты опоздал,— возразил Калантаров.

— В каком это смысле?..

— В смысле молитвы. Поскольку штурм ты уже начал. И даже раньше меня. Начал в тот день, когда впервые задумался над причинами появления эр-феномена.

Глеб тревожно задумался над сообщением шефа.

— Ладно,— сказал он. Вскинул руки над головой: — Вам удалось загнать меня в угол, сдаюсь!.. Я давно заподозрил, что эр-феномен — явление гораздо более сложного порядка, чем принято было считать. И прежде всего меня насторожил его спорадизм. Признаюсь: в поисках причины перерасхода энергии на малой тяге я составил занятное уравнение. Правда, пользы от него было столько же, сколько от зайца перьев,— просто математический опус...

— Неправда,— сказал Калантаров.— Понятие о линзовидных уплотнениях эр-поля за пределами альфа-экранного контура не есть математический опус. Это физический смысл твоего уравнения. Дальше?

— Что «дальше»?! — зло удивился Глеб.— Я уже поднял руки перед вашей проницательностью, что вам еще нужно?

— Перья от зайца,— спокойно ответил шеф. И вдруг, багровея на глазах собеседника, захрипел, потрясая кулаками: — М-мальчишка! Щенок! Сумел найти уравнение поля с-самостоятельно, но ухитрился ничего не понять! Он, видите ли, работает здесь ради великой идеи межзвездной транспозитации! Он ходит, видите ли, руки в брюки, рычит на каждого встречного и упрямо не желает замечать, что ключи от хранилища этой идеи давным-давно звенят у него в кармане! Самонадеянно полагает, что мне зачем-то понадобилось загонять его в угол!..

Глеб смотрел на Калантарова с настороженным любопытством.

Шеф взял себя в руки, довольно быстро успокоился.

— Посмотри, что получается! Я на Меркурии, ты на «Зените» независимо друг от друга рождаем некую общую мысль и облекаем ее в математическую формулу. Я узнаю об этом минуту назад и то совершенно случайно. Математический, видите ли, опус! Уравнение показало, что перерасход энергии может быть объяснен за счет появления линзы эр-уплотнения за пределами альфа-экрана. Одна линза? Или?..

— Или количество, кратное трем.

— Верно. Даже это тебе удалось... Эх ты, заячий хвост. Ты заложил руки в карманы и прошел мимо открытия. А все почему? Потому что — согласно теории Калантарова — эр-поле не может возникнуть вне условий альфа-экранировки. Калантаров, понимаете ли, когда-то сказал!.. Да, когда-то я об этом говорил. Говорил, основываясь на результатах первых экспериментов. Теперь же мы наблюдаем нечто другое...

— Простите,— перебил Глеб.— Маленькая поправка: пока мы ничего не наблюдаем.

Калантаров взял Глеба за руку, выбрал его указательный палец, провел по стене и молча сунул испачканный палец под нос.

— Ну и что? — спросил Глеб, задумчиво разглядывая черный порошок и словно бы что-то припоминая.

— А то, что я не постеснялся вычислить возможные координаты этой самой гипотической линзы эр-уплотнения. Потом взял подробную схему планировки верхнего яруса станции и нашел, что сей «математический опус» должен находиться в трех метрах от вентиляционного отверстия, которое возле входа в информаторий.

— Черная пыль!.. — пробормотал Глеб. И вдруг оживился: — Шеф, вчера ко мне подходил какой-то букварь... кажется, кто-то из лаборантов биологического сектора, и что-то звонко чирикал про черную пыль...

— Кто-то и что-то...— Калантаров поморщился.— Конкретнее можно?

— Да, вспомнил! Это тот самый букварь, у которого сегодня сбежала горилла. Они там одели гориллу в скафандр, но им никто не сказал, что триста девятый эпсилон-шесть отменяется. Горилла сбежала и, говорят, слегка порезвилась, кажется, в вакуум-створе или на продовольственных складах.

— Странно. Никто мне не докладывал...

— Боялись пробудить администраторский гнев. Или оставили на десерт. Но дело не в этом... Черная пыль якобы появлялась в каюте после эр-позитации на малой тяге.

— В каюте этого... м-м... букваря? На малой тяге?

— Вот именно! Поэтому я пропустил его сообщение мимо ушей. Ведь в прошлую ночь автоматы гоняли ТР-установку на малой тяге.

— Это, пожалуй, самое любопытное... Надо будет сегодня же поговорить с... м-м... лаборантом.

— Может, прямо сейчас?

— Одну минуту! — Калантаров взглянул на часы.— Я дал Туманову указание провести цикл эр-позитации на малой тяге. Сейчас будет пуск — понаблюдаем визуально... Потом разделаемся с транспозитацией Алексеенко и Ротановой на «Дипстар», проводим восвояси представителя техбюро и немедленно займемся разработкой методики новых экспериментов.

— Предстоит порядочная возня...— Глеб вздохнул, прикидывая, сколько времени уйдет на монтаж регистраторов и прочей контрольной аппаратуры вокруг этого участка туннеля и в каюте чудака-лаборанта, если, конечно, легенда про черную пыль подтвердится.

Неприятно завыла сирена. Шеф показал на сцену и крикнул:

— Я наблюдаю за ней, а ты — вокруг и в общем. Понял?

Неожиданно потемнело. Глеб почти ничего не успел заметить: в одно мгновение вокруг образовалось что-то вроде темного сфероида, изрезанного по меридианам узкими полосами света. Появилось странное ощущение, будто свероид медленно и тяжело поворачивается вокруг невидимой оси и будто сквозь тело прошла волна раскаленного воздуха...

Толчка не было. Вернее, не было такого мягкого толчка, какой ожидался. Было нечто, очень похожее на оплеуху. Затем — молниеносное исчезновение сфероида и... ощущение падения. Падать, благо, было невысоко, но, как и при всяком падении, больно. Глеб испытал двойной удар — снизу и сверху. Он крякнул, перевернулся на бок и сел. Рядом крякнул и сел Калантаров.

— Ушиблись? — спросил кто-то участливым голосом.

Глеб осмотрелся, дико вращая глазами, и сначала ничего не понял. Он находился в огромном зале, похожем на зал третьей секции вакуум-створа... Да, это был вакуум-створ. Вне всяких сомнений. Настоящий вакуум-створ с его погрузочно-разгрузочными механизмами и широкими потернами, распахнутыми на причальную площадку. По ту сторону потерн ярко светились трюмы космического корабля — сквозь гул, металлический лязг, жужжание, звонки доносились команды: «Мираж», пятый трюм, подавайте контейнер!» — «Сурия, подключили насос?.. Хорошо. Начинайте слив малого танка!» Глеб ошалело встряхнул головой.

— В себя приходит, бедняга...— сказал участливый голос.— И чего это к нам вдруг повалили? Утром как снег на голову сюда свалилась мартышка ростом с нашего Карлсона, теперь вот двое человекообразных пожаловали. Хи-хи...

— Помолчи,— оборвал его бас.— Это же сам Калантаров и один из физиков, которые на «чердаке»... Может, они эксперимент проводят, понял? А ты — «хи-хи». Соображать же надо!

— Да я разве против? — оправдывался первый голос.— Пусть себе проводят. Только зачем в нашей секции проводить? Карлсону вот ящиком в глаз залимонили, одного мальчонку из биологов чуть не сгубили. После ихних экспериментов в продовольственных складах нужно воскресники организовывать. Вот тут и начинаешь соображать.

Глеб переглянулся с Калантаровым. Физиономия шефа действительно выглядела очень забавно. Раньше Глеб никогда не видел его таким растерянным, изумленным, испуганным и смущенным одновременно.

— Эй, вам нужна наша помощь?

— Где разговаривают? — спросил Калантаров, озираясь по сторонам.

— Там,— кивнул Глеб,— наверху... На мостике дистанционного управления.

Он поднял глаза. С мостика, опасно перегнувшись через поручни, смотрели трое. Двоих Глеб узнал: старшего диспетчера Горелова и техника Карлсона, у которого правый глаз едва виднелся между нашлепками биомидного пластыря, занимавшими четверть лица.

— Почему вы молчите? — спросил Карлсон.— Вам нужна наша помощь?

— Нет,— отозвался Глеб, потирая ушибленный локоть.— Мы отдыхаем. Было бы кстати, если бы кто-нибудь принес шахматы.

— Потрясающе!..— произнес шеф.— Микродистанционный ТР-перелет!

— Нам просто повезло,— мрачно заметил Глеб.— Будь эта микродистанция чуточку подлиннее, нам с вами пришлось бы обмениваться впечатлениями в открытом пространстве. Бр-р-р... Причем вам повезло дважды. Вы очень удачно финишировали на моей спине. Как самочувствие? Серьезных ушибов нет?

Калантаров поднялся на ноги, крякнул, потер бедро.

— Порядок,— сказал он, странно улыбаясь.— Между прочим, я впервые побывал в гиперпространстве...

— Между прочим, я тоже,— сказал Глеб.— И знаете ли, меня это как-то не восхитило.

Он вскочил. Проверяя ноги, сделал несколько приседаний. Пощупал грудь, плечи и спину, решил, что с такими ушибами жить еще можно, крикнул наверх:

— Эй там, на мостике! Покажите нам место, где шлепнулась обезьяна.

— Примерно тут же,— пробасил Горелов.

— Нет! — спохватился Карлсон.— Я видел! Гораздо левее! — Он быстро спустился с мостика и показал где.

Глеб измерил расстояние шагами. Разница была солидная: между точками первого ТР-финиша и второго он насчитал пять с половиной шагов.

— Ну вот,— сказал он Калантарову.— Неплохо было бы выпить лимонного сока, но в продовольственный склад нас теперь, конечно, не пустят. Из соображений предосторожности. Скверно... Я и не знал, что гиперпространство так неприятно сушит во рту.

Со стороны могло показаться, будто бы Калантаров внимательно слушает собеседника.

— Нас ждут в диспетчерской,— тихо напомнил Глеб.

— М-да,— пробормотал Калантаров. Взглянув на часы, поднял брови, повертел головой: — М-м... всегда забываю, где тут выход на лифт.

Путь наверх проделали молча. Глеб усталости не чувствовал, но разговаривать не хотелось. Сама по себе транспозитация не произвела на него особого впечатления, и он не совсем понимал наивную взволнованность Калантарова: на физиономии сего ученого

мужа, ранее являвшего собой образец солидности и хладнокровия, легко можно было прочесть плохо скрытую ошеломленность. В другое время это позабавило бы Глеба, но сейчас он подумал об Астре, и сразу же возникло тягостное ощущение неуверенности, если не сказать — досады. Обстоятельства требуют как можно быстрее разделаться с ТР-запуском, который нужен только для «просто Федота», и вот — поди ж ты! — среди ТР-летчиков оказалась именно Астра... Ни встретиться, ни поговорить нормально не сумели. Все вышло как-то глупо и бестолково.

У входа в кольцевой туннель шеф обрел наконец свою обычную самоуверенность.

— Как настроение, оператор? — спросил он, останавливая Глеба за рукав.— Конечно, сегодняшний ТР-запуск — это своего рода формальность, однако нужно, чтоб все без сучка и задоринки, с минимальным расходом энергии. Для представителя техбюро расход энергии — особая статья, и с этим надо считаться. Многое зависит от тебя.

— Я бы сказал, что многое еще зависит от эр-эффекта.

— На стартовой тяге эффект не наблюдался ни разу.

Глеб усмехнулся. Аргумент шефа был явно слабоват, хотя какие-нибудь полчаса назад показался бы Глебу решающим.

— Мы имеем дело со спорадической эр-позитацией,— напомнил Глеб.— Нужно ли...

— Нет,— перебил Калантаров.— Просто нужна рабочая гипотеза абсолютно нового направления. Направления, которого не коснулся Топаллер.

«Странно,— с удивлением подумал Глеб.— Либо шеф считает меня скудоумным, либо не доверяет самому себе. Или то и другое вместе. Нет, решительно, мы перестали понимать друг друга с полуслова!..»

— Согласен. Что за гипотезу предлагаете вы?

— Выбор невелик,— уклончиво ответил Калантаров.— Ну, скажем, все чудеса можно было бы объяснить вязкостью гиперпространства — правда, с великой натяжкой. Или, скажем, математическим опусом...

— ...Или тем, что где-то в глубинах Галактики работает чужая ТР-установка.

Калантаров медленно поднял на собеседника изучающий взгляд.

— Я сказал это, чтобы доставить вам удовольствие,— устало пояснил Глеб.— Могу добавить, что о ТР-установке внеземного происхождения я догадался несколько раньше. Но это была неимоверно фантастическая мысль, и к ней надо было привыкнуть. Однако кувырок в вакуум-створ убедил меня окончательно. Я понял, что это — попытка межзвездного ТР-перехвата. Я даже понял, почему перехват не удался.

— Почему? — спросил Калантаров.

— Недостаток энергетической мощности и очень размытая фокусировка чужого эр-поля.

— Видимо, так...— Калантаров вздохнул, озабоченно пошевелил губами.— Кстати, тебя по-прежнему одолевает искушение слетать на Землю? Я имею в виду отпуск, который давно тебе обещал.

— Который давно мне положен.— Глеб тоже вздохнул.— Ну какой теперь отпуск? Меня одолевает искушение заняться наконец стóящим делом. Я имею в виду межзвездную транспозитацию.

— Тс-с-с!..— Калантаров предупреждающе поднял палец.— Пока это только наша гипотеза.

— Вот как? — удивился Глеб.— Снимите брюки и взгляните на синяки, которые оставила эта гипотеза на ваших начальственных бедрах.

В кольцевом туннеле было по-прежнему светло, пустынно и тихо. Глеб поймал себя на том, что невольно вслушивается в эту тишину и что теперь она ему кажется тягостной и тревожной... Калантаров молчал и тоже будто прислушивался. После сегодняшних событий даже легкий шорох шагов воспринимался как нечто кощунственное. Горячка первых минут удивления миновала, и теперь значительность этих событий предстала перед Глебом и Калантаровым, что называется, во весь свой головокружительный рост...

Не сговариваясь, они прошли мимо двери диспетчерской, чтобы снова увидеть тот самый участок туннеля, откуда так неожиданно провалились сквозь гиперпространство в вакуум-створ. Хотя понимали, что ничего нового там не увидят наверняка.

Но странное дело: как только выяснилось, что ничего нового на этом месте действительно нет, каждый из них какое-то время старательно прятал глаза. Чтобы не выдавать своего разочарования. Постояли, разглядывая стены и потолок.

— По-моему, здесь чувствуется запах озона...— не совсем уверенно произнес Калантаров.— Ты не находишь?

Глеб несколько раз втянул воздух носом.

— Не нахожу. Вам, наверное, показалось. И потом, здесь был бы гораздо уместнее запах серы.

— С какой это стати? — рассеянно осведомился шеф.

— По свидетельству средневековых очевидцев, все известные в те времена случаи транспозитации непременно сопровождались появлением запаха серы.

Со стороны цетрального входа послышались шаги. Шагало несколько человек, и Глеб уже знал, кто именно, хотя людей еще не было видно за выпуклым поворотом черной стены.

Первым вышел Валерий. В вакуумном скафандре. Потом показалась Астра, тоже в скафандре. Шествие замыкали Дюринг и Ференц Ирчик, старт-инженер группы запуска.

Валерий молча обменялся с Калантаровым и Глебом прощальным рукопожатием. Остановился перед люком и, салютуя, четким движением вскинул руку над шлемом ладонью вверх. Медленно опустил прозрачное забрало. Рыцарь космоса к поединку с гиперпространством готов.

Калантаров обнял Астру за твердые плечи скафандра: «Счастливой транспозитации!» Встретив просительный взгляд Глеба, согласно кивнул.

— Только недолго,— сказал он. И, не оглядываясь, зашагал вдоль туннеля в диспетчерскую.

Глеб взял Астру за плечи, заглянул в шлем. Торопливо вспорхнули ресницы, и большие глаза цвета раннего зимнего утра стали доверчиво-робкими. Безмолвный и мягкий упрек: «Ты показался мне странным сегодня».

Быстрый, но тоже безмолвный ответ: «Я виноват, прости. И не будем больше об этом».

«Не будем... Я понимаю».

«Я благодарен тебе. Ты всегда меня понимала. Жаль, что ты улетаешь...»

«Я тебя очень люблю!»

«...Ты так далеко от меня улетаешь!»

— Может быть, скоро все переменится,— сказал он.— Мы нащупали новое направление, которого не предвидел Топаллер. И может быть, скоро я буду ждать твоего возвращения со звезд.

— Миры на ладонях?..— тихо спросила она.— Я и не думала, что это будет так... по-человечески обыкновенно.

— Пока это еще никак. Это всего лишь надежда. Хрупкая, многообещающая, как и твое имя, Астра. Звезда... Я очень хочу, чтобы эта звезда была для меня счастливой.

— Будет,— просто сказала она.— До свидания, Глебушка!.. Ждут меня, понимаешь!

У открытого люка молчаливым изваянием застыл ТР-летчик в скафандре. Старт-инженер многозначительно поглядывал на часы. Дюринг кивал головой, улыбался, всем своим видом давая понять, что все идет отлично, все так, как надо, и даже лучше, чем можно было предполагать.

— Понимаю,— сказал Глеб.— До свидания. Счастливой транспозитации.

Глава 8

Участники предстоящего эксперимента были в сборе, и внешне все выглядело благополучно. Каре приборных панелей вокруг квадратного колодца шахты, привычное жужжание эритронов, огни на

пультах. Калантаров стоял, склонившись над пультом управления, остальные сидели. Квета — рядом с Тумановым, Гога — напротив, чернобородый Казура как-то очень ненужно и одиноко сидел в стороне, тщетно пытаясь изобразить на лице вежливое равнодушие. Глеб занял свое место за пультом, бегло окинул товарищей взглядом и сразу понял: что-то произошло. Калантаров был слегка раздосадован, Туманов выглядел пристыженным и разозленным, Квета — смущенной, Гога — задумчиво-настороженным. Федот Казура ерзал в кресле, изнемогая от любопытства.

— Внимание! — тихо сказал Калантаров.— На случай гравифлаттера всем пристегнуть привязные ремни.

Зашевелились, пристегивая ремни. «Начальство раздражено»,— подумал Глеб, перебирая в уме возможные неприятности.

— Туманов и Брайнова открыли на малой тяге новый эффект,— не поднимая головы, проворчал Калантаров.— Занятный эффект. В начале цикла они наблюдали три четырехлучевые звезды, под конец — несколько больше. Сколько именно, никто из них не удосужился полюбопытствовать.

Глеб молчал. Было ясно, что сообщение шефа адресовано ему, однако он молчал, не спуская с Калантарова глаз, потому что не имел ни малейшего понятия, о чем идет речь.

— И никакого перерасхода энергии,— добавил шеф.

— Эр-позитацию мы провели в режиме триста пятого эксперимента,— хмуро вставил Туманов.— А в триста пятом, мне помнится, перерасхода не было.

— Да, но не было и никакого эр-эффекта,— напомнил шеф.— Сегодня есть эффект, но нет перерасхода.— Насмешливо, зло посмотрел на Туманова.— Ощущаете разницу?

Туманов не ответил. Разговор не доставлял ему удовольствия — это было заметно.

— По-моему, звезд было девять,— неожиданно сообщил Гога.— Зрительная память у меня хорошая. Сначала три, потом девять.

— Это по-твоему,— сказал Калантаров.— Впрочем, я не теряю веру в счастливые времена, когда мы все же научимся смотреть на вещи и явления глазами ученых. Внимание! Всем приготовиться!

Калантаров выпрямился, оглядел присутствующих.

— Итак,— сказал он,— эксперимент триста девятый эпсилон-восемь по программе «Сатурн». Приступаем к выполнению параллельно-сдвоенной транспозитации. ТР-передачу проводим в режиме триста пятого эпсилон-шесть. Вопросы есть?

— Есть! — встрепенулся Казура.— Скажите, это очень рискованно? Я имею в виду... э-э... для ТР-летчиков.

— Я понял. Да, в какой-то степени рискованно.

— Я полагал, что получу подробный инструктаж,— кисло произнес Казура.— На случай непредвиденных осложнений.

— Весь наш инструктаж состоит из одного-единственного пункта,— сказал Глеб.— Дышите глубже и старайтесь не прозевать чего-нибудь интересного.

— Еще вопросы?

Молчание.

— Вопросов нет, всем все ясно.— Калантаров пощелкал клавишами связи.— Дежурный, прошу связь с диспетчером энергетического обеспечения.

— Диспетчер системы энергетического обеспечения Воронин,— громко ответили скрытые в пультах тонфоны.— Здравствуй, Борис. У нас все готово, пять СЭСКов нацелены на «Зенит», ожидаем сигнал.

— Здравствуй, Владимир. Все остальные СЭСКи и Центральную энергостанцию Меркурия заявляю в резерв на ближайшие полчаса.

Воронин выдержал паузу. Осторожно спросил:

— Я не ослышался?

— Нет. Центральную и одиннадцать СЭСКов в резерв. Понял?

— Понял. Если я лишу энергии меркурианских потребителей на полчаса... Знаешь, что мне за это будет? Базы, рудники, космодромы, вакуум-станции!..

— На время экспериментов серии эпсилон-восемь ты просто обязан обеспечить требуемый резерв. Кстати, сейчас отчаливает «Мираж», и вы уж там постарайтесь не угодить в него энерголучами. У меня все. Дежурный, прошу связь с командной рубкой «Миража».

— Командир космического трампа «Мираж» Антуан-Рене Бессон. Слушаю, шеф.

— Кораблю старт.

— Вас понял. Кораблю старт.

Задребезжал зуммер. Где-то внизу, в вакуум-створе, сработала автоматика, захлопнулись люки, тяжелые гермощиты перекрыли доступ в потерны; цилиндрическое тело корабля дрогнуло и сначала медленно, потом все быстрей и быстрей стало отваливать от причальной площадки, осветив теневую сторону астероида стартовыми огнями и пламенем маневровочных дюз.

— Антуан,— позвал Калантаров,— дай нам, пожалуйста, видеопанораму «Зенита».

Круглый светильник под куполом диспетчерской померк, на фоне черных стен проступило стереоизображение астероида. Это была слегка удлиненная, неправильной формы космическая глыба, облицованная сверкающими в солнечных лучах плитами жаростойкой стеклокерамики. Глыба медленно отплывала и, по мере исполнения маневра «Миражом», плавно поворачивалась к наблюдателям «дневной» поверхностью. Освещенные желоба причальных площадок скрылись за линией горизонта, и в какой-то момент астероид стал очень похож на ограненный кубок, грубо сработанный из тяже-

лого обломка горного хрусталя. Над астероидом взошло непривычного вида созвездие крупных звезд. Это было созвездие космических энергостанций системы СЭСК.

Калантаров тронул клавиши дистанционного управления — сверкающая поверхность астероида покрылась черными бородавками энергоприемников.

— Достаточно, Антуан, спасибо,— сказал Калантаров.

Вспыхнул свет, изображение угасло. Шеф постоял, изучая узоры пультовых огоньков, кивнул операторам: — Включайте сигнал общего действия.

На этажах станции завыла сирена. От СЭСКов протянулись к «Зениту» светящиеся в пространстве следы энергетических трасс, станция наполнилась гудением энергонакопителей. Вспыхнули титры световых команд, защелкали датчики времени, гравитронные шахты бесшумно переливали в ожелезненные недра астероида море искусственной тяжести — инженеры, диспетчеры и операторы групп ТР-запуска готовились к первому циклу транспозитации. Далеко внизу, на самом дне последнего яруса, застыли на когертонах ТР-летчики в полужестких скафандрах. А где-то возле Сатурна десятки глаз сотрудников станции «Дипстар» напряженно следили, как на шкалах квантовых синхротаймеров истекают последние секунды перед включением приемной установки. В вакуум-створах «Дипстара» ждали стартового сигнала космические катера.

— Ротанова, Алексеенко, доложите готовность,— распорядился шеф.

Голос Астры: «Готова».

Голос Валерия: «Готов».

— Внимание! — предупредил Калантаров.— Малая тяга. Пуск!

Глеб взял первый аккорд на клавиатуре пульта. Жужжание эритронов перешло в гораздо более высокий звуковой диапазон. Мягкий толчок. В межпультовом пространстве шахты вспух похожий на пленку мыльного пузыря мениск оптический реконверсии эр-поля. На поверхности «пузыря» проступило крупное, четкое, несколько деформированное по законам сферической геометрии изображение карандаша в металлическом корпусе с надписью «Радуга». Брови Калантарова взлетели вверх. Туманов взглядом дал Квете понять, что объясняться не собирается.

— Это я виновата,— торопливо призналась Квета.— Был толчок, и карандаш скатился...

Калантаров остановил ее жестом,— на поверхности мениска, накладываясь на изображение карандаша, возникали и угасали четырехлучевые белые звезды. Одна за другой. Через равные промежутки времени. Звезд было три.

Глеб ошеломленно засмотрелся на звезды и пропустил момент включения противофазовых успокоителей. Поверхность мениска

заколебалась от судорожных биений, напряженность поля стремительно возрастала. У Глеба взмокла спина. Он брал аккорд за аккордом, пытаясь стабилизировать положение, и это ему удалось... Однако серия резких толчков выдала его операторский промах.

Снова явились белые звезды. Одна за другой, через равные промежутки времени. Звезд было девять... «Тройка в квадрате!» — подумал Глеб.

Кроме Казуры, все были заняты в этот момент, и обмен мнениями, естественно, откладывался. На устрашающе высокой ноте звенели эритроны, вразноголосицу трещали цикадами зуммеры стартовых служб. Два коротких гудка — сигнал зарождения мощного импульса преобразования энергии, начало большого цикла. Возросла искусственная тяжесть, и прежде всего эту возросшую тяжесть уловили руки операторов — стало труднее работать на пультах.

Туманов, Квета и Гога ассистировали сегодня на редкость согласованно, Глеб обобщал усилия операторов, создавая сложную, но жизнеспособную, точную схему эр-позитации на основе заданного режима. Наконец последний аккорд — ТР-запуск по созданной схеме проконтролируют автоматы. Глеб откинулся в кресле, опустил свинцово-тяжелые руки на подлокотники.

Он почти физически ощущал, как под давлением стихии космических сил, разбуженных в камере транспозитации, неотвратимо прогибается пространство... Там, в этой камере, довольно быстро возникает нечто, называемое для удобства «гиперпространственным туннелем». Трудновообразимое нечто, сокрытое для непосредственного восприятия абстрактной формой громоздких математических уравнений... Но все идет так, как надо, все идет хорошо. Если, конечно, не слишком тревожить себя феноменом белых звезд и смутным, нехорошим предчувствием. Скорее бы последняя команда: «Пуск!»

— Я прав,— нарушил молчание Гога.— Звезд было девять.

— Три, потом девять,— добавил Глеб.— Поздравляю. Мы открыли способ гиперпространственной видеосвязи.

— Тройка в квадрате...— пробормотал Туманов.— Это сигнал. И если это сигнал не с «Дипстара», я отказываюсь понимать...

— Нет,— сказал Глеб,— это сигнал не с «Дипстара». Это скорее...

Глеб встретился глазами с Калантаровым, умолк. Нехорошее предчувствие мгновенно уступило место ясному ощущению чего-то непоправимого. У шефа было незнакомое и страшноватое лицо, глаза ввалились, подбородок окаменел. Огни индикаторов пульта освещали это лицо быстропеременными волнами оранжевого и пронзительно-голубого сияния.

— Это не видеосвязь,— жестко сказал Калантаров.— Вернее, не только видеосвязь. Это единственно мыслимый способ сверхдальней фокусировки эр-поля. И понял я это слишком поздно...

Он опустился в кресло.

— Если бы мог, я отменил бы транспозитацию.

Глеб подался вперед и замер, задержанный привязными ремнями.

— Почему нельзя отменить транспозитацию? — спросил Казура.

— Потому что высвободившаяся внутри защитного контура энергия превратит астероид в металлическую пыль,— пристально глядя на Калантарова, пояснил Гога. Он тоже почуял неладное.

Однако из шестерых присутствующих лишь Калантаров и Глеб были встревожены по-настоящему. Волны голубого огня захлестывали оранжевое сияние, звуковые сигнализаторы синхротаймеров отсчитывали последние секунды большого цикла. Калантаров и Глеб с непонятным для остальных напряжением ожидали момента включения стартовой тяги. Смотрели друг другу в глаза и, оцепенев от страха за людей, стоящих в камере на когертонах, ждали развязки. И ничего не могли изменить. «Неужели ничего нельзя придумать, шеф?!» Калантаров опустил глаза. «Нет, конечно. Три ТР-установки — «Зенит», «Дипстар» и чужая — работают в одном режиме. И всему виной карандаш, упущенный Кветой в блок эритронов. Вернее, его изображение, которым быстро воспользовались чужаки для точной фокусировки эр-поля. Слишком точной, судя по четкости изображения ответного сигнала — белых звезд!..»

Глеб лихорадочно перебирал в уме возможные последствия ТР-запуска. Очень мешала уверенность в том, что шеф вот так же лихорадочно пытается найти какой-то выход. И не находит... И, может быть, не найдет. Из шестерых сейчас только двое могли попытаться найти какой-нибудь выход. Впрочем, из пятерых — Казура не в счет. Коллектив сужается и расширяется, шеф, коллектив пульсирует. Сейчас наш коллектив в состоянии коллапса. Я и вы, вы и я — всего двое, и на нас вся надежда. Думайте, шеф, думайте!..

— Принимаем вызов,— сказал Калантаров.— Иного выхода нет. Пуск!

Иного выхода нет... Перед глазами возникло видение: монополярно вывернутый Клаус. Глеб взял аккорд, высвобождая энергию для стартовой тяги. Завыла сирена.

Голубые огни индикаторов пульта дрогнули и стали постепенно угасать, уступая место оранжевым. До боли в пальцах Глеб вцепился в подлокотники кресла. Всю жизнь мечтать о звездной транспозитации, и теперь, когда судьба мимоходом небрежно швыряет в руки эту фантастическую возможность, цепенеть от ужаса, бессильно ожидая катастрофы! Миры на ладонях...

Чудовищный толчок. Светильник под куполом съежился и угас, и словно раздвинулись в куполе вертикальные узкие заслонки, брызнув в затемненную диспетчерскую мертвенно-голубоватым светом.

Глеб машинально поправил сползшие привязные ремни. Бледно светящийся мениск пульсировал. На первый взгляд пульсация была нормальной. Щелкали синхротаймеры, эритронов не было слышно — их надоедливый звон нормально сместился в диапазон ультразвуковых частот. Оранжевое пламя индикаторов тускнело. Через девять-десять секунд все будет ясно...

— Пять. Шесть. Семь! — четко скандировал Гога.— Восемь. Девять! Десять! Одиннадцать...

Над командным пультом в голубоватых сумерках выросла фигура Калантарова.

— Внимание, Воронин! Первая очередь энергорезерва... Пуск!

«Есть первая очередь!» — доложили тонфоны.

Ярко вспыхнуло оранжевое озерцо, осветив Калантарова снизу. «Борьба! — сообразил Глеб.— Схватка в гиперпространстве! Не дать захлебнуться стартовой тяге!» Глеб яростно подергал кисти дрожащих рук, наложил пальцы на клавиатуру.

— Пульсация возрастает,— бесстрастным голосом предупредил Туманов.— Выше нормы на две и четыре десятых.

Не дожидаясь команды, Глеб торопливо взял аккорд. Зашевелились фигуры операторов, окруженные странно искрящимися голубоватыми ореолами. Фигура Казуры оставалась недвижной и, словно в награду за это, была украшена двойным ореолом.

— Внимание! — резко сказал Калантаров.— Вторая очередь... Пуск!

Сильный толчок. Станция затрепетала от первого до последнего яруса, пронизанная мощными волнами гравифлаттера. Вверх-вниз, вверх-вниз, как на качелях. Глеб стиснул зубы. Взлет, невесомость, падение — кружится голова... Хуже всех приходилось шефу — он не успел пристегнуться ремнями и теперь, уцепившись за кресло, выделывал довольно сложные акробатические номера. Если сломаются подлокотники... Нет, кажется, все обошлось. Молодцы гравитроники — справились!

«Качели» замерли. Взъерошенный шеф снова стал к пульту, переключил командные клавиши.

— Пульсация в пределах нормы,— доложил Туманов.

— Пошла вторая минута стартовой тяги! — сдавленным голосом сообщил Гога.

— Напряженность эр-поля ослабевает, шеф,— сказал Глеб.— Я с трудом удерживаю фокусировку.

— Держать! Воронин, внимание! Дашь мне третью очередь по команде.

— Если выдержат ваши энергоприемники,— возразили тонфоны.— Вы берете на себя всю мощность меркурианской энергосистемы.

Калантаров сел, торопливо застегнул ремни. Слишком суетливо

он это делал, рывками, и Глеб понимал ее состояние. Они встретились взглядами, Калантаров сказал:

— Энергетики правы, я не знаю, как это будет. Но люди в гиперпространстве. Надо удержать фокусировку. Вся надежда на тебя.— Шеф согнутым пальцем надавил кнопку связи.— Воронин, внимание! Третья очередь. Пуск!

Мощный толчок и что-то похожее на отдаленный гул. В неуловимо краткий миг верх и низ поменялись местами — судорожно взмахнув руками, Глеб повис на ремнях над слабо светящейся чашей опрокинутого купола. Затем стремительный переворот — свинцовая тяжесть на плечи, и все вдруг поехало в сторону; ремни рывками врезались в тело, ослабевали, снова врезались, было больно и жутко — станцию трепала вторая волна тяжелого гравифлаттера. «Конец гравитронам!..» — подумал Глеб и, на секунду зажмурив глаза, заставил себя воспротивиться головокружению и попытался сосредоточиться. Вселенная сузилась до размеров пультовой клавиатуры, каждый клавиш — звездный рукав Галактики.

Это была тяжелая скоростная работа где-то на грани меркнущего сознания, работа в условиях, когда неистовая пляска гравитации в любое мгновение могла свести к нулю все усилия оператора. Цифры на пультовых табло то замирали, то начинали мелькать, сливаясь в запутанные серые клубки, и только быстрота реакции Глеба в сочетании с его даром интуитивно предугадывать все капризы эр-позитации помогла удерживать ТР-передатчик в стабильном режиме.

Внезапно в шахтном колодце раздался громкий хлопок. Показатели мощности стартовой тяги взлетели до величин невероятных и небывалых в практике прошлых экспериментов! Гравифлаттер прекратился, но Глеб не сразу это заметил. Зато он сразу заметил странную эволюцию мениска: призрачная «пленка» высоко вздулась большим продолговатым пузырем, осветила купол голубоватой зарницей и быстро пошла на спад. В последний момент перед исчезновением мениска Глеб увидел беспомощно запрокинутую голову обвисшего на ремнях шефа. И еще он успел увидеть, что за пультами работали двое — Туманов и Квета, а Гоги почему-то не было. Не было и Казуры. Потом Глеб уже ничего не видел, огромная тяжесть вдавила его в амортизаторы кресла, перед глазами вспыхнули зеленые круги. «Пошла энергия! — мелькнула мысль.— Вся пошла, без остатка, лавиной — последний импульс... выстрел в неизвестно куда...»

Тяжесть внезапно исчезла. Страшной силы толчок — вернее, страшной и неожиданной силы удар! Шахтный колодец откликнулся гулом... Нет, это даже не выстрел — это мощный энергетический залп.

Гул смолк, и наступила тишина. Было слышно, как в пультовом

чреве разбилось что-то стеклянное. Глеб несколько секунд сидел с закрытыми глазами, ошеломленный тишиной и замирающим звоном осколков. Под куполом медленно наливался желтоватым сиянием круглый светильник. Кто-то плакал навзрыд. Глеб зашевелился, отстегивая ремни. В кресле напротив отстегивал ремни шеф.

Глеб для разминки дошел до Гогиного кресла, потрогал порванные ремни. Огляделся в поисках самого Гоги и только теперь обратил внимание, что все остальные звуки в диспетчерской заглушает неистовый плач. Плакала Квета. Рыдала по-детски откровенно, в полный голос, лицо в ладони, плечи и огненно-рыжая голова сильно вздрагивали. Туманов сидел неподвижно с совершенно белым лицом и смотрел почему-то на Глеба. Глеб постоял, не зная, что предпринять, и увидел, что лежит Гога. Гога шевельнул ногой, и это было хорошим признаком. Потом Глеб увидел Казуру. Вернее, увидел руки и ноги Казуры, торчащие в разные стороны из-под поверженного кресла. Представитель техбюро пребывал в состоянии пугающей неподвижности...

Опираясь на локти, Гога сделал попытку привстать и, привалившись к стене плечами и затылком, замер. Глеб подошел и протянул ему руку. Гога, не шевелясь, спокойно смотрел на товарища.

— Ты что?..— насторожился Глеб.— Не можешь подняться?

— Сначала его,— посоветовал Гога, кивнув на Казуру.

Ремни, которыми был пристегнут Казура, оказались прочнее замковых петель, крепивших его персональное кресло к пятачку, отведенному для наблюдений. Казуре повезло. Благодаря амортизаторам спинки, сиденья и подлокотников, представитель техбюро грохнулся в стену с комфортом, какой только можно было ему предоставить в подобных условиях.

Убедившись, что представитель был лишь слегка оглушен, Глеб помог ему встать на ноги и возвратился к Гоге.

— Нет,— сказал Гога,— оставь меня здесь. Понимаешь... кажется, я сломал ногу.

— Кажется? Или сломал?

— Врачи разберутся. Транспозитация удалась?

Глеб промолчал.

— Зачем она плачет?

— Нервы, должно быть.

— А... Ну это ничего. Для разрядки... И вообще, шел бы ты к шефу. Я потерплю.

— Потерпишь?..— усомнился Глеб.

— Конечно. Иди, иди!

Туманов сбросил с себя привязные ремни, встал и, сутулясь, молча побрел к выходу.

— Кирилл Всеволодович! — окликнул Калантаров.

Никакого внимания.

— Кир! — крикнул Глеб.

Туманов не обернулся. Глеб смотрел ему вслед, пока не захлопнулись створки двери. Казура все еще стоял там, где поставили, и ошалело разглядывал полуоторванный рукав своего парадного пиджака. Шеф с треском переключил командные клавиши. Квета рыдала.

— Расстегните ее кто-нибудь! — поморщился шеф.

Поскольку «кем-нибудь» здесь был сейчас только Глеб, он и поспешил выполнить распоряжение шефа.

Квета перестала плакать — судорожно всхлипывала, растирая мокрые от слез пальцы. Глеб машинально поискал в кармане носовой платок, не нашел и, бросив взгляд на приборные табло, медленно опустился в кресло Туманова...

— Воронин, как слышишь меня? — вполголоса спросил Калантаров.

— Связь появилась,— с облегчением произнеели тонфоны.— Ну, как вы там? Я уже беспокоиться начал. Шубин тебя вызывал, тоже страшно обеспокоен.

— Соболезнования потом. Энергоприемники уцелели?

— Энергоприемники? Да у вас жаростойкая облицовка оплавилась! Понял?! Астероид вышибло на другую орбиту! Вы транспозитировали столько энергии, что мы уже потеряли веру в благополучный исход!..

— Понял. У меня все. Передай Шубину, пусть подождет. Связь временно прекращаю.

Калантаров подошел к Глебу, опустил руку ему на плечо, уставился на колонки цифр, застывших в окошечках пультовых табло. Он еще на что-то надеется, понял Глеб. Ну что ж, шеф, смотрите. Смотрите внимательно и крепче держитесь за мое плечо — это вам сейчас, наверное, пригодится...

Рука Калантарова вздрогнула.

— Дефект массы — сто десять килограммов,— сказал Глеб. И вяло удивился собственному спокойствию.

— Значит, Ротанова?..

— Да. Это ее масса... В скафандре, конечно. Валерий, судя по всему, прошел на «Дипстар» без осложнений.

Приблизился Казура. Поддергивая сползающий рукав, спросил:

— Летчики живы?

— Дифференциация массы,— рассеянно ответил Калантаров. Отстранив Казуру, обогнул угол пультового каре, сел в свое кресло, быстро нажал нужные клавиши: — Дежурный, соедините меня с диспетчером дальней связи Меркурия.

— Вы можете ответить, что случилось? — спросил Казура.

— Случилась межзвездная транспозитация,— устало ответил Глеб.— Неполная, правда, потому что общая масса Ротановой

и Алексеенко локально дифференцировалась в гиперпространстве. Другими словами, Валерий финишировал на «Дипстаре», Астра... неизвестно где.

Забыв про рукав, Казура ошеломленно переводил глаза с Глеба на Калантарова. Глеб увидел, что Квета уже хлопочет возле Гоги, негромко спросил:

— Хотите помочь?

— Конечно,— оживился Казура.— Что я должен сделать?

— У нас раненый. Предупредите врачей.

Казура бросился к выходу.

— Диспетчер дальней Меркурия,— сообщили тонфоны.

— Передача на «Дипстар»,— сказал Калантаров.— Срочно: станцию немедленно задействовать на ТР-прием в режиме триста пятого эпсилон-шесть. Осуществлять непрерывное дежурство наблюдателей впредь до особого распоряжения. Возможный сигнал начала ТР-передачи — четырехлучевые белые звезды. Три, интервал, девять. Учитывая вероятность появления энергетического импульса высокой мощности, принять все возможные меры по безопасности. Калантаров. У меня все.

Шеф откинулся в кресле. Он предпочел бы сейчас побыть в одиночестве, однако нужно было что-то ответить на вопрошающий взгляд оператора, перед которым он почему-то чувствовал огромную вину, и это его угнетало.

— Ну вот,— произнес Калантаров, сжав кулаки.— Свершилось... Первый Контакт. Сам видишь, какой ценой...

— Вижу. Энергоприемники? Смонтируем новые. Гравитроны? Заменим. На неделю работы, от силы — на две. «Дипстар» задействован на постоянный прием. Что еще?

— Блажен, кто верует...— пробормотал Калантаров.

Глеб вскочил. Постоял, не спуская напряженных глаз с Калантарова. Медленно сел.

— Нет,— сказал он,— она вернется. Если она не вернется, я стану врагом межзвездной транспозитации. Как Захаров. Или, скорее, стану энтузиастом ТР-перелетов, как Алексеенко... Она вернется, шеф. Непременно вернется. Иначе...— Глеб понизил голос почти до шепота,— иначе и я, шеф, и вы, и все мы — просто безмозглые черви. Мы взялись за то, к чему абсолютно не подготовлены!..

— Вот именно,— произнес Калантаров, разглядывая темные ряды погасших индикаторов.— Или враги, или энтузиасты. И никакого представления о самой сути Контакта. А что есть Контакт? Где база морально-этической и философской готовности воспринять Контакт в его сегодняшнем качестве? А в завтрашнем? А в послезавтрашнем? Ну, скажем, ты — одна из сторон межзвездного ТР-обмена. Здесь все понятно: человеческое любопытство, голубая детская мечта о дальних мирах, жажда познаний,— квинтэссенция

природы гуманоида земного типа. Другая сторона межзвездного ТР-обмена — икс. Теперь на минуту допустим, что этот икс — негуманоид. Ну, скажем, разумная плесень или облако пыли, способное мыслить в каких-то специфических условиях своего мучительно загадочного бытия. Итак, это облако получает Астру в скафандре — кусочек органического вещества в неорганической упаковке. А мы получаем десяток-другой кубических километров пылевидной материи в упаковке из электромагнитных полей... Контакт? Конечно! Межзвездный обмен информацией и образцами. На высочайшем технологическом уровне! Захаров был прав, когда говорил, что звезды могут принести не только радость. А мы себя к иному и не готовили. Забрались на чердак Вселенной, самонадеянно полагая, что главное для нас — достигнуть звезд. Остальное, дескать, приложится... Ну что ж, посмотрим, насколько прав был старик.

— Шеф,— тихо сказал Глеб.— Человек, которого я люблю, затерялся в Пространстве... Туманов получил психическую травму. Гога отделался сотрясением мозга и переломом ноги, Казура — легким испугом. Но никто не обвиняет вас. Мы понимаем, что это только начало, но никто не посмеет обвинить вас и в будущем. Прав Захаров или не прав, но уж если мы забрались на чердак Вселенной, вряд ли кто из нас пожелает спуститься вниз по рецепту Захарова. Я, например, не намерен. А вы?

Калантаров молчал.

— Шеф, я жду ваших распоряжений.

КОРОНА СОЛНЦА

Фантастическая повесть

ВМЕСТО ПРОЛОГА

«Весна не придет, если дети не будут рисовать солнце...» Не помню, где и когда я слышал эти слова, но они почему-то крепко врезались в память. Круг, нарисованный неопытной детской ручонкой, и бегущие во все стороны лучики... Конечно, это оно — ласковое, доброе, привычное солнышко, свет и тепло нашего чудесного мира.

Мне довелось увидеть Солнце другим.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРИЗРАКОВ

Хорст отказался!.. Всякая новость на нашей меркурианской базе распространяется с быстротою молнии. Но эта расползлась среди людей медленно и тяжело, как туман. Сначала я не поверил, но мне достаточно было увидеть самого Хорста, чтобы убедиться: да, это так, он отказался...

Всякая новость на нашей базе вызывала шумное эхо дискуссий, споров, противоречивых мнений. Эта новость тоже вызвала эхо. Непривычное эхо — молчание.

«Чертяка» вполне оправдывал свое нелепое прозвище: пол под ногами ходил ходуном, то и дело ощущались сильные толчки. Молодой вулкан сравнительно недавно появился в окрестностях Желтого Плато, где были разбросаны бронированные корпуса нашей научно-исследовательской станции «Меркурий-5», и его неугомонная деятельность привела к тому, что этот удобный, прочно обжитый район оказался под угрозой. «Землетрясения» на Меркурии вообще дело нередкое — планета утыкана вулканами, как еж иглами, и мы привыкли к толчкам и колебаниям так же, как моряки привыкают к морской качке. Но жить и работать у самого жерла разбушевавшегося гиганта не очень уютно. Правда, специальная группа меркуриологов разработала проект ликвидации опасного очага при помощи ядерного взрыва, но осуществление этого проекта почему-то затянулось, и «Чертяка» продолжает свирепствовать в полную силу. Ноги привычно ощущают толчки...

Толчки становятся резче и чаще. Резче и чаще стучит мое сердце. Пытаюсь подавить в себе состояние нервной напряженно-

сти и не могу. Через каких-нибудь полчаса мне предстоит встреча с начальником нашей базы Гориным. Он должен понять мою просьбу, должен понять, что мне совершенно необходимо взяться за то, от чего отказался Хорст. А если не поймет?..

Сильный толчок. Н-да, поведение «Чертяки» выходит за рамки приличия. В боковых галереях гаснет свет, и на платформе сразу становится сумрачно и неуютно. Для большей устойчивости я шире расставил ноги и чуть подался вперед. Не прозевать бы свободного кресла: во второй половине «дня» скорость движения на пневматической дороге удваивалась, а время остановки движущихся кресел сокращалось до трех секунд. Наконец из-за поворота показался зеленый огонек, и кресло, блеснув стеклом ветрового щитка, останавливается у края платформы.

Двухкилометровый путь по туннелю я преодолел за минуту. Многим на нашей базе чрезвычайно нравилась сумасшедшая езда на пневмокреслах. Я тоже не был исключением, но так же, как и все, предпочитал скрывать эту свою слабость. Все-таки несолидно...

Вестибюль главного корпуса встретил меня ревом громкоговорителей и суматохой:

— Внимание! Группа Волкова — на вылет, глаер семнадцатый. Группа Клемона — глаер десятый. Пронин, Ларсен, Петренко — готовьте глаер резервный! Повторяю!..

На стенах тревожно вспыхивают титры световых командр. Двери скафандрового отсека распахнуты настежь, люди бегом спешат туда и обратно, некоторые на ходу опускают лицевые стекла шлемов; через открытые люки глаерных ангаров доносится гул зарядных установок. Кто-то на бегу резко задевает меня плечом.

— Пардон, месье! Пень, стал на дороге...

— А вы не слишком учтивы!

Сорель — энергетик из группы Клемона — смеется, машет рукой: мол, некогда сейчас.

— Что там у вас стряслось? — кричу я вдогонку.

— Торы...— издалека откликнулся Сорель.— Шестой пост вызывают. Салют медицине!

Они вернулись, эти загадочные торы... Я знал, что они вернутся, на этот счет у меня было свое сокровенное мнение.

На минуту я задержался у горловины подъемной шахты ангара. Резервный глаер — зеркально блестящий летательный аппарат, похожий на спаренные гантели,— медленно поднимался вверх, волоча за собой толстые связки кабелей. Тихо жужжали электромоторы, тихо звякал металл о металл, у стартовых катапульт копошились люди в голубых комбинезонах. Видимо, к сегодняшней охоте за торами готовились особенно тщательно.

Под потолочными сводами взвыла сирена. В громкоговорителях что-то щелкнуло, забурлило.

— Семнадцатый к старту готов!

— Семнадцатый, старт разрешаю.

— Десятый готов!

— Десятый, старт разрешаю. Резервный, свяжитесь с дежурным. Повторяю: Пронин, Пронин, свяжитесь с дежурным.

Я завернул в один из боковых переходов, взглянул на часы и направился в командный сектор. Сейчас — или никогда...

Небольшой кабинет Горина ничем не отличался от остальных помещений станции. Нежно-розовый пенопласт на вогнутых стенах, стальные ребра шпангоутов, экраны информаторов... И только большой глобус Меркурия да мерцающий огоньками пульт телетара напоминает о том, что здесь находится командный пункт меркурианской базы.

Горин жестом приглашает меня сесть. Я не сажусь: стоя чувствуешь себя как-то уверенней.

— Извини, Морозов, нам с тобой так и не дали закончить утренний разговор. Потрясающая новость: кольца вернулись.

— Да, новость действительно сногсшибательная,— соглашаюсь я, вспомнив Сореля.

Горин смотрит на меня покрасневшими от переутомления глазами. Я понимаю, как страшно он устал, мне жаль его, но я не уйду до тех пор, пока не добьюсь своего. Гнусаво прозвучал гудок телетарного вызова.

— Вот видишь... опять.

Ничего, я подожду. На этот раз у меня хватит терпения.

Горин тронул клавиш на пульте:

— Слушаю... Не горячись, Афанасьев, к шестому посланы две поисковые группы. Кроме того, готовим резервный... Алло, Керимов?.. Да, я... Ага, понятно! Алло, Афанасьев, резервный стартует. Да, кстати, сколько их там?.. Тороидов, конечно... Четыре? Я так и думал, эти проклятые кольца появляются всегда парами. Если магнитные ловушки не помогут, придумаем что-нибудь другое. Счастливой охоты! У меня все...

— Слышал? — спросил Горин.

— Да.

— Ну и что ты обо всем этом думаешь?

Я пожимаю плечами, изобразив равнодушие. Горин недоверчиво хмыкнул:

— Хм, последнее время на базе только и говорят о торах: каждый хочет чем-то помочь в поисках разгадки странного явления...

Куда он клонит?

— Что нового к вопросу о торах могу прибавить я, инженер-диагностик медицинской службы станции?

— Брось хитрить, давай начистоту,— строго сказал Горин.— Значит, говоришь, тебя не удовлетворяет твоя работа на базе?

— Неверно. Просто я хочу почувствовать себя здесь нужным.

Кажется, я сказал это излишне резко.

— Нужным? Ах, понимаю! На базе редко болеют, и вам, медикам, в этом отношении скучновато... Н-да. Хочешь, я зачислю тебя в группу Волкова?

Вот оно что!

— Нет. В группу Шарова. Я прошу включить меня в состав экипажа «Бизона».

Горин положил руки на стол и широко раздвинул локти.

— Выслушай меня внимательно, Алексей. «Бизон» уходит туда, откуда не вернулись «Тур» и «Мустанг». Безэкипажные станции потерпели неудачу, и теперь люди должны попытаться пройти там, где не сумели пройти автоматы. Но для этого дела не подойдут обыкновенные люди с обыкновенными нервами. Здесь нужны... ну...— Горин повертел пальцами в поисках нужного слова,— зубро-бизоны, что ли! Понимаешь?

Его темные зрачки впились в мои глаза. Я утвердительно кивнул. Горин невесело усмехнулся:

— Договорились?

Я молчал. Видя, что не договорились, Горин уже сердито продолжал:

— Меркурий — не детские ясли, и у меня нет времени долго уговаривать тебя. Ты, как избалованный ребенок, брыкаешься ногами и разводишь ревы: хоть тресни, а подавай тебе Солнце сию же минуту. А того нет, чтобы все как следует продумать, взвесить...

— И отказаться от мысли войти в состав группы Шарова? Нет, поскольку Хорст передумал, я займу его место в экипаже «Бизона».

— Видали?! Да если хочешь знать, поступок Джона Хорста гораздо менее предосудителен, чем тебе это кажется. По крайней мере, он нашел в себе мужество правильно оценить свои силы. А тебе, в свою очередь, необходимо найти в себе мужество быть еще осмотрительнее Хорста и не совать голову туда, где совсем не трудно ее потерять.

Я не желал быть осмотрительнее Хорста.

— У Джона за плечами громадный опыт работы в Пространстве...— задумчиво продолжал Горин.— Я не имею никакого права позволить самоуверенному теленку браться за дело, перед которым пасуют космические буйволы! Точка. Оставь меня в покое, ты и сам не знаешь, что тебе нужно.

Я знал, что мне нужно, и не двинулся с места. Пол вздрагивал от частых толчков. Где-то там, под ногами, шевелился Меркурий. Гудок телетарного вызова заставил меня вздрогнуть. Горин уменьшил громкость и тронул клавиш:

— Шаров? Да, я... Без изменений... Н-да, Хорст поставил нас

и себя в глупое положение, но что поделаешь... Конечно, нет. Кого-нибудь найдем... Не торопись, дело серьезное... Ладно, давай.

Горин повернулся в мою сторону, но глаза его смотрели мимо меня.

— О физической силе Хорста ходят легенды. По сравнению с ним ты выглядишь просто заморышем.

Для парня двухметрового роста, отличного сложения это прозвучало как пощечина. Спокойствие! Важно не дать вывести себя из равновесия. Но на подобный выпад нужно чем-то ответить... Я подхожу к овальному щиту герметических дверей и, вцепившись руками в пружину аварийного замка, рывком выдергиваю крюк из гнезда. Брови Горина удивленно взметнулись. Да, наверное, со стороны все это выглядело глупо, но отступить — значит дать повод для новых насмешек. Толстая пружина поддалась неохотно, со скрипом. Еще одно нечеловеческое усилие — и мне удалось растянуть ее настолько, что крюк поравнялся с ребром шпангоута. Несколько мгновений сохранялось тягостное равновесие, мне не хватало какой-нибудь доли сантиметра... Наконец, щелчок — и крюк намертво впился в стальной желоб. Вот так!.. Я не знаю и десяти человек на базе, способных повторить такое.

Овальный щит съехал в сторону, и, согнувшись, чтобы не задеть головой переборку, вошел Шаров.

— Что здесь происходит?

— Алексей развлекается,— ответил Горин, внимательно разглядывая мою смущенную физиономию.

Шаров подошел к шпангоуту, одной рукой спокойно извлек крюк из желоба и небрежным жестом водворил его на место. Таким движением застегивают пуговицу. Горин подмигнул мне и с деланным сокрушением развел руками.

Голос мой дрожал от обиды, когда, наконец, я решился заговорить.

— Виктор Сергеевич, вспомните старт «Торнадо» к лунам Юпитера. Вы были тогда так же молоды, как я сейчас, но вам доверяли. Выпускнику института космонавтики Шарову не было и двадцати четырех, когда он впервые принял участие в десанте спасателей на Марсе. И молодость не помешала вам, Борис Николаевич, разыскать в красных песках Зефирии пропавшую экспедицию Снайра. А нас, современную молодежь, вы, ветераны космоса, почему-то предпочитаете кормить из ложечки и кутать темплым пледом невыносимых забот: как бы кого-нибудь не продуло свежим ветром стремлений и поиска.

— Увы, меня в настоящий момент больше всего донимает забота: как бы кого-нибудь не перегрело на Солнышке,— возразил Горин.— Но разве ты из тех, которые понимают?..

Шаров внимательно прощупал глазами мою фигуру.

— Вместо Хорста? — спросил он Горина.

— Как видишь. Во что бы то ни стало желает попасть в вашу бизонью компанию. Кстати, по специальности он инженер-диагност, работает в отделе врачебной диагностики медицинского сектора. По-моему, это немаловажная деталь... Да, кроме того, он в совершенстве владеет техникой роботронных систем, изучает специальные разделы бионики, увлекается... Прости, Алеша, чем ты там увлекаешься?

— Проблемой энцефалярного диагноза на принципе дистанционных посредников.

— Вот именно. Ну а если попроще?

— Нас, диагностов, давно занимает вопрос принципиальной возможности моделирования энтопликативных систем кортикальной области мозга. Если использовать метод биполярной рекомбинации алгоритмов...

— Н-да...— с иронией заключил Горин.— Твое мнение, Боря?

Вместо ответа Шаров еще раз внимательно осмотрел меня с ног до головы.

— В общем, довольно развитый субъект,— продолжал Горин.— Немного поэт, немного художник, в меру самолюбив, не в меру упрям, но обещает исправиться.

— Упрям, говоришь? — переспросил Шаров.

Должно быть, я сильно побледнел, потому что командир «Бизона» даже не улыбнулся.

— Добро,— сказал он после минутного раздумья и обратился ко мне: — Только работать придется, как на постройке египетских пирамид. Улавливаешь?

— Ясно! Разрешите получить инструкции?

— Отдыхать,— спокойно бросил Шаров.— Четверо суток отдыхать, отсыпаться. Необходимый инструктаж получишь во время полета.

Уходя, я слышал, что они заговорили о торах. Командира «Бизона» тоже интересует этот меркурианский феномен. Лю-бопыт-но!..

ИНСТИНКТ НАПРАВЛЕНИЯ

Теперь, когда так неожиданно просто решился вопрос о моем участии в экспедиции Шарова, меня переполняли мысли о предстоящем полете. Сказать правду, я даже немного растерян. Только сейчас передо мной открылся истинный смысл колебаний Горина: Шаров, Веншин, Акопян... и я. Горин, конечно, прав. Откуда он мог знать, достоин ли Алексей Морозов стать плечом к плечу в один ряд с бизоновцами? Наконец, знаю ли я это сам?..

Завтра стартуем. Стартуем в сторону Солнца. Все подготовительные работы окончены.

Сегодня — последний день на Меркурии. Последний раз проверяю свою внутреннюю готовность и с ужасом убеждаюсь, что в мыслях моих царит хаос. Нет, я не жалею, что я стал участником опасного и трудного полета. Наоборот, я даже испытываю нечто вроде удовлетворения и гордости. Просто я не готов, точнее говоря, не совсем уверен в себе. А это отвратительное чувство, когда не уверен...

Влезаю в скафандр, проверяю замки, герметичность. Я всегда иду куда-нибудь пешком, если мне нужно о чем-то серьезно подумать. Меркурий, конечно, не Земля, но все же... Завтра я буду лишен даже этого.

Пылающий шар косматого Солнца висит прямо над головой. Я никогда не мог избавиться от ощущения, что до него можно достать камнем. Поднимаю камень и в самом деле что есть силы швыряю его вверх. Оглядываюсь: не заметил ли кто моей мальчишеской выходки? Показываю Солнцу кулак и хохочу, хохочу весело и дерзко, словно уже сижу на нем верхом, вцепившись в огненную гриву. Я бы определенно ослеп, если бы не полутораметровый диск на шлеме, называемый здесь «сомбреро». Сквозь его темно-зеленый слой Солнце выглядит мертвенно-бледным, веснушчатым от собственных пятен. Да, мне суждено познакомиться с ним поближе. Где-то там, на орбите спутника, плавает «Бизон»...

Я стою у самого края Желтого Плато. Вокруг разбросаны вулканические бомбы — лавовые глыбы чудовищных размеров. Одна из них так похожа на исполинскую черепаху, мирно дремлющую на солнцепеке, что я не удержался и погладил ее растрескавшийся панцирь. «Черепаха» словно ожила, качнулась и вдруг покатилась с обрыва вниз, увлекая за собой лавину камней и пепла. Ноги привычно ощутили серию сильных толчков. Неприятно, конечно, но что поделаешь — Меркурий...

Передо мной удивительный мир. Многие любят называть его «диким». Правильно ли это? Пожалуй, да. Ведь никому не приходило в голову называть «диким», скажем, полярное сияние. Вероятно потому, что это величественное явление природы полностью соответствует нашим понятиям о красоте и гармонии. Мир, который передо мной, тоже достаточно величав и по-своему великолепен. Но здесь все необычно. Даже горы. Черные, крутые, с иззубренными вершинами, разрезанные вдоль и поперек узкими, извилистыми коридорами ущелий, они вздымаются к небу, неприступные, отчужденно-гордые... Самые отчаянные смельчаки из группы альпинистов-исследователей признавались, что мрачные горы вселяли в них смутную тревогу и недоверие. И лишь один из них, Курт Хейдель, оснастив электромеханического Паука-скалолаза, решился

проникнуть дальше всех, туда, где Меркурий ревниво скрывал свои тайны. Через месяц Паук вернулся. Нет, он пришел не один, но все равно что один... Хейдель перестал быть Хейделем, которого мы знали. Он никого не узнавал, не отвечал на вопросы, пугая людей неподвижным, как у змеи, взглядом. Видавшие виды врачи разводили руками, а мои диагностические машины, исследовав психику Хейделя, либо отказывались выдавать заключение, либо несли такую несусветную чушь, что у меня горели уши от стыда за своих «подчиненных». Днем позже Хейдель, вернее тот, кто когда-то был Хейделем, исчез. Он ушел снова в горы, унеся с собой разгадку своего перевоплощения. Дежурный врач, в обязанности которого входило присматривать за больным, был найден в бессознательном состоянии, с отпечатками пальцев на горле. В тот день впервые были замечены торы, а поиски беглеца ни к чему не привели. Тогда вспомнили о Пауке, точнее — о кассетах его съемочной аппаратуры. Я был в числе приглашенных на первый просмотр отснятых эпизодов. На экране по порядку возникали подробности этого нелегкого странствия. Сначала все шло хорошо, сопровождающий съемку голос Хейделя звучал уверенно и бодро. Кругорамные объективы заставили нас долго блуждать в угрюмых дебрях окаменевшей бесконечности. Мы с захватывающим интересом прослеживали путь смельчака, проложенный в лабиринтах ущелий среди отвесных стен, уходящих в туманные пропасти, внимательно слушали подробные описания и пояснения, улыбались остроумным замечаниям и репликам. Хейдель весело ругался, если обвал преграждал путь, смеялся от радости, если встречалось что-нибудь интересное, шутил, находя забавным пришпоривать Паука пятками в тот момент, когда лапы машины скользили над пропастью, срывались, прогибаясь от тяжести. И мы понимали, что ему было страшно. Мне запомнилась его последняя реплика: «Провалиться мне на месте, если я не нашел вход в преисподнюю!..» Это относилось к огромному провалу в скалах, откуда тяжело поднимались клубы желтоватого пара. Развернутый зев провала окружали базальтовые столбы, похожие на грубо высеченные фигуры великанов. Даже на нас, сидящих в просмотровом зале, мрачная неподвижность каменных стражей произвела гнетущее впечатление.

— Иду вниз,— сообщил Хейдель, и начал головокружительный спуск.

Паук включил все свои прожекторы, и голубые лучи осветили неровные стены расселины, покрытые пятнами странных натеков. Спуск продолжался долго, очень долго, километры... Наконец расселина превратилась в исполинский каньон, дно которого уходило все дальше и дальше в недра планеты. Теперь Хейдель говорил лишь по необходимости, коротко и сухо. Видно, окружающая об-

становка мало располагала к остротам: за каждым поворотом таились мрак и неизвестность. Но что это? Перед нами открылась поразительно ровная, отсвечивающая маслянистыми бликами поверхность. Неужели вода?! Меркуриологи заволновались, они не верили своим глазам.

— Вода,— подтвердил голос Хейделя.— Температура у поверхности — тридцать два и восемь десятых по Цельсию.

В темной глубине вспыхивали бледно-зеленые огоньки. Прожекторы погасли, и мы увидели хоровод слабофосфоресцирующих быстрых теней. По залу прошло движение, кто-то взволнованно кашлянул, кто-то крикнул, чтобы срочно позвали биологов. На крикуна нетерпеливо зашикали.

— Озеро, кажется, обитаемо,— проговорил Хейдель,— но я не знаю... не могу определить, что это такое.

Озер было много. Соединенные между собой проливами, речушками и водопадами, они тянулись до бесконечности, прозрачные и мутные, теплые и холодные. Шум в зале нарастал, отовсюду слышался говор и шепот. Вода! Много воды! Теперь наша станция не будет испытывать водяной голод. Вместе со всеми я тоже находился во власти радостного возбуждения. Я слышал приглушенный смех и едкие замечания по адресу меркуриологов, и мне было чуточку жаль их: они буквально на днях сделали окончательный вывод о том, что планета совершенно лишена природных вод, и теперь, понятно, пребывали в положении пророков, уличенных во лжи. Сидевший рядом со мной врач-психиатр Хайнц Фидлер тронул меня за рукав. Он догадался, что я ослабил внимание, и сделал предупреждающий жест:

— У них свои проблемы, а у нас, медиков, свои. Советую не отвлекаться.

Да, да, конечно!.. На экране, между тем, происходило что-то интересное. Хейдель слез с Паука и прошел метров на десять вперед. Теперь он был отлично виден во весь рост. Тяжелые башмаки его скафандра, подкованные острыми шипами, разбрызгивали жидкую грязь. Иногда он останавливался и долго глядел перед собой под ноги, словно разыскивая что-то, и, ничего не увидев, двигался дальше вдоль грязевого потока. Но вот он быстро нагнулся, погрузил руки в темную жижу и резко выпрямился. В его руках извивалось неведомое существо, похожее на длинного червя. К сожалению, хорошо разглядеть червя не удалось: Хейдель перебрасывал его из руки в руку, словно тот жег ему ладони, и наконец отбросил в сторону.

— Горячий,— сказал он.— Горячий, как раскаленное железо.

«Странно,— подумал я.— Перчатки скафандра плохо пропускают тепло».

— Странно...— услышал я шепот Фидлера.

А Хейдель тем временем выходил на берег обширного грязевого озера, захламленного какими-то полусгнившими пнями. Черные космы обнаженных корней на фоне мрачного пейзажа выглядели неприветливо, зловеще. Интересно, откуда на Меркурии могли появиться эти трухлявые останки деревьев?

— Здесь дьявольски жарко,— сказал Хейдель.— Я обливаюсь потом.

Фидлер многозначительно подтолкнул меня локтем.

— Сэм, выключи свет,— обратился Хейдель к Пауку, и тот послушно выполнил приказ.

В темноте заиграло изумрудное сияние. Сначала я не мог разобраться в хаосе огней и пятен, но постепенно глаза стали различать подробности диковинного зрелища. Гнилушки сделались прозрачными, точно стеклянные глыбы: они источали приятный зеленый свет и... двигались. Внутри каждого пня виднелись большие гроздья изумрудных шариков. Шарики время от времени вспыхивали колючими огоньками, тускнели и вспыхивали вновь. И все это мерцало и ползало среди бесформенных пятен бледно-светящегося ила. Темный силуэт скафандра придавал волшебной картине еще более фантастический вид. Хейдель неподвижно разглядывал неведомые существа, копошащиеся у его ног. Долго, очень долго простоял он так, не двигаясь с места.

— Свет!..— внезапно рявкнули стереофоны.

Зал дрогнул; в этом неожиданном крике Хейделя было что-то нечеловеческое. Вспыхнули голубые лучи, и зеленые призраки мгновенно исчезли. Все те же корявые неподвижные пни... Но Хейдель... Что он собирается делать? В его руках появилась коричневая груша... Он вывинтил предохранитель из грушевидного баллона и замахнулся... Фидлер привстал с кресла и подался вперед. Грохот, рваное пламя...

— Негодяй!..— воскликнули сзади.

Я узнал голос биолога Тани Максимовой. Хейдель в забрызганном грязью скафандре молча стоял и смотрел на изуродованные взрывом коряги. Кое-где расплывались оранжевые пятна. Уцелевшие «пни» быстро меняли окраску. Они словно покрывались металлической чешуей, в гуще переплетенных «корней» проскакивали искры. Шатаясь, точно пьяный, Хейдель направился вдоль берега. Он шел, пока не споткнулся о камень. Сел, обхватил голову руками. О чем он думал?

— Grose Anzahl die Leichen...— сказал он тихо.— Die Toten können sehen! [1]

Я опять почувствовал острый локоть Фидлера...

Поднявшись на ноги, Хейдель сдернул с плеча портативный

[1] Множество трупов... Мертвые могут смотреть *(нем.)*.

«Килот», который обычно служил меркуриологам как камнерез, и направил его короткий ствол в сторону озера. Там, куда упиралась трасса голубых огоньков, темная жижа бурлила в облаках испарений, несчастные «коряги» корчились в предсмертной агонии. Расстреляв весь энергетический заряд, Хейдель швырнул «Килот» в грязь...

Экран погас, и в зале включили освещение. Но никто не покинул кресел, настолько все были потрясены увиденным.

— Маленькая справка... Разрешите? — обратился к кому-то Фидлер.

— Да, пожалуйста.

— Скажите, шлем Хейделя был металлический?

— Нет, его скафандр типа «Цеброн», а следовательно — из стеклопластика.

— Благодарю вас, я так и думал...

— Вы полагаете?..— я тронул Фидлера за рукав.

— Совершенно верно. Неизвестные нам существа подействовали на психику Хейделя биоизлучениями колоссальной мощности. Будь на нем металлический шлем — этого бы наверняка не случилось.

— Уж не думаете ли вы, что мы столкнулись с разумными представителями неизвестной нам биологической формации?..

— Нет, не думаю. Давайте сопоставим факты. О разумности «горячих червей», как вы понимаете, не может быть и речи. «Горячи» они были лишь потому, что раздражали каким-то облучением нервные окончания в кожном покрове руки Хейделя, вызывая тем самым ощущение ожога. У грязевого озера Хейдель жаловался на жару в теплонепроницаемом скафандре — отсюда вывод: либо «коряги» и «горячие черви»— существа сходной природы, либо — что более вероятно — «черви» представляют собой развивающееся потомство «коряг». Далее: обитатели озера не проявили ни малейшего интереса к появлению человека, их единственная реакция на непривычно яркий свет была весьма красноречива: полная неподвижность. Свет погас, раздражитель исчез — и жизнь вернулась в свою колею. После того, что мы наблюдали, у нас есть все основания полагать, что жизнь эта не имеет ничего общего с деятельностью разумных существ.

— Я согласен с вашими доводами. Но для меня остались совершенно необъяснимыми дальнейшие поступки Хейделя. Я так и не сумел определить границу, откуда поведение его начинает обретать неустойчивый характер.

— Пожалуй, это не так уж сложно, как кажется на первый взгляд...— задумчиво ответил Фидлер.— В самом деле, уставший, страдающий от ожогов человек легко теряет контроль над собой. Вспомните, с какой злостью Хейдель выкрикнул: «Свет!» Свет

вспыхнул, и «коряги» замерли. Эта игра в прятки незадачливых, отталкивающего вида существ рязъярила его еще больше. Раздражение — плохой советчик, и в ход пошла взрывчатка...

— Да, но потом мы с вами видели, как он переживал...

— Верно,— согласился Фидлер.— Он провел параллель между собственным поступком и преступной воинственностью своих предков. Ведь не случайно вырвалась у него эта ужасная фраза на родном языке.

— Почему вы считаете, что в этом виновато прошлое? — спросил я, заинтересованный неожиданным поворотом в рассуждениях Фидлера.

— Да потому, что под влиянием возросшей мощи биоизлучений потревоженных взрывом животных его расстроенная психика получила импульс к тому, что накопленные из источников истории трагические картины стали как бы реальностью. Это явилось толчком к перестройке самосознания по схеме наследственной памяти. Несчастный! Случаю угодно было оживить в нем ту слепую жестокость, которая, казалось бы, полностью истлела в прошлом. Проклятие предка!.. В каких тайниках, в каких клетках мозгового вещества сохранилось оно, скрытое от сознания? Не знаю. Да и никто пока толком не знает. А надо бы знать, пора... О, мы любим говорить о своем могуществе! Но вот в нашу дверь постучалась беда, и мы не смогли вернуть Курту самого себя. Он ушел от нас, ненавидя людей ненавистью своего предка, ненавистью, которая совершенно не свойственна его настоящей сущности.

Фидлер умолк. Я смотрел на него, что называется «во все глаза». И этого человека я раньше считал сухарем, невыносимым педантом!.. И чтобы скрыть замешательство, я спросил:

— Скажите, Фидлер, сами-то вы полностью доверяете этому своему... ну... диагнозу, что ли?

Фидлер пожал худыми плечами.

— Видите ли, мой молодой друг... Я просто поделился с вами догадкой, не более. А догадка, не подкрепленная вескими аргументами, не может...

— Может! — перебил я его с неожиданной для себя злой решимостью. Он открыл мне глаза. Теперь я презирал свои «всезнающие», «супермудрые» диагностические машины — всю эту безнадежно грубую подделку под человеческую мысль.

Фидлер неодобрительно покачал головой:

— Как вы еще молоды, Морозов. Впрочем, я вам ужасно завидую.

Да, все это так и было. Мне завидовали, а я терял под ногами опору, потому что увидел границы возможностей машинной меди-

кологии и испытывал от этого горечь разочарования. Потускнело то главное, чему я хотел посвятить свою жизнь. Возможно, Фидлер и прав, пытаясь убедить, что ничего страшного со мной не происходит, просто «возрастной период», но мне по-прежнему было тяжело. Зачисление в группу Шарова вывело меня из тягостного состояния отрешенности, которое испытывал по собственной вине. Мне казалось, что там, возле Солнца, среди неведомых опасностей, мне суждено понять что-то очень важное для себя...

Устав от размышлений, я разыскал свое любимое место для отдыха — обломок скалы с удобными ступеньками в тени. Отсюда хорошо видна глубокая чаша каменистой долины. Долина поражает своей пятнистой расцветкой — черное с белым. Впечатление такое, будто среди нагроможденных черных скал отдыхает лебединая стая, и трудно поверить, что эта белоснежная масса — химическое соединение цинка. Кое-где ослепительно блестят кусочки разбитого зеркала. Это — лужицы ртути и расплавленного зноем свинца. В них смотрятся Солнце и камни. Пятнистую поверхность долины пересекают огромные трещины с обрывистыми краями. Однажды я заглядывал в одну из таких трещин и был ошеломлен бездонной глубиной. В общем эти колоссальные разломы напоминают аналогичные образования мертвого рельефа Луны, но на Меркурии они живут, дышат: во время сильных трясений они умеют захлопывать свои чудовищные пасти. Недавно так едва не погибла исследовательская группа меркуриологов.

Пейзаж разнообразят десятки действующих вулканов. Их крутые склоны испещрены множеством кратеров-паразитов, изливающих потоки дымящейся лавы, вершины постоянно окутаны облаками сернистых газов. «Кочегарка» планеты действует непрерывно... Внезапно рядом с мачтой радиомаяка я заметил голубую вспышку. Как раз над тем местом, где должен был находиться девятый наблюдательный, появились четыре серебристо-белые черточки. Это глаеры Волкова. Я взбежал по ступенькам на самую вершину скалы, надеясь получше разглядеть маневр «охотников» за торами. Поздно. Глаеры исчезли за склоном холма и больше не показывались. Наверное, ушли по направлению к базе. Любопытно, чем кончилась сегодняшняя «охота»? Как всегда, вероятно, ничем. Я нащупал затылком кнопку на тыльной стороне шлема и легонько нажал. Тесный мирок скафандра наполнился треском и воем радиопомех, человеческие голоса различались с трудом.

— ...неожиданный эффект. Плакали твои излучатели, Афанасьев.

— Как это произошло?

— Ума не приложу. Мы выходим на них строем «конверт», кольца разделились на пары и стали всплывать вверх по вертикали. Две из них успели удрать, третью пару нам удалось задержать в

центре «конверта». Тороиды предприняли попытку проскочить электромагнитный барьер... Мы дали залп... завихрение поля... кольца растворились в каком-то красном тумане... всплеск радиации — излучатели вышли из строя.

Дальше — сплошной треск, бормотание. Движением головы я отключил дальнюю связь. Все ясно: группа Волкова потерпела очередную неудачу. Торы оказались крепким орешком.

Впервые странные кольца были замечена на Меркурии сравнительно недавно, недели две тому назад, в тот день, когда ушел Хейдель. Громадные, до шести метров в диаметре, но очень подвижные, они появлялись неизвестно откуда и исчезали неизвестно куда. Последние три дня то один наблюдательный пост, то другой сообщал на базу о новом нашествии «красных призраков». Вчера мне даже посчастливилось увидеть их феерический полет. Они шли сомкнутым строем над самой поверхностью плато. Два кольца отделились от общей группы и повернули в мою сторону. Хотя я знал, что они не причиняют людям вреда, мне стало как-то не по себе, когда оба тороида повисли у меня над головой. Но любопытство оказалось сильнее страха — я долго разглядывал их красные, полупрозрачные тела, внутри которых медленно вращались туманные сгустки. Мне казалось, что кольца с таким же интересом разглядывают меня. Их пресловутая «любознательность» дала Кломену повод высказать гипотезу о «живых существах в форме тороидов». Ему очень хотелось к слову «живые» добавить еще и «разумные», но он так и не решился на это после вчерашнего бурного заседания ученого совета, на котором Волков устроил шумный скандал. Пользуясь поддержкой своих единомышленников, он не оставил камня на камне от гипотезы Кломена.

— Если рассуждать так, как рассуждает наш уважаемый коллега,— ядовито заметил он в конце заседания,— то по аналогии неминуемо придется признать, что известную нам шаровую молнию также можно отнести к категории живых существ.

— Вы считаете, что шаровая молния и меркурианский феномен — одной природы? — выкрикнул с места кто-то из сторонников Кломена.

— Не совсем так,— возразил Волков.— Картина станет яснее, если тороиды рассматривать с точки зрения физики пульсирующих форм. Для непосвященных даю пояснения. Как известно, материя существует в форме поля, в форме плазмы и в форме вещества. В определенных условиях материя может переходить из одной формы своего существования в другую. Теперь представьте себе, что переход из одной формы в другую и обратно происходит за исчезающе малые промежутки времени, и вы получите физическую модель наших таинственных тороидов. Да, я считаю, что в данном случае мы имеем дело с явлением пульсации материальных форм.

Председатель совета задал вопрос:

— Как по-вашему, чем обусловлено это явление?

Волков развел руками:

— Пока не знаю. Думаю, что в ближайшее время нам все же удастся выяснить наконец, где и как зарождаются торы.

И надо сказать, группа Волкова прилагает для этого все усилия, но «красные призраки» по-прежнему хранят свою тайну...

Собираясь уходить, я еще раз окинул взглядом долину: безмолвие и яростный палящий зной. Огромное Солнце кажется неподвижным. Силой своего тяготения оно почти остановило осевое вращение планеты и теперь с неразумной жестокостью методично поливает убийственными лучами поверность беззащитного карлика. Так будет и впредь, если людям не понадобится придать планете более быстрое осевое вращение... А на другой стороне Меркурия сейчас бесконечная холодная ночь. Там в заиндевелых ущельях растут исполинские друзы белых кристаллов, в ложе скованных стужей долин падают хлопья замерзшего газа. И лишь кое-где, среди невообразимого хаоса обледенелых скал, багровым светом отсвечивают лавовые озера и реки, да изредка взмывает в звездное небо фейерверк вулканических бомб. Таков этот мир... И кажется удивительным, что хозяин этого необыкновенного мира — человек. Люди воздвигли здесь мачты радиомаяков для своих кораблей, построили стальные жилища, назвали горные вершины именами своих героев и по-хозяйски, рачительно подсчитывают запасы полезных ископаемых.

— Уран и железо, медь и вольфрам, ртуть и рубидий, свинец, золото, платина, титан, олово, кобальт!..— восторженно перечислял мне мой друг Абид Садыков, разведчик рудных месторождений.— Плюгавенькая планетка, и вдруг — скажи пожалуйста! — такое изобилие.— Не-ет, когда Меркурий станет главным центром цветной металлургии, все здесь изменится к лучшему.

— Ты видишь будущее дальше меня, Абид, и я завидую тебе. Но неужели тебя нисколько не волнует первозданное величие этого мира? — спросил я.

Садыков удивленно вскинул черные брови:

— С тех пор, как люди стали богами, они переделывают миры в масштабах, достойных богов. И человек имеет на это право именно потому, что он — человек.

— А Хейдель? Хейдель имел право швырять взрывчатку?

Абид поморщился:

— Завоевание космоса не обходится без некоторых осложнений... Но стоит ли много говорить об этом?

Стоит. Я убежден, что стоит. Человек не просто завоеватель, он не может только сознавать свои права. Он должен чувствовать свое великое единение с природой, единение творческое. Приро-

да — зеркало, в котором отражаются деяния людей, и в этом зеркале человек должен видеть себя мудрым и добрым...

Так думаю не только я. Еще так думает наш астрофизик Веншин. Он прост и скромен, этот Веншин, но знает удивительно много. Гораздо больше, чем я. Может быть, поэтому я заранее проникся к нему уважением. Вчера он спросил меня:

— Расскажи, что у тебя в мечтах?

Застигнутый врасплох, я не нашелся, что ответить. Я чувствовал себя перед ним мальчишкой. Тогда Веншин пришел мне на помощь.

— Бурные реки пробиваются к морю по каменистым руслам... Рано или поздно у тебя будет свое русло в жизни, ты найдешь себя, найдешь то, ради чего стоило бы жить.

Я мучительно искал ответ: почему для Веншина, Фидлера, Горина все так просто и ясно, как на ладони? Я видел, эти труженики космоса не были обременены поисками «себя», они давно нашли свое «русло» и влили в него свои силы. А я? Неужели мне так и придется сжиться с чувством неловкости перед ними и перед самим собой? Нет... Конечно, нет... Где-то в глубине моего сознания бродило что-то еще не понятое, но влекущее. Я не могу передать словами, что это было. Было — и все. Это удивительное ощущение. Ощущение потребности совершить необычное — нечто вроде высшего инстинкта человеческой природы, унаследованного мною от многих и многих поколений моих разумных предков точно так же, как перелетные птицы наследуют инстинкт направления. Значит, рано или поздно «инстинкту» суждено проявиться в полную силу, и уже от меня самого будет зависеть, как я отнесусь к его властному зову, сумею ли пробить свое «русло»...

Больно кольнула мысль: а вдруг не сумею? Нет, сумею. Должен суметь...

Чья-то рука легла на мое плечо. Я не видел лица подошедшего, но по размерам молочно-белого скафандра догадался: Шаров.

— Наблюдал охоту Волкова? — слышу его спокойный голос.— Правильно, сведения о торах могут нам пригодиться.

Я спросил:

— Нам? Экипажу «Бизона»?

— Да. Видимо, торы — это результат каких-то процессов, происходящих на Солнце. Группа орбитального дежурства сообщила сегодня, что несколько колец приближалось к «Бизону». Они исчезли, как только корабль оказался в тени планеты. «Красные призраки» ни разу не появлялись на ночной стороне Меркурия. Отсюда вывод: необходимую им энергию они получают от Солнца.

— Но чем объяснить, что ни в одном из отчетов предыдущих экспедиций на Меркурий не упоминается о тороидах? — задал я вопрос, который вот уже много дней не давал мне покоя. И сам же

ответил:— Очень просто: солнечная деятельность и «красные призраки» не имеют между собой ничего общего. Торы — это пришельцы из Большого Космоса...

Шаров спросил:

— Интуиция?

Он мог бы спросить по-другому. С насмешкой.

— Если хотите, да! — ответил я с вызовом. И напрасно. Мне следовало бы поучиться у него выдержке.

Мы помолчали. Мне было неловко, я не хотел мешать его размышлениями и ни о чем не спрашивал.

— Завтра, Алеша...— как-то буднично и очень спокойно сказал Шаров.

— Завтра!

Улавливаю в своем голосе торжественные нотки и сконфуженно умолкаю. Шаров ободряюще хлопает меня по плечу и прижимает к себе:

— Эх, мальчишка! Наверное, воображаешь себя героем? Ничего героического нет, будет тяжелая работа.

Шаров чуть запрокидывает голову вверх.

— Жди, старина,— говорит он Солнцу,— скоро нагрянем в гости. Посмотрим, кто кого...

Он не грозит Солнцу кулаком, не швыряет в небо камнями и даже не смеется. В его словах слышатся одновременно уверенность, почтение и снисходительность.

ОГНЕННЫЙ БОГ

На орбиту «Бизона» нас доставил орбитолет «Чайка». Я следил за экраном радара, но, кроме вырастающего на глазах треугольника, ничего особенного не увидел. Пилот включил вспомогательные моторы и выполнил маневр скоростного сближения. Теперь на экранах переднего обзора быстро росла громада широкого конуса. Легкий толчок. Прибыли. Странное ощущение неподвижности...

Мы снимаем шлемы скафандров и минуту молча стоим у открытого люка переходной шахты перед объективами съемочных мониторов. Затем — крепкие рукопожатия экипажа «Чайки», теплые слова напутствия, сдобренные хорошей дозой грубоватого мужского юмора. Горин подходит последним. Он медлит, видимо, что-то хочет сказать на прощание, но лишь обнимает нас всех по очереди, не то серьезно, не то шутливо грозит Шарову, незаметно кивая ему в мою сторону, отворачивается, отходит. Когда мы спускаемся в отверстие шахты, все поднимают сомкнутые руки над головой — традиционный жест космонавтов: «Удачи вам, удачи!»

В салоне «Бизона» с помощью орбитальных дежурных покидаем скафандры. Небольшое округлое помещение залито голубоватым «дневным» светом. Мерцают экраны и многоцветные светосигналы на панелях приборов, матовой белизной отсвечивают пульты, кресла, столы. Пластичность линий, спокойное изящество форм радуют глаз.

Командир орбитальной группы, подтянутый, официально строгий, рапортует Шарову. Дежурные облачаются в скафандры, поднимают над головой сомкнутые руки: «Удачи вам, удачи!» Глухо звякает крышка люка. Тишина... Теперь мы одни на «Бизоне». Впрочем, нет, не совсем: на экране еще видна неподвижная «Чайка». Но вот и она зажигает стартовые огни. Дюзы моторов отбрасывают зеленые языки пламени, и «Чайка» серебристой рыбкой соскальзывает с полукруглого края голубоватого конуса.

По-комариному тонко пищит сигнал телетарного вызова. Шаров подходит к пульту и включает тонфоны:

— Командир «Бизона» слушает.

— Это я, старина,— отвечают динамики голосом Горина.— Только что принял сообщение: Земля шлет вам привет и желает доброго пути. Там знают, что вам придется сделать то, что кажется почти невозможным.

Шаров трет рукой подбородок и долго молчит. Наконец отвечает:

— Кто-то должен быть первым...

Спинки наших кресел принимают горизонтальное положение. Сосредоточенно молчит Шаров, молча лежат Веншин и Акопян. Скорее бы услышать мерный отсчет автомата-диспетчера: «Четыре... Три... Два... Один... Старт!»

Тридцать четвертые сутки полета. Тридцать четыре по двадцать четыре. Это очень много, если напряженно чего-то ждешь и если ничего особенного не происходит.

Сегодня произошло. Случилось то, что предугадывал Веншин. Мы потеряли радиосвязь.

Меркурий молчал. Шаров, озабоченно поглаживая подбородок, мерил шагами салон. Каждый раз, когда он останавливался у пульта связи, Акопян снимал наушники и отрицательно качал головой:

— Ничего...

Веншин, навалясь грудью на стол, беззвучно шевелит губами. Он настолько поглощен работой, что не сразу замечает новые кассеты магнилатора, которые я разряжаю прямо перед ним на столе. Заметив, жадно сгребает диаграммы и быстро раскладывает их по периодам. Я стараюсь не смотреть на его дрожащие от нетерпения руки. Мне это почему-то неприятно.

— Великолепная запись, Алеша! Ты молодчина,— говорит он.

Я слышу только разрозненные слова: «Алеша. Запись. Молодчина...» До меня давно уже перестал доходить смысл его стереотипной похвалы.

Набиваю кассеты и произвожу настройку записывающей аппаратуры. Теперь, когда мы так близко от Солнца, комплексная регистрация его могучего дыхания должна вестись непрерывно, и я отвечаю за это головой. Для Веншина эти записи дороже жизни: я чувствую на своей спине его благодарный взгляд. Ох, не люблю, когда он так смотрит...

А Шаров все ходит и ходит...

Не могу сказать почему, но потеря связи не слишком взволновала меня. Может быть, потому, что рядом Шаров? Мы все верили ему больше, чем себе. В том числе и Веншин. Иначе чем объяснить его поразительное спокойствие.

Шаров вдруг останавливается и, обращаясь ко мне и Веншину, произносит:

— Отдыхать. Мы с Акопяном принимаем вахту. Попытаемся передать сообщение на Меркурий с помощью квантовых генераторов.

— Но я не успел сделать всего, что планировал на сегодня! — протестует Веншин.

Шаров неумолим. Он имеет право быть неумолимым. Как командир, он отвечает за все: за связь, за людей, за судьбу экспедиции. Отвечает головой — и это уже не просто метафора.

— Выполняйте приказ. Время...

Я молча отодвигаю полупрозрачную стенку своей спальной ниши. Шаров жестом задерживает меня и смотрит в глаза долгим испытывающим взглядом.

— Ты спокоен, Алеша,— говорит он.— Это хорошо. Ну, иди.

Я захлопываю за собой звуконепроницаемую перегородку и падаю в мягкие объятия пенопластового ложа. «Ты спокоен, Алеша...» Неправда! Каждым нервом своим я ощущаю, куда мы летим...

Ощупью нахожу кнопку «Электросна» и нажимаю ее всей ладонью.

Приближается момент выхода «Бизона» на корональную орбиту вокруг Солнца.

Этого момента мы ожидали с необыкновенным волнением. Нам казалось, что мы переступаем грань, за которой нас ждет ошеломляющая неизвестность. С томительной медлительностью таяли последние сутки, последние часы и, наконец, минуты. Счет последним секундам вели наши сердца.

Четыре резких толчка. Спинки кресел принимают обычное положение. Все?.. Легкое разочарование. Спрашиваю себя: чего, собственно, хотел ты еще? С этой минуты «Бизон» стал спутником

исполинского сгустка звездного вещества, сгустка диаметром в полтора миллиона километров. Мы первые, кто нарушил вечное табу огненного бога, кто посмел коснуться его пламенеющей короны...

Приборы без устали всасывают колоссальный поток информации, обрабатывают его «прессом» электронных систем и выдают в виде своеобразных брикетов, набитых уникальными записями астрофизических данных. Веншин стал похож на сумасшедшего. Я тоже. Теперь и у меня тряслись руки от возбуждения, когда я, как выражался Акопян, «снимал соты» и набивал боксы хранилища исследовательским материалом. Шарову с трудом удавалось заставлять нас придерживаться установленного режима сна, отдыха, еды.

Веншин все больше и больше втягивал меня в сферу своей работы. Изнемогая от чрезмерной нагрузки, я чувствовал себя счастливым, потому что знал, что нужен, полезен, необходим.

— Пришло время взглянуть на Солнце своими глазами,— сказал он однажды, указывая на крышку люка смотровой шахты.— Я попросил бы тебя, Алеша, сопровождать меня. Разумеется если ты не очень устал.

От Веншина можно ожидать чего угодно, даже галантности...

Одеваем полупрозрачные коконы полускафандров. Теперь мы похожи на ходячие колбы. Акопян приносит недостающую часть туалета — груду пустотелых рук и ног из эластичной пластмассы. Всех позабавила ошибка Веншина, взявшего мои «ноги».

Перебирая настенные скобы, легко плывем вдоль ствола шахты. Веншин впереди, я — за ним. Полная невесомость: во избежание гравитационных помех на время вылазки приостановлена работа генераторов искусственного тяготения. Вдруг замечаю, что стало трудно дышать. Смотрю на кислородный указатель: ого, почти на нуле! Невероятно...

Развернуться в узком туннеле нельзя. Пытаюсь пятиться назад. Ноги попадают в скобу, и я трачу много лишних усилий, чтобы освободиться. По спине ползут ледяные мурашки, в ушах начинает звенеть. Наверняка не успею... Проклятье! Разъединить пласмассовый рукав? Глупо, в шахте аргоновая атмосфера. Что же делать? Звать на помощь — унизительно. Нащупываю за спиной ребристый диск предохранительного вентиля. Закрыт! Ах, вот оно что! Акопяновская шутка! Как это сразу не пришло мне в голову?

Хлынула струя холодного воздуха. Захлебываясь, пью его досыта. Наушники щелкают, и я слышу голос Шарова:

— А у тебя все в порядке, Алеша?

— Все в порядке.

— Ну, ну. Меня обеспокоило твое дыхание. Наверное, мне просто показалось...

— Благодарю за урок. Отныне я буду проверять скафандровое оснащение, если даже его готовит Акопян.

— И хорошо сделаешь, Алеша. Теперь ты застрахован от подобных случайностей. Своего рода рефлекс.

— Ах, рефлекс!.. Что же, в конце концов у каждого свой метод воспитания.

Устремляюсь вдоль туннеля и скоро попадаю в смотровой отсек — приземистое куполообразное помещение. Вогнутые стены задрапированы черной ворсистой тканью, вместо пола — большой экран оптического модулятора, похожий на лужу зеленоватого студня. Полумрак и тишина давят на нервы.

Веншин, заключенный в прозрачную колбу, покачивается над черными раструбами корректирующих установок. Руки его чем-то заняты под защитным козырьком пульта.

— Вам помочь, Глеб Александрович?

Он не слышит: рожки его антенн втянуты внутрь скафандра. Пришлось сомкнуть штепсельные разъемы телефонных кабелей. Повторяю вопрос.

— Нет, благодарю... Все готово. Трудно дышать...

— Рефлекс...— объясняю ему и выкручиваю вентиль до упора.

Он ничего не понимает. Ну и пусть. Иначе нашим «воспитателям» не поздоровится.

Веншин делает неловкое движение и переворачивается через голову. Ловлю его за ногу и возвращаю на место.

— Смотри, Алеша! — машет он рукой в сторону экрана.

Я не в состоянии уследить за быстрой сменой световых полос и пятен.

— Антенны! — кричит мне Веншин.— Аппаратура невероятно чувствительна к помехам.

Втягиваю рожки своих антенн — и мелькание прекращается. Зачарованный, смотрю, как в глубине экрана разгорается пурпурное зарево. Постепенно изображение приобретает глубину и резкость...

Эффект потрясающ! Словно в корпусе «Бизона» образовалась дыра, и мы, склонившись над этой дырой, заглядываем в огненную пучину клокочущей бездны. Под нами волнуется необъятный океан раскаленной плазмы: из невообразимо ярких пространств всплывают гребни титанических валов, и страшно смотреть, как они тяжело оседают и гибнут в водоворотах пламенных вихрей. Недра горнила бурлят, содрогаясь в термоядерных конвульсиях, выбрасывая мощные фонтаны протуберанцев — растерзанные останки горячих внутренностей. Так вот оно какое, наше Солнце!.. Я смотрю и не могу насытиться неправдоподобным зрелищем. Нет таких слов, чтобы описать его. Да и что такое обычные человеческие слова перед лицом пылающей вечности? Разводя руки, нельзя показать размеры Вселенной, криком нельзя изобразить рев урагана. Так же невозможно словами воспроизвести картину безумного

разгула огненной стихии. Это нужно увидеть самому, прочувствовать, пережить...

Мне и раньше доводилось видеть фотографии Солнца, полученные в лучах кальция, магния, натрия, железа: из любопытства я просматривал спектрогелиограммы в астрофизическом отделе меркурианской службы Солнца. Все они в общем похожи друг на друга, исключение, пожалуй, составляют только те из них, которые сняты в лучах водорода. За время последних вахт мы с Веншиным весьма основательно пополнили и без того богатую коллекцию солнечных «портретов». С помощью оптического модулятора это было не трудно. Но все эти снимки представляли собой лишь поверхностный обзор «физиономии» Солнца. Заманчиво, очень заманчиво было бы заглянуть в недра нашей звезды под сверкающее покрывало ее фотосферы и, быть может, увидеть загадочное ядро сверхгорячей плазмы, если, конечно, оно существует... А рассказать об этом могли бы только выходцы из тысячекилометровых звездных глубин — нейтрино-частицы. Те, кто создавал наш корабль, думали о такой возможности, и в результате в носовом отсеке «Бизона» был смонтирован нейтриггер — сложнейшее устройство для преобразования энергии нейтринных полей в кванты видимого спектра. Расчеты показали, что в околосолнечном пространстве плотность нейтринного потока достаточна для срабатывания нейтриггерных систем. Но практически... Практически все это выглядело иначе.

Мертвая синева заливала экран модулятора. Мы с Веншиным часами «болтались» над ним, но кроме мертвой синевы не видели ничего.

— И не увидим,— однажды заявил Веншин.

— Почему? — спросил я, не скрывая разочарования.

— Все по тем же причинам, Алеша. Порог срабатывания системы сильно колеблется в зависимости от общего уровня помех.

— Но, согласно инструкции, мы вправе произвольно менять этот порог!..

— Путем изменения числа нейтриггерных трубок? В отсеке их — пять миллионов, Алеша. Это почти то же самое, что сделать попытку вытащить на ощупь из пяти миллионов черных шаров один-единственный белый. Однако попробуем...

Попробовали. Повиснув над пультом, мы перебирали десятки, сотни различных вариантов включений нейтриггерных элементов. На светящейся схеме возникали самые неожиданные конфигурации многоэтажных сот. На экране — местная синева...

— Пустая трата времени,— не выдержал Веншин.— Шанс практически равен нулю.

— И все-таки он существует,— возразил я.— Я остаюсь.

— Похвальная настойчивость. Однако ты скоро убедишься в необоснованности своих надежд.

— Или ты — в несостоятельности своих предсказаний.

— Меня устраивает любой исход,— заметил Веншин.

Стыдно признаться, но именно эта полушутливая перепалка на протяжении долгого времени подогревала мое упрямство. Каждый день я возвращался в смотровой отсек и по нескольку часов подряд парил над злополучным пультом. Вопреки здравому смыслу. Уж очень хотелось утереть нос Веншину.

Даже во сне я видел эту мертвую синеву. Просыпаясь, трепетал от возбуждения. Каждый раз мне казалось, что слепая пелена исчезнет именно сегодня. Укладываясь спать, я подводил безрадостный итог...

Я перечитал десятки статей по нейтринной физике, детально изучил теорию нейтриггерных систем и даже зримо представлял себе сложную цепочку физических процессов, происходящих в проклятых трубках. Но мертвая синева держалась стойко. Шаров, который с самого начала недоброжелательно относился к моему увлечению, предпринял попытку положить конец бесплодным экспериментам. Неожиданно вмешался Веншин:

— Повремените, командир. Если случится чудо и Алексей заставит работать нейтриггер, мы сможем получить потрясающий материал.

— Чудеса — есть продукт неуважительного отношения к реальности,— заметил Акопян.— Алеша, дорогой, в каких ты отношениях с реальностью?

— В натянутых,— ответил я. Мне было не до шуток.— Помоги надеть скафандр. Только без этих дурацких штучек с вентилями...

И чудо действительно произошло. Началось с того, что экран заметно поголубел. При этом на схеме светились только верхние этажи ячеек нейтриггера. Я включил запоминающее устройство и, сгорая от нетерпения, продолжал набирать верхнеэтажные комбинации. Голубое свечение усилило свою яркость, но оставалось по-прежнему неустойчивым. Почему?..

Я вернулся в салон и, сославшись на головную боль, удалился в спальную нишу. Мне предстояло осмыслить результаты своих наблюдений и прийти к каким-то определенным выводам. Результат: голубое свечение выше уровня гравитационных помех. Вывод: добиться изображения можно путем мгновенного чередования верхнеэтажных комбинаций. Но это — отчаянный шаг. Нейтриггер может выйти из строя...

— Мгновенное чередование? — переспросил Веншин.— Не вижу существенной разницы. На нем основаны твои предположения?

Я объяснил. В качестве иллюстрации к своим выводам исполь-

зовал сказку про курочку рябу. Это ему за те пять миллионов шаров.

— Вполне логично,— согласился Веншин, проверив мои вычисления.— Н-да... С одной стороны — заманчивая перспектива получить нейтринную гелиограмму, с другой... Слишком рискованный вариант.

Некоторое время мы смотрели друг другу в глаза. Я подумал, что у меня, пожалуй, хватило бы безрассудства провести эксперимент и без согласия Веншина.

— Жалко нейтриггер...— пробормотал Веншин.

— Кому нужен бесполезный прибор? — выложил я свой главный довод.

Веншин махнул рукой:

— Действуй, Алеша. Если тебе удастся получить хотя бы один нейтринный снимок... В общем, действуй.

Ради призрачной надежды Веншин жертвовал дорогостоящим оборудованием. Мне предоставили право собственноручно искалечить нейтриггер, и я был ужасно горд. Веншин не стал отягощать меня своим присутствием во время опыта, и я был благодарен ему. Он мне доверял. Оставалось получить неуловимое изображение и зафиксировать его. Сущий пустяк! Однако я приходил в отчаяние от мысли, что расчеты мои, в конечном итоге, могут оказаться недостаточно верными...

Световые блики плывут вдоль шкалы интервалов времени: десять секунд, восемь, пять... стоп! Включаю нейтриггер: раздается густой, приятный для слуха звук «баум», словно кто-то дернул басовую струну. В глубине экрана вспыхивают голубые зарницы. «Клик-клак, клик-клак»,— торопливо защелкали отметчики времени, и снова это глубокое, волнующее «баум»... Блики застывают на первом делении от нуля. Дальше — неизвестность. Каждую секунду может последовать взрыв. Ощущаю на своем лице капельки холодного пота. Экран на мгновение темнеет и вдруг — «баум» — разливается широким озером сверкающей голубизны. Проступили синие тени... И я увидел ядро!

Я наблюдал это зрелище на протяжении двух-трех секунд, не более. Однако резец внимания оставил в памяти изумительно четкий, яркий след неповторимой картины. Солнечное ядро не было просто круглым, как представлялось мне раньше. Ядро плазменного гиганта скорее напоминало какой-то странный плод в сморщенной кожуре, усеянной большими, крючковатыми шипами. Многие шипы были уродливо длинны и достигали границ фотосферы. Выше и ниже экваториальной области солнечного шара шипы вытягивались длинными усами, плавно загибаясь, и, по-видимому, опоясывали ядро замкнутыми обручами. На северном и южном полюсах усы расслаивались на тонкие, едва заметные волокна. В

центре ядра можно было разглядеть неясные контуры какого-то сгустка. Теперь я остро пожалел, что рядом со мной нет Веншина. По крайней мере он бы понимал, что видит... Экран погас, и я ощутил слабую судорогу взрыва. Вот и все. «Клик-клак, клик-клак»,— беспечно щелкали отметчики времени, но теперь бесполезно было ожидать рокота басовой струны; я знал: в нижнем отсеке уже нет ничего, кроме осколков нейтриггерных трубок.

Опомнился я только в переходной шахте. Руки крепко сжимают драгоценную добычу — кассету с изображением солнечного ядра. Навстречу, смешно загребая руками, плывет блестящая колба с «начинкой». Начинка, разумеется, Веншин. Я протягиваю ему кассету, он хватает ее и нелепо балансирует, пытаясь развернуться в узком туннеле. Я со смехом беру его за рожки антенн и плыву вдоль туннеля, проталкивая Веншина ногами вперед. При этом мы обмениваемся совершенно невразумительными возгласами.

По-моему, не стоит описывать реакцию командира на последствия нейтринного эксперимента. И без того ясно, что участникам этой затеи отнюдь не поздоровилось.

Зато следующий день преподнес нам сюрприз. Производя настройку оптического модулятора, мы наблюдали удивительное явление: на пылающем фоне появились продолговатые темные сгустки, похожие на перистые облака. Я высказал опасение, что на поверхности Солнца, по-видимому что-то происходит. Веншин молча разглядывал эти странные движущиеся полосы.

— Ты ошибаешься, Алеша,— сказал он.— Это надхромосферные образования. Они свободно парят в пространстве.

И действительно, пока мы ставили кассеты в гнезда съемочной аппаратуры, облака заметно увеличились в размерах. Темные языки-полосы занимали теперь почти половину экрана. На корабль надвигался неведомый шквал.

Мы с Веншиным повисли над экраном спектографа. Узкие линии спектра быстро перемещались на поверхности зеркального цилиндра, в стеклянных сотах призматических устройств загорались разноцветные блики.

— Никель, кальций, железо...— сосредоточенно считывал Веншин,— нобелий, фермий, берклий, кюрий, америций... Целый ряд трансурановых элементов! Криптон, ксенон, радон... Странно, эти пылегазовые сгустки почти не содержат в себе водорода и гелия!

Экран потемнел настолько, что пришлось отключить светофильтровую систему. Яркость увеличилась, и мы увидели, что во многих местах сквозь темную пелену просвечивало кроваво-красное зарево.

В стене смотрового отсека образовался светлый овал. Я повернул голову и увидел силуэт командира. Свет из туннеля освещал его сзади, преломляясь в прозрачной толще полускафандра, отчего фигура командира казалась окруженной газовым пузырем.

— Прошу извинить за вторжение,— сказал Шаров.

Он легко и красиво проделал каскад головокружительных поворотов и опустился над пультом. Невесомость, которая заставляла нас с Веншиным болтаться на привязи, придавала движениям Шарова завидную грациозность.

Он плавал мягко и свободно, как детский воздушный шарик.

— Вас что-нибудь интересует? — спросил Веншин, не отрывая взгляда от спектрографа.

— Да. Меня интересует это...— Шаров указал на экран.

— Беспокоиться нет причин,— сказал Веншин.— Плотность скоплений газа и пыли невелика. Относительно невелика и наша орбитальная скорость. Я полагаю, защитное поле «Бизона» легко пробьет коридор...

Веншин не договорил. Мы повернулись к экрану и замерли. Не всякое теоретическое обобщение способно так быстро и так наглядно перевоплотиться в зрительный образ. Веншину в этом отношении повезло. Казалось, корабль падает в исполинский колодец с гладкими, розовато-зеркальными стенами, уходящими в лучезарную перспективу. Где-то в бездонной глубине колодца на фоне солнечного пожара лениво ворочались клубы темных, бесформенных масс. Впереди, чуть левее, проступили расплывчатые контуры двух громадных треугольников серебристо-пепельного цвета, идущих параллельным курсом.

— «Тур» и «Мустанг»! — крикнул я.— Нашлись!

Шаров и Веншин молча смотрели в экран. Первым отозвался Веншин.

— Че-пу-ха! — раздельно произнес он.— Мы видим двойное отражение «Бизона».

Я услышал, как Шаров облегченно перевел дыхание. Видимо, трезвое суждение Веншина устраивало его больше, нежели мой романтический домысел.

Экран посветлел, и автоматы включили светофильтр. Минуту спустя мы уже видели обычную картину: яростное клокотание плазмы...

Так были открыты корональные скопления материи. Веншин назвал эти скопления «солнечным пеплом». Он совершенно серьезно предложил мне разработать гипотезу, объясняющую природу пепловых полей.

Я с жаром принялся за работу. Расчеты, домыслы, опять расчеты... Сначала мне показалось логичным предположить, что солнечный пепел — это остатки крупных протуберанцев. Веншин легко

опроверг мои доводы и посоветовал внимательнее изучить полученные нами спектрогелиограммы.

— Трансурановые элементы, Алеша! — многозначительно напомнил он.— Главное в этом.

Трансурановые... Казалось, я никогда не смогу увязать всю эту массу разрозненных данных в единое целое, осмыслить их тесную взаимосвязь. В цепочке моих рассуждений явно не хватало какого-то мелкого, но очень важного звена...

Решение пришло само собой, неожиданно.

Это случилось в тот день, когда Акопян и Шаров устроили генеральную проверку системы управления «Бизоном». Сняв стенки пультовых покрытий, они самозабвенно ползали на четвереньках, разглядывая светящиеся схемы комплексных блоков, то и дело втыкая в специальные гнезда многоштырковые колодки контрольных приборов. Веншина в салоне не было: он ушел на вахту в смотровой отсек.

Вдруг послышались длинные гудки внепрограммного центра защитной системы корабля. Такими гудками центр предупреждает о том, что требуется дополнительный расход энергии на усиление защитного поля. Акопян и Шаров прыгают в свои кресла за пультом, некоторое время изучают показания приборов, о чем-то переговариваются. Затем Шаров включает аппаратару связи и говорит в телефоны:

— Алло, Веншин! Протонная атака! Рекомендую вам немедленно покинуть смотровой отсек и вернуться в салон.

— Это приказ? — раздается голос Веншина, усиленный громкоговорителями.

— Если хотите, да,— отвечает Шаров.

Протонная атака! Я машинально включаю записывающую аппаратуру и возвращаюсь к столу. Протонная атака... Вот оно!

Заложив в компьютер необходимую информацию и обработав все возможные варианты заданных программ, я через несколько часов смог представить Веншину окончательный вывод. Теперь я мог гордиться простотой и изяществом новой гипотезы. Во-первых, Солнце является своеобразной ловушкой для метеоритного вещества: мощное притяжение, с одной стороны, и световое давление — с другой, приводят к тому, что мельчайшие из метеоритных пылинок скапливаются в узкие ленточные облака, вытянутые вдоль экватора. Во-вторых, атомы захваченного вещества, подвергаясь непрестанной бомбардировке элементарными частицами высоких энергий, в частности — протонами, изменяют свою структуру. Поэтому «пепловые поля», интенсивно обработанные солнечной радиацией, содержат значительное количество трансурановых элементов. Корональная область нашей звезды — самый производительный цех в трансурановой металлургии!..

СОЛНЕЧНАЯ ЛУНА

Время от времени сквозь пятислойный корпус салона слышится гул. Это автоматически включаются моторы, корректирующие движение «Бизона» по многовитковой спирали, направленной к Солнцу.

Постепенно мы должны приблизиться к поверхности Солнца настолько, насколько это позволит защитная система «Бизона».

Сумев разгадать мое увлечение астрофизикой, Веншин резко повысил требовательность. Теперь он упорно старался развить во мне способность к обобщению накопленных фактов и не скрывал своего недовольства, если я допускал хотя бы малейший промах. Его короткие, но емкие по содержанию лекции, а также самостоятельная работа над трудами по астрофизике открывали передо мной горизонты новых для меня знаний. С каждым днем я становился уверенней в себе, как будто вместе с новыми знаниями черпал новые силы.

Наконец, Веншин высказал мнение, что одновременная вахта для нас — непозволительная роскошь. И мы стали сменять друг друга. Уступая мне рабочее место, он лаконично излагал условия очередной программы исследований и бывал доволен, если я не нуждался в дополнительных пояснениях. Сегодня он подсунул мне спектрогелиограммы, снятые в лучах кальция:

— Попробуй выявить закономерность распределения кальция в разных слоях фотосферы. Работа кропотливая, трудная, не обольщайся кажущейся простотой.

Шаров готовился сменить Акопяна.

— До завершения витка остается восемь минут,— предупредил Акопян. Поднялся с кресла, несколько раз присел, чтобы размять затекшие ноги.

Внезапно я ощутил легкий толчок. Второй, третий... Веншин и Шаров переглянулись, Акопян настороженно вытянул шею. Гул орбитальных моторов перешел в угрожающий рев. «Бом-бом»...— раздались звонкие удары, будто в колокол: «растерявшиеся» автоматы призывали человека на помощь.

Шаров стремительно повернулся к приборам.

— Локатор!

На экране проступили бледные, неясные пятна, зигзаги помех и ничего больше. Указатели напряженности электростатического поля выбрасывали чудовищные цифры, гравитометры лихорадило, глухо ревели моторы. «Бом-бом, бом-бом...» Автоматы вели неравный поединок с неизвестным противником, и никто не знал, чем им помочь...

Тревожным воем сирены центральный пост корабля предупредил о включении пространственных двигателей. Я видел, как у Веншина на мгновение расширились зрачки. На смуглом лице Ако-

пяна проступила заметная бледность. Шаров жестом приказал нам занять кресла, но было поздно. Сильный толчок швырнул меня кому-то под ноги, и мы кубарем покатились к стене. Я лихорадочно вспоминал, удалось ли мне дернуть рукоять включения оптического модулятора. Невероятная тяжесть сковала руки, навалилась на грудь, голову.

Почему-то вспомнились Азорские острова, горячий песок, сверкающая синева океана, чайки и наша лихая ватага спортсменов-глубоководников. На пятисотметровой глубине мы тоже чувствовали себя неважно... Интересно, удобно ли Веншину лежать на мне поперек? Черт бы побрал эту тяжесть! На островах было лучше.. А рукоять модулятора я все же, по-моему, дернул...

Давящая тяжесть исчезла. Я вскочил на ноги и помог подняться Веншину. Акопян сидел на полу, обхватив голову руками.

— Мне кажется,— заговорил он, потирая ушибленные места,— мы сравнительно легко отделались. Вот только от чего, не знаю... Вы не подскажете, Веншин?

— Между прочим, я первый раз в этом районе,— невесело отшутился Веншин. На лбу его кровоточила ссадина.

— Ну, а все же?..— поддержал Акопяна Шаров. Он сидел у навигационного пульта, выверяя курс.— Может быть, прозевали протуберанец или какой-нибудь внеочередной выброс?

Настойчивость Шарова производила неприятное впечатление. В этом «мы прозевали» звучал плохо скрытый укор, потому что прозевать могли только я и Веншин, и в основном Веншин. Вопреки ожиданию, он не смутился и ответил так, как привык отвечать,— обстоятельно и подробно:

— Масса вещества протуберанцев занимает колоссальный объем, и гравитометры отметили бы завихрения гравитационного поля еще задолго до того, как прозвучал сигнал опасности. Однако мы стали свидетелями...

— Жертвами,— поправил Акопян, ощупывая разбитый нос.

Веншин посмотрел на него невидящими глазами:

— Я думаю, сейчас мы нуждаемся в более или менее приемлемой рабочей гипотезе, которая помогла бы нам разобраться...

— Сейчас вы больше нуждаетесь в медицинской помощи,— не выдержал я.— Вы и Акопян обязаны уделить мне несколько минут.

Веншину я наложил биомидную повязку. Акопяну, кроме того, пришлось сделать рентгеновский снимок лицевой части черепа. К счастью, мои опасения оказались напрасными.

— Продолжайте,— сказал Шаров, когда все процедуры были закончены.— Итак, вы считаете, что происшествие не связано с эруптивной деятельностью Солнца?

— Увы, только предполагаю.

— Понятно... Ну, и что вы предлагаете в качестве рабочей гипотезы?

Я болезненно ощущал подоплеку этой атаки. Дескать, мы, звездолетчики, ведем корабль туда, куда требует твоя астрофизика, рискуем головой в интересах этой самой астрофизики. Потрудись же в таком случае по возможности правильно определить характер мели, на которую мы наскочили, пересмотреть свою астрофизическую лоцию с тем, чтобы избавить нас в дальнейшем от подобных неприятностей. Шаров, безусловно, прав. Но и Веншин не заслужил, чтобы его подгоняли как школьника. Обстановочка!..

Веншин исподлобья оглядел всех по очереди.

— Это была небольшая планетка или солнечная луна.

— Н-да...— первым заговорил Акопян.— Истории известны случаи, когда планеты открывались с помощью гусиного пера, но я впервые слышу, чтобы такого рода открытия были основаны на изучении собственных синяков и шишек. Нам остается придумать имя для новой планеты... Стоп, нашел! Веншиния! Звучит? Или может быть, Глебия?

— Акопяния,— предложил Веншин,— Так, по-моему, лучше.

— Почему бы и нет? Польщен и тронут.

— Подождите,— остановил их Шаров.— Ты хочешь что-то сказать, Алеша?

— Да, мне кажется, я успел включить съемочную аппаратуру модулятора...

— И ты молчал до сих пор?! — удивился Веншин.— Немедленно готовь запись к просмотру!

Экраном для демонстрации магнитных фильмов служил вогнутый потолок салона. Запрокинув головы, мы застыли в ожидании. И вдруг — словно раздвинулся занавес — мы увидели: клубящиеся струи раскаленных газов медленно сплетались в грандиозные букеты махровых гвоздик. Огненное великолепие! Каждый раз, оказываясь лицом к лицу с Солнцем, я чувствовал себя взволнованным и восхищенным. На огненном фоне появился темный диск. Веншин привстал. Диск быстро увеличивался в размерах, слегка покачиваясь из стороны в сторону и, наконец, закрывает собою экран.

— Фильтр! — крикнул Веншин.

Я понял, что он имеет в виду, и мгновенно отключил предохранительную систему, ослабляющую яркость. Прежде чем изображение исчезло, мы успели разглядеть слабосветящийся красноватый шар.

— Поздравляю,— сказал Шаров.— Вы действительно открыли новую планету.

— Так-то оно так...— задумчиво ответил Веншин, запуская пятерню в свои редкие белокурые волосы.— Но эта проклятая... луна существует вопреки всем законам небесной механики.

Акопян мастерски изобразил на лице горестное недоумение:

— Вы хотите закрыть только что открытую планету?

— Нет, зачем же закрывать? Напротив...

— Издеваетесь, да?

— Это — неустойчивое образование! — высказал я догадку.

— Верно, Алеша,— поддержал меня Веншин.— Те из метеоритов, комет или даже небольших астероидов, которые в силу каких-то причин потеряли устойчивую орбиту, могут оказаться пленниками Солнца. Это известно давно. Следовательно, нет ничего сверхъестественного в том, что Солнце время от времени создает для себя из этого материала недолговечные игрушки наподобие той, которую нам посчастливилось только что встретить. Высокий процент содержания железа и никеля хорошо объясняет мощь гравитационного поля этой луны. Верны ли наши предположения, нам предстоит выяснить.

— Уж не хотите ли вы организовать погоню? — спросил Акопян.

— Именно так.

Мне показалось, что Акопян побледнел.

— Веншин, оставьте луну в покое.

— Мы обязаны детально изучить солнечный феномен.

— Несокрушимая логика! Но вы никак не объяснили резкого повышения напряженности электростатического поля. А ведь это опасно...

— Поздно спохватились. Об этом нужно было думать на Меркурии...

— Намек понятен, отвечаю: я готов. Ешьте меня под соусом ваших идей, закусывайте пробутеранцами. Думаете, за себя испугался?

Шаров знакомым жестом погладил подбородок. Все трое уставились на меня.

— Мы напрасно теряем время,— сказал я, пожимая плечами.

Глаза Шарова на секунду прищурились, потом вдруг стали жесткими и холодными.

— Добро! — сказал он медленно, но веско, и в этом слове, тяжелом, как удар молота, обозначилась сила его внутренней собранности.— Маневр сближения поручаю Акопяну. Веншин берет на себя программу научных наблюдений. А вам, Морозов, надлежит собрать в контейнер дубликаты исследовательских материалов для отправки их в сторону Меркурия.

Командир впервые назвал меня по фамилии...

Я недоумевал: зачем Шарову понадобилось вручную тащить контейнер так далеко, если люк шахты подъемника находился прямо

в салоне. Закованные в защитные скафандры тяжелого типа, мы выволокли толстый блестящий цилиндр в переходную камеру. Пока нагнеталась аргоновая атмосфера, я с интересом разглядывал зеркальную фигуру командира: огромные плечи, мощная, слегка сутулая спина, вместо головы — плавно сливающийся с плечами бугор, вместо глаз — продолговатая щель перископа. Какое-то фантастическое чудище! Промелькнула жутковатая мысль: а что, если это не Шаров? Что, если рядом со мной стоит бездушный, таинственный робот?.. Я рассмеялся. Смех прозвучал хрипло и не очень уверенно.

Тяжелый щит медленно съехал в сторону.

— Пойдемте, Морозов,— слышу я голос Шарова.

После привычной тесноты салона внешняя полость корабля кажется удивительно просторной. Еще бы: шаровидный салон занимает здесь столько же места, сколько грецкий орех в глубокой тарелке. Все остальное пространство заполнено агрегатами противорадиационной защиты. Словно лопасти гигантской турбины, закрученные в одну сторону, разметали свой широченный размах спирально-вогнутые металлические крылья, красные от жара едва ли не на половину длины. В промежутках между крыльями виднеются отдельные участки внешнего корпуса корабля. Раскаленный корпус излучает довольно яркий свет. В разных направлениях змеятся широкие ленты теплопроводов, нарушая четкую геометричность систем многочисленных трапов, балок, труб и шахтных стволов. В специальных углублениях тускло мерцают верхние диски лямбда-преобразователей. Это благодаря им «Бизон» окружен защитным полем, обезвреживающим яростный натиск солнечной радиации. От их безупречной работы зависит успех экспедиции.

Кружным путем мы выходим к стволу подъемника. Я закладываю контейнер в камеру, и Шаров нажимает рычаг. Все. О дальнейшем пути контейнера позаботятся автоматы. Слышно, как аргоновый вихрь уносит камеру вверх по стволу к широкому конусу почтового корабля. Взвыли сервомоторы, огромный конус тронулся и плавно двинулся по рельсам. Через минуту «почтальон» умчится в сторону Меркурия, и там его встретят корабли-перехватчики...

Я вздрагиваю от пронзительного крика сирены. Мне кажется, что в крике машины, вдруг зазвучавшем в этом царстве багровых отблесков, я улавливаю тягучие ноты прощания, жалобы...

Сирена смолкает, «почтальон» исчезает за створками кормового отсека. Слышится вибрирующий свист... Пошел...

Мы опускаемся вниз. Шаров останавливается и неуклюже топчется на месте, осматривая оборудование, проверяя надежность креплений. Теперь я понимаю, зачем ему понадобилась эта экскурсия.

— Как ты думаешь, Алеша, где находится наша ахиллесова пята?

«Тур» и «Мустанг» были оснащены не хуже «Бизона», но они не вернулись, и Шаров мучительно ищет причину их гибели. Я не отвечаю ему. Зачем? Ведь он и не ждет ответа.

С круглых площадок свисают черные щупальца. Мы обходим их стороной. Эти машины, похожие на огромных спрутов, создают искусственное поле тяготения, к ним приближаться опасно. Впереди поблескивают грянцевые бока орбитальных моторов. Моторы деловито гудят.

Винтовая лестница приводит нас на небольшую площадку, обнесенную крепкими поручнями. Отсюда хорошо видны громадные цилиндры пространственных двигателей. Шаров делает мне знак остановиться.

— Мы остаемся здесь... на всякий случай.

Взглянув на радиометрические датчики, я заметил, что радиация возросла втрое. Обращаю на это внимание Шарова.

— Вижу,— ответил он.— Близость луны оказывает влияние на защитное поле «Бизона». Ну что ж, приготовимся к встрече. Закрепить поясные леера!

Я хватаю кольцо карабина и пытаюсь правильно соразмерить длину стального троса. В этот момент загрохотали моторы, настил рывками стал уходить из-под ног. Я вцепился в поручни. Шаров проехал мимо меня на спине. Грохот внезапно прекратился, но настил под ногами продолжал раскачиваться. Отпустив поручни, я бросился к Шарову. Моторы снова взревели, меня швырнуло лицом вниз и потащило по ступенькам винтовой лестницы. «Интересно, чем кончится эта акробатика?»— успел подумать я. Ответом был страшный удар в спину, в глазах замелькали радужные пятна. Наконец мне повезло: я застрял между какими-то трубами. Скоро на помощь пришел командир — он помог мне подняться на ноги и спросил, все ли в порядке.

— Не знаю...— буркнул я, стискивая зубы от боли.— Мои кости в порядке, но за целость кронштейнов трубоподвески не ручаюсь.

Поддерживая друг друга, мы с трудом взобрались на свою площадку. Сначала мне показалось, что все вокруг запорошено хлопьями зеленоватого света. Однако хлопья перемещались с места на место, меняли форму, слипались в какие-то странные, блуждающие комки, которые тут же расползались по поверхности предметов бледными струйками.

— Как ты находишь, Алеша, красиво, а?

В голосе Шарова звучала тревога.

— Похоже на блуждающие заряды.

— Похоже...— мрачно согласился Шаров.

Он стоял, широко расставив ноги, неподвижен, как статуя. Я рванул его за плечо и указал на датчики:

— Радиация достигает критических величин! Надо немедленно уходить!

— Вы быстро теряете чувство юмора, Морозов.

Какой там еще к черту юмор?!

Ослепительно сверкнул зигзаг зеленой молнии. От ужасного треска заложило уши. Еще зигзаг, еще... Молнии били в блестящую оболочку салона, плясали на массивных радиаторах теплоприемников, змеились среди переплетения труб и распорок. Сплошное сверкание и треск, треск, от которого можно оглохнуть... Внезапно рядом с Шаровым вырастает огненный жгут. Шаров клонится набок и медленно сползает в сторону. Руки его, закованные в панцирь, торчат вверх...

Не помню, как мне удалось дотащить командира до переходной камеры салона. Перевалившись вместе с ним через высокий порог, я на четвереньках подполз к щиту и привел в действие запирающий механизм... Щит тронулся, и в этот момент среди треска разрядов я услышал тонкий, вибрирующий свист; такой свист могли издавать только пространственные двигатели. Тело быстро наливалось свинцом — не менее четырех «же» ускорения... Значит, уходим от этой проклятой электрической луны. Кажется, я теряю сознание...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СТРАШНАЯ ВАХТА

Счастливо отделавшись от коварной луны, мы вернулись на прежний курс. «Бизон» исправно накручивал виток за витком, приближаясь к внутренней короне, которая простиралась едва ли не на половину солнечного радиуса от поверхности океана огненных бурь.

У Веншина участились стычки с командиром по поводу рабочего времени — ему было мало восемнадцати часов в сутки. Акопян, сам перегруженный работой, старался урвать минутку, чтобы немного развлечь нас, и если в салоне вдруг раздавался дружный смех, то этим мы были обязаны только ему. Кстати сказать, под его редакцией довольно регулярно выходили номера светогазеты «Солнечный удар». В последнем номере он поместил карикатуру, где были изображены Шаров и стиснутые между его колен участники нейтринного эксперимента. Недвусмысленные позы наказуемых и поднятая для удара кассета с надписью «Нейтринный успех» весьма своеобразно, но точно передавали полный драматизма эпизод. Однажды Акопяну удалось уговорить всех послушать маленький концерт легкой музыки. К сожалению, по моей вине концерт не состоялся. Как-то, совершенно случайно, я использовал кассету фильма-концерта для записи радиоизлучений Солнца, и сейчас вместо музыки стереотремы изрыгнули чудовищную порцию рева, похожего на злобное рычание рассерженных львов. Озадаченный Акопян перечитал этикетку: «Если мы вдвоем. Брикли. Твой поцелуй... Серия «К», фильтр О8/6-РГД, 450 мегагерц!» Никогда не забуду испепеляющего взгляда, которым он меня одарил.

Наши с Шаровым прогулки во внешнюю полость корабля стали отличаться регулярностью. Командир выглядел все таким же спокойным, он лишь чаще обычного сосредоточенно поглаживал подбородок. Короче говоря, все шло своим чередом вплоть до той удивительной «ночи», которой суждено было нарушить наше в общем-то безмятежное бытие...

За ужином, кроме отлично прожаренных бифштексов, Акопян угостил нас рассказами о печально знаменитой экспедиции Снайра. Я слушал его с интересом, хотя с самого начала так и не мог понять, шутит ли он, или живописует действительные события пятнадцатилетней давности. О том, что он и Шаров — участники этих событий, я знал. Знал, что их первое знакомство состоялось в красной марсианской пустыне при очень драматических обстоятельствах. Однако в передаче Акопяна трагизм положения первых марсопроходцев как-то терялся среди забавных мелочей.

— ...Что тут было! Мы еле держались на ногах, а десантникам — наплевать. Они дурачились, как щенята, валили нас на песок, топтали ногами, демонстрируя на наших ослабевших организмах приемы дзюдо. И все это к вящему удовольствию джед-джедаков, которые спешили к месту происшествия целыми семьями.

Акопян отправил в рот кусочек бифштекса и аппетитно причмокнул.

— Но Снайра им положить не удалось — слабó! Он с восторгом выколачивал пыль из скафандров спасателей — особенно доставалось Шарову — и от радости мычал что-то нечленораздельное. Н-да... Алеша, налей мне, пожалуйста, виноградного соку... Спасибо. Когда мы вернемся домой, я угощу тебя настоящим кавказским вином. Веншин, предложите командиру салат, вы по рассеянности съели его яичницу... Так вот. Любопытные джед-джедаки расселись на ближайших барханах, как в театре. Они, подобно нашим пингвинам, редко упускали возможность понаблюдать за деятельностью двуногих гостей из другого мира, там и сям возникали ссоры из-за лучших мест в партере. Они одобрительно стрекотали, если находили ситуацию забавной, и лениво водили всеми своими шестнадцатью щупальцами с набалдашниками на конце, если им делалось скучно. Н-да... Но тогдашний спектакль проходил под аншлагом. Наиболее восторженные зрители лезли на сцену. Один из таких смельчаков приковылял к Шарову и с немым обожанием застыл у его ног. «Ну, что ж, будем знакомы!» — сказал Шаров и протянул ему руку. Джед-джедак протянул щупальце с наиболее крупным из своих набалдашников. Возможно, он хотел потрогать незнакомый предмет, но Шаров почему-то решил, что это сделано в знак особого к нему расположения, и с чувством пожал «ладонь» марсианина. Вы бы видели, как позеленел от злости представитель марсианской фауны! Он подпрыгнул, вырвался и припустился бежать, оставив

Шарова в недоумении. Я стоял ближе всех и тихо наслаждался растерянностью десантника. Но надо же объяснить человеку в чем дело. «Ты, дорогой, совершил поступок, который считается величайшей бестактностью не только в нашей галактике, но, вербятно, и далеко за ее пределами»,— сказал я. «Не понимаю,— признался Шаров.— До сих пор я считал, что крепкое дружеское рукопожатие... Может быть, я сильно сжал ему лапку?» — «Вовсе нет! Ты дружески крепко пожал ему голову».

Смеялись только я и сам рассказчик.

— Болтовня,— отмахнулся Шаров.

— А вы что скажете? — спросил Акопян у Веншина.

— Оставьте меня... э-э-э... в покое. Ваша словоохотливость мешает мне сосредоточиться.

Акопян ткнул меня в бок и повертел пальцем у лба:

— Старик, кажется, того... Ты присматривай за ним, это по твоей части.

Двадцать один ноль-ноль условных суток относительного времени. Шаров и Веншин о чем-то шепчутся, затем Акопян и Шаров сдают вахту и расходятся по своим спальным нишам. Веншин подходит ко мне, трет ладонью бледный лоб, словно припоминая что-то. Он явно в затруднении, желая выбрать тему для моей работы полегче.

— Энергообмен обращающего слоя и хромосферы,— подсказываю я.

— Вот, вот, именно! — кивает он и спешит к своему столу. Но вдруг останавливается.— Ты справишься с этим, Алеша?

— Думаю, да. Зачем вы скрываете, что плохо чувствуете себя? Завтра же устрою вам внеочередной медосмотр.

Веншин пожал плечами:

— Как знаешь. Да... расчеты требуется произвести с особой тщательностью. Я воспользуюсь конечным результатом для новой методики наблюдений. Целиком полагаюсь на твою... добросовестность, проверять некогда. Тема чрезвычайно сложная, желаю удачи.

И он забывает о моем существовании. Я торопливо осматриваю свое хозяйство. Все в порядке, аппаратура работает нормально. Отбираю нужные мне материалы и погружаюсь в расчеты.

Проходит час. Несмотря на занятость, я совершенно независимо от своей воли ухитряюсь следить за окружающей обстановкой. Уши сами слушают, глаза сами отмечают малейшие изменения в комбинациях световых сигналов — привычка, выработанная необходимостью. Внезапно ощущаю запах гари. Поднимаю голову, принюхиваюсь. Нет, показалось. Но чувство чего-то тревожного уже не покидает меня. Мерно тикают отметчики времени на стенде регистраторов, тонко поют приборы, лениво перемигиваются цветные огоньки на пультах. Как будто ничего особенного.

Стоп! Опять этот противный запах... Что за ерунда?!

— Вы не чувствуете запаха гари? — спрашиваю Веншина.

Веншин не отвечает. Поворачиваюсь к нему. Он... спит. Спит прямо за столом, положив голову на руки, и блаженно посапывает во сне. Ну и пусть отдыхает. В наших условиях сон — это, пожалуй, самое необходимое лекарство для него. Нервное истощение...

Бросаюсь к приборным стендам: датчики перемалывают привычные цифры, зеленые лучики выписывают на экранах знакомые графики, шкальные блики дрожат на обычных местах. Правда, чуть-чуть изменилась характеристика поля гравитации, но в пределах допустимого. И вдруг... вдруг я замечаю, что регистраторы все, как один, точно сговорившись, указывают нуль радиации! Не сон ли это? Приборы вышли из строя? Все сразу?.. Не может этого быть! Надо будить командира.

Случайно мой взгляд останавливается на странице бортового журнала. Почерк Шарова. Читаю: «Радиация падает... (колонка цифр). Параметры протонного потока... (следуют символы, цифры). Чужеродное магнитное поле... Вспышка... Водородный флоккул...» Гм, значит он знал об этом... Сажусь в кресло центрального пульта и вопросительно смотрю в большие желтые глазища-блюдца электронного лоцмана. «Глаза» успокоительно мигают — желтоватое сияние то разгорается, то угасает. Внезапно в глубине этих громадных зрачков улавливаю какой-то красноватый, дьявольский отсвет. Вглядываюсь пристальней: на выпуклой поверхности «глаз» медленно передвигаются отблески двух красных колец. Что-то знакомое чудится мне в их замедленном, плавном движении... Торы!!!

Сердце сжалось до боли в предчувствии непоправимой беды. Я понял, что вижу отражения торов... Но я не мог заставить себя обернуться.

Наконец оцепенение прошло. Я вскакиваю с кресла... Там, под самым потолком салона, где секунду назад плавали кольца, медленно тает оранжевая дымка. Чушь, просто мне показалось!..

Поворачиваю голову, чтобы взглянуть на спящего Веншина, и содрогаюсь: он лежит на столе все в той же позе, но его хитро прищуренные глаза с любопытством следят за мной... Мне становится жутко.

— Вы спали? — спросил я, чтобы услышать звук собственного голоса.

— Нет, я не спал.— Веншин направляется ко мне.

— А я был почему-то уверен...

Он жестом прерывает меня и долго молчит, разглядывая свои руки, словно впервые их видит.

— Меня считают здесь сумасшедшим,— говорит он и вертит пальцем у лба.— Ну что ж, я ухожу...

— Куда?..— спрашиваю одними губами.

— Я ухожу к Солнцу,— отвечает Веншин и смущенно смеется. Чувствую, как по спине ползут холодные капли пота.

— Нельзя так шутить!

— Шутить?..— взгляд его становится укоризненно-скорбным.— Я знаю: вы все боитесь идти со мной. И ты, и Шаров, и Акопян. Ведь правда? Ну что ж, прощайте, мне пора!..

Хочу крикнуть: «Вы действительно потеряли рассудок!», но вместо этого глотаю застрявший в горле комок. Веншин страшно бледнеет, закрывает глаза, голова его безжизненно свешивается на грудь. Он куда-то уходит, точно плывет. Я смотрю ему вслед, но мне мешают видеть слезы и легкое головокружение...

Глаза электронного мозга перестали мигать, в желтых зрачках застывает тупая покорность, на сигнальных панелях пробегает судорога зеленых огоньков. Мне почудилось, будто лязгнула крышка люка выходной шахты. Оглядываюсь — Веншина в салоне нет.

Я бросаюсь к люку переходной шахты и всем телом налегаю на рычаг.

Рычаг не поддается. Значит, Веншин успел накинуть внутренние замки! Что, если он надумает открыть выход из переходной камеры?!

Меня пробирает дрожь.

— Вернись! — ору изо всех сил и колочу кулаками металл.

Ну почему я не сумел заранее распознать его недуг?! Даже Акопян заметил!.. Но что же я медлю! Тревога! Тревога!!!

Вот спальная ниша Шарова. Рывком отодвигаю перегородку:

— Командир, просни...

Крик застывает в горле, холодеет кровь. Ниша командира пуста... Внутри, возле сердца, обрывается что-то и рассыпается тысячью звенящих осколков.

Ниша Акопяна пуста...

Это выше моих сил!..

Не знаю, сколько времени я просидел в кресле с закрытыми глазами, обхватив ладонями виски. Не открывая глаз, думал: «Какой, однако, нелепый сон. Смешно».

Открываю глаза. По-прежнему тихо в безлюдном салоне.

Я вяло удивился, что навязчивый сон продолжается. Протянул руку и взял со стола циркуль-измеритель. Холодный, гладкий, имеет вес... Стальные иглы вонзились в тело, и я почувствовал боль. Нет, во сне так не бывает.

Оставалось признать себя сумасшедшим. Эта мысль показалась мне забавной. Попробовал скорчить идиотскую гримасу. Получилось. Горло перехватила судорога отвращения.

— Мида, иди ко мне,— позвал я.

К моему креслу подкатил небольшой белый ящик на мягких колесиках. Холодные щупальца электродов обвили руки, шею, забрались под одежду.

— Нервный шок,— констатировала Мида размеренным голосом.— Необходим полный покой, глубокий сон... Рекомендую принять снотворное.

Вот глупая! Разве я не сплю?

— Марш на место!

Ящик послушно укатился прочь.

Я брожу по салону и думаю, думаю... А может быть, и не думаю ни о чем, только бесцельно брожу и трогаю руками все, что ни попадется на пути. Скопище безмозглых автоматов... Неужели «Бизон» все еще послушен им?! Впрочем, какая мне разница, мчится ли он по точно рассчитанной кривой или беспорядочно падает куда-то?.. Одному он мне не нужен. Да и я ему не нужен один...

Липкая мгла безудержного страха застилает сознание. В приступе ярости бью кулаками о стены, катаюсь по полу, кусая руки. Быть может, даже кричу... По моим щекам струятся слезы.

Мне жаль себя, и я плачу навзрыд, как ребенок. Ох, как мне жаль себя!..

ГЕЛИАНА

Сколько прошло времени, не знаю. Может быть, целая вечность. Странная тишина. Тишина непроницаемая, мертвая. Поднимаю голову и оглядываю салон. Приборы замерли, и все вокруг выглядит так, словно корабль устал от бесцельной работы и погрузился в дремоту. Он выполнил свой долг, и теперь отдыхает, прикрыв веки многочисленных экранов. Люк переходной шахты открыт.

Я тоже устал. Устал удивляться, устал чувствовать себя живым. Да и какой мне смысл страдать от одиночества и горя, кружить в непроходимых дебрях собственных галлюцинаций? Вверху, над головой, тихонько мурлычет кот. Ну и пусть. Почему бы ему и не мурлыкать? Теперь мне все безразлично... На всякий случай оглядываю потолок.

Огромные кольца лениво обмениваются сгустками оранжевой дымки. Их два. Это они издают странные звуки, похожие на сытое урчание котов. Я погрозил им кулаком. Пожалуй, это все, что я могу сделать. Их двое, а я — один. К тому же, я сошел с ума, потерял рассудок... А если нет? Что, если все происходящее не бред и не игра воображения? Быть может, мы в плену у этих тварей?..

Делаю прыжок в открытый люк переходной шахты и устремляюсь вдоль тюбинговых стен туннеля. Этим путем ушел Веншин. Разыскать его, во что бы то ни стало разыскать!..

Выходной люк тоже открыт. Но там, где должна быть испепеляющая ярость раскаленной бездны, переливается голубое сияние таких чистых и радостных тонов, какими дарит людей только земное небо.

У выхода — широкая синяя полоса. Не могу понять, что это такое, и осторожно пробую плоскость ногой. Твердо, можно ступать... Прямо передо мной — остроконечные вершины заснеженных гор. Подошвы их скрыты в тумане.

Синяя полоса, словно дорога, проложенная по облакам, уходит вдаль грациозным изгибом. Иду по ней, как во сне, оглушенный тишиной, ослепленный великолепием. Грудь дышит легко, свободно. Далеко позади остался громадный конус «Бизона», а я иду все вперед и вперед, не зная куда и зачем.

И вдруг в гулком пространстве возникает удивительный звук. Похоже на растянутый удар гонга. Звук тронул сердце и увлек в другой мир ощущений, до боли знакомый и светлый. Где-то в глубине пробудившейся памяти тоненьким звоном рассмеялось мое далекое детство. «Мама, а звезды могут смеяться?» Мама склоняется надо мной. Темно, я почти не вижу ее. В большие окна заглядывают звезды. «Могут, мой мальчик. Спи, поздно уже. Хочешь, я тебя поцелую?» — «Да... и еще я хочу, чтобы меня поцеловали звезды...» — «Звезды заняты, они освещают ночное небо».— «И эта?» — показываю на голубую лучистую каплю. Мне кажется, она ближе всех. «И эта. Спи, родной. Когда ты вырастешь, все твои желания исполнятся». Мама гладит мой лоб...

Издалека на крыльях неведомой мелодии прилетел голос. Женский голос. Кристально чистый, как поцелуй звезд, он окликнул меня и поманил за собою к сверкающим вершинам гор. Я останавливаюсь и слушаю, один на синей дороге. Вокруг ветер и горы. И голос. Мне не догнать его, ведь у меня нет таких крыльев...

А голос поет. Прозрачный и радостный, он с легкостью взлетает в недосягаемую высь, парит над мелодией, наслаждаясь свободой полета. Он будто приближается к границе полной невесомости, и я боюсь: вдруг он уплывет за эту грань, исчезнет навсегда. Голос, словно угадывая мою боязнь, возвращается обратно и долго блуждает в разливах тающих аккордов. Потом он постепенно набирает волнующую силу, наполняя мир теплом, любовью и нежностью...

Пение обрывается. Я стою и продолжаю вслушиваться, не в силах преодолеть оцепенение. Но я уже не тот, что прежде,— пожалуй, я стал лучше. Лучше и чище, богаче. Словно мой разум обрел небывалую силу, и я стал видеть далеко и во все стороны сразу.

На голубой дороге маячит пятнышко. Пятнышко растет, приближаясь, раздваивается. Одно из них совсем маленькое. Я прикрываю ладонью глаза — пусть отдохнут.

Отняв руку, вижу перед собой... девушку. Большие, слегка удлиненные глаза, синие с золотистыми искорками — океан в погожий солнечный день; темные брови, ресницы, густые и длинные, волна ослепительно-белых волос... На обнаженных плечах — ожерелье из голубых звезд.

— Здравствуй...— говорит она, и я ее понимаю.

— Здравствуй...

Я снова прикрываю веки. Мираж? Видение?

Нет, она не исчезла. Она по-прежнему стоит передо мной и с интересом меня разглядывает. На ней легкое светлое платье из какой-то пенящейся ткани. К ее ногам робко прижалась маленькая белая лань.

— Кто ты, путник?

Она говорит не так, как говорят люди, но почему я понимаю ее?

— Я — сын Земли. Ищу своих друзей.

— Мы с Лимой — твои друзья. Но ты искал не нас?

— Нет.

— Кто такие те, кого ты ищешь?

— Мои товарищи... Люди.

Вокруг нее медленно кружит серебристо-матовый шарик.

— Я не такая, как люди?

Я вижу, с каким волнением она ожидает ответа. Голубые звезды издают тонкий тающий звон. Это похоже на озвученное мерцание льдинок...

— Не знаю...— наконец отвечаю я. Чувствую свою неловкость.— Это ты пела? Твой голос много рассказал мне о тебе.

Синие глаза погрустнели. Странные, неземные глаза — сплошная радужка...

— Я хочу быть такой же, как люди.

Матовый шарик дрогнул, покрылся блестками и описал замысловатую кривую.

— Как зовут тебя, незнакомка?

Она произнесла что-то, очень похоже на земное имя Майя.

— Майя — это значит Мечта. Ты красивая, Майя. Когда-нибудь люди станут такими, как ты...

— Спасибо тебе, сын Земли.

Четыре тороида плавно вращаются над нашими головами.

— Как называется мир, в котором мы находимся, Майя?

Она ответила, мне послышалось: «гелиана».

— Гелиана?.. В этом слове есть знакомый мне слог.

— Я знаю. Миолмы общения правильно переводят мои слова.— Она показала рукой на торы.

Понятно: миолмы общения просто-напросто внушают мне смысл слов, сказанных на незнакомом языке. Я с уважением смотрю на торы, тяну к ним руку. Кольца, вздрагивая, отплывают.

— Они недоступны осязанию,— говорит Майя.— Миолмы никогда не позволят коснуться себя — это опасно.

Мне как-то не по себе.

— А эти горы, этот снег тоже недоступны осязанию?

— Снег?..— На лице Майи любопытство и озабоченность.—

Ты видишь то, что хотел увидеть. Я даже не знаю, что видят твои глаза. Должно быть, что-то прекрасное...

Вот как!.. Неуверенно протягиваю руку, чтобы коснуться ее. Но не коснулся. Мне страшно встретить пустоту. Девушка понимающе улыбается и берет меня за руку. Если бы она знала, как мне приятно гладить ее маленькую, теплую ладонь!..

— Я дам тебе другое зрение, и ты увидишь мой мир,— говорит она.

Матовый шарик делится на два поменьше. Один из них покидает свою орбиту и кружится возле меня. Сначала это кружение казалось назойливым, но скоро я перестаю замечать его.

Синева дневного неба быстро тускнеет. С горных вершин сползают снега, обнажаются острые грани. Не горы, а какие-то правильные пирамиды. Над горизонтом вспыхивает красное полукружье.

— Ты начинаешь видеть мой мир,— как бы издалека доносится голос Майи.

Все окружающее постепенно меняет цветовые тона: фиолетовые, голубые, зеленые меркнут; оранжевые, красные разгораются. На гранях пирамид ползут отражения ломаных дуг. Дорога теряет свою голубую прозрачность, приобретает ярко-малиновый цвет и расползается множеством плоских фигур.

Я стою и растерянно озираюсь вокруг, ошеломленный внезапностью появления каких-то больших предметов, похожих на пурпурные орхидеи. Надо мной нависли колокола прозрачных лилий. Их серповидные стеклянные лепестки отражают мириады огней. На длинных стебельках раскачиваются причудливые чаши, наполненные бледно-лиловым сиянием. Очень трудно остановить свой взгляд на чем-то одном! Все кругом в беспрестанном движении, неуловимым образом приобретает новые формы, цвет и размеры. Лишь только ярко-красные торы по-прежнему вращаются парами. Они, словно играя, обмениваются туманными сгустками, и в этой игре определенно есть какая-то закономерность...

— Тебе здесь нравится? — слышу я голос Майи.

Оглядываюсь... и не узнаю ее. Волосы уже не белые, а красноватые, с медным отливом. Глаза источают яркую, пронзительную синеву, и мне чудится, что, если она их прикроет ресницами, все вокруг должно потускнеть и угаснуть; пылающая чешуя ее платья резко оттеняет матовую гладь обнаженных рук и плеч, звезды сияют рубинами. Она кажется мне выше, чем была. Наверное, из-за того, что изменилась осанка. В каждом ее движении, внешне спокойном и плавном, ощущается сдерживаемый порыв. Но нет, пламени нельзя приказать: стой, замри! Пламя остается пламенем...

— Да, мне нравится твой чудесный сад.

— Это не сад, это — Гелиана. Я не могу тебе все объяснить так сразу...— задумчиво произносит она.

И я ей поверил.

— Ты одна здесь... в своей Гелиане?

— А Лима? Разве она не со мной?

— Я спрашиваю о тех, кто подобен тебе.

— Да, здесь я одна. Но теперь пришел ты, сын Земли. Я ждала тебя... Долго ждала.

И опять я поверил ей. Чувствую: она знает что-то, касающееся меня, пришельца из другого мира. И я не спрашиваю ни о чем, потому что не знаю, как велико расстояние, отделяющее ее от меня, но смутно догадываюсь, что оно огромно.

— Пойдем. Ты увидишь больше, чем видел.

И она повела меня за собой.

Перед нами с музыкальным звоном раздвигаются прозрачные лепестки лилий, пропуская в гулкие стеклянные залы без потолков и сводов. Я то и дело останавливаюсь, разглядывая сложные узоры световых рисунков, щупаю граненые формы диковинных предметов, которые видоизменяются от одного прикосновения, смотрю на свое собственное отражение, волшебно оживающее в перспективе, любуюсь трепетными веерами красных лучей. Странно, во всем этом буйстве жарких красок и ошеломляющем разнообразии форм почти нет симметрии в строгом понимании этого слова. Но в то же время я не могу не дивиться гармоничной соразмерности того, чего не в состоянии себе объяснить, и что, по-видимому, имеет какой-то скрытый смысл. Что же это такое? Волшебный сплав искусства и техники или что-то еще более сложное — новая ступень в развитии материи, недоступная моему пониманию?..

Хрустальные серпы звонко смыкаются за нами, роняя рубиновые искры. Быстроногая Лима, точно солнечный зайчик, убегает далеко вперед, теряясь в красноватом мареве. Неуклюжие торы вежливо уступают нам дорогу, посылая вслед рулоны оранжевой дымки. Время от времени матовые шарики улетают от нас, приближаются к тороидам, быстро наматывают спиральные витки по кольцу и возвращаются обратно. Какова их природа?.. Дорого бы я дал, чтобы узнать обо всем этом подробнее.

— О чем ты задумался, сын Земли?

— Мне не понятно, почему ты одна. Это меня удивляет.

Майя минуту размышляет над моими словами. Потом говорит:

— Мой мир большой, и нас в нем много. Гелиана — лишь маленькая часть моего мира... И здесь я одна. Так надо.

— Как называется мир, откуда ты пришла?

— Туанолла.

— Сколько солнц в этом мире?

— Много... Так много, что я не сумею сказать тебе, сколько.

Значит — галактика. И, может быть, даже не наша...

— Ты прилетела сюда одна?

— Я говорила.

— На чем прилетела? Где твой корабль?

— Корабль для этого не нужен. Нет таких кораблей, которые могли бы достичь Туаноллы... Мы, Повелители Времени, проникаем в Пространство другими путями. Мне трудно объяснить так... несколькими словами. Да я и сама не знаю всего...

На эту тему Майя говорит не очень охотно: видимо, чувствует, что я почти ничего не пойму, и не желает лишний раз причинять мне боль. Но ее взгляд, улыбка и жесты полны обаяния и настолько непринужденны, что мне становится по-настоящему легко и весело с ней. Мне безразлично, кто я такой и откуда.

Мы уже не идем — скорее плывем в густо подсвеченной пурпуром среде. Так и кажется, будто эту дышащую светом среду можно черпать ладонями.

— Смотри! — восклицает Майя и действительно набирает пригоршни пурпурного сияния и щедрым жестом расплескивает вокруг.

Тотчас далеко вверх и в стороны от наших фигур волнами расходятся светлые контуры.

— Смотри! — повторяет она и зачем-то разводит руками.

И, словно повинуясь этому легкому взмаху, в прозрачно-слоистой глубине у нас под ногами возникают очаги пламенных вихрей. Неожиданно огненные волчки выплескиваются на поверхность яркими фонтанами. Феерическое извержение длится секунду. Затем полупогасшие, вдруг остекленевшие потоки странного вещества застывают в форме гигантских изогнутых сталактитов. Пляска красных спиралей...

Вероятно, все это время с моего лица не сходило выражение сосредоточенной заинтересованности. Да, каждое мгновение мои глаза находят здесь для себя новое, необычное... И меня радует то, что хозяйка Гелианы нисколько не стремится поразить пришельца из другого мира неиссякаемым разнообразием окружающей обстановки,— она просто предоставляет мне возможность осматривать все, что меня интересует. Она вся как бы лучится жизнерадостной энергией. Ей нравится смотреть на все вокруг моими глазами, восхищаться тем, чем восхищаюсь я. И я вдруг как-то по-новому увидел, что Майя поразительно юна и ошеломляюще красива...

Почему-то я уже не спрашиваю себя, насколько реально то, что я вижу. Все это слишком похоже на действительность, пусть пока необъяснимую, но это уже другой вопрос...

— Смотри и слушай!..— говорит Майя.

Сталактиты, увитые красными спиралями, издают странные булькающие звуки. Между рядами перекрученных гигантов появляются цепочки фиолетовых торов — уменьшенные копии красных колец.

В открытом пространстве над нашими головами начинают

скользить бледно-розовые и ярко-лиловые дуги. В какой-то миг они убыстряют скольжение и теперь все вместе представляют собой сетчатый купол. В центре купола вырастает что-то огромное, яркое, и моим глазам открывается волнующая картина: я вижу знакомое по нейтринным снимкам солнечное ядро... Так вот оно что! Значит, все, что я наблюдаю,— это техника космических пришельцев. Техника неведомого совершенства...

И мне становится обидно. Я брожу в здешнем мире, не понимая его устройства точно так же, как питекантроп не смог бы понять внутреннего устройства «Бизона». Я брожу среди приборов, конструкций необычного вида и не могу даже догадываться о их назначении. Удивляюсь странным формам загадочных сооружений, испытываю наивное восхищение игрой световых бликов и пятен, не зная сути того, что наблюдаю. Обидно... Теперь мне хорошо понятно нежелание Майи давать подробные объяснения. Да и вряд ли миолмам общения по силам такой «разговор». Сомнений нет: Повелителям Времени доступны вершины знаний, о которых нам, землянам, пока еще трудно судить...

Заметив, какое впечатление произвел на меня вид солнечного ядра, Майя спрашивает:

— Тебе не нравится это?

— Нет, почему же. Это, пожалуй, единственное, что я здесь понял.

Судя по всему, мои слова приятно удивили ее. Должно быть, ей подумалось, что я не такой уж безнадежный питекантроп.

— Я покажу тебе наше искусство,— оживляется она.

Мы выходим к зарослям гигантских шаровидных кактусов. Это, конечно, не кактусы, но я не знаю, как их назвать по-другому. Из ничего возникли похожие на цветы неглубокие мягкие чаши. Майя садится в одну из них, обхватывает руками колени. Я не умею сидеть так, как она, и остаюсь стоять рядом.

Колючки кактусов разрастаются в длину, смыкаясь между собой тончайшими пленками алых перепонок. Однажды мне приходилось наблюдать волшебную картину кристаллизации перенасыщенного раствора, но то, что сейчас происходит у меня на глазах, во сто крат более изумительно и грандиозно. Мы словно находимся в центре растущего кристалла и смотрим, как где-то в его прозрачно-алой толще возникает сложная архитектура вогнутых граней, пронизанная иглами колючих лучиков.

Мое внимание отвлекает нарастающий грохот. Грохот прокатился волной и замер. Заструились ручейки чистых, прозрачных созвучий, и я, осененный внезапным наитием, вдруг понял, что так зарождается Жизнь. Вслушиваясь в переливы мелодий, я каким-то внутренним зрением постигал картину Развития. Лавина грозных аккордов принесла ощущение Мрачной Борьбы... Откуда у меня

такая острота и ясность восприятия?! Я впитывал в себя и понимал все, о чем говорили звуки, я словно читал раскрытую книгу, и мне казалось, будто я начинаю глазами различать музыкальные образы... Где-то далеко-далеко раздается волнующий рокот тамтамов. Рокот ближе и громче, ритм усложняется, обретая совершенство и форму. И я уже знаю, что это — начало Разумного. Тайна другого мира медленно распускает свой бутон...

Да, в эти минуты я увидел больше, чем за предыдущий час. Впрочем, «видел» не то слово,— меня позвали в сокровищницу чувств и ощущений, и я откликнулся, сначала с робостью, как гость, затем уверенней, как равный. Не знаю, были ли это только звуки... Наверное, нет. Одни лишь звуки не смогли бы объяснить всего богатства моих восприятий. Иногда казалось, что мозг мой не выдержит стремительного взлета и беспредельность многообразия. Но взлет продолжался — неудержимый, трудный, тревожный. И сейчас я чувствую себя так, словно кто-то удивительно щедрый вложил в мои руки тяжелый самородок новых, непривычных для меня ощущений...

Отзвучали прощальные аккорды. Скрытая сила приводит в движение линии пересечения поверхностей: параболы и эллипсы радиальными потоками разбегаются, уплывают прочь. Легко взлетают вверх и застывают веера причудливых конструкций, напоминающих расправленные крылья исполинских птиц. Майя сидит все так же, не меняя позы, только глаза у нее задумчивы, грустны. И я стою неподвижно и смотрю, как шары-кактусы превращаются в диковинный ансамбль предметов, похожих на мраморные изваяния оленьих рогов...

Полупрозрачный слой под ногами истончился, словно подтаял, образовались широкие промоины, сквозь которые прорвались языки оранжевого пламени. Стало заметно светлее...

Мне удается подавить в себе сумятицу мыслей и сосредоточиться на одном. Теперь я понимаю, что нахожусь на каком-то искусственно созданном острове, каждая частичка которого имела строго определенное назначение; здесь было все, что необходимо для существования в пространстве без кораблей и скафандров. Техническое оснащение Гелианы, гораздо более совершенное, чем у «Бизона», позволяло этому кусочку чужого мира спокойно выдерживать смертоносный натиск солнечной радиации. Но как, какими силами он был заброшен из космических глубин сюда, в корональное пространство нашей звезды?! И почему именно в корональное пространство? Ведь даже на орбите Меркурия Гелиана могла бы получать солнечную энергию в громадных количествах. Странно... Впрочем, ничего странного нет. Если предположить, что перелет Гелианы в пространстве совершается путем перехода материи вещества в материю неизвестного мне поля, то для такого «перелета»

действительно понадобится колоссальный энергетический импульс, а энергию для подобного импульса можно накопить только возле поверхности Солнца. Н-да, этот удивительный остров можно с полным правом назвать звездолетом. Ведь в конце пути, когда материя поля должна будет совершить обратный переход в материю вещества, тоже понадобится источник звездной энергии. От звезды до звезды...

Майя окликает меня и показывает рукой куда-то в сторону. Я оборачиваюсь и вижу темную фигуру, похожую на человека в скафандре.

— Что это?

— Не знаю...— тихо отвечает она, и я улавливаю в ее голосе нотку тревоги.— Наверное, алитора...

Человек в скафандре приближается к нам осторожно и медленно, словно крадучись. Он идет по самой кромке промоины, за его спиной бушует пламя. Я с тревожным недоумением разглядываю пришельца, и мне вдруг чудится в его движениях что-то знакомое... Хейдель!

Вспыхивают и гаснут световые столбы, взволновались торы. Впервые они вращаются в разных плоскостях. Девушка испуганно прижимается к моему плечу.

— Он страшен мне,— шепчет.

Я сам испытываю если не страх, то чувство безмерного удивления.

Хейдель останавливается, на таком расстоянии мне хорошо виден его коричневый скафандр, испачканный пятнами засохшей грязи. В правой руке у него грушевидный баллончик. И я спешу к Хейделю, потому что хорошо знаю разрывную силу этой штучки...

Наши взгляды скрещиваются. Я с ужасом смотрю в его неподвижные глаза, а Хейдель хладнокровно вывинчивает предохранитель. На тонких, плотно сжатых губах усмешка...

Чего стоит после этого моя уверенность в реальности происходящего?.. «Чертовщина!» — успеваю подумать и точно рассчитанным ударом выбиваю взрывчатку из его рук. Баллончик скатывается в огнедышащую пропасть. Взрыв. Вполне реальный взрыв!.. В следующее мгновение Хейдель сделал попытку поймать меня за горло. Не выйдет!..

Схватка. Хейдель мало уступает мне в силе и ловкости, он кажется неуязвимым в пластмассовой броне.

Кроме того, он в совершенстве владел запрещенными приемами борьбы. От его коварства меня спасает только быстрота реакции. Несколько раз мы откатываемся к самому краю провала... Тогда Хейдель решает покончить со мной одним ударом. Он складывает вместе тяжелые кулаки. Взмах... Таким ударом можно было бы размозжить голову. Но руки в твердых перчатках рассекают воздух.

Изловчившись, обхватываю его поперек тела и поднимаю над пропастью. Несколько мгновений колеблюсь, но Хейдель рвет из-за пояса нож. Тогда я разжимаю руки — коричневое тело летит в гудящую бездну...

— Как ты мог?! — слышу я шепот Майи.— Ведь это — человек!..

Я резко поворачиваюсь к ней и смотрю в расширенные глаза. Ее рука неуверенно блуждает по щеке, рот приоткрыт в испуге.

— Молчи! — говорю ей почти грубо.— Ты не знаешь, что он хотел сделать. Однажды он сделал такое... Звали его Курт Хейдель, пока не проснулась в нем звериная ненависть предка.

— Ты... защищал себя? — спрашивает она.

— Тебя. Кстати, как он оказался здесь?

Девушка медлит с ответом.

— Это я виновата. Мне хотелось отсрочить момент разъединения наших миров, и это мое желание помешало миолмам хранилища объемных знаний удержать того, кого ты называешь Куртом Хейделем. А миолмы искусства — она показывает рукою на торы — не научены противодействию.

— Он действительно человек или... или это мой бред?

Она опять задумалась.

— Не знаю, как ответить тебе...

— Прямо, как принято у людей. А я попытаюсь понять.

— Хорошо... я попробую. Он существовал помимо твоего сознания.

— А ты?

— И я существую, и все, что видишь вокруг.

— Значит, он — человек?

— И да, и нет.

— Как это понимать?

— Мы называем человеком того, кто один. Для тебя это понятно и просто. Но есть понятие более сложное — алитора, что значит: один во многом.

— Стало быть, существует два одинаковых Хейделя?! Один — точная копия другого!

— Да, у него была двойная алитора. Мы умеем многократно усложнять природу людей. Но почему это наше умение так удивляет тебя?

— Невероятно...— только и мог прошептать я в ответ.

— Двойная алитора — два одинаковых человека,— продолжает Майя.— Между ними нет никаких различий. Но тот, который был с нами, погиб... Остался второй — человек-первооснова.

— Первооснова Хейдель тоже погиб,— замечаю машинально я.— Давно погиб... в туманных пропастях Меркурия, после того, как встретили его твои миолмы.

— Теперь ничто не в силах возродить его! — В голосе Майи тревога.

— Вот и прекрасно. Таким, как Хейдель, нет места ни в одном из миров...

Я, кажется, начинаю понимать ее объяснения. Конечно, не до конца, не полностью, но кое-что все же улавливаю. Допустим, что человека можно размножить подобно фотокопиям, хотя я и не представляю себе как. Но зачем?..

Н-да... Мир, который в первую минуту показался мне красивой сказкой, постепенно обрастает реальной плотью и в конце концов обретает в моих глазах отнюдь не сказочную сложность... Внезапно зарождается догадка:

— Скажи мне, Майя... Ты тоже представляешь собой эту самую... алитору?

Замечаю, что мой вопрос ее взволновал.

— Да, двойную.

— Ту, вторую, тоже зовут Майя?

— Да, так звали ее. Сейчас ее зовут Руада. Она далеко отсюда. Но если пожелаю, я могу вернуться туда, в большой мир Туаноллы.

— И тогда вам с Руадой могут вернуть обычное единство?

— Конечно... Но я не хочу, хотя объединенные знания сделают наше единство богаче. Да и она не захочет...

— Вот как! Отчего же?

Синие глаза становятся удивительно глубокими, нежными. Неземные глаза...

— Я боюсь, что нас будет разделять бездонная пропасть.

— Что именно?

Предчувствую что-то большое и грустное для себя.

— Любовь...— слышу в ответ.

Молчание. Эта минута тишины одинаково нужна мне и ей.

— Да, теперь тебе будет трудно...— наконец прерываю молчание.— А твоя первооснова не имеет на тебя каких-либо преимущественных прав?

Задавать этот вопрос, конечно, не следовало.

— Прав?..— переспрашивает Майя. Качает головой: — Нет. Мы совершенно одинаковы: она — это я, я — это она. Но мы существуем независимо друг от друга и лишь с течением времени обретаем различие.

— Но зачем, Майя, зачем все это, зачем? — восклицаю я, в отчаянии сжимая ее маленькие руки в своих ладонях.— Какой во всем этом смысл?!

Видимое пространство за ее спиной наполняется вертикальными колоннами ярко окрашенных лучей. Цвет лучей быстро меняется от золотисто-желтого до рубиново-красного, от изумрудно-зеленого до ультрамаринового, и есть в этой игре что-то от радужно колючих

вспышек на гранях алмаза. Откуда-то издалека доносится приглушенный гул.

Майя смотрит на меня и молчит. Опомнившись, я отпускаю ее руки. И тоже молчу, стыдясь своего внезапного и, может быть, непонятного ей порыва.

Красочный накал достигает своего апогея, вибрирует на самых высоких нотах цветовой симфонии. Кажется, будто все вокруг вот-вот расплавится и потечет, завертится в чудовищном водовороте огня... Но что-то мешает этому: не выдерживают, обрываются струны лучей, угасают источники света. Наступает призрачно-таинственный покой...

В сумраке можно различить матовые купола каких-то грибовидных сооружений, смутные контуры странно разветвленных конструкций. Бледные полоски света, которые невесть откуда просачиваются сюда, в этот изменчивый мир, еще недавно блиставший всеми оттенками спектра, производят удручающее впечатление. Тишина... Но тишина напряженная — будто ожидание взрыва. Бледные полоски вздрагивают и начинают мерцать, постепенно обретая полную гамму лазурно-голубых тонов. Голубое мерцание вызвало неожиданный световой эффект: над матовыми куполами возникают двойные ореолы трепетного свечения... Полукружья ореолов кажутся сводами прозрачных, уходящих в перспективу галерей.

Внезапно купола расцветают шаровыми вспышками, слышится знакомый гул. Опять из промоин вырываются языки оранжевого пламени. Майя, словно очнувшись от глубокой задумчивости, говорит:

— Какой в этом смысл, спрашиваешь ты? Все просто: если бы мы не умели создавать алиторы, мы не могли бы проникать в Пространство так далеко... Посмотри туда. И ты все поймешь.

Я оборачиваюсь. На фоне звездного неба медленно вращается исполинский оранжевый шар. Узоры незнакомых созвездий...

— Таэма,— произносит Майя, и я догадываюсь, что это — одно из солнц Туаноллы.

В лучах красноватой короны гиганта видно туманное пятнышко. Изображение увеличивается и вырастает в волнистую спираль, состоящую из отдельных оранжевых сгустков. Над спиралью — маленькая женская фигурка, изображенная в стиле японских гравюр. Конечно, она похожа на Майю.

Поодаль желтым светом загорается еще один шар, поменьше. Я сразу узнаю Солнце. Между нашими солнцами появляется тонкая красная лента. Она вдруг перекрутилась вдоль оси множеством штопоровидных витков. Очевидно, изображением этого ленточного штопора Майя делает попытку навести меня на мысль о сложной структуре Пространства... На том конце красного штопора, который упирается в туманную спираль в короне Таэмы, суетятся белые

волнистые линии. Мгновение спустя такие же линии пляшут в корональной области Солнца; проступают очертания второй спирали, а над ней очертания женской фигурки... Ну что ж, главное дошло до меня: Гелиана и ее хозяйка действительно не совершали перелета в привычном для землян смысле этого слова. Используя какие-то неизвестные нам законы природы, Повелители Времени умеют возникать в любой точке околозвездного пространства с такой же привычной для них физической обоснованностью, с какой в нашем понимании возникают, скажем, южный и северный полюса обыкновенного магнита. Два равновеликих и качественно равнозначных полюса, но с неодинаковой ориентацией в пространстве. Не в этом ли кроется загадка алитор?..

Угасают звезды-шары, тускнеют обе спиралевидные Гелианы, исчезают рисунки женских фигур. Промоины становятся шире, вокруг бушует ураган огня. Оазис, в котором мы находимся, постепенно распадается на островки. Майя заметно встревожена.

— Мы — на краю Гелианы,— говорит она. Поднимает ресницы, все вокруг наполняется сказочной синевой ее необычных глаз.— Скоро мой мир разобщится с твоим... Хочешь ли ты остаться здесь, сын Земли?

Она спрашивает это робко, с надеждой.

Я смотрю на нее и долго не решаюсь ответить.

— Нет... не могу. Я должен вернуться к своим товарищам. Покажи мне дорогу обратно.

Девушка что-то показывает рукой, и я вижу верхушку «Бизона», покрытую лиловой коркой нагара.

— Обещаешь ли ты выполнить одну мою просьбу? — спрашиваю я.

— Обещаю, если только смогу.

— Сможешь. Прикажи своим миолмам разыскать в хранилище объемных знаний мою алитору и уничтожить ее. Пойми меня правильно: нам, землянам, непривычна мысль о едином множестве алитор. Возможно, когда-нибудь в будущем наши взгляды изменятся, и мы придем к необходимости искусственно усложнять природную индивидуальность людей. Но для этого нашему обществу понадобится вырастить невиданный кристалл новой человеческой морали и этики на обширном фундаменте знаний... Ты сделаешь то, о чем я тебя попросил?

Синие глаза закрылись медленно-медленно. Из-под ресниц покатились слезинки. Неземные глаза тоже умеют плакать...

— Может быть, это жестоко, но иначе я не могу. Почему — не знаю, но не могу. Не плачь, я уйду, и все забудется...

Мне очень трудно уходить. Но время не ждет. Островки стали совсем небольшими...

— Ты так и уйдешь?

Я оборачиваюсь. Маленькая лань доверчиво приближается ко мне и тычет мордочкой в ладонь — ее холодный носик заставляет меня вздрогнуть. Я тихонько отстраняю головку Лимы и возвращаюсь к девушке. Не понимаю, как это произошло, но вдруг я чувствую на своем лице волну мягких волос.

Губы ее влажные, теплые...

— Прощай, Майя! Мечта моя...

— До встречи, сын Земли!.. Иногда я буду видеть тебя, пока ты здесь, возле Солнца. Вспоминай Гелиану. Я буду ждать твоего возвращения...

Я иду, не оглядываясь, сопровождаемый матовым шариком. В пути меня нагоняет одинокий, исполненный неизъяснимой тоски дивный голос. Голос приносит мелодию, грустную, как лебедь на темной поверхности вечернего озера.

РАССКАЗ КОМАНДИРА

Голос Акопяна:

— Осторожнее, Веншин, с этой дрянью шутки плохи... Разбудите командира, все вместе мы как-нибудь справимся.

— Что случилось?

Это спрашивает Шаров.

Открываю глаза. Вижу себя сидящим на полу, в обнимку с рычагом выходного люка. На почтительном расстоянии от меня — Веншин, Шаров, Акопян. Смотрят... Не на меня, а куда-то поверх моей головы. Я издаю радостное восклицание и делаю попытку подняться.

— Сидеть! — рявкнул Акопян. И добавил мягче: — Не шевелись, дорогой, потерпи минутку. Сейчас я подключаю отвод.— В его руках длинный металлический стержень.

Я проследил направление взглядов. Шарик!.. Над моей головой тихо кружился подарок Майи. Я протягиваю руку — и шарик мгновенно меняет кривую облета. Значит, все это правда!..

— Тебе что, жить надоело? — кричит Акопян.— Или, может быть, ты не знаешь, что такое шаровая молния?

Я вскакиваю на ноги. Шарик послушно выбирает новую орбиту.

— Ненормальный, да?! — Акопян ловит шарик металлическим стержнем.

Я не успел помешать. Шарик лопнул с оглушительным звоном.

— Что ты наделал?! — Стержень сухо треснул у меня на колене и отлетел в сторону.

— Смотри-ка, взбесился парень! — удивляется Акопян.— Ты не кусаешься? Терпеть не могу, когда кусаются.

Я сгребаю со стола кучу диаграмм и швыряю их ему под ноги:

— Все результаты наших исследований не стоят тени этого шарика!

Шаров смотрит на меня с задумчивым любопытством. Веншин молча подбирает диаграммы. А я бормочу что-то несвязное о сумасшествии Веншина, о девушке из другой галактики, о маленькой лани, которую зовут Лима, об алиторах. У Акопяна очень глупый вид: рот приоткрыт, нижняя челюсть отвисла.

— Н-да...— говорит он, как только я умолкаю, и обращается к Шарову: — Придется нам с тобой меняться вахтами, им больше доверять нельзя: Веншина я застал спящим под столом, а этого типа — висящим на рычаге выходного люка. Ну и публика!..

Я смотрю на руки Шарова: мне показалось, будто под рукавами он прячет красные браслеты. Командир замечает мой взгляд и одергивает рукава, словно стесняясь чего-то.

— Скажите, Веншин, вам не кажется странным то, что рассказал Морозов?

Веншин поднял на Шарова глаза. Потом опустил.

— У Алеши очень богатое воображение. Видимо, сказалась чрезмерная нагрузка последних дней, организм не выдержал и... сами понимаете,— бред, галлюцинация. Это бывает... Да и сам я не выдержал — уснул, крепко уснул. Не могу себе простить...

Акопян облегченно вздохнул:

— Осознал, кается. Значит — тихий. Ну, а что делать с этим буйнопомешанным? — Он указал на меня.

— Оставить его в покое.

Все повернулись к Шарову. Командир минуту медлит, задумчиво поглаживая подбородок, затем добавляет:

— Мало ли что может присниться человеку... Я и сам провел очень беспокойную ночь.

Акопян вонзает в спину командира подозрительный взгляд.

— Хотите знать, что я обо всем этом думаю? — спрашивает он.— Ну что ж, извольте слушать. Слабонервных попрошу заткнуть уши.

И он, нисколько не стесняясь в выражениях, выкладывает свое мнение.

— Не корабль, а филиал психиатрической лечебницы! — закончил он свою колоритную речь.— Еще одно слово о девушках из чужих галактик — и я положу корабль на обратный курс.

Как бы подтверждая угрозу, он направился к центральному пульту.

— Назад! — приказал Шаров.— Спокойно. Для паники нет основания.

Шаров обвел нас испытывающим взглядом и опустился в кресло. Он выглядел слишком серьезным.

Дневная вахта началась как обычно. Но это только на первый

взгляд. Все работали молча, избегая смотреть друг на друга. Я чувствовал себя усталым, был рассеян и потому охотно подчинился командиру, когда он приказал мне отдыхать. Долго не мог уснуть, лежал с открытыми глазами, а в мыслях царил хаос...

Ночную вахту приняли я и Шаров.

На этот раз Веншин не дал мне никакой работы. На моем попечении оставались только приборы. Ну что ж, может быть, это даже и к лучшему. Проверяю кассеты и ухожу к своему столу.

Над спинкой кресла у центрального пульта виднеется затылок Шарова. Даже не посмотрит на меня. Я тоже поворачиваю свое кресло так, чтобы сидеть спиной к командиру.

Некоторое время спустя я услышал шелест шагов. Краем глаза слежу за Шаровым. Он подходит к спальной нише Акопяна, отодвигает перегородку, заглядывает. То же самое проделывает у спальной ниши Веншина. Тихо. Желтые глазища лоцмана спокойно мигают, ярко мерцают экраны...

Шаров возвращается к пульту и снова садится. Словно почувствовав, что за ним наблюдают, он поворачивает голову в мою сторону. Поединок взглядов. И вдруг Шаров манит меня пальцем к себе.

— Расскажи мне подробно обо всем,— просит он.— Ну, садись.

Я понимаю, какой рассказ он имеет в виду, и мною овладевает безразличие. Сижу рядом с ним и молчу.

— Мало ли что человеку может присниться...— наконец отвечаю и делаю попытку встать, уйти.

Командир кладет на мое плечо тяжелую руку:

— Не горячись, Алеша... Нам с тобой нужно поговорить с глазу на глаз. Для этого у меня имеются достаточно веские основания...

И я рассказал ему все. Все, до мельчайших подробностей. Шаров выслушал, ни разу не перебив.

— Добро,— сказал он после минутного молчания и шепотом добавил: — Молодчина.

— Вы о чем?

— Так... Мы не ошиблись в тебе.

Ошеломленный похвалой, сути которой я, впрочем, так и не понял, я ждал, что он скажет еще.

И он спросил:

— Тебе не показалось странным, что ни Веншин, ни Акопян абсолютно не в курсе ночных событий? Они считают твой рассказ...

— Чистейшим вымыслом? Вы сами объявили все это сновидением.

Шаров погладил подбородок и спокойно ответил:

— Я правильно оценил обстановку и не мог поступить иначе. Экипаж «Бизона» должен доверять своему командиру... Полет еще не окончен, и сохранить это доверие нужно было любой ценой. Поэтому я промолчал, Алеша.

Я вскочил с кресла, точно подброшенный пружиной.

— Сядь,— сказал командир.— Да, я был *там*... И могу сейчас рассказать об этом только тебе.

— Так вот,— начал он, словно бы нехотя.— В последний час вчерашней вахты я заметил кратковременный всплеск общего фона радиации. Причина возникновения столь мощного потока протонов казалась мне ясной: внезапное развитие надфотосферной вспышки из водородного флоккула. Включив модулятор, я, несмотря на большие помехи, смог убедиться в правильности своего заключения.

Всплеск радиации — старый враг космонавтов. Однажды я испытал такое, когда мы на «Джафаре» задели радиационный пояс Юпитера. Тогда это действительно было опасно. Но мы очень спешили: прямо по курсу подавала сигналы бедствия «Ставрида», капитан которой Майкл Линнэй частенько доставлял спасателям много хлопот... Для «Бизона» даже эта чудовищная атака протонов не представляла опасности. К тому же, вскоре все регистраторы, как один, стали отмечать медленное, но неуклонное падение радиации. Да, вместо того, чтобы возрастать, она уменьшалась...

Я подозвал Веншина, указал ему на приборы и послал запрос Внепрограммному Центру защитной системы корабля. Центр выдал информацию. То, что он сообщил, было похоже на взаимодействие двух защитных полей: напряженность магнитного поля возрастала, наблюдалось резкое смещение пространственных потенциалов.

«Забавно..» — сказал Веншин.

«...И странно,— добавил я.— Чужеродное поле?..»

«Чужеродное?! Гм... Зачем вам понадобилось такое э-э... двусмысленное выражение? Ведь мы имеем дело с конкретным, хотя и малоизученным явлением — явлением перехода энергии фотосферной плазмы в энергию магнитного поля. Ну да ладно, идите спать, а я займусь этим сам...»

Откуда нам было знать тогда, что «Бизон» проскочил защитный пояс Гелианы...

«Не забудьте разбудить меня, если падение радиации будет продолжаться»,— предупредил я его.

Я не спал. Лежал с открытыми глазами и ждал. Веншин все не приходил. С трудом удавалось подавить в себе желание встать, выйти и проверить показания приборов. Но оскорблять людей недоверием нельзя...

Меня охватила легкая дрема. Но даже в состоянии полусна я ощутил, что начинаю терять собственный вес. «Прекратили работу генераторы тяготения,— подумалось мне.— С чего бы это?» Ощупью нахожу пластмассовые петли и продеваю туда кисти рук. Петли вдруг натягиваются с такой силой, что меня покидают остатки сонливости. Я начинаю вращаться... Ты не знаешь, как это можно вращаться сразу в двух петлях, разделенных промежутком

стены?.. Вот, вот, и я не знаю. Но взгляни на мои руки: красные «браслеты» на сгибах кистей — следы вращения. Дальше со мной происходит что-то совсем непонятное: в глазах сгущается темень, а я начинаю скользить куда-то в сторону все быстрей и быстрей. «Командир, просни...» — слышу издалека раскаты громовых звуков. Впереди в темном пространстве появляются изумрудные линии — трасса продолговатых зеленых огоньков. Я мчусь вдоль этих направляющих линий, но мой полет слишком напоминает падение... Наконец изумрудные линии образуют плавный изгиб, и тело мое, подчиняясь неизвестным законам движения, совершает полуоборот вокруг своей оси и взлетает на другую ветвь исполинской параболы, но уже с внешней ее стороны. Не помню, тогда или позже мне в голову пришла мысль, что эта трехмерная парабола отлично иллюстрирует выводы Янковского-Вандерсона о кратной структуре Пространства. Вероятно, мне на практике довелось преодолеть «перегиб» вандерсоновского Подпространства. Постепенно ощущение взлета проходит. Изумрудные струны желтеют и расплываются облаками тумана...

Ощущаю под ногами опору. Оглядываюсь. Очень трудно словами описать то, что я увидел, но все же попробую... Представь себе торосы красного льда. Чем дальше, тем плотнее они окутаны бледно-светящейся дымкой. Среди торосов, точно водяные смерчи, с шипением бродят гибкие, подвижные колонны. Приближаясь друг к другу, колонны вспыхивают ярким огнем и расслаиваются на множество отдельных нитей. Сквозь рваные клочья тумана выплывает эскадрилья громадных красных колец. Они очень низко и медленно проходят над иззубренными глыбами торосов, волоча за собою мглистые тени...

Конечно, я узнал их. Если до этого я колебался: «Сон или бред?» — то появление колец несколько изменило условия выбора: «Бред или действительность?» Да, знакомые торы заставили меня взглянуть на этот неведомый мир другими глазами. Медленно, но верно возвращалось утраченное чувство реальности...

Туман редеет, и постепенно становится видимым нечто огромное, похожее на сверкающий серп, опрокинутый рожками кверху. Далеко в стороне виднелись вершины каких-то пирамид. Куда идти? Прикинув расстояние, я направился к серповидному сооружению. Чем ближе подходил, тем очевиднее становились его исполинские размеры. Наклонное расположение серпа позволяло видеть, как время от времени его зеркальная поверхность вздрагивала, прогибалась во многих местах и из образовавшихся воронок вылетали красные кольца; затем воронки быстро выворачивались наизнанку — и новая партия танцующих смерчей исчезала в тумане...

Громада серпа покоилась на куполообразном основании из желтого мерцающего вещества. Со всех сторон купол был окружен чет-

кими рядами наклонных плоскостей. Через равные промежутки ряды смыкались под углом, образуя прозрачные грани многолучевой звезды.

Я шел вдоль этой стены и смотрел, как в ее слоистой глубине появляются и исчезают радужные расплывы. Изредка на гладкой поверхности возникали узоры каких-то непонятных знаков. Должно быть, эти линии и знаки имели определенный смысл, уловить который мне было трудно... Я поднял голову и долго рассматривал острую, далеко выступающую грань. Отсюда, снизу, она напоминала приподнятый нос какого-то сказочного корабля со стеклянной палубой, стеклянными бортами. Впечатление усиливало полотнище серпа, так и казалось, будто сквозь клочья тумана несется в неведомую даль сверкающий парусник, а вместо чаек над ним парят знакомые кольца.

Торы молча обмениваются сгустками оранжевой дымки, смерчи деловито снуют и без устали прядут свои красные нити...

Уже тогда я начал понимать, что меня окружают автоматы неведомой техники. Автоматы непривычного для меня вида и качества.

Неожиданно мои размышления были прерваны: кто-то настойчиво теребил меня за ногу. Я посмотрел вниз и увидел странное существо, похожее на морскую звезду. Я поднял ее на руки и стал с интересом разглядывать. Звезда не пыталась удрать, она спокойно устраивалась на моей ладони, пошевеливая десятью лучами-щупальцами. Полупрозрачное тельце переливалось и мерцало сотнями радужных огоньков... «Что же ты есть такое?..» Я почувствовал, что звезда становится нестерпимо холодной, огоньки сбегались к центру, тускнели. Это симпатичное создание невероятно быстро накапливало в себе энергию. Конечно, это был всего лишь автомат... В центре венчика приподнятых лучей образовалась жемчужная капля. Капля росла, округлялась, и вот появился матовый, с голубоватым оттенком диск, величиной с чайное блюдце. Диск подпрыгнул и закружился вокруг моей головы. Я заметил, что он пульсировал в такт ударам моего сердца... Щупальца мерцающего существа распались и рассыпались множеством красноватых кусочков. Я поднял один их таких кусочков и убедился, что он ничем не отличается от других осколков красного «льда» — такая же слоистая структура на изломе, такие же цепочки зернистых узелков... Видимо, автомат выполнил свою задачу, и теперь за ненадобностью сам себя разобрал на составные элементы, чтобы потом, по мере необходимости, «воссоздаться в образе» какого-нибудь другого автомата.

Мысли мои быстро и путано перебегали от одного к другому. Да, существование и взаимосвязь материальных форм этого мира организованы еще более сложным образом, чем я думал. Мне предстояло освоиться с выводом, что эта взаимосвязь основана

прежде всего на принципе величайшей целесообразности, настолько глубокой и полной, что нам, землянам, может показаться нереальной... Например, для тысяч и тысяч поколений наших далеких предков камень был просто обычным камнем, а в нем ценились только твердость, форма и вес. Каменная глыба по мере надобности превращалась в орудие труда, в произведение искусства, в продукт химических соединений, наконец — в ячейки «думающих» машин. Однако мы, земляне, по старой привычке пользуемся конкретными свойствами окружающих нас предметов слишком односторонне. Мы все еще никак не освоимся с мыслью, что существует возможность такого тесного слияния этих предметных свойств и особенностей, которое приведет к качественно новым взаимоотношениям материальных форм окружающего нас мира. Скажем, вопрос, может ли книга вполне самостоятельно передать электронному мозгу заложенную в ней информацию, имеет для нас однозначный ответ: не может. Для этого нужен посредник — человек. Нет, нашим автоматам тоже пора обходиться без нянек. Пусть сами создают себя, настраивают, ремонтируют и пусть сами строго следят за своим поведением. Ничего страшного в этом нет — в океане подчиненной человеку материи любое проявление опасных для него симптомов будет подавлено еще в зародыше. Постепенно автоматы научатся выполнять желания людей быстро и четко, они сами сумеют сорганизоваться в наиболее эффективную систему, подчиненную жестким принципам целесообразности. А человек, освобожденный от докучливой необходимости быть постоянным опекуном своих созданий, получит возможность беспрепятственно развивать и совершенствовать свою природу, свой разум. Но для этого... Для этого ему потребуется взять в руки глыбу своего привычного мира и суметь увидеть в ее грубоватых сколах *совершенство будущих форм*. Точно так же, как сумели это таинственные пришельцы...

Я бережно положил осколок на прежнее место. Мне и в голову не приходило взять его с собой — эта мысль показалась бы кощунственной...

Отсветы на прозрачной стене мешали смотреть, и я затенил их ладонями. Едва руки коснулись гладкой упругой преграды, как целый участок ее повернулся на невидимой оси и пропустил меня внутрь. Пространство вокруг желтоватого купола заполнено неглубокими чашами самых различных диаметров. Прозрачные чаши раскачивались на своих тоненьких ножках, словно кланялись, расплескивая светоносную жидкость. Брызги испарялись на лету, образовывая занавеси переменчивого блеска. Полярное сияние в миниатюре... Чаши вежливо раскланивались, уступая мне дорогу. Должно быть, это своеобразные экраны какого-нибудь центра информации.

Сквозь оболочку купола слышался гул. Сопровождаемый диском,

я приблизился к желтой преграде и тронул ее рукой. Поверхность прогнулась, стала светлеть. Я без колебаний шагнул в светлый проем, за мной последовал мой маленький неразлучный спутник. Оболочка сомкнулась, и мы оказались внутри мерцающего шара... Заточение длилось недолго — шар лопнул, и я остался стоять среди грохота, ослепленный лучами света.

Первое время мне трудно было на чем-либо остановить свой взгляд. На моих глазах грациозно свертывались рулоны радужного сияния. Они медленно всплывали вверх, теряясь в зыбком мерцании оранжевых облаков. Куда ни глянь — повсюду дрейфовали пучки серебристых игл, окруженные сгустками бледно-лиловой дымки. Временами иглы перегруппировывались, изливая при этом мощные ливни разноцветных лучей. И сразу же на пути этих ливней, точно по волшебству, возникали громадные диски. В светлой их толще бродили неясные, зыбкие тени...

Внезапно серебристо-серые громады дисков выбросили фонтаны радужных струй и вдруг исчезли, точно их никогда здесь и не было. По всем направлениям разбегались цепочки оранжевых сгустков, там и тут возникала неистовая пляска узорчатых огней. Неведомые силы начинали новый этап своей загадочной деятельности...

Мне надоело стоять на одном месте, и я решил пройти немного вперед, хотя, разумеется, не имел ни малейшего представления о том, что меня ожидает. Но первый же шаг, видимо, не на шутку встревожил моего маленького спутника: он побледнел, увеличился в размерах и стал суетливо носиться по искривленным орбитам. Он был до смешного похож на почуявшую опасность собаку, которая всеми доступными ей способами взывала в благоразумию хозяина. Но я не стал отказываться от своего намерения.

Я шел; прислушиваясь к мерному гулу неведомых машин, любуясь неповторимыми комбинациями световых рисунков. Я не видел здесь застывших, неизменных форм — все видимое, что меня окружало, совершенно непостижимым способом переливалось — иного слова я не могу подобрать — из одной формы в другую. Голубоватый диск по-прежнему вел себя беспокойно. Когда мне преградила дорогу колония серебристых игл, он на минуту застыл на месте, точно соразмеряя силу свою и противника. Силы, очевидно, были неравны. Но стоило иглам повернуться ко мне, как он с безудержной отвагой верного пса атаковал их и разметал колонию в клочья. Иглы рассеялись и отступили, недоуменно позванивая зеркальными доспехами. Мой маленький проводник вернулся ко мне и, как ни в чем не бывало, возобновил свое вращение. Я был признателен ему за это вмешательство,— если бы иглам вдруг вздумалось окатить меня ливнем острых лучей, я бы наверняка ослеп...

Впрочем, это происшествие не обошлось без последствий. Разрозненные иглы, потерявшие привычный строй, сталкивались

между собой, посылая цветные лучи куда попало. Стрелы лучей легко прокалывали все, что ни попадалось на пути, вызывая сумятицу вспышек...

И вдруг где-то в глубине моего сознания зародилась смутная догадка. Догадка росла, крепла и постепенно превратилась в уверенность. Да, я понял, что меня окружало. И понял как-то совершенно отчетливо. И с к у с с т в е н н ы й м о з г! Просто и ясно. Конечно, неуклюжие, опутанные миллионами проводов, наши машины не шли ни в какое сравнение с этим гигантом, который принимал и обрабатывал информацию, пользуясь более гибкой, более универсальной системой — системой световых лучей. Для меня оставалось загадкой, какую роль выполняло все остальное, каким образом цветные лучи взаимодействуют с другими зримыми объектами и что такое эти объекты. Я пытался подыскать объяснения, но задача вряд ли была мне под силу. Оранжевые облака — это, очевидно, парящие сгустки плазмы; серебристые иглы — генераторы световых квантов. Что представляли собой призрачные диски, узорчатые огни и рулоны радужной дымки, я даже не мог себе вообразить. Вполне возможно, что это были самые важные центры — носители искусственной памяти...

Однако мне следовало бы почаще оглядываться по сторонам. Мой диск вел отчаянный поединок с добрым десятком фиолетовых торов. Убедившись, что до меня им не добраться, торы повернули обратно и быстро нашли себе другое занятие: они энергично принялись собирать воедино разрозненные колонии игл. Словно трудолюбивые мотыльки, они порхали среди колючих лучей, вспыхивая и переливаясь всеми цветами солнечного спектра... Неожиданно в нескольких шагах от меня выросла призрачная громада диска. Соседние колонии игл тут же повернулись к нему остриями и дали ослепительный залп. Диск покачнулся... В это мгновение он напоминал мне готовую захлопнуться створку исполинской тридакны [1].

И я побежал. Мне вовсе не хотелось быть раздавленным тяжестью надвигающейся массы. Гладкая поверхность под ногами прогибалась, словно тонкий ледок, и была такою же скользкой. Предчувствуя неминуемое падение, я совершил резкий бросок. Тело мое, сохранив инерцию движения, некоторое время скользило вперед. Еще один бросок — и я бы успел уйти из-под края нависшей громады. Но поздно, створки сомкнулись...

В ушах стоял звон, малейшее движение требовало неимоверных усилий... Я с трудом встал на ноги и увидел, что нахожусь на дне хрустально-прозрачного кратера. Вероятно, то же должен был бы чувствовать муравей, свалившийся на дно глубокой вазы. Здесь властвовали полное безмолвие и вязкая, тягучая голубизна...

[1] Тридакна — гигантский моллюск с двустворчатой раковиной округлой формы.

Я подошел к стене и тронул ее рукой. Никакого эффекта. Тогда я выбрал участок, свободный от мерцания филигранных узоров, и прижался лицом, пытаясь заглянуть в глубину стеклянистой толщи, но лишь увидел человека в белом свитере с контуром бизона на груди. Это было мое собственное отражение... Но — странное дело! — мое отражение не пошевелилось, когда я поднял руку, чтобы затенить какой-то надоедливый блик. Зато — я увидел это совершенно отчетливо — контур бизона на груди того, второго, затрепетал и мгновение спустя вприпрыжку унесся куда-то красным чертенком...

Только теперь я заметил, что со мной уже не было беспокойного диска. Меня охватило жуткое ощущение одиночества. Напрасно я пытался внушить себе, что появление объемной фотографии моей особы — вовсе не повод для таких ощущений. Перед глазами маячил ускакавший рисунок бизона... По логике этих странных событий теперь следовало ожидать, что свитер, лишенный рисунка, прыгнет ко мне и протянет рукав для пожатия!.. Шутливая мысль немного взбодрила меня. Впрочем, улыбнуться так и не пришлось: прозрачная толща стены помутнела, судорожно вздрогнула, и прямо на плечо мне мягко шлепнулся какой-то белый, легкий предмет... Для моих натруженных нервов этого было более чем достаточно!

Сбросив с плеча то, что на взгляд и на ощупь представляло собой белый свитер, я долго с недоумением разглядывал это неожиданное свидетельство материализации собственных желаний.

Стоп! Спокойствие!.. Я гулко хлопнул ладонью о стену и раздельно, отчетливо произнес: «Хочу видеть людей!» Стена помутнела и рассыпалась мельчайшими кристалликами инея.

В пространстве, затканном паутиной подвижных узоров, проступили контуры знакомых предметов... Это была внутренность нашего салона, но в странном ракурсе — словно я заглядывал в салон откуда-то сверху. За одним из столов в очень неудобной позе спал Веншин... Не успел я глазом моргнуть, как изображение пропало, чтобы тут же появиться вновь. Но теперь я увидел тебя, Алеша. Ты стоял на коленях и грозил мне кулаками... Затем мимо меня, на расстоянии вытянутой руки, проплыл Акопян в позе спящего человека: я даже услышал его дыхание...

Потом я оказался на Меркурии. С высоты птичьего полета мне были видны белые цилиндрические корпуса нашей станции и подвижные фигурки людей в скафандрах. Я напряженно вслушивался в многоголосый хор радиоперекличек, улавливая время от времени обрывки разговоров. Особенно отчетливо был слышен певучий тенорок «девятки»: «Я — девятый, я — девятый... Центральный, вижу группу тороидов. Дайте вылет Волкову, Клемону. Дайте вылет...» — «Центральный, вас понял — даю пеленг». Подо мной проплыла верхушка мачты радиомаяка...

Как-то не верилось, что все то, что я воспринимал,— всего лишь озвученное перспективное изображение, наподобие нашего стереовидения, настолько естественными казались краски и натуральными размеры предметов. Зрелище грациозного скольжения четырех блистающих глаеров так захватило меня, что я едва удержался от соблазна впрыгнуть на борт одной из машин. Благо, изображение померкло и растаяло в фиолетовом облаке дымки... А секунду спустя я уже несся над каменистой равниной по направлению к горам. Теперь я понимал, что перед моими глазами всплывают картины, которые запечатлелись в «памяти» здешних переносчиков информации — тороидов...

Внезапно где-то наверху возник протяжный свист. Неприятный, режущий, быстро усиливающийся звук. Я инстинктивно сжался, предчувствуя что-то недоброе. Свист угрожающе нарастал, приближаясь. И вдруг страшный удар швырнул меня в сторону. Все утонуло в грохоте, закрутилось в пламенном вихре, померкло...

Видимо, я пролежал в беспамятстве недолго, так как, очнувшись, ощутил, что удушливые испарения от недавнего взрыва еще не рассеялись. Спина моя горела так, будто по ней наискось от плеча к бедру провели раскаленным железом. Встать на ноги я не смог. Мне удалось лишь сесть, и то с великим трудом. Подо мной постепенно накапливалась липкая красная лужица... Я подумал, что, хотя шальной осколок вспорол мне, вероятно, только мышцы спины, я обречен на гибель от потери крови, если мне никто не поможет.

Но пострадал не только я. Последствия загадочной катастрофы были настолько впечатляющими, что я на время забыл свою боль. Там, где недавно мелькали объемные изображения меркурианского ландшафта, зияла широкая пропасть. В полуметре от того места, где я сидел. На дне провала бурлило месиво из оранжевых сгустков. Из клокочущих глубин периодически возносились вверх столбы шумного пламени. Все остальное пространство — слева, справа и, наверное, сзади меня — было погружено в сумрак. И лишь просветленные громады исполинских дисков выдавали свое присутствие слабым мерцанием.

Где-то далеко вверху, на фоне красноватого марева, метались длинные тени. Иногда тени принимали знакомые очертания: мне казалось, я вижу теневое изображение человека, одетого в скафандр. Моя догадка неожиданно подтвердилась. Мятущийся клубок теней распался, и вниз, в клокочущую бездну, полетел какой-то темный продолговатый предмет. Да, это был человек в скафандре. Но, падая, он странно увеличивался в размерах, распухал. Пролетая мимо меня, он уже превосходил размерами меркурианский глаер! В лицо мне ударил горячий вихрь, и через минуту все было кончено: исполин погрузился в месиво оранжевых сгустков и стал разваливаться на отдельные глыбы... Из провала докатились раскаты гула.

Вокруг посветлело. Справа появились колонии серебристых игл, слева надвигалось скопище фиолетовых торов. «Теперь уж мне не сдобровать»,— безразлично подумал я, чувствуя неодолимую слабость. Перед глазами расцветали великолепные созвездия узорчатых огней, знакомо раскачивались рулоны радужного сияния. И вдруг я заметил свой маленький диск. Но он прилетел не один: следом за ним, подпрыгивая на невидимых волнах, плыл маленький голубой шарик. Вдвоем они исполнили вокруг меня замысловатый танец. Я ощутил, как все мое тело начинает покрываться пушистыми кристалликами инея. Боль сразу утихла, уставший мозг заволокла приятная дремота...

Больше я ничего не помню, Алеша. Я проснулся, когда меня разбудил Акопян...

Рассказывая, Шаров ходил взад и вперед за спинкой моего кресла. Чтобы видеть его, мне приходилось поворачивать голову то вправо, то влево. Когда моя шея устала, я взгромоздился на кресло с ногами и, положив локти на спинку, молча следил за ходьбой командира.

Закончив свой рассказ, Шаров остановился рядом и, приблизив лицо почти вплотную к моему, тихо спросил:

— Бред?..

Я отшатнулся.

— Многие детали вашего бреда и моего странным образом совпадают...— сказал я, подумав.— Если это и бред, то бред обоюдный, так сказать, телепатического характера: один — продолжение или часть другого.

Мы помолчали. Шаров, задумчиво поглаживал подбородок, смотрел куда-то мимо меня.

— А знаете что?..— нарушил я неловкое молчание.— Мне в голову пришла интересная мысль: не заключается ли суть разгадки в двух словах: «нейтринный синдром»?!

— Синдром?..— переспросил Шаров.

— Ну да, нейтринный синдром. Защитная система «Бизона» ограждает нас от любого проникающего излучения, кроме одного. Поток нейтринов пронизывает нас беспрепятственно, и кто знает, какое воздействие оказывает этот плотный поток на нашу психику... А для людей с расстроенной психикой мир галлюцинаций часто неотличим от мира реальных вещей.

— А это?..— Шаров протянул руки, показывая красные следы на сгибах кистей.

— Это не довод,— возразил я.— Известны случаи, когда силой гипнотического внушения на теле человека вызывались признаки ожога: кожа краснела, покрывалась волдырями...

Шаров колебался недолго. Повернулся ко мне спиной и быстро стащил через голову свитер.

Я собирался сказать что-то еще, но замер с открытым ртом. От правого плеча до левого бедра на спине командира проходил страшный, болезненно вспухший рубец. Там, где края свежесросшейся раны прилегли не совсем плотно, виднелись засохшие капельки крови...

НАД АРКАМИ ПРОТУБЕРАНЦЕВ

Полмиллиона километров от поверхности Солнца. Это немного, если между нами и зыбкой, подвижной оболочкой звезды — всего лишь тонкий слой внутренней короны. Там, внизу, в глубинах кипящего зноя, зарождаются световые лучи. Покидая свою колыбель, они уходят в просторы Вселенной вестниками грозных процессов преобразования звездной материи. Восемь долгих минут мчатся они с неимоверной скоростью, чтобы достигнуть орбиты Земли, и всего лишь две секунды, мгновение, чтобы встретить «Бизон»...

Веншин подумал, что-то прикинул в уме и наконец ответил:

— Еще сто тысяч километров и, я думаю, будет достаточно.

— Скорлупка не выдержит,— мрачно заметил Акопян.— Мы выполнили заданную нам программу сближения, не знаю, что вам нужно еще... Впрочем, считайте, что я воздержался. Решайте сами.— Он демонстративно встал и пересел в кресло за пультом.— Мало вам космических девушек.

— Итак, шестьдесят? — переспросил Шаров.

— Сто,— спокойно поправил Веншин.— Как минимум.

— Тяжеловато. Теплоприемники перегружены, энерговыброс на пределе... Морозов, дайте схему облета.

Я включил автоматы подсчета и отрегулировал изображение:

— Готово!

Шаров приблизился к экрану вплотную.

— Так... Потребуется два витка. И даже еще шестнадцать градусов. Тяжеловато... Как вы полагаете, Морозов?

Я промолчал. Сейчас только от командира зависит, будем ли мы опускаться ниже предельной отметки или повернем на Меркурий.

Прежде чем высказать свое решение, Шаров несколько раз пересчитал результат. Я и Веншин с одинаковым волнением следили за выражением его лица, хотя наши интересы были прямо противоположны. Мой мозг был перенасыщен недавними впечатлениями, и я не испытывал особого энтузиазма сосредоточиваться на чем-нибудь другом. Я мог сколько угодно называть себя размазней

и кисляем, упрекать в забвении долга — все напрасно. Мне хотелось домой.

— Облет по спирали опасен,— сказал командир.— Пройдем по касательной. Вас устраивают полтора часа на пределе снижения?

Веншин развел руками:

— За неимением лучшего...

— Хорошо. Готовьтесь.

Закипела работа. Я меняю кассеты, проверяю нули записывающих устройств, настраиваю аппаратуру. За моей спиной что-то выстукивает цифровой датчик электронного лоцмана, шуршит бумага, туда и обратно, как мячики, летают короткие фразы Шарова и Веншина.

— К экватору ближе нельзя,— говорит командир.— Не имеем права так рисковать.

— Объясните! — недовольным голосом восклицает Веншин.

— Кому нужны экспедиции, из которых не возвращаются?

— Вас пугает возможность непредвиденного выброса?

— Меня пугает то, что ты не вернешься! «Тур» и «Мустанг» не вернулись.

— Между прочим, это я уже слышал. Где же выход?

— Зона спокойной плазмы.

— Значит — полюса... Который из них?

— А это уж вы мне подскажете.

— Лучше, конечно, южный...

— Южный выброс рассеялся?

— Почти.

— Ну, если «почти», тогда — северный.

— Южный.

— Веншин, не упрямьтесь.

— На кой черт мне спокойная плазма?!

— Вам виднее...

— Ну, знаете...

— Будет лучше, если мы превратимся в облако раскаленного газа? Ладно, пройдем по дуге восемьдесят два и пять десятых. Это что-то около двух часов на пределе снижения.

— Так... И склонение — двадцать.

— Шесть, и ни градусом больше.

Веншин долго еще что-то доказывал, возмущался, но я уже не слушал. Глухо грохотали моторы, деловито постукивали вакуумные насосы, тонкий писк эрегообменных устройств вплетался в многоголосый хор включенных приборов. Корабль так же, как и люди, напряженно готовился к решающему броску.

Только что в звездоплавании родился новый термин: «корональные ямы». Авторство принадлежит Акопяну. Его побелевшие пальцы крепко сжимают рычаги управления.

Каждые пять минут командир спрашивает.

— На сетке?

— Шесть! — громко отвечает Акопян.— Градус в градус.

— Баланс режима?

— Четыре нуля! Молекула в молекулу.

— Отлично. Прежний курс.

— Есть прежний курс! До следующей ямы...

Акопян внешне спокоен. Но предательская смена красных и белых пятен на лице выдает его возбуждение. Им, вероятно, овладел азарт пилота...

— Спокойнее,— бросает Шаров, не поворачивая головы.

Его руки неподвижно лежат на рычагах дублирующей системы управления, глаза устремлены в экран.

Мы с Веншиным колдуем над приборами. Некогда даже оглянуться. Но, сверяя показания орбитальных шкал, я получаю возможность взглянуть на экран. Наклонная поверхность экрана испещрена линиями градусной сетки, на фоне которой полыхает пурпурный эллипс. Голова Акопяна мешает смотреть, и я, забыв обо всем, делаю шаг в направлении пульта.

В глубине экрана, под сеткой, кипит зернистая масса, похожая на рисовую кашу. Гранулы. Они снуют на поверхности фотосферы Солнца, как ватные шарики, колеблемые ветерком,— «шарики», имеющие в поперечнике добрую тысячу километров! Это поднимаются из солнечных недр раскаленные массы газа, остывают и опускаются обратно, а на смену им поднимаются новые... Скоро эллипс превратится в окружность, затем начнет расширяться, указывая, что «Бизон» ложится на обратный курс, на Меркурий...

Веншин окликнул меня — он умеет это делать очень тактично — и быстрым жестом занятого человека указал на тубус оптического магнилатора. Я взбираюсь на круглое сидение этого съемочного суперкомбайна и нажимаю ногами педали. Массивный аппарат (он всегда напоминал мне что-то среднее между перископом и зубоврачебным агрегатом) повернулся так, что теперь мне был виден надпультовый экран. Однако особой необходимости смотреть туда не было — ведь у меня теперь был свой экран, хотя и меньших размеров. Я погружаю лицо в пенопластовую мякоть затемняющей маски и впиваюсь глазами в окуляр экспонира.

Ого, мы уже на пределе снижения! Веншин прав: пора начинать последнюю съемку.

Длинные, отведенные в сторону и назад ручки управления повинуются малейшей прихоти оператора, пальцы удобно лежат на вогнутых клавишах переключателей. Нажимая их поочередно,— я знаю каждый клавиш на ощупь,— добиваюсь наиболее резкого, сочного изображения. В эти минуты я думал о людях Земли — будущих зрителях магнитного фильма «Четыреста тысяч километров над

поверхностью Солнца». Ну, Алеша, не подкачай! Сейчас все зависит от твоего операторского мастерства... Просмотровый зал набит до отказа. Гаснет свет и... зрители замирают от восторга. Два часа молчаливого, напряженного внимания. Заключительный аккорд, зал выплывает из мрака. Потрясенные зрители долго еще сохраняют молчание. «Простите, кто режиссер-постановщик?» — «Что вы, неужели вам неизвестно?! Участник экспедиции Алексей Морозов» — «Потрясающе! Скажите, а кто оператор?» — «Все он же. Глядите, глядите, вот он выходит на сцену!» Всемирно известные деятели искусства пожимают мне руки, зал сотрясается от бури оваций, девушки несут мне цветы. Я переполнен гордостью, снисходительно киваю в ответ на приветствия, но мне приятно это неистовое изъявление восторгов...

Ну и мерзавец же ты, Алешка, опомнись!.. И на сцену выходят генеральный директор фильма — Шаров, главный режиссер — Веншин, технический руководитель — Акопян и тысячи других участников невиданного эксперимента. И нам всем удивительно приятно от сознания того, что мы совершили, мы аплодируем друг другу, аплодируем Земле. Земля аплодирует нам...

Я, кажется, злоупотребляю съемкой в лучах водорода. Нет, так нельзя, нужно уделить долю внимания лучам кальция, магния, железа. Но трудно оторваться от феерической картины Солнца в лучах водорода: исполинские волокна протуберанцев вспухают, переплетаются, образуя сложный ансамбль титанических ротонд и арок. Мы шествуем над этой огненной аркадой, как боги, удивляясь собственной смелости. Нет, даже богам недоступно такое!..

Шаров сменил Акопяна и взял управление кораблем на себя.

Через минуту экран покрывается лиловыми разводами. Корональная яма!.. Тело наливается свинцом, в глазах темнеет. Преодолевая головокружение, я пытаюсь привстать, но падаю куда-то в непроглядную тьму...

Медленно рассеивается тьма, тяжесть проходит. Я поднимаю голову и вижу лежащего Веншина. Голова его запрокинута, зубы страшно оскалены, одна рука подвернута за спину, другая — не успела сползти с аппаратского стенда; посиневшие веки и алая струйка у рта приводят меня в смятение. К счастью, я быстро нащупал пульс.

Он все же встал и, невзирая на мои протесты, вернулся к регистраторам. Мне волей-неволей пришлось смириться с упрямством этого фанатика от науки. Я машинально двигал рукоятью настройки и с ужасом думал, что будет с ним, когда мы опять завалимся в яму...

— Чистенько выпрыгнул,— с завистью говорит Шарову Акопян.— Семь десятых склонения. Я завалил на градус больше...

Шаров не ответил. Все его внимание сосредоточено на том, чтобы

не дать пурпурному ободку уйти из центра градусной сетки. Здесь, почти у самой поверхности Солнца, полностью доверить управление автоматам было бы опасно, потому что в ячейках «памяти» электронного лоцмана не было достаточно полной информации о корональных ямах. Только посредничество человека могло заставить «Бизон» придерживаться заданного курса и не позволить ему стать игрушкой завихрений гравитационного поля.

Вдруг я замечаю, что Акопян кладет руку на плечо командира и кивает в сторону указателей температуры:

— Девятый сектор корпуса на пределе. Пойду взгляну.

Глаза Шарова обеспокоенно метнулись по шкалам.

— Да,— соглашается он.— Возьми с собой Морозова.

— Справлюсь сам, пусть остается на съемке. Дам вызов, если что-нибудь серьезное...

Я помог ему забраться в скафандр. Тяжело топая, он исчез за дверью люка переходной камеры.

Проходит полчаса. Блики указателей температуры заметно сползли вниз.

Проходит час. Попадаем в яму. Веншин успевает свалиться в кресло, и все обходится благополучно, если не считать царапины на его левой щеке. Блики указателей температуры снова прыгнули вверх.

Шаров сделал мне и Веншину знак подойти. Пурпурная окружность превратилась в удлиненный овал, который занимал теперь четверть экрана.

— Пошли на подъем,— сказал командир.— Программу научных исследований считаю законченной. Не спорьте, Веншин, это — приказ! Садитесь на мое место и следите за пультом. Дальше корабль поведут автоматы — электронный лоцман получил достаточный объем информации о характере гравитационных завихрений. Мы с Морозовым сейчас уходим. В случае, если мы не вернемся, из салона не выходить. Это тоже приказ! Во всем остальном действуйте согласно инструкции. Ровно через два часа включить позывные «Бизона» по аварийной программе, лечь в кресло и перевести режим работы пространственных двигателей на полную мощность. Вот эту рукоять — на себя до отказа. Все! Морозов, следуйте за мной.

Я взглянул на шкалы температурных указателей и все понял. Контрольные блики девятого сектора ушли за пределы шкалы.

Внешняя полость корабля встретила нас ревом и грохотом. Накалившийся корпус казался глыбой желтого янтаря, двутавровые балки кольцевых распорок были красны до самого основания. Отовсюду яркими звездочками сыпались искры. На общем фоне выделялось большое пятно добела раскаленного металла. Девятый сектор...

Зеркальная фигура командира с красными отблесками на голове и плечах неуклюже двигалась впереди. Я старался не отставать. Мы шли напрямик, пробираясь по узким желобам теплопроводов, перелезая через дымящиеся трубы и связки толстых кабелей.

Девятый сектор утопал в облаках серебристого пара. Массивный радиатор теплоприемника просел на изогнутых стойках. Спиральные тяги оборваны. Мы нашли Акопяна не сразу...

Он лежал неподвижно, придавленный тяжестью радиатора. Рядом из лопнувшей трубки хлестала струя жидкого гелия. Шаров навалился плечом — что-то хрустнуло, и радиатор стал приподниматься. Я выволок Акопяна за ноги и оттащил в сторону. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: ему уже ничем не помочь... Грудь скафандра представляла собой сплошную вмятину.

— Он мертв,— сообщил я Шарову, холодея от ужаса.

Шаров промолчал. Вдвоем мы втолкнули радиатор на платформу и спешно приволокли сварочный агрегат. Внезапно я почувствовал головокружение и слабость. «Бизон» заваливался в корональную яму...

Когда мне, наконец, удалось встать на ноги, я минуту почти ничего не видел. Кровь упруго билась в висках, зрение возвращалось медленно. Разыскав глазами Шарова, я вскрикнул. Радиатор, установленный с таким трудом, угрожающе склонился набок. Командир из последних сил удерживает его на месте, он действует только одной рукой, вторая придавлена ребристым основанием.

— Назад! — кричит Шаров и отталкивает меня ногой.— Конденсатор... десятого сектора... Иначе — крышка!

До меня не сразу доходит смысл его слов. Голова занята одним: в любой момент радиатор может свалиться, и тогда командиру действительно «крышка»... Хватаю конец изогнутой стойки. Нет времени искать металлорежущий пистолет, и я отламываю ее руками. Теперь можно действовать рычагом.

—Ду-рак!..— свирепо рычит Шаров.— Оставь меня... Конденсатор... Быстрее!

Нет времени огрызнуться. Мышцы вот-вот лопнут от напряжения. Громада радиатора качнулась, встала на место. Шаров выдергивает руку, кричит:

— Туда!

И мы бросаемся к раскаленной глыбе теплоприемника десятого сектора.

Как раз вовремя. Вишнево-красная балка, просыпав искры, скользнула по месту надлома. Шаров подставил плечо и не дал радиатору соскользнуть с основания. Опасный трюк! Вероятно, так погиб Акопян... Собрав все силы в один рывок, я приподнял рычагом опорную стойку.

— Сварку! — хрипит Шаров.— Держу один...

Сварочный наконечник выбрасывает струю жидкого металла. Медленно, невыносимо медленно наполняются трещины раскаленной, густоватой массой. Если Шаров потеряет сознание от боли в раздавленной руке, он обречен...

Вибрирующий свист заставил меня насторожиться. Неужели прошло два часа? Быть этого не может! Что-то случилось, иначе Веншин не стал бы включать пространственные двигатели раньше срока... Я поспешил на помощь Шарову.

Подставив спину, я принял на себя чудовищную массу радиатора. Два «же» ускорения... Шаров сделал предупреждающий жест и, странно качнувшись, рухнул мне под ноги. Нет, при двукратной перегрузке мне одному долго не выдержать... Командир не шевелился. Может быть, он не поднимется вовсе... Спину саднило, тело разъедал горячий пот. Я сплюнул что-то соленое, клейкое. Носом шла кровь... Проклятье!

Командир, наконец, поднялся. Я видел, каких усилий это ему стоило. Здоровой рукой он взял рычаг и развернул опорную плиту. Я почувствовал временное облегчение.

— Держи, Алеша... Буду варить.

— Все в порядке, командир. Действуйте!

Он отошел, все так же странно покачиваясь. Заложенный им рычаг внезапно согнулся. У меня потемнело в глазах... Где-то в стороне забила струйка расплавленного металла. Все в порядке, осталось недолго, думал я, совсем недолго... В скафандре становилось подозрительно душно и жарко, нестерпимо жгло спину и плечи. Наверное, что-то случилось в системе охлаждения. Только этого мне и недоставало!.. Держись, сам напросился...

Перед глазами шумно лопаются красные пузыри. Я уже не чувствую боли. Притерпелся, отупел... Сколько времени я простоял? Наверное, не больше четверти часа, а мне кажется — вечность... Стоять! Стоять, пока хватит сил! Ты же сильный, Алешка, ты можешь стоять еще долго... Нет, не могу... тяжело!.. Шарову было тяжелей, он стоял. Ноги подгибаются, так и тянет стать на колени. «Лучше умереть стоя, чем жить на...» Чепуха, на коленях я буду сразу раздавлен. Пусть лучше смерть, чем эта обжигающая тяжесть!.. Нет, ты должен стоять, и ты будешь стоять... Но где же Шаров? Почему он возится так долго?! Может, он опять потерял сознание и я его не дождусь? Я не могу обернуться, чтобы увидеть его. Нет ничего страшней неизвестности. Нет есть: эта проклятая тяжесть. И кровь. И жара... Стоять!

В голове уже не гудит, нет,— грохочет. Грохочет Ниагарский водопад. Когда-то, вечность тому назад, я был там, и мне хорошо знаком его грохот. У меня есть две возможнсти избавиться от непомерной тяжести: первая из них — задохнуться, вторая — изжариться заживо. Впрочем, существует и третья — вызвать на помощь

Веншина... Нет, я не сделаю этого. Веншин должен остаться в салоне, приказ есть приказ...

Перед самым стеклом перископа плывет, клубится тягучая красная дымка. Слышится тоненький, тающий звон. Помню, когда-то я слышал его. Но где? Тоненький, тающий... Ах да, это похоже на озвученное мерцание льдинок! Дымка наливается радужным сиянием и вдруг рассыпается белыми хлопьями. Знакомый взгляд бесконечно дорогих синих глаз...

Я столько думал о тебе, мечтал о новой встрече. И вот ты стоишь в двух шагах от меня, такая светлая, легкая, а я не могу протянуть тебе руки, ощутить твое прикосновение! Должно быть, ты даже не узнаешь меня в этом зеркальном чудовище... Но нет, Майя улыбается и что-то говорит мне. Я не могу разобрать ее слов, не могу ей ответить. Я только смотрю на нее сквозь налетающий вихрь зеленых кругов и пятен, смотрю, не в силах разобрать, где зрительный обман, где явь. Страшно грохочет Ниагарский водопад, наполняя скафандр потом и кровью. Милая, хорошая, уходи... Ты же видишь, как я сейчас занят!

— Готово, Алеша. Ну же, очнись!.. Давай я тебя понесу.

Я свалился к ногам командира. Очень трудно было разжать зубы, сомкнутые на прокушенной губе...

Лишь только здесь, в переходной камере, я по-настоящему осознал трагическую гибель Акопяна.

Итак, нас осталось трое: Шаров с изуродованной рукой, я с ожогами на спине, Веншин, измотанный до предела адской работой. Мы сделали все, что могли. Кто может, пусть сделает больше...

Командир в угрюмом молчании стоит над неподвижным скафандром товарища. Не знаю, может быть, он плачет сейчас. Я бы тоже заплакал, если бы не был так обессилен.

— Ложись, Алеша, отдыхай,— тихо говорит командир и первым валится на ребристый настил.— Вахта еще не окончена...

Я располагаюсь рядом. Неудобно и жестко в скафандре, обожженные плечи болят. Я сделал ошибку — надо было лечь лицом вниз, на живот,— но теперь неохота менять положение, нарушать долгожданный покой. После тяжелой работы перегрузка почти не ощущается, и только дрожащий свист напоминает о том, что «Бизон» уходит от Солнца.

— Как рука, командир?

— Я почти не чувствую боли.

— Давайте вернемся в салон — мне нужно осмотреть вашу руку.

— Не стоит... Придется портить скафандр, чтобы вытащить ее из перчатки, а мне еще надо быть здесь.

— Я настаиваю. Как врач. Вы должны подчиниться.

— Это невозможно, Алеша. У нас всего один скафандр моего размера.

— Я вернусь и сумею закончить вахту без вас.

— Не сомневаюсь. Но где гарантия, что все пойдет без осложнений? Будет обидно, если мы не сумеем вырваться из этой западни...

Я понял, что уговаривать его бесполезно.

— Скажите, командир, вы видели ее?

Шаров не ответил. Наверное, не слышал моего вопроса.

Я смотрел прямо перед собой в белый овальный потолок. Такие же овальные потолки были в лаборатории энцефалярной диагностики института нейрохирургии, где мне довелось проходить студенческую практику. Нас, студентов, называли там «букварями»... Белые халаты, пляска изменчивых графиков на экранах, виварий с подопытными обезьянами, шумные диспуты на ученых советах, рабочая тишина операционных, сверкающих стеклом и никелем,— где все это теперь?.. Я мечтал остаться работать в «обители белых богов» — как часто полушутя-полусерьезно называли институт. Но жизнь решила иначе: я попал в число участников двенадцатой меркурианской экспедиции. «Ты правильно выбрал — космос послужит тебе хорошей школой,— напутствовал меня руководитель лаборатории профессор Шкловский.— Там, на Меркурии, тоже нужны специалисты-диагносты, и, наверняка, даже нужнее, чем здесь. Работай, учись, обогащайся опытом, и ты вернешься к нам с грузом новых идей. Наблюдай, сопоставляй, думай, проявляй любопытство, ибо только очень любопытный человек сможет стать настоящим ученым». Ты оказался прав, старик, в моей голове созрел замысел. Когда я вернусь, я подарю его вам... Но это не все, мой старый, мудрый учитель. Ты говорил, что космос — хорошая школа, которая обогащает? Да, именно так ты и говорил, считая эту фразу наиболее точным и полным мерилом всей работы в пространстве. Экое благопристойное и вполне педагогическое определение! Прости, старик, но ни черта ты в этом не смыслишь... Нет, я сохранил к тебе мое уважение, мою любовь. Но ты перестал быть моим кумиром. И это потому, что я прошел эту... не школу, нет,— академию мужества, романтики, товарищества, страха, боли и долга, и знаю, что это такое. Это — жизнь, которой отдаешь частицу себя... Космос не любит шутить, и если мы побеждаем его, то платим за это тяжелым трудом, сверхнапряжением мысли, лишениями, кровью и даже собственной жизнью... Мы, космонавты, часто бываем веселыми, но никогда — беззаботными, здесь ценят шутку, но не могут терпеть слабодушия, мы бываем суровы, но нам чужды жестокость и злоба, мы мечтаем о дивных, далеких мирах, но и знаем тоску по Земле.

«Обогащайся опытом!» Милый, наивный учитель! Произнося эти слова, ты не мог себе даже представить, насколько мал их размер, чтобы вместить действительное содержание. Наш опыт — это миллионы километров межпланетных трасс и миллионы метров маг-

нитной пленки с ценнейшими астрофизическими данными, это колкие, холодные лучики звезд и всепожирающий пламень огромного Солнца, надежные плечи друзей и мертвые тела погибших товарищей. Наш опыт — это не отступать там, где, казалось бы, идти вперед невозможно, проходить там, где до нас не проходил никто, распутывать сложные тайны пространства и уметь постигать то, что кажется непостижимым...

— Хороший режим,— сказал командир.— Акопяновский...

— Вы это о чем? — не понял я.

— Об электронном лоцмане. Каждые десять минут увеличивает мощность пространственных двигателей на пять тысячных. Можно подумать, что за пультом сидит Акопян... Вот что, Алеша: сходи в салон и посмотри, что там поделывает Веншин. Про Акопяна — ни слова, нечего расстраивать его раньше времени.

Шаров тяжело поднялся и вышел. Несмотря ни на что, он старается казаться спокойным. Идол чугунный...

Я привел в действие движущий механизм щита. Пока нагнетался воздух, отнес закованное в панцирь тело Акопяна ближе к стене. Глотаю застрявший в горле комок.

Откинув крышку люка, я шагнул в салон... и остолбенел.

«Мало вам космических девушек».

В кресле пилота сидел Акопян.

Веншин, как ни в чем не бывало, копошится у приборного стенда.

Акопян поворачивает голову в мою сторону.

— Ты, Алешка?.. Командир не пришел?

Не помню, как я вернулся в переходную камеру. Помню только, что с силой захлопнул за собой крышку люка. С недоумением и страхом гляжу на скафандр, лежащий у стены, на громадную вмятину. Меня колотит озноб.

«Мало вам космических девушек...»

Шарова я нашел в десятом секторе. Увидев меня, он опустил сварочный пистолет и с тревогой в голосе спросил:

— Что-нибудь... случилось?

— Да...

— Говори.

Но я не мог говорить.

Шаров встряхнул меня за плечо:

— Говори же!

— Вы... вы не поверите мне.

— Веншин?.. Он жив?

— Нет,— верчу я головой в скафандре.— То есть да, но не в этом дело!.. Не трясите меня, я скажу. Там, в кресле пилота, сидит Акопян.

Шаров выключил пистолет и швырнул в сторону.

— Повтори.

Я повторил.

— Тебе померещилось...

— Не знаю. В переходной камере лежит скафандр...

Я стою и жду, что скажет командир. Озноб не проходит.

— Так, так...— произносит командир.— Так, так...

В переходной камере Шаров заставил меня вскрыть скафандр. Огромная вмятина мешает откинуть замки.

На нас смотрело мертвое лицо Акопяна. Бледное, горбоносое, такое знакомое...

В салон командир не вошел. Он только приоткрыл крышку люка и заглянул в образовавшуюся щель. Молча захлопнул люк.

— Ну и что ты обо всем этом думаешь, Алеша?

Могу ли я о чем-нибудь думать сейчас? Я в изнеможении прислонился к стене. Потом, собравшись с духом, сказал:

— Алитора.

— Чушь! — говорит командир.— Впрочем... Ну, а Веншин?

— Веншин тот же. Я заметил на его левой щеке кровоподтек, который он имел до нашего ухода.

— И он никак не реагирует на появление второго Акопяна?

— Он поглощен работой и, верно, даже не заметил, что Акопян вообще уходил из салона.

— Н-да...

Шаров долго ходит вокруг распростертого тела пилота. Наконец он останавливается и спрашивает:

— *Она* утверждала, что алиторы абсолютно неразличимы между собой?

— Да, так она говорила. Люди двойных алитор обретают различие только со временем. Это легко проверить — тот, второй Акопян не должен знать о нас ничего, начиная с того самого вечера, когда рассказывал про джед-джедаков.

— Я видел *ее*,— вдруг признался Шаров.

У меня перехватило дыхание.

— Я видел *ее* в тот момент, когда *она* уходила,— продолжал командир.— Я думал, это померещилось мне...

— Нет, не померещилось,— подтверждаю я.

— Что же нам делать? Тот, в салоне, должно быть, и не подозревает о существовании своего мертвого двойника...

— Должно быть,— соглашаюсь я.

— В таком случае я предлагаю устроить погибшему почетные похороны. Но второй ничего не должен знать об этом.

— Не должен. А чем мы докажем там, на Земле?

Шаров махнул рукой:

— Зачем нам доказывать? Мне, например, наплевать.

Мы уносим тело к шахте подъемника. Командир склоняется над скафандром и долго смотрит в темную щель перископа.

— Ладно, давай...— говорит он дрогнувшим голосом и нажимает сигнал общей тревоги.

Пронзительный крик сирены разносится по всему кораблю. И снова мне чудится в этом крике жалоба и прощание. Я закладываю блещущее броней тело пилота в пневматическую камеру и нажимаю рычаг.

Мы поднимаем правые руки — прощальный салют космонавтов...

Рядом с нами появляется фигура в скафандре. Она отключает сирену и голосом Акопяна спрашивает:

— По какому случаю вы устроили здесь шумный праздник? Что-нибудь произошло?

— Заткнись,— строго говорит Шаров.— Помолчи немного.

— С какой стати? Я хочу знать, что случилось?

— Случилось то, чего уже не поправишь.— В голосе Шарова скрытая неприязнь.— Пришлось выбросить в космос... твой скафандр.

— Это еще зачем?! — удивляется голос Акопяна.

— Так, ерунда... Заражен радиоактивностью.

— Ха! А я-то ломаю голову: куда мог деваться мой персональный скафандр?! Что ж, буду пользоваться скафандром Веншина. Тесноват, правда, но ничего, терпимо. А что это у тебя с рукой, дорогой?

И столько неподдельной тревоги слышится в этом вопросе, что мне становится не по себе. Не по себе и Шарову — я чувствую, он смущен.

— Да так... ничего особенного,— буркнул он.

— Хитришь, командир!.. Работа есть? Зачем вызывали?

— Иди заканчивай. В девятом секторе.

Некоторое время мы с командиром внимательно следим, как двойник Акопяна ловко орудует сварочным пистолетом. Накладывая ровные швы на поврежденные части теплоприемника, он не перестает удивляться:

— Эй, ребята, и когда вы успели развести здесь такое свинство? Стоило мне проспать свою вахту, и вот, пожалуйста!.. Кстати, всю ночь сегодня мне снились джед-джедаки. К письму, наверное.

— Пойдем, Алеша... Все в порядке.

Мы с Шаровым отправились в переходную камеру. За всю дорогу командир не произнес ни слова. Я тоже молчал. Но думали мы об одном и том же...

С рукой Шарова я провозился около часа. Фаланги указательного и среднего пальцев были раздроблены. Удивляюсь, как он мог терпеть такую боль!.. Я извлек осколки костей и сделал все, что мог, чтобы кисть в дальнейшем не потеряла гибкости движений. Хирург из меня, прямо скажу, никудышный, но рентгеновский снимок показал, что операция прошла довольно удачно.

— Будет работать? — коротко спросил командир.

— Лучше, чем прежде,— поспешил я его успокоить. Я знал, что значит рука для такого человека, как Шаров.— Впрочем, теперь все зависит от вас. Покой и отдых.

— Покой и отдых...— задумчиво проговорил командир, поглаживая подбородок здоровой рукой.

Только теперь я заметил на его подбородке розовый шрам. Шаров перехватил мой взгляд и усмехнулся бледными губами:

— Это память о Марсе, Алеша. Поиски экспедиции Снайра проходили не так весело, как об этом рассказывал Акопян...

Командир направился к пульту навигационной машины. Я хотел было протестовать, но подошел Веншин и тронул меня за плечо:

— Оставьте, доктор, это все равно ни к чему не приведет. Такие, как он, покидают свой пост только мертвыми. Простите меня.

— Не понимаю, за что?!

— Гелиана... Я вам не поверил тогда.

Значит, он тоже пережил внезапность появления второго Акопяна... А может быть, даже он видел *ее?..*

Звякнула крышка люка переходной камеры.

— Ни слова при нем! — умоляюще прошептал я.— Ведь он такой же!

— Знаю,— кивнул Веншин.— Иначе я не допустил бы его к пульту. Куда вы дели того?..

Я махнул рукой в сторону шахты подъемника. Веншин понял.

— Это вы, пожалуй, напрасно. Впрочем...

Я с благодарностью пожал ему локоть.

Живой и невредимый Акопян — у меня не поворачивается язык назвать его по-другому — весело насвистывая, выбрался из скафандра.

— Ку-ку, а вот и я! Готово, все последствия аварии ликвидированы. Вам надо было разбудить меня раньше.

Он подошел к Шарову сзади и тронул его за плечо:

— Уступи мне место, дорогой... Ну, как рука? Отлично? Ай да Алешка! Док, профессор — или как вас там? — примите искренние поздравления!

Шаров пересел в кресло слева. Он поправил руку на перевязи и, не оборачиваясь, объявил:

— Приказываю: экипажу «Бизона» занять свои места. Стартовое ускорение — три с половиной «же». Через восемь часов — разгон на полной тяге. Курс — двадцать девятый сектор эклиптики. Цель — Меркурий!

— Готов! — первым откликается Акопян. Голос его звучит торжественно и строго.

— Готов! — тихо произносит Веншин. Он, как всегда, занят своими мыслями.

Я тоже произнес это слово — «готов!» Собственное спокойствие удивило меня. Почему я так непривычно спокоен? Наверное, страшно устал... Нет, скорее всего я просто повзрослел за это время, возмужал...

Окидываю взглядом салон, устраиваюсь в кресле поудобней и закрываю глаза. Где-то в глубинах сознания бродит в поисках выхода легкая грусть...

ЭПИЛОГ

Сейчас вокруг меня тихо кружит голубоватый шарик величиной с апельсин. Нет, это не тот загадочный шарик, который мне подарила девушка с неземными глазами, это плазменный ретранслятор биоизлучений, модель двадцать вторая — гордость нашего института. В шутку я отмахиваюсь от него рукой — ПРБ-22 пугливо отскакивает в сторону, мгновенно покрываясь яркими блестками. Видно, как он ритмично пульсирует: в таком ритме бьется сейчас мое сердце.

Я подхожу к окну и поднимаю штору. В кабинет врывается гомон белоснежного облака чаек, ветер, пропитанный запахом моря и солнцем. Хорошо!..

Невдалеке виднеется главный корпус института, ослепительно белый, сверкающий стеклами крытых галерей.

Там, в лабораторной тиши, десятки биофизиков сейчас внимательно следят, как послушные лучики выписывают на экранах замысловатые частоколы моих биотоков. И среди наблюдателей — мой старый учитель профессор Шкловский. Я выполнил обещание — я принес ему свой замысел.

Возвращаюсь к столу. Ветерок шевелит исписанные листки, покачивает куст олеандра.

Я посмотрел на часы и сильно ущипнул себя за руку. Шарик побледнел и заметно увеличился в размерах.

Прозвучал гудок контрольного вызова: мои коллеги встревожены неожиданным всплеском «физиологического фона».

— Все в порядке, ребята! — кричу я в тенфоны переговорного устройства и не могу сдержать счастливого смеха, наблюдая, как ПРБ-22 выравнивает свой полет.

Делаю запись в дневнике испытаний: «Пятнадцать ноль-ноль. Болевые ощущения в области левого предплечья...» Далее следуют несколько строк специальных терминов врачебной диагностики, а в конце — заключение: «Реакция ПРБ последовала немедленно».

Мое внимание привлекают гулкие удары по мячу и женский смех. Это на спортплощадке оздоровительного сектора... Люди смеются. А ведь совсем недавно они, беспомощные, лежали в боль-

ничных палатах, и сотни врачей вели нелегкий поединок со смертью. За их жизнь, за их сегодняшний смех. Многие из них не знают, что опасность еще не миновала. И наверняка никто из них не догадывается о том, что коллектив огромного института занят сейчас решением проблемы непрерывного контроля за состоянием больных — контроля дистанционного, который сделает ненужным обременительные датчики, постоянные врачебные осмотры и надоедливую опеку диагностических машин.

Стражем здоровья станет прирученная шаровая молния — голубоватый шарик, послушно следующий всюду за своим «хозяином». Да, теперь они могут смеяться: ПРБ будет непрерывно передавать в Следящий центр сигналы о любых изменениях биотоковых характеристик организма.

Но это не все. Настанет время, когда голубоватые шарики станут привычной принадлежностью каждого жителя планеты Земли. Неприметные, маленькие «спутники» будут ревностно охранять здоровье людей и, возможно, будут оказывать им тысячи других не менее важных услуг...

«Вы оказались настоящим ученым, Морозов,— сказал мне Шкловский вчера.— Решением ученого совета института вы назначены руководителем Следящего центра лаборатории врачебной диагностики. Будем работать вместе». Спасибо за признание, старик, спасибо за то, что ты так горячо отстаивал мою кандидатуру на совете, но сам я еще ничего не решил...

Месяц назад я разговаривал с Шаровым по телетарному каналу связи «Земля-Луна». Внешне он ничуть не изменился.

— Летишь? — спросил он меня.

Я перевел взгляд на его белый свитер, украшенный алым контуром бегущего оленя; на рукаве, чуть ниже плеча, красовалась буква «С». Носить такую букву имели право только четверо землян: Шаров, Акопян, Веншин и я...

— Мне нужно закончить работу в институте,— сказал я так неуверенно, что сразу почувствовал неловкость.

Шаров знакомым жестом потер подбородок:

— Добро. Тридцать восемь дней на размышления. На Меркурий вылетаем в прежнем составе. Там к нашей группе присоединяются еще четверо. Ты их хорошо знаешь — железные ребята. Да, кстати, в Совете космонавтики твоя кандидатура была принята единогласно. «Олень» укомплектован более совершенным оборудованием, мы разработали новую систему энерговыброса. На днях будем испытывать моторы в Пространстве. Ну, жду вызова... Салют!

— Салют!..

Я запросил по телетару информационный центр Луны и долго рассматривал на объемном экране громадный купол «Оленя». Ну и махина!

Купол оканчивался шестью исполинскими лучами. Отведенные назад, они создавали впечатление стремительного полета. Вокруг вспыхивали изумрудные молнии — монтажники пространственных сооружений торопились к сроку завершить оставшуюся часть работы.

Шарову было легче задать вопрос, чем мне ответить на него. И не потому, что страх сковывал мой язык,— меня тяготило другое...

Земля... Я ведь твой сын, Земля. Я не забыл тоску по тебе там, возле Солнца. Ты ласково встретила меня после долгой разлуки — я тронут твоей добротой и вниманием. Исполнились мои мечты: я работаю там, где хотел, делаю то, что задумал. Мне хорошо и вольно на твоих просторах, здесь никогда не чувствуешь себя одиноким, вокруг дорогие и близкие мне люди, товарищи, друзья. Мне трудно покинуть тебя, не зная, вернусь ли опять...

Нет, Солнце больше не пугало меня чудовищным жаром, клокотанием взбешенной плазмы: я ведь знал, что это такое,— я побывал в его огненных лапах, убедился своими глазами, что его загадочная деятельность, да и само его существование — всего лишь результат безумной щедрости природы.

Люди издавна поклонялись лучезарной короне огненного бога. Я тоже обрел это древнее, земное чувство благоговения. Но не потому, что побывал там, а потому, что понял, узнал, что настоящая его корона — это мы, Человечество.

Мне известно, почему туда летит Веншин: на основе астрофизических данных, полученных в прошлом полете, он доказал, что вещество, из которого состоят солнечная луна и пепловые поля,— отличный полуфабрикат для изготовления ценного топлива, питающего двигатели космических кораблей транспланетного класса. Мне понятно, почему летят Акопян и Шаров. Они просто не могут иначе. А я?.. Ведь у меня нет обоснованных причин для участия в экспедиции — тропа моих научных исканий в стороне от космических трасс. Значит, в первую очередь я должен спросить свои чувства...

Я и Шаров рассказали о необычных встречах в Пространстве. Это нужно было сделать для тех, кто пойдет по нашим следам, хотя не было никакой надежды, что нам поверят. И нам, конечно, не поверили.

Мы добились лишь того, что в медицине появился новый термин: «нейтринный синдром». Итак, у меня все же есть кое-какие счеты с Пространством...

Было, все было: и Гелиана, и девушка, которую зовут Майя, и маленькая лань. И поцелуй тоже был... Но почему разумный представитель другого мира скрывается в лучах короны, почему она до сих пор не появилась на Земле?

Тысячи «почему» кружили мне голову, не давали покоя. Я успо-

каивал себя предположениями и догадками, но тщетно — ни одна из них не казалась мне приемлемой с точки зрения нашей, человеческой логики.

Может быть, Повелители Времени исповедуют правила какой-то своей, космической этики? Может быть, они на основе какого-то прошлого опыта считают нетактичным вторгаться в чужие миры с целью навязывания знакомства, которое неизвестно как будет воспринято инопланетянами? Случай с алиторой Хейделя заставил их насторожиться?...

Но ведь мы уже не такие! Человечество покончило с безумием войн и раздоров. Миновала эпоха атомных бомб и наступила эра созидательного труда. Мы готовы пожать руку дружбы представителям других миров. Мы с открытым сердцем научим вас тому, что умеем сами, и с благодарностью примем те знания, которые вы сможете дать нам!.. Мы еще не умеем преодолевать межзвездные пространства, наши ракетные корабли — полновластные хозяева Солнечной Системы, но они бессильны перед просторами Большого Космоса. И мы еще не знаем способа преодолевать сотни парсеков за разумно короткие сроки, лежащие где-то в пределах человеческой жизни. Нужно смотреть правде в глаза: наши мечты о фотонных звездолетах, увы, оказались несбыточными, наука решительно отвергла эту крылатую, но абсолютно безнадежную идею. И все-таки мы полетим! Помогут ли нам обитатели других миров, или мы найдем такой способ сами — не в этом суть. Пока жива мечта — жива надежда.

Но почему, почему не получился прочный контакт миров, о котором столько мечтали мы, земляне?.. Кто в этом виноват: я, *она* или ошеломляющая неожиданность встречи? А может быть, это и есть прочный контакт в их понимании? Но что дала *она* мне, кроме грез? Что оставил я *ей*? Поцелуй, и только. Нет, *она* ждет моего возвращения...

Ровно через шесть дней я должен дать ответ Шарову. Почему через шесть? Я это сделаю сегодня, сейчас!

Включаю связь и заказываю телетарный вызов лунной станции. Затем вскрываю присланный Шаровым сверток, натягиваю белый свитер, украшенный изображением бегущего оленя. На левом рукаве, чуть пониже плеча, алым пламенем горит заветная буква...

Тревожно звучит гудок контрольного вызова. Голос Шкловского спрашивает, почему у меня участился пульс.

— Все в порядке, профессор,— уверенно отвечаю я.— Эксперимент окончен, поздравляю с успехом. Да, кстати, вам придется подыскать другого руководителя Следящего центра... Нет, вы не ослышались. Сожалею, но это так... Объяснения? Объяснения вы получите через Совет космонавтики... Да, конечно, я понимаю, но

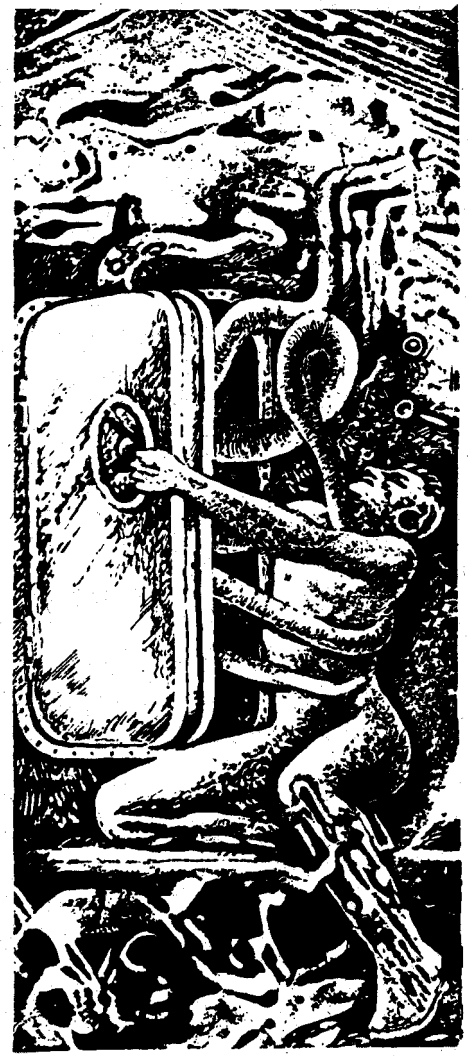
в Пространстве тоже нужны опытные диагносты, и наверняка даже нужнее, чем здесь. Что?.. Какой дурак мне это сказал?! Простите, но это же ваши слова, учитель!

Я перевел рычаг — и голубой шарик стал неохотно приближаться к раструбу поглотителя.

— До свидания, малыш! Ты славно поработал сегодня, топай на отдых...

Милый, добрый мой учитель, я расстроил тебя, извини. Но я должен вернуться т у д а, ведь я оставил т а м свой поцелуй... Тебе не понять, как это много...

АКВАНАВТЫ

Фантастическая повесть

НИКАКИХ ГАРАНТИЙ

Радист обернулся. На него смотрели зеленоватые глаза Дуговского. «Что нового?» — понял он по движению губ.

— Ничего, шеф. На воле мезоскафа [1] по-прежнему только одни позывные.

Дуговский нервно дернул щекой.

— Скверно, мы уже в двух милях от мезоскафа,— сказал он и вышел из радиорубки.

Раздвигая носом шипящие буруны, судно полным ходом шло на восток, в предрассветную мглу океана. Над антеннами радаров искрилась россыпь южных созвездий. Параболические зеркала антенн торопливо вращались, перемещивая звезды в этом сумеречном фиолетово-синем пространстве.

На освещенном полубаке — молчаливые фигуры людей. Глаза и бинокли устремлены туда, где на темной поверхности океана изредка вспыхивали алые зарницы. Дуговский вырвал из рук у кого-то бинокль, прилип к окулярам. На миг ослепила яркая малиново-красная вспышка.

— Дайте свет,— негромко распорядился Дуговский.

В темноту ударили лучи носовых прожекторов. Судно застопорило машины. В полутора кабельтовых, поблескивая влажными боками, покачивался на волнах аппарат сферической формы.

— К спуску катера стоять по местам! — рявкнули по радиомегафону с капитанского мостика.

---

[1] Мезоскаф — аппарат для погружения в средние глубины океана.

Топот, суета у правого борта.

— Кон, вы готовы? — не оборачиваясь, спросил Дуговский.

— Разумеется.— Высокий человек в очках взял за ремень медицинскую сумку.— Но я не уверен, что там кто-нибудь есть.

— Вы не очень внимательны, Кон.— Дуговский нахмурился. Врач досадливо поправил очки.

— О, люк мезоскафа открыт! — Он заторопился в катер.

Заложив руки за спину, Дуговский вышагивал по палубе вдоль бортового ограждения. Люди сторонились его, но он никого не замечал. И вдруг он замер не месте: долговязая фигурка доктора ступила за борт катера и нырнула в люк мезоскафа. Дуговский взялся за поручни.

Минута. Две. Три... Время словно остановилось. Наконец из люка вылез... нет, скорее выполз обнаженный по пояс человек. Дуговский прищурился, пытаясь узнать его. Следом выскочил доктор. Обнаженный, взмахнув руками, свалился в воду, за ним бросился доктор. Потом — какая-то возня на катере, крики матросов, урчащий баритон мотора...

Первым сошел на палубу рулевой катера. Зажимая пятерней разбитый нос, сказал:

— Джентльмены, тем, кто не желает получить по фотокарточке, советую держаться в стороне. У этого парня железные кулаки! К тому же он, кажется, спятил.

Двое дюжих матросов под руки свели на палубу полураздетого. Он диковато озирался.

— Дюмон!..— вглядевшись, воскликнул Дуговский.

На подбородке врача багровая ссадина. Он вышел из катера мокрый, без сумки. И без очков. Жестом приказал увести Дюмона. Обратился к окружающим:

— Дайте сигарету.

Жадно закурил. Потом вдруг тоном повыше:

— Вы все свободны! — И к Дуговскому: — Леон, может быть, вы прикажете им разойтись?

Люди разбрелись. «Это как дурной сон! — думал Дуговский.— Бестолковый, невозможный сон!»

— Кон, Дюмон был один в мезоскафе?

— Вы не очень наблюдательны, шеф. Люк мезоскафа закрыт. По-моему, ясно.

— Что с ним? Я с трудом узнал его.

— Делать преждевременные заключения не в моих правилах,— нехотя ответил врач.— Но учитывая сложность обстановки, я, пожалуй, рискну. Невроз страха. Явные признаки умственного расстройства... Но, повторяю, этим предварительным «диагнозом» вы можете пользоваться только до времени, пока не будет получено более авторитетное заключение психиатров.

— Спасибо, Кон. Мне кажется, иного заключения и не будет...

Врач помолчал, с близоруким прищуром глядя Дуговскому прямо в лицо. Потом спросил.

— Что вы собираетесь делать, Леон?

— Делать?..— Дуговский приглаживал на лысине несуществующий вихор.— Кон, на первых порах вы должны мне помочь.

— Вы надеетесь, я разрешу вам допрашивать больного?

— Неудачно выбираете слова. Да, мне нужно с ним поговорить. Немедленно. Я понимаю, Кон, мое желание идет вразрез с вашими представлениями о врачебной этике, но посоветуйте мне что-нибудь иное. И поскорее, мешкать нельзя: второй наблюдатель на станции, в километре у нас под ногами, и, вероятно, нуждается в помощи.

Врач выдохнул дым, бросил окурок за борт.

— Хорошо... Но вряд ли что-нибудь из этого выйдет: Дюмон невменяем. Даю вам десять минут. Может быть, меньше. Если я подам знак, вы уйдете.

— Согласен.

— Мне нужно взять в каюте очки. И тогда я к вашим услугам.

— Поторопитесь, Кон! Переодеться можно и после.

...Дуговский вышел, пятясь, и медленно прикрыл за собою дверь с медицинской эмблемой. Змея и чаша... И как змея, нехорошая мысль: «Не миновала нас чаша сия! Иезус Кристус, Дева Мария, поистине тому, который остался там, в глубине, лучше погибнуть, чем быть лишенным разума в такой же мере, как Дюмон!»

Судно покачивало. Дуговский, широко расставив ноги, смотрел на уходящие в коридорную перспективу ряды плафонов и ждал. Хотя понимал, что ждать, собственно, нечего. Наконец вышел врач. На белом халате пятна от мокрой одежды.

— Леон, вы получили то, что хотели. Я предупреждал.

— Кон, это было ужасно...

— Да, неприятно. Я сожалею, что не сумел отговорить вас от этой затеи.

— Как он там сейчас?

Врач пожал плечами:

— Спит, конечно. Я ввел ему снотворное. Пока это все, чем я мог быть полезен бедняге.

Дуговский почувствовал странное облегчение.

— Хорошо, я побеспокоюсь, чтобы как можно скорее отправить Дюмона на континент.

— И не позже завтрашнего дня,— добавил врач.— В Сиднее, мне помнится, есть отличная клиника этого профиля. Частная, правда, но я полагаю, наш институт пойдет на любые расходы...

— Разумеется,— перебил Дуговский.— Извините, тороплюсь. У вас тоже сегодня прибавится дел. Я имею в виду Болла. Пришлю его к вам примерно через час, будьте готовы.

— Можно и раньше. Он давно у меня не был, и мне потребуется провести массу анализов.

— Надеюсь, Кон, вы понимаете, что дело срочное.

— Понимаю. Болл пойдет туда без напарника?

— Ни в коем случае.

— Правильно,— одобрил врач. Как минимум двое... Но где вы возьмете второго? Болл — единственный на судне человек-рыба.

— Эту проблему мне и предстоит сегодня решить,— сказал Дуговский. И, криво усмехнувшись, добавил: — Решать проблемы входит в мои обязанности, Кон.

— Желаю удачи. Да, кстати, мой вам совет: Боллу и его будущему напарнику вовсе не обязательно знать о несчастьи, постигшем Дюмона. То есть дать кое-какую информацию, конечно, потребуется, но постарайтесь оттянуть разговор до самого погружения. И без этих...— врач ткнул пальцем в дверь,— живописных подробностей.

— Все уже знают.

— Не все. Час довольно ранний... Предупредите своих коллег и корабельную команду.

— Сомнительное предприятие... Но вы, наверное, правы.

Дуговский кивнул и повернулся, чтобы уйти. По коридору навстречу шел сменившийся с вахты радист.

— Шеф, вас разыскивает помощник капитана,— сказал он, как только они поравнялись.— Всплыл радиобуй-автомат типа «Ремора». Нет, нет, никакой передачи, тоже один позывные. Он всплыл по графику, я проверял.

— Кто там у вас на вахте?

— Го Пин и Ян Неедлы. На радарах — Окада Сокура.

— Хорошо, Фриц, отдыхайте,— сказал Дуговский.

Суеверно подумал: «Несчастливый радист. Только заступит на вахту — жди неприятностей».

Распахнув двери штурманской рубки, Дуговский зажмурился: через широкое окно переднего обзора проникали лучи утреннего, но уже горячего солнца, обещая знойный тропический день.

— Доброе утро, Джеймс. Впрочем, недоброе...

Неразговорчивый штурман кивнул. Кивнул, то ли соглашаясь — «недоброе», то ли здороваясь. Открыл рот, но только для того, чтобы вставить в него незажженную трубку. Дуговский окинул взглядом приборы, стенды навигационных машин, шагнул к наклонному экрану карт-вариатора. Впился глазами. Штурман развернул вращающееся кресло к пульту. Спросил, не выпуская трубки из зубов:

— Какой квадрат, сэр?

— Вся акватория Индийского океана.

Штурман недоуменно посмотрел Дуговскому в спину, пожал плечами и потянулся к верньерам.

— Готово, сэр.

— Нет, Джеймс, мне нужен батиальный вариант. И будьте любезны, дайте фильтр на окно — солнце мешает.

Штурман отложил трубку в сторону опустил руки на клавиши. Полость между стеклами быстро заполнилась коричневой на просвет жидкостью — светофильтром. Все в рубке окрасилось в йодистый цвет. На мелкомасштабной карте Индийского океана проступила кружевная паутина изобат.

Обращаться за помощью на континент Дуговскому не хотелось. Он даже не взглянул на серую краюху западного побережья Австралии. Он знал, что мельбурнский комитет по глубоководным исследованиям весьма неохотно откликается на подобные просьбы: у самих, дескать, дел по самое горло. Поможет разве только SOS. И то, извольте, видите ли, объяснить им все открытым текстом, а уж они там сами решат, стоит ли торопиться. Нет, это на крайний случай, когда иного выхода не будет...

В рубку вошел помощник капитана. Прямо с порога:

— Шеф, мезоскаф взят на борт. Какие будут дальнейшие распоряжения?

— Послушайте, Ивен,— Дуговский потер переносицу, что-то припоминая.— Вы, кажется, делите вашу каюту с мистером Боллом?

— Да. Но я не в претензии.

— О, дело не в этом. Вы видели его на палубе сегодня утром?

— Нет, шеф. Мистер Болл обычно просыпается в восемь. По местному времени. В этом отношении он пунктуален.

— Вот что, Ивен... По причинам, о которых вам нетрудно догадаться, он пока не должен знать подробностей ночного происшествия. Надеюсь, вы меня поняли.

— Разумеется, шеф.

— Я прошу вас предупредить об этом моих коллег и команду судна. Лучше по радио. Чтобы слышали все, кроме Болла. Я на вас полагаюсь.

— Будет сделано, шеф.

— И последнее: распорядитесь найти и выловить радиобуй-автомат типа «Ремора». Он только зря засоряет эфир позывными. У меня все.

— Слушаюсь, шеф.

Помощник вышел.

— Джеймс,— обратился Дуговский к штурману.— Дайте команду радистам обшарить эфир. У меня есть основания предполагать, что где-то в районе глубоководной впадины Кокос, а может быть, и ближе, в районе нашей западно-австралийской, проводятся научно-исследовательские работы океанологического профиля.

Штурман вынул трубку изо рта и, не меняя позы, ткнул дымящимся мундштуком в сторону карт-вариатора:

— Взгляните, сэр. Это, кажется, то, что вам нужно. Курс локально выделен в более крупном масштабе.

На экране Дуговский увидел что-то вроде силуэта сильно растянутой и слегка изогнутой пружины.

— Станции?

— Да, сэр. Стодвадцатичасовая непрерывная запись.

— Откуда?

— Я всегда записываю курс проходящих судов. Вернее, не я — компьютер. На всякий случай. Если, конечно, они дают свои координаты открытым текстом. Русские дают открытым текстом координаты временных станций.

— Так...— проговорил Дуговский.— Это российское океанологическое судно «Таймыр».

— Да, сэр. Дизель-электроход, семь тысяч тонн водоизмещением, порт приписки — Находка. Начальник экспедиции Селиванов. Последняя станция в ста восемнадцати милях от нас, норд-норд-вест.

Дуговский тронул клавиш селектора:

— Алло, радиорубка! В срочном порядке свяжитесь с «Таймыром». От моего имени. От имени глубоководного сектора Международного института океанологии. Все, выполняйте.

— Джеймс, если у них на «Таймыре» есть гидрокомбист, они не откажут. Если, конечно, есть...

* * *

Но я об этом еще ничего не знал.

Гидрокомбист, как таковой, в штате научных сотрудников океанологического судна «Таймыр» не числился. Однако он был, хотя и выполнял совершенно другую работу, потому что основная его специальность — гидрофизика. Этим гидрокомбистом и гидрофизиком был я...

Я следил за медленным полетом альбатроса и не знал, что ответить Дуговскому. Передо мной — необъятная океанская ширь, золотая россыпь солнечных бликов.

— Да,— неожиданно для самого себя сказал я.— Согласен.

Селиванов даже не посмотрел на меня. Это хорошо, по крайней мере не придется отводить глаза в сторону. Дуговский слегка оскалил крупные вставные зубы — должно быть, хотел улыбнуться. Сказал:

— Вы мне симпатичны, Соболев.

Я посмотрел на низкорослого Дуговского сверху вниз. Ничего не ответил.

Селиванов смял сигарету и машинально сунул в карман.

— У меня не хватает людей.

— О, я высоко ценю ваше благородство! — поспешил заявить Дуговский.

— На кой черт мне эта оценка, если некому будет работать,— спокойно возразил Селиванов, разглядывая его сандалии.

— Но у вас на «Таймыре» пять гидрофизиков!

— Двое из них на больничных койках. Вот он знает,— небрежный кивок в мою сторону.

Я промолчал. Селиванов беззвучно шевельнул губами, сделал рукой неопределенный жест и спустился по трапу на ют. Оттуда доносились возбужденные крики: морские геологи поднимали грунто-отборочные трубку с образцами донных осадков.

Дуговский благодарно сжал мой локоть худыми потными пальцами.

— Собирайтесь. Я буду ждать вас в шлюпке. Прошу прощения, но время не терпит...

Я спустился в каюту, собрал чемоданчик и пошел прощаться с товарищами. Фотографию Лотты я так и оставил на столике. Оставил, потому что не мог больше видеть ее внимательные серые глаза и скрытое в них обещание...

Селиванов сдержанно пожал мне руку:

— Ну... ладно, увидимся еще. С Дуговским там поосторожнее — мне кажется, у него на станции крупные неприятности. Юлит, недоговаривает. Черт нас дернул встретиться с «международником».

Знойную тишь всколыхнул хриплый бас корабельного гудка. Белый нос судна украшен странным названием: «Крейдл». «Колыбель», если перевести с английского.

* * *

Уже четыре часа я нахожусь на борту судна Международного института океанологии. Дуговский, видимо, забыл о моем существовании. Сижу в шезлонге под белым тентом шлюпочной палубы, пытаюсь читать.

Покачивает... Эту скорлупку покачивает даже на малой волне. Недаром ее умудрились назвать «Колыбелью». Впрочем, суденышко уютное, чистенькое — «международники» любят комфорт. Тишина, ощущение благополучия, степенности во всем... Нет, у нас на «Таймыре» обстановка другая: грохот лебедок, загорелые спины ребят, беззлобная перебранка, спуски глубинных приборов — сумасшедшая, выматывающая нервы работа; зато по вечерам — научные диспуты вперемежку с откровенным зубоскальством и холостяцкие песни под гитару...

Но все это вдруг стало мне в тягость с того самого момента,

когда однажды в радиорубке я услышал старчески дребезжащий голос Керома:

— Игорь, ты? Мужайся, мой мальчик, я должен сообщить тебе горькую новость...

Я не сразу почуял беду:

— Что у вас там случилось, Кером?

— Лотта...— и наушники всхлипнули.— Понимаешь? Ее не стало...

Он говорил что-то еще...

Ошалело покачиваясь, я вышел из рубки. Нет, я ничего не понимал. Взрыв в лаборатории синтеза. Пожар. Гибель четырех сотрудников института молекулярной бионетики. И среди них — Лотта... Ослепительно сверкал океан. Экваториальное солнце струило на палубу потоки зноя. А мне... мне вдруг стало холодно, меня колотил озноб. Помню, я как-то вяло удивился, что на судне продолжается обычная работа: сейсмики решили сделать «станцию» и устанавливали гидрофоны. Тяжело бухали подводные взрывы, над океаном с печальным криком носились потревоженные чайки...

Прошла неделя, фотопортрет по-прежнему стоял на моем столе, и никто из товарищей ни о чем не догадывался. Но я-то знал! Знал, что никогда не увижу этих серых, внимательных глаз. Скрытое в них обещание было напрасным...

Все это время я жил и работал, как автомат, у которого лопнула какая-то тонкая, но очень важная пружинка. Внешне я старался держать себя так, будто бы ничего не произошло. Начальник нашей экспедиции Селиванов несколько раз предпринимал попытки вызвать меня на откровенный разговор, но разговора «по душам» не получалось. И не потому, что я не желал открыться, высказать свою боль. Просто я не мог, не умел этого сделать. Да и как объяснить внезапно и тяжело навалившуюся на меня безысходность?..

Сзади послышались шаги. Это Дуговский. Он в белых шортах, в белой рубахе навыпуск, в японских сандалиях на босу ногу. Облысевшая голова прикрыта белой панамой.

— Как самочувствие, Соболев?

— Превосходное. У вас здесь настоящий курорт.

Дуговский сел в шезлонг напротив и уставился на меня колючими, зеленоватыми глазами.

— Боюсь, вы скоро измените мнение. Обстоятельства заставляют меня поделиться с вами нашими неприятностями.

— Забавно...— сказал я, выдерживая его пристальный взгляд. Но почему вы думаете, что я готов коллекционировать неприятности?

— О, да, это хобби для избранных,— быстро нашелся Дуговский.— И только поэтому я собираюсь доверить половину нашей уникальной коллекции именно вам.

— Я советую вам не дать согласий, мистер Соболев,— раздался за моей спиной грубоватый мужской голос.

К нам подошел высокий широкоплечий человек в пижаме.

— Знакомьтесь, Соболев,— сказал Дуговский.— Мистер Болл — ваш будущий коллега по работе на станции «Д-1010».

— Очень рад,— сказал Болл, пожимая мне руку.— Прошу извинять мой костюм.

Дуговский жестом пригласил Болла сесть.

— Ну вот,— начал он,— теперь мы можем поговорить серьезно. Болл уже в курсе, и мои слова в основном будут обращены к вам, Соболев. Вы, конечно, знаете, что год назад при содействии многих технически развитых государств наш институт построил и опустил на дно три действующих ныне глубоководных станции: «Рубидий» в Тихом океане, «Ниобий» в Атлантическом и «Дейтерий-1010» здесь, в Индийском.

Разумеется, я это знал. Знал, что Международный институт океанологии занимается, в частности, изысканием экономически выгодных способов добычи редких элементов, растворенных в морской воде. Глубоководные станции по добыче рубидия, ниобия и тяжелой воды — первый практический результат этих исследований; работу станций программируют и контролируют фотонно-вычислительные устройства типа «Мурена-2». Знал, что со станциями установлена мезоскафная связь; раз в два месяца происходит смена наблюдательной группы, состоящей обычно из двух человек.

— Короче говоря,— подвел я итог длинным объяснениям Дуговского,— мне и мистеру Боллу надлежит сменить наблюдателей?

Дуговский ответил не сразу. Он как-то странно пожевал губами и минуту внимательно разглядывал меня. Болл сосредоточенно покусывал ноготь.

— Дело в том, что мезоскаф всплыл раньше назначенного срока,— наконец проговорил Дуговский и тихо добавил: — Собственно, менять вам некого. Кабина всплывшего мезоскафа оказалась пустой...

* * *

Я шагал по каюте и думал. Думать было о чем. Но что-то ужасно мешало. Должно быть, слишком короткое пространство для ходьбы: два шага туда, два — обратно. Что ответил бы я Дуговскому там, на «Таймыре», если бы знал все?.. Вероятно, то же самое — сейчас это уже не имеет значения. Коль скоро я оказался в центре событий, нужно думать о главном. А в чем оно, это главное?.. Во время двухчасовой беседы с Дуговским и Боллом я интуитивно почувствовал всю сложность обстановки. В самом деле: мы с совершенно серьез-

ным видом обсуждали план действий, не имея ни малейшего представления о том, что произошло на станции. Как ни поверни, а задание Дуговского по сути дела — сплошной туман. «Пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что». Дуговский уверен, что оба наблюдателя — швейцарец Дюмон и серб Пашич — погибли. Откуда у него такая уверенность? Да, всплывший радиобуй-автомат как будто подтверждает эту версию: он, кроме позывных, не выбросил в эфир ни слова. Ладно. А мезоскаф? Мезоскаф вряд ли мог всплыть самостоятельно, его нужно было кому-то отправить... Неувязочка.

Я сел на койку и посмотрел на Болла. Он быстро отвел глаза и сделал вид, что читает. Толстый том в серой обложке открыт посредине. Достоевский, академическое издание...

Душно, хочется пить. В холодильнике салона, наверное, еще остался лимонад...

Я вышел из тесной каютки и побрел вдоль коридора. По обе стороны тускло мерцали дверные ручки. Проходя мимо двери с чернеющей эмблемой медицинской службы, я услышал негромкий стук. Вероятно, кого-то случайно заперли. Ничего, бывает. Поворачиваю ключ. На пороге странная фигура. Темноволосый мужчина с яркоголубыми глазами — довольно редкое сочетание — с головы до пят закутан в простыню. Он что-то сказал по-французски. Я не понял.

— Прошу прощения, месье? — учтиво спросил я.

— О! Вы русский, я вижу?..— он, кажется, удивился.

— Да, Игорь Соболев. Рад познакомиться.

Я подождал, полагая, что он назовет себя и объяснит эту не совсем обычную ситуацию. Но он молчал, глядя на меня в упор, я бы даже сказал, настороженно.

— Вы собираетесь туда?..— он показал пальцем вниз.

Я кивнул. Он подступил ко мне так близко, что я невольно попятился.

— Я больше не хочу туда!.. Оставьте меня в покое, оставьте! — шептал он мне прямо в лицо, брызгая слюной.

Я ударил его по рукам. Но цепкие пальцы крепко держались за ворот моей рубахи.

Нас разнял человек в белом халате. Голубоглазый незнакомец исчез за дверью, а я остался в коридоре, ошеломленный, без воротника на рубахе.

— Вам здесь нечего было делать,— сказал врач.

Дверь захлопнулась. Мои объяснения его не интересовали.

Я вошел в салон и открыл холодильник. Запотевшая бутылка скользила в руках и долго не хотела откупориваться.

Прохладная шипучая влага щиплет язык. Пью большими глотками и все не могу напиться. Дуговский лгал. Жак Дюмон не

погиб. Лучше бы он погиб... Может быть, и с Пашичем тоже такое же? Зачем скрывают от меня? Знает ли Болл? Н-да, ситуация...

* * *

Стемнело быстро. Над головой зажглись первые звезды. На западе в синевато-фиолетовой дали еще различима черта горизонта, на востоке — зловещий мрак. Говорят, надвигается ураган. Океан дышит спокойно, мирно. Пока. Через какие-нибудь полчаса он поднимет горы бушующих волн и заревет в диком, непонятном восторге. И души человеческие будут молить о спасении...

Левый борт «Колыбели» освещен прожекторами. Стрелы кранов держат на весу прозрачный шар мезоскафа. Кривыми саблями сверкают лопасти мезоскафных винтов. «Ви-ра-а!.. Майна!.. Еще май-на-а!..— доносятся команды. Шар без всплеска опускается на темную воду. Дуговский, Болл и я, облокотясь на поручни, следим, как доводят трап к открытому люку мезоскафа. Дуговский нервничает, поглядывает на часы.

— Успеть бы!..— говорит и смотрит на восток.— Будет хороший шторм.

— Я вам совсем не очень завидую,— откликается Болл. Потом по-английски кричит кому-то на палубе: — Осторожней грузите! Это вам не бананы, черт побери! — И вдруг, сорвавшись с места, убегает туда, в ярко освещенную суету.

— Зачем вы скрыли от меня? — спрашиваю Дуговского.

— Что именно? — насторожился он.

— Болл знает?

Дуговский устало посмотрел на меня.

— Знает,— ответил он нехотя.

— Тогда зачем же от меня...

— Сколько неприятностей...— Дуговский вздохнул.— Да, Дюмон всплыл на мезоскафе. Всплыл один, бросив на станции Пашича. Видимо, Пашич погиб, иначе он доложил бы обстановку при помощи радиобуя. Я говорил с Дюмоном, пытаясь выяснить хоть что-нибудь. Все напрасно. Он болен.

— О чем он бредит? — спросил я только для того, чтобы подавить в себе чувство неловкости.

— Так, разное... Но прежде всего — страх. Не знаю, что могло так подействовать на него. В минуты просветления, когда узнает меня, грозит пальцем и повторяет одно и то же: «Я больше не пойду туда!» Иногда разговаривает с воображаемой женщиной по имени... Вот забыл! Ну да это неважно. Ему кажется, будто она преследует его всюду, и он забивается в самый дальний угол каюты, дрожа и всхлипывая... Да, вспомнил: Лотта...

Я стремительно повернулся к Дуговскому. Он взглянул на меня с удивлением:

— Вы чем-то встревожены?

— Нет... ничего. Совпадение просто.

Насчет совпадения это я, пожалуй, напрасно. С досадой добавил:

— К вашим делам это не имеет никакого отношения.

— Ага...— растерянно произнес Дуговский.— Вероятно, вы жалеете сейчас, что покинули «Таймыр»? Я втянул вас в скверную историю, но у меня не было другого выхода: вы и мистер Болл — единственные здесь люди-рыбы.

Он прав, больше действительно некому... Только Болл и я подготовлены для плавания на такой глубине. Ожидать, когда подойдет мезоскафная матка «Роланд» с новой сменой наблюдателей, нельзя. Промедление может стоить Пашичу жизни. Если, конечно, он еще жив...

Появился запыхавшийся Болл.

— Все готово. Можно делать погружение.

Дуговский вздохнул:

— Итак... я предлагаю вам участвовать в спасательной операции, но не имею возможности как-то гарантировать ее успех. Вы должны разобраться в обстановке, выяснить, что произошло на станции, разыскать Пашича, живого или мертвого, и, если удастся, возобновить работу добывающих агрегатов. Не знаю, с какими трудностями вам придется столкнуться, не имею ни малейшего представления, что вас там ожидает, и, наконец, не знаю, останетесь ли вы живы. Никаких гарантий... Если кто-нибудь из вас не согласен работать на таких условиях, еще не поздно отказаться. Даю минуту на размышления.

«Традиционные слова»,— подумал я. На спине, как раз в том месте, куда мне полчаса назад сделали инъекцию, ощущался надоедливый зуд. Болл взглянул на меня исподлобья. Настороженный взгляд.

Мы натянули теплые черные свитеры и направились к трапу. Заметно повеселевший Дуговский проводил нас фамильярными шлепками по спине:

— Отлично, ребята! Я уверен, вы справитесь! Вы в чем-то схожи друг с другом. До свидания, хэппи джорнэй!..[1]

Я шел следом за Боллом, разглядывая его стриженый затылок, большие приплюснутые к голове уши и думал: «Интересно, что у меня с ним общего?»

Прежде чем спуститься в люк мезоскафа, я помахал рукой людям, следившим за нами с высоты освещенного борта «Колыбели». Из темноты налетел порывистый ветер. Прожекторы, все как

[1] Хеппи джорней — счастливого пути *(англ.)*.

один, точно по команде кивнули мне на прощанье — это первая большая волна плавно качнула судно.

ГДЕ ТЫ, ПАШИЧ?

В зеленоватых окошечках глубиномера процеживаются цифры. Восемьсот шестьдесят метров, восемьсот семьдесят... Корпус мезоскафа мелкой дрожью отзывается на работу винтов.

Кабина маленькая, тесная, кресла глубокие, низкие, приходится сидеть, подтянув колени чуть ли не к подбородку: Прожекторы погашены, и сквозь стенку из кварцевого стекла легко различаются проплывающие мимо огоньки: обитатели глубин устроили нам встречную иллиминацию.

Болл сидит слева. При малейшем движении задеваем друг друга локтями. «Чувство локтя,— невесело усмехаюсь про себя.— Крепкие ли у вас коленки, мистер Болл?..»

Пультовые огоньки призрачно-зеленоватым сиянием освещают наши руки и лица. Черная ткань свитеров полностью поглощает слабый свет и оттого кажется, будто кожа рук и лица фосфоресцирует. Исподтишка поглядываю на лицо Болла. Оно сейчас какое-то невыразительное, бледное, размягчились резкие линии губ и подбородка... Кто вы такой, мистер Болл? Кем вы окажетесь там, где нам придется вместе работать? Может быть, таким же паникером, как Дюмон? Посмотрим... Я сверну вам шею при первой же попытке улизнуть в одиночку, клянусь.

Девятьсот шестьдесят. Внизу показались три мутно-желтые точки — посадочные огни станции «Д-1010»...

Мезоскаф опускается в темный колодец. Свет прожекторов, заметно померкший в красноватом облаке ила, расплывчатым кольцом скользит по стенкам шахты ангара. Тихий скрежет, толчок — и мезоскаф повисает в стальных обручах захвата. Послышался гул компрессорных установок, и вода вокруг закипела, забурлила, пронизанная пузырями воздуха. Автоматика бункера сработала неплохо: вода ушла, наружное давление снизилось до нормального. Теперь можно отдраить люк.

Болл погасил прожекторы, и мы вышли. Воздух в ангаре затхлый, сырой, как в подземелье. Я свесился через поручень трапа, направил луч своего фонаря вниз. Присвистнул. Там отсвечивала маслянистая поверхность воды.

— Вы не боитесь насморка, Болл?

— О нет, что вы!— откликнулся Болл.— Я не совсем знайт, что такое есть «насморк».

— Это бывает, когда промочишь ноги в холодной воде.

Я знал, что центральный бункер станции соединялся с мезо-

скафным ангаром двумя тоннельными проходами — люнетами. Но в полумраке не так легко сориентироваться, и я пропустил вперед Болла, который должен был знать планировку помещений станции лучше меня.

Идти пришлось по грудь в холодной воде, держа фонари над головой. Каждый из нас тащил за собой «на буксире» два водонепроницаемых мешка с кое-каким снаряжением. С темных сводов падали тяжелые звонкие капли, малейший всплеск отдавался громким эхом. Плафоны электрических, но, увы, бездействующих светильников таращились незрячими бельмами матовых стекол. Холод, сырость, духота...

Мы благополучно пробрались в верхний люнет. Теперь вода доходила только до пояса, идти стало легче. Кап, кап, кап... Лучи фонарей чертят своды тоннеля. Кап, кап...

— Очень много вода...— говорит Болл.

Шумный всплеск. Болл уходит под воду с головой. Ничего страшного, просто оступился.

— Чертовски приключений! — ругается он, отплевываясь.— Как говорят русские: «Дурная голова дает много ходить».

— Русские так не говорят, мистер Болл. Давайте перейдем на английский, иначе нам будет трудно понимать друг друга.

— Я хотел иметь маленький практик...— разочарованно говорит Болл. Он шарит под водой в поисках фонаря.

— Право же, нам сейчас не до этого,— настаиваю я.— Как-нибудь после.

— Вэл,— уже по-английски соглашается Болл.— Но не забудьте своего обещания, мистер Соболев.

— Слово джентльмена. Скоро вы там?

Мы двинулись дальше и вскоре наткнулись на преграду. Лучи осветили металлический овал. Это был щит, за которым находился вход в центральный бункер станции.

— Если моторы подъемного механизма не действуют, придется вспарывать авторезаками,— сказал я и стал подтягивать мешки.

— Посмотрим...— Болл тронул рычаг. Зарокотал невидимый мотор, и щит наполовину приподнялся вверх.— Видите, все в порядке. Повреждена только линия освещения.

— Да, пока нам везет. Но что же вы стоите?

Болл молчит. Слышно, как в воду шлепаются капли. Наконец он произносит смущенно:

— Я с детства не люблю смотреть на покойников...

«...ой-ни-ков» — разносит эхо.

Оттолкнув Болла, направляю свой фонарь в зев прохода. В узком закругляющемся коридоре проложены трубы, вдоль стен тянутся кабели; глянцевито-черная поверхность воды вздрагивает от падения капель: кап, кап, кап...

— Где вы увидели утопленника?

— Разве я сказал «утопленник»?

— Ну, «покойника» — не вижу существенной разницы.

— Вы не так поняли, мистер Соболев. Я имел в виду вообще.

— Ясно.

— Ничего вам не ясно! — мрачно заметил Болл.— Каждый человек имеет в себе какую-нибудь маленькую слабость. Мне, например, в высшей степени неприятно видеть покойников.

— А мне, напротив, это должно доставлять удовольствие? Так, что ли?..

Я смотрел на бычью шею Болла и не знал, что предпринять. Появилось желание дать ему подзатыльник.

— Я знал Пашича раньше,— продолжал упорствовать Болл.— Это был веселый крепкий парень, и я испытываю ужас от одной мысли, что мне придется увидеть его мертвым...

— Видимо, придется... Те, которые придут разыскивать нас, тоже будут с ужасом глядеть на наши трупы.

Болл смолчал, но я был твердо уверен, что мои слова подействовали лучше всякого подзатыльника.

Мы двинулись вдоль коридора и скоро подошли к двери салона центрального бункера.

В салоне темно и холодно. Под ногами хлюпает вода. Пока я шарю лучом в хаосе разбросанных предметов, Болл ковыряет внутренности электрораспределительного щита.

Заработала помпа. Булькающие звуки постепенно переходят в суховатое шипение. Внезапно вспыхнул свет. Я зажмурился...

Открыл глаза. Пашича в салоне не было.

Я обшарил взглядом углы, заглянул в шкафы для одежды, обследовал даже стенные камеры-карманы...

Несколько металлических ступенек ведут к двери с надписью «Мурена-2». Прежде чем поднять руку и нажать кнопку реле дверного механизма, я помедлил, выверяя свое самообладание. Однако поднял, нажал. Рано или поздно, все равно это надо было бы сделать.

Натужно взвыли электромоторы, и дверь отворилась с характерным хлопком. Надежная герметизация, автоматика не подвела: голоквантовый мозг станции — знаменитая «Мурена-2» — окружен особыми заботами.

Вошел в рубку. Кругом чистота и порядок.

Вдоль стен сравнительно небольшого помещения — панели подковообразного пульта. На них — обычный ассортимент экранов, шкал, сигнальных глазков, клавишей, кнопок. Вместо потолка нависла черная полусфера. Радужные разводы на полированной поверхности делали ее похожей на громадную каплю нефти, увеличенную чуть ли не до размеров нефтеналивной цистерны...

Я бездумно глядел в это выпуклое темное зеркало. Мой анти-

под — головастый коротышка-уродец — так же безучастно разглядывал меня. Потом он протянул мне свою розовую руку с огромными пальцами. Мозг «Мурены» тверд и холоден на ощупь. Пнув ногой ни в чем не повинное кресло, я вышел из рубки, и дверь с мягким шипением захлопнулась.

От решеток обогревателей уже повеяло теплом. Болл куда-то запропастился. Скоро он вошел через дверь, ведущую в жилые каюты. Хмуро покачал головой. Вопросы, как говорится, излишни.

Мы на скорую руку привели салон в порядок. Расставили опрокинутую мебель, разложили по местам брошенные как попало вещи. Четверть часа спустя в салоне стало тепло и уютно.

Пока Болл возился над чем-то у контрольного пульта бункерной автоматики, я потрошил ящики столов. На столах росли кипы бумаги: техническая документация, таблицы химанализов, графики, схемы... В поисках вахтенного журнала я обшарил все закоулки. Нашел его у себя под ногами. Он лежал под резиновым ковриком, мокрый, растоптанный. Морская вода превратила страницы в липкую, синеватую кашицу. Досадно. Оставалось лишь швырнуть его на решетку обогревателя.

На столе Пашича среди справочников по стратиграфии донных осадков под руки попался небольшой сверток. Развернул бумагу. Какой-то оплавленный комочек прозрачной пластмассы... Повертев его между пальцами, хотел бросить в сторону. Но почему-то передумал и скорее машинально, чем сознательно, сунул в карман.

Тетради Пашича убедили меня, что их хозяин — многосторонне развитый, опытный, знающий свое дело подводник. Морской геолог по профессии, он не ограничивался рамками своей специальности. Великолепные зарисовки и описания глубоководной фауны, оригинальные проекты подводных химических заводов, размышления о дальнейшем массовом вторжении людей в Океан. На мой взгляд, рукописи Пашича содержали в себе много интересного, дельного. Но, к сожалению, не содержали ничего такого, что прямо или косвенно объясняло бы странное исчезновение автора.

Я встал из-за стола и подошел к продолговатому овалу аквариума — салонному иллюминатору с прочным трехслойным стеклом. Запотевшая поверхность аквариума еще не успела обсохнуть. На затуманенном стекле пальцем вывожу какие-то буквы. Получается: «Пашич». Одним взмахом ладони стираю надпись. Остается след в виде широкой запятой. Похоже на знак вопроса... Возвращаюсь к столу и окликаю Болла. Мы склоняемся над схемой внутренней планировки станции.

— Придется обшарить центральный бункер сверху донизу. Если не найдем, обследуем шесть боковых. Я предлагаю разбить сектор поиска на два участка: вот этот — для меня, этот — для вас. Встретимся у входа в бункер атомного реактора.

— Да,— соглашается Болл.— Бункер реактора я беру на себя.

Через два с половиной часа мы вернулись в салон. Мокрые, измученные, голодные. Ничего не нашли. Пар из горловины супового термоса напомнил о еде. Некоторое время молча смакуем горячий крепкий бульон.

«Пойди туда — не знаю куда...» Что ж, надо искать за пределами станции. Завтра придется лезть в воду. Мне, конечно.

— Значит, он не вернулся оттуда,— кивает Болл в сторону аквариума.

— Гм...

— Что вы сказали?

— Я сказал «гм». Перевести на английский?

— Не стоит, я все хорошо понимаю.

— У вас преимущество. Теперь не забывайте пользоваться им как можно чаще.

И вообще, поиски Пашича в основном надо брать на себя. Боллу хватит возни с агрегатами станции.

— Вы загадочный человек, мистер Соболев. Я никак не могу научиться заранее предугадывать ваши ответы.

— От этого вы только выигрываете, мистер Болл. Иначе нам просто было бы скучно вдвоем.

Как быть, если мы не найдем Пашича в окрестностях станции? Океан имеет характерную склонность не отдавать обратно всего того, что однажды принял в свою утробу. Лично мне успешный исход подводных поисков представляется маловероятным. Особенно, если учесть, что до сих пор так и не нашли Атлантиду...

— Где вы, дьявол возьми, усвоили эту манеру?! — раздраженно говорит Болл.— Я понимаю, у вас дурное настроение, но при чем здесь я?

Его раздражает неопределенность наших взаимоотношений. Меня тоже. Но в этом он сам виноват. Может быть, напомнить ему, как тщательно скрывал он от меня болезнь Дюмона?.. Нет, пожалуй, не стоит.

— Вы правы,— ответил я.— Вы действительно ни при чем. Извините.

В конце концов он выполнял распоряжение Дуговского.

Вахтенный журнал подсох настолько, что я рискнул отделить две слипшиеся страницы. Журнал открылся в том месте, где была заложена нейлоновая прокладка. Здесь кончалась последняя запись. Прочесть — увы! — ничего невозможно. Хотя...

Я включил настольную лампу. При ярком свете слабенький отпечаток на подкладке стал более заметен. Одно слово проступает довольно четко. Разбираю его по буквам через зеркало. Получается: «anfragen». В переводе с немецкого — «запросить».

— Скажите, Болл, на каком язык велся этот журнал?

— Насколько я знаю, немецкий — единственный язык, на котором Дюмон и Пашич могли бы общаться с полнейшим взаимопониманием. Но Пашич — он получил образование в Москве — в совершенстве владеет также и русским... Вы как будто что-то нашли?

— Еще не знаю.— Я приладил зеркало и вооружился лупой.— А где получили образование вы, мистер Болл?

— Филадельфия — политехнический. Затем Мельбурн — школа гидрокомбистов.

— Ни разу не был в Австралии. Жаль...

— Туристский континент, мистер Соболев. Кенгуру, бумеранги... Я охотней побывал бы в России.

— Клюква, белые медведи, квас?

— О нет, не надо иронии. Я знаком с вашей страной не только по Достоевскому.

«*...запросить агентство... атер... га...*— записываю то, что удалось разобрать,— *...могу поверить... других...*».

Вот и все. Остальной «текст» безнадежен.

— Это написано рукой Пашича,— уверенно говорит Болл, заглядывая в зеркало.— Да, мало...

— Точнее сказать — ничего.

Мы смотрим на листок бумаги, который лежит перед нами. Жалкие, бессмысленные отрывки слов и фраз. *«Запросить»*...

Я опустил спинку кресла пониже, поставил ноги на радиатор обогревателя и взглянул на часы. Минут через пятнадцать-двадцать нам предстоит «смех Люцифера» — своеобразная реакция нервной системы на восьмую инъекцию препарата ГДФ-10. Между прочим, смешного мало.

— Было бы неплохо чем-нибудь занавесить окно,— нарушил молчание Болл.

— Хорошая мысль. Дельная. Я предлагаю цветную маркизу, снаружи.

— Предпочитаю плотные шторы внутри. Меня смущает любопытство здешних аборигенов.

Я обернулся. Болл прав: за стеклом аквариа колыхалась какая-то зеленоватая масса. Я подошел к иллюминатору вплотную. Сквозь стеклянную толщу смотрит черный глазище не менее тридцати сантиметров в диаметре!..

Я много слышал о гигантских кальмарах от знакомых гидрокомбистов и, надо сказать, ничего хорошего. С омерзением разглядываю громадные щупальца, усеянные присосками величиной с кулак. По краям присосок — когтеобразные зубцы. Мощные щупальца упруго и судорожно копошатся, оставляя на стекле мутные натеки слизи. Присоски выглядели на них, как грубый протектор на автомобильных шинах.

Вглядываюсь в громадный зрачок, пытаясь угадать в нем то, чем изобилуют полные драматизма рассказы бывалых глубоководников: тупую жестокость, животную злобу. Но... Из темной глубины живого зеркала на меня глядит что-то ошеломляюще печальное и трогательное... Это правильно, когда говорят, что взгляд спрута напоминает взгляд человека. Взгляд спрута казался мне странно осмысленным.

Щелкнул переброшенный Боллом рубильник. Овал акварина осветился жемчужным сиянием. Кальмар молниеносно выгнул щупальца и отпрянул далеко назад. Теперь, в свете прожекторов, вижу его целиком. Веретенообразное, похожее на ракету тело — сейчас оно было кирпично-красного цвета,— имело в длину что-то около четырех метров, а вместе со щупальцами, пожалуй, и все восемнадцать. Угрожающе вытянув ловчие щупальца (его, должно быть, ослепил внезапный свет), кракен [1] минуту висел над илистым дном, ундулируя [2] ромбовидными плавниками. Затем растаял за пределами освещенного пространства.

Из-за округлого края четвертого бункера появились две жуткие тени и пронеслись мимо — вероятно, кальмары из того же рода гигантов-архитевтисов, что и первый. Однако их размеры произвели на меня удручающее впечатление: если верить собственным глазам, в «территориальных водах» станции свободно разгуливали тридцатиметровые монстры. Где гарантия, что это еще не самые крупные экземпляры?..

— Мне не приходилось иметь дело с этими тварями,— сказал за моей спиной Болл.

— Мне тоже,— признался я.— У Мадагаскара я видел кракена, всплывшего на поверхность, но то был какой-то мелкий полудохлый экземпляр.

— По словам прежних наблюдателей, здесь они водятся в изобилии.

Скверно, подумал я и ощутил пренеприятный зуд в левом плече. Память о черноперых акулах Красного моря... С тех пор я как-то недолюбливаю изобилие.

Болл щелкнул пальцами, рассмеялся. Начинается...

Осмотрев пистолет-пневмошприц, я вылил содержимое двух ампул в стальную обойму, проверил давление в кислородном баллончике и разложил все это хозяйство перед собой на столе. В кончиках пальцев я тоже начинаю ощущать покалывание. То ли еще будет.

Сижу и жду. Рядом в кресле корчится Болл. Восьмую инъекцию нам сделали одновременно, но у него это начинается раньше. Я вижу, каких усилий стоит ему сдерживать «смех».

---

[1] Кракен — распространенное среди глубоководников название гигантских кальмаров.

[2] Ундулировать — совершать волнообразные движения.

Собственно, это не смех, а очень неприятное, болезненное состояние, которое сопровождается позывами к беспричинному неудержимому хохоту, начисто лишенному всяких эмоций. Беспричинность пугает и злит, но ничего поделать не можешь — смеешься.

— Нет, Грэг, невыносимо...— произносит Болл сквозь сжатые зубы.

Грэг?.. Ну да, он переврал мое имя.

— Терпение, Свен! Каких-нибудь двадцать минут...

Главное сдержаться, тогда все-таки легче. Но Болл не сумел. Захохотал, как безумный. Громко, болезненно, страшно. Стоит только начать...

Он нашел во мне хорошего партнера. Мы хохотали до слез, до колик в груди. Едва удерживались в креслах, изнемогая. Постороннему наш идиотский дуэт мог бы показаться забавным. Для нас это была пытка.

— К черрту!..— прохрипел Болл, почему-то по-русски.

Он, покачиваясь, подошел к одному из мешков, ударом ножа распорол водонепроницаемую оболочку, запустил руку в прореху. Вынул бутылочку виски, плеснул в стакан мне и себе.

— Пей. Помогает.

О том, что спирт помогает, я знал: вопреки строжайшему запрету врачей некоторые глубоководники считали этот способ подавления «люциферова смеха» наиболее действенным. Что ж, попробую хоть раз, была не была!

Я быстро почувствовал усталость. Действует...

— Остальное — в жертву богам,— сказал я, перевернув бутылочку вверх дном. Остаток виски вылился на пол.— Наш винный запас можно считать исчерпанным, не так ли, Свен?.. Ну, что же вы молчите?

— Не беспокойтесь, Грэг, мне удалось захватить всего лишь одну. Специально для этого случая.

Хотелось бы верить.

Я посмотрел на часы и взял пневмошприц. Болл стянул через голову свитер. Легкий щелчок — и на его загорелой спине появилась еще одна розовая точка. Девятая. На жаргоне глубоководников девятая инъекция называется «поцелуй Эвридики». Поэтично, но слишком много иронии. Я передал шприц Боллу.

Увидев мой красноморский шрам, он тихо присвистнул:

— Полдюйма от сонной артерии... Когда-то вам, коллега, повезло.

Он прав, тогда мне действительно повезло... Я выпрямился и одернул свитер.

Этот шрам всегда привлекал внимание подводников. Из-за своей характерной серповидной формы. Не спрашивали «кто» — и так понятно. Спрашивали «где, как и когда». И я отвечал. Не потому,

что любил поговорить на эту тему, а потому, что должен был отвечать: среди разведчиков моря такая информация ценилась. И, вероятно, поэтому мои ответы были не столько живописны, сколько академически бесстрастны: место, время, прозрачность и освещенность воды, биологический вид акулы, словом, полный перечень тех обстоятельств, при которых подводная смерть нанесла человеку нацеленный в горло удар, промахнувшись всего на полдюйма. Но сегодня я был бы не прочь увильнуть от беседы.

— Черноперая? — спросил Болл.

— Да... Откуда вы знаете?

Он, не смутившись:

— Будем считать, угадал.

Угадал... Они с Дуговским наводили справки — факт. Мне, разумеется, нет до этого дела, но хотел бы я знать, на кой ляд «международникам» такие подробности? Вооруженные девизом «Все пронюхать, все предвидеть, все предугадать!», экспедиционные штабы их института умудрялись довольно регулярно садиться в лужу едва ли не в каждом из своих начинаний. Вот как теперь, с Дюмоном и Пашичем...

Болл разобрал пневмошприц и устало завалился в кресло напротив.

— Поздравляю,— сказал он, поднимая ноги на стол.

— Спасибо. Однако мне не совсем понятно — с чем?

— Промежуточный цикл завершился... Через восемь часов мы опять станем рыбами.

Я промолчал. Разговаривать не хотелось. И он это, кажется, понял — глаза хитровато сощурились.

— Грэг, я расскажу вам одну историю... Можно?

Что-нибудь ослепительно героическое на фоне обязательно мрачных, если не жутких, событий... Придется слушать.

— Случилось это,— начал он, заложив руки за голову,— где-то в рифовых водах микроархипелага Дахлак. Кстати, вам не приходилось там бывать?

— Приходилось. Очень живописные воды.

— И, как утверждают аквалангисты, едва ли не самые опасные в акватории Красного моря.

— Что значит — опасные?

— Имеется в виду необычайное коварство дахлакских акул, среди которых...

— Вздор,— перебил я, разглядывая рисунок на его подошвах.— Выдумки невежд, новичков, спортсменов-любителей и... не знаю, кого там еще.

Ну времена, подумалось мне. Опытный глубоководник, пелагист-вертикальщик, ангел тьмы, наконец, уж если бравировать нашим жаргоном,— совершенно не знает верхнюю воду. Впрочем,

разделение труда среди подводников в последнее время становится модным.

— К сожалению,— сказал Болл,— я почти не работал с аквалангом.

— А я начинал с акваланга и говорю вам, что все это вздор. Вы поверили бы россказням о коварстве глубоководных акул?

— Нет, мне хорошо известны их повадки. Но я столько наслышан о верховодных.

— Занятный фольклор, не правда ли? К счастью, всего лишь фольклор. Акулы, даже верховодные,— назойливые, любопытные твари, с которыми следует быть настороже, и только. По-моему, такие понятия, как «свирепость», «кровожадность», «коварство», не применимы к животному миру вообще.

— Простите, Грэг, а шрам на вашем плече — тоже фольклор?

— Гм... Скорее маленькое ротозейство с драматическими последствиями. Я устанавливал на дне гравитометр и, увлекшись работой, порезал плечо о коралловый куст. Запах крови взбудоражил акул... Но даже в этом случае они атакуют только потому, что запах крови рефлекторно связан у них с представлением о еде.

— И вы хотите меня убедить, что это никак не свидетельство их кровожадности?

— Ведь точно с такой же «кровожадностью» мы атакуем аппетитно поджаренный бифштекс.

— М-да...— огорченно произнес Болл.— Рассказ не получился. Жаль. Я хотел рассказать об одном подводнике, который был ранен акулой во время изыскательских работ в районе знаменитого теперь подводного месторождения нефти и газа.

— Дахлакского месторождения?

— Да. Это по программе экономического сотрудничества, Грэг, между вашей страной и...

— Припоминаю. А как звали подводника?

— Он был ранен в плечо,— продолжал Болл, пропустив мой вопрос мимо ушей.— Тогда он сделал то, что на его месте не каждый бы сделал. Он увел за собой обезумевшую от запаха крови стаю акул подальше от работающих в воде товарищей... Представляете? У него практически не было шансов спастись: следом клубилось кровавое облако, а в руках — ничего, кроме короткого копья... Его фамилия Соболев.

— Вот как! Странное совпадение.

— Совпадения,— поправил Болл.— Черноперая, рана в плечо и, наконец, ваша фамилия.

— Свен, а вы уверены, что это был именно я?

— Конечно. А вы не уверены?

— Ну если даже фамилия... Только это произошло не в рифовых водах Дахлака, а у побережья одного из крохотных островков

Суакина. Но несмотря на маленькую географическую ошибку, я должен сделать вам комплимент: вы — мастер угадывать.

Болл усмехнулся:

— Вы думаете, я получил все эти сведения от Дуговского? — он вдруг помрачнел.— Нет. Просто мне запомнилось то, что однажды рассказывал Пашич.

Пашич... Пашич... Вилем Пашич... Нет, акванавта по имени Вилем Пашич я раньше не знал.

— Не ройтесь в памяти, Грэг. Он знал вас заочно.

— Тогда зачем весь этот разговор?

— Мне захотелось выяснить, тот ли вы Соболев.

— Угум... А если мне захочется выяснить, тот ли вы Болл?

Он поднял брови. На лбу — глубокая складка мыслителя.

— Вы хотите сказать, что я с вами не откровенен?

— Мы с вами никак. Кто в этом виноват, не знаю. Может быть, я... Ладно, спокойной ночи, Свен.

Мягкие кресла с откидными спинками вполне заменяли постель. Спать, спать, спать!.. После девятой инъекции мы должны проспать не менее восьми часов. За это время под действием препарата «ГДФ-19» организм успеет выработать особый гормон — «инкрет Буриана». Гормон в свою очередь поможет клеткам костного мозга заполнить костные пустоты лимфатической жидкостью. Наши грешные кости станут практически несжимаемыми даже при очень больших давлениях воды в океанских глубинах...

Завтра — один на один с океаном. Обычно в воду выходят группой или хотя бы вдвоем. Мне предстоит идти одному, но я совершенно уверен в себе и спокоен. Наверное, Пашич был тоже уверен в себе... Волков бояться — в лес... Если бы лес! Там проще: «Ау, Пашич! Где ты? Откликнись!» А здесь в ответ — безмолвие глубин... А наверху сейчас свирепствует шторм. Как там у нас на «Таймыре»?..

Спать, немедленно спать! В первую ночь обычно снится что-нибудь забавное. Гигантский кальмар, например... Спать!

НАДПИСЬ НА ПОНТОНЕ

Мне снилась музыка. Очнувшись, я открыл глаза, посмотрел на часы. Пора. Болл проснулся раньше и уже был занят работой. Через открытую дверь рубки доносились звуки, которые меня разбудили: гудение, писк и звон весьма разнообразных тембров. Мистер Болл проверял работу электронных блоков «Мурены».

После холодного душа я почувствовал голод. Это хороший признак: гидрофилотация часто приводит к временной потере аппетита.

Мы позавтракали бульоном, в котором плавали размокшие ко-

мочки тертого рыбьего мяса. Десертным блюдом служил ароматный сладкий напиток — какая-то фантастическая смесь жидкого шоколада, витаминов и чего-то еще. Твердой пищи не полагалось.

— «Мурена» в порядке,— сказал Болл, убирая посуду.— Просто она была выключена.

Все в порядке... Кроме того, что Пашич исчез, а Дюмон самым натуральным образом спятил.

— Вас это не удивляет, Свен?

— Я никогда не удивляюсь. Зачем? В конце концов любая загадка объясняется очень просто.

— А если не очень?

Болл промолчал. И правильно сделал.

Мне показалось, что за стеклом акварина промелькнула черная тень... Пошел взглянуть. Нет, дно по-прежнему пустынно и нисколько не изменилось за последние восемь часов. Восемь веков назад оно, пожалуй, было таким же.

Болл тронул меня за плечо.

— Покидать станцию нам обоим пока нельзя.— Он протянул мне кулаки.— Синяя бусина — выход в воду. В какой руке?

— В левой.

На лице Болла появилась странная гримаса. Я взял с его ладони круглую стекляшку, синюю, повертел между пальцами, бросил на стол.

— Случайно я угадал, на станции остаетесь вы. Давайте договоримся на будущее, Свен: все вопросы решать не с помощью жребия, а силой собственных мозговых извилин.

— Идет. Ныряйте, Грэг. А я займусь наладкой аппаратуры дистанционного управления.

— Правильно. Вам, как специалисту этого дела, важнее сейчас находиться здесь. Счастливо оставаться.

— Одну минутку. Когда вы рассчитываете вернуться?

— Думаю, скоро. Если не вернусь через двадцать часов... Впрочем, сами решите, что делать.

— Желаю удачи.

Я поднял крышку люка, ведущего в нижнюю часть бункера, и нащупал первую ступеньку трапа. Автоматически включилось освещение.

— Хэлло, Грэг,— крикнул Болл сверху.— Я не советую вам выходить без квантабера. Бывали случаи, когда один удачный выстрел решал судьбу экспедиции.

Крышка люка захлопнулась. Стены колодца ответили металлическим гулом.

Вслед за этим наступила тишина, как в глухом подземелье. Ступеньки винтовой лестницы крутым штопором уходили вниз. Вместо перил — вертикальный пружинящий стержень.

Вдоль стен небольшого круглого зала — два ряда пронумерованных сейфов и ряд плафонов люминесцентных ламп. Плафоны источают «дневной» свет пронзительной яркости. Ступая по гладким металлическим плитам, я обошел по кругу почти весь зал. Остановился. Когда один, чувства обостряются до предела, им доверяешь. Спина, например, способна ощутить взгляд человека. Я обернулся... Тишина. И холодный отблеск титановых плит... Странно. Зачем я это сделал? Сзади никого нет. И быть не должно — этого еще не хватало! Нет, меня остановило и заставило оглянуться что-то другое.

Шаг назад. Два шага. Ближе к стене. Стоп... Понял. Это — запах. Между стеной и дверцей сейфа с номером «4» темнеет узкая щель. Она еле видна, и не мудрено, что мы с Боллом ее вчера не заметили. Я повернул рукоять до отказа. Дверца открылась. Теперь сладковатый, гнилистый запах стал слышен отчетливо.

На металлических полках, поблескивающих белой эмалью, лежат ГДК-оболочки, аккуратно запечатанные в целлофан. Один пакет растерзан, словно его рвали зубами, и брошен поверх других. Клочья целлофана едва прикрывали зловонную сизую массу разлагающейся гидрокомбовой оболочки, усыпанную пушистыми шариками плесени.

Я включил холодильник, открыл сигнальный глазок и захлопнул дверцу. Теперь над индексом «4» горел предупреждающий красный огонь.

По описанию Болла, Пашич был примерно моей комплекции — значит, сейфами с этим индексом пользовался Дюмон.

Итак, в последний момент он не сумел заставить себя выйти в воду на поиски Пашича. Даже попытался вскрыть пакет с оболочкой, но ужас перед чем-то оказался сильнее тревоги за жизнь товарища...

Я разыскал сейф с индексом «6», взял пакет и спустился через овальный люк в нижний зал — батинтас. Просторное помещение с двумя бассейнами в центре имело низкий потолок и вогнутые стены, облицованные белыми плитами какого-то керамического материала. Свет плафонов ровным сиянием растекался по узлам и деталям арматуры батинтаса. Толстые трубы с коленчатыми переходами, громадные воронки, двойной ряд спаренных грушевидных баллонов — все сверкало белизной и почти не отбрасывало теней и оттого казалось обманчиво легким, изящным. Лишь темно-синий квадрат стенок большого бассейна тяжеловесно выделялся на общем фоне, словно подчеркивая свое особое назначение. Бассейн до половины наполнен морской водой. Вода прозрачна, на дне видны мельчайшие обломки раковин и тонкие, усеянные множеством отверстий трубы. Малый бассейн, круглой формы, отделен от большого барьером из белой пластмассы, через который переброшен малень-

кий трап с гнутыми поручнями. Перейти из воды в круглый резервуар с растворяющей жидкостью — дело одной секунды. Поблескивают похожие на удилища стержни подъемника, форсунки душевых колонок и то, что мы называем «колесами обозрения»,— большие ободья с петлями и пружинами.

Я обернулся и увидел в зеркале темноволосого верзилу с пакетом в руке. Мы обменялись дружелюбными жестами.

Рядком — три гермосейфа. Один из них — хранилище для водолазных поясов. Должно быть, этот... Угадал. Пояса оранжевые, желтые, красные, белые. Знать бы, какого цвета пояс у Пашича... Ладно, увидим. Если, конечно, здорово повезет.

Пояс я выбрал белый. Проверил аккумуляторы и нож. Вспомнив совет Болла, снял со стенда квантабер. Конечно, из этой штуковины можно вдребезги разнести любого кальмара, но плавать с ней неудобно... Будем брать? Или будем надеятся, что гастрономические интересы спрутов ограничены сферой, исключающей человека?.. Двенадцать ячеек на стенде, квантаберов столько же: Пашич ушел безоружным. Видно, был твердо уверен, что стрелять не придется. Он знал эти воды, и его уверенности можно доверять... Да, не вернулся, но зависело ли это от качества его вооружения? Вряд ли. Ведь, кроме квантаберов, есть еще и огневая мощь скутеров. Очень жаль, мистер Болл, однако далеко не всякую беду возможно отвратить удачным выстрелом... Я легко бы мог представить себе Пашича с геологической киркой в руках. Но не с квантабером. Это больше подходит Дюмону. Перекресток прицела и ярко-голубые сумасшедшие глаза... Я погладил тяжелый приклад, поставил ружье на место.

Вскрыл пакет и начал вытряхивать гидрокомбовую оболочку — сыроватую на ощупь черную пленку, покрытую похожим на мех ворсом. Оболочка струилась ручейком поблескивающих складок — она и в самом деле напоминала только что снятую шкурку морского котика и даже распространяла запах свежей рыбы. Из пакета выскользнул и развернулся плавник. Последними на металлический настил шлепнулись черные ласты.

Одежду долой. Душ, свистящие струи воды с запахом хвои. Неполное сальто и — вверх ногами: душ по системе неойогов... Ладно, поплескались и хватит, пора в оболочку, Бр-р-р... липнет к телу: внутри — холодная слизь. Это не надолго, нагреется. Обтянут так, что ощущается рельеф мускулатуры. Попрыгал, проверяя крепления ластов. Ну вот, легко, удобно, практично, эластично. Одним словом, купальник.

Натягиваю капюшон. Вместо отверстий для глаз — мягкий и влажный теслитовый пластик. Стараясь не моргать, «втираю очки». В буквальном смысле этого выражения. Резь под веками, слезы, я плохо вижу сквозь студенистые линзы. Почти ничего, так... неясные контуры. Но это лишь до погружения в воду.

Снаружи только ноздри и рот. Теперь самое трудное... На конце сдвоенного шланга респиратор особой конструкции,— который раз, а все привыкнуть не могу: загубник в рот, две трубочки в ноздри. Вдох, выдох. Необыкновенно легко, потому что чистый кислород. Глубокий вдох и полный выдох — где-то там машина замерит объем. Холодок по спине: вот-вот хлынут в горло струи легочного наполнителя. Не успеешь опомниться — о-у-уп! — и уже под завязку.

О-у-уп!.. Боль в груди — глаза на лоб! Респиратор в сторону, опускаю край капюшона. Клейкий эластик прочно затягивает разрез в оболочке, ноздри и рот. Подхватываю пояс и бросаюсь в бассейн.

Вместе со мной погружаются мириады крохотных пузырьков. Потом они все разом покидают меня, устремляясь к поверхности сверкающим облаком. Прощай, воздушная стихия!..

Боль в груди постепенно проходит. В бассейновом зеркале скользит мое отражение. Острый акулий плавник на спине, как вымпел, на локтях плавнички поменьше, пальцы рук в перепонках. Длинные ласты, выпуклые пузырьки теслитовых глаз... Кто-то из восторженных репортеров назвал первых гидрокомбистов «ангелами моря». Название привилось. Но сами профессионалы-глубоководники величают себя по-другому: «ангелы тьмы». Я знаю, в чем тут дело, и поэтому чувствую себя хранителем маленькой тайны.

Ангел тьмы... Что ж, дело привычное. Вынимаю нож и вкладываю клинок в небольшую щель возле зеркала. Болл говорил, что здесь обыкновенный фотоэлемент. Верно,— сразу послышался гул компрессорных установок.

Давление нарастает быстро и плавно. Непомерная тяжесть вдавливает живот. Еще и еще... Кожу покалывает. Жжет. Оболочка словно из крапивы. Все нормально: «прорастает» гидрокомбовый ворс. Сквозь кожные поры до кровеносных сосудов. Творцы оболочки инженеры-бионики использовали принцип действия крапивных стрекалец — сейчас это кажется делом простым. О том, как было сначала все очень трудно и сложно, знают немногие...

Сколько было споров, сомнений и даже человеческих жертв, пока не пришли окончательно к выводу: дышать в воде так, как привыкли, не обязательно. И вот ошеломительный успех: на больших глубинах можно обойтись без легочного дыхания. «Дышит» вся оболочка: кислород из воды — в гидрокомбы и в кровь. Гидрокомбы — мост с двусторонним движением: туда — кислород, обратно — углекислый газ. Нет, даже не мост. Правильней — жабры. Но лучше, чем у рыб. Совершенней.

Подношу к глазам руку с перстнем-батиметром. Карбункул батиметра уже сменил красный цвет на оранжевый: давление в бассейне перевалило за сто атмосфер.

017

Поплавал немного, чтобы организм быстрее привык к новому состоянию. Движения обрели плавность и какую-то уплотненную легкость. Жжение и покалывание перестали беспокоить, лишь резь в глазах от контакта роговицы с теслитовым пластиком еще напоминала о моем недавнем человеческом прошлом.

Наконец, давление в батитасовом зале превзошло давление внешней воды. Сработали механизмы, открывающие выход в океан,— участок дна бассейна с гулом провалился вниз. Меня закружило водоворотом и вместе с потоком вынесло в темное пространство. Тяжелая плита проворчала моторами и поднялась на прежнее место.

Плотная, холодная тьма... Но мне тепло: в оболочке предусмотрена система обогрева — лабиринт молекулярных цепочек токопроводящего полимера. Карбункул батиметра тлеет оранжевым угольком, циферблат перстня-часов фосфоресцирует голубоватым кружочком.

Луч фары лизнул закругленные стены подбункерного резервуара, спугнул стайку маленьких рыбок, осветил холмики занесенного сюда ила, обломки раковин и одинокую актинию с мохнатым венчиком ярко-красных щупалец. Выход из резервуара перекрывают массивные зубья ограждения. Поднимать эту решетку, конечно, не стоит. Проверяю, на месте ли нож, отталкиваюсь ластами и проскальзываю между зубьями. Тихо, как тень. Осторожная длинная тень с плавниками... Будь внимателен, будь начеку! «...Че-ку... че-ку»,— пульсирует кровь в висках. Ангел тьмы, царь океана, будь начеку! Осматривай все, наблюдай. Замечай и учитывай каждую мелочь. Ты сегодня не просто подводник, ты — подводник-спасатель, десантник. Ищи и найдешь. Если не Пашича или его следы, то по крайней мере причину помешательства Дюмона. Ведь не кальмаров же он так испугался... «Че-ку, че-ку»,— пульсирует кровь надоедливо. Это пройдет, скоро пройдет. Будь начеку!..

Дно перед станцией ярко освещено прожекторами. Там и тут видны полупогруженные в ил обломки гранита, поросшие султанами горгоний и цветами морских анемон. Эти «цветы» — белые, с матово-голубыми, как бы светящимися кончиками щупалец — приятно разнообразят скучный пейзаж. Ил, всюду ил, светло-коричневый, местами с красноватым оттенком...

Пошевеливая ластами, выплываю в центр освещенной площадки и, подняв облачко ила, повисаю над самым дном. Прожектора видятся мне обрамленными радужным гало. Осматриваюсь вокруг, хотя для беспокойств, пожалуй, нет оснований: кальмары не любят яркого света.

Вода изумительно прозрачна. На расстоянии двадцати метров в окружности отчетливо виден каждый предмет. Неподалеку, поблескивая тубами опорных ног, высится громада центрального бун-

кера — яйцеобразное сооружение высотой с четырехэтажный дом. За пределами круга отчетливой видимости, на фоне непроницаемотемных пространств, едва проступают расплывчатые контуры других бункеров станции. Над ними, словно одинокий минарет над городом, утонувшим во мраке, возвышается узкий цилиндр мезоскафного ангара.

Внезапно через воду доносится металлический удар: «бан-н-нг...» Наверное, Болл что-нибудь уронил.

Мимо проплывает странная рыба. Большие агатовые глаза навыкате, рот капризно изогнут — будто рыбу кто-то обидел и она вот-вот заплачет.

Поворот контактного диска на поясе — и первый толчок бросает меня вверх и вперед: под действием электрических импульсов заработала искусственная мышца спинного плавника. Летишь в воде, казалось бы, со скоростью брошенного гарпуна, на самом же деле — три километра в час, не более.

«Банг, бан-н-нг»...— раздается опять. Нет, это похоже на зов. Разворачиваюсь и плыву к центральному бункеру. Чуть выше карниза, опоясывающего колоссальное яйцо по экватору, светится овал акварина. Сквозь стекло вижу голову Болла. Внезапное появление мохнатой морды с выпуклыми глазами производит должное впечатление: Болл вздрагивает. Не пугайся, коллега, это всего лишь я.

Возле окна — головка сигнала. Устроено по принципу «китайского болванчика», но с пружинным возвратом. Легко поддается нажиму руки: точка-тире-тире-точка... Болл смотрит вверх, где расположены динамики, и разводит руками. Надо понимать, он не слышит морзянку. Знаками спрашиваю: «В чем дело?» Болл жестами изображает стрельбу из кватабера, вертит пальцем у лба и грозит кулаком. Делаю вид, что совершенно не понимаю его. Он хмурится и пишет мастиковым карандашом на стекле акварина: «Встречай Манту». Я кивнул и славировал с карниза прямо к четвертому бункеру.

Закругленная стена четверки дрогнула, осклабилась щелью, выдохнув облако пузырей. Из темного зева в воду скользнула призрачная тень. Осветив меня фарами, крылатая химера пронеслась над головой. Нажимаю на поясе кнопку ультразвукового сигнала. Манта поднимает плавник и, выполнив грациозный поворот, возвращается. Хорошо, значит, она признала хозяина.

Подводный скутер-ундулятор мне приходится видеть впервые. К биомашинам я почему-то всегда питал настороженность и сейчас, при виде шевелящихся плавников Манты, испытывал прямо-таки неприязнь. Хотя прекрасно знал, что у нее внутри нет ничего особенного. Кроме синтетических нервов и мускулов, разумеется. Ими управляет мнемотронный мозг. Компактный, но довольно примитивный. Ну и еще, конечно, мощные аккумуляторы.

Пиролаксовое тело машины прозрачно и подсвечено изнутри слабым фиолетовым сиянием. Вместо кабины — удлиненная полость с двумя подвижными створками внизу. Широченные плавники-крылья (около шести метров в размахе), глянцевито-черные, упругие, действительно придают скутеру сходство с одной из самых крупных разновидностей скатов — мантой бирострис. В довершение сходства сзади тянется хвост, прямой и тонкий, как у настоящих мант.

Я мог бы забраться в полость или, прицепившись за трапецию под брюхом Манты, плыть «на буксире». Но мне хотелось понаблюдать за скутером со стороны. Тем более что для обследования территории станции мне достаточно собственных плавников.

Темные громады бункеров. Замкнутые наглухо, угрюмые. Плыву, обшаривая дно лучом. Крабы спешат укрыться в тени, малоподвижные ежи и звезды не обращают на свет никакого внимания. Оставляя за собой борозды, медленно ползут пожиратели ила голотурии. Их здесь видимо-невидимо, самой разнообразной окраски.

Бетонированное покрытие люнетов густо обросло актиниями, морскими лилиями, губками. Нежные перистые веера-жабры морских червей при малейшем движении воды мгновенно исчезают в причудливо изогнутых известковых трубках и снова расцветают красочными букетами, как только я замираю на месте. Удивительно, при таком разнообразии придонной фауны здесь не видно ни одной крупной рыбы — луч фары выхватывал из тьмы лишь малочисленные стайки рыбьей молоди. Должно быть, виной тому яркий свет и завихрения воды от вибрации моего плавника. Да и не только моего: подняв голову, я вижу распростертые крыльями плавники.

Внезапно фасеточные глаза машины загораются зеленым огнем. Скутер отваливает в сторону и удаляется. Тьму вспорола голубоватая вспышка. В конвульсивном свете зарницы успеваю разглядеть какой-то темный безобразный ком, перечеркнутый узким профилем Манты...

Можно верить жутковатым рассказам о нападениях гигантских кальмаров, а можно и не верить. Во всяком случае, никакого определенного мнения на этот счет не имеется, потому что нет строго проверенных доказательств. Альтернатива на выбор: либо верь, либо нет — вот и все. Я, например, не верю. И считаю, что программа активной обороны, заданная скутерам,— лишняя перестраховка. Кому мешал проплывающий мимо кальмар?! И что означает эта атака: запрограммированное убийство или предупредительные меры? Судя по мощности разряда, предупреждение могло бы быть и помягче...

Минуя бункер атомного реактора, плыву к месту схватки. Только тебя там и ждут. Неосторожно? Факт. Глупо? Конечно, но я не могу побороть в себе желание выяснить все до конца. И потом у меня

есть оправдание: поиски Пашича. Какая, собственно, разница, где искать. Он мог уплыть в любую сторону света — на юг, на запад, север, восток. И даже вверх или вниз... Это самое скверное, если вниз... Впереди вспыхивают прожекторы Манты. Она возвращается. Развернувшись, летит за мной, чуть правее и выше.

Я не зал, что обрыв в абиссальную [1] бездну находится так близко от станции. Дно неожиданно уходит вниз плавным изгибом песчано-илистой толщи; я останавливаюсь, повиснув над склоном,— маленькая песчинка у края океанической пропасти, которую называют Юго-Западной австралийской впадиной. Склон гол и пустынен. Ни скальных обломков, ни актиний, ни рыб... Великая граница между миром доабиссальным и миром самых грозных глубин представлялась мне не такой. Во всяком случае, не такой примитивной. Однако эта оголенность и монументальная простота производят гораздо более глубокое и сильное впечатление, чем ставшее привычным великолепие богатых жизнью вод континентального шельфа.

Манта неподвижно висит над бездной, прожекторы направлены вертикально вниз. Прямые колонны света уходят в кромешную темь и где-то там, окутав себя едва заметной вуалью, теряются. При одном взгляде в эту темную неосязаемую пустоту испытываешь легкое головокружение...

Я разыскал место, где Манта произвела электрический «выстрел». На песчаном откосе свежая борозда, подернутая илистым туманом. Несчастный кракен... Ему не следовало попадать в зону действия ультразвукового локатора Манты. И сейчас, наверное, он, парализованный и обожженный, все еще скользит по склону, опускаясь метр за метром в бесконечную холодную тьму...

Возвращаюсь на территорию станции и плыву к центральному бункеру. Это, пожалуй, единственное место, где я не все осмотрел. Касаясь рукой гладкой стены, не то иду, не то плыву вдоль бункерного карниза. Направленная под ноги фара освещает черные ласты, сметающие осевший ил. Поиски начинают казаться мне жалким хлюпаньем в мелкой воде. Перед глазами все еще стоит потрясшая меня картина: голый склон и провальный зев оцепенеющей пустоты... Вдруг мои пальцы касаются чего-то упругого, скользкого, толщиной с руку. Содрогаюсь и резко поднимаю голову. Это «что-то» — вытянутое в мою сторону щупальце спрута!..

Кальмар смотрит темным немигающим глазом. Осклизлая кожа животного волнообразно меняет свой цвет: из темно-зеленого в красновато-коричневый. И я — невольный виновник этой красочной метаморфозы — не могу отвести взгляда от черного зрачка, загипнотизированный его странным, осмысленным выражением, замер, не в силах пошевелиться.

[1] Абиссаль — самые глубоководные зоны Мирового Океана, начиная примерно с глубин в тысячу метров.

Красные щупальца вдруг поднимаются все разом, играют кольчатыми извивами. Мешанина теней удесятеряет количество «рук» подводного монстра, делая его похожим на клубок взбесившихся анаконд. Прямо на спрута, грозно блистая прожекторами, несется Манта... Завихрения воды сбрасывают меня с карниза. В тот самый миг, когда столкновение казалось неминуемым, Манта вдруг высоко вскидывает плавник и лавирует в сторону! Кальмар темнеет и разваливается дымообразными сгустками... Ага, противник просто-напросто сбежал, оставив нам похожий на себя чернильный макет. Он поступил так, как поступают спруты в минуту опасности. Но Манта!.. Я ожидал более трагической развязки. Значит, она не трогает тех, кто предпочитает уклониться от поединка?.. Забавно.

Через несколько секунд мы с Мантой оказываемся в таком густом облаке коричневого «дыма», что я подивился красящей способности кальмарьих чернил. Прожекторы машины направлены на меня почти в упор, но я вижу перед собой лишь два круглых зрачка, источающих слабое золотисто-янтарное свечение. Опасаясь, что чернильная жидкость может вредно подействовать на гидрокомбовые жабры, торопливо выплываю из облака к вершине бункера. Коричневая муть продолжает расходиться все дальше и дальше, заволакивая освещенные участки дна...

Мне известно, что станция расположена на дне глубокой седловины подводного кряжа, но, сколько я ни всматриваюсь в темень, не могу определить, в какой стороне возвышаются скалы. На расстоянии пятисот метров от станции, вниз по ущелью, должна находиться площадка комплекса добывающих агрегатов. Попасть туда легче всего, ориентируясь по силовому кабелю, проложенному от атомного бункера. Если я не найду Пашича там, можно быть уверенным, что мы не найдем его вообще... Я берусь рукой за трапецию, и мы с Мантой планируем на дно подальше от станции.

Со времени укладки кабель успел глубоко погрузиться в ил. Я нашел его довольно далеко от бункера, где начиналось каменистое дно. Мы с Мантой уверенно двигались вперед, куда вела нас эта путеводная нить, толщиной в добрый обхват.

На песчаных проплешинах виднелись сифоны скрытых под песком моллюсков. Среди множества ползающих звезд, ракообразных и голотурий отсвечивали пурпуром и золотистой желтизной морские перья — словно кто-то в беспорядке натыкал в песок цветные флажки. Морские лилии облюбовали место на каменных глыбах, от малейшего движения воды они покачивались на тоненьких ножках, притворяясь цветами. Трудно поверить, что это — животные.

Внезапно свет фар выхватил из темноты нечто огромное, утюгообразной формы. Поворотом рукоятки демпфера заставляю Манту

сбавить скорость: на такой глубине можно встретить все, что угодно, и лучше вести себя осторожнее.

«Утюг» не выказывает ни малейшего намерения уступить нам дорогу. Иначе и быть не могло: вблизи я разглядел, что он прикован к одной из кабельных муфт массивной цепью; странный предмет оказался поплавковым понтоном. Очевидно, во время монтажа станции его использовали для плавного спуска кабеля на дно и почему-то решили оставить на месте. Потому, видимо, что, всплывая на поверхность с большой скоростью, он чего доброго мог угодить в днище монтажного судна. Такие случаи бывали.

Осматриваю ржавые бока понтона. Ничего интересного: обыкновенная цистерна с бензином, которая скоро потеряет плавучесть из-за разрушительного действия коррозии. Вдруг замечаю, что меня потихоньку относит к противоположному краю понтона. Оттолкнувшись от неуклюжей громадины ластом, отдаю себя на волю течению. Манта плывет следом. Голубоватые лучи буравят тьму, но дальше двадцати метров все равно ничего не видно.

Скорость течения ощутимо нарастает. Подводная река несет меня вдоль отвесной стены ущелья. Свет скользит по голым однообразным скалам, изредка выхватывая из темноты расселин одинокую офиуру [1], скромные цветы актиний. Не будь со мною Манты, я чувствовал бы себя здесь неуютно.

Конец ущелья, горло его — самая узкая часть. Обе стены стремительно сходятся и, едва не столкнувшись гранитными лбами, круто расходятся. В лучах прожекторов — синеватый и чистый, но еще размытый и зыбкий отблеск титана. Ближе и ближе — ясней очертания странной плотины, ажурной, двухъярусной.

Впрочем, плотина — сказанно громко. То, что я здесь увидел, сначала показалось мне кладбищем затопленных подводных лодок. Добывающие агрегаты-аквалюмы — действительно напоминали разрезанные поперек корпуса субмарин. Каждая «половинка» оборудована глубоким раструбом, скошенным книзу, поверх которого и дальше вдоль аквалюма тянется киль. Нижняя батарея агрегатов на сваях, верхняя — на крестообразных опорах. Подбоченились, будто ковбои в широкополых шляпах, статуи резервуаров накопителей; от них к аквалюмам — система коленчатых труб. Круглые головы бездействующих прожекторов, непроницаемые тени и стайка черных глубоководных рыб. Мертвая техника, запустение, заброшенность...

Течение, очень быстрое здесь, норовит унести меня прямо в пасть ближайшего раструба — в глубине громадной воронки остро поблескивает бивень струйного рассекателя. Торопливо включаю плавник — быстрый, крутой и, должно быть, красивый вираж. Но, задев

[1] Офиура, или змеехвостка,— морская звезда с длинными тонкими щупальцами.

ногами край раструба, позорно, кувырком вылетаю на палубу аквалюма. Плавник трепещет, бьет по металлу, меня швыряет то на спину, то на живот, рукам не за что схватиться на гладкой поверхности палубы — тащит вдоль киля, словно лягушку по спине кашалота. Как-то ухитряюсь включить плавник и успеваю вцепиться в самую оконечность киля. Что-то блеснуло на закругленном боку аквалюма и кануло в тень, как в пропасть. Трогаю пустые ножны. Саднит плечо. Хорошо, что этого не видел Болл; единственный свидетель моей неловкости — Манта. Она грациозно лавирует по ниспадающей дуге и повисает прямо над головой. Без видимого напряжения ундулирует плавниками — миниатюрные волны пробегают по ним спереди назад, не достигая лишь кончиков черных крыльев...

Потерянный нож я нашел под брюхом нижнего аквалюма на каменистом грунте. Чуть дальше — я не сразу поверил своим глазам! — валялась металлическая клешня... Форма локтевого и кистевого сочленения, характерный серебристый блеск титано-иридистого сплава позволяют мне уверенно определить: эта клешня вырвана из плечевого сустава глубоководного робота типа «Андр-4». Смотрю на цилиндры мощного гидропривода, торчащие из-под изуродованной муфты, и теряюсь в догадках. Случайно я вспомнил: при испытаниях на разрыв клешни андробатов выдерживали тяговую нагрузку до восьми тонн!.. Что же здесь произошло?

Внезапно вспыхивают все прожекторы на площадке — светло, как днем. Это, конечно, Болл. Молодец, не теряет времени даром. В выбоинах дна белеет песок. На светлом фоне этих песчаных оазисов видны порхающие силуэты рыб.

Я осмотрел здесь, кажется, все: каждый камень, каждую трещину, каждую дыру. Абсолютно нет ничего такого, что могло бы привлечь внимание и направить поиски в нужную сторону. Следы ряби на песке от придонных течений, следы марганцевых конкреций — темные округлые пятна. И никаких следов того, кого мне нужно найти...

Толстые кабели, свисающие с аквалюмов, уходят куда-то в одном направлении — легкая дымка мешает мне видеть куда. Последние метры дна, тронутого цивилизацией... Плыву вперед, размышляя над близкой уже проблемой организации глубинных поисков. Я отдавал себе отчет в том, что мы с Боллом можем рассчитывать на собственные силы только в пределах трехкилометровых глубин — ниже этой отметки путь гидрокомбистам заказан. Но как велика акватория будущих поисков? Этого я пока не знал. Нужно будет подробно изучить батиальную карту.

И вдруг я увидел... Нет, это, конечно, не человек — люди не бывают трехметрового роста. Мощные плечи, маленькая голова, серебристый отблеск металла...

Робот стоит неподвижно, ссутулясь. Ноги полусогнуты, левая отведена назад. Неподалеку — еще один, в такой же позе. Очевидно, момент отключения тока застал их на марше. Клешни у этих целы. Не дрейфь, ребята, скоро вы нам понадобитесь и мы вас разбудим.

Впереди какое-то сооружение. Странно похоже на гитарную деку. Здесь, в пронумерованных обоймах, заканчивают свой путь кабели от аквалюмов. Высвечиваю фарой еще трех андробатов. Живописная группа. Двое из них в скорбном молчании застыли над роботом, стоящим на четвереньках. Впрочем, слово «четвереньки» вряд ли подходит: это именно тот робот, у которого оторвана клешня. Н-да, все же есть над чем призадуматься...

Выход из ущелья очерчен полукруглым обрывом — ни дать ни взять подводная бухта. Устраиваюсь на гранитном валуне, долго смотрю в глубь открытого океана. Манта дозором обходит новые владения. Медленно, с достоинством. Время от времени она замирает на месте, точно охотничья собака в стойке на дичь, и направляет свет прожекторов вниз. Там снуют какие-то белые тени,— должно быть, губоководные акулы,— но близко не подходят.

Вглядываюсь в циферблат перстня-часов. Ого, девятый час на исходе! Сразу дает знать о себе голод, пора возвращаться. Соскальзываю с валуна — луч фары окунается в безмолвную темень пучины. И вдруг, словно в ответ, какое-то существо зажигает там свой крохотный ярко-красный фонарик. Я насторожился, как настораживается рыба, привлеченная мерцанием блесны. У глубоководников это бывает... Красный фонарик поблек, а скоро и совсем угас. Мне стало грустно. Я висел над бездной и думал о Пашиче, о его загадочном исчезновении в этом темном, суровом и в то же время чем-то привлекательном мире, и еще я думал, что эту загадку, вероятно, не просто будет решить — вопреки убеждению Болла,— потому что мир мокрого космоса не имеет для нас ни дна, ни конца, ни начала, а мы не имеем понятия, куда отправиться на поиски пропавшего в океанских глубинах товарища. Терпение, подумал я, не все еще потеряно. В чем заключалось это «не все», я плохо себе представлял. Просто надеялся, верил... В глубине опять маняще вспыхнул красный фонарик. Мне оставалось воспринять этот привет из непроглядного мрака как своеобразное утешение...

На обратном пути мы с Мантой поймали прожекторами несуразную рыбу-большерота. Голова похожа на полураскрытый саквояж, глазки-бусинки, а тельце до смешного маленькое, тоненький хвост. Рыба зигзагами плывет вперед, пытаясь уйти от погони. Никто не думает ловить тебя, трусишка!.. А впереди уже маячит знакомое пятно ржавого цвета.

Манта проносится мимо понтона, едва не задев его плавниками. Стоп!.. Бросаю Манту и возвращаюсь.

Может быть, это другой понтон — не тот, что я осматривал раньше? Но ведь я плыл к площадке строго вдоль кабеля и не мог не заметить вторую такую громадину! Нет, понтон, конечно, тот же самый... Но тогда откуда на нем появились эти большие корявые буквы?.. В свете фары внимательно разглядываю надпись. Жирные белые буквы (писанные обломком мягкого известняка) составляют загадочное слово: АТТОЛ... Никогда еще я не испытывал такого полного недоумения.

Я осмотрел другие стенки понтона и даже нырнул под днище. Надписей больше не было, и я вернулся к скутеру. Выкручиваю демпфер до предела. Манта трогается с места рывком и несет меня куда-то. Плохо соображаю куда... Мысль о том, что здесь я не один, что рядом бродит кто-то, сделавший эту надпись, заставляет с тревогой всматриваться в темноту. И вдруг неожиданно для себя поворачиваю Манту обратно.

Странная надпись влечет меня какою-то устрашающе магической силой. Я еще не успел приблизиться к понтону настолько, чтобы видеть белые буквы, но уже знал, вернее, инстинктивно чувствовал, что мне предстоит пережить нечто необыкновенное... АТТОЛ. Вслед за лучом невольно мой взгляд скользнул по буквам справа налево — ЛОТТА...

Опомнился я не раньше, чем увидел зарево от прожекторов станции. Возле четвертого бункера между двумя скутерами маячит черная фигура гидрокомбиста. Вот оно что!.. Наверное, весь гидрокомбовой ворс на моей оболочке встал дыбом от ярости.

Пловец приветствует меня взмахом руки. Я не могу узнать его в оболочке, да и безразлично мне, кто он такой: Болл или, может быть, Пашич. Заворачиваю ему локти назад и, сильно выгребая ластами, подталкиваю к решетке. Сначала он ведет себя спокойно. Оказавшись внутри подбункерного резервуара, предпринимает попытку вырваться. Тихо, «шутник»... Дергаю рычаг электропривода. Жужжат моторы, над головой расширяется светлый прямоугольник.

В бассейне плененный гидрокомбист пытается столковаться со мной на языке жестов. Он хватает меня за плечо и показывает в сторону выхода. Поздно, плита уже поднималась. Из тонких отверстий проложенных на дне бассейна труб кверху бегут пузырьки кислорода. Давление падает. Оттолкнув гидрокомбиста — у меня уже почти нет сомнений, что это Болл,— взбираюсь по трапу и прыгаю в резервуар с растворящей жидкостью. Едва зеленоватые волны смыкаются над головой, как резервуар превращается в кипящий котел — настолько бурно протекает химическая реакция. На ощупь ловлю петли телескопических стержней подъемника. Это нужно делать быстро, пока не появилось неприятное ощущение удушья.

ATTOA

Два пружинистых удилища выбрасывают меня прямо под горячие струи душа. Гидрокомбовая оболочка, уже полуразрушенная реактивами, под напором горячей воды отваливается лоскутами. Долой фару, ласты, пояс! Все на ощупь, все быстро! Респиратор — в ноздри и в рот. Ноги и руки — в петли «колеса обозрений». Переворачивает вниз головой и начинает трясти на пневматических амортизаторах, исхлестывая водяными бичами. Беспощадная тряска удаляет большую часть легочного наполнителя. Следующий и последний этап — кислородная вентиляция дыхательных путей.

Я открываю глаза и первым делом оглядываю очерченное блестящим ободом соседнего колеса голое тело гидрокомбиста. Маленькое разочарование: да, это Болл.

Смахиваю с себя воду пушистым халатом, одеваюсь.

— Ты здорово напугал меня,— говорит Болл.— В какой-то момент мне показалось, что ты...— он спотыкается на слове,— чем-то очень взволнован.

— Спятил,— уточняю я.— Это вы хотели сказать?

Молча одеваемся и выходим из батинтаса.

ГЛУБОКОВОДНАЯ НИМФА

Есть мне уже расхотелось, но я заставил себя выпить две кружки бульона. На второе Болл вскрыл банку с яркой этикеткой, на которой значилось: «Пейт». Подозрительная на вид коричневатая паста была приятна на вкус. Я не заметил, как проглотил все без остатка. Разливая по кружкам дымящийся с запахом ромовой эссенции напиток, Болл осторожно полюбопытствовал:

— Что нового, Грэг?

— Ничего, Свен. Спасибо за свет на площадке. Кстати, один из андробатов потерял клешню. Вероятно, кальмары... Зачем вам понадобилось выходить в воду раньше срока?

Я заглянул ему в глаза.

— О, я начал уже беспокоиться! — оживляясь, сказал он.— В этой глуши без квантабера... Я уважаю вашу смелость, Грэг, но так рисковать, по-моему, не стоит.

— Н-да... И это все?

— Нет. Мне хотелось проверить работу механизмов четвертого бункера при внешнем включении и понаблюдать за поведением скутеров. Но почему вы так настойчиво расспрашиваете меня? Что-нибудь произошло? Вы с такой поспешностью уволокли меня в батинтас... Я даже не имел возможности захватить обратно два квантабера, которые вынес из бункера.

В глазах Болла не было ничего подозрительного...

Полно, видел ли я эти буквы?.. Видел, конечно.

— ... Но вы меня абсолютно не слышите! — раздался над ухом возглас Болла.

— Что? Простите, Свен, я страшно устал и, кажется, задремал. Так что там с динамиками внешней связи?

— Провода этой линии были перерезаны ножом,— повторил он,— поэтому я не принял вашу морзянку и сам не мог ничего передать. Теперь все в порядке, повреждение устранено... Не обманывайте меня, Грэг, я вижу, ваши мысли заняты чем-то другим.

— Нет, нет, это любопытно! Кто же мог перерезать провода изнутри... в салоне то есть!

— Странный вопрос. Разумеется, кто-нибудь из наших предшественников. Дюмон, например.

— А-а-а...— разочарованно протянул я.

Разумеется, кто же еще?.. Нет, так не пойдет, сейчас я приму хорошую дозу снотворного — утро вечера мудренее.

— Хэлло, Свен. Где вы намерены спать?

— Мне все равно. Занимайте каюту Пашича.

Мне оставалось разыскать в аптечке коробку снотворного, взять свежее постельное белье и удалиться.

— Один вопрос, Грэг! — останавливает меня Болл.— Вы, случайно, не подскажете, что такое «аттол»?

Это как выстрел в спину. Ну что ж, мистер Болл, хорошее попадание... Наклоняюсь, чтобы собрать рассыпанные таблетки.

— Конечно, знаю. Плоский низменный коралловый остров кольцеобразной формы.

— Я не о том,— раздраженно перебивает Болл.— Меня интересует «аттол», который пишется с двумя «тэ» и одним «эль».

— Та-ак... Вас удивила надпись на понтоне?

— Понтон?.. Какой понтон?! — Болл поднялся, отодвинул кресло в сторону.— Я обнаружил эту надпись на днище четвертого бункера. Вы были слишком возбуждены, чтобы обратить внимание на мои попытки показать вам ее. Но договаривайте. Что вы увидели на каком-то понтоне?

— То же самое... Спокойной ночи, Свен.

— Нет, стойте! В конце концов это нечестно!..

Я вошел в каюту. Щелкнул замок. О том, что это нечестно, я знал и без его напоминаний. А что было бы честным? Рассказ о моей способности читать слова наоборот? Или признание в том, что сделал злополучную надпись сам? Я рассмеялся. Впервые за много дней. Потом упал на диван и вдруг разрыдался.

Взяв себя в руки, я вытряхнул на ладонь из коробки две крошечные пилюли. Положил на язык, огляделся. Над панелью с датчиками температуры, давления, влажности воздуха — картина. «Царевна-Лебедь» Врубеля. Рамка укреплена прямо на жалюзи динамиков переговорного устройства.

Стол, два стула, диван, на котором я сижу, дверцы встроенного в стену шкафа, настольная лампа — вот и вся небогатая обстановка. Чисто, запах хорошего одеколона. Свет от лампы падает на серую обложку толстой книги. Том монографии Геккеля «Радиолярии». Из-под обложки выглядывает ручка перочинного ножа.

Мне известно, что в шкафу нет ничего, кроме добытых Пашичем образцов горных пород и минералов. Я открыл полированные дверцы. Среди образцов я увидел то, что хотел: белый кусок известняка-ракушечника. Известняк мягкий, пачкает руки. Куском такой породы можно писать на чем угодно и все что угодно.

Раздается щелчок. Динамики... Я положил образцы на место, отряхнул руки.

— Вы еще не спите, Грэг? — спрашивает голос Болла.

— Нет. Но уже проглотил две пилюли снотворного.

Уменьшив яркость настольной лампы, я лег на спину и заложил руки под голову.

— Я хотел бы поговорить...— В голосе Болла раскаяние.

— Валяйте,— откликнулся я. Меня одолевала тяжкая дрема, я знал, что скоро усну.

— Дело в том, что я...— он запнулся,— виноват перед вами...

— Довольно, Свен,— перебил я.— Мне все понятно. Вы догадались прочесть надпись наоборот — получается «Лотта»... Вы тут же вспомнили бредни Дюмона, но не решились сообщить мне о своем открытии. Откуда вам было знать, что Дуговский рассказал мне об этом. Ну что ж, лучше поздно, чем... Ладно. Теперь слушайте меня внимательно. Вы уже знаете, что я прочел таинственное слово, но вы не знаете другого; три-четыре часа назад на понтоне этой надписи не было.

— Как вы сказали?!

— Не было! — повторил я с ударением.— Если предположить, что надпись сделал не я, то... Сами понимаете, чем это пахнет. И оставьте меня на сегодня. Мне нужно выспаться. А вот ружья... ружья мы с вами бросили, пожалуй, зря.

Я действительно сразу уснул. Не слышал ни слова из того, что ответил Болл.

...Сначала был мрак. Просто мрак и ничего больше. Потом возникли струи голубого огня. Струи расплывались, бледнели, осветляя пространство. Головокружительная беспредельность, насыщенная переменчивым блеском далеких миров и еще наполненная чем-то более сложным и емким. Наполненная пристальным взглядом двух человеческих глаз. Девичьих глаз... «Лотта!» — хотел прошептать ошеломленный странник, который уже потерял себя в этом преогромном пространстве. Но нечем было шептать, не было губ. Была только Мысль.

— Лотта!..— прошептала Мысль.

— Лотта-а-а...— повторило эхо космический шепот.

— Ты узнал меня, странник? — спросили глаза.

— Я узнал бы тебя среди миллиардов! — ответила Мысль, и где-то обрушилась лавина грохота.

Тогда проступил бледный овал девичьего лица. Мысль, напряглась, жадно вглядывалась в это лицо, полупрозрачное, словно мираж, и, может быть, не существующее вовсе, но такое нужное, необходимое той капельке еще живого, теплого, что оставалось среди руин давно утраченных надежд.

— Я — сон, я лишь мечта о несбыточном,— сказали губы, жемчужно-бледные, чуть тронутые сожалеющей улыбкой.

— Я знаю,— ответила Мысль и закружилась в водовороте отчаяния.— Поэтому я не хочу просыпаться! Пусть этот сон длится вечность...

— Вечности нет! — загрохотало пространство, внезапно загораясь огнем.— Вечность кончается там, где умирает Мысль!

Вздрогнула девушка-тень. И, повернувшись, молча пошла туда, где на фоне кровавого зарева вырисовывались контуры гигантского спрута. Дрогнула Мысль и потекла, заструилась вдогонку.

Бронзовый спрут улыбнулся холодной, понимающей улыбкой. Его тяжелые щупальца подползли и обвили девушку-тень.

— Шарик есть,— раскатами прогремел бронзовый голос.— Шарика нет!

Щупальца разомкнулись и с металлическим лязгом опали. Девушка-тень исчезла.

Мысль разразилась отчаянным криком:

— Отдай!

— ...ай!.. ай!.. ай!..— испуганно вскрикнуло эхо.

Десятирукий гигант снисходительно рассмеялся:

— Зачем тебе это? Она принадлежит мне, тебе принадлежат воспоминания.

— Кто ты? — спросила Мысль, присмирев от горя и страха.

— Время,— ответил бронзовый голос.— И я не умею возвращать.

Мысль не сказала больше ни слова. Проклятый идол был прав.

Над горизонтом поднималось белое солнце. Бронзовый спрут спокойно взглянул на пылающий шар, из его огромных неподвижных глаз выкатилась большая прозрачная капля. Потом еще одна и еще. Капли падали, выбивая мелодичную дробь. Тинь-тань.

Я проснулся весь в холодной испарине. Опустил ноги с дивана, сел. В динамиках переговорного устройства жалобно пищит морзянка. Минуту я озадаченно смотрел на Царевну-Лебедь, пытаясь разобраться в хаосе коротких и длинных сигналов. Передача велась неумело, в замедленном темпе, как будто на ключе работает новичок, выстукивая нечто совершенно бессмысленное.

Я вышел в тамбур и толкнул дверь в соседнюю каюту. Оглядел помещение, направился в салон.

В салоне звуки морзянки раздавались громче и явственней. Болла здесь не было. На столе — записка. Я взглянул на сигнальные огоньки пульта бункерной коммутации, перевел взгляд на динамики внешней связи и только теперь до меня дошло: передача велась извне... За стеклом акварина разрасталось облако потревоженного ила. В клубах слабо подсвеченной прожекторами желтоватой мути промелькнула водянисто-серая тень, округлая, с расплывчатым вырезом посредине...

«2-35. Вышел в воду. Вернусь через час. Болл». Что это взбрело ему в голову?.. Я схватил карандаш и на обратной стороне листка стал набрасывать знаки морзянки. Чушь какая-то, он меня просто разыгрывает!

Внезапно бункер содрогнулся от гула. Морзянка умолкла. Я отшвырнул карандаш и бросился к акварину. Непроглядная муть. Внешняя сторона стекла будто оклеена плотной бумагой.

Гул нарастал. Работали компрессорные установки батинтаса. Я взглянул на часы, сверил их с салонным хронометром. Одно и то же: без десяти минут три. Значит, вел передачу не Болл! Часы и гудение компрессоров определенно указывали на то, что он еще не успел выйти из бункера.

Регулятор громкости на усилителе звуковой передачи введен до предела. Навалясь грудью на пульт, я кричу в микрофоны что-то однообразное, жуткое. Зеленые мотыльки на сигнальных глазках подрагивают в такт моему надрывному крику.

— Пашич, вернись! Вернись немедленно! Ты болен, ты гибнешь, вернись!..

Я кричал в воду, кричал со слабой надеждой настигнуть криком безумца, дать почувствовать ему его одиночество...

Болл вернулся раньше обещанного срока. Не переодеваясь, устало завалился в кресло, сорвал с лица кислородную маску и бросил на стол. На макушке жалко топорщились мокрые волосы.

— Что-нибудь случилось, Грэг?

— Да.

Пожалуй, нужно сварить ему кофе.

— Рассказывайте,— сказал он с явным недовольством.

— Нет, сначала мне хотелось бы выслушать вас.

Болл закашлялся, яростно сплюнул в носовой платок остатки легочного наполнителя, ответил:

— В таком случае, идите ко всем чертям!

— Хорошо сказано, Свен. Емко. Будем считать, что мы наметили точки сближения в вопросах взаимного понимания. Но вы раздражены, устали... Отдохните, пока я приготовлю кофе. Вам с молоком?

— Нет, мне покрепче. Почему вам нужно, чтобы я рассказывал первый?

— Грамматика. Я спал, а вы были заняты делом. События имеют тенденцию развиваться последовательно. Может быть, я выражаюсь недостаточно ясно?

Болл уткнул лицо в маску и все то время, пока я был занят кофейными манипуляциями, дышал кислородом. Он явно поторопился покинуть «колесо обозрений».

Я разлил кофе и бросил на стол пакет с глюкозой. Болл жадно схватил свою кружку.

— Спасибо, Грэг, но знайте, что я все еще зол. На вас, на себя.

— Отлично. В нашем проклятом деле злость играет роль стимулятора. Пейте с глюкозой, вам необходимо подкрепиться.

— Вы оказались пророком... Квантаберов я не нашел.

Кружку, поднесенную было к губам, я бесцельно подержал на весу и медленно опустил на стол. Так...

— Продолжать поиски ружей не стал,— добавил Болл.— Решил вернуться.

И правильно сделал. Представляю, каково ему было слышать в воде мой отчаянный зов.

— Нет, не потому,— сказал он, перехватив мой сочувственный взгляд.— Просто понял, что искать бессмысленно. Ведь я выводил на поиски Краба. Это его работа...— Болл кивнул в сторону акварина.

Я обернулся. Облако взбаламученных осадков нисколько не поредело, пелена желтоватого тумана оставалась такой же плотной, видимость — нуль. Вспомнилась тень. Круглая, со светлым вырезом посредине.

— Скажите, Свен, как долго Краб занимался этой бесполезной и, судя по теперешнему состоянию дна, очень кропотливой работой?

— Я вижу, вас интересуют подробности...— Болл задумчиво покачал пустую кружку.— Зачем? Клянусь, я не видел и не слышал ничего странного. Кроме подводного крика, конечно. Кстати, что надоумило вас орать на весь океан?

Я указал на динамик. Он, видимо, ничего не понял, но сказал:

— Ладно, тогда по порядку... По-моему, слишком прохладно, а? Вы не находите?

Он поднялся, включил электрообогреватели на полную мощность.

Ноги окутала волна теплого воздуха.

— Так вот, Грэг, вы ошиблись вчера, я ничего не знал о бреднях швейцарца. Поэтому слово «аттол», даже прочитанное наоборот, оставалось для меня таким же загадочным. Вы уснули, бросив меня

на растерзание вами же вызванных тревог. У меня крепкие нервы, но согласитесь, ваше вчерашнее поведение могло сбить с толку кого угодно... Поразмыслив, я решил вернуть квантаберы в бункер. Я был уверен, что делаю это напрасно: пока Манты в воде, за сохранность ружей нечего опасаться. Ведь я умышленно не стал отзывать скутеры в ангарный бокс, чтобы какой-нибудь бродяга спрут случайно не уволок опасную игрушку. Но сомнения не давали мне покоя. Лезть в воду самому не хотелось, и я сел за пульт. Подготовив программу для Краба, я дал приказ Мурене сделать все остальное. Запрограммированный ею Краб вскоре выполз из четвертого бункера. Он кружил в указанном секторе добрые полчаса. Наконец, мое терпение лопнуло, и я его отозвал. Выходило, что нужно идти за ружьями самому. Я оставил переговорное устройство включенным на случай, если мне понадобится что-нибудь передать. Не успел я выплыть из-под бункера, как меня оглушил рев динамиков: «Пашич, вернись!..» От неожиданности я выронил взятый с собой квантабер. Мистер Соболев кричит во сне, подумалось мне. Я быстро сплавал к четвертому бункеру и убедился, что ружья действительно исчезли. Вы продолжали кричать, и я вернулся. Вот и все, Грэг.

— Н-да, мало... Вам еще кофе?

— Не откажусь.

Я налил.

— Ну, и как вы объясняете исчезновение квантаберов?

— Кальмары,— сказал Болл.— Больше некому. Прошу прощения, но ваша версия меня раздражает. Насчет безумца, который бродит вокруг станции.

— Я этого не говорил.

— Конечно,— согласился Болл.— Вы об этом кричали. Давайте разберемся как следует. По самым оптимистическим подсчетам, Пашич, если не погиб — а я совершенно уверен в обратном,— должен находиться в воде уже около семи суток. Позволительно будет узнать: как он ест, как он пьет и где подзаряжает аккумуляторы?

Я признался, что эти вопросы занимают меня самого.

— Давайте посмотрим, на чем основана ваша гипотеза,— продолжал наступление Болл.— Во-первых, надписи. Та, которую видели вы, появилась внезапно, вдруг. А если этому не поверить? Я думаю, загадочные буквы остались нам в наследство от наших предшественников, просто вы раньше их не заметили. Во-вторых, исчезновение ружей. Конечно, Манты расстреляли бы любого кракена, попади он в зону действия локаторов. Но мы не учитываем длиннорукости спрутов. Какой-нибудь десятирукий вор мог запросто дотянуться до квантаберов, скрываясь за бункером. А больше, по-моему, ничего особенного не произошло.

— Произошло,— я протянул Боллу его записку.

— Это писал я,— сказал он.— Ну и что?

— Взгляните на обратную сторону листа.

Болл посмотрел.

— Не понимаю.

— Это морзянка, которую я принял перед тем, как вы услышали мое знаменитое обращение к Пашичу.

— Бросьте меня разыгрывать! — Болл побагровел.— Есть вещи, мистер Соболев, которыми не шутят!..

— А на кой черт мне вас разыгрывать! — выкрикнул я и хватил кружкой о стол. Жалобно зазвенели осколки.

Мы стояли друг против друга.

— Вы превосходный человек, мистер Болл,— сказал я,— но долгое общение с вами, очевидно, выходит за пределы моих возможностей.

— Я тоже думаю, что мистер Дуговский допустил ошибку, связав нас необходимостью совместных действий,— заявил Болл.

— Ну что ж, в таком случае я буду действовать самостоятельно, на свой страх и риск. И будь я проклят, если кто-нибудь сможет мне помешать!..

Первым опомнился Болл. Он сел и расправил смятую бумагу.

— Послушайте, Грэг, но это же чистейший абсурд. Может быть, вы знаете, на каком языке этот текст?

— Знаю. На русском.

— Чепуха! Я сумел бы прочесть любой русский текст, зашифрованный кодом Морзе.

Он с такой убежденностью сделал ударение на слове «любой», что я невольно простил ему все.

— Свен,— сказал я, пытаясь говорить спокойно,— этот текст требует такого же необычного чтения, как и обнаруженная злополучная надпись. Читайте, Свен, наоборот — для этого достаточно перевернуть бумажку вверх ногами. Читайте вслух, потому что я хочу еще раз услышать то, во что мне трудно поверить.

«Я долго искала людей, я нашла»...— прочел Болл первую фразу и взглянул на меня. В его глазах блеснула насмешка.

— Читайте, Свен, читайте.

«Не покидайте меня, верните безличность, нет равновесия...»

Болл скомкал лист и, откинувшись в кресле, несколько раз подбросил его на ладони.

— Пришелец!..— сказал он и громко рассмеялся.— Вернее, пришелица!.. С другой планеты! Нет, из антимира! Глубоководная нимфа!

Он хохотал. Я молчал, стиснув зубы.

Внезапно погас свет. Будто разом сработали все включатели тьмы, мгновенно лишив пространство привычной трехмерности.

— Полетели предохранители,— услышал я голос Болла.

Скрип кресла, два громких щелчка — Болл вырубил из электрической сети систему обогрева. Лязг дверцы щита. Брызнула светом лампочка от аварийных аккумуляторов и сразу угасла. Мрак стал плотнее.

— Проклятье! Где у нас запасные? Я где-то ви...

Болл не договорил, замер на полуслове. «Ти-ти-ти, ти-ти-та-ти...— пела морзянка.— Та-ти-та, та-ти-та-ти...»

Что с вами, коллега? Ведь вы никогда и ничему не удивляетесь: в конце концов «все объясняется очень просто». Может быть, вы испугались?

Громыхая мебелью, Болл продирался к едва светившемуся в темноте акварину. Полно, коллега, в этом облаке ила все равно ничего не увидишь. Глубоководную нимфу тем более.

— Свен, дайте хотя бы фонарь! Так мы ни черта не запишем.

Мы не успели. Динамики умолкли до того, как Болл сообразил замкнуть клеммы отверткой. Плафоны вспыхнули, я оглядел учиненный Боллом разгром и остался доволен.

— Ну вот что... Сейчас мы посмотрим батиальную карту и я выйду в воду. С этим надо кончать.

— Что вы собираетесь делать? — спросил Болл, вытирая потный лоб.

— Собираюсь ловить. Я обшарю в окрестностях станции все уголки, обследую дно на доступных глубинах, но выслежу и поймаю безумца... или нимфу, если вы правы, а я ошибаюсь. Думаю, это будет не так уж и трудно: судя по всему, она предпочитает обходиться без скутера.

Болл поднял голову к потолку и стал к чему-то прислушиваться. Едва уловимый шорох, тихий скрежет. И вдруг — неожиданно громкий и звонкий удар. Затем еще один и еще...

— Колотит...— сказал Болл и глупейшим образом улыбнулся.— Прошлый раз тоже так было, но разве я мог предполагать, что это не вы!..

Я вспомнил удары, которые слышал в воде. Болл перестал улыбаться, нахмурился. А я подумал, что у Дюмона, пожалуй, были основания для помешательства.

Все стихло. Но мы еще долго прислушивались, задрав подбородки кверху.

— Есть предложение,— сказал Болл.— Давайте плюнем на эту... на это... Ну, словом, начнем запуск добывающих агрегатов. Рано или поздно все решится само собой.

— Вот как! Плюнуть, говорите!..— Я схватил его за отвороты халата и, дернув к себе, бросил прямо в лицо: — Человек в беде! Он болен, гибнет! Понимаешь, чурбан ты этакий!..

Оттолкнув его, бросился к люку.

— Подождите! — выкрикнул Болл.— Во-первых, вы должны извиниться...

Крышка люка откинулась.

— Вы тяжко и совершенно напрасно обвинили меня!

— Да, обвинил. Могу добавить: я презираю подонков, которым на все наплевать. Если я раньше правильно понял вас, Пашич был вашим другом!

Физиономия Болла бледнела, вытягивалась и вдруг превратилась в багровую маску. Он двинулся на меня с кулаками, обрушивая по дороге стопки книг. Остановился в двух шагах — похоже на вызов. Но я уже не смотрел на него. Разбросанные книги, опрокинутые кресла — такой же хаос, как и в день прибытия... Но тогда я не был этим так поражен, как сейчас.

— Ладно,— сказал я.— Кулаки уберите, это я тоже умею. Будем считать: с первым пунктом нашей беседы покончено. Что во-вторых?

Болл выпрямился и жестом, преисполненным достоинства, но все еще обиженно посапывая, запахнул полы халата.

— Во-вторых...— он быстро овладел собой и говорил совершенно спокойно,— во-вторых, я хочу договориться с вами относительно будущих встреч под водой. Чтобы вы не принимали меня за кого-то другого, нам необходимо условиться...

— Хорошо. Пароль — тройное мигание фарой, отзыв — двойное. И всегда выбирать пояса постоянного цвета. Скажем, белый для меня, для вас — оранжевый.

— Запомню. А что касается ваших чудовищных обвинений... *Будь я проклят, если заслуживаю подобное! Поймите, Грэг, я ни на* пенс не верю, что Пашич жив. Мы имеем дело с чем-то другим...

— С кем-то другим, вы хотели сказать?

Болл не ответил. Значит, твердо решил настоять на своем. Странно... По-моему, ситуация предельно ясна: в этом спектакле участвуют всего три актера. Появление четвертого на такой обширной сцене, как абиссальная бездна Индийского океана, мне лично представляется невероятным. Куда ни поворачивай компас воображения, а стрелка все равно указывает в одном направлении: Пашич. И дико было бы думать, что здесь замешан кто-то другой... Впрочем, есть еще один вариант: в бункер колотят кальмары. Ну, скажем, тот, которого я встретил на карнизе... А передача? А надпись? Тоже кальмары?

— Свен, ради всего святого! — воскликнул я, в отчаянии сжимая ладонями голову.

Болл понял.

— Я не романтик, гипотез не измышляю,— сказал он, разводя руками.— Я только уверен в одном: это не Пашич. Это не может быть Пашич по чисто практическим соображениям.

Я свесил ноги в люк и задумался. С одной стороны, обстоятельства требуют немедленного выхода в воду, с другой... Болл только что был в воде и ничего не заметил. Я тоже находился в воде, когда впервые услышал загадочный стук. У меня буквально под носом расписали понтон. Безумец словно старается быть невидимым...

— Грэг, хотите хороший совет?

Да, я хотел. Хороший — тем более.

— Не торопитесь в воду. Нам с вами в конце концов необходимо нормально спать и питаться.

Это я знал.

— Утром обсудим план действий за картой. Думаю, следует выйти вдвоем. Я не буду мешать вашим поискам, а вы поможете мне запустить агрегаты. Если, конечно, помощь потребуется.

Другими словами, целиком положиться на самотек... Минуту я колебался. «Гипотез не измышляю»! Ньютон с жабрами, Лаплас двоякодышащий. Очевидно, «измышлять» остается мне.

Я ушел в каюту и лег на диван, взгляд — в потолок. Прислушался. Тихо. Как здесь невыносимо тихо! Идеальные условия для размышлений. Н-да, если знаешь, с чего начинать.

Все начинается с Лотты. У меня и у них. Дюмон и Лотта, Лютта и Пашич. Наконец, Лотта и я. Кажущаяся взаимосвязь имен и событий ложная, но тем не менее поразительная... Дуговский обмолвился вскользь, будто Дюмона преследует женщина. Судя по глагольным окончаниям таинственный субъект, который вел передачу, тоже относит себя к женскому роду. И подкрепляет это свое утверждение надписью: Лотта. Метровыми буквами... Все бы ничего, но эти факты прямо связаны с помешательством Дюмона. И логики-то в них ни капли нет. И, вероятно, не будет. Во всяком случае, у меня такое ощущение. Там, где скрещиваются пути двух сумасшедших, логики нет и не будет...

А если все-таки есть? Ведь Дюмона преследовало то, что преследует нас. Я лично не сомневаюсь, что это — деятельность Пашича, хотя и не в состоянии понять, какая это блажь могли прийти в его больную голову. Я плохо разбираюсь в разновидностях маниакально-депрессивного психоза. И Болл, наверное, тоже. А жаль... Быть может, имеет смысл запросить по радио мнение специалистов-медиков? Запросить...

Ну и как мне сформулировать запрос? «Зеркально мыслящий Пашич настойчиво напоминает нам о своем присутствии, но избегает попадаться на глаза. Прошу собрать консилиум психиатров и выяснить заочно, в чем заключается идея фикс пострадавшего». А что, и соберут. И будут выяснять, и надают массу авторитетных рекомендаций. Н-да...

Может быть, Болл прав и это не Пашич? Но тогда кто? Кто?.. Конечно, Пашич. Но почему он не желает пользоваться скутерами

и вообще любым подводным реквизитом, если не считать похищенных квантаберов? Странная принципиальность... Правда, я видел какую-то тень, округлую, с вырезом посредине. Но если это не тень одной из проплывших мимо акварина Мант, я отказываюсь понимать происходящее. «Верните безличность, нет равновесия»... Что правда, то правда — равновесия нет. Любопытно, кто из нас раньше свихнется, Болл или я? Наверное, я. У меня для этого больше причин.

Изучив потолок до мельчайших подробностей и сделав вывод, что результат моих размышлений самым недвусмысленным образом равен нулю, я поднялся и вышел в салон.

Перед сном Болл успел навести в салоне «порядок», и я потратил много времени, чтобы найти батиальную карту.

Карта представляла собой шедевр картографической замысловатости. Пятнадцать глубинных ярусов — девяносто прозрачных пластин. Надежда на визуальный разбор сразу померкла: такие карты требовали компьютерной дешифровки. Я разыскал пестро разрисованный карт-бланк с пометкой «М-2» и направился в рубку.

В чреве пульта время от времени что-то негромко и мелодично позвякивало. Полупрозрачную толщу темной полусферы покалывали острые огоньки, мерцали пустые экраны. Выдвижной столик завален бумагами. Сверху — несколько исписанных от руки листков и графики. Почерк Болла. Я разложил бумаги по порядку и стал просматривать...

Умница, подумал я. Голова! И еще подумал, что я перед ним виноват. Но почему он молчал? Впрочем, виноваты мы оба. Взаимная подозрительность, обмен информацией сквозь зубы — вполне достаточно, чтобы извратить основной принцип разведки. Глупо. И самое глупое то, что мы оба знаем, как все это глупо, и ничего не делаем для большего взаимопонимания... Болл догадался использовать наиболее доступный канал информации, а я узнаю об этом случайно.

Он исследовал память Мурены и на основе полученных данных вычертил графики. Получалось: добыча тяжелой воды резко упала за несколько дней до того, как Дюмон покинул станцию. Кривые на графиках имеют ступенчатую форму. И там, где «ступеньки», множество пометок Болла: «В программе не задано! Кто выключал агрегаты? Зачем?» Да, эти выключения явно не подконтрольны Мурене, потому что дальше — серия проверок исправности роботов и правильности их программ. Но это ничего не меняет — ступеньки, ступеньки... Любопытно, что последняя попытка стабилизировать добычу не доведена до конца — вообще прекратили подачу энергии на агрегаты. Словно бы наши предшественники поняли бесполезность этой затеи. Или были заняты чем-то другим. Далее Мурена получает совсем уж необычное задани: составить програм-

му для автоматического извлечения из атомного бункера небольшого количества радиоактивного изотопа тория! В огороде бузина, а в Киеве дядька...

Я машинально вытряхнул из футляра пластины батиальной карты и заложил их в приемный блок кодового устройства. Опустил в щель щешифратора карт-бланк. Мелодичный перезвон в чреве пульта украсился новыми тембрами. На экранах четкое изображение поперечного разреза нашего глубоководного поднятия. Минут пять я тупо смотрел на экраны, пытаясь вспомнить, по какому азимуту задал Мурене разрез...

Боллу я оставил записку: **«Очень сожалею о сегодняшем инциденте. Еще раз приношу свои извинения: я не знал, что задуманный вами эксперимент с агрегатами настолько оправдан. Вышел в воду в 5-45. Вернусь через двадцать часов. Делайте все, что считаете нужным. Жму руку. Соболев».**

РЕКВИЕМ БЕЗДНЫ

Из-за неровной линии горизонта поднималась луна. Горизонт слишком близок, а луна слишком розовая. Даже не луна, а какое-то новое ночное светило, потому что луна не бывает таких огромных размеров и, главное, розовой...

Мне вдруг пришло в голову, что мы, люди, до крайности утилитарны. Даже в вопросах творчества. Мы не можем позволить себе роскошь сосредоточивать усилия за пределами действия принципа целесообразности. Океан может, ему плевать на принцип целесообразности. У него хватило фантазии сотворить эту великолепную живую планету (почти целиком из воды), а мы, его прямые потомки, разинув от восторга и удивления рты, ломаем головы над вопросами «как» и «зачем». И страшно завидуем. В своих лабораториях пытаемся научиться такому же мастерству, разгадать, использовать, улучшить, применить. Иногда это удается, иногда нет. А вот завидовать, наверное, не стоит. Океану легче фантазировать на тему «Многообразие жизненных форм», в его распоряжении вечность.

Розовое диво волокло за собой длинный шлейф нежно светящихся щупалец, прозрачных и тонких до синевы. Имя этого грациозного существа я знал: тайра глобалос — недавно открытый вид глубоководных медуз-исполинов. Мало кому из людей доводилось наблюдать королеву медуз в естественной обстановке. Мне повезло, я мог считать себя счастливцем.

На фоне светлого шара контрастно отпечатался вдруг угольно-ярный силуэт плавников-крыльев. Манта мигнула зелеными огнями глаз и, успокоенная, с презрительным равнодушием повернулась

к тайре хвостом. Не обижайтесь, Ваше Величество, мой скутер плохо разбирается в тонкостях этикета и, понятно, не умеет держать себя в присутствии коронованных особ. Сказать откровенно, Ваше Величество, я очень боялся, что этому дурно воспитанному субъекту придет на ум огреть Вас электрической дубиной. При Ваших поистине королевских размерах такой исход дела был вполне вероятен... А сейчас до свидания, тороплюсь. Будем считать нашу встречу счастливым предзнаменованием...

Я лгал, торопиться мне было некуда. Мы слишком мало знаем, чтобы выработать правильную стратегию поиска. Почти ничего не знаем. Короче говоря, я вышел в воду с единственной целью стать приманкой для безумца.

Я пересек линию обрыва, включил плавник и быстро пошел в глубину. Вниз головой. Прожекторы Манты светили мне в спину. Темная сердцевина конуса пронизывающих воду лучей казалась горловиной бездонного колодца. Это моя тень.

Навстречу из тьмы полыхнула зеленоватая вспышка. Гораздо более мощная, чем рассеянный свет прожекторов. Я скомандовал Манте ультразвуком. Прожекторы погасли.

Внизу мерцали огни огромного города. Бархатная, усеянная звездами ночь и далекий, празднично иллюминированный город... По извилистым автострадам носились красные и лимонно-желтые огоньки, на площадях сновали толпы снежно-белых, голубоватых и синих. В облаках светящихся точек и черточек вспыхивали цветные огни светофоров, во всех направлениях, словно большие пассажирские автоллеры, двигались лиловые пятна, отдаленные фонари отливали перламутровым блеском, в туманной дымке мельтешили фантастические узоры реклам.

Скопление подводных светляков — зрелище отнюдь не редкое, но впечатляющее. И каждый наблюдатель видит это по-своему: россыпи драгоценных камней, млечный путь, созвездия, галактики. А мне почему-то видятся города, в огнях, с многочисленным населением. В городах кипит жизнь. Не такая уж загадочная для меня — многие из жителей хорошо мне знакомы. И может быть, поэтому я чувствую себя в какой-то мере приобщенным к тайнам подводного континента. Но чувствую и другое.

В воде я не совсем человек. Вернее, не просто человек — у меня много общего с рыбой. И не только то, что я дышу жабрами, пользуюсь плавниками. Всегда, когда я в воде и один, в тайниках моего подсознания просыпается что-то чужое и смутное... Пожалуй, это можно назвать пробуждением древних, очень древних, незнакомых людям инстинктов. Даже не инстинктов, а скорее отголосков инстинктов, полустертых, сглаженных на гончарном круге миллионов лет эволюции. Невозможно четко и связно рассказывать об этих свои ощущениях, да и бессмысленно пробовать. Это все

равно, что пытаться проникнуть в область ощущений амебы, претерпевающей процесс очередного деления. Крайняя простота — и необычайная сложность, таинство — и примитив... Но так же, как, скажем, обертоны придают окраску звукам, эти тончайшие, едва заметные, но, повторяю, какие-то упрощенные нюансы психики накладывают странный отпечаток на чувства и поведение. Все это, очевидно, хорошо известно каждому глубоководнику. Отсюда и «ангелы тьмы» в противовес придуманным журналистами «англелам моря».

Медики объясняют подводные «странности» воздействием внешней среды на психику акванавта. То есть, в сущности, не объясняют ничего. Все то, с чем сталкивается морская медикология вне сферы разумения, находит временный приют под вывеской «глубинная аффектация». Боюсь, что этот туманный термин так и останется словесным пустоцветом, поскольку его изобретатели толком не осознали, что в условиях бездны человек потихоньку становится рыбой, в нем просыпается рыбий инстинкт. И нужно самому побывать в гидрокомбовой шкуре, чтобы это заметить.

Уходя в океан, акванавт рвет пуповину, соединяющую его с материнской сушей, и чем дальше от берега и чем глубже идет погружение, тем очевиднее этот разрыв. Вокруг вода, а внутри — сознание одиночества и своеобразной изоляции от привычного мира. По сути дела труженики бездны отданы на произвол стихии. Они остро нуждаются в обществе себе подобных, иначе им трудно сладить с тем, что называется «глубинной аффектацией». Их пока единицы. Потом их будут тысячи — окажется мало. Миллионы — капля в океане, потому что Земля на три четверти Океан. Нужны миллиарды. И еще гармония нужна, гармония в неминуемой эволюции гомо субакватикуса [1]. Или равновесие — если угодно — между тем, что человек готовится приобрести в воде, и тем, что он уже имеет в себе после суши. А пока равновесия нет... Нет равновесия!? Стоп!..

Беспечность в воде обычно обходится дорого. Особенно при таком стремительном спуске. Мне повезло: я ударился грудью. Вспыхнули прожекторы, осветив шероховатую поверхность базальтовой глыбы. Пока нащупывал контактный диск, плавник сбросил меня со скалы, уволок к ее подножию и, завертев в неуправляемом штопоре, швырнул в оранжевые заросли прутовидных губок...

Я разгладывал свой трофей со смешанным чувством удивления и тревоги. Кирка, обыкновенная кирка, насаженная на металлическую ручку. Таким инструментом пользуются морские геологи. Я подхватил ее на песке где-то у подножия злосчастной скалы. Первые плоды тактики «свободного» поиска!

---

[1] Гомо субакватикус — человек подводный *(лат.)*.

На карте эта терраса выглядела невзрачной ступенькой. А здесь... Насколько хватало глаз и позволял видеть свет, во все стороны простирался цветущий подводный оазис. Я стряхнул с левого ласта крупного рака — неимоверно длинные тонкие клешни! — и вернулся к подножию скалы, если скалой можно было назвать клумбу красно-желтых цветов.

Вершина утеса, вздыбленная над «клумбой», едва ли реже, чем подножие, облеплена колониями актиний и звезд. Я повел фарой вниз и осветил песчаную плешь. Призывно вспыхнул синеватый металлический отблеск...

Рядом с ружьями спал черный скат. Отогнав его, я поднял квантаберы. Да, оба здесь. И оба в рабочем состоянии: на тыльной стороне прикладов мигали рубиновые глазки — индикаторы заряда. Кирка в одной компании с украденными ружьями... Моя версия получает веское подтверждение. Где ты, безумец, где?..

Один квантабер я повесил на грудь, другой — на плечо и всплыл на вершину. Сел на утес, обхватив каменный выступ ногами, задумался — «ангел тьмы» в позе роденовского мыслителя. Вокруг сновала кормящаяся рыбья мелочь. Любопытные мальки нахально теребили ворс на моих коленях. Манта неподвижно застыла над головой.

Итак, возвратимся к исходной точке. Во время удара об эту самую скалу я думал о «равновесии». Чего-то с чем-то. Меня поразило совпадение собственных мыслей с загадочным содержанием передачи. В каком-то маленьком пунктике, в микроскопической детальке, но все же... **«Я долго искала людей, я нашла, не покидайте меня, верните безличность, нет равновесия...»** В этом, казалось бы, совершенно бессмысленном обращении мне слышится отчаянный призыв. А если попробовать расшифровать? «Я долго ждал вас и дождался, теперь не покидайте меня; обреченный на одиночество, я потерял рассудок, утратив равновесие между человеческой сущностью и теми изменениями в психике, которые подарила мне враждебная пучина». Неплохо, совсем неплохо. Но как быть с включенной в текст безличностью? Ума не приложу... Как ни верти, а проклятая безличность никак не согласуется с тем, чего я, надеюсь, уже достиг, применив к этой детективной коллизии прославленную методику дедуктивного мышления. Не только не согласуется, но даже находится в противоречии. Н-да...

Манта мигнула прожекторами и подняла колонны света к зениту. Странно, кальмары никогда не атакуют сверху. На всякий случай я спустил предохранитель квантабера. Может быть, Манта почуяла кашалота? А что! Эти кишащие спрутами места вполне могут служить охотничьим угодьем для зубастых китов, глубина позволяет. Конечно, было бы интересно понаблюдать за подводной охотой кита, но как быть, если придется стрелять? Нет, лучше уйти,

не буду никому мешать. Стрелять в теплокровное животное просто рука не поднимется: как-никак а все-таки мы родственники...

Я подозвал Манту, повесил ружья на трапецию и покинул террасу.

Голая угрюмая стена, кое-где покрытая сетью глубоких трещин, уходила в пропасть почти вертикально. Свет фары бледным пятнышком скользил по ее шероховатой, местами бугристой поверхности все ниже и ниже, в нескончаемую глубь. Мрачное однообразие...

Я сунул лезвие кирки в одну из трещин, отплыл подальше, чтобы свериться с компасом. Карбункул батиметра светился желтым огнем. Двухкилометровая глубина. Если батиальная карта не врет, где-то здесь должен находиться уступ. Может быть, ниже? Посмотрим...

Я вернулся за киркой. Из каменной щели вылез большой ярко-красный рак весьма симпатичной наружности. Я подергал его за усы — он погрозил мне зубастой клешней. Ладно, старик, извини. Просто я рад, что встретил тебя, мне здесь одному страшновато. Ухожу, ухожу. Вниз ухожу, туда, где раки зимуют. Ты случайно не знаешь, где раки зимуют?

Плавник тащил меня в глубину. Я чуть не прозевал предсказанный картой уступ, сплошь заросший губками, похожими на черные резиновые мячи.

Пока я осматривал этот странный «балкон», неизвестно как прилепившийся к отвесной стене, откуда-то приплыл чудовищный макрурус и очень недружелюбно поглядел на меня своими телескопическими глазами. Он обнюхал кирку, которую я протянул ему для предварительного ознакомления, и похлопал себя плавниками по огромному пятнистому животу. Макрурус, конечно, не акула, но его круглая собачья морда и оскаленная пасть с длинными загнутыми назад клыками никак не внушали доверия. Мне вдруг захотелось прогнать его ударом ласта, как собаку,— пшел, дескать, вон! Но, памятуя о повадках самонадеянных дворовых псов,— клянусь, аналогия полная,— решил оставить рыбу в покое. Кирку я бросил на камень. Захвачу на обратном пути.

...«Балкон» остался где-то далеко наверху. Так далеко, что я боялся взглянуть на батиметр. Пока кристалл этого миниатюрного прибора сиял оттенками теплых цветов, я мог не обращать на него никакого внимания. Но если он начинал светиться зеленым... Я поднес руку к лицу. Да, он светился зеленым запретным огнем. Триста атмосфер давления, три километра глубины — «подвал», как говорят глубоководники,— предел погружения. Дальше человеку нельзя. Дальше опускаются трупы.

«Подвал» имеет три этажа. Их различают по цвету карбункула. Верхний — зеленый. Средний — изумрудно-зеленый. Нижний...

Согласно спектральному ряду нижний должен быть голубым — кристалл батиметра даже на это рассчитан. Но те, кто видел его голубым, навсегда остались в пучине. Кроме тех, пятерых,— героев современной легенды. Легенды такой же странной, как и те обстоятельства, которые легли в ее основу.

Угрюмый вид голой скалы действовал мне на нервы. Изредка встречались большие темные трещины. Они уходили вниз почти вертикально и там, куда едва достигал свет прожекторов, давали начало гигантским расселинам. Я знал: в таких местах любят гнездиться кальмары. Прозондировать одну из щелей лучом? Луч осветил каменные внутренности мрачного коридора, за каждым выступом таилась черная тень. Кальмаров я не увидел, но рыбий инстинкт упрямо советовал: будь настороже.

Я вылез из щели и поплыл в открытый простор океана. Подальше от мрачной стены. Заблудиться я не боялся. Манта найдет дорогу назад: где-то вверху, на площадке добывающих агрегатов, непрерывно действовал ультразвуковой маяк.

Я плыл, не оглядываясь, словно торопился куда-то. Прожекторы Манты светили мне в спину. За пределами прозрачного светового конуса — кромешная тьма, будто пространство замкнулось само на себе. Заботиться сейчас о направлении не имело смысла. Чем хаотичнее мое передвижение, тем лучше: больше шансов привлечь к себе внимание безумца. Неужели не «клюнет»?..

Глазу не на чем остановиться в этой водяной пустоте. Стоит чуть усомниться в достоверности своих ощущений — и ты мгновенно теряешь ориентировку в пространстве. Я усомнился, когда заметил, что Манта плывет за мной как-то совсем необычно, боком. Я понимал, что скутер здесь ни при чем,— потерял ориентировку я сам. Два таких фундаментальных понятия, как «верх» и «низ», превратились в ничто. Противно до головокружения.

Трудно поверить, но где-то в трех километрах отсюда находится дневная поверхность океана и примерно на таком же расстоянии — дно. Меня окружала беспредельная, вечная вселенская тьма, и не было ей ни конца, ни начала, не было вообще ничего, кроме тьмы. Хранимый в воспоминаниях мир солнечной суши казался счастливым сном и только. Он был далеко — быть может, на другой планете. Доведется ли снова увидеть его?

Я вынул нож и двумя пальцами взял кончик лезвия. Тяжелая рукоять указала мне направление к центру планеты.

Оказывается, это очень важно — знать направление к центру планеты. Теперь все стало на свои места. Я висел вниз головой над чернеющей бездной... И вдруг — по телу словно разряд нервного тока — в глубине, на одной вертикали со мной, вспыхнул бледный конус луча! Нет, даже не вспыхнул — скорее возник, потому что это далеко, где-то на пределе видимости...

Луч, непонятно играя, кружил. Призывно мерцал удлиненной пластинкой тонкого льда. Фара? Очень похоже. И в то же время как-то не очень... Вниз!

Луч описал дугу и погас. Мгновенно, как гаснет выключенная фара. Безумец! Стой! Ведь так мы никогда не сумеем настигнуть тебя и помочь! Я здесь уже, я рядом, быть может, это последняя твоя надежда!.. В ответ — летящая навстречу бездна мрака, иллюминированная горстью голубых огоньков. Быстрее вниз, быстрее — секунды решают все!

Когда уходишь вниз, пучина легко уступает. Горе тому, кто не сумеет вовремя остановиться...

Я сумел. Опомнился и выключил плавник. Взглянул на батиметр. Изумрудно-зеленый... Баста. Подвал океана бездонный. Ты же знаешь: голубой этаж обрывается в небытие.

А ты уверен, что стоишь на последних ступеньках? Вот видишь, нет, не уверен... Но разве ничего не значит эта странная глухая боль в суставах рук и ног, в затылке, в бедрах, в позвоночнике? Значит, но только то, что я никогда не забирался так глубоко...

Сверху, по ниспадающей спирали, опускалась Манта. Луч прожектора больно ударил в глаза. Потуши свои лампады, дорогая! Спасибо, теперь хорошо... Густая вселенская тьма. И ничего похожего на бледный таинственный луч. Будто привиделся.

Еще с полсотни метров вниз — и хватит, пожалуй. Шутки с такими глубинами плохи: можно услышать реквием бездны...

Реквием бездны? Понятия не имею... Ну-ну, не надо лгать: лгать самому себе бесполезно. Вспомни: тех, кто слышал его и потом нашел в себе силы вернуться, можно пересчитать по пальцам одной руки. Да, я помню, конечно. Об этом дьявольском глубоководном наваждении рассказывают по-разному. Но только своим, и то не каждому, и только шепотом, на ухо, втайне от медиков. А это всегда впечатляет, когда не каждому и шепотом. Однако сначала я не поверил: мне казалось, что мнимая музыка больших глубин вряд ли способна ослабить волю подводника, но мне довелось побеседовать с гидрокомбистом, которого причисляли к знаменитой пятерке. Он рассказывал скупо и неохотно, и потому, наверное, его рассказ заставил насторожиться. В заключение он совершенно серьезно добавил: «То, что я слышал на голубом этаже, вполне может конкурировать с голосами сирен старика Гомера. И я отлично понимаю тех из наших парней, которые предпочли остаться в глубинах». И все, ничего более определенного я от него не узнал: он умолк, задумался и, глядя куда-то мимо меня, так загадочно улыбнулся своим воспоминаниям, что я почувствовал невольный страх...

Ладно, поехали вниз, немного, самую малость. Рискованно, знаю, однако иначе я не могу: луч не привиделся — был. Безумец здесь где-то рядом. Может быть, и не безумец вовсе, а просто

несчастный, услышавший пение подводных сирен и не желающий поэтому вернуться?

В голове нарастал устрашающий гул. Ну вот, начинается... Стоп, дальше нельзя: кристалл батиметра отливает мягким бирюзовым сиянием. Но главное даже не в этом. Главное в том, что моя черепная коробка вырастает до размеров огромного корабельного трюма. Весь корабль гудит и качается от ударов злобных штормовых валов, каждый удар порождает в трюме странное дрожащее эхо. Ерунда, просто я ощущаю, как в висках тяжело пульсирует кровь. Теплая живая кровь — это реально, остальное — обман. Вот видишь, я все понимаю, все сознаю, всему нахожу объяснения. Значит, опасности нет,— можно чуть ниже... Где он, где этот «реквием»? Не слышал, не верю, дурацкие выдумки. Просто шум в голове, которому никак нельзя приписывать музыкальность.

...А в трюме звенит и похрустывает мелкое крошево стеклянных созвучий. Тихонько тренькают стеклянные струны, падают в темноту, и там разбиваются вдребезги стеклянные бусинки нот. Эта стеклянная суета начинает казаться забавной. И вдруг...

В настороженно-гулком пространстве раздается отчаянный дикий завывающий крик...

После первых мгновений жуткого оцепенения — всеобщая тишина. Растаяли стены мрачного трюма, вернув ошеломленному узнику былую свободу и легкость движений. Кристалл батиметра горит спокойным бирюзовым огнем.

Где-то далеко-далеко — может быть, в центре вселенной — торжественно бьют мировые часы. Двенадцать тягучих ударов, и каждый из них — столетие. Последний удар долго звучит в ореоле дрожащего эха.

— Полдень?..— вопрошаю пространство.

Внятный женский голос говорит за моей спиной:

— Ты ошибаешься. Полночь.

— Допустим,— неуверенно соглашаюсь я.— Но полночь чего? Эры, эпохи, тысячелетия?

— Полночь твоих желаний,— раздается в ответ.

Нет, это слишком!

— Откуда вам известно о моих желаниях, мадам? Кто вы? Покажитесь!

Смех — и никакого ответа.

— У вас приятный смех, мадам. Но знаете ли, я не люблю быть обращенным спиной к собеседнику.

— Это неважно,— отзывается голос.

— Что неважно?

— Все, что ты говорил. Я — Тьма, понимаешь? Этим все сказано.

— Н-да, пожалуй...

Я вслушиваюсь в раскаты одиноко бродящего эха. И ощущаю течение времени. Время течет, как вода. Я набираю его целыми пригоршнями, дивясь, что стал обладателем такого богатства. Когда-то давным-давно, в счастливую пору рождения детских, еще неясных желаний, я очень любил играть фонтанными струйками. Ловил прозрачную воду руками, стремясь задержать в мокрых ладошках это неиссякаемое увертливое сокровище. Так и теперь: мне кажется, я властелин никому не подвластного времени. Черпаю от его огромных запасов, небрежно проливая капли-минутки.

И снова где-то за моей спиной слышится смех:

— Я вижу, ты доволен подарком.

— Подарком?

— Бери, я дарю тебе вечность.

— Зачем мне вечность? — меня охватывает разочарование.

Голос медлит с ответом. Наконец говорит:

— Вечность — ведь это же так заманчиво!..

— Вечность — это небытие. Твой подарок лишен всякого смысла.

— Вот как! — удивляется голос.— Значит, боишься?

— Нисколько. Просто мне не нужна беспредельность во времени. Я знаю этому цену. Недосягаемый призрак, обман...

— И я беспредельна. Я тоже, по-твоему, призрак, обман?

В этом вопросе звучат лукавые нотки. Но я не колеблюсь:

— Да, тоже.

— Я — Тьма! — вскипает негодованием голос.— Беспредельная, вечная Тьма! Я существую!

И в негодующих возгласах мне чудится что-то наивное, до смешного похожее на женский каприз. Черт подери, я даже немного смущен.

— Вот видишь,— смягчается голос,— мне больно слышать дерзкие речи. Но я как женщина великодушна и прощаю тебя.

— Спасибо. Но тем не менее должен заметить, что власть твоя эфемерна. Ночь уходит с наступлением дня и тьма исчезает.

— День!..— Голос презрительно высокомерен.— Что есть день? Жалкий обман планетарных масштабов. Все остальное пространство — безграничная тьма. И ты смеешь возражать против этого?

— Смею. Тьма — обедненное светом пространство и только. Но стоит ли спорить об этом? Может быть, просто скомандовать скутеру включить освещение?

— Не нужно. Впрочем, попробуй. Я все равно останусь с тобой в другом своем качестве. Ты уже мой! Навсегда... Погляди: в твоих руках горит голубая звезда. Это судьба.

Бросаю взгляд на батиметр. Чистый голубой огонек... В сердце вонзается жало веселого ужаса. Меня разбирает смех.

— Я не боюсь тебя, Бездна! Ведь это твое настоящее имя?

— Я не скрывала. Но ты слишком поздно догадался об этом.

— Не имеет значения. В конце концов я намерен взять у тебя интервью.

— Любопытно. О чем же ты хочешь спросить? Ах, я уже знаю! У него было странное имя — Вилем... Кажется, так?

— Верно. Ты буквально читаешь все мои мысли. Да, Вилем Пашич... Но почему же «было»? «Было» — очень нехороший симптом.

— Скверные предчувствия не обманули тебя. И довольно об этом.

— Продолжай! Хочу знать все о его таинственном исчезновении. Иначе я не поверю тебе. Слышишь, ты...

— ...Дорогая! Назови меня так хотя бы однажды,— раздается тихий и грустный смешок. — Какие вы странные, люди... Даже в объятиях Бездны вам обязательно нужно думать о ком-то другом.

И столько неподдельной тоски в этом признании, что где-то внутри все цепенеет от жалости. Удивительный голос. Голос сумеречного одиночества...

— Зачем тебе Вилем? Слышишь, я произношу это имя с презрением. Да, я ждала его, надеялась, но все понапрасну. Упрямец не желал познать беспредельность. И страшно наказан. Он спит и уже никогда не проснётся. Зачем тебе он? Ведь ты не знаешь его! Вы ни разу не были вместе, как ты и я, как ты со мной!..

— Видишь ли...— прерываю поток быстрых, горячечных слов.— У нас, у людей, довольно обширная география. Но мы научились крепко стоять друг за друга. Жизнь научила... Впрочем, для тебя все это — китайская грамота.

— Не к месту,— возражает голос.— Опять ты насмешлив, как прежде.

— Что не к месту?

— Китайская грамота. Все, что угодно, только не это. Я не впервые встречаюсь с людьми и могла бы похвастать знанием языков, о которых твои современники имеют очень смутное представление. Первые морепроходцы...

— О, я понял, довольно! От слов твоих веет ароматами кладбища.

— Но ты не обвиняешь меня?

— Нисколько. С точки зрения морского права твоя деятельность безупречна.

— Оставь иронию. Нам следует поговорить серьезно.

— Нонсенс!.. О чем серьезном можно говорить с тобой? Я не могу испытывать доверие к невидимому собеседнику. Даже с таким вот приятным и волнующим голосом.

— Ты ставишь условия? Впрочем...

Фраза незакончена. Молчание. За этой незаконченностью и молчанием чувствуется напряженная борьба непонятных мне решимости и опасений. С любопытством ожидаю финал.

— Впрочем, я не слишком упряма.

Ага, победила решимость.

Краешком глаза вижу: в стороне возникает темное вертикально-продолговатое пятно, окруженное призрачным сиянием. Где-то в отдалении начинают дробно бить барабаны — тягучий и однообразный ритм. Пятно растет, приближаясь, и теперь я могу разглядеть женскую фигуру, закутанную с головы до пят в черное, усеянное жемчужными брызгами покрывало.

— А вот и я,— говорит знакомый голос.— Ты удивлен? Ничего, это пройдет. Как тебе нравится мой туалет?

Удивлен! Мне кажется, это недостаточно точное слово для характеристики моего состояния.

Женщина в черном ждет ответа. Не вижу, но чувствую пристальный взгляд. Драгоценная ткань довольно прозрачна, и даже в тех местах, где она собирается в складки, просвечивает обнаженный торс весьма совершенных пропорций. Края покрывала у ног обрамляет черная пена тончайших кружев. Лица не видно под черной густой вуалью, но я не сомневаюсь, что оно прекрасно.

— Эффектно...— говорю, принужденный ответить.— Очень эффектно.— И неизвестно к чему добавляю: — Мария Кристина Гонсалес!..

— Ты забыл мое имя? — смеется.

— Нет, представь себе, помню. Бездна Пучина Кальмарес и Тьма... Кажется, так?

— Не совсем,— что-то лукавое слышится в этих словах.

Две лампады источают спокойный фосфорический свет. Одна из них голубая, другая — бледно-лиловая. Это светящиеся глубоководные медузы. Меня искушает желание видеть лицо незнакомки, но свет «лампад» недостаточно ярок, чтобы пройти сквозь вуаль.

— Не совсем! — повторяет она торжественным тоном.— К перечню моих имен ты забыл добавить собственную фамилию.

— Польщен, мадам, но вы меня, признаться, озадачили...

Из-под черного покрывала медленно высвобождаются великолепно изваянные женские руки. Ложатся мне на плечи. Обнимают за шею. Где-то рядом неистово бьют барабаны.

— Свадебные барабаны,— шепчет она.— Понимаешь?.. Ты мой!

Ощущаю трепет прильнувшего гибкого тела. Кружится голова. Кажется, я задыхаюсь!

— Оставьте, мадам! Все это вульгарно и глупо!

Пытаюсь стряхнуть с себя цепкие руки.

— Ты мой! — жарко шепчет в лицо через вуаль.— Мы связаны узами тайного брака. Обними же меня! Крепче, ну! Уйдут суета и тревога, остановится время. Во вселенной нет никого, кроме нас. Ты и я! И с нами полночь твоих желаний...

Прочь, все твои чары напрасны, я все равно не смогу быть с тобою, уйди!..

Объятия жарче, сильнее, шепот все ласковей и неразборчивей. Полночь ли, полдень, свет или тьма, добрая, слегка ошалевшая фея со мной или красивая ведьма, жив или мертв... Стоит ли думать об этом? Может быть, просто взглянуть ей в лицо и забыть обо всем? Взглянешь — и крышка. Камнем на дно, как другие...

Срываю вуаль. А-а-а! Страшная карнавальная маска, мертвые дыры глазниц.

И снова где-то внизу, в глубине, завывающий крик. Отчаянный, дикий и жуткий в своем одиночестве...

Я уже не корчусь в объятиях — мне все равно. И вовсе это не руки, а змеи. Страшная маска — сама по себе, змеи — отдельно. Их много, отвратительно толстых питонов, я в центре клубка. Маска, оскалив светящиеся зубы, плавает рядом. За ней волочится длинный светящийся хвост.

В голове вскипает знакомый стеклянный шум. И вдруг словно пелена падает с глаз: я вижу хрустальный колокол света от прожекторов Манты. Ощущаю встречный ток воды, удушье проходит. Значит, идет декомпрессия, или, попросту говоря, я поднимаюсь. Нет, не я поднимаюсь — меня поднимают. Выше и выше. Со скоростью света. Это, конечно, гипербола, но как выразиться иначе, если голубой карбункул батиметра на глазах становится изумрудно-зеленым? Со скоростью цвета? Пусть так, а вот с головой у меня, должно быть, не все еще в полном порядке, иначе бы я догадался, кто меня тащит. Нет сил шевельнуться.

Змеи, питоны... А раньше были женские руки. Смешно! Можешь смеяться, последний раз в своей жизни, потому что это не змеи, не руки — щупальца это, громадные щупальца в бородавках-присосках, каждая из которых величиной с добрый кулак. А сзади — громадная скользкая туша, оглянись и увидишь. Зачем? Знаю и так: я в лапах гиганта. Жалкий цыпленок в когтях у орла... Адиос амор [1], Бездна Пучинос и Тьма,— ты умеешь шутить, старая ведьма, умеешь, должен признаться... Ладно, прощаю, мужчины тоже умеют прощать...

Кристалл отливает зеленым сиянием. Потом постепенно желтеет. И вдруг — остановка: не чувствую тока воды. Все внутри холодеет: конец... Вижу затылком раскрывшийся клюв и нацеленный глаз. Примеряется, гад!.. Откусит голову?. Или сразу станет

[1] Адиос амор — прощай, любовь *(исп.)*.

терзать на куски? Лучше бы сначала голову: хрум, как орех, и жри...

Сдавленный кольцами щупалец, забываюсь в смертной тоске.

Сверху тихо и мягко опускается тайра. Поравнявшись со мной, подбирает края своей королевской мантии, втягивает тонкие щупальца внутрь полусферы. Королевский книксен... Спасибо, Ваше Величество, но я уже не верю в приметы. Ах, Вы пришли посмотреть, как палач приведет в исполнение приговор Бездны! Тысячу раз благодарен, Ваше присутствие скрасит несчастному страшную казнь... Чего же ты ждешь, многорукая тварь?!

Кракен словно раздумывал. Сплетал и расплетал кольца щупалец, трогал меня то одной «рукой», то другой, будто важно было знать ему: жив человек или мертв. Дотянуться бы мне до квантабера!.. Манта спокойно плавает рядом — ей плевать на хозяина. Что с ней? Почему не стреляет эта мнемотронная дура?

На меня с любопытством глядит безобразная маска. Та самая, которая так меня напугала. То, что мне показалось пустыми глазницами, на самом деле — большие глаза, обведенные светящимися кругами. Это какая-то рыба... Внезапно рядом с любопытной образиной появляется зверь пострашнее: рыба-труба. Не рыба, а плавающий мегафон с большим ярким голубым фонарем. Вот она, эта «фара», которая так меня обманула... Карнавальная маска откусывает хвост непрошенной гостье, величаво приближается к тайре. И гибнет, пораженная щупальцем, точно высоковольтным проводом. А я не хочу! Слышите вы, глупые твари,— я не хочу!!!

Мне удается вырвать руку с ножом из железных объятий. На, получай! Клинок уходит в упругую мякоть толстого щупальца. По рукоять. Кракен, кажется, вздрогнул. Я тоже вздрогнул, ожидая конца... Он медлит с расправой, удивленный, должно быть, неслыханной дерзостью. Что значит эта колючая игрушка против тонны чудовищных мускулов!

Пьянея от ярости, бью и кромсаю ножом резину кальмарьего мяса. Я знаю, что это конец, до обидного глупый, нелепый, мне страшно и жалко себя, однако выхода нет. А каждый удар лишь способен ускорить реакцию демона смерти, но я продолжаю рубить и колоть, без цели, без милосердия и без надежды. И вдруг — о чудо! — кольца разжимают объятия, щупальца оставляют меня и разбегаются в стороны. И вот мы друг перед другом, глаза в глаза. Я — маленькая разъяренная оса, готовая жалить, он — могучий многорукий дух из царства умопомрачительных кошмаров, ни на что другое, лишь на самого себя похожий, и с никому не известными замыслами в темном зверином мозгу. Рожденный сушей, замахнувшись ножом, с ужасом смотрит в черное око рожденного глубиной и видит — как это ни странно — выражение боли, упрека, испуга, и только... Иногда нечаянно подмеченный контраст ошеломляет так, как это бывает в минуту внезапного шока: зеркально

чистый, острый блеск стального клинка — и темный, таинственный глаз, в котором, однако, не видно ни злобы, ни даже ответной угрозы. Беги, ненормальный, ведь это последний твой шанс! Включаю плавник, ловлю замирающим сердцем момент избавления. Бегу со всей доступной мне скоростью, гонимый взглядом подводной химеры...

Одна рука вцепилась в трапецию, другая — срывает квантабер. Над головой — широкие крылья машины, створки кабины открыты,— надежно, как броневая плита. А руки дрожат. Сердце наполняет жестокая буйная радость. И гнев. Э-йе, десятирукая чернильница, теперь ты отведаешь луч!..

Уродливая голова спрута в перекрестке прицела. Щупальца — мощные корни какого-то странного дерева — шевелятся. Были грязно-зеленого цвета, становятся красными. Точно раскаленный металл. В центре — ощеренный клюв. И глаз. Немигающий, темный, живой. Смотрит... Опускаю квантабер. Я не могу в *это* стрелять...

Раскаленный металл остывает. И опять характерный для кракенов цвет — темно-зеленый. Значит, мой враг успокоился. Враг ли?.. Какого черта, стреляй!

Враг снова в прицеле. И снова краснеет. Постой-ка, дружок, ты, кажется, знаешь, что такое квантабер? А ну-ка, проверим еще...

Ствол вниз — грязно-зеленые корни. Ствол прямо — красный накал. Забавно, как в цирке! Кто-то всерьез занимался с тобой дрессировкой. И я, кажется, догадываюсь кто...

Послушай, образина, где твой укротитель? Жив или мертв?.. Молчишь? Быть может, ты его слопал? Нет, не похоже: с таким же успехом ты слопал бы и меня.

Я повесил квантабер на грудь, вцепился в трапецию и ультразвуком скомандовал Манте плыть на маяк.

ГЛИЭР И БЕНТАРКИ

Темно. Глаза различают только голубовато-призрачный овал акварина да горсть цветных огоньков на пульте бункерной коммутации.

Сняв кислородную маску, устало перешагиваю свещенную снизу закраину люка и ощупью направляюсь в глубь салона. Будто в лес ночной. Неожиданно спотыкаюсь о какое-то препятствие и, не удержав равновесия, падаю в темноту. Искросыпительный удар виском — об угол стола. Поминая чертову родню по шестое колено включительно, изучаю пальцами место ушиба. Потом ощупываю препятствие. Ноги!.. Безвольно вытянутые неподвижные ноги... Все внутри напрягается от предчувствия страшной беды.

Бросаюсь к пульту. Рубильник — рывком на себя до отказа. Вспыхнувший свет мгновенно возвращает утраченное было чувство реальности.

Болл лежит на полу, запрокинув голову в проем между ножками перевернутого кресла. Губы сомкнуты, на горле выпирает кадык. Разрываю свитер, чтобы выслушать сердце. Болл приподнимает голову и мычит что-то нечленораздельное. В нос ударяет тошнотворный ненавистный мне запах. Так, коллега тяжело, что называется, мертвецки пьян...

Я порылся в аптечке, зарядил пневмошприц и, с трудом преодолевая отвращение, бешенство, перевернул Болла спиной вверх. Вот уж никогда не думал, что здесь пригодится лекарство, нейтрализующее алкоголь! Быстро же мы обрастаем шерстью, господа...

Покончив с инъекциями, направляюсь в каюту Болла. Ударом ноги распахиваю дверь. Дверца шкафа открыта. На полке поблескивают три бутылки спиртного. В целлофановом кульке мелко наколотый сахар.

Бутылку за горлышко. Взмах... Осколки, груда осколков, лужа и этот проклятый запах.

Осколки последней бутылки сыплются на пол и, отзвенев свою стеклянную жалобу, замирают у ног, влажно поблескивая. Все... Владелец бара проснется начисто разоренным.

Вспышка гнева, совершенно обессилив меня, угасла.

Подхожу к столу и беру в руки то, что сначала показалось мне зеркалом. Это портрет. Превосходный фотопортрет молодой женщины, выполненный в технике гай-ки: темное, очевидно, загорелое лицо обрамлено волнами светлых, почти невидимых на снимке волос. Глаза глубокие, строгие.

Выходит, Болл не один...

Болл спал. Голая грудь мерно вздымалась. Я снял сиденье с кресла, положил под голову спящему. Не для него — плевать я на него хотел. Для той, которая на снимке.

У себя в каюте я запер дверь на внутренний замок. Постоял перед Царевной-Лебедем. Глаза большие, глубокие, и нет в них строгости. Скорее — печаль и детское любопытство. Я взял со стола нож, оставленный Пашичем, хотел обрезать провода переговорного устройства. Но не обрезал — вспомнил Дюмона.

Уснуть легче всего, если стараться некоторое время лежать неподвижно. Лежу, стараюсь. На столе — таблетки снотворного. Нельзя... Нужно уметь засыпать естественным образом. Даже в этой наглухо закупоренной консервной банке, называемой бункером. Консервированная тишина...

Мысленно пронзив потолок и толщу воды, я блаженно зажмурился. Потому что в безоблачной вышине, над безмятежно-голубой поверхностью океана, жарко горело полуденное солнце... С тех

пор как люди познали трехмерность планеты, проникли в недра ее и глубины, поверхность стала для них чем-то вроде Эдема. Там, наверху, всегда обязательно день, свежий ветер и солнце. Это просто необходимо, чтоб всегда обязательно солнце.

Внезапно, под действием какого-то внутреннего импульса, я широко открыл глаза и воззрился на холодно сияющий диск настольной лампы. Вот твое солнце, приятель. А на поверхности сейчас, наверное, ночь, завывающий ветер, шторм... Повернул голову и взглянул на часы, Да, ровно двадцать четыре. Полночь. «Полночь твоих желаний»... Хм, надо же было придумать!

И завертелась чудовищная карусель зеркал, отражающих куски сегодняшних событий. Напряглись усталые мышцы, лоб покрылся холодной испариной, участились дыхание, пульс. Мозг раскручивал карусель на повышенных оборотах. Словно мотор, в обмотке которого подано больше, чем надо, энергии. На таких оборотах запросто могут выйти из строя подшипники. Быть может, именно так и спятил Дюмон?..

Я сжал руками виски, громадным усилием воли заставил себя успокоиться. Видишь, все хорошо — удалось. Теперь попробуй уснуть. Ты должен уснуть, обязан. Не прибегая к снотворному.

И вдруг я понял, что эти мучения надолго. До тех пор, пока не домыслишь. Чего-то я не домыслил, не уловил, в водовороте недавних событий проглядел что-то важное... Важное ли? Появилась надежда: если решить, что неважное,— сразу уснешь. Только прямо и честно. Прямо и честно... Кретин!

Важно все: города светляков, стеклянный «реквием», Бездна, дрессированный кракен, пьяный Болл, фотопортрет, Царевна-Лебедь — множество мозаичных кусков одной грандиозной картины, которую я напрасно стараюсь втиснуть в какую-то рамку. Каждый кусок имеет свой звук, цвет, протяженность и запах. И если все обобщить, получается что-то большое, без рамок. И центр всего этого — я. А центр меня самого — мои неуемные мысли. Беспокойный пульс бытия... Я и не знал, что понятие «мысль» имеет массу синонимов.

Машина времени — очевидно, один из этих синонимов. Можно думать о прошлом, жить настоящим, грезить о будущем, можно порознь, а можно вместе, одновременно. Этим мозг человека отличен от мозга животного. Мозговая работа животных однозначна по времени — куцый мир, картина в рамках конкретной реальности данных мгновений. Человеку просторней: он живет тем, что было, что есть и что будет. Жить с этим порознь легко, но сразу в трех временах — дьявольски трудно. Я живу по крайней мере сразу в двух: в настоящем и прошлом. Увязать настоящее с прошлым, осмыслить результаты этой увязки — значит проведать о будущем.

Я побывал на «голубом этаже», слышал «реквием бездны», был на грани потери рассудка. Это прошлое. Однако я жив — настоящее. Своим спасением обязан кальмару — резюме, так сказать. Итак, в будущее проектируется кракен... Ну что ж, возьмем это за основу вполне вероятных прозрений.

Кракен мог меня растерзать. Не растерзал. Не причинил мне ни малейшего вреда, хотя свободно мог свернуть мне голову одним движением щупальца. Случайность? Допустим. Теперь другое: кракен знает, что такое ружье. Расскажи я об этом кому-нибудь из подводников, меня засмеют. Болл просто лопнет от хохота. Но факты неумолимы: кто-то очень прилежно занимался дрессировкой глубоководного примата. Видимо, Пашич... Да, но с какой стати? Хобби морского геолога? Научный эксперимент? Или озорное желание мистифицировать своего напарника? Если это мистификация, то она ему, надо признаться, удалась... «Скажите, Свен, Пашич способен на это? Ведь вы его хорошо знаете».— «Нет, не способен. Пашич был достаточно серьезным человеком, мистер Соболев». Н-да...

Помнится, я где-то читал, что какой-то чудак радист учил шимпанзе стучать на ключе. Обезьяна умела выстукивать целые фразы. Где гарантия, что Пашич не мог обучить тому же кальмара? Только фразы наоборот, шиворот-навыворот. Так оригинальнее. Для людей, разумеется. А для кальмара порядок знаков не имел никакого значения — лишь бы запомнил последовательность продолжительных и коротких нажатий... Изобретателен, черт!

Теперь проще простого объяснить круглую тень в акварине. С вырезом посередине. Вероятно, я видел одно из щупалец кракена, свернутое в кольцо. Да, размеры вполне соответствуют. О, бездна! Неужели я обо всем догадался? Слишком легко и просто, чтобы это могло быть правдой...

«В конце концов любая загадка объясняется просто». Очевидно, вы правы, мистер Болл. Я никогда не верил в простоту объяснений, грешен... Даже сейчас сомневаюсь.

Но тем не менее гипотеза, которая все хорошо объясняет, автоматически возводится в ранг стопроцентной теории. Теория всемогуща, как бог,— универсальный ключ к множеству секретных замков. Старина Савоаф тоже был чем-то вроде теории, универсальным ключом,— в оные времена завидно просто объяснялась даже вселенная. Мне предстоит объяснить куда более прозаические вещи. Например: почему не стреляла Манта?

Само собой разумеется, Пашич должен был как-то защитить от машины кальмара, с которым ему удалось подружиться. Дрессировкой здесь не поможешь, вопрос мог быть решен только техническим способом. «Органы чувств» машины хорошо мне знакомы. Во-первых, магнитный экстраполятор... Не в счет: кальмару при-

шлось бы таскать на себе электромагнит. Так же мало пригодны химический анализатор воды и устройство координации. Другое дело ультразвуковой приемник. Если «снабдить» кальмара миниатюрным передатчиком ультравысоких звуковых частот... В принципе это возможно, хотя и не просто. Погоди-ка, забыл радиометр... Ах, вот оно что!

Никуда не денешься, мистер Болл и мистер Соболев работают и думают все-таки сообща. Первым нащупал истину Болл — благодаря ему я узнал, что из атомного бункера кто-то извлек небольшое количество радиоактивного изотопа тория. И теперь я, кажется, догадался зачем... Мне следовало раньше посоветовать Боллу проанализировать с помощью Мурены программу активной обороны всех без исключения Мант, поискать изменения в этой программе. Я уверен, изменения были. Тогда, на карнизе центрального бункера, я стал свидетелем незавершенной атаки: локатор машины сразу «почувствовал» спрута, Манта пошла на сближение... и вдруг осечка, стрелять почему-то нельзя. Тогда я подумал, что Манта не трогает тех, кто уклоняется от поединка. И не подумал, что Манта — машина, в программе действий которой нет ничего от наших человеческих эмоций.

Стрелять было нельзя, потому что стрелять в помеченного радиацией спрута запрещала программа.

Когда я был схвачен кальмаром, стрелять тоже было нельзя. Значит, кальмар тот же самый — других Манта безжалостно уничтожала. Завтра надо взять радиометр и проверить эту догадку. Сегодня я просто не в состоянии заставить себя выйти в воду — я страшно устал. И не только физически.

...Мы с Мантой плыли в сторону маяка. Кальмар не желал отставать. Провожал нас до самой площадки. Он с чрезвычайной легкостью двигался в воде хвостом вперед. Словно ракета в безвоздушном пространстве. Или метла знаменитой бабы-яги. Я специально несколько раз менял направление, чтоб увидеть, как спрут поворачивает. Он выполнял повороты очень эффектно, отклоняя пучок щупалец в нужную сторону. Иногда он подплывал к нам подозрительно близко. Я готов был в любую секунду стрелять. Но кальмар не давал к этому повода. Во мне все более крепла уверенность: спрут знаком с человеком...

Если Пашич действительно мертв, мне неизбежно придется признать за кальмаром способность к художеству. Человекообразную обезьяну нетрудно заставить работать на каком-нибудь агрегате с несложным ручным управлением, но я никогда не читал и не слышал, чтобы низший примат был способен освоить хотя бы примитивную технику рисунка (не говоря уже о письме!). Правда, самые деятельные из них с удовольствием берутся малевать, но дальше абстрактных полос и пятен «творческие» возможности

дерзающих не простираются. Быть может, морские приматы, наоборот, феноменально талантливы? Как бы там ни было, загадочная надпись, внезапно возникшая на ржавом понтоне, заставляет думать, что натуралистам, вероятно, придется пересмотреть многие свои концепции относительно скрытых возможностей головного мозга гигантских цефалоподов [1].

Примерно такая же ситуация сложилась в недавнем прошлом, когда после тысячелетнего знакомства человека с дельфином вдруг выяснилось, что мы имеем дело с существом, способным сознательно имитировать голоса людей. Ученые были шокированы. «Кто ты, дельфос?» — вопрошали они и с непривычным для ученого мира смятением чувств величали дельфина «коллегой по совместным исследованиям». Загадка «морского сфинкса» взволновала умы. Армия исследователей тайн семейства дельфиновых стремительно пополнялась талантливыми и — что греха таить — бездарными экспериментаторами. Дельфин прошел по конвейеру человеческих рук. Они были разными, эти руки. Добрые, ласковые руки друзей; любопытные, умные руки ученых; грязные, жадные руки дельцов и преступные руки военных... Ну, и что ты теперь о нас думаешь, дельфос? Вероятно, что-нибудь не очень скверное. Мы ведь в конечном итоге сумели хорошенько дать по рукам представителям зла.

Что будешь думать о нас ты, гигант-архитевтис?.. Еще неизвестно. Мне стыдно оттого, что еще неизвестно. Люди пришли в океан под защитой стреляющих Мант и квантаберов. И надолго. Может быть, насовсем. Что сулят океанским глубинам пришельцы — мир или?.. Вот это «или» пугает. Проклятое «или» — отзвук трагедий всех континентов. Кроме Антарктиды, пожалуй. Пингвинов не тронули, им повезло — большое спасибо нам, человекам. Меньше везло бизонам, сайгакам, бескрылым птицам моа. Повезет ли гигантским кальмарам — неясно. Люди, будьте к ним милосердны!..

Побежденный усталостью, я наконец задремал.

Мне казалось, я совершенно не спал. Просто минутное забытье. Однако, очнувшись, я почувствовал какое-то странное облегчение. Взглянул на часы и не поверил глазам. Мое «забытье» длилось четыре часа! С хвостиком. Значит, все-таки, спал...

Мышцы все еще усталого тела протестуют против любого движения. Мозг обладает меньшей инерцией. Ему бывает достаточно доли секунды, чтобы слуховой и зрительный центры вновь обрели состояние высшей готовности.

Широко открытые глаза не уловили никаких изменений в окружающей обстановке. Кроме нового положения стрелок часов. Но уши отметили едва уловимое дополнение к той тишине, которая стала привычной в каюте, почти осязаемой. Что-то далекое, прият-

[1] Цефалоподы — головоногие *(греч.)*.

но знакомое и совершенно чуждое сиюминутному отрезку реальности... Память услужливо подсказала: это Глиэр.

Тишина — загадочная субстанция. Иногда она проделывает с человеком странные вещи. То кажется непомерно растянутой, необъятной, то спрессованной, сжатой до размеров бункерного пространства. Тишина способна обманывать. Вот и сейчас она притворилась концертом Глиэра для голоса с оркестром... Я жадно вслушиваюсь в переливы мелодии, хотя понимаю, что это обман, слуховая иллюзия.

Сама по себе иллюзия для меня значения не имела: в сурдокамерах [1], я знал это, вполне здоровым людям не раз доводилось «видеть» несуществующие предметы, «слышать» воображаемую музыку — специфические реакции человека на условия с ограниченным количеством внешних раздражителей. Один космонавт, например, во время испытания тишиной совершенно отчетливо «видел» гремучую змею, но, к счастью, понимал, что это нереально. Моя иллюзия, вероятно, вызвана едва уловимым на слух пением вентиляционной установки в соседней каюте: я с необыкновенной отчетливостью улавливал каждую музыкальную фразу. Сон наяву. Хорошо, что мне «приснился» Глиэр...

Люблю Глиэра. Он — один из немногих, кто умел создавать драгоценные сплавы чувства и музыки. И Чайковского тоже люблю, но по-другому. Чайковский слишком велик и необъятен, как необъятна Россия. Лиричен, да, но в широком смысле этого слова. Глиэр более «узок». В том понимании, которое определяет желание побыть одному. Или, сказать откровенно, вдвоем...

Это было давно... Впрочем, нет, совсем недавно — всего лишь два года назад. Тем, что мне довелось участвовать в работе международного конгресса океанологов в Санкт-Петербурге, я был обязан успехам нашей комплексной тихоокеанской экспедиции. Новые методы гидрофизических исследований... Доклад поручили сделать мне.

Из окна моего номера виднелся кусочек площади Космонавтов. Красивая площадь — великолепный монумент, зелень, фонтаны... Сегодня вторая половина дня свободна от заседаний, и я ломал голову над вопросом, как распределить свое время между тремя ответными визитами шведам, канадцам и англичанам. Кроме того, мне необходимо было встретиться с руководителем нашей гидрофизической секции Зенковским. Конец моим колебаниям положил Ваня Матвеев — ихтиолог, большой эрудит в вопросах прикладной гастрономии, весельчак и очень беспокойный сосед по номеру. Едва переступив порог, он скороговоркой сообщил, что минуту назад говорил по телефону с Зенковским.

---

[1] Сурдокамера — звуконепроницаемая камера.

— Он хочет тебя видеть немедленно. Предстоит какое-то там обсуждение. Старик настолько любезен, что послал за тобой...

— Дилижанс?

— Странно, но ты угадал. «Меркурий», желтенький такой. Через пять минут у подъезда.

Матвеев злорадно ухмыльнулся.

Я поправил галстук и сунул руку в рукав пиджака. Хотя бы и мотоцикл — какая собственно разница? В конце концов я не страдаю чрезмерной щепетильностью в выборе транспорта.

— Меня приглашают в институт бионетики,— тараторил Матвеев.— Хотел отказаться, но уж очень просили приехать. Как ты думаешь, зачем?

— Полагаю, очередная консультация о способах приготовления севрюги.

— Нет, кроме шуток? Администратор говорит, что звонили несколько раз. Последний звонок застал меня в вестибюле, голос женский и довольно приятный...

— Севрюга, брат, это вещь! Особенно заливная. Пока!

Я вышел из гостиницы и направился к автостоянке. Поискал глазами «Меркурий». Он уже здесь. Желтенький, с коляской. Коляска в царапинах, вмятина на боку. Хорошо еще, что цело ветровое стекло.

Водитель — насколько позволяла видеть его великолепная экипировка — молодой симпатичный парнишка. Сапоги, кожаный костюм на молниях, перчатки с крагами. И, разумеется, жесткий спортивный шлем, защитные очки в пол-лица. Затрещал мотор. Юнец сделал приветственный жест, указал на коляску и прощебетал что-то, упомянув Матвеева.

— Да, да, мне передали,— крикнул я и сунул ноги в коляску. Тесновато... Но ехать, видимо, недалеко. Я покровительственно шлепнул парнишку по кожаной спине:

— Пошел!

Мотоцикл рванулся с места. Скоро я убедился, что за рулем действительно первоклассный водитель. Мы пронеслись мимо новостроек северного района и вылетели на автостраду. Легкое недоумение. Старик Зенковский явно решил соригинальничать. Автострада уводила нас все дальше и дальше за город. Мелькали дорожные указатели с перечнем ближайших дачных поселков. Ладно, погода теплая, пропитаюсь озоном, а к шведам можно и завтра.

Столбик с отметкой «60 километров» заставил меня насторожиться. Куда же мы все-таки едем? Неужели в Приморск? Я довольно бесцеремонно толкнул водителя в бок и знаками попросил остановиться. Водитель отрицательно покачал головой и показал на солнце. Ага, времени маловато, спешит... Если и вправду нужно в Приморск, то зачем мотоцикл? На монорельсе я прикатил бы гораздо быстрее.

Наконец мы свернули направо и, разбрызгивая лужи, покатили по проселочной дороге. Совершенно пустынное место. Неужели Матвеев меня разыграл?.. Сегодня утром я нашел в столе кем-то забытый тюбик губной помады и употребил его на то, чтобы выкрасить диски матвеевской электробритвы «Массаж». Краска оказалась на редкость стойкой, ихтиолог долго не мог отмыть физиономию, и мы едва не опоздали к началу заседания... Нет-нет, он не стал бы мстить так жестоко, здесь явно замешан Зенковский.

Я тронул водителя за плечо и, рискуя повредить голосовые связки, осведомился, правильно ли мы едем. Юнец неопределенно махнул рукой. Это могло означать все, что угодно: скоро приедем, отстань от меня, сиди и не рыпайся...

Обширное озеро. Должно быть, холодное и глубокое. Красотища какая!.. Волшебный мир воды и неба, холмов, растений и воздуха. Я уже не жалею, что меня сюда занесло.

Мы нырнули в сырой и темный ельник, перемахнули через деревянный мост, под которым сердито шумела речушка, и неожиданно выехали к самому берегу озера.

У дощатого причала — небольшой катер. Выше по берегу — бревенчатый дом. Над крышей — антенна. Экзотика...

Мотоцикл остановился у крыльца, надоевшая трескотня умолкла, и я услышал ровный гул дизеля полевой электростанции. Все это, конечно, занятно, но я не вижу Зенковского.

— Уф...— с облегчением вздохнул водитель и звонким голосом сообщил: — Приехали!

— Отличная новость.— Я с удовольствием спрыгнул на твердую землю и стал разминать затекшие колени.— Весь вопрос в том, куда мы приехали? Может быть, ты объяснишь мне, стервец?

— Вы всегда так разговариваете с незнакомыми девушками?

Я обернулся... и впервые взглянул в эти серые и какие-то очень внимательные глаза. Стоял, как столб, глядел и неизвестно чему улыбался. Казалось, вся озерная голубизна вдруг хлынула в грудь и утопила сердце в водовороте радостного изумления... Пройдут года, мы станем ближе друг другу, роднее. Но я навсегда сохраню в себе это радостное изумление ею...

Я перевел взгляд на брошенные в коляску шлем и очки, под которыми раньше не сумел угадать светлые волосы незнакомки и ее необыкновенные глаза. Вспомнил злорадную ухмылку Матвеева.

— Мадемуазель,— сказал я,— мой вопрос отменяется. Мне теперь все равно, куда мы приехали. Простите, я не знал, что вы — девушка.

— Глупо,— сказала она.— Бездарный юмор, мсье Матвеев.

— Глупо,— со вздохом согласился я.— Мы совершенно не понимаем друг друга.

Она швырнула перчатки в коляску и вошла в дом. Я последовал

за ней. Хотя бы затем, чтобы объяснить, что я не Матвеев. На двери прибит кусочек картона, на котором мелким шрифтом начертана фраза: «НИИМБ, лаборатория самых туманных проблем».

В большой, уставленной какими-то приборами комнате — трое. Двое парней и девушка. Девушка в белом трико, парни в спортивных брюках. Один из них в майке, другой — без. Тот, который в майке, рыжеволос, как солнце; второй был мускулист, как Геракл. Все трое сидят на полу и молча разглядывают разобранный акваланг.

— Здравствуйте,— сказал я.

Три пары глаз. Самые любопытные у девушки в белом.

— Андрей,— ткнул Геракл себя в голую грудь. Указал на остальных: — Жора, Наташа. Но вы чертовски не вовремя... Присаживайтесь.

Забавно... Однако на меня уже никто не смотрел. Акваланг для них почему-то важнее. Я присел рядом с ними на корточки и стал ощупывать детали старенькой двухбаллонной «Ялты».

— Мембрана,— сказал я и вытер руки, испачканные смазкой.

— Труба? — спросил Андрей.

— Труба, конечно... Если нет запасной.

— Жора, если нет запасной...— Бицепсы Андрея угрожающе вздулись.

Жора тяжело вздохнул и подергал себя за вихор.

— У него нет запасной,— с тоской в голосе сообщила Наташа.— У него нет ничего запасного.

— А в чем, собственно, дело? — полюбопытствовал я.

— Расползаются...— тихо сказала Наташа.

Все трое повернули головы и как-то странно поглядели на дверь.

— Кто расползается?

— Бентарки,— нехотя ответил Андрей.

Я тоже взглянул в сторону двери.

— На дне,— пояснила Наташа.— Белковые дапиллаторы. Как голотурии, только большие. Солястер отключился, вот они и расползаются.

— Разберешься,— заверил меня Андрей.— Ты ихтиолог, тебе это будет легко. Бентарки выполняют функции голотурий. Только голотурии жрут для себя, а бентарки перерабатывают ил для других. Понял?

— Кое-что понял. Только я не ихтиолог и не Матвеев. Игорь Соболев, гидрофизик. Ошибка, так сказать. Маленькое недоразуменьице.

И снова три пары глаз. И самые любопытные у Наташи.

— Денек!..— процедил сквозь зубы Андрей.

Из соседней комнаты вышла моя похитительница. Сейчас она, как и Наташа, в белом трико.

— Ло, познакомься,— сказал Андрей, все еще сидя на корточках.— Соболев Игорь, гидрофизик.

На лице девушки отразилось понятное замешательство.

Андрей повернулся ко мне:

— Лотта Кером, научный сотрудник лаборатории молекулярного синтеза. Все мы тут научные сотрудники. М-да...

Молчание. Лотта продолжала смотреть на меня.

— Она не виновата,— сказал я.— Просто неблагоприятное стечение обстоятельств.

В серых глазах промелькнуло что-то похожее на благодарность.

— Я должна извиниться перед вами? — спросила она.

— Скорее наоборот. Это мне следует сделать попытку реабилитировать в ваших глазах моего незадачливого соседа по номеру.

— Хорошо, я постараюсь быть к нему снисходительной,— сказала она.

Ясно: ихтиологу пощады не будет.

— Денек! — повторил Андрей, поднимаясь во весь свой богатырский рост.— Ну, и что теперь? Вызывать вертолет? Выручайте, дескать, коллеги! Аквалангу труба, поднять солястер не можем! Расползаются!

— А если за кабель? — уныло предложил Жора.— Помаленечку, а?

— За кабель!..— тихо прорычал Андрей.

И Жорин огненный вихор поник.

Андрей показал глазами в сторону рации:

— Вызывайте Керома. Тупик.

Никто не двинулся с места.

— Шеф ответит: «Самое великое зло в науке — халатность и беспорядок»,— доверительно сообщила мне Наташа.— Те, кому доводится это услышать, некоторое время пребывают в состоянии невесомости.

Я представил себе Андрея в состоянии невесомости.

— Вот что, ребята... Можно без аквалангa,— сказал я.

— Можно,— мрачно согласился Андрей.— Если ты ныряльщик с Такароа или Мапуи.

Наташа рассеянно просвистела музыкальную фразу из «Искателей жемчуга».

— Тридцатиметровая глубина,— добавил Андрей.— Ясно?

— Ясно. Подыщите мне плавки.

— Пуп надорвешь.

— Мой пуп — мне и заботиться.

Андрей внимательно оглядел меня с головы до ног.

— Ладно,— сказал он.— Что тебе для этого нужно?

— Я говорил: элементарные плавки. Желательно моего размера. Да, и еще груз — ну, гирю, что ли. Там есть за что зацепиться?

— На солястере? Есть. Кольцо для крюка. А гирю найдем. Все?

— Нет. Когда вернусь — горячий чай. Теперь все.

— Девчонки, на вашей совести чай. Жора, на катер. Пошли...

Когда мы высадились на плот, солнце уже касалось верхушек елей на противоположном берегу.

Плот закреплен почти в центре озера четырьмя растяжками на якорях. Посредине плота — грубо обработанный круглый вырез.

— Нырять туда,— показал мне на вырез Андрей.— Приземлишься где-то рядом с солястером. Кольцо наверху. Зацепишь — хадж в честь тебя совершу. Босиком, до самой Медины.

— Ладно, не ной. Расправь лучше бухту как следует. Будешь травить эту вервь с малым запасом. Жора, плавки!

Я разделся. Плавки оказались малы. Было смешно и хотелось ругаться. А где-то там, на дне, расползались таинственные бентарки... Не доверяя Жоре, я сам обвязал гирю веревкой так, чтобы крюк болтался на конце с трехметровым запасом.

— Хватит? — спросил я Андрея.

— Вполне.

Я склонился над вырезом и пощупал воду рукой. Холодная, бр-р-р... В воде плавали какие-то белые пузырчатые комочки. Продукция бентарков, догадался я. Сильно вздохнул через нос, для вентиляции легких, незаметно взглянул на Андрея. Спросил:

— А что, ваш строгий шеф — отец Лотты?

— Д-да,— Андрей удивился.— Да. Но какое это имеет значение?

Он, видимо, взволнован предстоящим аттракционом.

Я опустил гирю за борт круглого выреза, взялся рукою за крюк и скомандовал:

— Приготовиться!.. Внимание!.. Але... оп!

Холодная вода ожгла, точно крапивой. Груз был слишком тяжел, и я погружался так быстро, что едва успевал совершать глотательные движения для компенсации нарастающего давления в ушах... Толчок — и я буквально воткнулся головой в холодный, мягкий ил.

Темно и страшно, как в глубоком колодце. В море немного приятней. Э, да что там, никакого сравнения!..

Копаюсь на дне, утопая руками в зыбкой массе мерзкого ила. Тут не то что солястер — затонувший корабль не найдешь... И вдруг руки натыкаются на какой-то странный удлиненный и теплый на ощупь предмет, покрытый мягкой щетиной. Предмет слегка шевелится, изгибаясь, точно громадная живая гусеница.

Я сразу понял, что это — биомашина, бентарк, но тем не менее отдернул руки и содрогнулся от отвращения. Сделал сильный боковой гребок. И налетел на солястер...

Вынырнул я неподалеку от плота, отдышался и скомандовал:

— Вира!

Пока я растирал тело мохнатым полотенцем, Андрей и Жора выбирали веревку. Наконец о настил плота брякнулась гиря и показался сам виновник сегодняшних треволнений. Красавец, ничего не скажешь, не зря дали имя «солястер» — действительно, формой похож на морскую звезду. Только весь черный, с глянцевым отливом. В воду свешивался кабель, который, как я догадывался, уходил по дну к самому домику.

Андрей быстро свинтил какую-то верхнюю пробку и, сунув мизинец в отверстие, ловко извлек тонкий блестящий цилиндр. На его место вставил другой, точно такой же, затянул пробку ключом. И минуту спустя солястер благополучно вернулся на дно.

Я застегнул запонки, подтянул галстук и, набросив на плечи пиджак, подсел к Андрею. Он тяжело дышал.

Некоторое время мы сидели молча. Смотрели в закатное небо, на пылающее зеркало воды. Рядом, на катере, пытаясь завести мотор, филином ухал несчастный Жорж. Мотор чихал, но заводиться, видимо, не собирался.

— Приедем — ужинать будем,— сказал Андрей и кивнул в сторону домика.— Издалека чую: девчата рыбу жарят.

Я рассмеялся.

— Между прочим, я без всякого юмора,— обиделся Андрей.

— Прости. Это я вспомнил один разговор. Севрюга... и пятоедесятое.

— Севрюга? — Андрей фыркнул.— Свежей форели поешь — севрюгу забудешь... Ну, и что там, на дне?

— Ничего. Ил, тьма кромешная. Бентарки твои ползают. Одного за щетину подергал.

Андрей вскочил как ужаленный.

— Врешь! — крикнул он, и я почуял неладное.

— Между прочим, без юмора. А в чем, собственно, дело?

— Ладно,— сказал Андрей, успокаиваясь.— Вижу, все обошлось. Я в том смысле, что совать пальцы в рот бентарку опасно. Забыл, понимаешь, сказать, вылетело из головы. Да я и не думал, что вам повезет там столкнуться рогами.

— Понимаю... Снимай башмаки и топай в Мединy.

Я тоже поднялся, надел пиджак и стал расчесывать мокрые волосы.

Андрей зачерпнул пригоршней воду, дал стечь ей сквозь пальцы и показал мне белый комочек.

— Не жрет, понимаешь?..

— Кто не жрет?

— Рыба не жрет. Мелочь пузатая... В аквариуме все было отлично: бентарки работали, гнали белок. Рыбам — корм, нам — пре-

миальные. Потом статья в академическом журнале, реклама до небес... Изобилие, дескать, промышленный потенциал! Ну, само собой, расширенный эксперимент, отдельная группа научных работников, благословение шефа и целый вагон пожеланий удачи. М-да... Третий день, как запустили бентарков вокруг солястера на полный цикл, и третий день ломаем головы: почему рыба шарахается от нашей продукции? В аквариуме были драки из-за каждой крошки, а здесь, видите ли, нос воротит.

— Может быть, исходное сырье другого качества?

— Ил? Тот же самый... Все то же самое, что было в аквариуме: ил, бентарки, солястер, рыбешка!

— Гм... Действительно, странно. Не знаю, что тебе и посоветовать... Видишь ли, я специалист совсем иного профиля.

Андрей посмотрел на меня с сожалением.

— Козьма Прутков любил говаривать: «Зри в корень». Так вот, разглядеть сей каверзный корень нам мешает наш целенаправленный мозг. Твой мозг работает в другом направлении. Вот и взгляни. Со стороны, говорят, виднее.

— Может быть, подвела технология?

— Нет, не то... Мы тысячу раз проводили структурный анализ белка. Разницы с тем, что в аквариуме, нет никакой... Эй, Жора, ты собираешься здесь ночевать?

— Горючее кончилось! — бодро откликнулся Жора.— Сейчас взгляну, есть ли в канистре.

Андрей шагнул в катер. Суденышко резко накренилось. Я с непонятной грустью глядел в сторону домика. Освещенные окна манили уютом. Я изрядно проголодался, и мне казалось, что я действительно чувствую запах жареной рыбы.

На катере раза два чихнул мотор.

— Приехали, паря,— послышался голос Андрея.— Сымай портки.

— Зачем?

— Парус ладить зачнем.

— А-а-а...— и Жора храбро рассмеялся.— Бесполезно, дуновения нету.

— Плюновение есть,— мрачно заметил Андрей. Загрохотала канистра.— Переливай все до капли. Не хватит — на буксире потащишь. Вплавь...

И еще мне казалось, что я вижу сквозь окна мелькание белых фигурок. Одна из них — та девушка, которую я видел сегодня на фоне озерной голубизны...

Сзади подошел Андрей, и я почувствовал запах бензина.

— Ло — надежная девушка,— сказал он.— Только вот трудная она какая-то...

Я промолчал.

— Впрочем, попробуй с ней подружиться, подводник.

— Это мое дело,— сказал я.— Только мое и ее.

— Правильно,— одобрил он.— Вот возьми мои телефоны. Институтский и домашний. В институт не звони — не отвечу. Дома отвечу, но редко бываю, даже старики обижаются. Ладно, захочешь — встретимся. Поехали, катер завелся.

...Мы с Лоттой катили по ночному шоссе в Санкт-Петербург. На том же «Меркурии». Только мы поменялись местами: я — за рулем, Лотта — в коляске. Я все не мог привыкнуть к мысли, что гонщик-юнец, над которым я потешался, и эта светловолосая девушка, которая так странно взволновала меня,— одно и то же существо. И может быть, почувствовав женским чутьем мое едва ли не наивное смятение, она поехала со мной не в кожаных доспехах гонщика, а в белом спортивном костюме, накинув на плечи плащ.

Я вел машину на малой скорости и с величайшей осторожностью. Словно боялся, что та, которую я так долго и трудно искал и нашел наконец, может подобно легкой гриновской Фрези Грант неожиданно сбросить темное свое покрывало и упорхнуть от меня в блуждающую неизвестность. И я останусь один на дороге, терзая себя бесполезной тоской по несбывшемуся...

Я остановился, чтобы протереть забрызганную на проселке фару. Мы разговорились.

— ...Да, вероятно, вы правы. Но Андрей, по-моему, упускает из виду то обстоятельство, что с изменением давления воды изменяется газовая насыщенность белка. Результаты структурного анализа гипнотизируют и, в конечном итоге, мешают понять, что здесь необходим анализ не только на молекулярном уровне...

Я проклинал себя, понимая, что болтаю что-то совершенно ненужное в эту теплую звездную ночь. И она понимала. Предупредив меня прикосновением руки, включила приемник.

— На ночь много нельзя о бентарках,— сказала она.— Могут присниться. Послушаем музыку. Это — Глиэр...

И она усилила громкость звучания.

Да, это Глиэр. Хорошо мне знакомый концерт для голоса с оркестром. Лотта заговорщически прошептала:

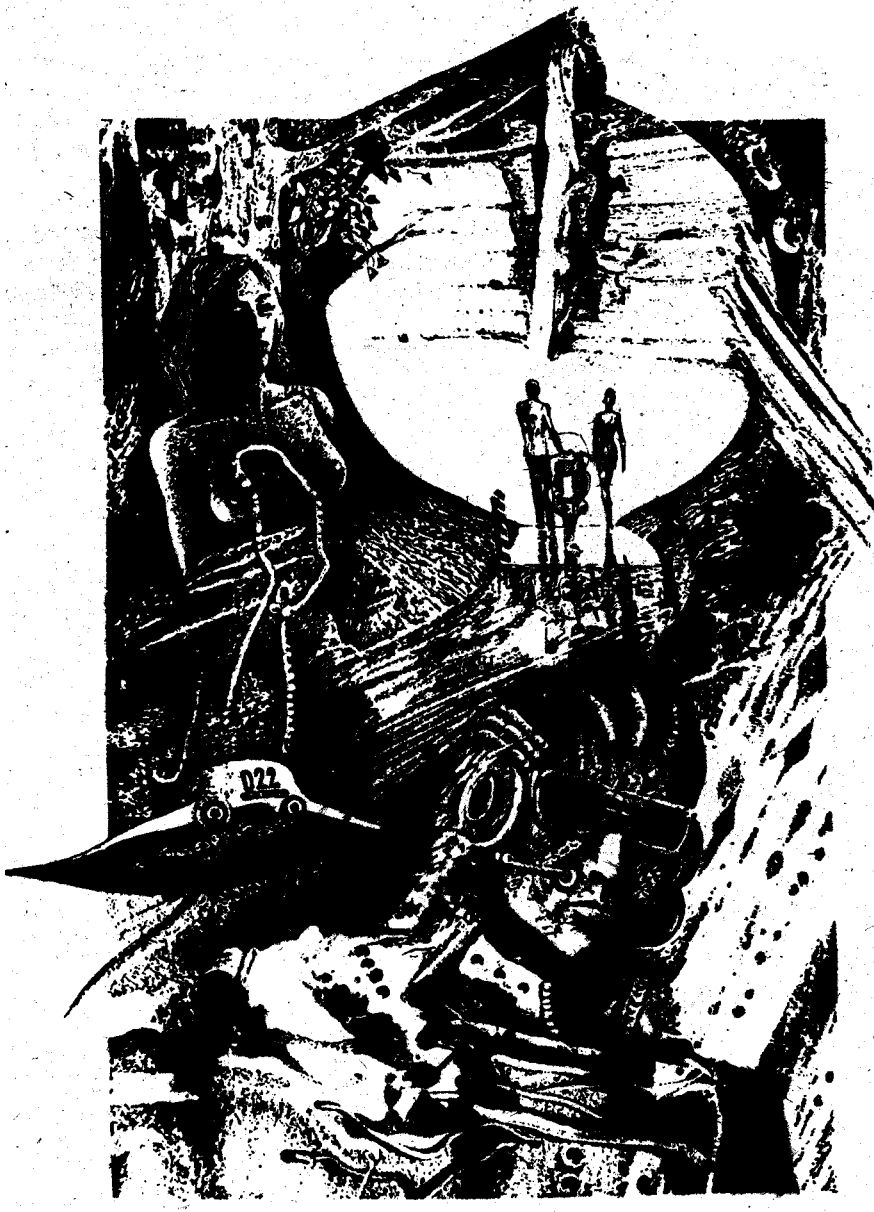
— Говорят, что, если слушать его в одиночестве или вдвоем, он звучит по-другому...

— Сейчас мы это проверим,— тоже шепотом ответил я.

И мы убедились. Для тех, кто делит одну бескрайнюю звездную ночь на двоих, Глиэр звучит по-другому...

Я был счастлив тогда, и не знал, что мне суждено будет слушать Глиэра в ночном одиночестве.

Я поднялся и вышел в салон. Болл куда-то исчез. Вероятно, перешел спать в каюту. Ладно, потом уточним. Я поставил кресло нормально и направился в рубку.

D22

— Я — «Бездна-1010», я — «Бездна-1010». МИО, «Колыбель», руководителю глубоководного сектора Леону Дуговскому. Десант на станции «Д-1010» продолжает работу. Прошу запросить все научно-исследовательские организации мира, имеющие отношение к любому виду работ на уровне высшего моделирования в области бионики и бионетики...»

Я отключил микрофон, проверил качество записи. Незнакомый голос в наушниках ясно и четко повторил только что продиктованный текст. Хорошо, автоматика третьего бункера действует безупречно. Я не знал, какова емкость записывающего устройства радиобуя, поэтому, прежде чем продолжить диктовку, постарался сложить текст в голове как можно более краткий.

«Содержание запроса: проводились ли за весь период деятельности вышеупомянутых организаций какие-либо эксперименты с гигантскими кальмарами рода архитевтис. И если проводились, то в какой именно форме и с каким результатом конкретно. Соболев, Болл. Конец передачи».

Я надавил клавиш «Всплытие РБ-Коралл» и отключил аппаратуру. Да, загадал я старику загадку. Не преждевременно ли? Вполне возможно, что преждевременно, но мне приходится идти на риск. Высшее моделирование... Эту гипотезу тоже нужно проверить... Хорошо, что мне «приснился» Глиэр.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ТАЛИСМАН

Дверь в каюту Болла оказалась незапертой.

Груда осколков и лужа, сильный запах спиртного, отчаянный вой вентиляторов. Тот самый вой, которому я был обязан своей музыкальной иллюзией. Автоматика бункера, растревоженная сигналами химических анализаторов, задала воздухообменным устройствам сумасшедшую работенку. Господам развлечение — слугам кручина.

Похоже, Болл сюда не заходил. Мне тоже здесь нечего делать. Уходя, возле двери я нажал зеленую кнопку. Маятником откачнулась заслонка, из санитарного шлюза одна за другой выползли три металлические черепахи. Механизмы-уборщики, деловито урча, выпивают лужу. Скрежещет стекло. Ненавижу скрежет стекла. Я прикрыл дверь и направился в душевую.

Включил холодную воду. Стоял под ледяными копьями струй, пока не замерз окончательно. Яростно тер полотенцем онемевшее тело. После холодной воды всегда ощущаешь здоровую твердость каждого мускула.

Вернувшись в салон, разогрел бульон и наполнил два термоса. Про запас. Открыл холодильник, извлек наугад какую-то банку.

На этикетке — монолит лимонного кекса, изображенный по всем правилам аксонометрии. Однако содержимое банки вызвало тоску. Ужасно хотелось пожевать чего-нибудь зубами. Я многое бы отдал за обыкновенный сухарь.

Покончив с едой, не торопясь убрал посуду. Я был чем-то легко и непонятно встревожен. И поэтому делал все нарочно медленно. Такое ощущение, будто я делаю все это машинально и мне нужно делать что-то совершенно другое, но что именно — не пойму. Вокруг меня будто бы образовалась какая-то странная пустота. Иллюзия глубокого вакуума, подумал я. И направился к пульту бункерной коммутации.

Болла нет ни в одном из других помещений станции. Эту новость я прочел по узорам желтых огней на приборных панелях. Все люнеты задраены наглухо, воздухообменные устройства там не работают. И я прекрасно знаю, что Болл не должен находиться в воде. В его состоянии это было бы равносильно самоубийству. Спирт на такой глубине — губительнее самого сильного яда.

Остается одно: мезоскаф...

Вот видишь, ты испугался. Пока эта мысль таилась где-то в глубинных сферах мышления, ты был встревожен, и только. Теперь же, когда подозрение четко оформилось, ты испугался по-настоящему... Говорят, акванавтам страх не знаком. Это неправда, знаком. И больше всего боятся они одиночества. Я тоже боялся остаться один. Но больше всего я боялся признать Болла трусом.

Я подошел к акварину и прижался лбом к поверхности прохладного стекла. В кристально чистой воде на фоне светло-коричневого холмистого однообразия порхала стайка черно-голубых изящных рыб с длинными плавниками.

— Он не мог этого сделать,— подумал я вслух.

— Мог,— прошептал за стеклом кто-то знакомый.

— Дюмон,— сказал я, разглядывая плавники изящных рыб.— Все мы люди, и всем нам иногда бывает страшно. Правда, с другой стороны, мы разные все по качеству нервной оснастки... Не знаю, какими нервами армирован Болл, но в том, что он честный малый, я не хочу сомневаться. Мезоскаф в ангаре, Дюмон.

— Не надо усложнять,— сказал Дюмон.— Не надо никого оправдывать. Страх — это пропасть. Над пропастью можно либо пройти, либо сорваться. Я тоже честно пытался пройти, но сорвался... Трудно держать равновесие там, где на каждый квадратный миллиметр твоих ощущений давят тысячи тонн холодной воды, а на каждый твой нерв приходится добрая сотня присосков чудовищных спрутов. И вовсе уж нельзя, невозможно держать равновесие, если в твой череп, словно змея, вползает цепочка немыслимых и нелогичных фактов, ключ к разгадке которых утерян. Потом — другая цепочка, бутылка виски, задраенный люк мезоскафа...

— Цепочка предательств,— подытожил я.— Да, наверное, все так и было... Но в одном ты прав: наша обстановка как-то уж очень располагает к панике. И мне труднее, чем вам. Чем Пашичу, Боллу, тебе. Потому что вам всем наплевать на странное слово «Аттол», даже прочитанное наоборот, мне... У меня...

Я плотнее прижался к стеклу. Кому нужна моя жалоба?

— Дюмон,— сказал я.— Для того, чтобы выяснить, где мезоскаф, мне нужно просто пойти и увидеть ангар своими глазами. Но я не пойду проверять. Потому что твердо уверен: мезоскаф там, на месте. Болл не мог, не имел права быть трусом.

Пол под ногами дрогнул. Бункер наполнился гулом: работали компрессорные установки. Я вздохнул с облегчением.

— Мезоскаф не всплывал, Дюмон. Болл возвращается в бункер.

Гул нарастал. Силуэты порхающих рыб с длинными плавниками исчезли. Я смотрел на опустевшее дно, пытаясь уразуметь, как и зачем проспиртованный Болл отважился выйти в воду. Еще меньше я понимал, как ему удалось оттуда вернуться... Конечно, я принял какие-то меры, но одной профилактической инъекции, право же, недостаточно. Ладно, главное — жив. Минут через восемь он будет здесь, и все объяснится.

Я поднял крышку люка и неторопливо зашагал по салону. От люка до пульта — шагов ровно шесть. На обратном пути я должен был сделать не меньше. Но сделал два... Над краем горловины люка я увидел черную лапу.

Это не лапа, это — рука. Между пальцами влажные перепонки. Пальцы судорожно ухватились за барьер, и на мгновение показался черный шар головы. Ворсистый с теслитовыми пузырьками глаз. Лязгнул металл, ствол квантабера вспыхнул удлиненным отблеском грани.

Я плохо соображал в эти секунды. Просто стоял и смотрел. Черные пальцы, царапнув барьер, соскользнули, закатился шар головы, гулко и страшно грохнули ступеньки трапа. Гремело все тише и тише, и, наконец,— мягкий, но слышный, с мокрым отшлепом удар. Все... Нет, не все, зазвенела струна, донесся ломкий треск, потом — замирающее шипение. Смолкло. Теперь все...

Два прыжка — и я у горловины люка. Нырнул. Завертелся штопором вокруг опорного стержня, спрыгнул на пол. Склонился над распростертым телом товарища.

Он лежал лицом вниз, уткнувшись в приклад дымящего паром квантабера. Огромный, черный, неподвижный. Кончик спинного плавника жалко обвис, правый ласт полуоторван. Странное морское существо, случайно извлеченное на палубу глубоководным тралом... Воздух пропитан запахом горелой краски: на дверце одного из сейфов — темный кратер от лучевого удара... Он стрелял, ему плохо. Ему очень плохо, раз он стрелял.

Рывком переворачиваю Болла на бок. Ч-черт, руку ожег о квантабер! Взваливаю тяжело обвисшее тело себе на плечо. Неудачно, головой вперед, и теперь мне мешает видеть плавник. Ладно, двигай быстрее!

Передвигаюсь почти вслепую. Зачем-то включился контакт плавника, и я получаю в лицо серию хлестких ударов. Не могу удержать трепещущий плавник одной рукой и, зверея, впиваюсь в упругую мякоть зубами. Губы и нос, разумеется, в кровь, на языке — соль и горечь с неожиданно крепким запахом моря.

После трудного спуска в батинтасовый зал выхожу, наконец, на «прямую». Бегом к барьеру круглого резервуара. Только бы не поскользнуться! Только бы не... Так я и знал!

Спотыкаюсь в полуметре от цели. Однако удачно. Переваливаю барьер и с шумным всплеском погружаюсь в мутные зеленоватые волны. Последняя затрещина от плавника.

Жидкость мгновенно вскипает, накручивая пенистые водовороты. Задыхаюсь от едкого запаха, чувствую, как на мне расползается одежда. Стараюсь держать Болла рядом — он скользкий. Все скользкое, все расползается мягкими комками слизи. Как я намерен отсюда вытаскивать Болла? Конечно, за пояс, как же еще. Руки в петли подъемника, глубже, под самые подмышки. Так, теперь за пояс и прямо в горячее облако душа. Это счастье, что пояс не растворим.

Большое, мертвенно-синее тело — страшно смотреть. Распято в «колесе обозрений», руки и ноги в пружинах,— тело убитого гладиатора. В каком это фильме? Не помню. Только и запомнилось: подвешенный вниз головой труп гладиатора — такое всегда впечатляет.

Скрипят и щелкают пружины, Болла трясет. Трясет беспощадно. Но я уже не смотрю — в лихорадочной спешке готовлю кислородный зонд. Нужна немедленная вентиляция легких, иначе — асфиксия, смерть...

Нажимаю педаль. Сверкающий обод «колеса» опрокидывается под раковину пневмостата. Стоп, что-то нужно еще... Ах, да! Срываю ласты с неподвижных ног. Пояс срезаю ножом. Тем же ножом разжимаю плотно сжатые челюсти. Зонд!.. Мягкий, очень мягкий, плохо идет. Легче в движениях, легче! Как говорил наш одесский инструктор — «не применяйте грубую силу!» Когда учили, был манекен. «Это чтоб меньше эмоций,— ухмылялся инструктор.— Чем меньше эмоций, тем больше гарантий, что руки сами сделают все быстро и правильно. Если, конечно, придется». Вот и пришлось... Насчет «эмоций» — это вранье, но руки, действительно, действуют сами, легко и проворно, так, как учили. Готово, можно включать!..

Первый принудительный вздох. Шипит кислород. Голая грудь под прозрачными стенками раковины вздымается и опадает. Разме-

ренно, как при естественном дыхании. На приборной шкале в такт маятникообразным движениям качалки меняют друг друга какие-то надписи. Что за слова — отсюда не видно. Должно быть, названия каждого такта: давление, атмосфера и вакуум.

Давление — атмосфера — вакуум... А мне кажется: смерть — равновесие — жизнь, смерть — равновесие — жизнь... Где остановится чаша весов?.. Нарастает тревога. Спокойней, с асфиксией можно бороться. Если это только асфиксия...

Включен ингалятор. В кислородный канал поступает аэрозоль сильно действующего лекарственного вещества. Его назначение — стимулировать работу сердечной мышцы. Самое трудное — ждать.

Проходит минута. Жду. Синеватые веки, щелки чуть приоткрытых глаз. В щелках — фарфоровый блеск неподвижных белков. Смерть — равновесие — жизнь, смерть — равновесие...

Я делал все, как нас учили — зонд, кислород, пневмостат, ингалятор... Наверное, плохо учили. Вторая минута уже на исходе, и я не знаю, что еще сделать. Мне нужно куда-то бежать, что-то искать, принести, на что-то решиться!.. Куда? Что? И на что? Мысли путаются, ноги слабеют, я не в силах тронуться с места. Впервые в жизни пожалел, что я не животное. Хотелось сесть на задние лапы и взвыть по-волчьи, жалобно и протяжно...

Стоп! Кажется, выть не придется!..

Я пропустил момент, когда Болл изменился. Минуту назад он был какой-то весь темный и деревянный, напоминал мертвеца. Сейчас он походит на спящего, расслабился, порозовел. Веки сомкнулись, белков не видно. Все правильно, все так и надо! Теперь я знаю, что делать.

Дрожащими руками удаляю зонд. Сейчас вполне достаточно обыкновенной маски. Откуда-то со стороны доносится громкий всплеск. Странно, что это там?.. Я уже, кажется, слышал какие-то всплески, но поглядеть не удосужился. Ладно, все другое потом... Выключаю приборы. Дыхание самостоятельное, пульс близок к норме. Укрепляю маску, осторожно перекладываю Болла на пол. Дрожь в руках почему-то трудно унять. Ничего, это пройдет, просто я перенервничал.

Я сполоснул лицо холодной водой. Саднили губы и нос. Кроме того, я испытывал странное неудобство, словно чего-то мне не хватало. Не сразу понял чего, и несколько секунд усиленно соображал. Наконец, догадался: одежды. Я был гол, как Адам, если не считать лохмотьев, которые остались от ботинок.

Надел халат и подошел к Боллу. Взвалить его на себя оказалось делом нелегким. Взвалил. Неудачно — ногами вперед, и теперь мне не видно, как держится маска. Пощупал — отлично, на месте. Поехали!.. Опять что-то шумно всплеснуло. Я повернулся к большому бассейну. И чуть не уронил Болла...

Я побежал. Бежал в сторону люка, не чувствуя тяжести ноши, не чувствуя вообще ничего, кроме безумного желания быстрее, как можно быстрее влететь в дверь. Взбежал по трапу. Дверь автоматически открылась. Потом автоматически закрылась. Но я уже падал на плиты круглого зала. Вместе со мной падал Болл.

Я приподнялся на руках и сел. Болл тоже сел. Сорвал маску, потрогал затылок.

— Будет громадная шишка,— сообщил он и закашлялся.

Я посмотрел на овальную дверь. Потом на Болла.

— Грэг, ради бога...— начал было он и осекся.

Это он увидел мои глаза.

Я оставил Болла в каюте, вышел в салон. Быстро переоделся и направился в рубку. Сел за пульт. Представил себе, как сейчас эта тварь копошится в бассейне, и вздрогнул.

Что же в конце концов происходит? Здесь — кальмар, там — кальмар. Куда ни повернись — кальмар. Умный кальмар, знающий азбуку Морзе и русский алфавит. Его, кальмара, не трогают Манты. Он любит глазеть в акварин, плавать рядом с людьми, он боится квантабера, но не боится проникнуть в бассейн батинтаса. Остается махнуть рукой на условности и пригласить кальмара в салон. А потом познакомить кальмара с Дуговским.

Есть другой вариант: взять квантабер и разом покончить со всеми загадками. Пока кракен в ловушке. Ну почему я не убил его раньше!

Я включил панель дистанционного управления и надавил розовый клавиш. Пол под ногами содрогнулся от гула. Гуд бай, десятирукий гость. Я не умею разгадывать загадки с помощью квантабера. Да и желания нет.

Я спустился в салон и взял термос. Для Болла. С термосом подошел к акварину, взглянуть. В воде у четвертого бункера плавали Манты. Друг за другом по кругу. Все три. Я задержался.

Кракен выплыл хвостом вперед, кирпично-красный, похожий на большую ржавую торпеду странной конструкции. Я следил за поведением Мант. Если кракен не тот...

Кракен был тот. Манты прошли над ним без единого выстрела и спокойно вернулись к четверке.

А если начать с того, что я ошибаюсь? Напрасно приписываю кракену то, чем он не обладает? Да, но кому-то надо приписывать. Сначала я думал, что все это — фокусы Пашича. Правильно думал. Эти события можно рассматривать только в связи с разумной деятельностью человека. Или неразумной — не важно. Важен сам принцип: участие человека. Пусть даже Пашич погиб, этот принцип остается фундаментом, на котором нужно строить все остальное. Заподозрив спрута, я начал строительство с крыши. Но крыша должна на чем-то держаться. А стен мы не видим. Бьемся об них,

как слепые, а видеть — не видим. Дюмон разбил себе лоб и не увидел. Только Пашич, мне кажется, что-то нащупал. Во всяком случае, он догадался, узнал, где искать начало клубка. Запросить агентство... морских перевозок, что ли?.. Зато окончание последней записи Пашича я представляю себе достаточно ясно: *«не могу в это поверить, но других объяснений нет!»*. Он не мог в это поверить. Так же, как теперь не могу в это поверить и я. А других объяснений действительно нет. Сжимая термос в руках, я стоял и бесцельно глядел в акварин. Кракен уплыл, растворился в окружающей тьме. Манты лениво и плавно ходили по кругу. Вот так и мысли мои — по кругу...

Никуда не денешься, приходится признать, что наш кальмар — творение рук человеческих. Не весь , конечно, потому что хроматофоры [1], кожная слизь, чернила, глаза... особенно глаза, вернее, их выражение...— невозможно было бы наделить всем этим биомашину. И, главное, незачем. Проще вмешаться в работу мозга спрута. Повлиять, перестроить, запрограммировать. Любопытно, как у него там устроена вся эта музыка?.. А если никак? Если кальмар настоящий от кончиков щупалец и до синапсов [2]? Ну, скажем, вполне естественный продукт какой-нибудь там аномально-спорадической мутации?.. Чепуха, внезапным наследственным изменением свойств мозгового аппарата нашего головоногого приятеля нельзя ничего объяснить. Точка. Участие человека — вот единственно верная формула, стержень, фундамент. Мы наблюдаем результат какого-то чудовищного эксперимента из области молекулярной бионетики. Объект эксперимента — мозг спрута. Или мозг для спрута, еще не знаю... Надо думать, одному мне этого и не понять. Здесь нужен специалист-бионетик. Я правильно сделал, что отправил запрос. Будем думать, что правильно...

— Я думал, ты вышел в воду,— сказал Болл, как только я появился в каюте.

Болл полулежал, откинувшись на подушки. Даже успел одеться. Я отдал ему термос, сел рядом на край дивана. Болл отвинтил крышку и жадно прильнул к соску.

— Грэг, зачем работал батинтас? — спросил он в перерыве между глотками.

В каюте чисто. Запах какого-то цветочного экстракта. Очень легкомысленный запах. По-моему, жасмин.

— Пришлось смыть то, что ты приволок за собой из воды.

Судя по его заинтересованному взгляду, он ровно ничего не помнил. Ладно, пусть сначала поест.

---

[1] Хроматофоры — особые клетки в коже спрутов, содержащие пигмент. Благодаря этим клеткам спруты обладают способностью, подобно хамелеонам, изменять окраску тела.

[2] Синапсы — области соприкосновения разветвлений отростков нервных клеток.

Я кивнул на фотопортрет и спросил:

— Это кто?

— Барбара,— ответил он и бросил есть.

— Жена?

— Нет... Еще нет. Десять лет ни да, ни нет.

Мы помолчали. Болл поставил термос на стол. Понизив голос, сказал:

— Актриса!..

Странная интонация. Не то наигранный восторг, не то досада. Скорее всего и то и другое вместе. Может быть, он приглашает меня порыться в памяти? Рыться в памяти почему-то не хотелось, и я осторожно спросил:

— Голливуд?

— Бродвей,— ответил Болл и добавил: — Театр. Какого-то там нового направления... Красивая, верно?

— Красивая,— ответил я. В равной степени это могло быть и правдой и ложью.

Болл помрачнел и потянулся за термосом.

— Десять лет, Грэг. Иногда бывает невыносимо трудно. Хоть в петлю...

— Мне тоже, Свен. Иногда.

— Скажи мне откровенно, Грэг, ты... ты очень несчастлив?

— Очень,— сказал я откровенно.

Болл быстро взглянул на меня и некоторое время молча тянул бульон. Потом заговорил:

— Было время, коллега, я тоже хотел застрелиться.

Он тоже!

— Мысль о самоубийстве казалась мне чрезвычайно заманчивой... Пережили, как видишь. Мне в голову пришла другая мысль: человек именно для того и создан, чтобы жить.

Бодрая мысль, подумал я. Ну, ну...

— Сотни тысяч, миллионы поколений наших предков жили и умирали для того, чтобы мы с тобою, Грэг, стали такими, какие мы есть. И мы не имеем права уходить из жизни просто так, ничего не оставив потомкам. Мы в ответе за будущее. Мы — предтеча будущего. Мы должны понять, наконец, какое бремя ответственности несем за тех, кто будет после нас. И от того, как живем мы, зависит то, как будут жить они...

— Зачем ты вышел в воду до моего возвращения? — спросил я.— Да еще в таком состоянии?

— Ты не вернулся,— ответил Болл. И заметив мое недоумение, добавил: — Ты не сумел уложиться в двадцатичасовой срок.

— Неправда. Я вернулся на два часа раньше, чем обещал.

Болл удивился.

— Точнее? — спросил он.— В котором часу?

— В двадцать три пятнадцать.

— Сегодняшней ночью?

— Ну, разумеется! Что за вопрос!

— В этом все дело, Грэг...— Болл взглянул на часы, осторожно потрогал затылок, спросил: — А где ты, извиняюсь, был вчера?

— Не понимаю...

— Я тоже... Грэг, давай разберемся. Какое сегодня число?

— Двадцать девя... То есть уже утро тридцатого.

— Тридцать первое, Грэг!

— Тридцать... Что?!

Я привстал и впился глазами в циферблат хронометра. В календарном окошке красовалась цифра «31». Я произвел в уме несложный расчет, и мне стало ясно, что я невзначай потерял где-то целые сутки! Если, конечно, хронометр не врет.

— Хронометр не врет,— сказал Болл.— Можешь сравнить его показания с календарной шкалой на пульте «Мурены».

Я сел и задумался. Странно, каким это образом мне удалось заблудиться во времени? Непостижимо! Хотя...

— Свен, я слышал «реквием бездны».

Болл вздрогнул.

— Вот оно что...— тихо сказал он и нахмурился.

— Свен, я наткнулся на кирку, нашел украденные ружья. Кирка была рядом с ружьями. Понимаешь? Либо — Пашич, либо — тупик. Сейчас я так не думаю, но тогда у меня не было другого выбора... Увлекшись поиском, я забрался в «подвал». И мне показалось, что там, в глубине, мигает фара. Вспыхивает, гаснет, опять зажигается... Я пошел вниз и «сорвался». Глупо, конечно, никого там не было. Кроме полипуса [1] и двух светящихся медуз. Зато потеряны целые сутки, хотя мне казалось, что я пробыл на «голубом этаже» не более часа. Вот такая история...

— А для меня твой «час» длился целую вечность...— Болл опять потрогал затылок, спросил: — Где ты встретил меня?

— В салоне.

— В салоне?!

— Да. Ты сам пришел из воды. Появился из люка как был: в оболочке, с квантабером в руках. Потом пересчитал ступеньки трапа сверху вниз и открыл стрельбу в круглом зале.

— Черт! — изумился Болл.— И ты... меня...

— Ну, конечно. Пневмостат, ингалятор... Как себя чувствуешь?

Болле не ответил. Понурившись, думал о чем-то.

— Грэг,— сказал он.— Я нашел твою записку и сразу занялся делом. Решил запустить агрегаты. Я дал на площадку сигнал опасности на случай, если ты окажешься там. Все шло превосходно.

---

[1] Полипус — головоногий моллюск *(греч.)*.

Андробаты поставили ланжекторные замки, сменили муфты уплотнителей в обоймах. Потом началось...

— Знаю. Смотрел твои графики. А что на экранах?

Болл помедлил с ответом.

— Тучи кальмаров, Грэг. Я никогда и ничего подобного не видел!

— Большие?

— Большие. Но дело не в этом. Один из них примерно таких же габаритов, как тот — помнишь? — который смотрел в аквариум. На экране я видел только участок площадки, но я уверен, что замки снимает именно этот кальмар.

— Ну и что?

— То есть как «ну и что»?! — опешил Болл.— Снять замок нужно уметь!

Замок, подумал я. Что такое замок для этого кракена.

— Рассказывай, Свен. Рассказывай, как было дальше?

— Дальше? — переспросил Болл.— Дальше... Гм, я нашел в своей каюте виски. Вероятно, Дюмон... Но, как бы там ни было, это показалось мне кстати. Потом... Потом истекли твои «двадцать» часов. Сначала я не очень волновался. Ну, думаю, задержался в воде, мало ли что... Даже вздремнул. Проснулся от стука.

— Какого стука?

Болл указал на потолок.

— Но тогда мы слушали это вдвоем... Я решил выйти в воду, проверить. Ничего особенного я не заметил, вернулся в бункер и...— Он замялся.

— ...Продолжал наполнять себя виски,— закончил я за него.

— Да, Грэг, шел двенадцатый час с того времени, когда ты должен был вернуться. Постепенно мной завладело подозрение, что ты уже никогда не вернешься... И опять этот проклятый загадочный стук! Дурацкая ситуация, думал я под звон потолочных ударов, начинаем искать сами себя. Я с ужасом смотрел на динамики, зная, что они в любую минуту могут выдать очередную порцию телеграфной абракадабры. Самое скверное то, что я был один, и я бы сошел с ума, если бы не был чудовищно пьян... Не помню, сколько времени я пролежал в забытьи. Очнувшись, сделал себе инъекцию и выскочил в воду. Куда ты уплыл — неизвестно, поэтому мне было все равно, в какую сторону отправиться на поиски. И я решил сначала осмотреть площадку. До площадки не доплыл. Не помню, когда я потерял сознание, ничего не помню. И не понимаю, как мне удалось вернуться...

— Это я тебе объясню. Ты в состоянии идти?

— Почему бы нет?! — воскликнул Болл и поднялся.— Но куда?

— В батинтас.

Он вскинул бровь:

— Ну, если так нужно...

Мы стояли у барьера большого бассейна и молча разглядывали кривую белую жирную надпись на темно-синей стене. Кое-где еще виднелись длинные полосы непросохшей слизи.

— Зачем ты его выпустил? — спросил, наконец, Болл.

— А что я должен был делать?

— Н-да... Любопытно, чем он писал?

Я показал на белый обломок на дне:

— Вон, видишь, у самой стены.

Болл разделся, взмахнул руками и нырнул в воду. Было видно, как он опустился на дно, подхватил обломок и стал всплывать. Поверхность воды взволновалась кругами, бросая на дно зыбкие кольца преломленного света.

— Такой же,— сказал Болл, протягивая мне подводный трофей.— Точно такой же, как в коллекции Пашича. Известняк, очень мягкий, можно писать.

Болл сполоснулся под душем, оделся.

— Грэг,— сказал он.— Я и не подозревал, что Пашич был великолепным дрессировщиком. Но факты налицо. Этот десятирукий артист заслуживает того, чтобы мы познакомились с ним поближе. Часа через два я буду вполне подготовлен для выхода в воду, и мы вдвоем проверим твое предположение по поводу радиоактивной защиты кальмара... Кстати, это не ты обронил?

Я обернулся. Болл протягивал мне на ладони блестящий комочек.

— Что там?

— Какой-то кусок оплавленной пластмассы.— Болл улыбнулся.— Я было подумал, что это — твой амулет. Наш брат любит играть во всякие там талисманы. И у меня есть такая игрушка. Помнишь синюю бусину?

Да, я вспомнил... Этот завернутый в бумагу комочек я нашел на столе Пашича. Помню, хотел его выбросить, но машинально сунул в карман. Сам не знаю зачем.

— Где ты его подобрал?

— Он застрял в одной из ячеек настила под душем.

— А-а... Это когда я «купался» с тобой в растворителе. Вода смыла остатки одежды, а для этой штуковины ячейки под душем оказались малы... Можешь выбросить, я не суеверен. Хотя, погоди... Ты не мог бы определить, в каких приборах или изделиях употребляется этот пластик?

Болл повертел комочек в пальцах, попробовал на зуб, пожал плечами.

— Довольно тверд...— пробормотал он.— Может быть, эта пластмасса и употребляется в каких-то приборах, но я не могу вспомнить, в каких именно. А то, что она идет на изготовление

блистеров и окон для эйратеров, это, пожалуй, можно сказать более уверенно... Но что с тобой, Грэг? Ты побелел...

Да, я был потрясен! Потому что в голове у меня как-то вдруг легко и неожиданно прояснилось. Запросить агентство воздушных сообщений!.. Эйратер!.. га... Вероятно, часть от названия стратосферного корабля. Не могу поверить, но других объяснений нет!

— Дай сюда,— прошептал я и забрал у Болла блестящий комочек.— Свен, ты знаешь, что это такое?

Болл растерянно молчал.

— Это брешь! — выкрикнул я.—Брешь в стене! О которую мы столько времени напрасно бились лбами. Это наш с тобой талисман! Вот что это такое...

— Грэг, я не совсем понимаю...

— Ты все поймешь, Свен, ты обязательно поймешь, я расскажу. Но сейчас иди и готовь батиальную карту!. Срочно, немедленно! Прошу тебя, Свен!..

Болл, вероятно, напуганный моим необычайным возбуждением, торопливо покинул батинтас. Я поднял белый обломок, размахнулся и зашвырнул его обратно в воду. Обломок плюхнулся у противоположной стенки бассейна, окатив брызгами надпись, которую нам оставил кальмар. Буквы, корявые, разные по величине и наклону, да еще в зеркальном начертании. Болл так и не понял, что здесь написано. И я сначала не понял. Потому что буквы, вдобавок ко всему, латинские. Однако, если внимательней приглядеться, то и без зеркала можно разобрать слово «Sapiens». «Мыслящий»... Я прочел это, когда Болл нырял за обломком.

ЭТОГО НЕ ПРОЩАЮТ, ДЮМОН!

Отраженным светом лоснятся бока аквалюмов. Свет переменчив по яркости и направлению, будто источники его установлены в огромных качелях. Лучи покачиваются вправо и влево, вверх и вниз. И так же покорно и плавно меняют свою геометрию тени. Это покачиваются на шарнирах круглые «головы» прожекторов, точно игрушки-болванчики: одни согласно кивают «да-да-да», другие все отрицают «нет-нет». И тени, гонимые светом, не могут найти себе места: то расправляют длинные крылья, то прижимают их к гладким телам аквалюмов. Свет окаймляет раструбы верхнего ряда машин снежно-белой каемкой, по контуру.

Я помигал фарой Боллу. Болл помигал фарой мне. И я вдруг подумал, что дороги наших подводных поисков, куда бы в конечном итоге они ни вели, всякий раз неизменно проходят через площадку. Жабры — жабрами, плавники — плавниками, но все-таки мы больше люди, чем рыбы...

Манты стоят неподвижно, против течения. Только вибрируют их плавники. Вспыхивая в лучах прожекторов, мимо плывут светлые точки — хлопья взвешенного ила. Течение мощно и плавно несет свои бесконечные миллионы кубометров воды. Это сырье, это дейтерий и тритий — это энергия... Кубометры сырья без пользы проходят внутри аквалюмов, раструбы-рты разверзнуты в равнодушном зевке, агрегаты бездействуют. Мертвая техника... Здесь, в окружении техники (пусть даже мертвой), мы чувствуем себя уверенней. По крайней мере вокруг не шершавые темные скалы, а гладкий, приятный на ощупь металл. И богатырские фигуры андробатов. Они бредут к аквалюмам в развалку, раздвигая воду плечом — такие похожие на людей в жестких скафандрах,— о, если бы это были люди!..

Рядом со мной на трапеции белеет матовый шар радиометра. Время от времени зачем-то трогаю его рукой. А Болл все время поправляет висящий на груди квантабер. Должно быть, немного нервничает... Мы первый раз в воде по-настоящему вместе, и я незаметно наблюдаю за ним. Он, конечно, чувствует это и потихоньку наблюдает за мной. И в этом нет ничего предосудительного, если не считать предосудительным любопытство.

Колеблются тени и свет. Я смотрю на закраину ближайшего раструба, и мне видится там что-то чуждое техническому пейзажу. Толком разглядеть это «что-то» не удается: оно выползает, когда сгущаются тени, и исчезает, едва успевает к нему приблизиться луч. Странная закономерность... Выхватываю нож, отпускаю трапецию и, включив плавник, устремляюсь к машине.

Ток воды мягко, однако настойчиво прижимает меня к стенке громадного раструба. Я с опаской заглядываю внутрь. Тронутый лучом, вспыхивает кончик бивня струйного рассекателя. Затем вижу: из глубины темного кратера поднимается грозное щупальце. Изумленный, смотрю, как оно, напряженно покачиваясь, тянется ближе и ближе... и вдруг, коснувшись луча моей фары, ускользает во тьму.

Я знал, что головоногим свойственно занимать под жилье любые брошенные под водой резервуары. Квартирный кризис, так сказать. Но чтобы спрут поселился в машине, которая во время работы гудит и вибрирует!.. Есть вещи трудно вообразимые, и это, кажется, одна из них.

Свешиваюсь через закраину раструба. Луч уходит во мрак, и внезапно полость огромной полированной чаши озаряется яркими полукружьями отблесков.

Кальмар хорошо освещен. Он покраснел, но не шевелится. Чудовищный глаз — добрых полметра в диаметре — глядит по-звериному дико, испуганно. Не глаз, а большой рубиново-красный фонарь — так странно преломляется луч где-то на дне кальмарьего

глазного яблока. Толстое и бугристое, как старая лиана, щупальце обвито вокруг блестящего бивня. Остальные скручены в кольца, присосками наружу. Вид грозный, ничего не скажешь,— попробуйка тронь! Трогать тебя, дорогой, я, конечно, не стану. Но и тебе советую вести себя благоразумно и не делать лишних движений. Так будет лучше для моей нервной системы. Для твоей, разумеется, тоже...

Я вдоволь нагляделся на спрута и подумал, что тащить сюда радиометр не имеет смысла. Кракен другой, это ясно: он превосходит размерами нашего знакомца. Я спрятал в ножны свое смехотворное оружие, убрал локти и, лавируя в быстром потоке, направился к Боллу.

Болл, комфортабельно расположившись на трапеции и пошевеливая ластами, наблюдал за действиями андробатов. Четыре металлических гиганта работали четко, размеренно, хотя стороннему наблюдателю могло, пожалуй, показаться, что он присутствует на рыцарском турнире: романтичный блеск доспехов, мельканье длинных теней, таинственно блуждающий голубоватый свет и странно замедленная эскапада хорошо отработанных приемов рукопашного боя. Глубоководные роботы прямыми сверкающими мечами полосовали друг друга и все, что ни попадалось вокруг. И пусть это просто лучи обыкновенных фар, скрещивались они гораздо эффектней настоящих средневековых мечей. Неподалеку от места «схватки» вертелась парочка каких-то угреподобных рыб.

Но что это? Спотыкаясь, падая на колени и снова поднимаясь, идет... нет, скорее ползет еще один андробат. За ним волочится кабель. Раненый рыцарь (я узнал однорукого) торопится на поле брани. Трубите славу, герольды!

Трубы молчат. Но раздается мелодичный звон струны, будто кто-то тронул клавиш рояля. Ослепительно брызнула вспышка электрозамыкания. Вернитесь в конец двадцатого века, милорды: кабель перебит лучом, прекратился доступ энергии, и однорукий робот падает в песок. Болл опускает квантабер.

Один из андробатов бережно поднял товарища и унес куда-то в темноту. Вернулся он, держа в клешнях какой-то длинный стержень, похожий на коленчатый вал. Вероятно, это и есть ланжекторный замок. Через минуту стержень исчез в специальном отверстии под брюхом аквалюма. Аквалюм загудел. Болл поднял над головой квантабер и, повернувшись ко мне, энергично потряс им. Все в порядке, ол райт, агрегат заработал! Я просемафорил Боллу вспышками фары: *с-т-р-е-л-я-т-ь в к-р-а-й-н-е-м с-л-у-ч-а-е*. И показал рукой в сторону раструба. Закраина раструба обросла шевелящимися щупальцами. Но спрут не думал сдаваться без боя.

И грянул бой...

Андробаты скрестили лучи, ярко осветив это кошмарное диво

глубин. Тот, который ближе к раструбу, чем остальные, хватает гиганта клешнями за щупальце. Спрут в замешательстве. Сначала он просто пытается вырвать у робота свою конечность и спрятать подальше ее от беды. Не тут-то было. В плен попадают еще две кальмарьих руки. Спрут отчаянно упирается, но роботы тянут его, стараясь вытащить наружу. Щупальца бешено молотят воду, сплетаясь в замысловатые спирали,— двое андробатов валятся с ног. Спрут мгновенно белеет и скрывается в громадном облаке чернил. Но течение быстро уносит «дымовую завесу»,— хитрость не удалась. Тогда обезумевшее от ярости и боли животное переходит в атаку.

Роботы, кабели, щупальца, красное тело спрута — все сплетено в большой шевелящийся ком. Бездушный металл мертвой хваткой впивается в живое трепещущее мясо, рвет и терзает. Вниз по течению, от места борьбы и дальше, вода обретает чудный нежно-голубой оттенок. У кальмаров кровь голубая...

Я наблюдаю возню гигантов, не в силах отвести глаз. Я потрясен. Но потрясен не потому, что стал свидетелем мучений ни в чем не повинного животного. Вернее, не только потому. Меня поражает внезапная мысль, что все рычаги, управляющие кровавым столкновением, находятся не здесь. Они находятся в полукилометре отсюда — в центральном бункере, в рубке под индексом «Мурена-2». Битвой управляет машина — черная полусфера с радужными разводами. Богатыри андробаты — руки ее. Нежные, тонкие лучики — нервы. Нежные, тонкие... Однако умеют решать довольно сложные задачи. Например: как превратить гиганта-спрута в бесформенный, окровавленный ком. Да, мы, люди, невероятно изобретательны, мы наделяем машины умением разбираться и действовать в самых необычайных для них ситуациях. Вот наподобие этой. Мы только упускаем из виду, что раструбы аквалюмов просто можно было бы оградить защитной решеткой. Мы многое упускаем из виду. Или не знаем. Поэтому сходим с ума, терпим убытки, смущенно любуемся чудесно-голубой окраской воды. И даже иногда стреляем. Это очень нехлопотно — любить природу с квантабером в руках. Безопасно. Особенно, когда «любить природу» помогают машины. А мы проявляем эмоции...

Глубоководный робот «Андр-4» весит около тонны. Но забываешь об этом, если приходится видеть, как двое из них, увитые гибкими кольцами, повисают в лапах спрута наподобие елочных украшений. Взмах щупальца — и первый бедняга, сверкнув лучом, кувырком перелетает по ту сторону аквалюма. В авиационной практике подобный трюк называется катапультированием.

Через воду доносится металлический лязг. И следом — волнующий голос рояльной струны. Болл понял, что это и есть «крайний случай». Верно... Иначе, черт побери, останемся без андробатов.

Я обследовал радиометром все десять щупалец убитого кракена.

Так, для очистки совести. В матовой толще прибора нечасто мелькали красноватые вспышки. Естественная радиоактивность донных пород, ничего интересного... Я укрепил на поясе конец капробикордового троса и знаками потребовал у Болла выключить аквалюм.

Гул прекратился. Я отдал Боллу трос, свернутый в бухту, и нырнул в темное зево раструба. Внутренняя поверхность металлического кратера вдруг озарилась ярким сиянием: Болл направил сюда прожекторы Манты. Трос он травил неумело, рывками.

Я с любопытством разглядывал прикрепленную к стенке гроздь больших пепельно-черных колбас. Это яйца спрута, его сокровенная тайна, которую он нам позволил узнать только через свой труп... Я срезал ножом одну из «колбас», чтобы показать Боллу, и рывками подал сигнал. Трос натянулся.

Болл осмотрел мой трофей и кивнул. Он тоже все понял.

Мы заглянули в каждый из раструбов. Обнаружили еще пятерых гигантов, озабоченных судьбой своего еще не вылупившегося потомства. Не агрегаты для опытной добычи дейтерия, а подводный роддом! Как вам это нравится, коллега?..

В упряжке четверо: две Манты, я и Болл. Мы с превеликим трудом тащили мертвого кракена к краю обрыва. Огромная туша, перевитая тросом, медленно ползла по песку. Манты клевали носом от чрезмерной нагрузки. Мы помогали им нашими плавниками.

Сначала мы сбросили щупальца — они повисли над пропастью, словно издохшие анаконды. Потом, стараясь не пачкаться слизью, мы столкнули с обрыва хвост, оперенный ромбическим плавником. И туша спрута, потеряв равновесие, канула в пучину.

При помощи фар мы с Боллом обменялись мнениями относительно дальнейших действий. Болл намекнул, что, поскольку первая часть нашего плана провалилась, надо приступать к выполнению второй. Предложение было разумным. Расчет на то, что наш загадочный кальмар приплывет на площадку, как только начнет работать агрегат, не оправдал себя, и теперь нам не остается ничего другого, как довериться случаю... Две обширные террасы, которые мы, изучив батиальную карту, намеревались обследовать, расположены по ту сторону гряды. Болл предлагал плыть над массивом — километров пять по прямой. Я предложил спуститься ниже и пересечь массив по ущелью. Этот путь в два раза длиннее, но зато перспективнее в смысле возможных находок. Болл согласился с большой неохотой. Он мало верил в находки.

Мы оседлали трапеции Мант и начали километровый спуск.

Появились акулы. Это было совсем некстати. Я выхватил нож. Но белые бестии старались держаться за пределами освещенной воды, и скоро я потерял их из виду. Поведение хищниц показалось мне странным: они зачем-то крейсируют здесь, тогда как на дне их ожидает великолепный завтрак. Быть может, они уже пообедали?

Что-то не верится. Сытая акула — явление почти невероятное.

Наконец в глубине забрезжили отсветы прожекторов. Лучи осветили наклонную каменистую осыпь. Среди камней выделялась размерами и диковинной формой серая глыба. Это мертвый кальмар. Тусклые линзы огромных неподвижных глаз... Еще недавно они казались мне рубиновыми фонарями.

Лучи прожекторов обеих Мант одновременно метнулись в сторону. Я оглянулся и увидел нечто такое, что впервые заставило меня вспомнить о существовании кабинки скутера: на фоне освещенных скал, судорожно вздрагивая, медленно поворачивалась какая-то красноватая и, на первый взгляд, бесформенная масса. Кроме переплетенных в змеиных извивах щупалец, кошмарная химера не имела ничего общего ни с одним из известных мне морских животных. Только потом я разобрал, вернее, догадался, что это — два спрута, сцепившихся в смертельной схватке.

Разъяренные чудовища с остервенением обкусывали друг у друга щупальца и тут же пытались их пожирать! Причем разобрать здесь, где чьи конечности, было явно невозможно, но это обстоятельство, по-моему, ничуть не смущало бойцов. Щупалец много, и половина из них, естественно, принадлежит врагу. На вкус они одинаковы, а в остальном — как повезет.

Над скалами промелькнули жуткие силуэты еще нескольких спрутов. Я заметил, что Болл неоднократно вскидывал квантабер, но стрелять не решался. Тоже понял, наконец, что это в сущности нелепо... Манты равнодушно следили за маневрами кальмаров, провожая их лучами прожекторов. Перед выходом в воду мне с трудом удалось уговорить Болла перестроить программу активной обороны Мант так, чтобы грозное разрядное устройство приводилось в действие вручную или ультразвуковым сигналом. И сейчас я подумал, что это была очень удачная мысль.

Исчерпав резерв неповрежденных щупалец, спруты-забияки решили прекратить дуэль. Разомкнув объятия и выпустив густое облако чернил, враги ударились в бегство. Нам тоже вряд ли следовало мешкать, и я направил Манту в обход утеса, памятного мне по прошлому посещению. Но едва лучи прожекторов раздвинули тьму в том направлении, я заставил скутер остановиться...

Сзади надвигались огни скутера Болла. Я сделал предупреждающий знак рукой, указал на кабину и ультразвуком скомандовал Мантам выключить свет. Наступила глубокая тьма. Будем надеяться, что у Болла хорошая реакция и что он так же, как и я, лежит сейчас в тесной кабинке, сжимая левой рукой рукоятку разрядника. Ну вот, подумал я, начинается веселая игра «Угадай, кто?». В глубоководном варианте эта игра обещает быть намного забавней. Кругом скалы — справа скалы, слева и сзади. А перед носом — лес копошащихся гигантских щупалец. И какое-то из них радиоактив-

ное, в этом густом ухоженном лесу. Отступать некуда и незачем. Надо угадывать. Кругом — непроглядный мрак. Такой непроглядный, что больно глазам. Ничего, пусть привыкают. Я знаю, что слизь на теле кальмаров светится в темноте. Знает ли Болл?..

Я услышал тонкий свист. Не тонкий, а тоненький, как острие иглы. Это заработал инжектор — вода в кабинке обогащается кислородом. Надежная машина, умная. Вот только напрасно мы доверяем машинам оружие. Лучше, когда рукоятку разрядника держит рука человека. Даже если человек этот немного взволнован, потому что он видел в нескольких метрах отсюда, у самого дна, стаю спрутов, шутить с которыми просто опасно.

Впрочем, здесь не так темно, как раньше казалось. То есть, конечно, темно, но эта затемненная до полной невидимости среда прозрачна для малейших проблесков света, а мрак перестал быть сплошным — что-то мерцало и зыбилось в мягких перламутровых тонах. Будто брошенная на черный бархат горсть мелкого жемчуга. При свете луны жемчуг мерцает таинственно и тревожно. Здесь нет луны, нет жемчуга. Только мерцание. Таинственное и тревожное... Привыкали глаза — яснее становилась картина. Там, где минуту назад в лучах прожекторов проступали тяжелые объемы скал, теперь на фоне угольно-черных пространств повисла кружевная сеть робко светящихся цветов. Опаловые лепестки невиданных и явно неземных растений...

В кружевные узоры странного пейзажа гармонично вписывались голубые фонари. Тускнеющие в их неверном сиянии, неуклюже ворочались огромные серовато-зеленые призраки. Фонари беспокойно блуждали с места на место. Будто бы духи пучин проверяли сохранность несметных сокровищ.

Один из фонарей покинул орбиту своего движения и закачался на волнах голубого огня в каком-нибудь метре от Манты. Осторожно открыв створки кабины, вглядевшись, я узнал карликовую акулку. Брюшко этого прелестнейшего существа источало такое яркое голубое сияние, что я без труда мог разглядеть отдельные ворсинки на черных пальцах моей руки.

И вдруг — внезапный и сильный толчок. Манта вздрогнула всем корпусом, резко накренилась. Я поймал рукоятку разрядника и завертел головой, пытаясь выяснить, что происходит. Прямо на скутер из темноты наплывала огромная серо-зеленая масса. Скутер мелко дрожал, силясь восстановить потерянное равновесие. Ну-ну, вырваться из щупалец кракена не так-то легко...

Необычайно ярко, до боли в глазах, вспыхнули прожекторы. Манта выпрямилась: ошеломленный спрут отпрянул, вскинув кверху грозные дуги бородавчатых рук. Умница, понял, что эта странная добыча не по зубам.

Где-то рядом ударила молния. На мгновение толщу воды вско-

лыхнула синяя судорога. Я оглянулся. От скутера Болла улепетывали два здоровенных спрута. Каждый превосходил машину размерами раза в четыре. Здесь нашего кальмара нет, подумал я и рванул Манту вперед. Следом круто разворачивал машину Болл.

Вспарывая тьму лучами прожекторов, мы бреющим полетом неслись над местом кальмарьего сборища. Внизу — багровые тела спрутов, разбросанные щупальца, жуткие взоры ослепленных глаз. И вдруг (это было так неожиданно, что мы с Боллом, не сговариваясь, резко снизили скорость) весь видимый участок дна заклубился темно-коричневым дымом. Многотонные живые торпеды одна за другой взмывали вверх с легкостью фейерверочных ракет и, развернувшись верным строем, улетали во тьму. Десять, двадцать, может быть, тридцать. Великолепный по своей стремительности старт!.. И я ощутил в себе странную смесь восхищения, горечи и чего-то еще, похожего на жгучее чувство стыда, неловкости и обиды. Вот так — подальше от людей, от синих судорожных линий, от непривычно яркого света этих непобедимых и смертельно опасных пришельцев.

Океан свидетель: я не желал быть смертельно опасным! Но где проходит в этом новом для нас удивительном мире граница зла и добра, жестокости и великодушия, необходимости и бессердечия? Какими мерами какой морали оценивать в кромешной тьме неизмеримых бездн свои желания, поступки, совесть, намерения? Свое отчаяние? Обиду? Стыд? И кто мы здесь? Пришельцы? Завоеватели? Хозяева? Или просто чернорабочие нашей сухопутной цивилизации? Сотни болезненно острых вопросов...

Манта продолжала идти вдоль террасы малой скоростью. Я выбрался из кабины и плыл на трапеции, едва не задевая ластами за выступы обросшего губками дна. После феерического бегства кальмаров неприятное ощущение опасности забылось. Поэтому я сильно вздрогнул, когда почувствовал, что кто-то дернул меня за плечо. Фу, пропасть... Я спрятал выхваченный было нож. Болл показал квантабером куда-то в сторону. Я поднял голову и увидел кальмара...

Тот кальмар или не тот? Что-то мне подсказывало: тот. Те же размеры, то же странное предрасположение плавать рядом с людьми... Я взял радиометр и направился прямо к животному. Не оборачиваясь, знал: Болл держит спрута на прицеле.

Кракен вытянул вперед четыре щупальца, и матовый шар осветился частыми вспышками красных огней. Ну, разумеется, подумал я. Радиоактивную ампулу легче всего «вмонтировать» в чашку присоски.

Кракен парит в воде, точно аэростат на привязи. Вода, непрерывным потоком омывающая жабры спрута, колеблет края мантийного воротника. Подплываю к голове гиганта. Он вздрагивает, когда

я осторожно беру его за щупальце. Спокойнее, мое сокровище, я собираюсь почесать тебе за ушками, и только... Вглядываюсь. Ну, так и есть! Вынимаю нож и кончиком лезвия выковыриваю из присоски комок голубой мастики и чашечку свинцового экрана. Шар радиометра загорается устойчивым алым огнем. Искать другие «запечатанные» присоски нет смысла.

Возвращаюсь к Боллу и показываю свою находку. Мы разламываем голубой комок на две половинки. В середине комка поблескивает металлический пенал. Моя догадка подтвердилась, коллега: несколько щупалец кракена помечено радиацией. Болл энергично кивает.

Теперь мы плыли вдоль террасы уже впятером: я, Болл, две Манты и спрут. Обтекаемое тело кальмара, продолженное узким пучком плотно сомкнутых и как бы пристегнутых друг к другу щупалец, скользило в воде с какой-то нематериальной, призрачной легкостью.

Избегая прямых лучей прожекторов, кракен плыл хвостом вперед, придерживаясь полутени на границе света и наползающего сзади мрака. Я то и дело оборачивался, словно боясь, что он исчезнет, и сразу успокаивался, как только в ответ на огонь моей фары кроваво-красным рубином вспыхивал огромный глаз. Но чаще оборачивался Болл. И я следил за ним едва ли не внимательней, чем за кальмаром. Болл держал наготове квантабер.

Круто обогнув встречный утес, терраса сузилась. Некоторое время ее жалкие остатки лепились вдоль стены, затем — наклонный обрыв и лестница уходящих в глубину уступов. Привычно вертикальная стена накренилась и неожиданно свернула вправо. Перед нами — темная пропасть, украшенная лазурно-голубыми куполами крупных медуз. Мрачная глубина, угрюмые скалы и... дивной красоты изделия из мягкого живого хрусталя. Ну что ж, подобная контрастность в этом ошеломляющем мире — явление обыденное. Мы тоже повернули вправо.

Я отлично помнил это место по карте — широкий иззубренный полукруг. Далее, в километре отсюда, начиналось ущелье, а здесь, охватывая подводную лагуну полукольцом, должна тянуться сплошная стена — во всяком случае, такой она выглядела на экранах дешифратора «Мурены». Поэтому я удивился, увидев темный вход в ущелье раньше времени.

Спокойствие, никакое это не ущелье. Просто жалкий разлом или трещина — слишком мелкомасштабная деталь для батиальной карты. И не будь с нами кальмара, мы, пожалуй, проплыли бы мимо: насколько я помню, сегодня мы не собирались совать нос в каждую трещину. Но если кракен и был чем-нибудь озабочен, то меньше всего стабильностью наших сегодняшних планов. Резко увеличив скорость, он метнулся к разлому. Помедлил у входа, словно

чего-то выжидая, развернулся головой вперед, поиграл кольцами щупалец, выпрямил их и юркнул в темноту.

Я, не долго раздумывая, направил Манту следом за ним.

Болл, очевидно, замешкался, сбитый с толку моим неожиданным маневром, иначе сзади уже набегали бы отсветы прожекторов. Но как бы там ни было, он меня одного не оставит.

Каменный коридор то сужался на поворотах, то расширялся, уходя в неясную перспективу. На стенах однообразный горельеф изломов, дно усеяно скальными глыбами, которые с трудом угадывались под куполами илистых шапок.

Угнаться за кракеном скутер не мог. На каждом повороте я встречал облака потревоженного ила, но самого животного не видел. Меня заносило, иногда я задевал ногами о выступы скал, но мной овладело возбуждение, и в пылу этой сумасшедшей гонки я не сразу заметил, что каменный коридор расширяется кверху. Поднявшись чуть выше, я мог бы гораздо свободнее «резать углы». Но это было уже некстати, потому что навстречу выплывала из тьмы большая белая надпись... Дальше, на более гладком участке стены возникла другая — всего из трех букв. Потом еще одна и еще...

Сами по себе подводные надписи — с тех пор, как я научился их читать,— уже не вызывали трепетного изумления, граничащего с чувством ужаса перед явлением загадочным, необъяснимым. Ошеломляло другое — то, что им тут несть числа. Буквы — уроды, буквы — чудовища, монстры...Внезапно они исчезли, и я с тревогой глядел на унылые стены. Затем появлялись опять, заставляя меня еще и еще раз читать их, справа налево. Не покидала надежда все же выявить причину их сотворения. Надписей много, но слов — всего только три: SOS, ЛОТТА, СЕНСОЛИНГ. Сигнал бедствия, женское имя и что-то смутно знакомое, словесный футляр какого-то далекого и в то же время приятного мне своей хотя бы и второстепенной близостью понятия, сущности которого я, как ни старался, вспомнить не мог. Три зеркально перевернутых слова повторялись много раз, в разных вариациях, вместе и порознь: SOS, ЛОТТА, СЕНСОЛИНГ...

С каждой следующей сотней метров коридор расширялся и становился прямее. Подчиняясь какой-то странной закономерности, изменялись и надписи, но, так сказать, в обратной пропорции. Чем шире коридор — тем мельче и правильней буквы... Сверху тихо упали призрачные колонны света. Это Болл, успел подумать я и выпустил из рук трапецию.

Помятый, разломленный надвое корпус, безобразно покореженные листы обшивки, иллюминаторы... Мертво и тускло мерцает отраженным светом серебристая плоскость. Отдельно валяются многобаллонное шасси, обгорелый киль с правым форсаж-мотором,

пластмассовый панцирь носового локатора. Там, где должна находиться кабина пилотов, зияла темная дыра, через которую свисали наружу вырванные внутренности пульта... Сверхзвуковой стратолет, или, как его еще называют,— эйратер.

Печальные останки некогда красивой и гордой машины припорошены илом. Будто стая ворон, над обломками кружат траурно-черные лентовидные рыбы. И еще какие-то сиреневые рыбы с огромными пастями и развевающимися фалдами плавников. Вверху, на границе света и тьмы, парит спрут. Наш загадочный спрут. Щупальца скорбно приспущены вниз.

Я поплыл вдоль хвостовой части корпуса, сметая руками осевший ил. Болл опустился в разлом, и в иллюминаторах забрезжил свет его фары. Я взглянул в выбитый иллюминатор и увидел ряды чудовищно разбухших кресел. Это был пассажирский эйратер...

Скоро Болл выбрался наружу и сделал руками жест, который я отлично понял без слов: трупов, погибших при катастрофе, он не нашел. Да и не было смысла искать: морская вода и бактерии уничтожают их в течение нескольких недель... Я показал Боллу очищенный мною от ила участок. На серебристой поверхности — темно-синие буквы. Если забыть про белые надписи и читать по-русски нормально, получается: «ЛАДОГА». Вот так, коллега, этот эйратер носил русское имя «ЛАДОГА». А теперь гляди сюда и постарайся запомнить номер машины.

Мы облазили погибший эйратер вдоль и поперек. И постепенно перед нами стала вырисовываться картина давней катастрофы. Сначала, видимо, взорвался один из топливных баков. Больше всего поврежден левый борт, а от левой несущей плоскости мы не нашли ничего, даже обломков. Сильно обгорела хвостовая часть фюзеляжа. Нос корабля изуродован, очевидно, ударом о воду. Все остальные разрушения — результат хаотического лавинообразного падения эйратера вниз по каменистому крутому склону ущелья. Наверное, человеческих жертв не было вообще, потому что корабль выполнял какой-то специальный рейс. В заднем салоне, в грузовых отсеках и гардеробах мы не нашли ничего, что могло бы напомнить о пассажирах. Правда, в переднем салоне нам попалось несколько вещиц из тех, которые люди по старой привычке все еще берут с собою в дорогу. Однако на месте четырех кресел зияли отверстия люков. Заглянув в отверстия, мы убедились, что в нижнем отсеке не хватает четырех спасательных капсул — в момент катастрофы люди успели катапультироваться. Но успел ли катапультироваться экипаж корабля, оставалось неясным: в бывшей кабине пилотов царила такая хаотическая мешанина из разрушенных приборов, сорванной облицовки, раздавленных пластиков, в которой было бы трудно разобраться даже многоопытному эксперту. Во всяком случае кресел мы там не видели, и сочли это за добрый знак.

Версия о том, что «Ладога» совершала не пассажирский, а какой-то специальный рейс, возникла после того, как мы нашли в салоне «четырех» странную и довольно большую конструкцию неизвестного мне назначения. Судя по тому, как пожимает плечами Болл, такой прибор (я называю эту штуковину прибором чисто условно) ему тоже приходится видеть впервые. На массивном основании покоится прозрачный с закругленными ребрами куб. Внутри куба на общей оси две зеленоватые полусферы, одна из них чуть больше другой. Полусферы могут вращаться относительно друг друга, образуя полную сферу и напоминая тем самым детали хитроумного механизма древних астрологов. Если большая полусфера имела совершенно гладкую полость, то меньшая внутри была устлана множеством белых и мягких сосочков.

Сняв с основания боковую крышку, мы осветили фарами внутренность стального пьедестала и увидели там невероятное количество полупроводниковых конверсоров, собранных отдельными блоками. Внизу, утопленные в желобах магнитных регистраторов, поблескивали кассетные ампулы. Я вынул ампулы, и первое, что мне бросилось в глаза,— это красные штампы на них: «Сенсолинг-4».

Сенсолинг!..

Мало-помалу я пришел в себя от изумления. И снова где-то на дне моей памяти замерцал неясный крохотный огонек. Но, как и прежде, огонек лишь поманил воспоминания и нехотя угас.

Сенсолинг... Стены в надписях, красные штампы. Лотта, мыслящий кракен, эйратер. Сигналы бедствия, ампулы магнитных регистраторов, отключенные агрегаты. Верните безличность. Нет равновесия... Узел? Конечно. Один или несколько? Будем думать, один. Нам хватит одного. С избытком.

Болл где-то нашел и приволок пустую дорожную сумку. Я машинально сложил в нее ампулы. Зачем-то подергал основание странной машины. Прибор был наглухо привинчен к стене, как раз в том месте, где обычно крепятся люльки для самых маленьких пассажиров воздушного лайнера. Счастье, что не было их в этом трагическом рейсе... На стенках прозрачного куба шевелятся тонкие щупальца двух молодых офиур.

Выбираясь наружу, Болл долго и осторожно лавировал среди металлических зазубрин пролома. Мне надоело ждать, и я нырнул в открытый люк грузового отсека. Проскользнув над верхушками донных камней под брюхом эйратера, я уж было совсем собирался покинуть это кладбище обломков, но мое внимание привлек какой-то черный предмет, похожий на ласт. Предмет валялся у нижнего края оторванной и почти вертикально поставленной плоскости эйратерного крыла. Эйратер и ласты, подумал я. Для полного комплекта несуразностей не хватало разве что ласт...

Я опустился рядом с этим черным, похожим на ласт предметом. Тронул рукой. Замер. Это был настоящей ласт... Рядом — другой. Настоящие ласты на двух настоящих ногах...

«ОН! — крикнул во мне мой изменившийся голос.— О-О-ОН!!!»

Мелькание ласт, плавников, мелькание света. Мелькание теней. Нас двое, а кажется — десять. Третий лежит неподвижно под серебристой плоской колонной — надгробной плитой для него. Навалились! Ну же, еще чуть! Пошла... Заводи в сторону, эк...

Скрежет и гулкий грохот пустого металла, илистый дым... Мы склоняемся над трупом подводника. Зачем-то поправляем сползший на грудь белый пояс. Не верится. Тот, кого мы так долго искали. Пашич...

Поднимаем жесткое деревянное тело и перекладываем на гладкую поверхность поверженного крыла. Сдвигаем в сторону, потому что этот участок гладкой поверхности исцарапан ножом. Два слова: «Прощай, Ружена!» Восклицательный знак и запятая на своих местах. У него было время тщательно вырезать надпись и позаботиться о знаках препинания...

Все просто и страшно. Он выходил через люк грузового отсека и попал в западню. То ли от его неосторожного прикосновения, то ли по какой другой причине, но вздыбленная плоскость крыла внезапно осела. Лежа на спине, он пробовал высвободиться. Снизу — режущие грани донных камней, сверху — тяжесть металла. Это был конец, но он еще не верил: где-то рядом кружила обеспокоенная Манта.

Он долго и бесполезно ковырял ножом рваную закраину крыла. Потом понял, что может надеяться только на помощь Дюмона, и стал подсчитывать, сколько времени нужно Дюмону для поисков. Он не знал, что Дюмон обрезал провода и мечется в салоне, опрокидывая мебель. Не мог знать, что мезоскаф готовился всплыть без него.

Помощь запаздыала. Он лежал, считал минуты и думал. У него было время подумать. Сутки, двое, может быть, трое. Потом он вырезал надпись. У него еще было какое-то время, чтобы надпись углубить, сделать отчетливой. Время вышло, когда разрядились аккумуляторы...

Этого не прощают, Дюмон.

Впереди, освещенная прожекторами, летела чернокрылая Манта с телом погибшего. Быть может, та самая Манта, которая ждала, но так и не смогла дождаться хозяина у обломков эйратера. Мы с Боллом, словно боясь хоть на миг упустить из поля зрения свою ужасную находку, плыли следом. Вдвоем на одной машине, плечом к плечу. Поодаль — горизонтально удлиненный силуэт спрута.

Стены ущелья раздвинулись и утонули во мраке. Всплыв над провалом, мы взяли курс прямо на станцию, на главный ультразву-

ковой маяк. Вернее, не мы, а Манты, потому что только они умели правильно ориентироваться в этом огромном и темном пространстве, пронизанном неслышными для нас сигналами маяков.

Мы плыли высоко над массивом. Панорама подводных гор скрыта от наших глаз величественным занавесом тьмы. Лишь изредка лучи проскальзывали по макушкам скалистых утесов и на мгновения в безднах мрака возникали странные миражи. Будто бы мимо плыли не громоздкие глыбы, отделенные лучами от своих невидимых фундаментов, а совершенно невесомые архитектурные детали каких-то сказочных воздушных замков... Не знаю, удастся ли мне когда-нибудь привыкнуть к постоянному ощущению неправдоподобности этого мира. Наверное, нет. Это как сон, в котором ты — участник удивительных, порою драматических событий. Рыбий сон. А рыбы спят с открытыми глазами. И нужно быть действительно хотя бы наполовину рыбой, чтобы уметь отчетливо распознавать в прозрачных водах полусна хищный плавник всегда готовой скверно подшутить реальности. Парящие в пространстве скалы — мираж, сновидение. А Манта, которая несет в последний раз тело погибшего хозяина,— это реальность. И в эту реальность не хочется верить. Но разве я не представлял себе такой финал, когда получил задание от Дуговского? Конечно, нет. Вопреки здравому смыслу, я надеялся увидеть Пашича живым... Наверное, я рыба меньше, чем наполовину. Мне явно не хватает хладнокровия.

Я даже не представляю, как он выглядел в жизни. Не знаю ни его лица, ни голоса, ни жестов, ни манер. Зато я знаю: он был умным человеком, смелым, опытным глубоководником. Держал в руках разгадку тайны мыслящего кракена. И вот несчастье... Маленький просчет, ошибка — и уже ничем нельзя ему помочь. Ему не повезло — его напарник оказался предателем, трусом. Мне вот повезло: рядом — плечо надежного товарища. Не выдаст.

Вилем, ты был один. Один в воде — все равно что нуль. Это неписаный закон бездны, Вилем. И океан подвел под этим законом черту... Я тоже был один. И едва не погиб. Спасибо кракену — выручил. Тебя почему-то не выручил. Должно быть, не знал, не заметил беды... И вообще, в воде человек ничего не может один. Даже если он наполовину рыба... Теперь мы с Боллом вдвоем. А двое на такой глубине — это целый отряд. Вдвоем мы все можем. Не можем только вернуть тебе жизнь. Плывем следом и смотрим: встречный поток колышет твой безжизненный плавник. Ты мертв, как бывает мертва насмерть загарпуненная большая рыба. Нам очень больно, Вилем,— твоим товарищам. Нам так хотелось увидеть тебя живым!.. И еще больнее будет твоим родным и друзьям, когда узнают. Когда узнает Ружена.

Скутер с телом Пашича влетел в оскаленную пасть четвертого бункера. Болл сунул мне квантабер и тоже надолго пропал в ангаре.

Я вынул из кабины сумку с трофейными ампулами, отпустил Манту. Где-то сзади полыхнула ядовито-малиновая зарница. Обернувшись, я чуть не выронил сумку из рук. Прямо передо мной освещенная прожекторами неподвижно висела в воде красная туша кальмара. Это было неожиданно, потому что спрут исчез, как только мы приблизились к станции.

Сначала мне показалось, что ловкие щупальца кракена держат большой ватербол — водный мяч, какие часто можно видеть на курортных пляжах. Потом на фоне ярко-желтых полос я разглядел черные цифры, лопасти двух моторных винтов. В глаза опять ударила малиновая вспышка неимоверной яркости. Этим и знамениты автономные радиобуи типа «Коралл». Всплыв на поверхность и выполнив программу двусторонней радиосвязи, «Коралл» опять уходит в глубину, ложится на дно где-нибудь недалеко от маяка, посылая в темноту мощные световые сигналы. Встречайте, дескать, почтальона — вам письмо. Любопытно, что ответил Дуговский...

Я воткнул квантабер в ил, а на его приклад повесил сумку. Из бункера выплыл Болл. В руках у него пояс Пашича и ласты. Увидев кракена, он уложил всю эту амуницию на камень, и, прикрывая глаза от пронзительных вспышек, направился к радиобую. На квантабер он даже не взглянул. Люди быстро осваиваются в самых необычных ситуациях. И быстро смелеют. Я прямо-таки замер, когда он с непринужденностью хозяина отстранил мешающее ему щупальце. Гигантский спрут малым ходом послушно отработал в сторону, а Болл величественным взмахом руки призвал меня к себе.

Мы отбуксировали радиобуй на вершину третьего бункера. Бережно опустили в люк.

КРИК В БЕЗДНУ

— Тебе не кажется, Грэг, что кракен специально привел нас к обломкам эйратера?

— Нет,— сказал я.— Не кажется. Это совершенно очевидно.

На столе перед нами длинный водолазный нож и черные ласты. Ласты мокрые — не успели обсохнуть. Кончик ножевого лезвия притуплен. Вот и все, подумал я. Нашли... «Прощай, Ружена!»

Мы с Боллом долго и нехотя глотали осточертевший бульон, избегая смотреть друг другу в глаза. Как будто мы в чем-то виноваты перед бывшим владельцем этих ласт... Я чувствовал неимоверную усталость.

Болл, наконец, поднялся, тяжело, но уверенно. Взяв ласты и нож, хмуро оглядел салон и направился к шкафу, в котором хранилась одежда. Я понял, что он собирается делать, и тоже под-

нялся. Он приложил оба ласта к пластмассовой стенке и, взмахнув ножом, одним ударом пригвоздил их к матово-белой поверхности. Отступил назад. Салютуя, поднял над головой кулаки. Я тоже поднял. Традиция... Глубоководники с почтением относятся к своим традициям. Ласты, пронзенные ножом, будут висеть до тех пор, пока мы не отправим тело погибшего товарища на поверхность. Я сочувственно посмотрел Боллу в затылок. Для него это не просто традиция. Ведь он знал Пашича раньше.

Болл долго стоял неподвижно, ссутулившись. Думал о чем-то своем. Я тронул его за плечо.

— Ты очень устал, старина?

Болл взглянул на меня отсутствующими глазами.

— Грэг...— сказал он хрипло.— Грэг! Дюмон — обыкновенный трус. Он не выходил на поиски Вилема.

— Знаю, Свен...

— Раньше я сомневался, но теперь для меня все ясно, как день!.. Мне стыдно, Грэг, я тоже чуть тебя не проспал.

— Но ты все-таки вышел... Хотя понимал, что шансов вернуться из воды у тебя было немного. Но довольно об этом. Послушаем лучше Дуговского.

— А, да, «Коралл». Ты отправлял Дуговскому рапорт?

— Запрос. У нас с тобой осталась неразгаданной еще одна загадка,— я кивнул в сторону акварина.— Кракен...

Болл открыл было рот. Ничего не сказал, только провел ладонью по лицу.

— Да, Свен. Это — не дрессированный кракен.

В глазах у Болла появилось выражение настороженности.

— Постой-ка, Грэг!.. Хочешь сказать, что Пашич дал спруту радиоактивную защиту всего за пять дней до нашего прихода?

— Вот именно. Хотел бы я взглянуть на дрессировщика, который смог бы за пять дней... Ну, в общем, это не кальмар. Вернее, кальмар, но... Я не знаю, что это такое.

Болл опустился в кресло. Неуверенно спросил:

— Биомашина?

Я не ответил. Он видел кракена, и такие вопросы вроде бы ни к чему.

— М-да...— пробормотал Болл, покусывая ноготь.— Конечно, нет...— Рывком поднялся, пересел в кресло за пультом.— Но почему же эта тварь не выручила Вилема? Чем Вилем хуже нас с тобой?

— А ты заметил, с каким беспокойством кальмар кружил над нами, когда мы выволокли Вилема из-под крыла?

— Припоминаю... Значит, он привел нас к эйратеру не потому, что Вилем... Послушай-ка, Грэг, ты знал об этом давно?

Растопыренные пальцы Болла задержались над клавишами.

— Нет, Свен, ничего я не знал. Просто у меня зародилась смутная догадка, как только ты сказал, что эта пластмасса...— я вынул из кармана оплавленный комок и положил на пульт,— эта очень твердая пластмасса идет на изготовление блистеров и окон для эйратеров. Но, посылая Дуговскому запрос, я уже был уверен, что мы имеем дело не с обычным кальмаром. Кстати, ты не смог бы мне объяснить значение слова «сенсолинг»?

Болл нажал подряд четыре клавиши и, откинувшись в кресле, вперил глаза в потолок.

— Сенсолинг... сенсолинг...— повторял он, наморщив лоб.— Понимаешь, где-то что-то читал... Не могу припомнить. А в чем, собственно, дело?

Я подошел к сумке, которая стояла в лужице натекшей из нее морской воды, выбрал ампулу с наиболее ясным отпечатком, показал Боллу. Он долго и глубокомысленно разглядывал штамп. Зачем-то посмотрел ампулу на свет, потряс ее, пожал плечами и вернул мне со словами:

— Занятная вещица.— Заметив мое удивление, добавил: — Ты думал, что это — обыкновенная кассета для регистраторов магнитозаписи? Посмотри-ка на свет.

Я посмотрел. Сквозь толщу синеватого стекла я не увидел привычных глазу завитков изящной клазотроновой спиральки. Ампула наполнена какой-то мутноватой жидкостью. Если встряхнуть, можно заметить мелкие белесые хлопья. У торцов стеклянного баллона поблескивали металлические волоски.

Вывалив ампулы из сумки прямо на пол, я торопливо проверил на свет их все до единой. Та же картина...

Раздался щелчок, и кто-то кашлянул в динамике. Я замер на полу, обхватив руками колени. Голос Дуговского произнес:

— Я — «Волна», я — «Волна». «Бездна-Д-1010», Соболеву, Боллу.

Пауза. В динамиках плескался отдаленный и неясный гул. У них штормит, подумал я. И крепенько, слыхать, штормит.

— Отвечаю на ваш запрос. Прежде всего дословно передаю радиограмму из Санкт-Петербурга. «Кроме изучения и моделирования физиологического механизма автотомии[1] осьминогов Октопус дефилиппи, никаких других исследовательских работ с крупными моллюсками не проводили. Санкт-Петербургский институт молекулярной бионетики. Руководитель отдела высшего моделирования Кером». Точка. Аналогичные сообщения поступили к нам из всех

[1] Автотомия — способность некоторых животных самопроизвольно отделять части своего тела в минуту опасности. Так, например, ящерица, спасаясь, оставляет противнику хвост. Осьминог октопус дефилиппи — одно из животных, в совершенстве обладающих автотомированием.

остальных научно-исследовательских организаций этого профиля, и ни в одном из них не упомянуты кальмары рода архитевтис. На всякий случай передаю сообщение из Хьюстонского института морской биологии. В океанарии на острове Инагуа под руководством Геры Фуллер проводятся эксперименты над гигантским кальмаром по кличке «Тарзан», род архитевтисов. Программа этих экспериментов ничем особенно не отличается от обычных программ биологических исследований морских животных. В настоящее время экспериментальные работы Фуллер находятся в стадии завершения. Точка. Благодарю, желаю успеха. Леон Дуговский. Конец передачи.

Все. И никаких дурацких вопросов.

Болл пробежался пальцами по клавишам и непонятно по какому поводу изрек:

— Разумно...

Я уткнулся подбородком в колено, пытаясь собраться с мыслями. Сообщение Дуговского, конечно, не в состоянии пошатнуть мои предположения. Но концы с концами явно не сходятся. Нить, которая соединяла кракена с людьми — создателями этой твари, каким-то образом оборвалась. Какая нить, когда оборвалась и как?.. Затонувший эйратер?..

— Там, наверху, ничего не знают о существовании спрута,— сказал Болл.— Что ты об этом думаешь, Грэг? По-моему, единственным светлым пятном во всей этой темной истории является эйратер. Не понимаю, почему мы медлим с запросом? Ведь даже в последней записи Пашича...

— Что ты имеешь в виду, наделяя «пятно» эпитетом «светлое»?

— О, это чисто фигуральное выражение. Правду сказать, я не вижу никакой взаимосвязи между авиационной катастрофой и странным поведением спрута. Все дело в том, что нам просто не за что больше зацепиться...

Мы помолчали. Болл, облокотившись на пульт, выстукивал пальцами барабанную дробь.

— Свен, судя по толщине илистых наносов, эйратер пролежал на дне что-то около четырех лет. Может быть, пять. Каков, по-твоему, возраст нашего кракена?

Барабанная дробь прекратилась.

— Думаю, тоже что-то около этого: года четыре...— Болл вместе с креслом повернулся ко мне.— Но это совпадение нам вроде бы и ни к чему.

— Ну вот. А ты говоришь — «светлое», «зацепиться».

— Выходит, эйратер здесь ни при чем?

— Не знаю. Но Вилем, кажется, знал... Или догадывался.

Мы одновременно взглянули в сторону одиноко чернеющих ласт. На темном фоне контрастно выделялась белая рукоятка ножа.

— Свен,— сказал я.— Поднимай «Физалию».

— «Коралл» надежнее. «Физалию», боюсь, оборвет.

— Попробуем, не все же время там у них штормит.

— Ладно, рискнем.

Я разложил ампулы на столе. Их было ровно тридцать штук, этих загадочных ампул. Пасьянс, который не сходится...

— Крутит,— сказал Болл.— Идет неплохо, но с вращением.

Я подошел к пульту взглянуть на счетчик глубин. Пятьсот пятьдесят. С этими глубиннолифтовыми радиобуями всегда морока: то крутит при подъеме, то обрывается кабель, то не желает всплывать на поверхность антенна. Одним словом — физалия [1].

Болл внимательно следил за шкалами натяжения и деформации кабеля — пальцы на клавишах. Я тронул его за плечо:

— Свен, а все-таки эти проклятые ампулы — кассеты регистраторов.

— Ну и что? Там нет клазотроновых элементов,— он даже не обернулся.

— Да. Но их функции выполняют мутная жидкость и хлопья. Не будем забывать, что в наш век электроники и кибернетики существует и такая наука, как бионетика. Свен, эти хлопья содержат в себе информацию...

— Ближе к делу, Грэг. Сразу говори, чего ты хочешь?

— Вот если бы «Мурена»...

— Я так и знал. «Мурену» я тебе не дам. И не только потому, что это совершенно бесполезно — мы все равно не сможем разобраться в специфике основного кода. Но еще и потому, что я не знаю, как повлияют на память машины комбинации алгоритмов, составленные бионетиками... Это же сумасшедшая наука, Грэг! Не буду слишком удивлен, если, получив заложенную в ампулу информацию, «Мурена» вообразит себя каким-нибудь сенсолингом. Или, чего доброго, затонувшим эйратером.

Или кальмаром по имени Лотта, подумалось мне.

— Тридцать метров,— сообщил Болл и стал набирать на клавишах очередную команду.— Грэг, кажется, все обошлось, антенна всплывает.

Динамики ожили. Сквозь шорох, треск и свист радиопомех мы услышали музыку. На волнах замысловатой мелодии плавал в эфире тонкий, задумчиво-нежный голос певицы. Маленький белый цветок на фоне тропической зелени... Я задержал руку Болла.

— Калькутта,— сказал он.

Не все ли равно — Калькутта, Джакарта, Тананариве. Мир

---

[1] Физалия, или португальский кораблик — сифонофора, внешне похожая на медузу. Держится у поверхности воды с помощью особого плавательного пузыря. Щупальца тонкие, нежные, свешиваются вниз на глубину 20—30 метров, перекручиваются между собой от малейшего движения воды.

поет — тем и прекрасен. Тем и дорог для нас, тружеников бездны. Отчужденно немой, чернеющей и холодной...

Мелодия тихо угасла, голос растаял в эфире. Я спохватился, выпустил руку товарища. Болл с виноватой улыбкой протянул мне микрофон.

— Я — «Бездна-Д-1010», я — «Бездна-Д-1010»... Вызываю на связь «Волну» — борт «Колыбели», Дуговского. Вызываю на связь... «Волна», как слышите меня, «Волна»? Отвечайте. Прием.

В динамиках цикадами трещали радиопомехи. Я повторил позывные. И наконец сквозь шум прорезался невнятный замирающий голос:

— Я — «Волна», я — «Волна»... «Бездна-1010», слышу вас плохо. Дайте настройку счетом. Дайте счетом... Прием.

— Один, два, три, четыре, пять. Пять, четыре, три, два, один. Я — «Бездна», я — «Бездна»... Как слышите меня, «Волна?» Прием.

— Я — «Волна»,— внезапно рявкнули динамики. Болл уменьшил громкость.— «Бездна», слышу вас хорошо. Передаю микрофон Леону Дуговскому. Прием.

— Здравствуйте, шеф. Как там у вас погода? Прием.

— Здравствуйте, Игорь, здравствуйте, Свен... Погода отличная, за «Физалию» не беспокойтесь — при таком волнении не оборвет. Я слушаю вас, ребята... Прием.

Я помедлил, сжимая микрофон до боли в пальцах, взглянул на Болла. Он молча кивнул.

— Снимите панаму, шеф... Мы нашли того, кого искали... и прокололи ласты ножом. Того, кто всплыл, мы обвиняем в трусости. Мы выражаем этому человеку наше презрение.

Болл сидел неподвижно. Шевелилась только рука на клавишах пульта. Шея медленно багровела.

— Запуск агрегатов намечаем на завтра. Агрегаты в порядке — просто в раструбах аквалюмов поселились спруты. Будем ставить решетки. Два из пяти андробатов серьезно повреждены, требуется полная замена... Самочувствие хорошее, продолжаем работу. Прием.

Длительная пауза. Динамики потрескивали разрядами атмосферных помех. Наконец дрогнувший голос Дуговского:

— Это был один из лучших гидрокомбистов нашего института, ребята... Гордость глубоководного сектора. Я до сегодняшнего дня не верил... Как это произошло?

— Он погиб, выполняя свой долг! — выпалил я напрямую, пренебрегая правилами радиоэтикета.— Мы искренне соболезнуем вам и разделяем ваши чувства. Мы продолжаем работу, которую он не успел завершить. Кстати, запросите агентства воздушных сообщений: когда и по какой причине на акватории нашего квадрата затонул эйратер «Ладога» под номером...— я дернул Болла за рукав и назвал номер. Болл утвердительно кивнул.— А также как

можно подробнее выясните: откуда, куда и с какой целью совершала «Ладога» этот спецрейс. Прием.

— Ваш запрос записан и принят к срочному исполнению.

— Послушайте, шеф, вы не подскажете нам, что такое «сенсолинг»?

— Повторите.

Я повторил. И еще раз — по буквам польскими именами.

— Впервые слышу... Отправим дополнительный запрос, если не удастся найти в энциклопедических словарях нашей фильмотеки.

— С нетерпением ждем на вашей волне ответ на запрос. Соболев, Болл. Конец передачи.

— Сделаю все, что возможно. Конец передачи.

Я отдал микрофон.

— Шеф опять ничего не спросил,— проговорил Болл, почесывая переносицу микрофоном.

— На то он и шеф...— ответил я, прикинув, сколько времени понадобится Дуговскому на связь с центральными аэроагентствами материков. Выходило в лучшем случае около часа.— На то он и шеф, чтобы не тратить время на пустую болтовню в эфире... И знаешь что, Свен, мне кажется, прозрачный куб той штуковины на эйратере похож на аквариум. А все это вместе с полусферами и ящиком, набитым электронными приборами,— какой-то хитроумный контейнер для перевозки спрута.

— Спрута?! — ошарашенный Болл нервно глотнул что-то мешавшее в горле.

— Ну да. Не взрослого, конечно,— юного. Может быть, новорожденного. Вспомни: возрасты затонувшего эйратера и этого кальмара мы нашли примерно одинаковыми.

Болл вздохнул с облегчением.

— Нет,— сказал он.— Мы же выяснили: ни одна научно-исследовательская организация...

— Погоди,— перебил я,— бионетики могли не знать, что имеют дело с детенышем гиганта-архитевтиса. Насколько мне известно, существует несколько видов этого рода, а многие из них отнюдь не гиганты. Но это во-первых...

— ...А во-вторых,— продолжал Болл,— поступившие от Дуговского сведения могут оказаться неполными. Так?

— Верно.

— Тогда мне остается привести другой, я думаю, более веский довод. Прозрачный куб мало похож на аквариум для транспортировки спрута.

— Почему?

— Головоногие, Грэг, очень чувствительны к химическому составу морской воды, к изменению ее газонасыщенности, температуры.

— Понимаю. Но может быть, белые сосочки внутри полусферы и есть следящие датчики? Они ведь все соединяются приборным ящиком спиральками проводов.

— Не слишком ли много для таких не очень мудреных замеров? Но дело даже не в этом. Я не видел ничего похожего на трубопроводную арматуру для обновления воды. Нет емкостей и насосов. Это все что угодно, Грэг, только не аквариум.

Ну что ж, доводы веские. Он прав, это, очевидно, не аквариум. Это — картофелеуборочный комбайн, станок для печатанья фальшивых денег, электромузыкальный автомат. Или — ближе к истине — сенсолинг. Но почему мне кажется знакомым это странное, верткое, неуловимое в памяти слово?..

«Ти-ти-та...— внезапно и громко запищала морзянка.— Ти-та-та-ти-ти...» Я с изумлением поднял глаза на динамики. Но Болл догадался сразу — смотрел, не мигая, в сторону аквариума.

— Грэг, это он,— произнес хрипло, вполголоса.— Почерк его.

По стеклу скользило на приплюснутых присосках щупальце...

Я шагнул к пульту и рванул рукоятку рубильника. Салон мгновенно погрузился в густую мягкую тьму. Морзянка умолкла. Во мраке бесстрастно сверкали квадратики пультовой сигнализации. Я на секунду включил освещение, выключил опять. И так несколько раз. Потом оставил рубильник включенным и бросился к аквариуму. За стеклом метался кальмар.

Именно метался — точнее не скажешь! Уплывал, возвращался, беспокойно рыскал в воде, будто разыскивал что-то потерянное, и вдруг с непонятной, пугающей яростью бросался на аквариум, облепляя поверхность стекла эластичными чашками присосок. Отскакивал, судорожно выгибая щупальца дугой. При этом быстро и хаотично менял окраску тела в невероятно широком диапазоне светло-оранжевых и буро-красных тонов.

— Он чем-то страшно возбужден,— сказал Болл. И не то спросил, не то предположил: — Уж не твоей ли сигнализацией, Грэг?..

Постепенно спрут успокоился, начал бледнеть. Одним из щупалец присосался к стенке бункера, остальные безвольно свесил вниз. Теперь он стал бесцветным и полупрозрачным, как матовое стекло. В центре туловища смутно обозначилось пятно чернильного мешка.

— Свен,— сказал я.— Окажи мне любезность: сходи, пожалуйста, в инструментальную кладовую и принеси глицерин.

Болл взглянул на меня исподлобья, внимательно. Спросил:

— Может быть, скажешь — зачем?

— Скажу. Мне пришла в голову мысль попробовать обменяться с кальмаром кое-какой информацией.

— Странная мысль...

Не знаю, достаточно ли она странная для того, чтобы оказаться еще и счастливой. Однако попробовать стоит...

— Кстати, захвати там какую-нибудь неглубокую, но широкую посудину. А я пока подготовлю все остальное.

Пожав плечами, Болл ушел из салона.

Я вынул из шкафа черный свитер и принялся резать его на полоски, не забывая поглядывать в аквариум. Погоди, мой хороший, не уплывай! Ты мне нужен сейчас для одного отчаянного эксперимента...

Вернулся Болл. Принес бутыль глицерина и кювету для промывки мелких механических деталей. Стоял — руки в карманы — и молча смотрел на растерзанный свитер. Я вылил глицерин в кювету и бросил туда же нарезанные лоскуты. Руки дрожали от возбуждения.

Внезапно Болл сорвался с места, бросился к пульту. Щелкнул рубильником. Свет за стеклом аквариума угас. Болл приволок длинный цилиндрический футляр и вынул из него рулон белой бумаги. Понял...

Я выловил из кюветы две черные пропитанные маслянистой жидкостью полоски и выложил на стекле аквариума первую букву. Примитивно, конечно, но что поделаешь — некогда. Завтра придумаем способ общения посовременней... А, черт, в спешке забыл, что надпись следует делать прямую, с той стороны аквариума она будет выглядеть так, как удобно кальмару: наоборот.

Готово! Два коротеньких слова: «Кто ты?» Теперь лист бумаги для контрастного фона. Ну, мой хороший, давай!..

Прошла минута. Динамики молчат. Вторая... Ни звука. Провал?.. Смешно и обидно. Для смеха повода лучше и не придумать. Я оглянулся на Болла.

Болл не смеялся. Крутил пальцами карандаш и сосредоточенно глядел на динамики. Я снял бумажный лист, скомкал, отшвырнул прочь. Приплюснув нос к стеклу, затенил ладонями отсветы. Едва-едва различил во мраке неясные контуры щупалец кракена. Кто ты?..

— Грэг,— сказал Болл.— Для него это слишком светло. Он ослеплен и абсолютно ничего не видит... Попробуем убавить освещение.

Он ушел к пульту, и свет в салоне померк.

— Хватит,— сказал я, уже почти не видя в полумраке собственных рук.

Болл включил настольную лампу, накрыл ее полотенцем, оставив себе узкую полоску света. За аквариумом — кромешная темь. Кто же ты, никому неведомое, неразгаданное существо?..

Внезапно в тишину, словно в живое тело, вошла короткая очередь точек-тире. Так-так, мы начинаем понимать друг друга.

— «Аттол»! — крикнул мне Болл и тут же поправился: — То есть, «Лотта», конечно. Сыщики-гангстеры! Грэг, это уже настоящий ответ!..

В лихорадочной спешке я лепил на стекле новую фразу, смеясь про себя и чуть не плача одновременно. Я уже не верил в это, я знал, что все напрасно, что ничего не получится — мистика это, смех сквозь слезы, чепуха и нелепость! Новая фраза, против моих намерений, вышла забавно галантной: «Прошу поподробней». Едва я закончил, динамики выдали новую порцию знаков.

— *«Была человеком... стала...»* — Коллега запнулся.— Грэг, мне с этим текстом не справиться.

Я подскочил и выхватил у него из рук бумагу. Потом карандаш. Машинально прочел ему текст в английском переводе:

— *«Была человеком. Стала подводным кошмаром. Теперь я больше животное. Животный инстинкт побеждает. Я не могу. Не хочу. Верните безличность. Если возможно. Боюсь невозможного. Лучше не быть. Хотелось быть. Искала способ. Вернуться. К людям. Ошибка».*

Бумажный лист выпал из рук и лег на стол. Я рванул ворот свитера.

— Без паники, Грэг!

Я задыхался. Закружилась голова. Сквозь зеленую дымку надвигалось что-то большое, ужасно громоздкое и неуклюжее — сверху. Как днище океанского корабля...

Болл, словно откуда-то издалека, встревоженно:

— У тебя слишком богатое воображение, Грэг. Слишком. Будем работать? Или будем друг друга пугать ненормальными взглядами?

— Будем работать, Свен, будем...

Я ободряюще похлопал его по спине и мужественно улыбнулся. Моя улыбка почему-то испугала его еще больше.

Разбрызгивая глицерин, накладываю на стекло черную мозаику букв. Верный, но дьявольски медленный способ. Придумай быстрый. Ну, не сегодня, завтра. И завтра новым способом ты сможешь выудить у этого спрута еще одну порцию странного бреда. Ведь это все-таки животное. Животное, на мозг которого влияет (или повлияло) что-то человеческое. И совершенно естественно, что зверь испытывает беспокойство от тяжести чуждого его природе груза в мозговой коре. Беспокойство и, может быть, даже мучения... В одном теле — по-своему сильном и ловком — заключены два противодействующие друг другу начала: интеллект и животный инстинкт. Интеллект не может победить, потому что он должен во многом уступать звериному инстинкту самосохранения: тело спрута живет в первобытно диких условиях борьбы за существование. Но разум не может и уступать бесконечно, на то он и разум. В конце концов возникает дилемма: либо как зверь, либо... никак. *«Хотелось быть. Искала способ вернуться к людям, но выбрала этот способ ошибочно. Лучше не быть».*

Обрадовались: ах, какое удивление — мыслящий цефалопод!

Дрессированный, приученный, разумный! Познакомились ближе — волосы дыбом... Ну кто из нас способен измерить глубину его страданий, вызванных какой-то непоправимой ошибкой?! Сколько дней, месяцев, лет он одиноким призраком бродил в холодных пучинах, пугая братьев по образу. Но только по образу! Он не был подобен ни одному из жителей бездны.

Один... Для всех чужак. Ни человек — ни спрут... Разум хотел возвращения к людям — спрут опасался. Разум настаивал — зверь бунтовал. И разум понял наконец. И снял осаду. Но вот люди сами пришли. Из тлеющей искры выросло пламя надежды, зверь отступил. До поры. Люди грозили квантаберами, травили Мантами — близко не подпускали. Выдержал. Вошел в доверие, добился дружбы, получил охранную грамоту — пеналы с радиоактивным веществом... И все напрасно: все развеялось, как облако чернил. Пришли другие — пугались, кололи ножами. Потом успокоились. Но ничего не поняли, как и те, которые были до них... Темный, было придавленный зверь поднимал голову, щетинясь инстинктами. Интеллект — на грани поражения: *«Теперь я больше животное, чем мыслящее существо,— животный инстинкт побеждает»*. Заламывая щупальца, молил: *«Верните безличность. Нет равновесия!»* Не понимали ни те, ни другие... Опять повторял: *«Верните безличность, если возможно. Иначе будет плохо зверю и мне. Я боюсь, что погублю и его и себя. Я больше так не хочу, не могу!»*

И погубит, если мы не сумеем вернуть хозяину его загадочную «безличность». Но что говорить там о чем-то другом, если мы не знаем даже «хозяина». Тело одно, мозг, очевидно, один — и мы не в состоянии понять, кто же кричит из кальмарьего мозга, требует и умоляет — вынь да положь ему какую-то «безличность»... Да и возможно разве отделить от живой материи мозга мыслящую субстанцию! Ведь это же абсурд!

Нет, что-то здесь имеется в виду иное...

И наконец еще одна прелюбопытная деталь. Эта «мыслящая субстанция» говорит о себе в женском роде и даже называет имя: «Лотта». (Да, очень знакомое и дорогое мне женское имя, но сейчас — ради всего святого! — не стоит об этом...) Стало быть, Лотта-кальмар, так сказать, всеми десятью руками расписывается в том, что она есть личность. Но «личность» — понятие, во-первых, неотделимое от совершаемых «личных» поступков. А этого добра за Лоттой-кальмаром числится предостаточно! Та-ак... Теперь она возжелала «безличности». Выходит, она стремится каким-то образом (не будем размышлять сейчас каким) вернуть себя в первичное, предшествовавшее теперешнему, состояние. И это она называет «безличностью». То есть — состояние, при котором не совершаются «личные» поступки!.. Вот и попробуй решить этот ребус... Поистине, чтобы не совершить ни одного поступка, нужно быть без рук, без ног, без

туловища, без головы! Нет, голова, пожалуй, нужна даже при таких курьезных условиях — иначе не будет мыслящей Лотты. Та-ак... Значит, понятие «безличность» деликатно отождествляется с понятием «обособленный мозг». Искусственный, естественный — безразлично,— но обязательно отделенный от живого организма, вне его...

Есть такая игра: кто-нибудь что-нибудь ищет, а другие суфлируют: «холодно», «тепло», «еще теплее», «горячо». Мы начали эту игру, едва переступив порог станции. Мы прошли все этапы до «очень горячо». Теперь я почуял паленое... Я никогда не слышал, чтобы искусственный мозг — даже самый совершенный, на молекулярной основе — мог подняться до высот понятия «личность» или «безличие». Лотта-кальмар поднялся. Отсюда сами собой напрашиваются выводы, предположения. Начнем с предположения, что та штуковина на эйратере — действительно контейнер. Для перевозки «обособленного мозга», а не детеныша спрута, как мне подумалось вначале. Но это был какой-то супермозг. Не по размерам, а по начинке, разумеется. Во время катастрофы его предоставили самому себе, и он благополучно затонул на двухкилометровой глубине. Но не разбился. И рассмеялся: «Так вот в чем прелесть полетов в небо...» Питательный физиологический раствор ему заменила морская вода, насыщенная кислородом и органическими веществами. Возможно, он и создавался с целью использования в какой-нибудь биомашине для исследований океанских глубин. Возможно, он был даже оснащен плавничками-ресницами. Но ползать на обломках эйратера скоро наскучило. К тому ж, привыкший к оживленным сутолокам в громадных лабораториях, он тяготился безлюдьем. Поразмыслив своими синтетическими извилинами, он решил раздобыть себе что-нибудь вроде ездового коня. Выбор пал на кальмара. Полонив детеныша гиганта-архитевтиса, супермозг «Лотта» каким-то образом связал себя и развивающийся мозг кальмарчика нейронными канальцами едва ли не на уровне синапсов. Своеобразный симбиоз живого с синтетическим. Кальмар «умнел» буквально не по дням, а по часам, таскал наездника по океанским безднам, и оба были довольны. «Наездник» перестроил нервный аппарат «коня» по своему подобию, однако в зеркально отраженном виде, отдал ему все знания, опыт, перелил, образно выражаясь, всю информацию из своих хранилищ в чужие, и, самое главное, **передал ему свою индивидуальность.** Это и была та самая **ошибка...** Кракен превратился в мыслящее, но глубоко несчастное существо...

— Грэг,— окликнул меня Болл.— Ты, кажется, решил переделать вопрос?

— Вопросов не будет. Наоборот, я собираюсь кое-что посоветовать кракену.

— Вот как! — изумился Болл.— Сыщики-гангстеры! Нам ни-

когда не простят, если мы не выпотрошим до конца говорящего спрута.

— Он уже так выпотрошен, что мне его становится жалко. Я хочу его успокоить. Или убить... Смотря, как он отреагирует на мой совет.

— Грэг, я должен подробно записывать все, что сейчас происходит. Это очень любопытная вещь для науки.

Я прилепил последнюю букву и вытер пальцы.

— Пиши, Свен. Диктую. «Не обманывай себя: теперешнее состояние необратимо».

Динамики выдали несколько знаков и смолкли.

— Ну, что там, Свен?

Молчание.

Я обернулся. Болл снимал с настольной лампы затемнение. Наконец ответил:

— Ничего. *«Я ушла»* — и больше ничего.

— Как ушла?

— А вот так и ушла. Пора бы знать, что женщины не любят опрометчивых советов.

— «Бездна-Д-1010», вызываю на связь. Я — «Волна», я — «Волна», вызываю на связь. Прием...

Я подошел к микрофону. Взял. В руках — неприятная дрожь.

— Я — «Бездна», я — «Бездна»... «Бездна-Д-1010» слушает «Волну». Прием...

— Доброе утро, ребята! — бодро приветствовал нас голос Дуговского.

Я с тоской посмотрел на залепленный буквами акварин и дернул рубильник внешнего освещения. На фоне вспыхнувшего жемчужного зарева черные буквы казались траурной вороньей стаей.

— Доброе утро, шеф. Что нового? Прием.

— Четыре года назад «Ладога» совершала спецрейс из Санкт-Петербурга в Мельбурн, имея на борту контейнер для транспортировки биоаналоговой системы «Сенсолинг-4». Кроме сопровождавшей контейнер группы научных работников, на эйратере находился руководитель отдела высшего моделирования Александр Кером...

У меня зарябило в глазах, ноги подо мной ослабели, и я вынужден был сесть в кресло. Больше я не слушал Дуговского. Я вспомнил.

...На песчаной дорожке колыхалась теневая сеть тополиной листвы. Парк наполнен мириадами летающих пушинок. Без устали кружатся, кружатся, сбиваясь в рои и сугробы, срываются с места вдогонку за легким капризным хозяином-ветром, несутся куда-то, не зная куда и зачем.

Я снимаю пушинку у Лотты с волос и сдуваю в общий хоровод.

— О чем ты думаешь, Лотта?

Помедлив, отвечает:

— О тебе, о себе... О нас с тобой. И еще немножко об отце.

Вздохнула... Она всегда почему-то вздыхает, когда говорит об отце.

— Ты сегодня поссорилась с ним?

Молчит. Значит, поссорилась.

— В институте?

Кивнула. Значит, расскажет.

— Понимаешь, Игорь, у него опять неудача. Как только биоаналог — так неудача...

— Если дело касается биоаналогов...

— Нет, нет, погоди! Я и без тебя знаю, что бионетика топчется в этих вопросах на месте. Но отец предполагает, что только он и Алан Чэйз из Мельбурна близки к решению этой проблемы. Сегодня он предложил мне стать прототипом своей пятой системы.

— Но ты, я вижу, не согласна,— рассеянно заметил я.

Меня удивительно мало волновали проблемы бионетики даже мирового значения. Особенно сегодня, когда пушинки тихо садились на волосы Лотты.

— Да, я отказалась. Они так страшно молчат...

— Кто?

— Биоаналоги. После наложения матрицы прототипа они почему-то замыкаются в себе и отказываются выполнять задания экспериментаторов. Может быть, оттого, что они начинают чувствовать себя живыми? Отец говорит, что это неправда, что искусственный мозг остается просто машиной, но я уже не верю ему... Мне кажется, что сенсолинги — так называет их отец — это совершенное подобие живого мозга. Три года назад с меня сняли матрицу для сенсолинга номер четыре... Сегодня я хотела взглянуть на него, однако отец решительно воспротивился. И я не знаю, чем объяснить...

Я посмеялся над страхами Лотты и закрыл ей рот поцелуем...

— Прием, прием!..— выкрикнул Дуговский.— «Бездна», почему не отвечаете? «Бездна»... Прием!..

— Конец передачи! — крикнул я и ударил по клавишам.

Подбежал к аквариу и с силой смахнул пропитанные глицерином буквы. Едва взглянул поверх пустынного дна, бросился к пульту.

Это было последнее, что я отчетливо помнил на станции...

Микрофон раскачивался перед лицом, как воротник огромной кобры. Быть может, это не он раскачивался — я сам. Раскачивался и кричал. Дрожал от крика, безумствуя горлом:

— Лотта-а-а, верни-и-сь!!! Лотта!!! Лотта-а-!..

И все нашаривал пальцами регулятор громкости.

— Лотта-а! Лотта-а-а!!! Верни-и-сь!!!

Кажется, плакал.

Болл поволок в каюту. На диване я, уткнувшись в подушку, утих. А где-то внутри — раскатами:

«Ло-о-о... Го-го-о!!! Верни-ии-сь... Го-го-го!!!»

Вскинулся пружиной, выскочил в салон. И — прямо в люк... Сорвал одежду, растерзал пакет... Давление вминает ребра.

Вода освещена прожекторами. Кружатся, точно хоровод огней. И Манты кружатся — пушинки тополиные... А я, как сорванный кленовый лист, падаю в темные бездны. И вокруг грохочет, не утихая:

«Лотт-а-а-а!!! Верни-и-и-сь!!! Ого-го-о-о!!!»

Будто бы голос Болла слышу. Не будто бы, а реально. Говорит кому-то:

— Ничего страшного, за него я спокоен. Заработался, двое суток не спал.

Ему резко ответили:

— Я врач, и в ваших советах, мистер Болл, совершенно не нуждаюсь.— И кому-то другому, тоном ниже, но повелительно: — Перенести больного в изолятор!

— А я сказал: оставьте здесь! И улетучивайтесь из моей каюты!

Молодчина, Свен! По-товарищески,..

Я открыл глаза и, свесив ноги с койки, сел. Значит, он приволок меня в бункер, сделал усыпляющий укол и поднял в мезоскафе... Ну что ж, все как будто бы правильно. А вот и Дуговский... Я поднялся навстречу.

Дуговский обнял меня и, не обращая внимания на присутствующих, потащил из каюты. Где-то крикнули:

— «Роланд» подходит!

Все заторопились на корму.

Люди что-то кричали и махали огромному белому кораблю. А я стоял и, не отрывая глаз, смотрел себе под ноги. На аккуратно сложенные щупальца и неживые тусклые глаза...

Кто-то сказал:

— Сегодня утром загарпунили. Всплыл под самым бортом. Тонны полторы — не меньше...

Я опустился на колени и погладил холодную, скользкую руку гиганта, защищенного радиацией.

— Это он...— сказал подошедший Болл.

Нас обступили.

— Интересуетесь? — спросил высокий синеглазый человек.— Хороший экземпляр. Препарировать будем.

Болл крепко держал меня за запястье.

Я высвободил руку, поднялся. Сказал синеглазому:

— А мозг постарайтесь не повредить. Передайте его в Санкт-Петербургский институт бионетики, Керому. Это мозг его дочери... Очень любопытная вещь для науки.

Повернулся и пошел прочь.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Отпуск я решил провести в Санкт-Петербурге. Хотелось посетить знакомые и очень памятные мне места. Рисовал в своем воображении, как я, уставший от одиночества, растворяюсь в толпе занятых собственной жизнью людей, ни с кем не заговаривая, не встречаясь, бреду по набережным, мостам и проспектам, перечитывая строки архитектурных поэм огромного и всегда необычного города...

Однако отпуск начался по-другому. В первый же день мой гостиничный номер был атакован отрядом наших и зарубежных корреспондентов. Я отправил Керому ампулы от регистраторов сенсолинга, сопроводив посылку запиской с кратким перечнем обстоятельств находки, и переехал в загородный кемпинг. Но тайна моего нового убежища была раскрыта журналистами так быстро, что я пожалел: напрасно не принял приглашение Болла провести отпуск вместе с ним на безлюдных озерах северной Канады. И совсем неожиданно в кемпинге появился Кером.

Я вышел из палатки, повесил у входа табличку «Свободно». Обернулся и увидел его, идущего по хвойному насту, поставил у ног саквояж, подождал. У меня в кармане был билет на самолет в Варшаву, до отлета оставалось три часа.

Кером приближался неторопливо, прихрамывая. Высокий, как всегда респектабельный, с горделивой осанкой. Ослепительно белый костюм, белая шляпа и неизменный светло-розовый галстук. Пристальный взгляд серых внимательных глаз, седина на висках, загорелые скулы... Обнял меня, тяжело навалившись грудью. Сказал:

— Прости, мой мальчик. Я за тобой. Самолет на Варшаву сегодня уйдет без тебя.

Я смотрел в его по-стариковски жесткие усталые глаза. Хотел и не мог ничего возразить...

— Мы занимаемся этим не ради праздного любопытства,— говорил Кером, вышагивая по голубому ковру своего кабинета.— Мы уверены, что поиски молекулярных инструментов для овладения процессами старения человеческого организма вообще, и мозга в частности, дадут эффектный результат. Исследования последних лет позволяют ожидать крупных событий в этом секторе знаний. Нам удалось вырвать... да, вырвать проблему старения мозга из области эмпирики и поставить ее на прочную фактическую основу.

Изучение вредных возрастных изменений мозга на всех этапах его индивидуального развития, поиски средств, могущих влиять на этот процесс,— генеральная линия нашего института...

По-утиному звонко закрякал гудок вызова. Кером нажал клавиш селектора:

— Алевтина Ивановна, предупредите сотрудников, что я очень занят.

— Александр Карлович,— возразил женский голос.— Прошу извинить, но в приемной вас дожидаются гости из Англии. Профессор Мерих...

— Виноват,— перебил Кером,— миллиард извинений, но даже для Мериха я сейчас не мог бы сделать исключение. Придумайте способ занять англичан на тридцать-сорок минут. И отключите, пожалуйста, все мои телефоны.

— Так вот,— продолжал Кером, глядя куда-то в пространство поверх моей головы,— именно ради этой гуманной, благородной цели мы вынуждены создавать в своих лабораториях биоаналоги мозга реально существующих людей...

— Да,— сказал я.— Существуют живые люди и существуют гуманные цели. И еще существуют средства для достижения этих целей. Кто дал вам право выбирать средства, руководствуясь лишь собственными, возможно, неверными соображениями?

— Никто. Занимаясь этой проблемой, мы вторгаемся в бездну неведомого, идем впереди собственных знаний. Идем иногда почти вслепую. Естественно, правовой аспект наших исследований пока скрыт в тумане неведения. И если не считать философских концепций, поступающих из ведомств научной фантастики, мы не представляем себе, какая система общечеловеческих взглядов утвердится по результатам наших работ.

Он прав... К сожалению, наверное, прав...

— Результаты ваших работ уже ощущаются даже на дне океанов. Вас это не настораживает?

— Очень волнует. Мы получили доказательство того, что биоаналоги организованы на порядок выше обычных моделей мозга, построенных на белковой основе. Кто мог предполагать, что они способны проявить такую самостоятельность в действиях!

— Иными словами, случайно вы создали нечто такое, что выходит за пределы вашего разумения.

— Положим, не совсем случайно... Как это часто бывает в науке, отвоеванные в борьбе с неведомым крупицы знаний не только не становятся решением проблемы в целом, но расширяют и углубляют ее. И даже открывают перед исследователями одну или несколько новых проблем. Вдруг выясняется способность биоаналогов самостоятельно передавать заложенную в них информацию другим белково-мозговым системам!.. Мы это обязательно используем.

Я вздрогнул.

Возбужденно лавируя между разноцветными мягкими креслами, Кером нечаянно задел и опрокинул одно из них — белое. Быть может, Лотта любила сидеть именно в нем...

— Вы,— сказал я,— уже собираетесь использовать то, чего еще не успели толком осмыслить. В таком случае, будьте готовы к тому, что я постараюсь вам помешать. Я подниму на ноги мировую прессу и заставляю ее дебатировать этот вопрос. Думаю, общественность планеты заинтересуется тревожными предупреждениями очевидца. Вы вправе возразить, что закрыть уже открытое невозможно. Но это и не входит в мои намерения. Просто я хочу, требую, умоляю: не забывайте хорошенько обдумывать и обсуждать возможные последствия ваших чудовищных экспериментов. Во имя памяти вашей дочери, Кером!

Я поднял кресло и поставил на прежнее место. Кером, казалось, о чем-то думал, глядя себе под ноги. Внешне он был спокоен. Но крылья ноздрей его орлиного носа нервно подрагивали.

— Ты и я,— сказал он,— мы оба потеряли самого близкого нам человека. Не знаю, кому тяжелей, тебе или мне... Я стар, мой мальчик, и уже не дождусь решения проблемы долголетия. Однако пока я дышу, не оставлю эту работу — дело всей моей жизни. Не мог бы оставить, даже если б хотел, и ты, конечно, понимаешь, почему... Моя работа перешла в такую стадию, когда необходим расширенный эксперимент. Да, с участием человека. Этим человеком буду я, потому что эксперимент может окончиться для подопытного мозговой катастрофой... Нет, нет, помолчи, дай мне сказать все до конца. Математические и белковые модели в этом отношении не могут соперничать с живым человеческим мозгом, и пусть мой маленький секрет останется строго между нами... Так вот, во имя памяти Лотты я предлагаю тебе союз. И даже шире: во имя идеи.

— Это будет странный союз... Я не враг вашим идеям, но то, что я сказал, остается в силе.

— Ты сказал: «Обдумывать и обсуждать последствия»... Много ли проку, если обсуждать и обдумывать будут сами экспериментаторы? Почти никакого. В науке работает много горячих голов. Вроде моей. Ты прав, назревает необходимость как-то согласовывать направленность наших экспериментов с общечеловеческой моралью. В связи с этим предвижу возникновение новой научной дисциплины. Я бы предложил назвать ее «этической эргономикой»[1]. Дисциплина, надо прямо сказать, эвристическая...

Я слушал Керома со все возрастающим удивлением. Он совершенно очевидно подсказывал мне путь к практической реализации того, что стихийно зрело в моей голове. В замкнутый круг лабора-

[1] Эргономика изучает всевозможные системы «человек-машина».

торных исследований подключаются звенья эт-эргономики. Это отдушина, через которую узкоспециальная идея подготавливаемого эксперимента становится достоянием самой широкой общественности, фокус, в котором сосредоточиваются мнения, отклики и пожелания относительно этики этих идей. И наконец, это авторитетный орган, которому предоставляется право последнего слова для этической характеристики того или иного научного замысла. В заключение Кером сказал:

— Я развиваю эту мысль не потому, что считаю этический контроль над моими работами приятной необходимостью. О нет, я преследую другую цель. Становится понятным, что научный прогресс в области моих исследований без дальнейшего развития пока еще однобокой человеческой морали просто невозможен. Близится время, когда мы будем в состоянии искусственно создать сложноорганизованное живое существо. К сожалению, эта перспектива шокирует не только дилетантов. Даже в среде ученых процветают враждебные настроения. Я очень надеюсь, что эт-эргономика, занимаясь вопросами этического планирования наших работ, тем самым будет способствовать возникновению и утверждению новой человеческой морали. Как видишь, я не колеблясь готов отдать в руки наших оппонентов довольно грозное оружие. И мы — я имею в виду бионетиков — заранее честно предупреждаем, что собираемся использовать это оружие в своих целях. Игра в открытую. Будущее покажет, кто победит. Лично я не сомневаюсь в исходе поединка.

Ну это еще неизвестно, подумал я. Вслух сказал:

— Спасибо за лекцию. Ваша откровенность пригодится мне в сегодняшней беседе с журналистами. Эт-эргономика, этический контроль... Очень неплохая идея!

— Своевременная,— подтвердил Кером. И неожиданно добавил: — А первым эт-эргономиком в штате нашего института я хотел бы видеть тебя. Блюститель старой человеческой морали и основоположник новой... Каково!

— Меня эт-эргономиком?..

— Да, именно тебя. Соглашайся.— Кером невесело улыбнулся.— Более удобного случая свести счеты с бионетикой не представится.

— Хорошо... я подумаю.

— И последнее,— сказал Кером.— Прежде чем ты уедешь в Варшаву, я просил бы тебя составить подробный письменный отчет о твоих наблюдениях за поведением этого... ну... разумного кальмара, что ли. Возможно, мне понадобится этот материал для разработки плана нового эксперимента.

Ну вот, подумалось мне. Эт-эргономика, где ты?..

В Варшаву я сумел вылетать только через неделю. Все эти дни

меня не покидало странное ощущение, будто я стою на берегу огромного океана, ошеломленный неотвратимо надвигающимся грозным приливом. Хозяин этого океана — Кером. На правах хозяина он вторгается в бездну неведомого, в абиссальную глубь загадок и тайн искусственно творимой им живой материи. А я, омытый с головы до пят первой приливной волной, стою и не знаю, что будет дальше. Будет ли соблюдена гармония и человечность...

Из международного аэропорта Варшавы я, не задерживаясь в городе, направился в аэропорт внутренних линий. В справочном бюро узнал, что самолет на Сопот уходит через несколько минут. «Сегодня вы еще успеете на пляж. Желаем вам приятного отдыха!»

В Сопоте лил дождь.

Я купил в аэропортовском киоске плащ-куртку из какого-то мягкого полупрозрачного материала. Куртка была тесновата в плечах. Я поднял воротник и вышел на стоянку таксомотора. Открыл дверцу первой попавшейся машины, плюхнулся на желтое сиденье.

— Вам куда? — спросил водитель, дожевывая бутерброд.

— Все равно. Я здесь впервые.

— Мое дело маленькое, но если у вас нет знакомых в «Мимозе», советую прямо в «Патроль». Это немного на отшибе, зато великолепный дикий пляж и свежее пиво с самого утра.

У меня не было знакомых в «Мимозе», и я ничего не имел против свежего пива с утра. Наш розовый в шашечку «Хиум» с огромным никелированным бампером вылетел на автостраду, ведущую к морю.

Мы неслись вдоль побережья, обгоняя двухэтажные пассажирские автоллеры. На крышах автоллеров, под дисками ночных светильников и прямо на бетонных плитах шоссе пестрели надписи, буквы которых кричали о близком уже дне открытия сопотского фестиваля песни. Водное пространство Гданьской бухты было скрыто завесой дождя.

«Латерна» — легли поперек шоссе метровые буквы.

«Самое популярное в Сопоте танц-кафе» — это по обочине.

А дальше совсем уж интригующе:

«Подумай и остановись!»

Я, не раздумывая, попросил водителя остановиться. В незнакомых местах это иногда бывает даже интересно.

«Хиум» подвернул к обочине, замер у одной из бетонированных тропок, ведущих к большому сооружению, похожему на покосившуюся, готовую упасть стопу тарелок. С фасада эту стопу подпирал стеклянный сегмент, а сверху вместо крыши нависал огромный изогнутый «ласточкин хвост».

Я оставил свой визит-бланк водителю и выразил надежду, что он сумеет устроить мне номер с видом на море.

— Нет ничего проще,— заверил он,— в «Патроле» работает мой двоюродный брат. Я сам отнесу ваш багаж прямо в номер.

— Ну, если вас не затруднит... Один момент: этот сверток я захвачу с собой. До свидания.

Людей в кафе было много. И даже, по-моему, слишком много. Преимущественно молодые и почти все в таких же плащ-куртках, как у меня, только с рисунками. Танцевали, курили, за стойками пили что-то из высоких бокалов через соломинки. Я протолкался к стойке, спросил сухого шампанского и парочку груш. С детства питаю слабость к этой разновидности фруктов и сейчас с удовольствием съел бы их больше, но грушам был не сезон, а эти были явно оранжерейного происхождения. Как-то неудобно обращать на себя внимание завсегдатаев кафе, лопая у них на глазах лакомства, стоимость которых на фоне остальных цен казалось, мягко выражаясь, чрезмерной.

Я доедал последнюю из двух, когда вдруг рядом сквозь музыкальный шум услышал: «Наглец!» и беглый треск пяти или шести пощечин.

— Эй, парень,— сказал я.— Оставь-ка девушку в покое.

Музыка как раз умолкла, и мои слова прозвучали, видимо, громче, чем нужно. Вокруг меня стало заметно свободнее: кто ступил шаг назад, кто просто отодвинул локти, нашлись такие, кто даже слез с табурета. В общем, стало гораздо просторней, я понял почему, но не успел насторожиться: на опустевший табурет взобралась девица с фиолетовыми волосами, каждый локон которых уложен был тщательно, не без изящества, но как-то уж очень по-кондитерски — гладко и клейко.

— Спасибо, друг,— сказала она, подмигнув мне подкрашенным глазом.

— Пожалуйста. Только, наверное, не за что.

Плащ-куртка ее густо разрисована космическими кораблями и звездами. Кораблей, по-моему, больше.

— Со мной тебе бояться нечего,— заявила она.— Гек вспыльчивый парень, но если я захочу, он ходит на полусогнутых.

— Я не боюсь. Как тебя зовут?

— Ирена. А тебя?

Я сказал. От нее исходил сладковатый, приятный запах духов.

— Груш хочешь? — спросил я с надеждой.

Мне хотелось груш, а вместе с девушкой я свободно мог себе это позволить. Ирена согласно кивнула. Лакомиться грушами на глазах у вспыльчивого Гека — в этом было что-то от старояпонского харакири. Ирена, наверное, не знала, что такое харакири, но что такое женская месть, она понимала отлично.

Мы пили тативак — довольно крепкий коктейль, который пьют одновременно из двух бокалов через две соломинки. Ели груши и переглядывались. Ирена заговорщически улыбалась.

— Тебе нравится тативак?

Да, мне нравился тативак.

— А я тебе нравлюсь?

— Конечно.

Я сказал правду. Кроме тативака и груш, мне нравятся девушки, которые умеют ответить на грубость пощечиной. И вообще, мне нравился сегодняшний день. Потому что такие безмятежные дни выдаются не часто. И еще потому, что я знал, вернее, предчувствовал, что этот день окончится вовсе не безмятежно. Из-за свертка, на который я опирался локтем...

— Ты неплохо говоришь по-польски,— сделала мне комплимент Ирена, который, впрочем я вряд ли заслуживал.— Ты из «Аквариума»?

— Да, что-то в этом роде.

— Как ты находишь Бегги Флор?

— Она восхитительна.

— Фи, у нее слишком худые и длинные ноги.

— Да, есть немного...— пошел я напопятную.

Я никогда не видел Бегги Флор, но слишком худые и длинные ноги мне в самом деле не нравились.

— А-а, догадалась! — Ирена хлопнула в ладоши.— Ты летчик лунной флотилии. Не спорь, это тебе не поможет!

Я спорить не стал. Изобразил на лице готовность быть кем угодно.

— Потанцуем? — спросила Ирена.— Ты умеешь ба-да?

Я посмотрел в зал: танцевали попарно, взявшись за руки, на прямых, как ножницы, негнущихся ногах.

— Пойдем. Это я сумею.

Мы танцевали, пили тативак и опять танцевали. Ба-да — примитивный танец, но было весело. Потом кончился дождь, и народ повалил из кафе. За опустевшей стойкой мы с Ireной выпили еще по бокалу шампанского и тоже направились к выходу. У выхода нас встретил Гек. Один. Я почему-то думал, что он будет поджидать меня со своими друзьями.

— Иренка,— сказал Гек.— Иренка, с кем ты связалась... Я узнал его,— он ткнул в меня пальцем,— это человек-каракатица.

Такого оборота я не ожидал. Наверное, Гек читает газеты, и наверное, ему попадались газеты, в которых был помещен наш с Боллом «семейный» портрет, а под портретом... Чего там только не было под этим портретом.

Веселье кончилось, на меня смотрели любопытные глаза Ирены. Лучше бы Гек затеял драку.

— Я кое-что забыл в кафе,— сказал я Ирене.— Подожди меня, если хочешь, я скоро вернусь.

Сверток лежал на стойке рядом с пустыми бокалами,. Я хотел спросить двойную порцию коньяка, раздумал и выпил шампанского.

У выхода, как это и должно было быть, меня уже никто не ждал. Я подошел к обочине шоссе и стал высматривать такси. Меня окликнули сзади — голос похож на голос Ирены. Оглянувшись, я увидел, что это не Ирена. Незнакомая девушка сунула мне в руки бумажный листок и молча удалилась. У нее были длинные, но вовсе не худые ноги.

Я взглянул на листок. Записка: «Новая, 77, квартира 9. Ирена». Подкатило свободное такси.

Я сел на заднее сиденье, сказал: «Поехали прямо». Разорвал записку на мелкие кусочки, снял трубку радиотелефона и набрал номер.

— Слушаю,— ответила трубка мужским баритоном.

— Это институт архитектуры?

— Да, это институт архитектуры.

— Мне нужен отдел экспериментального строительства.

— Телефон, номер которого вы набрали, как раз находится в этом отделе,— терпеливо пояснил баритон.

— Простите, я не был в этом уверен. Мне нужен один ваш сотрудник...

— Нам просто повезло, что вам не понадобились сразу все,— иронически заметил баритон.

— Успокойтесь,— ответил я,— вам это и не угрожало. Мне нужна Ружена Ковальская.

— Ружена?..

— Да.

Пауза затянулась. Было слышно, как в трубку дышит человек.

— Сейчас,— сказал баритон. И, обращаясь уже не ко мне: — Тебя тут спрашивают.

— Слушаю,— сказал приятный женский голос.

Я почему-то растерялся. На секунду, не более. Наверное, было в этом голосе что-то такое, отчего я растерялся, но что именно, я не мог уловить.

— Ружена Ковальская у телефона.

— Здравствуйте, Ружена... Мне нужно с вами поговорить. Но не по телефону, а... как-то иначе.

— Кто вы?

Я назвал себя. Пауза. И наконец, как эхо, ответное:

— Соболев...

Это было произнесено без восклицания и так тихо, что я почти не услышал окончания своей фамилии. И вдруг:

— Игорь Соболев?

Голос разительно изменился. Это было так, словно неподвижно сидевшая птица вдруг встрепенулась. Теперь я понял, отчего растерялся вначале: в интонациях голоса меня поразило неестественное, глубокое, как океанская бездна, спокойствие.

— Да, он самый. Я хотел бы встретиться с вами.

— Я сейчас... быстро...— Голос стал порывистым и торопливоломким.— Я через несколько минут... Но где?

— Где вам будет удобно.

— Я не знаю, где вы есть!.. Вы далеко от приморского парка?

— Не имею понятия... Впрочем, в моем распоряжении машина, я найду.

— Ждите меня у фонтана Жемчужная раковина.

— Хорошо. До встречи...

Фонтан Жемчужница венчал широкую каменную лестницу, ведущую на набережную и дальше, прямо к воде.

Отсюда открывался великолепный вид на залив, усеянный белыми парусами яхт. Я смотрел в зеленоватый морской простор и думал, что она вот так же стояла на верхней ступеньке, глядя на море с тяжелым предчувствием, упрямо ждала. И не дождалась...

Фонтан бездействовал. В чуть приоткрытых мраморных створках Жемчужницы тускло мерцал металлический шар. Пасти четырех дельфинов, откуда когда-то били упругие, твердые струи воды, покрыты ржавым налетом. Я гладил дельфинью лобастую голову, пытаясь составить в уме удобные фразы из обтекаемых слов. Фразы не складывались, слова расползались, как этот ржавый налет, и нарастала смутная уверенность, что любые слова утешения здесь ни к чему и что вообще я приехал сюда не для этого. А для чего — никто не мог бы ответить, даже я сам и даже самому себе. Просто я должен был приехать сюда, увидеть ее, о чем-то поговорить. О, бездна, если бы я знал, для чего и о чем!..

От фонтана веером уходили в глубину парка аллеи. Там над кронами деревьев возвышались башни строительных кранов и новые здания, сверкающие огромными проемами стекла. Строгое изящество архитектурных линий, устремленность ввысь. И было в них что-то от готики старинных польских костелов. Плоды архитектурного эксперимента... Плоды, которые, возможно, помогала вырастить Ружена. И мне вдруг пришло в голову, что эти странные здания и безлюдье старого парка как-то связаны с тем обстоятельством, что она назначила встречу именно здесь; и я уже видел в своем воображении бледную строгую даму в длинных и черных одеждах, вуаль на лице, в мраморно-белой руке янтарные четки... Стоп! А эти дельфины, лестница к морю, вид на залив? Ну вот, а ты — «вуаль, янтарные четки»... Наваждение рассеивалось. Я ведь заранее знал, что эта встреча потребует известного нервного напряжения, и не то, чтоб я струсил, но в последний момент мне стало чуточку не по себе, вот и все. Это пройдет.

Из боковой аллеи торопливо вышла молодая, элегантно и просто одетая женщина. Глянцевито-черная плащ-куртка, закрытый ворот летнего свитера, маленькая сумка — ремень через плечо...

Заметив меня, она сразу остановилась, словно наткнувшись на невидимую преграду, потом пошла навстречу, с каждым шагом все увереннее и быстрей. Подойдя ко мне, машинальным движением руки поправила сбитые ветром коротко стриженные темные волосы. Взглянула. Черные, умные и словно бы чего-то напряженно ждущие глаза...

— Здравствуйте,— сказала она.— Ружена Ковальская — это я.

— Здравствуйте.

Я взял ее руку и прикоснулся губами. Рука едва заметно дрогнула.

— Что вы, Игорь, у нас так давно не делают.

— Это... ну, словом, не потому, что я вспомнил старый польский обычай. Просто... так.

— Я понимаю... И благодарна вам. Я очень рада, что вы решили повидаться со мной.

— Иначе я не мог,— ответил я.

Опять этот чего-то напряженно ждущий взгляд.

— Не мог...— как эхо повторила она и добавила: — Вы тоже несчастливы...

— Дело не в этом, Ружена. Впрочем... может быть, именно в этом, не знаю.

Мы помолчали.

Мимо нас быстрым шагом прошли парень и девушка в одинаковой форме яхтсменов. Парень нес на плечах длинные весла. Уже спускаясь по лестничным ступеням, девушка вдруг обернулась и крикнула нам:

— Эй, вы! Это счастливое место! Не вздумайте ссориться здесь!

Оба они рассмеялись и побежали вниз, к берегу.

— Расскажите мне все...— с заметным усилием произнесла Ружена.— Все, как это было. Можно по-русски, я понимаю.

Я стал рассказывать, как это было. Я рассказывал долго, подробно. Ружена слушала не перебивая и, казалось, совершенно безучастно. Но это только так казалось, потому что иногда она поднимала руки к лицу и сжимала щеки ладонями, словно сдерживая вот-вот готовый вырваться горестный возглас. Я рассказывал, не скрывая и не смягчая абсолютно ничего, не щадя ни ее, ни себя,— я хорошо понимал, что сделаю доброе дело, если сумею погасить в ее глазах это странное ждущее напряжение, и смутно догадывался, что если этого не сумею сделать я и сейчас, то этого не сможет сделать никто никогда...

Незаметно подкрались сумерки. В аллеях парка зажглись гирлянды лампионов. На каменных в античном стиле парковых скамьях сидело несколько парочек. Слышался приглушенный смех. Люблю такие места, где не слышно гитарного звона и воя транзисторов... Высоко над фонтаном ярко вспыхнул голубовато-белый диск. Хими-

ческий свет мгновенно изменил тональность естественных красок. Лицо Ружены — словно арктический снег, залитый светом полярной луны. Веки опущены, губы дрожат...

— Вот и все...— закончил я, сделав на последнем слове рассчитанное заранее затяжное, но твердое ударение.

— Вот и все...— чуть слышно сказала она, повторив мою интонацию.

Я протянул ей сверток. Белые пальцы Ружены безразлично ощупали целлофан.

— Что здесь? — спросила она.

— Ласты. Его... Это традиция.

Она помолчала.

— Игорь,— сказала вдруг.— Вы опытный врач. Вы хирург. Это было очень больно, но сразу и... видимо, навсегда.

Она все поняла: мой приезд, мое намерение объяснить все до конца и ей и себе, мой умышленно беспощадный рассказ и даже заранее рассчитанное ударение... Что ж, быть может, так лучше. У нас у обоих возникла необходимость переступить чудовищную грань по эту сторону непоправимого. Но я сделал это чуточку раньше, она же делает это сейчас. И я пытаюсь помочь. Я знал: такие тяжелые раны умеет лечить только время. А я — лишь в роли его ассистента...

— Смотри, Томашек! — раздалось где-то рядом.— Они еще стоят! Я говорила, что это счастливое место!

Зазвенел, удаляясь, девичий смех.

Смеются... И правильно делают. Для них мы с Руженой — просто влюбленные. Они и не знают, что между нами лежит океан человеческих судеб. И хорошо, что не знают... пока. Потому что у них тоже будет свой океан. И мне хочется, чтобы в этом их океане было поменьше штормов, ураганов, а больше попутного теплого ветра счастливых свершений. И если в безднах новых миров у них появится надобность в крике, то пусть этот крик будет криком победы и торжества. Им дано все: суша и море, планета, солнце, вселенная, мир, ошеломительно большой, глубокий, беспредельный. Так не забудьте же собственных слов: «Это счастливое место! Не вздумайте ссориться, люди!..»

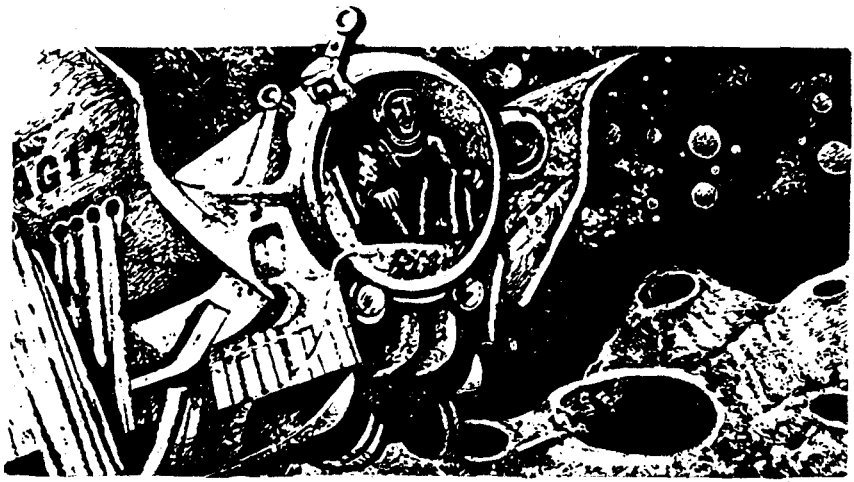
Я взглянул на Ружену. Она смотрела в вечернюю мглу над заливом. Там плыли огни уходящего в море пассажирского лайнера. Я с грустью подумал, что вот сейчас должен оставить ее и уйти.

— Игорь,— сказала она.— Расскажите мне о себе...

АМАЗОНИЯ, ЯРДАНГ ВОСТОЧНЫЙ

Фантастический рассказ

Самое приятное время поселковых суток — утро. Когда спортивная разминка веселит твое гибкое и легкое здесь, как у ребенка, тело. Когда колючие струи дýша смывают остатки смутной тревоги, навеянной за ночь какими-то неосознанными сновиденьями. Когда спокойно завтракаешь, наблюдая сквозь прозрачную стену кафе эволюцию слитка солнечного золота на громоздкой вершине Олимпа. Лавина света постепенно сползает на спины хребтов высокогорной Фарсиды...

Не успел я поднести кофейную чашку к губам — в нарукавном кармане зашелся писком инфразонник и голос пилота предупредил:

— Вадиму Ерофееву — Артур Кубакин. Первый ангар, старт в семь ноль-ноль, борт номер триста тринадцать.

Взглянув на часы, я, обжигаясь, сделал глоток (кофе был превосходный) и помчался в экипировочную первого ангара. Кубакину удалось приучить здешних спецов и ученых ценить его веское слово. Если Кубакин сказал «старт в семь ноль-ноль», то пассажир обязан был знать, что в семь ноль-одна Кубакин запросто мог улететь в столицу без пассажира. Все наши пилоты стремились подражать Кубакину, и мы, которые не пилоты, слишком часто оказывались в зависимости от их предполетного настроения.

Парни из команды шлюзового обеспечения сноровисто втиснули меня в эластично-тугие доспехи высотного костюма — ни вздохнуть, ни охнуть,— с отвратительным скрипом зарастили входной шов термостабилизирующего спецкомбинезона («эскомба» на местном жаргане) и рывком затянули металлизированные ремни. Было слышно, как на стенде контроля шипит моя кислородная маска.

— Диспетчерская — Ерофееву! — рявкнул под потолком зон-

ник внутрипоселковой связи.— Ерофеев, срочно зайдите к главному диспетчеру.

Я, уклонившись от готового опуститься на мою голову гермошлема, сказал в потолок:

— Ерофеев — Можаровскому! Адам, я уже в застегнутом эскомбе, а через три минуты выход в шлюз.

— Чья машина?

— Аэр Кубакина.

— Кубакин подождет. Беги сюда, дело срочное.

— Да что же это́,— произнес я в полном недоумении,— раздеваться мне, что ли!..

— Не надо,— сказал Можаровский.— Беги так, чего особенного.

Я разозлился:

— Беги сам, если нужно. Чего особенного!

Мое недовольство Адам игнорировал. Прежде чем диспетчерская вырубила связь, я услышал, как он сказал там кому-то: «Идет Ерофеев, идет».

Чертыхнувшись, я велел содрать с себя эскомб и поспешил наверх в высотном костюме.

Коридор, эскалатор с поворотом налево. Лифт, коридор, второй эскалатор с поворотом направо. Эскалатор без поворота и верхнее фойе с живописным «земным уголком». В «уголке» — клейкая зелень березы, вольера, в которой орали от тесноты у кормушек желтые попугайчики, эффектно подсвеченный круглый аквариум, в котором недавно сдохла последняя рыбка. Я остановился перевести дыхание. На дне аквариума бурлил султан воздушных пузырьков аэрации.

Верхний куб нашего гермопоселкового здания-пирамиды — царство диспетчеров и связистов. Мимоходом я заглянул в безлюдный кабинет Можаровского и, никуда уже не заглядывая, направился прямо в диспетчерский зал. Меня угнетало предчувствие: что-то случилось на буровой и долгожданный мой отдых в столице опять пропадет.

С этим предчувствием я вошел в зал. У западной секции обширного пульта диспетчерского терминала стояло человек восемь. Можаровский сидел — рыжая его голова пылала пожаром на фоне светящегося экрана сектора Амазонии. Когда я вошел, он зачем-то выключил экран, и все уставились на меня.

— В чем дело? — спросил я.

— Да вот, понимаешь...— проговорил Адам, освобождая кресло.

Я оглядел траурные физиономии расступившихся передо мной операторов, приблизился к пульту вплотную. На панели сектора Амазонии бесполезно мигали светосигналы автоматического вызова на связь. Буровая не отвечала. Едва я вытянул руку с намерением

включить экран — операторы, словно опомнившись, отошли и рассредоточились по своим рабочим местам. Это меня испугало. Вдруг вспомнился сегодняшний сон. Во сне я переходил покрытое мокрым снегом русло горно-таежной речушки и где-то выше по руслу с треском и грохотом лопнул ледяной затор. Уйти из-под вала высоко подпруженной талой воды у меня практически не было никаких шансов... Черт с ним — с отдыхом, лишь бы скважину не запороли.

— Почему молчит буровая? — спросил я.

Вопрос был нелеп. Можаровский, естественно, не ответил.

— Ты сядь, Вадим, сядь,— мягко посоветовал он, и эта мягкость испугала меня еще больше.

Я путался в светящемся разноцветье кнопок и клавишей — никак не удавалось «выловить» позицию с нужной картинкой, на экране мелькали обрывки цветных синусоид. Главный диспетчер смотрел на мои неумелые руки и, похоже, думал о чем-то своем. наконец посоветовал:

— Набирай команды последовательно.

Я попытался набрать полную грудь воздуха, чтобы в самой что ни на есть резкой форме высказать свое отношение к происходящему, но тугие тяжи высотного костюма вытолкнули воздушный излишек обратно. Гнев прошел. Я стал набирать команды последовательно, как школьник. Главный диспетчер ногой выкатил из-под пульта коробку для аварийных аккумуляторов, сел на нее.

Экран показал общий вид гермопоселка нашей комплексной экспедиции: среди каменистых холмов, кое-где припорошенных красным песком, черно-белое здание-пирамида — все в золотистых и багрово-огненных отблесках — и зеркально-розовые, как елочные шары, резервуары водо-газовой централи жизнеобеспечения, гофрированные полуцилиндры складов. Вид был живописный, но мне сейчас нужно было совсем другое. Мне был нужен диспетчерский пункт моей буровой. Точнее — буровой восточного ярданга Амазонии. Еще точнее — пятой марсианской буровой с индексом Р-4500. Как старший прораб пятой Р-4500 я хотел знать, что там сейчас происходит. Судя по выражению веснушчатой физиономии Можаровского, ничего хорошего там сейчас не происходило. А ведь до этого дня наша 5-Р-4500 была самой благополучной из всех марсианских разведочных скважин глубокого бурения.

Помогая мне, Адам тронул несколько клавишей — на экране промелькнула оранжевая пустыня и вдруг возникло изображение диспетчерского помещения буровой. За пультом никого не было, хотя там должна была быть Светлана Трофимова. Обязана быть. Даже отсюда видно, что на табло диспетчерского таймера еще не истекла последняя минута контрольного времени сеанса связи.

— Алло, Трофимова, Светлана! — позвал я и посмотрел на Адама.

Можаровский понял мой взгляд.

— С ней ничего не случилось,— сказал он.— Впрочем...— Он подал знак кому-то за моей спиной.— Женя, еще разок проясним ситуацию.

Оператор-связист Женя Галкин, которого я систематически обыгрываю в бильярд, приблизился к главному, быстро взглянул на меня сверху вниз круглым, как у птицы, глазом. Адам, повернувшись на своей коробке к Галкину боком, ко мне лицом, проникновенно спросил:

— Женя, ты когда включил канал на Р-4500? Вспомни с точностью до минуты.

— Точно по графику — ровно в шесть сорок пять.

— Как долго буровая не отвечала?

— Минут семь. Я перевел канал в режим автоматического вызова на связь и зафиксировал позицию вот с этой картинкой,— Женя кивнул на экран.— Трофимова появилась минут через семь. Волосы в беспорядке... В спешке выпалила то, что вы уже знаете, и убежала.

— Повтори для Вадима, он не знает.

— Вот дословно: «Извини, Галкин, здесь такое творится!.. Песков нас всех вампирами обозвал и Айдарова чуть не убил!»

— Песков Айдарова?! — промямлил я ошарашенно.— Вы что, парни!.. Разыгрываете меня, что ли?

— Погоди, это не все,— обронил Можаровский.— Кроме всего прочего, Женю потряс ее смех.

— Ну... не совсем смех,— робко возразил Женя.— После своего торопливого сообщения Трофимова странно так хохотнула и сразу выпорхнула из диспетчерской. На ее руке и белом халате была свежая кровь...

«Хохотнула, выпорхнула,— мысленно повторил я как в гипнотическом трансе.— Свежая кровь!..» Меня передернуло.

— В каком месте халат был в крови? — спросил Можаровский.

— Собственно... несколько пятен. На пальцах, на рукаве и... вот здесь, на груди..— Галкин показал где.— И пятно на щеке. У меня сразу так... подозрение, что она не в себе.

— Кто? — выдохнул я.

— Трофимова.

— Конкретнее,— потребовал Адам.— Что значит «не в себе»? Умом тронулась? Или, может быть, навеселе?

— Может быть...

— Спирт у тебя на буровой имеется? — тихо спросил Адам.— Эй, старший прораб буровых работ, я тебя спрашиваю.

Я словно опомнился. Обвел взглядом стены, чтобы легче было взять себя в руки. Процедил:

— Навеселе, говорите?

Можаровский пристально смотрел на меня.

— Ну вот что,— сказал я, чувствуя неприятное натяжение кожи на собственных скулах.— Я больше трех лет с ними работаю и уж как-нибудь каждого знаю. Кстати, Песков и Карим Айдаров — друзья. А насчет Светланы Трофимовой... это вы бросьте! За такое я ведь... и врезать могу.

Я поднялся. Галкин неуверенно отступил. Главный диспетчер повел рукой над пультом сектора Амазонии. Красиво повел, музыкально — рукой маэстро над мануалами орга́на в старинном соборе. В Воскресенском, скажем, соборе музейного городка Новый Иерусалим. Великое Внеземелье, даже не знаю, в какой точке эклиптики сейчас этот Новый Иерусалим!

— А вот сюда, старший прораб, взглянуть хочешь? — прошипел маэстро Адам, и от мерзкой его интонации глаза мои непроизвольно сузились, а кожа на скулах натянулась до хруста.— Сядь, разговор не окончен.

Сектор Амазонии ожил: организованно вспыхнули и погасли командные группы светосигналов. На экране сменилась картинка. Я узнал интерьер бурового зала, сел. И вовремя.

В глубине как всегда хорошо освещенного рабочего зала нашей Р-4500 белели накрытые цилиндрическими кожухами громоздкие барабаны для проходческих шлангов, лоснились блеском инструментальной стали аккуратно укрепленные на стендах буровые наконечники, мигали табло температурного и газового контроля. Я перевел взгляд ближе — на устье скважины. Точнее — на агрегат обеспечения герметизации забитого в устье скважины обсадного стакана. Проходческий шланг глянцевым телом питона свисал с желобчатого обода верхнего блок-балансира и, плотно обжатый сальником гермокольца, исчезал в направляющей, откуда начинался его четырехкилометровый путь по вертикали в промерзшие недра планеты. Двух секунд мне было достаточно, чтобы понять: проходки нет, буровая простаивает. О том же свидетельствовала индикация бурового процесса: в левом нижнем углу экрана светились нули. А в правом — рдела расползшаяся на серебристом полу рабочего зала глянцевитая лужа...

Уяснив, наконец, что собой представляет эта ужасная лужа, я беспомощно оглянулся. Галкин ушел. Главный все так же сидел на коробке, но смотрел куда-то в сторону от экрана. Они уже это видели. Вот, значит, в чем дело...

Словно желая подчеркнуть масштабы несчастья, кто-то оставил возле кошмарной лужи залитый кровью халат. Когда я увидел этот халат, мне показалось, будто вокруг меня внезапно исчез воздух — дышать стало нечем. Что ж это она говорила: «Песков Айдарова чуть не убил»?! Судя по размерам лужи, Песков Айдарову голову там оторвал, не иначе!..

Почти невидящими глазами я попытался всмотреться в синий кружок, который сиял возле воротника брошенного халата. Нет, на таком расстоянии букв не видно... Хотел попросить Можаровского дать увеличение на экран, но мне помешали. Пульт скрипнул звукосигналами столичного вызова, и чей-то голос напористо произнес:

— Центр — сектору Амазонии. Ну, как у вас? Нового что?

— Ничего,— ответил, взглянув на меня, Адам.— Пятая по-прежнему не отвечает. У вас что?

— Бригада медиков в сборе. Перед стартом интересуются последними новостями.

«Значит, реаниматоров вызвали»,— обреченно подумал я.

— Все по-прежнему,— повторил Адам,— ничего нового.

— А кто сегодня на пятой сменный мастер бурения?

— Вадим, кто у тебя там сменный? — переадресовал вопрос Можаровский.

— Фикрет Султанов,— проговорил я деревянным ртом.— А причем сменный, если за все отвечает прораб! Я буду на буровой раньше реаниматоров.

— Нил, когда медики вылетают? — осведомился Адам.

Длинная пауза. Можаровский не выдержал:

— Нил! Берков! Аэр стартовал?

— Стартовал медаэр, стартовал! — донеслось из столицы.— Прорабу — мои соболезнования. Ну что, конец связи?

Мне было плевать на соболезнования Нила Беркова. Я разглядывал синий кружок на пропитанном кровью халате и ждал, когда Можаровский освободился. Покосившись в мою сторону, он пояснил:

— Я тут с перепуга инициативу на себя взял — медиков без твоего ведома вызвал.

— Правильно сделал. Дай-ка увеличение на экран. Вот здесь...

— Уже смотрели,— сразу понял Адам.— Инициалы «эн пе».

По экрану расползлось увеличенное мутное изображение белых букв «Н. П.» на синем фоне.

— Блестит, но разобрать можно,— сказал он.— Видишь?

Я не ответил. Я ожидал увидеть инициалы Айдарова.

— Очевидно, халат Николая Пескова. Других «эн пе» на буровой как будто нет?

— Других нет.— Я встал. Голова у меня шла кругом.

Плохо помню, как я добирался до экипировочной и как парни из команды шлюзового обеспечения снова натягивали на меня эскомб. Все происходящее почему-то казалось мне странным действом, не имеющим ко мне отношения. Ощутив на лице холодную кислородную маску, я сделал несколько глубоких вдохов, и только после этого осознал, что в жизни моей наступает крутой поворот. Я уже не буду

прорабом. Снимут к чертовой бабушке. Я уже не буду работать на буровой. Отстранят. Теперь меня объявят персоной нон грата и предложат убраться с Марса первым же рейсовиком. Или, хуже того, вообще прихлопнут служебную визу во Внеземелье. Но самое страшное — если умрет Айдаров.

Я еще надеялся, что реаниматоры успеют. Чаще всего они успевали. С этой мыслью и этой надеждой я промчался на подвесном сиденье вдоль шлюз-потерны, состыкованной напрямую с гемолюком машины Кубакина.

Шлюз-тамбур аэра был открыт, я беспрепятственно проник в кабину. В розовом полумраке горбатились мягкими глыбами пять пассажирских кресел. Впереди отливали блеском металла амортизаторы двух пилотложементов. Я сел в ложемент второго пилота, зафиксировался и посмотрел на Артура. Его ложемент находился чуть впереди слева от моего.

— Здравствуй,— сказал Кубакин скучающим голосом. Лицевое стекло его гермошлема было поднято, а кислородная маска, опущенная на поворотных фиксаторах, оранжевой плошкой висела под подбородком.

— Привет,— сказал я и тоже поднял стекло. Маску опускать не стал, потому что в кабинах здешних аэров постоянно ощущается характерный для Марса «букет» неприятных запахов.

— Когда садятся в ложемент второго пилота, у первого обычно спрашивают разрешение,— заметил Кубакин.

Это верно, обычно спрашивают. Первыми здороваются с пилотом и очень вежливо заручаются разрешением сесть в ложемент, лететь в котором удобнее, чем в кресле, потому что лучше обзор.

— На буровую,— отрезал я.— Пулей!

Несколько мгновений пилот разглядывал меня в зеркало заднего вида. Я тоже уставился в его желтые, как у кошки, глаза. Он шевельнул рукоятками управления на концах желобчатых подлокотников. Гулко захлопнулся гермолюк, машину тряхнуло, с шипением сошлись створки шлюз-тамбура. Кубакин вызвал на связь транспортного диспетчера:

— Выполняю рейс первый столичный. Прошу старт.

— Отменяется,— сказал диспетчер.— Выполняйте первый на пятую Р-4500, Амазония, ярданг Восточный. Старт разрешаю.

Рывок вдоль ствола катапульты, шумный выхлоп. Я зажмурился от обилия дневного света, хлынувшего в кабину сквозь прозрачную выпуклость блистера. Невыносимо тонко ныл мотор, грудь сдавливало тяжестью ускорения, впереди ничего, кроме светло-желтого неба, не было видно.

В бортовых бунках со звонким шелестом сработали механизмы синхронного наращивания плоскостей, и в обе стороны, как всегда неожиданно, выметнулись, блеснув на солнце, очень длинные, ро-

зовые, по-чаячьи изогнутые крылья. Корпус поколебало судорогой аэродинамической встряски, тяжесть исчезла. Артур Кубакин, накренив машину, заложил глубокий вираж, и слева по борту вдруг вынырнула вздыбленная под крутым углом обширная горновулканическая страна. Дымящийся под невысоким утренним солнцем ландшафт выглядел первобытно и мрачно. Мрачный ландшафт, мрачное настроение. Мрачный пилот.

Я пытался представить себе, как все это могло случиться на буровой. Не знал, что и думать. Тракам моего воображения было просто не за что зацепиться. Кровавую стычку как следствие «неуправляемой ссоры» (гипотеза Можаровского) я начисто исключал, потому что своих людей знал лучше, чем собственные пять пальцев. Насмешник и шутник-задира Карим Айдаров в принципе мог бы вспылить. Резкий жест, резкое слово... Но Коля Песков, голубоглазый добряк богатырского телосложения, в роли героя «неуправляемой ссоры» совершенно не смотрится, хоть так его поверни, хоть этак. Скорее он, действительно, напоминает слона, который, по выражению Светланы, «готов безропотно таскать на себе бревна тягот геологоразведочного бытия все двадцать пять часов в сутки». Не совсем, правда, безропотно, поскольку Песков очень болезненно переживает любую несправедливость, и в этом смысле бывал иногда мнителен и капризен, как девушка. Ссор избегал. В драках не участвовал. Не в последнюю, разумеется, очередь потому, что на буровой 5-Р-4500 драк отродясь не бывало. Кроме того, Песков и Айдаров друзья. Пять лет работают вместе, и делить им, кроме забот о глубоком бурении в здешних условиях, нечего. Но это с одной стороны. С другой — страшный халат Николая, ужасная лужа, сорванный радиосеанс. «Извини, Галкин, у нас тут такое творится! Песков Айдарова чуть не убил!» Чушь какая-то!.. Конечно, ранить или даже убить можно чисто случайно. Для Карима и для меня это, впрочем, слабое утешение...

На маневр разворота ушел весь запас высоты, и теперь наш розовокрылый аэр низко летел над западным склоном Фарсиды. Даже слишком низко, пожалуй. По причине сильной разреженности атмосферы Марса здешние авиаторы — изумительные мастера бреющего полета. Кубакин — мастер из мастеров. Он же постоянный лидер соревнований по экономии полетного энергоресурса. Чем ниже — тем экономичнее полет наших птиц. Я стал смотреть на быстро мелькающие под носовой частью блистера верхушки скалистых бугров. Черные базальтовые глыбы, полузасыпанные песками цвета ржавчины и глинистой пылью цвета битого кирпича. Экономя энергоресур, Кубакин, похоже, готов был вспороть базальты Фарсиды опорными лыжами: перед носом аэра на неровностях склона уже трепетала, словно добыча в когтях у орла, крылатая тень.

Пружинно вздрогнув, машина качнулась с крыла на крыло. Ка-

бина дернулась и резко накренилась вправо, а слева по борту — под самым изгибом крыла — иззубренным лезвием промелькнул гребень стены обрыва.

— С ума сошел?! — выкрикнул я, хватаясь за подлокотники ложемента.

Артур не ответил. Я чувствовал, как все его существо излучало сквозь оболочку эскомба флюиды непримиримости.

— Если я тебе в тягость, так хоть себя пожалей!

— Ремень застегни,— отрезал пилот.

То ли мой окрик подействовал, то ли Кубакин и в самом деле решил себя пожалеть, но аэр постепенно выровнял крен и добрал безопасную высоту. Теперь мы шли над сильно кратерированной местностью, изрезанной извилистыми каньонами. В каньонах зловеще курился туман. Гигантские ступени застывших миллиард лет назад потоков лавы придавали ландшафту вид таинственный и романтический. Мне, к примеру, они чертовски напоминали черные руины каких-то странных ступенчатых крепостей... Низменные места здесь все еще утопали в утреннем сумраке, густые тени преувеличивали глубину провалов и кратерных ям. А дальше, на западе, уже ясно просматривалась более пологая волнистая равнина, левее по курсу вспученная оранжевыми увалами, правее — отдельными группами черно-красных скалистых холмов.

Взглянуть на Олимп мешал гермошлем: пришлось повернуть голову вправо до боли в шейных позвонках. Громадный лавовый щит высочайшего вулкана отсюда казался мне подвсплывшей над неровностями горизонта подводной лодкой немыслимого размера, а смягченные расстоянием обводы вулканического конуса представлялись обводами ее рубки, выше которой были только просторы желтого неба. Впрочем, там, выше конуса, даже атмосферы не было. Практически не было. Уж и не знаю, как и на чем могла держаться возле вершины блеклая полоса полупрозрачных облаков... Внезапно я осознал, зачем мне понадобился Олимп: я прощался с планетой. И когда я это осознал, под сердцем что-то дрогнуло и упало. Я понял, что близок к состоянию полной внутренней капитуляции. Нехорошее, мутное, недостойное человека ощущение. В такие минуты мужчины плачут. Я разозлился. Как-нибудь сумею обойтись без Марса, если Марс надумает обойтись без меня. И точка.

В шлемофоне заныл сигнал вызова. Сквозь свист мотора пробился голос главного диспетчера:

— «Чайка» триста тринадцать, на связь!

Одним движением Кубакин вскинул на лицо кислородную маску, чтобы плотнее «сел» внутри гермошлема ларингофон:

— Я — «Чайка», бортовой номер триста тринадцать, Артур Кубакин.

— Вадим... слышишь меня? — спросил Можаровский.

Не знаю, какие нервные силы управляют термодинамикой моего организма, но в этот момент я похолодел от макушки до пят.

— Что?! — выдохнул я.— Карим?..

— Нет-нет! — спохватился Адам.— Буровая по-прежнему не отвечает, все как было.

Термодинамический эффект сработал в обратную сторону — мне стало жарко и душно. Я очень боялся вести с буровой.

— Все как было,— повторил главный.— Где вы там? Успели скатиться с Фарсиды?

— Пересекаем Ржавые Пески подножия.

— Зону аккумуляции эолового материала? — уточнил Адам.

— Если угодно,— ответил я и, слегка удивленный его лексической осведомленностью в области ареоморфологии, глянул вниз, на извилистые узоры дюнного поля. Вдруг догадался: он ловит наш «зайчик» на включенной там у себя автокарте маршрутного сопровождения. Я предложил: — Хочешь картинку?

— Нет. Есть сообщение: медики выруливают на буровую с юга. Сейчас они на широте горы Павлина. Вы опережаете их, по моим расчетам, на десять минут.

«Лучше бы наоборот»,— подумал я. Думать о предстоящей работе реаниматоров на буровой было равносильно пытке. Я постарался отвлечься.

— Спасибо за информацию.

Навстречу неслись и стремительно исчезали под днищем кабины волнистые гряды пропитанных ржавчиной и припорошенных инеем дюн. Царство Ржавых Песков. С ледовой шапки марсианской арктики к подножию колоссального горного вздутия, называемого Фарсидой, ежедневно стекают студеные ветры и волокут сюда все, что им удается содрать по пути с равнинных просторов Аркадии и Амазонии. Даже небо здесь розовое от постоянно взвешенной в воздухе красной пыли. Я смотрел на прыгающую по верхушкам дюн трепетную тень аэра и уже не ждал от главного ничего, кроме обычной формулы прощания, как вдруг он огорошил меня вопросом:

— Вадим, сколько людей у тебя сегодня на буровой?

— Ты как будто не знаешь!

— Сменные мастера Фикрет Султанов и Дмитрий Жмаев,— невозмутимо стал перечислять Адам.— Бурильщики Николай Песков, Карим Айдаров. Инженер-коллектор Светлана Трофимова,..

— Не ошибись, их пятеро на буровой.

— Вот мне и хотелось бы знать, чем каждый из них должен был заниматься в шесть сорок пять утра.

— Я сам ломаю голову над этим.

— Ты гадаешь, что могло там с ними случиться,— возразил Можаровский.— А я спрашиваю: чем каждый из них обязан был заниматься перед утренней связью.

— В шесть тридцать дневная вахта меняет ночную. Принимает скважину, проверяет оборудование в рабочем зале, актирует результаты бурения...

— Извини, Вадим, кто бурил ночью?

— Султанов, Песков.

— Значит, на смену пришли Айдаров и Жмаев? Кстати, как это у вас происходит? Под звуки курантов все четверо встречаются в рабочем зале?

Я помедлил с ответом.

— Встречаются пятеро.

— Что, и Графимова тоже?

— А с чем же ей, по-твоему, выходить на связь!

— Понятно...

— Светлана долна быть в курсе всех производственных дел на буровой.

— Понятно,— повторил Адам.— Значит, ты вправе предположить, что утром все пятеро членов твоей команды общались в рабочем зале?

— Да. По крайней мере, так бывает обычно.

— Результат их сегодняшнего общения — лужа крови, «чуть не убитый» Айдаров и затяжное молчание буровой... Послушай, Вадим, не странно ли, что в этой луже плавает халат Пескова?

— Странностей хоть отбавляй.

— Если Трофимова сказала правду, было бы куда логичнее увидеть в луже халат Айдарова, верно?

— Светлана лгать не станет,— отрезал я.

— Тогда почему халат не Айдарова?

— Наверное, потому, что никому и в голову не пришло раздевать прямо в зале тяжело раненного человека. Куда логичнее поскорее доставить его в каюту.

— Судя по размерам натекшей лужи, с ускоренной доставкой что-то не получилось,— резонно заметил Адам.— Выходит, чтоб снять халат с пострадавшего, время у них было.

— Пострадавшим считаешь Пескова?

— И Айдарова,— добавил главный.— Обоих. Такая обширная лужа крови на одного — слишком много, черт побери!

— По-твоему, Песков чуть не убил Айдарова, а Айдаров — Пескова? — пробормотал я, плохо соображая в этот момент.

— Айдаров — вряд ли. Давай припомним, что говорила Трофимова. «Извини, Галкин, здесь такое творится! Песков нас всех вампирами обозвал и Карима Айдарова чуть не убил!» Сам видишь, мог ли Пескова Айдаров.

— Ну а... кто же Пескова?

— Остальные.

— Остальные?! — Мне показалось, я схожу с ума. Остальные —

это Светлана, серьезный, уравновешенный Дмитрий и мудрый Фикрет — наш ветеран, мой надежный помощник.— Но Пескова-то за что?!

— Мотив пока неизвестен,— высказал соображение главный (я даже представил себе, как он там пожал плечами и дернул рыжей, как марсианский пейзаж, головой).— Однако в сообщении Трофимовой есть очень странный намек: Песков их всех вампирами обозвал. Всех, заметь!

— Заметил. И чего в этом...

— Может быть, и ничего,— перебил Можаровский.— А вдруг он знал, что говорил?

— Бред какой-то!..

— При тебе он когда-нибудь ругался такими... таким вот образом?

— Песков никогда не ругается — он по натуре своей не агрессивен. Вампиров, вурдалаков и упырей при мне он ни разу не поминал ни в какой связи. И что из этого следует?

— Только то, что сообщила Трофимова. Кроткий как голубь Песков взбунтовался один против всех. Ты склонен Трофимовой верить? Мы — тоже. Опираться будем на голую логику.

— А если Песков просто спятил, как вы тогда вместе с ней голой, выглядеть будете?

— Насчет Пескова — спятил он или нет — можно только строить догадки,— сухо возразил Адам.— А вот насчет Трофимовой... Ее «портрет», изумивший Галкина, запомнил? Чего молчишь?

Логическая западня захлопнулась. Я молчал от ошеломления, непонимания, страха. Не далее как вчера я оставил на абсолютно благополучной буровой пятерых совершенно нормальных людей. И не просто людей — товарищей своих, друзей, с которыми бок о бок... все эти годы. Перед сном, во время вечернего сеанса связи, я долго разговаривал со Светланой. Она была как всегда мила, остроумна. Нам бывает скучно друг без друга, хотя, когда мы вместе, я очень устаю от той иссушающей сердце неопределенности, устранить которую почему-то не в силах ни я, ни она... И вот сегодня ни свет ни заря «благополучная» буровая обернулась притоном безумцев!..

— Адам, а может, все они чем-нибудь отравились?

— Годится. Но что это меняет?

— По сути — ничего, ты прав. Нашу беседу слышит еще кто-нибудь?

— Естественно. Кубакин, например.

— Кубакин — ладно, свой человек. Еще кто?

На этот раз уже главный помедлил с ответом.

— Нашу беседу координируют из столицы.

— А!..— сказал я.— Привет Гейзеру Павволу.

Есть у нас на Марсе оракул такой, на всякий случай. Работает системным аналитиком и прогностиком. Когда возникает нужда, он и его коллеги просчитывают нестандартные ситуации. Это чтобы повысить степень нашей готовности к любым неожиданностям. Ну спасибо, парни, повысили — все поджилки трясутся.

— Вадим! — окликнул меня Можаровский.— Куда исчез?

— Никуда. Стараюсь взять себя в руки.

— И еще не забудь взять в руки оружие. После посадки пилот выдаст тебе пистолет из бортового сейфа.

— Сам придумал?

— Мы так решили. Для твоей безопасности на буровой.

— Идите вы... со своим решением.

— Это мне идти. Гейзер Паввол отключился. Его, между прочим, на совещание вызвали.

«Вот как! — подумал я.— Весь Марс на ноги подняли».

Впереди, над волнистой линией близкого здесь горизонта вспыхнул солнечный зайчик. Блеснуло коротко, но светло и ясно — будто вспыхнуло на солнце чистое зеркало. Это уже верхушка здания буровой. Вернее — антенна системы спутниковой связи «Ареасат», похожая на маленький зеркальный парус. Через две-три минуты машина сядет — и я наконец узнаю, в каком состоянии раненый. Или раненые, если их действительно двое.

— Кубакин! — позвал Можаровский.

— Слушаю! — быстро откликнулся тот.

— Артур, Ерофеева без оружия из кабины не выпускать!

Я встретил в зеркале желтые огоньки глаз пилота.

— Иду на посадку,— предупредил он не столько, надо думать, меня, сколько диспетчера.

Аэр с головокружительным креном вошел в разворот над оранжевым, мягко всхолмленным «блином» пустыни.

— Жди Ерофеева,— напутствовал пилота Можаровский,— кабину не покидай. Вадим, будь осмотрителен, действуй без риска.

Я пытался высмотреть на вираже приметный здесь ориентир — группу линейных борозд выдувания. Группу неглубоких ветровых долин. То, что мы называем ярдангами. Пока я соображал, где их искать, вставший дыбом «блин» Амазонии закатился куда-то назад и, неожиданно вынырнув из-под слепящего солнца, ухнул вниз. Меня слегка замутило, я впрыснул в респиратор дыхательной маски мятный аэрозоль. Машина выпрямилась и, неожиданно вынырнув из-под слепящего солнца, ухнул вниз. Меня слегка замутило, я впрыснул в респиратор дыхательной маски мятный аэрозоль. Машина выпрямилась и, клюнув носом, пошла на снижение вдоль прямолинейной, как городской проспект, долины — центральной в группе из трех чисто вылизанных ветрами долин-ярдангов, разделенных между собой узкими грядами.

Исполосованное тенями ложе ярданга с бешеной скоростью уносилось под днище аэра, а впереди вырастало в размерах черно-белое с золотистыми отблесками здание буровой, охваченное с тыла тремя рядами зеркал гелиоустановки. Заранее освобождаясь от ремней, я ощупывал взглядом стены стремительно вырастающей трехступенчатой пирамиды. Не знаю, чего я ожидал увидеть. Не было заметно никаких странностей, буровой комплекс выглядел обыкновенно. Впрочем, бодрости мне это не добавило.

Излишек площади несущих плоскостей аэра со скрежетом втянулся в бортовые бунки. Опустив стекло гермошлема, я ждал посадочного толчка. Свист мотора сменило шипение тормозной воздушной струи, и, как только амортизаторы приняли на себя удар опорными лыжами, я вскочил и, пригнув голову, чтобы не стукнуться о потолок, кинулся к выходу. В шлюз-тамбуре меня остановил закрытый люк.

— Артур, в чем дело?

— Возьми оружие,— сказал Кубакин.

— Открой немедленно, время идет!

— Возьми оружие,— спокойно повторил пилот.

Я повернул обратно и минуту наблюдал, как сложно отпирается кодированный оружейный сейф.

— Пользоваться хоть умеешь? — запоздало осведомился мой мучитель, подавая мне глянцево-черный паллер в желтой и тоже лоснящейся глянцем кобуре.— Полезная штуковина.

Кобуру я не взял. Выхватил из нее тяжелый паллер, щелкнул предохранителем и приставил ствол к гермошлему Кубакина:

— Люк открывай! Живо!

Он отшатнулся в испуге:

— Ты что... спятил?!

— Нет. Но пальцем чувствую, спуск у этой полезной штуковины очень мягкий.

— Иди, иди куда хочешь, выход открыт!

Я воткнул паллер в кобуру, которую Кубакин все еще держал в руке:

— Спрячь в сейф до следующего раза.

— Совсем ненормальный!..— бросил мне в спину пилот.

Больше никаких недоразумений с выходом не было — люк открылся. Я спрыгнул на хрусткий, обындевелый грунт и поспешил к зданию буровой. У входа в шлюз обернулся. Приподнятые крылья аэра были плавно изогнуты на концах, как хвостовые перья птицы-лиры. Вдоль ярданга висела в воздухе рыжая муть.

Пока автоматика накачивала в шлюзовой тамбур мутный от снежной пудры и глинистой пыли воздух, я раздумывал, что мне делать после термальной и моечной обработки. Раздеваться в экипировочном отсеке не стоит. Во-первых, это непозволительно долго.

Во-вторых... В общем, раздеваться не надо. И гермошлем не стоит снимать — лучше сохранить за собой преимущества автономного дыхания. На всякий случай.

В клубах пара стал расширяться светлый прямоугольник прохода в экипировочную. Сердце забилось чаще. Мне казалось, в этом отсеке меня ожидает нечто ужасное. Вперед!

Ничего не случилось. Экипировочная была безлюдной и в полном порядке.

Стараясь ступать бесшумно, я выскользнул в коридор и быстро добрался до лестничного фойе. Отсюда на второй ярус вела винтовая лестница. Там — жилые каюты. Я надавил ногой на первую ступеньку — мягким сиянием озарилась вся лестница, и зеркала отразили глянцево-розовый блик на моем гермошлеме. Впервые в этом фойе стоял человек в полной гермоэкипировке. Я отпустил ступеньку и двинулся дальше по коридору до поворота в рабочий зал. Сплошного освещения в коридорах первого яруса не было — меня сопровождала скользящая световая волна. Впереди — мрак. И сзади. И кромешная тьма в боковых проходах. Согласно опасениям Можаровского, я на каждом шагу мог встретиться с упырем. Я понятия не имел, как должна выглядеть эта нежить по фольклорным канонам, и старательно не доверял подозрительным теням. А впрочем, согласно логике Можарского и Паввола здешние упыри злодействуют под личиной моих подчиненных...

На повороте в рабочий зал я задел ногой какой-то предмет. Меня прошибла испарина. Это был заляпанный красными пятнами башмак кого-то из бурильщиков. Прочный такой башмак на толстой подошве. Второй находился далековато от первого — шагах в десяти. Мне стало до мерзости неуютно. Однако я заставил себя войти в переходный тамбур и заглянуть в хорошо освещенный зал через квадратный иллюминатор. Кошмарная красная лужа была на месте. И халат. Новый ракурс позволил мне разглядеть на полу то, чего со стороны следящего телемонитора не было видно: испачканный кровью и еще черт знает чем респиратор и кровавые отпечатки рифленых подошв. Переступив с ноги на ногу, я с ужасом вдруг ощутил, что пол в тамбуре липкий.

Почти не разбирая дороги, я вернулся в фойе. Меня мутило. Мне казалось, подошвы моих башмаков оставляют на ступеньках лестницы кровавый след. Я снова впрыснул в дыхательную маску мятный аэрозоль. Во мне крепла уверенность: жуткое происшествие на буровой — результат общего отравления всей бригады. Но чем?!

Лестница кончилась. Я стоял в холле жилого яруса. Двери кают четко очерчены по периметру белыми валиками пневмоуплотнителей. Ноги сами привели меня к двери каюты Айдарова, рука нажала кнопку сигнала. Никто не откликнулся. Я потянул дверь на себя, отвел в сторону. Вошел в залитый светом салон, убедился,

что откликаться здесь некому. Заглянул в бытотсек и в спальню. Обычная чистота, порядок...

В свое жилище я просто заглянул с порога и, бегло осмотрев соседнее — жилище Дмитрия, отворил дверь каюты Пескова. Охвативший меня в этот момент страх неизвестности оказался напрасным — был беспорядок: надувное кресло опрокинуто, журналы разбросаны, штатив столика так основательно прогнут книзу, что овал столешницы касался пола. «Падал он тут, что ли?..» — подумал я о хозяине. Он или не он, но кто-то был здесь несколько минут назад — на полу еще не просохло темное пятно от разлитой воды. Рядом валялся бокал. Чуть дальше — сифон. Возле сифона что-то блестело. Вглядевшись, я узнал разорванную платиновую цепочку Светланы. Быстро поднял свой недавний подарок, сжал в кулаке.

В каюте Светланы я подошел к столу и, нацедив воды из сифона, стукнул бокалом о лицевое стекло. А, черт!.. Я протер забрызганное стекло и почувствовал, что устал от нервного напряжения. Где раненый? Где все? Что произошло в каюте Пескова?.. Я стукнул по крышке стоящего на столе фотоблинкстера — крышка пружинно откинулась, блеснули зеркала отражателей. Над зеркалами возникло стереоизображение Аэлиты.

Все мы на пятой Р-4500 хорошо знали эту единственную в наших окрестностях базальтовую скалу — останец на вершине круглого, плотного, словно медью облицованного холма. Песков первый разглядел в этой скале... нет, сначала не Аэлиту. Сначала просто Ее. Он же повел знакомиться с Ней своего друга Карима. И пошло по цепочке: Айдаров показал марсианку Диме, тот — Светлане. Светлана — Фикрету. Наш ветеран ничего особенного не разглядел и загорелся желанием испытать чары этой скалы на мне. Увы, мне долго не хотелось тратить время на пустяки. Но однажды, вдруг обнаружив, что никто, кроме Фикрета, не приглашает меня посмотреть на занятую горку (даже Светлана ходит туда одна!), я почувствовал себя уязвленным, вывел из гаража вездеход и, форсируя двигатель, покатил по следам сакрального паломничества буровиков. Одного взгляда на вершину холма мне было достаточно, чтобы соединить случайные, в сущности, формы выветривания в одно прелестное целое,— я сразу увидел Ее... Опершись руками и грудью на глыбу дикого камня, Она глядела вдаль с выражением живого и наивного любопытства на очень молодом, немного курносом лице. На нее приятно было смотреть — как на красивого и чуточку шаловливого веселого ребенка. Казалось, тронь Ее базальтовую голую пятку — и над холмами зазвенит заливистый девичий смех. У меня побежали мурашки по коже... Я вынес из вездехода фотоблинкстер и торопливо, пока не накрыли пустыню стремительные лиловые сумерки, запечатлел марсианочку в объеме двенадцати единиц кассетного кристалла. На третий день после моего шального визита

скалу взорвали. Изыскательская группа энергетиков, ровняя площадку под опорную гелиостанцию для грядущих энергетических нужд Амазонии, напрочь снесла с холма половину останца. В тот вечер Песков закрылся в каюте и не вышел на смену. А две недели спустя мне, как прорабу, был из столицы разнос: за каким, дескать, лешим вы включили в требование по срочной грузодоставке пять букетов бессмертника и куда теперь девать этот присланный с Земли дурацкий ящик. Оставшееся время сеанса связи я изъяснялся в основном междометиями. Я понятия не имел о «нелегально» затребованных пяти букетах и действительно не знал, что делать с ящиком. Вмешалась Светлана. «Ящик разбейте о голову начальника изыскательской группы,— посоветовала она столичному функционеру,— а бессмертник отправьте к нам на буровую, как и указано в комплектной ведомости доставки технологического груза. У меня все». У нее все! «Напрасно ты надерзила столице, начальство мне этого не простит».— «Ну... как-нибудь. Пострадаешь за Аэлиту».— «Нет Аэлиты! Понимаешь? Взорвали! Для кого теперь эти бессмертные веники?!» — «Для нас!» — выкрикнула она мне в лицо и выбежала из диспетчерской. Вечером я долго вызывал ее по звуковому каналу внутренней связи. Разговора не получилось. Она пропела мне из своей каюты грудным контральто: «И тех страдальцев не забудь, что обрели венец терновый, толпе указывая путь — путь к возрожденью, к жизни новой...»[1] Последние слова утонули в рыданиях. Она сама утонула в рыданиях. Я тоже чуть не захлебнулся ее рыданиями. «О, черт! — подумалось мне тогда.— Пустынный, пыльный, сухой, морозный ярданг, а какие здесь страсти бушуют!..»

Я разжал кулак, выпустил платиновую цепочку на стол и покинул каюту.

Мне оставалось осмотреть жилище Фикрета, как вдруг в отделении прозвучал женский смех. И вроде бы голоса... Я подкрутил на темени гермошлема регулятор усилителя слышимости и шагом разведчика прокрался в фойе, откуда вела наверх винтовая лестница. Ничего не было слышно. Кроме шороха моих осторожных шагов.

В какое из двух помещений третьего яруса заходить в первую очередь, выбирать не пришлось: дверь в диспетчерскую была закрыта, а из распахнутой двери, ведущей в лабораторию, призывно падал свет... Я переступил порог.

За пультом лабораторного терминала сидела Светлана. Двое в белых халатах прильнули к ней с обеих сторон, обняв за плечи. Светились экраны, мерно пощелкивал рентгеноструктурный анализатор.

— Вот вы где!

---

[1] Стихи А. Н. Плещеева.

Двое из этой троицы обернулись (Светлана продолжала смотреть на экраны). Не сразу я узнал Дмитрия Жмаева и Карима Айдарова: халаты и лица их были испачканы кровью. На глазах Айдарова красовалась лиловая карнавальная полумаска.

Несколько секунд мы оторопело разглядывали друг друга. Я машинально поднял лицевое стекло. Издав торжествующий вопль, они внезапно бросились ко мне с протянутыми красными руками. Я попятился. Они ухватили меня и с громкими возгласами потащили на серидину лаборатории. Ошеломленный нападением, я почти не сопротивлялся, но уже прикидывал, кому и куда нанесу первый удар. В суматохе я очень близко увидел испачканное лицо Айдарова, оскал белых зубов и полусумасшедший острый блеск глаз. То, что я принимал за карнавальную полумаску, оказалось лиловым разливом чудовищных подглазных синяков. Крепко сжав меня с двух сторон, Айдаров и Жмаев в каком-то радостно-безумном возбуждении пытались кружиться, пританцовывали и оглушительно орали, призывая Светлану включиться в этот дьявольский хоровод. Я не мог понять, чего они от меня хотят, но успел отшатнуться, когда Светлана вдруг поднесла к моему лицу колбу, наполненную свежей кровью. Изловчившись, я оттянул кислородную маску и рявкнул что было мочи:

— Прекратить эйфорию!!!

Рявкнул я просто от страха, не ожидая, что крик мой подействует. Но он подействовал. Безумцы отпрянули, Светлана выронила колбу. Сосуд, глухо звякнув, стукнулся об пол, и часть его содержимого выплеснулась мне на ноги. Ломким от возбуждения голосом я спросил:

— Что здесь происходит?!

Все трое молча переглянулись. Мне показалось — с недоумением.

— Кто вас избил, Айдаров?

Карим ощупал свои «фонари» красными пальцами.

— Пустяки,— сказал он.— Это Коля резко так от меня отмахнулся. Нам представлялось, что ни одно лицо на буровой не станет резко возражать против традиционного обмазывания...

— Николай рассеял это заблуждение,— добавил Жмаев.

Я переводил взгляд с одного на другого. Я их боялся. Обоих. Мне очень не нравился шалый блеск в их глазах. И синевато-серые глаза инженера-коллектора в этом смысле мне тоже не нравились. И аномальная растрепанность ее выбившихся из-под лабораторной шапочки волос...

— Не сердись, Вадим,— сказала она и, небрежно встряхнув волосами, уронила шапочку на пол.— Мы нашли то, чего не искали и о чем никто из нас не мечтал, ну и... слегка обалдели от радости.

— Это заметно.

— Не сердись. Нас теперь на руках носить надо.

— Это я вам почти гарантирую.— Я взглянул на часы. Если Адам не ошибся в расчетах, аэр медикологов уже здесь.

— На руках,— настаивала Светлана.— Всех! И тебя.

— Уж как меня понесут, вы себе даже не представляете.

— Тебя — впереди. Как знамя.

— А можно узнать, с чего это у вас такая радость?

— О! Наша скважина на этой планете дала первую нефть!

Я подумал, что ослышался.

— К-какая еще нефть!..

— Хорошая нефть, малосернистая. Состав и плотность мы уже определили.— Она кивнула в сторону терминала.— Иди взгляни. Данные там, на экранах.

Абсурд. Я не двинулся с места. Нефть на мертвой планете под двухкилометровым панцирем морозных и мерзлых пород — полный абсурд.

Вода и жидкая углекислота — пожалуйста, хоть целое море. Но нефть!.. Это немыслимо. Сотни геологоразведочных скважин на Марсе пробурено, в том числе — четыре глубоких,— и ни малейших нефтепроявлений! Да их и не ждали. Никто никогда здесь прогноза на нефть не давал.

— Где Песков? — спросил я.— Где Султанов?

— Ты хотя бы понял, что я сказала?..

— Не волнуйся, Светлана, не надо. Спокойно...

— Да какое тут к черту спокойствие?! — удивилась она.— Нефть! Понимаешь? Большая химия Марса! Индустриальное производство хозяйственных и строительных материалов прямо на месте! Сырье для пищевых синтезаторов! Почва для планетарной филокультуры!

— Не спорю,— вставил я.— Открытие нефти безусловно превратило бы Марс в объект немедленной колонизации... не спорю.

Я развел руками, и возбуждение в глазах Светланы угасло. Пригладив волосы, она направилась к выходу.

— Нефть у твоих ног,— бросила она мне у порога, и ее каблучки зацокали по ступенькам винтовой лестницы.

Я решился на неприятный эксперимент: нагнулся, окунул палец в лужицу и понюхал эту кроваво-красную жидкость. Специфический запах нефти буквально парализовал меня. Айдаров и Жмаев с белозубыми улыбками на жутких лицах стояли поодаль и, видимо, ждали развязки. В голове у меня словно что-то перевернулось наоборот вдруг стало понятно, что произошло сегодня на буровой. Я медленно отстегнул перчатки и, ощущая легкое головокружение, начал снимать с себя гермошлем.

— Кровельный пласт проткнули, а там горизонт под давлением,— рассказывал Дмитрий, помогая мне раздеваться. Нефть

на самоизлив пошла. Фикрет глазам не поверил: нефть на нефть не похожа. Убедился, когда приподнял респиратор. По запаху.

— Не растерялся наш ветеран,— вставил Карим,— нас с Димой по тревоге вызвал, Колю окриком из шока вывел, и они вдвоем эту струю перекрыли.

— Тут и мы подоспели,— продолжал Дмитрий.— А когда стали физиономии друг другу нефтью мазать, у Николая нервный срыв случился.

— Высотный костюм оставьте на мне,— сказал я.— Только тяжи ослабьте... Так, спасибо. Где Николай?

— В каюте Фикрета,— ответил Корим.

— Фикрет его там успокаивает,— пояснил Дмитрий.

— Главное — нефть дали! — Карим улыбнулся страшным лицом.— Автономию Марсу, считай, обеспечили.

— Автономию, говоришь? — Я поднял колбу с остатками нефти, снова понюхал.— Струйку дали — и уже автономия?..

— Фонтан! — многозначительно сказал Айдаров.

С колбой в руке я сбежал по лестнице на второй ярус. Голова немного кружилась. Нефть — она кому угодно голову вскружит. Спрыгнув с последней ступеньки, я увидел Светлану. Она стояла, опершись спиной о дверь своего жилища, и смотрела куда-то мимо меня. И непонятно было, чего — или кого? — она ждала. Бесшумно открылась и закрылась дверь каюты Султанова — наш ветеран вышел в холл. Тоже со следами ритуального обмазывания на лице.

— Что с Николаем?

— Плохо ему,— сказал Фикрет и зачем-то потрогал себя за большой, испачканный нефтью, печально опущенный нос.— Разговаривать со мной не желает. Разве я виноват, что на Марсе красная нефть?!

Слово «нефть» он произносил без гласного звука и без смягчения на конце. Получалось что-то вроде «н-фт».

Я глубоко вдохнул струящийся из горлышка колбы специфический аромат и поинтересовался:

— Интуиция тебе что подсказывает? Нефти много?

— Думаю, да. Только нюхать ее... не советую.

Я и сам уже ощутил, что марсианская нефть оказывает на меня какое-то странное наркотическое действие.

— У меня до сих пор голова не на месте,— пожаловался Фикрет.

— Слышишь топот внизу?

— Кто это?..

— Бригада реаниматоров. Встречай, разбирайся.

Светлана быстро прошла в каюту Султанова — бесшумно открылась и закрылась дверь. В нашу сторону Светлана и не взглянула —

как будто нас с ветераном здесь не было. Мы выпали из сферы ее интересов.

— Теперь все станет на свои места,— добавил я уходя.

— Вадим... куда? — растерянно спросил Фикрет.

— В диспетчерскую. Из-за фонтана мы совсем забыли про Гейзера и Адама. Фонтан, конечно, не гейзер, но в функциональном смысле они адекватны.

Я рассмеялся, вылил содержимое колбы себе на голову и побежал вверх по ступенькам.

Я чувствовал, как нефть течет у меня по щекам.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЛШЕБНЫЙ ЛОКОН АМПАРЫ
Фантастический роман
Книга 1
5

ЧЕРДАК ВСЕЛЕННОЙ
Научно-фантастическая повесть
153

КОРОНА СОЛНЦА
Фантастическая повесть
213

АКВАНАВТЫ
Фантастическая повесть
299

АМАЗОНИЯ, ЯРДАНГ ВОСТОЧНЫЙ
Фантастический рассказ
435

Литературно-художественное издание

ПАВЛОВ
Сергей Иванович

Избранные произведения

ВОЛШЕБНЫЙ ЛОКОН АМПАРЫ

Фантастический роман
Книга I

ЧЕРДАК ВСЕЛЕННОЙ
Научно-фантастическая повесть

КОРОНА СОЛНЦА
Фантастическая повесть

АКВАНАВТЫ
Фантастическая повесть

АМАЗОНИЯ, ЯРДАНГ ВОСТОЧНЫЙ
Фантастический рассказ

Редактор *Л. М. Грибкова*
Худож. редактор *А. В. Гришин*
Технич. редактор *Г. В. Стачева*
Корректор *Е. А. Кокорина*

Сдано в набор 04.03.93. Подписано в печать 16.06.93. Формат 60×84 1/16. Бумага газетная и книжно-журнальная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл.-печ. л. 26,97. Уч.-изд. л. 30,57. Усл.-кр. отт. 28,36. Тираж 100 000 экз. Заказ № 4046.С 013.

Издательство «Флокс», 603000, Н. Новгород, ул. Костина, 20

ГИПП «Нижполиграф», 603006, Н. Новгород, ул. Варварская, 32

Издательство «Флокс»
в 1993—1994 годах
в серии «ЗОЛОТАЯ ПОЛКА ФАНТАСТИКИ»
издаст два тома избранных произведений
известного российского писателя-фантаста
Владимира Савченко.

В них будут опубликованы:

ДОЛЖНОСТЬ ВО ВСЕЛЕННОЙ. Роман
ОТКРЫТИЕ СЕБЯ. Роман
ПЯТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ. Повесть
ЧАС ТАЛАНТА. Повесть
ПОХИТИТЕЛИ СУТЕЙ. Повесть
ПЯТОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ГУЛЛИВЕРА. Повесть
ВСТРЕЧНИКИ. Повесть
СТРАННАЯ ПЛАНЕТА. Рассказ
ЖИЛ-БЫЛ МАЛЬЧИК. Рассказ
ПЕРЕПУТАННЫЙ. Рассказ
СИГНАЛ С ЗЕМЛИ. Рассказ
С НИМ НАДО ПО-ХОРОШЕМУ. Рассказ

Произведения этого писателя читают в Европе, Японии, Португалии, Бразилии, Канаде, США.

Издательство «Флокс»
продолжает публиковать
в серии «ЗОЛОТАЯ ПОЛКА ФАНТАСТИКИ»
цикл романов российского писателя-фантаста
Владимира Михайлова о капитане Ульдемире.

В 1993 году увидит свет только что написанный роман «ВЛАСТЕЛИН», который состоит из двух книг: «И ПРОЧИЕ УСЛЫШАТ И УБОЯТСЯ» и «ПУСТЬ ВОЗВРАТИТСЯ УБИЙЦА». Писателем задумано продолжение этого цикла.

Читатели познакомятся с новой повестью писателя «И ВСЯЧЕСКАЯ СУЕТА», в которой писатель заставляет задуматься о реалиях современной жизни.

Издательство «Флокс»
в 1994 году
в серии
«БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОЙ ФАНТАСТИКИ»
опубликует авторский сборник
французского писателя-фантаста
Джимми Гийе.

В него войдут романы:
ГИБЕЛЬ ЖИЗНИ
НА СТЫКЕ ВРЕМЕН
ВОЗВРАЩЕНИЕ БОГОВ

Это один из самых известных европейских писателей, продолжающий традиции классика фантастического романа — Жюля Верна. Им опубликовано более пятидесяти книг.

В серии
«БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОЙ ФАНТАСТИКИ»
будет опубликован авторский сборник
немецкого писателя Курта Маара,
в который войдут романы:

ТУМАН ПОЖРЕТ ИХ ВСЕХ
ТЕЛЕПОРТЕРЫ, ВНИМАНИЕ!
ФАБРИКА ДЬЯВОЛА
ОБЕЛИСКИ БЕЗ ТЕНЕЙ
ТРИ ДЕЗЕРТИРА
ИДОЛ ПАССЫ

Курт Маар один из авторов знаменитейшей «Большой космической серии» о Перри Родане. Все романы на русском языке издаются впервые.

ОПТОВЫМ ПОКУПАТЕЛЯМ
предлагаем
обращаться по телефонам:

34-05-96, 31-44-37
Телефакс (831) 342-64-17
Телекс 151143 PHLOX SU

Издательство «Флокс»
предлагает купить диапозитивы
готовых книг

Р. Хайнлайн, авторский сборник, в который вошли три романа: «ДОРОГА СЛАВЫ», «КРАСНАЯ ПЛАНЕТА», «ФЕРМЕР В НЕБЕ».

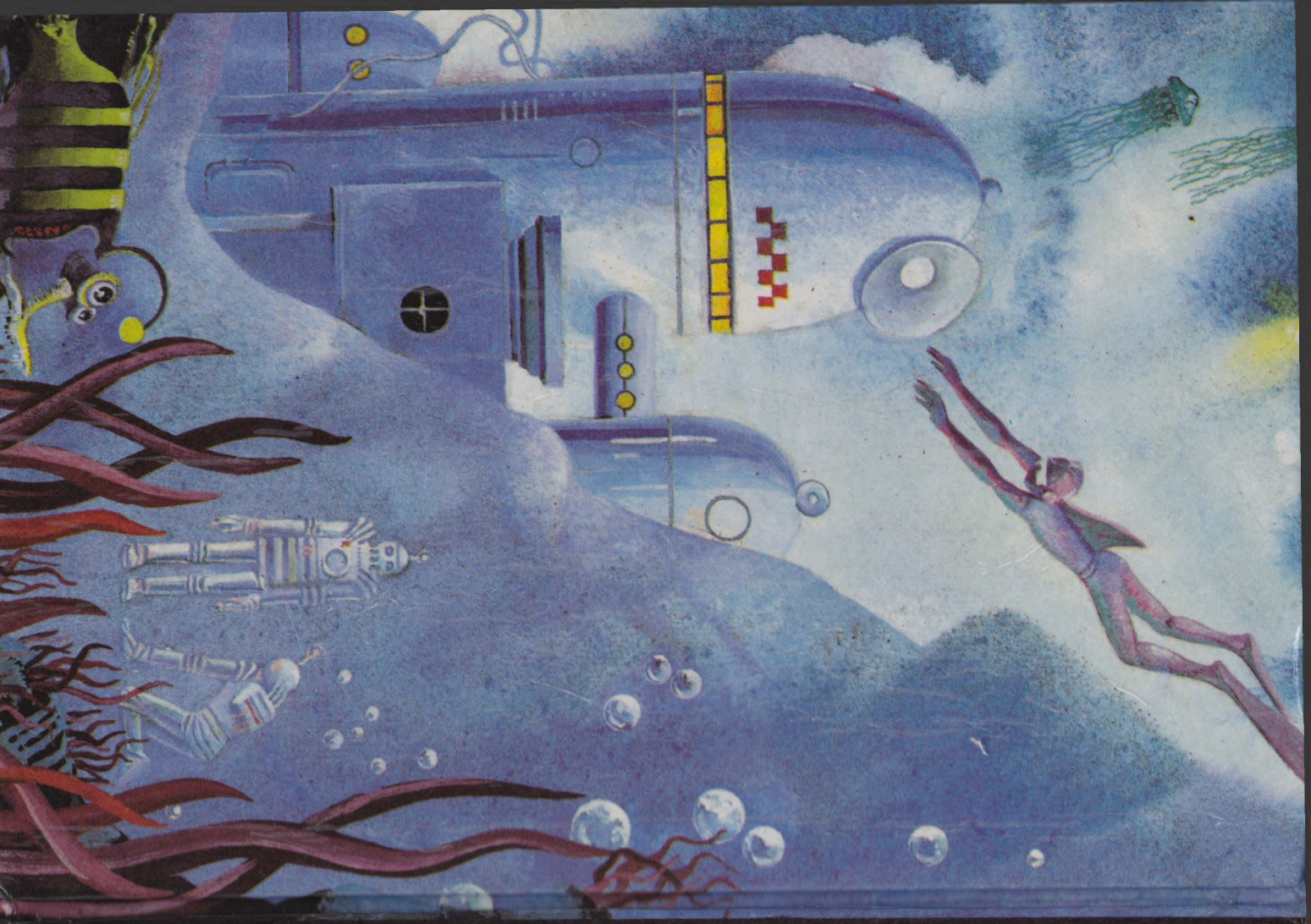
Р. Хайнлайн «ЧУЖОЙ В СТРАНЕ ЧУЖИХ»

А. Нортон, авторский сборник, в который вошли:
«ХРУСТАЛЬНЫЙ ГРИФОН». Роман
«ДРАКОН В СЕРЕБРЯНОЙ ЧЕШУЕ». Повесть
«ЖАБЫ ГРИММЕРДЕЙЛА». Повесть
«ГОД ЕДИНОРОГА». Роман
«ЯНТАРЬ ХЕЙЛА». Повесть
«КРОВЬ СОКОЛА». Рассказ

Издательство «Флокс» предлагает диапозитивы и других книг.

Обращаться по адресу:
Нижний Новгород, ул. Костина, 20, Издательство «Флокс». тел. 34-15-89

Сергей ПАВЛОВ